На развалинах третьего рейха, или маятник войны

Георгий Афанасьевич Литвин

SHOUT
SHARE
IT
WAKE

Annotation

Аннотация издательства: В своих воспоминаниях Георгий Афанасьевич Литвин рассказывает о событиях и явлениях, свидетелем и участником которых ему довелось быть. Он, солдат Великой Отечественной, многое видел и пережил. Недаром его грудь украшена орденами Славы. Автор размышляет о причинах военных неудач нашей армии и о победе, которая, абсолютно закономерно, досталась нашему народу и его доблестной армии. Автор много внимания уделяет разоблачению тайных сил мировой Закулисы, которая постоянно на протяжении многих веков противопоставляет друг другу две крупнейшие европейские нации немцев и русских. То, что произошло в середине XX века, говорится на страницах книги, не должно никогда повториться. Это противоречит интересам России, Германии и всего мира.

- Литвин Георгий Афанасьевич
  -
  - Литвин Георгий Афанасьевич
  - От издательства
  - Хранить в памяти вечно
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Послесловие

Литвин Георгий Афанасьевич
На развалинах третьего рейха, или маятник войны

Литвин Георгий Афанасьевич
На развалинах третьего рейха, или маятник войны

Размышления очевидца

Аннотация издательства: В своих воспоминаниях Георгий Афанасьевич Литвин рассказывает о событиях и явлениях, свидетелем и участником которых ему довелось быть. Он, солдат Великой Отечественной, многое видел и пережил. Недаром его грудь украшена орденами Славы. Автор размышляет о причинах военных неудач нашей армии и о победе, которая, абсолютно закономерно, досталась нашему народу и его доблестной армии. Автор много внимания уделяет разоблачению тайных сил мировой Закулисы, которая постоянно на протяжении многих веков противопоставляет друг другу две крупнейшие европейские нации немцев и русских. То, что произошло в середине XX века, говорится на страницах книги, не должно никогда повториться. Это противоречит интересам России, Германии и всего мира.

От издательства

В начале апреля 1947 года Георгий Афанасьевич Литвин занял свое место в вагоне поезда, следовавшего по маршруту Москва — Брест, далее — в Берлин. Кстати, это был его второй «визит» в Германию, но об этом его рассказ впереди. Кто помнит это время, может понять фронтовика, с каким настроением он глядел на проносившиеся картины послевоенной России. От станции до станции он видел ужасные разрушения, которые оставила в «наследство» России отгремевшая недавно война, война самая страшная из тех, которые когда-либо были на земле. В ней наш народ и наша доблестная армия нанесли сокрушительный разгром вражьей силе, накинувшейся на нашу страну из «цивилизованной» Европы и стремившийся всеми средствами разгромить и поработить наш народ.

На железнодорожных станциях он с жалостью и скорбью смотрел на небольшие группы людей, пытавшихся продать пассажирам то ли горячую картошку, то ли соленый огурец. Всем им были нужны хоть какие-нибудь деньги, чтобы справить детям обувку, одежонку. Еду эту они отрывали от себя. Это было заметно по их удрученным, изголодавшимся лицам. Измученные тяжкими страданиями в войну, они несли на себе печать неимоверных испытаний, они все еще питались впроголодь, были плохо одеты. Но мирная жизнь брала свое. Были уже заметны результаты восстановительных работ, и, самое главное, люди поверили, что жизнь наладится, если, конечно, удастся избежать скорой новой войны. Помнится, в то время слова: «Лишь бы не было войны» — являлись у нашего народа чуть ли не заклинанием. Да, это был своего рода пароль наступившей мирной жизни, поскольку наши бывшие «союзники» по антигитлеровской коалиции уже начали активно плести интриги, угрожая нам имевшимся в их распоряжении новым, страшной разрушительной силы, атомным оружием…

На войне Георгий Литвин был почти три года. Что рассказывает он о своем восприятии войны?

— Во-первых, — говорит он, — это была страшно тяжелая работа, ежедневная, без выходных. К тому ж неизбежным ее спутником была смерть. Тем не менее в душе каждого воина почти всегда искрилась надежда, что смерть его минует. Он верил в жизнь и победу. Верил, что эта война будет последней в жизни человечества. Да, верил и погибал во имя этой веры.

Воевать Георгию Литвину, кавалеру орденов Славы, довелось в авиации. Нет, наверное, ни одного из наших фронтовиков,

который бы не сказал доброго слова о штурмовиках, ибо «Ил-2», на котором Георгий Литвин совершал боевые рейды на позиции противника, действительно был незаменимым нашим самолетом, осуществлявшим авиационную поддержку наземных войск. «Работали» эти самолеты-солдаты без перерывов. Даже из-за плохой погоды и неполадок они недолго оставались на земле. Почти от первого и до последнего дня войны «Илы» были воздушным тараном для взламывания вражеской обороны, истребителями танков, достойными помощниками матушки нашей — пехоты.

Дорога располагает к воспоминаниям и размышлениям. Глядя на проносившиеся мимо картины, Георгию Афанасьевичу вспоминались бои, в которых довелось участвовать, будучи воздушным стрелком как раз на этих вездесущих «Ил-2». Поединки с асами люфтваффе были нелегкие. И во всех этих боях экипаж штурмовика, на котором он летал, выходил победителем. На его личном счету пятьдесят семь боевых вылетов и четыре сбитых истребителя.

Думая под стук вагонных колес о пережитом, Георгий Литвин снова и снова возвращался в свой полк, к своим боевым товарищам, и сердце его щемило о тех, кому не довелось дожить до Великой Победы. Все они пали смертью храбрых. Невольно вспоминалось ему и время учебы в Военном институте иностранных языков, на курсах военных переводчиков.

Как говорится, на войне человек предполагает, а штаб располагает. Война еще продолжалась. Авиационный полк штурмовиков воевал уже в Польше, когда командир объявил Литвину приказ и напутствовал его такими словами: «Учись так же, как воевал. До победы уже немного осталось. Не забывай своих боевых товарищей. Ну а знания твои, сам понимаешь, очень будут нужны после победы. Так что бывай и пиши нам!»

Георгий Афанасьевич думал о словах командира полка, и для него было совершенно неестественным представить, что вдруг его фронтовая жизнь сотрется из памяти. «Конечно, что-то забудется, — думал он, — но боевые товарищи… да чтобы их забыть, никогда!..» Он и по прошествии вот уже более чем пятидесяти лет помнит почти их всех поименно. Наверное, те чувства, которые переполняли его тогда и конечно же весьма ответственная после военная служба, за время которой ему довелось быть свидетелем и участником многих судьбоносных для СССР, Европы, всего мира событий, и подвигнули впоследствии взяться за эту рукопись…

Время летит стремительно, многое уходит в прошлое, но из памяти не возможно стереть тех страниц, что написаны кровью,

болью и страданиями миллионов, сражавшихся за свободу и независимость Родины. Эти страницы, уверен, будут перечитываться вновь и вновь. Такова природа человека. Он живет памятью. А память эта особенно крепка у ветеранов. Им есть что рассказать потомкам о прожитом и пережитом, передать крупицы своего опыта, приобщить к боевым традициям старшего поколения, предостеречь от ошибок и промахов. А главное — донести до ныне живущих и тех, кому предстоит еще жить в нашем прекрасном Отечестве, память о всех, кто навсегда остался на полях сражений за свободу своего народа.

Как уже выше упоминалось, Георгий Афанасьевич Литвин прикоснулся в свое время ко многим тайнам послевоенного строительства новой Европы. Он был рядом со многими из тех, кто это осуществлял, знал, какими они были в делах и быту. Работая в армейской разведке, он свидетельствует о том, что многое из того, что в последнее, «демократическое», время было подвергнуто ревизии и поставлено, как говорится, с ног на голову, на самом деле было и остается истинной правдой. Вот об этом он и повествует. Его исследования опираются на источники, которые хранятся в архивах как России, так и Германии, к ряду важных из них он в числе немногих из наших историков имел доступ. Так что ему действительно есть о чем рассказать. Достоинство же этого рассказа отсутствие какого-либо вымысла. Только правда — таким был его девиз при написании этой книги, поскольку, как выразился сам автор, лгать на склоне лет грешно, земля не примет, да и Божий суд не за горами.

Хранить в памяти вечно
Вместо предисловия

В мою память запала одна корреспонденция, опубликованная в газете «Правда» 25 ноября 1974 года. Называлась она «Записки из 1943 года», и речь в ней шла о четырех исписанных тетрадных листах, вложенных в металлическую табакерку, которую подобрал в войну на истерзанной боями крымской земле солдат Дмитрий Аксентьевич Гажва. Он много лет хранил эту реликвию, стараясь узнать о дальнейшей судьбе автора записки, летчика, который был сбит, попал в плен к немцам.

Вот текст этой записки. Хранилась она до недавнего времени в музее села Стецовка Чигиринского района Черкасской области. Какова судьба ее, да и самого музея ныне, мне неведомо. Хочется, конечно, верить, что память у нас беречь научились. Итак, записка:

«Дорогой товарищ! По мне полк уже, наверное, справил панихиду. А я еще совсем живой и даже свободный. Когда сбили меня, я не разбился, а вывел машину из штопора и сел на пузо, крепко стукнулся головой о прицел, без памяти взяли меня фашисты. Когда пришел в память, не было у меня ни пистолета, ни летной книжки. Сняли меня возле разбитой машины, причем так, чтобы за моей спиной на фюзеляже были видны все звездочки. Я им от злости сказал, что они все мои, чтобы они быстрей прикончили. А они, сволочи, радовались, называли меня гроссасом, связались со своим начальством, и то приказало отправить меня живым экспонатом на их трофейную выставку в Берлин. Все допытывались про нашу технику, а я им ни слова про это, только матом все крою, гнидами называю… Ночью посадили в легковушку и повезли. Сопровождал офицер и говорил, что в Берлине мне все равно язык развяжут. Я думал, что туда они меня ни за что не довезут, что если повезут самолетом, то выпрыгну из него, а если по морю, так брошусь в воду. А теперь, когда на свободе, опять жить хочется. Спасли меня крымские партизаны, их здесь, в Крыму, много. И документы мои забрали у убитого конвоира, вернули мне. Только уйти далеко от места не успели, как началась облава. Меня трое затянули, хромого, в воронку и прикрыли кураем. Обещали прийти за мной, когда утихомирится, чтобы так ждал. Видно, побили тех трех, потому что второй день их нет. Сам буду ночью лезть, только фашисты кругом ходят. Хоть одного еще уложу, хоть руками… А попал к партизанам — и у немцев не все наши враги, есть и наши друзья. Фриц Мутер или

Мюнтер передал партизанам, как и когда меня повезут. Вот как. Фамилию партизан знаю одну — Удальцов Степан, моряк-севастополец, остальные, Гриша и Федор, тоже, наверное, моряки. Если уцелеют до конца войны, найдите их, и если их не наградит правительство, так повесьте им мои ордена. Отчаянно они действуют, даже не то, что мы, хоть и летчики. Партбилет мой целый. Планшет у моего механика Коли М. Там партбилет, пусть заберет парторг. Моим на Урал пошлите письмо, что я не так просто погиб…

Еще день прошел, и я живой. Правильно немцев бьете, всю ночь бомбы сыпали, не знаю, как меня не задели. Крепко думаю за того немца, который наш. Скажу вам, чтоб знали про него, что мне сказали партизаны. Он подпольный немецкий коммунист. Вроде и еще есть такие между их солдат. Когда победите, вам партизаны про них скажут. А мы ж думали так, что все немцы нам враги. Правильно говорил замполит, что враги не немцы, а фашисты. Так, выходит, и есть. Вы фамилию у партизан узнайте, чтобы найти и поблагодарить.

Мои пусть не плачут, скажите, что не один ведь я погибаю за наше правое дело, за нашу Советскую власть и коммунизм… Спорного фрица, которого сбил с С. Б. над Керчью, причислите всего ему, пусть ему накрасят звездочку, чего тут делить пополам. Он сбил, а не я. И Миша С. пусть на меня не дуется за такую жадность. Вольфсона предупредите еще раз насчет спецслужбистов, барахлил у меня высотомер. А Ваське Подольскому за пушки спасибо, стреляли, как часы. Эх, хоть бы раз еще так пострелять. Вот и все. Прощайте. Спойте мою любимую про Варяга. Обнимаю всех. А кто передаст вам это, отдайте ему мою новую форму, все, что причитается за прошлый месяц и премию за последние 100 безаварийных, пусть там начфин не крутит — доверяю расписаться за них своему механику. Вот и все. Прощайте. И еще крепче бейте врагов. Да здравствует Советский Крым».

Эта записка советского летчика, оказавшегося почти в безвыходном положении, — своеобразный отчет. Записка-исповедь. В ней боль и ненависть. Стремление жить и бороться. Благодарность партизанам и немцу-коммунисту, своим товарищам. Он, докладывая командованию, что с ним произошло, сохраняет «военную тайну»: не называет номер полка, зашифровывает фамилии летчиков, скрывает, где находится аэродром.

Спасибо журналисту, который все-таки сумел установить, что это был летчик 790-го истребительного полка Павел Константинович Бабайлов, который 21 ноября 1943 года на

ЛАГГ-3 в паре с ведомым вылетел с аэродрома у станицы Фанталовской на Тамани для выполнения разведывательного задания в районе северо-западнее Керчи. На свой аэродром он не вернулся…

Ночью 23 ноября он, собрав силы, вылез из воронки. Прислушался к редким выстрелам. Пополз на север — к берегу Азовского моря. Там на берегу заметил лодку, из которой вышли два немецких солдата. Выждал, пока они ушли, спустил лодку и поплыл на восток, стараясь держаться от берега подальше. Так он оказался за линией фронта и 24 ноября 1943 года возвратился в свою часть.

Прочитав статью, я вспомнил об этом чудесном спасении. О нем я и мои однополчане слышали еще тогда, когда сражались вместе с Бабайловым в небе Крыма. Наши аэродромы были рядом, и мы нередко встречались.

В газете 4-й воздушной армии «Крылья Советов» от 20 августа 1944 года была опубликована заметка «Боевой счет воинов-героев». Первым в этом списке стоял гвардии старший лейтенант Павел Бабайлов, который лично сбил 27 и в группе с товарищами — 4 самолета противника. (Последней в этом списке, тринадцатой по счету, стояла моя фамилия. Там было сказано, что воздушный стрелок Георгий Литвин сбил четыре немецких истребителя.)

Работая в военном архиве Народной армии ГДР, мне довелось просматривать дневник боевых действий 17-й армии противника, действовавшей тогда в Крыму. Все думал, а вдруг удастся найти документальные следы этой истории? Нет, пока не удалось. Но там я обнаружил много донесений о действиях партизан, о том, что гитлеровцы применяли против них даже наши трофейные советские самолеты. Привлекли мое внимание и сведения, что вместе с партизанами в тылу врага в то время действовали и немцы, заброшенные нами на парашютах. Это были представители так называемого национального комитета «Свободная Германия», руководящего органа движения патриотов-антифашистов, созданного по инициативе ЦК Коммунистической партии Германии в июле 1943 года на территории нашей страны. Он включал в себя представителей различных политических убеждений из прогрессивной немецкой эмиграции и немецких военнопленных. Президентом этого комитета был поэт-коммунист Э. Вайнерт. В составе комитета были Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт и другие видные политические деятели Германии. Национальный комитет издавал газету, вел антифашистскую пропаганду через радиостанцию «Свободная Германия», направлял на различные участки

советско-германского фронта группы немецких пропагандистов, которые с помощью громкоговорящих установок, листовок разъясняли солдатам вермахта цели комитета, доказывали бесперспективность дальнейшего продолжения Германией войны. Наиболее испытанные бойцы против нацизма забрасывались в фашистский тыл. Вполне вероятно, что тот немец, о котором писал Павел Бабайлов в своей записке, был из их числа.

Много лет прошло с того памятного и долгожданного дня — Дня Победы. Кое-что забывается, но никогда не уйдут из памяти образы боевых товарищей, навечно оставшихся молодыми. Таких, как Павел Бабайлов. 14 октября 1944 года при возвращении с боевого задания его самолет попал в зону зенитного огня противника и загорелся. Летчик сумел дотянуть горящую машину до своей территории, но при посадке потерял сознание, и самолет врезался в землю.

Приказом министра обороны СССР от 5 января 1946 года Герой Советского Союза командир авиаэскадрильи 163-го гвардейского истребительного полка гвардии капитан Павел Константинович Бабайлов был навечно зачислен в списки части.

Эта прекрасная традиция — зачисление навечно в строй отдавших жизнь Отчизне — родилась в России в прошлом веке. Первый такой известный историкам факт произошел на Черноморском флоте 14 мая 1829 года. Бриг «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А. Казарского во время войны с Турцией одержал блестящую победу в бою с двумя линейными кораблями у пролива Босфор. Против 18-пушечного «Меркурия» турецкие линкоры имели 184 орудия. Несмотря на такое превосходство противника, русские моряки, искусно маневрируя и ведя меткий артогонь, заставили врага ретироваться. Навечно в состав Черноморского флота был зачислен экипаж этого героического военного судна. И сегодня люди бережно хранят память о героическом экипаже. Водные просторы бороздил еще недавно тральщик «Казарский» и гидрографическое судно «Память «Меркурия».

У бывалых воинов глаза влажнеют и голос дрожит при воспоминании о былом. Это сердечная боль от пережитого и память о тех, кто не вернулся. Мы, фронтовики, верили и знали, что судьба Родины в наших руках. Да, война была трагичнейшим периодом в жизни страны. Мы прошли трудный и сложный путь, были ошибки и поражения. К сожалению, не все понимают в наше смутное время, что огульная критика — признак бессилия, и она бесплодна, если не опирается на факты. Нельзя искажать историческую правду и умалять великий подвиг народов нашей страны, ибо тогда, в мае 1945 года, все в мире знали, что победе

над фашизмом они прежде всего обязаны советскому солдату.

Мой немецкий друг Ион фон Витцлебен (племянник генерал-фельдмаршала Э. фон Витцлебена — одного из организаторов и руководителей заговора и покушения на Гитлера в июле 1944 года), который и сам был приговорен фашистским судом к смертной казни «за измену фатерланду», чудом избежавший этой участи, говорил мне еще в 1951 году:

— Нельзя оглуплять противника, как это делают некоторые ваши писатели и мемуаристы. Поступая так, они тем самым принижают подвиг советского народа, Красной Армии. Я выходец из семьи потомственных военных, с детства приучали меня к военному делу. Окончив академию генштаба, был назначен на должность замначальника оперативного отдела пехотной дивизии. Ваши же офицеры и генералы назначались после окончания военных академий, как правило, в штабы армий и фронтов. А ведь для постижения военной науки требуется время, необходима практика. Это чудо, что в конечном итоге выросли такие талантливые полководцы и офицерские кадры и Красная Армия разгромила сильнейшую армию Европы. Правда, ценой огромных жертв.

Честно говоря, у меня почти нет аргументов отвергнуть сказанное здесь немцем. Да, враг наш был силен во всех отношениях. Тем почетнее наша победа над ним.

Русский историк В. О. Ключевский сравнивал историю с фонарем, который светит из прошлого в будущее. История — наш опыт и наша память.

Когда мы изучаем историю войн, которые вела Россия, то почти всегда находим данные, мягко говоря, о недостаточной подготовленности нашей армии к войне, грех лежит и кое на ком из высшего командования. И все же, как ни удивительно, наш народ в конечном итоге находит в себе чудо-силы и выходит победителем.

Высшее оправдание «справедливого действия заключается в защите слабых и невинных, родной земли от внешних врагов». Многие русские писатели, описывая прошедшие войны, думали и о будущем. Без истории нет нации и государства, а без патриотизма не может быть крепкой национальной армии.

Правдивая история должна опираться только на подлинные свидетельства и документы… Возьмем хотя бы такой факт.

Германия, объединенная сверху «железом и кровью», разбогатевшая в результате победы над Францией в 1871 году, становилась, по выражению Ф. Энгельса, империалистической. На глазах испуганной Европы возникал колоссальный военный механизм германской империи. Ее армия прославлялась,

прусский офицер становился воплощением военной воли. Его хоть и ненавидела просвещенная Европа, но очень боялась. Так вставала зловещая тень новой большой войны.

Первая мировая война унесла миллионы солдат и мирных жителей. Германия хоть и потерпела сокрушительное поражение, но сразу же после Версальского диктата в ней началась подготовка ко Второй мировой войне.

Перед войной, в период создания плана «Барбаросса» и в первые дни войны против СССР политические и военные руководители Германии чувствовали себя в зените могущества. Через четыре года, в 1945 году, они ощущали себя катящимися в бездну, хотя продолжали судорожно цепляться за каждую соломинку. Начало казалось им величественным и многообещающим. Конец оказался сокрушительным и для Германии, и для них самих.

Понятие «мир» сегодня, как и тогда, было надеждой человечества. Ведь речь идет о выборе между жизнью и гибелью нашей цивилизации. Безусловно, прав был Александр Твардовский, утверждая: «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущем в ладу».

Многие помнят пушкинские слова: «…Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог дал…»

Он же и воскликнул: «Любовь к родному пепелищу, любовь к отечественным гробам…» — и тем самым он коснулся тайн влияния прошлого на настоящее.

Смертельный ад, через который прошли солдаты Великой Отечественной войны, должен был быть отрезвляющей наукой для последующих поколений. В это трудно поверить читателю, но для нас, фронтовиков, создавалось постоянное впечатление, что это ежедневная работа без выходных дней, сопряженная с опасностью для жизни, но такая же, как и у людей, поднимающихся рано утром, чтобы идти на завод работать с полным напряжением сил. Правда, после нашей «работы», многие не возвращались домой, оставаясь навечно в памяти живых. Для многих участников тех сражений память о погибших друзьях, светлая и прекрасная, стала в их жизни путеводной звездой, примером служения народу.

Павшие в боях за нашу Родину не воскреснут, но они продолжают жить в сердцах родных и близких.

Вспоминая те грозные годы, фронтовики мечтали, чтобы та война была последней для нашего многострадального народа. Великая Отечественная война, ставшая самым суровым и

жестоким испытанием для нашей страны, сохранилась не только в памяти ее участников. Она во многом определила последующее политическое, социальное и культурное развитие общества и оставила на нем глубокие шрамы. Она наложила отпечаток на сознание народа, сказалась на формировании народного характера.

Победа, ее всемирно-историческое значение, возросшие в связи с этим международный авторитет и влияние Советского государства заслонили собой трагизм первого периода войны, страдания народа на всем ее протяжении. Вопрос о цене победы, причинах поражений и непомерности жертв, об ответственности за них четко и определенно не ставился долгое время.

Воспитывать человека можно только безусловной правдой. Наша страна прошла тяжелый и сложный путь, на нем было всякое. Представлять его безоблачным и радужным значило бы не только не искать историческую правду, но и умалять подвиг, совершенный народом в преодолении трудностей, сложностей, ошибок, неизбежных при движении по неизведанной и непроторенной дороге к новому обществу. А война была самым тяжелым и самым трагическим периодом в жизни нашего народа.

Нужно сказать, что еще не до конца осмыслена немцами и нами и трагедия Германии и ее народа, ввергнутого в военную авантюру оголтелым фюрером.

Война, которую мы выдюжили, — была олицетворением не только смерти и жестокости. В ту пору необыкновенно обострилось самосознание народа, чувство его ответственности, ощущение незаменимости каждого в общем строю. Мы отнюдь не были «винтиками» военной машины. Мы, воюя с врагом, верили, что судьба России в руках каждого из нас.

Все, что я пережил, видел, был участником каких событий и явлений, описываю не для себя, а для наших детей и внуков, чтобы они знали, что нам довелось перенести, добывая свободу стране и народу, и если это возможно, то не повторяли наших ошибок. Написанное мною диктовала сама жизнь, профильтрованная через собственное понимание происходящего и духа эпохи.

Мы одержали победу не только над нацистской Германией, но и над «объединенной» Гитлером Европой, мировым империализмом и мировым сионизмом. Победой мы сумели утвердить в мире престиж страны, советского общественного строя, укрепить дух народа, его уверенность в правильности выбранного исторического пути. Доказательством того может служить такой красноречивый факт. После войны страна лежала в руинах и пепле, имела всего 30 процентов экономического

потенциала США. Но за четыре послевоенных года буквально героического труда нашего народа СССР вышел на передовые рубежи по темпам роста промышленной продукции, национального дохода, производительности труда. Подняли из пепла деревни, из руин — города.

А сейчас, с нашего молчаливого согласия, за дымной завесой приватизации, народ называет ее прихватизацией, идет разгром России. Иуды, мнящие себя демократами, пока не опомнился наш доверчивый народ, спешат выполнить задание мировой Закулисы. Делают это гнусное дело они, как мы видим, с особым удовольствием, а потому и с усердием. И иначе они не могут, так как все вместе злобно ненавидят нашу страну и наш народ, желают ему погибели. Словом, идет геноцид русских, которым даже президентскими указаниями надлежит отказаться от своей национальности. Я видел по телевидению, как радовался Ельцин отмене в наших паспортах графы «национальность». Может быть, ему неприятно называть себя, как он выражается, «россиянином», но весь народ-то тут причем?..

Для реализации своих стратегических целей Запад развязал третью мировую войну. Ее полным ходом ведут против нас спецслужбы стран, входящих в блок НАТО, экономическими, политическими методами, а главное — психологическими. Главное в психологической войне — это пропаганда смерти. По планам устроителей нового мирового порядка — человеческая жизнь ничто. Не случайно пресса и особенно электронные средства пропаганды с утра и до поздней ночи смакуют убийства, разбои, насилие, наркотики. Весь расчет тут делается на то, чтобы люди привыкли к виду крови, стали равнодушными к человеческим трагедиям.

Мы одержали бессмертную победу не только потому, что были к концу войны хорошо вооружены, а прежде всего потому, что оказались сильнее духом, были убеждены в правоте своего дела.

Я думаю, что писать надо о том, что хорошо знаешь, что сам постиг, сам выстрадал. А ненавистники России и русского народа пишут вирши, подобные таким, какие можно прочитать, к примеру, в журнале «Социум» (№ 6–7 за 1991 г., статья Минкина «Чья победа»). «В 1945 году, — утверждает молодой автор, — победили не мы. Не народ. Не страна. Победил Сталин и сталинизм», «если бы победил Гитлер — погибла бы не Россия, а ее режим», «победа Гитлера стала бы поражением Сталина, а не народа. Трехсотлетие татарского ига пережили — и ничего: ни языка, ни земли, ни веры не утратили». Вот какая рабская философия, замешенная на нацистской пропаганде по ведомству

Геббельса. И это пишет еврей, которых Гитлер считал нужным истреблять всех до единого!.. Вот какая ненависть к нашей победе, которая просто противоречит здравому смыслу. Я уверен, что основная масса наших советских евреев с презрением плюнула бы в этого новоявленного разжигателя национальной розни.

История учит быть бдительным. Нужно вечно помнить о доблести и подвиге нашего народа в той освободительной войне против нашествия врагов с Запада и их подстрекателей.

Очевидцем быть вовсе не легко. Когда наслаиваются годы и годы, к сохранившемуся в глубинах нашей несовершенной памяти лично виденному и пережитому невольно подмешиваются ставшие позже известными факты и оценки, сведения, полученные из других источников.

Они, безусловно дополняют известное новыми подробностями. И все же, смею заметить, к ним надо всегда относиться критически, перепроверять их, подтверждать, если это возможно, документами.

И. В. Сталин практически управлял страной с 1923 по 1953 год. За это время из разорванной смутой страны он сумел создать великое многонациональное государство, братский союз народов, который при нем не только не распался, но сумел нанести решающий удар фашизму, спасти от него мировую цивилизацию. Сохранить и укрепить Советское государство Сталину удалось не только и не столько принуждением, а умелым, четким руководством экономикой и обороной страны.

Чтобы понять реального Сталина, нужно учитывать, что он имел православное духовное образование, был хорошо знаком с церковной риторикой о добре и зле. Он выступал против конкретного зла: частной собственности на средства производства, буржуазии, империализма, всяких оппортунистических и антипролетарских уклонов. Он мог ошибаться и в то же время умел быть осмотрительным и мудрым, имея в виду главную цель — уничтожение власти капитала, власти золотого тельца и денег, империалистического диктата. Он заботился о могуществе и благосостоянии Советского государства и трудового народа. Но неимоверно тяжелая жизнь, которую он прожил, можно сказать, во всех измерениях, коварство и низость, цинизм и жестокость многих окружавших его людей, интеллектуальное, нравственное иррациональное его одиночество сделали свое дело. Ради общего блага Сталин не жалел себя и позволял себе не жалеть тех, кто тайно жил по другим заповедям.

Есть люди, которые личное благополучие приносят в жертву

общественному. Сталин мыслил и поступал именно так. Сталин считал себя учеником и продолжателем дела Ленина. В 1947 году в беседе со Стассеном он заявил: «Впервые мысль о сотрудничестве двух систем была высказана Лениным. Ленин наш учитель..» Характерной чертой Сталина было то, что он всю жизнь учился.

В юности он был талантливым поэтом. После ухода из семинарии давал уроки математики и греческого языка. Он же овладел искусством революционера-подпольщика. Он учился журналистике, собственноручно писал острые полемичные статьи и книги. Он изучал историю, военное дело и дипломатию, организацию хозяйства и языкознание.

Людей нашего поколения покорял его аскетизм, его бескорыстие, чего в нынешних руководителях нашей страны нет. Именно такие люди — подвижники и нужны сейчас России. Патриотам нашей Родины нужно всегда помнить слова Петра I, сказанные им перед Полтавской битвой: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога — жила бы только Россия».

Сталин при всей неоднозначности его личности и жизненного пути был патриотом России! Многим из нас — ветеранов пришлось пережить диаметрально противоположное отношение к имени Сталина: от невероятного, почти божественного возвышения до полного низвержения. Культ личности сменился уничтожением этой исторической личности. Сейчас, с разгромом нашего великого государства, неутомимым строителем которого был Сталин, понимание всей сложности и противоречивости его натуры, его твердого характера снова пришло к людям. Хотя с началом так называемой перестройки был предпринят новый, невиданно доселе ожесточенный штурм этой твердыни государственности, кем являлся Сталин. По сути, это был штурм нашего государства. Денно и нощно людям со всех радиотелевизионных каналов гудели в уши, что Сталин — это ужасно, это — плохо, не цивилизованно и т. д. и т. п.

Именно в ту пору небезызвестный Р. Рейган назвал наше государство «империей зла». Наши доморощенные «демократы» с восторгом подхватили этот лозунг и вместе с врагами Отечества начали клеймить «сталинский тоталитаризм». Они прекрасно осознавали, что идея сильного централизованного Российского государства не вытравлена до конца из сознания большинства нашего народа. И они тут немало преуспели, благо что доллары на это темное дело текли из-за океана рекой.

Ныне пришло время для более всестороннего осмысления роли Сталина в нашей истории как великого государственника. Люди это осознали. Они хотят правды. И надо помогать им

находить ее.

Вспомним, к примеру, хотя бы такой факт. Ведь это Сталин на VI съезде РСДРП (б) в июле 1917 года (Ленин тогда скрывался вместе с Зиновьевым в Разливе от суда, который хотело устроить над ним Временное правительство за шпионаж в пользу Германии) впервые выдвинул идею возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, и именно в России. То есть он, как подлинный государственник, стал настаивать на создании крепкого, независимого социалистического государства, какой он видел Россию после пролетарской революции, тогда как троцкие-зиновьевы-бухарины и другие радетели сионистских теорий желали бы из граждан России подготовить этакий горючий материал для костра мировой революции.

Еще раньше, в марте 1917 года, Сталин в статье «Против федерализма» выступил против тех, кто хотел образовать из России «союз областей». Не этого ли добиваются нынешние «демократы», вопя о необходимости разделения нашей страны на шестьдесят — семьдесят «независимых государств». Им мало расчленения великого Союза. Теперь нужна для «эксперимента» Россия. Беловежских преступников-сионистов и масонов Ельцина (Эльцин), Кравчука (еврейская фамилия Фляг) и Шушкевича (белорусский еврей), разрушивших СССР, ждет справедливое возмездие. Тут можно не сомневаться. Народ все равно с них спросит за то, что они сотворили. Бывшее огромное наше Отечество — это не искусственное образование, как утверждают враги. Это плоть и кровь народа, который отдавал все, и саму жизнь, ради государства, великого братства. Это прекрасно понимал Сталин, который своими стараниями возвратил русскую Ливонию, Южный Сахалин и Курилы, присоединил Западные Украину, Белоруссию и Молдавию…

Сталин заявлял: «Всякий, кто намеревается разрушить наше государство, будь он старым большевиком, будет истребляться вместе со своей семьей и всем родом» (запись Г. Димитрова 7 ноября 1937 г.). Это было в период процессов над троцкистами и другими сионистами. В 1935 году Сталин говорил Р. Роллану, что, когда человек — политик, он все делает уже не для себя, а для государства.

Сталин расстрелял многих старых революционеров. Их настигло возмездие за прошлые их кровавые антинародные дела: расказачивание, раскулачивание, массовые расстрелы офицеров, священников и т. д.

Зиновьев залил кровью Петроград, Тухачевский травил газом мирное население на Тамбовщине, сионисты зверствовали в ЧК — ГПУ и в различных чрезвычайках. С политической же точки

зрения Сталин уничтожил «пятую колонну» в нашей стране, которая все равно бы пошла на любые сговоры, лишь бы реализовать свою военное дело и дипломатию, организацию хозяйства и языкознание.

Людей нашего поколения покорял его аскетизм, его бескорыстие, чего в нынешних руководителях нашей страны нет. Именно такие люди — подвижники и нужны сейчас России. Патриотам нашей Родины нужно всегда помнить слова Петра I, сказанные им перед Полтавской битвой: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога — жила бы только Россия».

Сталин при всей неоднозначности его личности и жизненного пути был патриотом России! Многим из нас — ветеранов пришлось пережить диаметрально противоположное отношение к имени Сталина: от невероятного, почти божественного возвышения до полного низвержения. Культ личности сменился уничтожением этой исторической личности. Сейчас, с разгромом нашего великого государства, неутомимым строителем которого был Сталин, понимание всей сложности и противоречивости его натуры, его твердого характера снова пришло к людям. Хотя с началом так называемой перестройки был предпринят новый, невиданно доселе ожесточенный штурм этой твердыни государственности, кем являлся Сталин. По сути, это был штурм нашего государства. Денно и нощно людям со всех радиотелевизионных каналов гудели в уши, что Сталин — это ужасно, это — плохо, не цивилизованно и т. д. и т. п.

Именно в ту пору небезызвестный Р. Рейган назвал наше государство «империей зла». Наши доморощенные «демократы» с восторгом подхватили этот лозунг и вместе с врагами Отечества начали клеймить «сталинский тоталитаризм». Они прекрасно осознавали, что идея сильного централизованного Российского государства не вытравлена до конца из сознания большинства нашего народа. И они тут немало преуспели, благо что доллары на это темное дело текли из-за океана рекой.

Ныне пришло время для более всестороннего осмысления роли Сталина в нашей истории как великого государственника. Люди это осознали. Они хотят правды. И надо помогать им находить ее.

Вспомним, к примеру, хотя бы такой факт. Ведь это Сталин на VI съезде РСДРП (б) в июле 1917 года (Ленин тогда скрывался вместе с Зиновьевым в Разливе от суда, который хотело устроить над ним Временное правительство за шпионаж в пользу Германии) впервые выдвинул идею возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, и именно в России. То есть он, как подлинный государственник, стал настаивать на

создании крепкого, независимого социалистического государства, какой он видел Россию после пролетарской революции, тогда как троцкие-зиновьевы-бухарины и другие радетели сионистских теорий желали бы из граждан России подготовить этакий горючий материал для костра мировой революции.

Еще раньше, в марте 1917 года, Сталин в статье «Против федерализма» выступил против тех, кто хотел образовать из России «союз областей». Не этого ли добиваются нынешние «демократы», вопя о необходимости разделения нашей страны на шестьдесят — семьдесят «независимых государств». Им мало расчленения великого Союза. Теперь нужна для «эксперимента» Россия. Беловежских преступников-сионистов и масонов Ельцина (Эльцин), Кравчука (еврейская фамилия Фляг) и Шушкевича (белорусский еврей), разрушивших СССР, ждет справедливое возмездие. Тут можно не сомневаться. Народ все равно с них спросит за то, что они сотворили. Бывшее огромное наше Отечество — это не искусственное образование, как утверждают враги. Это плоть и кровь народа, который отдавал все, и саму жизнь, ради государства, великого братства. Это прекрасно понимал Сталин, который своими стараниями возвратил русскую Ливонию, Южный Сахалин и Курилы, присоединил Западные Украину, Белоруссию и Молдавию…

Сталин заявлял: «Всякий, кто намеревается разрушить наше государство, будь он старым большевиком, будет истребляться вместе со своей семьей и всем родом» (запись Г. Димитрова 7 ноября 1937 г.). Это было в период процессов над троцкистами и другими сионистами. В 1935 году Сталин говорил Р. Роллану, что, когда человек — политик, он все делает уже не для себя, а для государства.

Сталин расстрелял многих старых революционеров. Их настигло возмездие за прошлые их кровавые антинародные дела: расказачивание, раскулачивание, массовые расстрелы офицеров, священников и т. д.

Зиновьев залил кровью Петроград, Тухачевский травил газом мирное население на Тамбовщине, сионисты зверствовали в ЧК — ГПУ и в различных чрезвычайках. С политической же точки зрения Сталин уничтожил «пятую колонну» в нашей стране, которая все равно бы пошла на любые сговоры, лишь бы реализовать свою бредовую идею разрушения России. Но случилось так, что после его смерти «верный сталинец», как он себя называл, а затем «верный ленинец», на самом же деле троцкист и подлый двурушник Никита Соломонович Перлмуттер (Никита Сергеевич Хрущев) взялся их всех реабилитировать. Причина понятна. Палач московской парторганизации (первый

секретарь МГК, с ведома кого отправляли в «расход»), хотел от всего откреститься. Но всех документов — следов своих преступлений ему, будучи Первым секретарем ЦК партии, сжечь все-таки не удалось. Так кто же на самом деле был Хрущев?

В десятитомной энциклопедии Испании «Солена» (т. 5, с. 4801) указаны его настоящие данные. Одно можно сказать, прочитав энциклопедию, что был он всегда лицемером и двурушником, хотел казаться святым чистюлей, но сам был по уши в крови.

В глубоко противоречивой личности Сталина выразился дух самой эпохи с ее социально-историческими конфликтами, потрясениями внутри страны, мировыми войнами, противостоянием разрушительных и созидательных сил. Он прекрасно понимал, что главной задачей империалистов Запада, которые в конечном итоге выполняли волю Закулисы — еврейских миллиардеров, было столкнуть Германию и СССР, разжечь пожар мировой войны, после которой два народа, себя уничтожив, позволят им безраздельно править миром.

В этих условиях, он понимал, нельзя было поддаваться на провокации, хотя он, несомненно, знал, что гитлеровская Германия, которой вскружили голову победы на западе Европы, при явном попустительстве тех же враждебных нашей стране сил готова ринуться на восток для «расширения жизненного пространства» для немцев, а фактически для тех же миллиардеров Закулисы. Он прекрасно был осведомлен, что гитлеровский режим вскормлен еврейскими банкирами, как и десанты тех еврейских революционеров из Швейцарии и США и других стран, которые нахлынули в 1917 году в Россию для создания на территории бывшей империи плацдарма, с которого они устремятся завоевывать мировое господство.

На судебных процессах по делу троцкистско-зиновьевского блока стало известно, что его участники являлись шпионами, агентами иностранных государств. Сами обвиняемые признали факты шпионажа, ибо это было зафиксировано документами. Ведь и к власти в России они пришли как агенты враждебных государств, прежде всего кайзеровской Германии, ее генерального штаба, и это тоже подтверждается сейчас подлинными документами. Активнейшую роль в планах развала России играл некий Парвус — выходец из России, получивший подданство Германии, автор «перманентной революции», наставник Ленина и Троцкого. Его программа разрушения России путем организации революционных выступлений щедро финансировалась международным еврейским капиталом. В 1905 году он на японские деньги прибывает в Петербург, вместе с Троцким

руководит Петербургским Советом рабочих депутатов. На японские же деньги помогает Ленину провести III съезд РСДРП, издавать газету «Искра». После февраля 1917 года через Германию в Россию проследовали вагоны с эмигрантами, еврейскими большевиками, щедро финансированными деньгами разведки немецкого генерального штаба.

22 декабря 1917 года состоялась встреча представителей Советского правительства (Крыленко, Володарский, Залкинд, Урицкий, Раскольников, Файербенд, Антонов, Дзержинский и другие) с немецкими военными, которые продиктовали условия, выработанные Рейхсбанком (с участием Парвуса). Германскому капиталу предоставлялось исключительное право участия в развитии угольной, металлургической, нефтедобывающей, машиностроительной, химической и фармацевтической промышленности. Предусматривалось также, что частные банки будут действовать в России только с согласия союза германских банков. В портах Петрограда, Архангельска, Владивостока и Баку предполагалось создать комитеты, укомплектованные немецкими специалистами. Условия были приняты, а 2 марта 1918 года последовала телеграмма Рейхсбанка о том, что требования денег, подписанные Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Троцким, Козловским, Коллонтай, Сиверсом и другими, должны удовлетворяться, если они скреплены подписью представителя банка. 3 марта 1918 года был подписан Брестский мир.

Писатель Фейхтвангер в своей книге «Москва. 1937 год» объяснил, почему троцкисты стали шпионами, пособниками фашизма. Сам еврей, Фейхтвангер, как никто Другой, мог понять поведение еврея Троцкого. Потерпевший поражение в борьбе со Сталиным, изгнанный из страны, снедаемый ненавистью к России, Троцкий, по словам писателя, поставил главной целью «любой ценой возвращение к власти». Ради этого он пошел на сговор с фашистами, как это следует из его беседы с немецким писателем Эмилем Людвигом в 1931 году, а также из других, приводимых Фейхтвангером, фактов.

Фейхтвангер писал об этих людях следующее: «Большинство этих обвиняемых были в первую очередь конспираторами, революционерами. Всю свою жизнь они были страстными бунтовщиками и сторонниками переворота — в том было их призвание».

Вот пример одного такого типичного троцкиста. Карл Радек (Собельсон) (1885–1939), польско-немецко-русский революционер. До революции подозревался Дзержинским и Р. Люксембург в мошенничестве (присвоении общественных денег) и провокаторстве (сотрудничестве с германским и австро-

венгерским правительствами). По настоянию Дзержинского исключен из польской, а затем и из германской социал-демократической партии.

В годы Первой мировой войны сотрудничал с Парвусом и Георгом Складцем, а через них — с германским правительством. В 1919–1924 годах — член ЦК РКП (б), член президиума Исполкома Коминтерна. С марта 1920 года — секретарь Коминтерна, ответственный за подрывную деятельность, прежде всего в Германии, Китае и т. д.

Фейхтвангер видел в Сталине, как руководителе страны, защитника еврейства в будущей войне с Гитлером. Он писал: «Раньше троцкисты были менее опасны, их можно было прощать, в худшем случае — ссылать… Теперь, непосредственно накануне войны, такое мягкосердечие нельзя было себе позволить. Раскол, фракционность, не имеющие серьезного значения в прежней обстановке, могут в условиях войны представить огромную опасность».

Сталин к началу войны имел уже колоссальный опыт политической борьбы, прекрасно знал методы работы разведки и был в курсе дел почти всех важных разведчиков, ибо обладал феноменальной памятью и огромной работоспособностью. Практически на всех руководящих постах в разведке ОГПУ и Генштаба РККА работали евреи, и резидентами внешней разведки тоже были они. Сталин уничтожил «пятую колонну» в руководстве партии, вооруженных силах. С разведкой же обстояло сложнее, хотя в ней было исключительно много предательства, измены. Вот почему он так осторожно воспринимал доклады работников разведки о надвигающейся опасности со стороны Германии. Он всегда помнил о Якове Блюмкине, убившем немецкого посла в Москве, затем при помощи сионистов скрывшемся на Украине. Известно, что он после амнистии работал в аппарате Троцкого. Став резидентом советской разведки в Азии, вступил в тайную связь с высланным из СССР Лейбой Бронштейном (Троцким), передал ему крупную сумму денег, получил от того инструкции для сторонников и шифр для переписки, но был разоблачен и расстрелян.

До этого резидентом в Турции был Георгий Агабеков. Тот был завербован английской разведкой. Агабеков захватил всю валюту и скрылся. Он выдал 400 тайных осведомителей, четверых из них подвергли смертной казни. Затем предательства Игнатия Порецкого (Людвиг Рейсе), Вальтера Кривицкого (подлинное имя и фамилия Самуил Гинзберг). В ЦК ВКП(б) было получено письмо резидента Людвига (Порецкого), который писал его под диктовку сына Троцкого Льва Седова (Троцкого). Людвиг верно служил

«интернациональному» социализму, когда были уничтожены десятки тысяч православных церквей и уничтожены миллионы людей: священников, академиков, писателей, художников, офицеров, государственных служащих, когда «красный террор» перемолол лучших людей России, когда был расстрел кронштадтских матросов, крестьян Тамбовщины, кровавые расстрелы в Астрахани, Ярославле, Орле, Сибири и на всех просторах нашей страны. Им — пламенным революционерам нравились массовые расстрелы тысяч ни в чем не повинных русских людей, но вот когда дошла очередь и до них — палачей, тут уж они завопили о «сталинском терроре». Сталин вел переговоры с немцами, стараясь не допустить войны с Германией, а это противоречило доктрине Троцкого о стравливании Германии и СССР. Вот Рейсе теперь уже не желает служить Сталину. По приказу из Москвы чекисты уничтожили Людвига, но напечатанное его письмо на Западе нанесло огромный моральный ущерб СССР, позволило троцкистам развязать кампанию ненависти против руководства ВКП(б). В январе 1941 года возмездие настигло и предателя Кривицкого в США, где он был обнаружен в отеле с признаками самоубийства.

После Октябрьской революции во власть пошли самые мерзопакостные личности. Возможность награбить Добра, занять высокое положение в обществе толкали таких на самые чудовищные преступления против своих сограждан. Все эти революционеры, местечковая нечисть, находясь под крылышком Троцкого, Зиновьева, Каменева и иже с ними, захватывали самые «теплые» места во власти. Они становились дипломатами, работниками внешней торговли, сотрудниками внешней разведки.

Одним из таких назначенцев был чекист-разведчик, г посол СССР в Греции Александр Бармин (подлинная фамилия Граф). Приход на должность наркома Н. Ежова заставил многих дипломатов вспомнить о растратах народных денег, кутежах, сожительницах, тайных контактах с Троцким. Боясь расправы, Бармин стал невозвращенцем, публично выступил с разоблачением режима Сталина, обвинив его во всех репрессиях против старых вождей революции, его соплеменников: Крестинского, Карахана, Юренева, Элиавы, Цукермана, Фехнера, Асмуса, Подольского, Островского, Геккерта, Шмита, Савицкого, Давтяна, Богомолова, Розенберга, Бродского. С подобным же заявлением выступил и посол в Болгарии Ф. Раскольников. Бармин многое знал. Под прикрытием работника внешней торговли он руководил агентурой во Франции, Италии, Бельгии, Польше. Будучи заместителем посла в Греции, он знал всех

советских разведчиков, работавших под «крышей» дипломатических работников. Этот предатель затем работал в Центральном разведывательном управлении США, и нет сомнения, что он нанес существенный удар по интересам нашей страны перед Второй мировой войной.

А вот еще один «революционер» — Лейба Лазаревич Фельдбин (он автор книги «Тайная история сталинских преступлений», псевдоним Александр Орлов).

Перед войной Фельдбин принял православие, поступил в московское военное училище. В 1917 году ему присвоили звание подпоручика, но на фронт он не стремился. Когда большевики захватили власть, он пошел в ЧК к Дзержинскому, польскому еврею. Тот собирал под свои знамена бывших уголовников, инородцев — китайцев, пленных австрийцев и немцев, латышей. Эти люди затем направлялись им следователями и надзирателями.

Фельдбин довольно быстро стал продвигаться по службе, и вскоре среди нелегалов-разведчиков появился в Европе и Лейба Фельдбин. В Париже он работал под фамилией Николаев. В 1933 году он ездил в США, где тайно встречался со своими богатыми и влиятельными родственниками, о чем не доложил руководству. Он действовал в Германии, Франции, Чехословакии, Австрии, Швейцарии, Великобритании, создавая и расширяя разведывательную сеть, организовывая убийства и похищения неугодных лиц. В 1936 году он действует в республиканской Испании под фамилией Александр Орлов. Лейба Лазаревич участвует в вывозе испанского золота в СССР, но часть драгоценных камней и металлов исчезла при его помощи.

Переход такого разведчика на сторону враждебных государств и выдача секретов, ему известных, фактически приводили к краху нашей европейской разведки, учитывая и предательство других нелегалов.

Фельдбин выдал советского агента «Этьена», который был внедрен в секретариат Льва Седова, а также сообщил Троцкому о планах его ликвидации советской разведкой. Обливая потоками лжи бывших своих подельников, Лейба Фельдбин скрывал свои собственные злодеяния.

Сталин всегда помнил и предателя Генриха Люшкова, который был удостоен личной его благодарности и был награжден орденом Ленина. Генрих родился в Одессе в еврейской семье среднего достатка. Он занимался перепродажей товаров. При установлении Советской власти в Одесскую ЧК привел его старший брат. В Одесской ЧК свирепствовали мерзавцы высочайшего класса. Дзержинский всячески способствует его

продвижению. Он работает с начальником ОГПУ Украины Балицким, а когда того назначили заместителем начальника союзного ОГПУ, он привез Люшкова и Когана — в Москву. Люшков совершил множество провокаций, истребил многих честных людей. Когда он был назначен на Дальний Восток и почувствовал, что его могут арестовать, он перешел границу и просил «политического убежища» в Японии. Предатель был вывезен в Японию. Там он выполнял задания японской контрразведки, и даже с его помощью разрабатывали план уничтожения Сталина во время его отдыха на Кавказе, но операция сорвалась. Люшков в конечном итоге был уничтожен самими японцами после капитуляции.

Предательства иудеев, свивших змеиное гнездо в органах советской разведки перед началом войны, нанесло страшный урон нашей стране.

Сейчас так называемые «демократы» сравнивают Гитлера и Сталина и особенно клевещут на нашего Верховного Главнокомандующего, а ведь тогда, в 1945 году, все молились на русских. Сейчас даже некоторые готовы приносить извинения немцам за то, что их победили в войне, которую они же сами затеяли. Коммунизм нельзя сравнивать с нацизмом. Гитлеризм, нацизм — это идеология превосходства немцев над другими народами, а коммунизм — это мечта о создании рая на земле для всех народов. Вот поэтому русский народ в основном пошел за коммунистами, ибо поверил в то, что русская идея о всеобщем благе будет достигнута таким путем. Коммунисты были в первых рядах защитников Родины: на фронтах их погибло свыше трех миллионов.

До войны наши горе-пропагандисты убеждали слушателей, что скоро восстанет немецкий пролетариат против нацистов. В начале же войны они стали подсчитывать, когда истощатся запасы нефти у Гитлера и встанут его танки и самолеты…

Но это было практически нашествие почти всей Европы на СССР под водительством немцев. Оно было отбито нашим народом. Здесь огромную роль сыграло патриотическое воспитание. Сталин прекрасно понимал, что война будет битвой народов и победить врагов можно только под патриотическими лозунгами! И сегодня для нас остается актуальным призыв: «Вставайте! Люди русские!» У меня много друзей немцев. Жаль, что оба наши народа в угоду Закулисы воевали друг против друга.

Я верю в национальное возрождение русского народа, как это произошло в Германии. Беда русских в готовности к самобичеванию и даже самооплевыванию, хотя мы — русские

всегда были готовы к самопожертвованию во имя Родины. Нельзя верить врагам России, особенно живущим среди нас, что мы народ рабов и одновременно угнетателей. И многие, как это ни страшно сегодня видеть, готовы за подачки с Запада поверить, что наша страна скопище людей неполноценных. Нужно возродить нашу национальную память, вернуть почтение к нашему великому прошлому и гордиться тем, что мы русские. А у нас есть чем гордиться!

Глава 1
Снова в Германию

Итак, я на пути в Германию. Но прежде чем начать о том рассказ, поведаю тебе, читатель, как вдруг, почти в конце войны, началась для меня не фронтовая жизнь. Первый раз мой путь в Москву проходил через запасной полк, который в то время размещался в Белостоке. Здесь собралась целая группа таких же, как и я, кандидатов для учебы. Среди этой разношерстной публики были и офицеры, и сержанты, и даже рядовые, но объединяло нас то, что все мы в какой-то степени владели немецким языком. Прибывший из Москвы преподаватель из Военного института иностранных языков при майорских погонах без лишних формальностей начал проверку наших знаний языка. Он же и принимал решение о направлении на учебу или о возвращении кандидатов обратно в свои части.

Не буду скрывать, что среди абитуриентов нашлось немало тех, кто на немецком мог лишь прокричать «Хенде хох!». Этого конечно же было совсем мало для того, чтобы попасть в Первопрестольную. Нас брали на ускоренные курсы военных переводчиков, а поэтому будущие слушатели должны были обладать достаточным словарным запасом немецкого языка.

По прибытии в Москву все мы, отобранные майором, подверглись еще более жесткой проверке. И опять были возвраты в части. Прошедших же проверку комиссия распределила по группам, определив каждому срок обучения. Кому-то хватило трех месяцев, кому-то — шести. Я оказался в последней группе и был чрезвычайно доволен. После беспрерывных боев так хотелось подышать воздухом мирной жизни.

Кстати, о моих познаниях в немецком языке. Родился я в пригородном поселке Ледное на Харьковщине. Отец был кузнецом, а мать домохозяйкой, хотя хозяйство было небогатое. Многие из нашего поселка работали в Харькове, но жизнь была трудная, и без домашнего хозяйства, в котором водилась разная живность, обходиться не могли. Так что по утрам нас будил разноголосый хор коров, коз, барашков, кур и т. д. Эх, эти детские воспоминания — куда от них деться! Они самые острые и запоминающиеся. До сих пор во мне живет запах смолы, выступавшей на бревнах, сложенных во дворе под забором. Этот штабель из толстых бревен казался мне тогда чуть ли не Монбланом. Помню, я с трудом забирался наверх и был там безмятежно счастлив от того, что стою выше всех. Словом, это

была моя первая покоренная высота…

Все это как бы к делу о моих познаниях немецкого не относится. Больше касается нашей семилетней поселковой школы, где немецкий язык нам преподавал Иван Степанович Спивак, выпускник Венского университета. Высокий, худой, он был необыкновенно подвижным человеком. Родом он был из Западной Украины. Там был призван в австро-венгерскую армию, а во время Первой мировой войны перешел на сторону русских, как он выражался, «не считая возможным драться против своих».

Кроме немецкого он вел у нас урок физкультуры. Любимой его поговоркой, помнится, была: «В здоровом теле — здоровый дух!» Немецкие поговорки и пословицы мы должны были повторять за ним хором. Он много беседовал с нами о мужестве и благородстве, приводил примеры из «Вильгельма Телля», «Тристана и Изольды», поминал «Нибелунгов». Его уроки напоминали игру. Они были очень полезны для практического усвоения немецкого языка. Видимо, в результате такой игры после семилетки я мог читать и переводить со словарем небольшие литературные тексты. Когда окончил десятилетку — читал уже многие художественные произведения в оригинале. Впоследствии интерес к знанию иностранных языков стал у меня более устойчивым. Кстати, должен заметить, что директором нашей школы был обрусевший немец, предки которого жили на Украине не один десяток лет. Он прекрасно Помнил свой родной язык и с удовольствием при случае общался с нами на нем.

Но вернусь к основной теме книги. Директивой Народного комиссариата обороны от 28 августа 1941 года при военфаке Второго Московского государственного педагогического института иностранных языков были сформированы курсы военных переводчиков со сроком обучения шесть недель, четыре и шесть месяцев. Курсами командовал полковник Сергей Константинович Нарроевский (до войны он был помощником военного атташе в Париже). За годы войны эти курсы выпустили для нужд фронта более четырех тысяч военных переводчиков. Это был хотя и небольшой, но очень важный отряд военных специалистов в действующей армии. Вот на этих-то курсах военных переводчиков немецкого языка в ноябре месяце 1944 года оказался и я.

Курсы размещались в здании бывшей средней школы в районе Таганской площади. Наша учебная группа состояла из двенадцати человек. Слушатели были разного возраста (от вчерашних школьников, в основном москвичей, имеющих среднее образование, до почтенных отцов семейств). Были среди нас и фронтовики, и офицеры, еще, как говорится, не нюхавшие пороха,

сержанты и рядовые из разных родов войск. Все мы носили свою форму: морскую, авиационную, общевойсковую. На курсах были люди различных национальностей, но большую часть составляли евреи. Последние, кстати, как правило, знали идиш, который во многом сходен с немецким языком. Это в какой-то мере и решало проблему ускоренной подготовки переводчиков.

Группа у нас подобралась дружная, без зануд. Помогали все друг другу и в учебе, и в житейских делах. Помню, однажды на занятии слушатель Пелипенко, которому трудно давался язык, замешкался с ответом. Никак не мог вспомнить одно немецкое выражение. Наш старший группы, бывший фотограф, лет сорока пяти от роду, которого мы между собой величали «папа Плахт», с некоторой подковыркой заметил:

— Ну, пора бы уже это запомнить!.. Пилипенко, всегда спокойный, вдруг взорвался и резко ответил Плахту:

— Ты всю жизнь говорил «мутти», а я «мама», чего ж ты от меня хочешь?..

Закончился инцидент вполне миролюбиво, под общий смех всех слушателей и преподавателя. И Пилипенко, и Плахт друг на друга не обиделись.

На курсах учились и «инвалиды». Так мы шутя называли тех, кто попал на учебу по протекции, как говорится: «сам в Ташкенте, а рука в Москве», а также дети высокопоставленных деятелей и генералов. Много среди слушателей было девушек-фронтовичек, но были и дочери разных начальников. Правда, должен заметить, все учились прилежно, да и вели себя хорошо. Преподавание было квалифицированное. Много часов отводилось на самоподготовку. Неплохо был налажен и наш быт, и питание. Словом, после грома войны жил я на курсах как у Христа за пазухой.

В условиях военного времени и культивировавшейся особой бдительности («Враг не дремлет!») нам, курсантам, приходилось заполнять различные анкеты, писать автобиографии и т. п. А поскольку развлечений у нас было мало, находились местные шутники, которые нет-нет да и повеселят. Помню такую историю. Однажды в класс входит Пилипенко и вдруг с порога обращается к грузину Мдивани:

— Слушай, кацо! Я был сейчас в канцелярии, носил туда свою анкету, а там говорят, что ты — Мдивани — родня самому Мдивани, известному меньшевику!.. Как бы чего…

— Эй! — воскликнул темпераментный горец. — Какой Мдивани, какой меньшевик…

Он вскочил с места и стремглав помчался в канцелярию. Там он без лишних слов выхватил из пачки свою анкету и внес туда

такую фразу: «Я ничего общего со знаменитым меньшевиком Мдивани не имею!»

Потом над ним долго потешались. Так что, несмотря на трудное время, огромную нагрузку, люди находили и повод и время шутить, смеяться. Жизнь шла своим чередом. На занятиях слушатели рассказывали о своей жизни, о боевых эпизодах, участниками или свидетелями которых они были. Этого требовали преподаватели на практических занятиях. Эти рассказы использовались для закрепления теоретического материала, поскольку они велись исключительно на немецком языке.

Мне тоже приходилось рассказывать о своей службе, о боевых операциях, в которых участвовал, о сбитых немецких асах и наградах за эти воздушные бои, у меня к тому времени были не только медали, но и два ордена Славы и другие ордена.

А Аня Каневская, прибывшая к нам на курсы с фронта, где была переводчицей, помнится, рассказала то ли быль, то ли окопный анекдот: «Два пленных немецких солдата смотрят на карту мира, затем один другого спрашивает: — Слушай, Ганс! Скажи, какая это страна?» — Он показал на коричневое пятнышко в центре Европы. — Ты что, не узнаешь? Это же ведь наша Германия!.. — «А эта огромная, страна, что окрашена в красный цвет?..» — Да это же СССР!» — «Это что же, Ганс, получается, выходит, ни Гитлер, ни его генералы не посмотрели на карту, когда нас посылали сюда воевать против русских?!»

Бывший журналист Пилипенко, о нем я уже рассказывал, поведал нам, как он воевал под Москвой и однажды в госпитале услышал от умирающего от тяжелых ранений солдата такие слова:

— Вам, братья мои, нужно обязательно устоять, вы своей грудью, как гранитной скалой, должны закрыть Москву, ибо проклятия мертвых — это страшная кара для живых!..

Но особенно запал мне в душу рассказ лейтенанта Пеняичева. После окончания педучилища он два года преподавал в начальных классах. В школе и училище он изучал немецкий язык. Но какие там давались знания — известно: немного грамматики, знание наизусть нескольких фраз, элементарное чтение и письмо. Словом, почти ничего. И вот попадает он на фронт. Воюет как все, под его командой сначала взвод, затем рота. В одной из стычек с немцами его ранило и он находился в санчасти своего полка. Вдруг прибегает из роты солдат и передает ему приказ командира полка немедленно прибыть к нему. Когда он оказался в штабной землянке, то увидел, что командир пытается допросить пленного немца. Увидев лейтенанта, командир полка приободрился и произнес:

— Прибыл, вот и славненько. Тут у нас в «гостях» немец, а переводчик, сам знаешь, в госпитале. Ты учитель, помню, так что давай действуй, а я тебе чем могу, тем и помогу.

— Кое-как мы допросили пленного, — улыбаясь, произнес лейтенант. Хорошо, что немец нам попался знающий, немного по-русски кумекал и, что самое важное, хорошо ориентировался на карте.

После этого случая командир полка принял решение назначить меня переводчиком при штабе полка. Что оставалось делать? Пришлось, обложившись словарями, штудировать немецкий. Но дело шло с большим трудом. Помогло мне, правда, то, что переводчик в свое время составил своеобразный перечень вопросов к пленному и его ответы. С этим вопросником я и начал входить в курс жизни военного переводчика. Составлял первичные протоколы допросов и отправлял их под конвоем вместе с пленным в штаб дивизии. И вот однажды разведчики привели ко мне в землянку страшно замызганного немца. Я его начал допрашивать. Он мне отвечает, а я его не понимаю. Ну, думаю, попался же мне немец с каким-то сложным диалектом. А потом вдруг подумал: видимо, этот стервец решил мне проверку устроить, нарочно язык коверкает. Пришлось прибегнуть к народному средству — врезать ему палкой по мягкому месту. Смотрю, немец мой совсем ополоумел, кричит истошным голосом, а я его все равно не понимаю. И вдруг в землянку заглядывает командир полка. Узнав, в чем дело, он успокоил меня. Оказывается передо мной был не немец, а итальянец. Командир об этом уже знал, а потому и поспешил ко мне на выручку. Вот такие были мы Фронтовые переводчики, — завершил свой рассказ Пеняичев.

Да, действительно, переводчиков у нас было очень мало. Я это хорошо знал. И из песни, как говорится, слов не выкинешь.

Память былого — это ожоги сердца. О людях, прошедших войну, могут правдиво рассказать только свидетели. И грустно сознавать, что умирают свидетели, а с ними умирает и правда о войне.

После окончания — курсов военных переводчиков, в июне 1945 года, мне предоставили краткосрочный отпуск для поездки в Харьков. Я был счастлив навестить своих родителей и летел к ним словно на крыльях.

Помню, как незадолго до расставания моя мать мне наказала:

— Вот ты переводчик немецкого языка. Это очень хорошо. Будешь ли ты дальше продолжать свое образование — покажет время, но запомни, что я тебе скажу, — переводчик это очень важное в жизни дело. Он, как сапер, наводит между людьми

других национальностей языковые мосты. От его точной работы нередко зависели даже жизни людей. Мы жили, как ты знаешь, в оккупированном городе. Время было страшное. Скольких людей погубили на наших глазах оккупанты: русских, украинцев, евреев — военнопленных и гражданских. Но среди немцев были разные люди. Многие из них тоже были люди подневольные, их гнали на бойню как скот. Мы видели, как многие из них плакали, показывая фотографии своих близких. Некоторые были даже более откровенны с нами, говоря не только на житейские темы. Они без обиняков осуждали войну, считали прямыми ее виновниками Гитлера и Сталина, которые не смогли разделить между собой претензии на мировую власть. Такие люди старались помочь нашим детям: давали хлеб и еще какие-нибудь продукты. Конечно, были и звери, но это в основном эсэсовцы. Были им сродни и наши предатели — полицаи. А вот переводчики — среди них были тоже разные люди, много из наших русских немцев. Когда наш батька спас женщину-еврейку, подтвердив, что она армянка, переводчик заметил, что отец говорит неправду, но почему-то его не выдал. А сколько было других случаев, когда переводчик выручал. Он переводил так, что людей немцы отпускали. Запомни это и, когда будешь в Германии, старайся быть предельно внимательным к людям, к их житейским трудностям, научись разбираться во всем, с тем чтобы люди зря не страдали. Запомни это, сынок. Не должно быть на твоей совести невинных жертв.

Я дал слово матери быть справедливым, решать все вопросы по совести. Должен заметить это материнское напутствие я помнил все годы моей службы и следовал ему неукоснительно.

Вскоре я оказался на работе в советской военной администрации в Германии. Служил я там военным переводчиком в военно-воздушном отделе. Сначала был Берлин, а затем Бранденбург. Полтора года моей жизни я отдал этой работе. За этот период бывало всякое — и хорошее и плохое. Но обо всем, как говорится, по порядку.

Работа, в военно-воздушном отделе давала мне возможность бывать в разных подразделениях. Часто я посещал Центр воздушной безопасности, который располагался в здании Контрольного совета для Германии в Западном Берлине. Этот центр был создан четырьмя державами (СССР, США, Англия, Франция) для осуществления безопасности пролетов самолетов над Берлином. В один из дней я обедал там со своим коллегой — переводчиком с французского языка. Мы сидели за большим овальным столом вместе с американскими летчиками. Один из них, в чине полковника, рассказывал, как проходил его

беспосадочный перелет из США в Англию, а оттуда в Берлин. Отношение к нам, советским людям, было отличное, хотя после известной речи Уинстона Черчилля в Фултоне уже, можно сказать, началась «холодная» война. Касались и этой темы, и, что удивительно, сами американские летчики единогласно утверждали, что это нужно крупным капиталистам, а нам, рядовым гражданам, нечего делить, тем более после победы в такой войне, какая только что пронеслась над миром. Нам, как союзникам, надо укреплять свою дружбу…

Сидевший рядом со мной американец, родители которого были выходцами из России, на хорошем русском языке задал мне вопрос:

— Господин лейтенант, а как у вас в СССР относятся к евреям?

Я удивленно уставился на него и ответил, что такой проблемы я не знаю: у нас в СССР живут дружно люди более ста национальностей, и евреи в том числе. Живут так же, как и другие народы. Их, как известно, истребляли нацисты, но они еще хуже вели себя со славянами — сжигали их целыми деревнями. Такова, видимо, природа нацизма, все, кто не их крови, недочеловеки.

— Кстати сказать, — продолжил я, — на Харьковщине, где я жил и учился до войны, было много евреев. Жили они по-разному — кто богаче, кто беднее, но все могли учиться и в школах и в институтах. Думаю, что им не на что было обижаться в СССР.

Доводы мои, как я почувствовал, не особенно удовлетворили собеседника. Пришлось разъяснять ему уже на примере своего полка.

— У нас тоже служили евреи, — сказал ему я, — были и те, кто летал и сбивал самолеты, и те, кто их готовил к полетам, многие из них были награждены орденами и медалями и даже Звездами Героя Советского Союза.

Мой пространный ответ американец перевел для всех присутствовавших в зале. Слушали они его с большим вниманием. Это было хорошо заметно. И когда он умолк, на лицах слушателей появились улыбки. Видимо, то, что я рассказал, их вполне удовлетворило.

Я в свою очередь спросил американца:

— А почему вас заинтересовала именно эта проблема? Разве в Америке она существует?

Американец снова перевел, но ответ последовал от другого офицера:

— Если у вас так хорошо в СССР относятся к евреям, то, может быть, вы и всех наших заберете из США!

Тут часть присутствовавших разразились громким смехом (шутка соотечественника им очень понравилась), но другая, о ужас! с мрачными лицами вдруг встала из-за стола и демонстративно вышли из зала. Мне стало вдруг как-то не по себе. Мой вопрос стал причиной испорченного обеда. Я было собрался извиняться, но меня остановил сидевший напротив меня американский летчик:

— Не стоит беспокоиться, — сказал он, — это вышли как раз все евреи, они обиделись на нас, американцев, за такой прямолинейный ответ. Вы же в этой истории абсолютно ни при чем.

Вскоре мы все покинули зал. Я остановился в коридоре у окна. В моих ушах еще звучал голос американца, так бесцеремонно обошедшегося со своими однополчанами. Честно говоря, эта сцена мне была неприятна. Ко мне подошел мой коллега:

— Георгий, ты абсолютно правильно отвечал, но зачем ты задал свой дурацкий вопрос? Пойми, здесь ты среди чужих, надо быть очень осторожным. У них, американцев, свои отношения. У нас свои. А вопрос твой им, видимо, пришелся по душе, они и воспользовались им чтобы уязвить своих же соотечественников. Антисемитизм в мире очень развит. Все почему-то хотят уязвить нас — евреев. Да, кстати, если тебя вдруг будут спрашивать о моей национальности, то отвечай, что я армянин.

Я посмотрел на него, ничего не понимая. Зачем ему это вдруг понадобилось? Будь тем, кем ты есть на самом деле, так всегда думал я. Главное, будь честным, порядочным человеком… Но мои размышления вновь прервал коллега — переводчик с французского:

— Послушай, Георгий, да, я еврей, но говорю здесь, что я армянин. Помнишь, вчера, когда ты зашел в комнату операторов, я попросил подменить меня.

— Помню, ну и что? Ты же хотел немного проветриться?..

— Да совсем нет. Ведь еще совсем немного, и я мог бы не выдержать: сидевший рядом со мной французский офицер буквально час упорно доказывал мне, «армянину», что все несчастья в мире — в том числе и войны проистекают от постоянных еврейских козней.

— Так он что, фашист?..

— В том-то и дело, что не фашист, а боевой офицер, ненавидит лютой ненавистью нацистов, воевал против них, а все равно думает вот таким образом…

Я успокоил кое-как своего коллегу, нашлись у меня для этого случая и какие-то хорошие убедительные слова. Американцам же

я подобных вопросов уже не задавал.

Однажды во время дежурства в берлинском центре ко мне подошел подполковник из нашего отдела и многозначительно изрек:

— Литвин, сегодня заседание главных контролеров центра, а Максимов отсутствует. Тебе придется быть за главного, и, когда будет решаться вопрос о пролете в воздушном коридоре и англичане предложат такой-то вариант, ты скажи, что согласен.

Я понял это как приказание вышестоящего начальника, ему, — подумал, виднее, что и как делать. Подвоха же, конечно, в его указании я не увидел, да и не мог даже думать, что кому-то хочется подставить мне ножку. Да и за что?..

Заседание началось в назначенное время.

— От СССР, — объявил председательствующий, — присутствует лейтенант Литвин.

Переводчиком у меня был тот самый мой коллега «армянин». Все шло как и обычно. На подобных совещаниях мне уже доводилось присутствовать. Английский представитель объявил свой вариант, американец и француз, естественно, проголосовали «за». Я, как и было мне предложено старшим по званию, с ними согласился.

Мой переводчик, тихонечко толкнув меня, будто это для него было новостью, как-то фальшиво произнес, что, видимо, следовало бы этот вопрос перенести на следующее заседание. Но я стоял на своем и еще раз во всеуслышание подтвердил свое «за».

Когда закончилось заседание, переводчик с нескрываемым удивлением в голосе сказал мне:

— Ты что, спятил с ума? Ты понимаешь, что сделал?..

Я ответил ему, что действовал согласно полученному указанию от такого-то. Он покачал головой, как бы говоря: «Ну-ну. Тебе виднее». Мы, больше не возвращаясь к этой проблеме, отбыли в Карлсхорст.

Через несколько дней меня срочно вызвали на «ковер» к генералу Ковалеву. Он отвечал за вопросы, связанные с работой союзников. Когда я вошел в кабинет, то увидел там и моего непосредственного начальника полковника Яроцкого. Сразу почувствовал, что предстоит неприятный разговор. Он начался с вопроса:

— Это верно, что такого-то числа вы присутствовали на заседании центра вместо капитана Максимова? — спросил генерал Ковалев.

Я подтвердил и рассказал, как было дело. Генерал, не глядя на меня, пробурчал, что хоть подполковник и из вашего отдела,

но давать такие распоряжения он не имел права, так как к этой работе совершенно не имеет никакого отношения. Но, видимо, следует выслушать и его.

Позвали подполковника. Генерал Ковалев предложил мне повторить свой рассказ сначала.

— Это ложь, — наотрез отказался от своих слов подполковник. — Я действительно в тот день был в здании Контрольного совета, — запальчиво произнес он, — но Литвина не видел, не разговаривал с ним и, естественно, никаких указаний ему не отдавал.

Решительность подполковника, с какой он пошел в атаку, честно говоря, обескуражила меня. Да, я был молод, может быть, в чем-то и неопытен, но за свою жизнь уже успел многое повидать. С таким наглым враньем я встречался впервые, и конечно же мне было от чего впасть во гнев. Будь в ту минуту у меня пистолет, я бы, не задумываясь, пристрелил мерзавца. Так душе я называл подполковника, который, говоря нынешним языком, меня подставлял.

Подполковника уже отпустили, а я никак не мог прийти в себя. Предательство буквально потрясло меня. Видя мое состояние, начальники успокаивали меня, говорили, что-то про сложности в жизни, про то, что надо уметь разбираться в людях и т. д. и т. п. Словом, я почувствовал, что и генерал Ковалев, и полковник Яроцкий все же поверили мне, что я в своем рассказе был искренен…

На следующем заседании контролеров инцидент был окончательно исчерпан: Максимов заявил союзникам, что не принимал участия в прошлом заседании по весьма уважительной причине, а Литвин якобы неправильно понял тот вопрос, по которому принимал решение. Союзники были снисходительны и уладили дело миром.

Случай, который произошел со мной, оставил в душе неприятный осадок. Я чувствовал, что кто-то хочет меня дискредитировать. Но за что? Этот вопрос не давал мне покоя. Не мог же я всерьез принять то, что это могла быть расплата за неумелую дискуссию с американцами. Да и в чем тут могла быть моя вина?.. За то, что невзначай услышал от американцев? «Нет! — думал наивно я, — это не причина». Если бы не другой случай.

На службе в Германии мне довелось познакомиться с одним офицером нашего отделения. Им был инженер-подполковник, кандидат технических наук Григорий Токаев. До приезда в Берлин он работал в Военно-инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского. Он хорошо знал немецкий язык. Мы

довольно часто с ним ездили в его личном автомобиле по немецким авиационным объектам, расположенным в нашей зоне. Естественно, он часто интересовался моим прошлым: где учился, где воевал, расспрашивал о наших самолетах и самолетах противника, которые мне довелось сбивать, о моих интересах и о многом другом. Слушал всегда внимательно. О себе же он практически ничего не говорил, правда, иногда пускался в пространные рассуждения о путях развития реактивной авиации и ракетной техники. Суждения его, не скрою, были для меня очень интересны.

Был он рьяным защитником социалистического строя, по крайней мере такое заключение можно было сделать из активных выступлений на партийных собраниях, в партии он состоял с 1931 года. В быту он старался ничем не выделяться. Жил в отдельном коттедже с женой и дочерью. Словом, слыл весьма добропорядочным советским человеком.

…В один из февральских дней морозной зимы 1947 года мне вдруг было неожиданно приказано убыть в Москву в распоряжение отдела кадров ВВС.

На самолете я спешно вылетел в Москву и вечером уже был на Ходынском поле. На следующий день я ждал приема в штабе ВВС. Принимавший меня полковник, фамилию его за давностью лет я запамятовал, очень удивился моему прибытию в Москву и даже, как мне показалось, в сердцах пробурчал: «В Германии очень нужны переводчики, не знаем, откуда их брать, а ты здесь прохлаждаешься…» Однако делать было нечего. Надо было ждать мои документы, которые должны прибыть только через неделю. Условились, что я должен буду явиться, как только получу сигнал о том, что документы в Москве. Действительно, через неделю я снова сидел перед знакомым мне полковником, правда на сей раз в кабинете был еще какой-то майор. Разговор пошел со мной несколько странный.

— Ну, товарищ Литвин, оказывается, ты хорош, — произнес не без иронии полковник. — На тебя пришла такая характеристика, с которой и в тюрьму не примут.

Я, зная, что вины за мной никакой нет, спокойно ответил:

— Что там в бумаге, я не знаю, знаю другое — бумага все стерпит.

— Так-то оно так, но то, что тут написано, даже ей терпеть трудно, произнес уже серьезно полковник. — Вот послушайте: «… немецким владеет хорошо, изучает английский, но по своему поведению не соответствует службе в Военно-воздушном отделе, так как нарушал правила общения с иностранцами в Контрольном совете. Неформально общается с немцами во

внеслужебное время, ведет разговоры на свободные темы. В его разговорах нередко сквозит преклонение перед всем иностранным…» И так далее, — заключил чтение полковник.

Я слушал, удивлялся, возмущался в душе и думал, что тот, кто написал такое, — подлец. Гнев переполнял меня и я вдруг сорвался:

— Подлец!

— Кто подлец? Генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, бывший командующий воздушной армией? — произнес вполне сердито полковник. — Да как вы смеете?..

Не знаю, откуда у меня взялось смелости, но молчать я не стал.

— Генерал тут ни при чем, товарищ полковник. Подлец тот, кто написал эту позорную бумагу. Генерал-то ее только подписал. Ему ли обо всех знать. Помощники подсунули, убедили, он и подписал. Одно чувствую, что тот, кто писал эту бумагу, знает меня и старается кому-то угодить, чтобы от меня отделаться.

Сидевший молча во время разговора майор неожиданно расхохотался и спросил меня:

— А знаете, кто писал на вас характеристику? Я пожал плечами. Майор не стал играть со мной в угадайку.

— Писал ее подполковник Токаев. Знаете такого? Я удивился еще больше, а потом выпалил:

— Значит, почувствовал «сверхидейный», что я понял его. Ведь он всегда говорит одно, думает другое, а делает третье.

Майор буквально вцепился в меня, что я под этими словами имею в виду. И давай вытаскивать из меня все, что я знал о Токаеве…

Вскоре я понял, что их меньше всего интересует моя характеристика, а больше Токаев. Беседа наша продолжалась часа два. Говорили о работе в Бранденбурге, затем в Берлине. К концу разговора мне предложили явиться завтра, к этому времени они примут решение о моей дальнейшей службе.

«Значит, — подумал я, — будем жить дальше».

На следующий день беседу со мной вел только один майор. Он сказал, что внимательно изучил мою биографию, знает, что я неплохо воевал и в общем-то претензий больших ко мне нет. Одновременно он предостерег меня, чтобы я не был столь откровенным, посоветовал побыстрее повзрослеть и посерьезнеть и не делать глупостей, которыми недобросовестные люди могли бы пользоваться. «Вы нам нужны и поэтому делайте выводы». Затем майор сказал мне, что он договорился с Главным управлением кадров Красной Армии и меня там завтра ждут для беседы. Мы попрощались.

В Главном управлении кадров Красной Армии принявший меня полковник Иванов объявил решение о Дальнейшей моей службе. Я направлялся в штаб Группы советских оккупационных войск в Германии. По прибытии в Потсдам я должен был доложить о себе генерал-лейтенанту Евстигнееву, начальнику разведки Группы войск, который в конце концов и определит мне место конкретной службы. Полковник посоветовал мне поменять форму, я все еще ходил в моей родной авиационной, на общевойсковую и поменьше бывать в Берлине, где у меня так много «доброжелателей». Если же меня кто-то из знакомых встретит, особенно из Военно-воздушного отдела, я должен был говорить, что нахожусь в Германии в командировке, а вообще-то служу под Москвой (работаю переводчиком с немецкими военнопленными). Эти советы звучали для меня приказом, а приказы, об этом я за годы службы хорошо знал, должны выполняться точно!..

Полковник Иванов пожелал мне доброго пути и хорошей службы. С тем я и отбыл снова в Германию. Период моей «военно-дипломатической» службы закончился. Я должен был начать службу в новом качестве.

Возвращался я тогда в Германию поездом. Помню, с трудом я пытался забыть тот гнусный оговор. Хорошо, что мне попались добрые люди. Могло бы все кончиться печально. Из ума никак не выходило: что стало причиной моего срочного перевода из СВАГ (Советская военная администрация в Германии)? Но, как говорится, все по порядку.

И вновь нахлынули воспоминания. В них много того, что даст возможность читателю понять происходившие тогда в моей жизни события. Уплывает вниз Ходынское поле, Центральный аэродром…

Первый раз лечу на Запад нормально, как все, а не задом наперед, и первый раз лечу без ненависти, желания отомстить за все, что натворили на нашей земле новоявленные псы-рыцари. Сегодня 3 сентября 1945 года. Это больше чем четыре года после начала войны и почти четыре месяца после победы над Германией. Я — уже не стрелок-радист Ил-2, а начинающий военный переводчик, и ждет меня в Германии не бой, а обычная мирная служба. А может быть, все-таки бой, только другой, мне еще незнакомый, непривычный?

Мой новый командир, начальник Военно-воздушного отдела Советской военной администрации Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Тимофей Федорович Куцевалов, по праву старшего, прошел в пилотскую кабину. Пассажиры, такие же служивые, как я, приготовились коротать неблизкий,

шестичасовой, путь, примостившись на мешках и тюках. Некоторые из моих попутчиков бывали уже в Германии в конце войны, но большинство из нас направлялось туда впервые. Естественно, расспрашивали «бывалых». Но те сами знали о поверженной стране еще очень мало. К тому же, как ни велик был интерес к современной Германии, мы все еще жили минувшей войной, и невольно разговоры уходили в недавнее прошлое.

Наконец разговоры потихоньку стихли, и большинство пассажиров, по приобретенной за войну привычке на всякий случай прихватывать чуток сна про запас, погрузилось в дрему. Я тоже попытался задремать, но, несмотря на усталость от напряжения последних дней, сон не шел. Меня, естественно, после всего, что со мной было, волновало то, как сложится моя служба. Пусть вот так буднично, но ведь я лечу в Берлин! В логово… О Германии вроде знал немало: и из газет, и из рассказов очевидцев, и из лекций на курсах переводчиков. А все-таки какая она, Германия?

Сколько раз за годы войны и после нее я задавался этим вопросом! Почему мы так часто воюем между собой? Почему так трагически сплетаются судьбы русских и немцев? С тех пор как в 919 году саксонский герцог Генрих I стал кайзером первой Германской империи, страна дала миру выдающихся мыслителей и ученых, гениальных поэтов и композиторов и… безжалостных, хладнокровных убийц целых народов. В моем сознании никак не могли смириться такие противоположности: великие книги — и костры из книг, великолепная архитектура немецких зодчих — и величайшие в истории разрушения городов и сел… Чуткость глухого Бетховена — и… глухота большой, очень большой, части немцев к слезам чужих детей.

Германия. Пруссия… После того как прусские короли победили в единоборстве с австро-венгерской монархией, многие не без основания стали отождествлять Германию с Пруссией. Силезские войны Фридриха II привели к отделению Пруссии от империи Габсбургов. До третьего рейха было еще далеко, но он уже вызревал во втором. Салтыков-Щедрин в свое время писал: «Милитаристские поползновения казались столь безобидными, что никому не внушали ни подозрения, ни опасений, хотя под сенью этой безобидности выросли Бисмарк и Мольтке».

В 1914 году выстрелы восемнадцатилетнего сараевского гимназиста Гаврилы Принципа снова разбудили, как выразился Уинстон Черчилль, «германский вулкан». Четыре года войны, поражение, Версальский договор, позор Германии, капповский путч, фарс нацистского «переворота» в мюнхенской пивной «Бюргерброй», отставка Гинденбурга, расстрел «своими» «своих»

штурмовиков Рема, поджог рейхстага, концлагеря, Мюнхенское соглашение — аннексия Чехословакии, нападение на Польшу — Вторая мировая война… И все это случилось за какие-то три с половиной десятка лет.

Унижение рождает желание отомстить, и политики, каждый исходя из своих интересов, раскачивают этот страшный маятник — маятник войны. Чем дальше он отклоняется в одну сторону, тем дальше потом пролетает, сметая все на своем пути, в сторону противоположную. Знают ли об этом гитлеры? Наверное, знают. Думают ли о возможности обратного хода выведенного ими из равновесия маятника?

Полагаю, что нет. Каждый из них уверен, что уж ему-то удастся малой кровью, на чужой территории…

Немецкая армия, начав в 1939 году войну, методично захватывала страну за страной. И эту войну она действительно вела пока малой кровью, на чужой территории. Пока не вторглась в наши пределы.

Мы, советские люди, о территориальных захватах и тем более о том, чтобы с боем ворваться в Берлин, тогда не мечтали. Радовались «освобождению от панов» Западной Украины и Западной Белоруссии, появлению в нашей семье новых друзей — народов Прибалтики, снятию угрозы нашему Дальнему Востоку.

Впервые война приоткрыла свое лицо нашему поколению в финских лесах. Трудная для нас была эта война. О ней уже достаточно написано, при том много и неправды. Но пусть это остается на совести конъюнктурщиков. Историческая наука, известно, дама капризная. Она все в свое время приводит в порядок. Одно сейчас с уверенностью можно утверждать: победы нельзя достигнуть только усилиями, приложенными в течение периода боев. Победы, как и поражения, закладываются за много лет до этого и очень связаны друг с другом. Наверное, было бы правильно сказать: «Не хочешь поражения — не стремись к победе любой ценой!» — но кто же от нее откажется… Очевидно, секрет всеобщего благоденствия — чувство меры. Но, к великому сожалению, так редко рождаются политики и генералы с врожденным чувством меры, а в кругу себе подобных научиться этому обычно не у кого…

Близился конец войны. Наши войска готовились к последнему, решительному, броску на Берлин. За три с лишним года советские люди претерпели страшные лишения, миллионы людей погибли, а у оставшихся в живых было только одно желание — добить врага в его собственной берлоге и никогда больше не воевать. Поднималась новая волна патриотизма, люди верили, что никто из врагов нашего государства, наученных

горьким опытом своих предшественников: тевтонских рыцарей, татаро-монгольских орд, шведов, французов и вот теперь уже — гитлеровской Германии, — в будущем не посмеет на нас напасть… В это действительно хотелось верить и этой верой жить.

Темнело. На мирной земле Западной Польши, которая до решений конференции входила в состав Германии, вспыхивали огни, ведь надобности в светомаскировке не было уже несколько месяцев. К хорошему, впрочем, как и к плохому, люди привыкают быстро. Наш самолет начал снижаться. И вдруг война вернулась к нам: к самолету откуда-то потянулись огненные трассы «эрликонов». Командир немедленно «вырубил» свет и резко, со скольжением влево, устремился к земле. Обстрел прекратился, и мы снова легли на свой курс. Начался обмен мнениями: что бы это значило? Сошлись на одном: и здесь еще действуют недобитые банды националистов различных мастей и течений…

Но вот наконец и освещенная посадочная полоса берлинского аэродрома Иоганисталь. Нас уже ждали встречающие. Разместили по машинам и повезли по городу. Движение в черте города было все еще замедленным. Это позволяло рассматривать окрестности. Мы видели, как среди развалин брели одинокие пешеходы, двигались редкие автомашины, повозки. При ярком свете луны все это казалось причудливым, невероятным. Наконец нас привезли в Карлхорст, где в зданиях бывшего инженерного училища, в котором размещался штаб Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии, образованный 9 июня 1945 года на основе штаба 1-го Белорусского фронта, и разместили в одном из коттеджей. На следующий день я был принят офицером-кадровиком Военно-воздушного отдела, размещенного здесь же, в инженерном училище. Тот записал в карточку данные о моей личности и повел меня к заместителю начальника отдела генерал-майору Ковалеву. Ковалев расспросил о службе, учебе, рассказал о задачах отдела и СВАГ в целом, выразил уверенность, что я буду работать прилежно, и посоветовал активнее и глубже изучать немецкий язык. Генерал произвел на меня приятное впечатление человечным обращением. Во время войны он работал на аэродроме в районе Полтавы, где садились «летающие крепости» американцев, совершающие «челночные» рейды: взлетая с авиабаз в Италии, они бомбили города Германии и производили посадку в Полтаве. Заправлялись горючим, загружались бомбами и на следующую ночь — снова в Италию через Германию…

Ковалев принял решение направить меня переводчиком к уполномоченному отдела по Бранденбургскому округу инженер-

подполковнику Мосунову. Через несколько дней он должен был приехать в Берлин с отчетом о проделанной работе и забрать меня с собой в Бранденбург. А эти несколько дней я решил поработать в отделе, хорошенько познакомиться с обстановкой в послевоенной Германии.

Здание инженерного училища, находящееся на углу улиц Рейнштайнштрассе и Цвизеелештрассе, стало всемирно знаменитым в мае 1945 года, когда в его столовой в ночь с 8 на 9 мая маршалом Г. К. Жуковым и представителями союзного верховного командования, с одной стороны, а также представителем германского верховного командования, с другой стороны, был подписан Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил на суше, на море и в воздухе. С германской стороны, в последний раз взмахнув своим маршальским жезлом, поражение гитлеровской империи засвидетельствовал фельдмаршал Кейтель. Формально Вторая мировая война в Европе закончилась в 22 часа 43 минуты по берлинскому времени 8 мая, или в 00 часов 43 минуты по московскому. Всего-навсего двухчасовая разница во времени между берлинским и московским разделила праздник на два: в Германии и Западной Европе он отмечается 8 мая, а у нас — уже на следующий день, 9-го…

Вместе с сотрудником отдела поехали к рейхстагу. Берлинцы, в большинстве женщины, занимались разборкой развалин. Выстроившись в длинные цепочки, они передавали друг другу, укладывая в штабели или сразу в машины, обломки камней и кирпичей со словами: «Битте шён. Данке шён» (Спасибо. Пожалуйста. — Нем.). И никаких криков, споров. Лица запыленные, сумрачные, но иногда кто-то все-таки шутил, и тогда лица озарялись улыбками.

Во время бомбежек и уличных боев в руины были превращены большая часть домов и даже целые кварталы. Повсюду торчали чудом сохранившиеся стены с остатками архитектурных деталей, ребрами скелета вдруг выглядывали обгорелые стропила, или как чудо взору являлась лестничная клетка с маршем целых ступеней. Многие улицы оказались погребенными под обрушившимися зданиями и разбитой военной техникой. Можно было ехать только по пробитым советскими танками или уже расчищенным жителями проходам. Кружа по объездам, переваливаясь с боку на бок, ныряя в какие-то проломы стен, маневрируя меж висячих скрюченных металлических балок, воронок от разрывов снарядов и бомб, мы с трудом пробирались вперед. Отовсюду доносился кислый запах сгоревшего пороха и взрывчатки, бил в нос запах погребенных под обломками зданий

разлагающихся трупов. На зубах хрустела носившаяся в воздухе каменная пыль. Издалека была видна длинная Аллея побед торчащими на высоких постаментах черными и позеленевшими бронзовыми фигурами одетых в монашеские мантии и рыцарские доспехи германских правителей от средневековья до наших дней, выстроившихся в две шеренги, как на параде. Строй заметно поредел: многие фигуры были сброшены взрывами, а оставшиеся основательно изуродованы осколками. На краю парка возвышалась белая, увенчанная золоченым ангелом, держащим позеленевший венок, Колонна победы, установленная в ознаменование победы над Францией в 1871 году. Ярусами до самого верха колонны в небольших нишах стояли стволы трофейных французских пушек…

Мой попутчик рассказывал о событиях первых послевоенных дней, которым он был свидетелем.

…Пробирающиеся куда-то женщины и дети с белыми повязками на рукавах, с домашней утварью, какими-то свертками, тюками и чемоданами, извлеченными из укромных мест, вели себя очень неуверенно, боязливо. В подъездах, на дверях и стенах уцелевших зданий, рекламных тумбах и неподвижных трамваях с выбитыми стеклами были в изобилии развешаны плакаты с изображением темного силуэта человека в шляпе с большими полями, который с высоты своего огромного роста грозил пальцем маленькому скрюченному обывателю: «Тыс-с-с! Молчать! Враг подслушивает!» Повсюду попадались лозунги, уверявшие немцев в том, что русские никогда не войдут в Берлин. Но на этот привычный уже элемент городского пейзажа никто не обращал внимания. Оно было приковано к свежим газетам, приказам советского военного коменданта города Берлина Героя Советского Союза генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина. В приказе № 1 от 28 апреля 1945 года объявлялось, что полнота власти в Берлине перешла в руки советской военной комендатуры. Мирному населению и всем военнослужащим, сдавшимся в плен, гарантировалась жизнь. А она в Берлине, можно сказать, теплилась и с каждым днем набирала силу. Около походных кухонь стояли в очередях жители города с тарелками, кастрюлями, ведерками у кого что осталось. Пожилой солдат-повар, раздавая пищу, повторял по-немецки: «Главное, закончилась война. Все будет хорошо! Все будет хорошо!» Немцы согласно кивали. Многие из них плакали, каждый, наверное, думал о своем. Двое стариков, покушав, говорили друг другу: «Это невероятно! А нам, дуракам, о русских рассказывали всякие ужасы!..»

С плаката на стене высокого здания с лукавой улыбкой

смотрел на прохожих русский солдат, переобувающий сапог, а внизу была надпись: «Дойдем до Берлина!» Но и этот плакат был уже «вчерашним днем». До Берлина дошли. Дожили. Теперь нужно было жить дальше.

Не прошло и недели с момента, как окончились бои, а на улицах Берлина под руководством военных инженеров и техников наводился порядок. Военнопленные и жители города уже расчищали трамвайные пути. Велико было желание горожан наладить скорее работу метро. На перекрестках были установлены указатели, написанные на русском языке. Девушки-регулировщицы в накинутых на плечи плащ-палатках и с автоматами через плечо флажками управляли движением, лихо козыряя проезжавшим советским офицерам.

Тогда казалось, что надписи только на русском языке — это нормально, ведь немцы и так знают, где какая улица. Сейчас понимаю, что надо было писать на двух… Не по злобе, а по недомыслию на одном языке было писано, но во взаимоотношениях наций, как, впрочем, и вообще людей, мелочей нет. В том, что даже восточные немцы сейчас так обидно отшатнулись от нас, русских, думаю, сыграли роль и те давние «мелочи» Хотя обида их гораздо глубже наше, вернее, наших вождей предательство. Но об этом разговор позже.

Мы остановились, и я спросил у одного старика, помогающего разбирать завал:

— Как дела?

— Трудно, но самое главное — народ жив и нет войны, светит солнце. Все будет в конце концов отстроено! — ответил он.

Несмотря на такие ужасные разрушения, в ряде районов города сохранились почти полностью целые кварталы многоэтажных домов… Мой сопровождающий, участник боев в Берлине, рассказывал о тех днях… Трудно было поверить, что в это время в Германии цвели яблони, пахло сиренью, зеленела трава, а небо было голубым и высоким. Там, где война прошла стороной, все напоминало о покое, благополучии. А здесь, в Берлине, тогда была только война. Гвардейские и ударные части ломали ожесточенное сопротивление последних батальонов Гитлера. Танки, пехота рвались вперед, артиллерия била прямой наводкой: истребители, бомбардировщики, штурмовики летали над городом с рассвета до позднего вечера. Войска овладели Александер-платц, дворцом кайзера Вильгельма, ратушей, окружили имперскую канцелярию, где, по данным разведки, находился сам фюрер. Берлин корчился в агонии. В городе было невозможно дышать от дыма пожарищ. На многих домах в этих кварталах с балконов и окон свешивались, как белые флаги

капитуляции, простыни, полотенца, разорванные белые рубашки и белоснежные манишки, накрахмаленные скатерти и детские пеленки. Старики и беспомощные инвалиды, женщины и дети, дрожа от холода и страха, в бомбоубежищах покорно ждали своей участи, не имея самого насущного: хлеба и чистого воздуха, питьевой воды и дневного света. Кому не хватало мужества и сил, сходили с ума или добровольно расставались с жизнью.

Комендант Берлина Берзарин обратился к собравшимся немцам из уже освобожденных районов города:

— Я прошу вас помочь Красной Армии и мне лично быстрее наладить нормальную жизнь в Берлине. Сначала надо создать местные органы самоуправления, привлечь к этому честных людей… Мы, русские, хотим верить, что еще остались немцы, которым Гитлер не заморочил голову. Таких надо привлечь к работе, оказать им доверие независимо от социального положения и даже принадлежности в прошлом к той или другой буржуазной партии. Нацистов тоже надо заставить работать…

Когда кто-то из немцев предложил новые органы власти назвать Советами, Берзарин возразил, что нужно их называть по-старому. Это будет понятнее населению. Потом обсуждалось, как побыстрее дать свет и воду, как организовать снабжение города продуктами, обеспечить в нем порядок и покой населения. Генерал-полковник сообщил, что советское военное командование приняло решение помочь немцам. Было предложено немедленно взять на учет все уцелевшие пекарни и булочные, а также магазины, способные немедленно открыть торговлю. Говорилось и о том, что в городе должны быть открыты театры, кинотеатры, концертные залы. — Но прежде всего нужно заняться захоронением трупов убитых, откопать заживо погребенных в бомбоубежищах и подвалах и предотвратить возникновение эпидемий. И этим последним пусть займутся члены нацистских партий — это им послужит наглядным уроком, — сказал Берзарин и поспешил на свой командный пункт руководить продолжающимся штурмом.

А в это время в небе Берлина шел воздушный бой! Ревели моторы истребителей, строчили пулеметы, били зенитки. Вот над зданием рейхстага взвилось красное знамя. Еще много часов в Берлине шли бои, но война уже заканчивалась. Наконец наступила тишина. От усталости солдаты падали и засыпали мгновенно где попало и на чем попало, будто желая отоспаться за всю войну.

А потом пели и плясали под гармонь, митинговали, пили за победу и тех, кто не дожил до нее. О павших на той войне хорошо написал Юлиус Фучик: «Я хотел бы, чтобы все знали, что не было

безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю». Среди населения Берлина распространялись слухи, что за боевыми частями в город войдут специальные части азиатов и те покажут себя. Слухи очень сильное средство пропаганды, особенно когда еще не работает радио и нет газет. Чтобы их нейтрализовать, политработники, знающие немецкий язык, разъезжали по городу, останавливались на площадях и перекрестках и через мощные рупоры обращались к жителям Берлина:

— Внимание! Внимание! Немецкие граждане! Красная Армия пришла в Германию не для того, чтобы мстить немецкому народу за все, что натворили фашисты на советской земле, за издевательства гитлеровцев над советскими людьми. Разгромив фашизм, Красная Армия ставит своей задачей помочь прогрессивным силам, еще оставшимся в немецком народе, построить новую, миролюбивую и демократическую, Германию.

Все слушали внимательно. Верили или нет — это уже другое дело…

Иногда понятнее всяких слов — дела. Уже 13 мая берлинцы прочитали в многочисленных объявлениях и листовках сообщение: «В целях регулярного снабжения населения Берлина советское военное командование… предоставило в распоряжение органов городского самоуправления достаточное количество продовольствия из фондов Красной Армии». В качестве первой помощи были предоставлены 96 тысяч тонн зерна, 60 тысяч тонн картофеля, около 50 тысяч голов скота, сахар, жиры и другие продукты. С 15 мая в Берлине началось упорядоченное снабжение населения продовольствием в соответствии с установленными нормами.

При подъезде к Бранденбургским воротам, служащим как бы пограничным столбом, если ехать с запада, был издали виден прикрепленный к одной из их колонн большой фанерный щит с надписью на английском языке: «Сейчас вы покидаете английский сектор». Если ехать с востока, можно было прочитать: «Вы въезжаете в английский сектор». Несмотря на надписи, разделение на сектора имело тогда символическое значение, так как перемещение между любыми секторами города было для всех беспрепятственным.

У Бранденбургских ворот путь нам преградила непроходимая толкучка. От главной улицы Берлина — Унтер-ден-Линден — до подножия обгоревшего здания рейхстага бурлила многотысячная толпа немецких, английских и американских спекулянтов,

покупателей и зевак. Так называемая «рейхстаговка» (толкучка) решала многие проблемы своих клиентов.

Американские офицеры и солдаты в коротких курточках, подкатывая к базару на «виллисах», деловито вытаскивали из кузовов блоки сигарет, исчезали в толкучке и выныривали из нее с тяжелой поклажей: антикварными вазами, дорогими сервизами, картинами. Офицерам, как правило, помогали экстравагантные дамы. Груженные добычей машины уходили по Шарлоттенбургштрассе в западную часть города. Вспомнилась русская поговорка: «Кому — война, а кому — мать родна…»

Мы подошли к зданию рейхстага. Там много наших офицеров и солдат внимательно рассматривали надписи на колоннах и стенах, сделанные участниками штурма и потом представителями частей, которым не довелось участвовать в последнем штурме, обменивались мнениями о трудностях штурма этого символа Германской империи. Мы ходили как по музею, читая автографы победы, нацарапанные остриями штыков, стреляными гильзами, огрызками карандашей, которыми писались письма домой, а уже потом — краской.

В разбитом лабиринте переходов встретили группу наших солдат, которых вел сержант, по-видимому участник штурма. Сержант уверенно ходил по развалинам, показывал, вспоминал:

— Вон там, у окна, убили моего товарища. Мы шли с ним от самого Смоленска…

Я ходил вдоль стен, искал и нашел! Надпись гласила: «И мы в Берлине гвардейцы 43-го авиационного штурмового полка, 26 июня 1945 года. Подписи: Шупик, Казаков, Кихно, Паршиков и другие». Значит, специально приезжали из Польши, чтобы расписаться на стенах рейхстага. Я был горд этой записью, будто сам написал все эти слова. И еще думалось тогда: будут ли написаны правдивые, без прикрас, книги о грозном военном времени? Перед моими глазами стояли навсегда ушедшие из жизни однополчане, уши будто слышали рев моторов строя штурмовиков. Каждый живущий не может и не должен забыть имена павших, иначе в его дом прокрадется беда. Война пролезет в любую щелку, и горе тому, кто об этом забудет. Не он, так его дети и внуки заплатят за беспамятство.

Здесь, в Берлине, я хлебнул правды, да так, что голова пошла кругом и защемило сердце. Впрочем, и неправды хлебнул через край: поди отличи их друг от друга! Однажды я случайно был свидетелем разговора двух пожилых наших солдат, обсуждавших маршалов.

Один из них говорил другому, оглядываясь по сторонам: «Слушай, Петя, один мой кореш еще по действительной службе

по секрету как-то рассказывал мне, будто Сталин однажды с юмором говорил, имея в виду Ворошилова и Буденного: «А где мои всадники без головы?» Понял теперь, почему мы отходили до Волги?»

Эх, «старички», «старички», если б все было так просто!

Помню, буквально через несколько дней после подслушанного мною разговора ветеранов нам зачитали приказ Верховного главнокомандующего Группой войск в Германии (он же Верховноначальствующий Советской военной администрации в Германии) маршала Г. К. Жукова о том, что имели место позорные действия со стороны советских военнослужащих, которые занимались спекуляцией у рейхстага. Там же были указаны фамилии и воинские звания вплоть до подполковника. Своим приказом Жуков всех разжаловал до рядового и отдал под суд.

7 сентября 1945 года мне довелось наблюдать парад наших войск, который принимал Г. К. Жуков. На параде, проходившем у Бранденбургских ворот, на фоне огромных разрушений и обгоревшего, закопченного здания рейхстага, присутствовали представители командования армий наших союзников: США, Англии, Франции и других стран. В ту пору победители были еще вместе…

8 одно из воскресений я из любопытства пошел на ипподром Карлхорста, ибо ранее никогда на ипподроме не бывал. Зрителей было довольно много. Я внимательно наблюдал за забегами очень красивых лошадей. Затем обратился с вопросом к пожилому немцу, так как не понял, почему именно эта лошадь оказалась победительницей. Тот мне все объяснил и очень обрадовался, что я, советский офицер, могу объясняться по-немецки. Это было большой редкостью. К нашему разговору внимательно прислушивались другие немцы и постепенно все смелее начали задавать вопросы. Я отвечал, предупредив, что это — мое личное мнение и не исключено, что многое, может быть, трактую неправильно, так как в Германии я всего несколько дней и не вник еще в трудную жизнь немцев, хотя считаю, что самое главное — наступивший мир и что теперь народы найдут выход из трудностей.

Этот вывод из анализа политической обстановки устроил всех, и меня наперебой начали приглашать в гости, так как очень хотелось бы побольше узнать у человека, знающего немецкий язык и жизнь людей в СССР. Первым претендентом на встречу оказался рабочий предприятия коммунального хозяйства, живший довольно близко, в районе Лихтенберг. Я пообещал прийти в гости в следующее воскресенье, если, конечно, позволит

служба. Мне нужна была языковая практика и знание жизни, мнений и настроений простых немцев, так что грех было упустить такую возможность.

В следующее воскресенье, в точно оговоренное время, я стоял у подъезда дома, уцелевшего, к счастью, несмотря на потрясающие, как говорили немцы, бомбардировки авиацией союзников. В отдельной квартире обычного дома для рабочих меня встретили с интересом и настороженностью. В большой комнате за столом сидело несколько мужчин. Хозяин представил их мне. Зная о тяжелом положении с продовольствием в Берлине, я пришел с большим свертком, в котором было все, что способствует обстоятельной беседе. Естественно, была там и бутылка «Московской», а главное — натуральный кофе, чем была несказанно обрадована хозяйка дома.

После начала мирной беседы в квартиру начали входить соседи — мужчины и женщины. Получилось, что я невольно стал как бы лектором или агитатором. Оживленная беседа постепенно стала непринужденной. Между нами не было барьера: мы были просто людьми, желающими знать друг друга и жить в мире. Никто из нас не скрывал своего мнения. Я рассказывал об ужасах войны на полях сражений, о злодеяниях карательных частей немецких войск, о невероятных трудностях по восстановлению разрушенного хозяйства в СССР, высказал мнение о том, что немцы и русские должны извлечь урок из недавнего прошлого и никогда больше между собой не воевать. Естественно, такого же мнения были и мои собеседники, тоже многое пережившие. Они рассказывали о жизни в фашистской Германии, о терроре и обмане, психологической обработке населения, об ужасах американских бомбардировок и подчеркивали, что хотя советские войска брали Берлин, особенно центральную часть, штурмом, но большинство солдат, и офицеров гуманно относилось к населению. Были, конечно, отдельные случаи преступного поведения наших солдат и немцы прямо говорили о них, не боясь последствий. Я чувствовал, что они мне верят, потому и откровенны. Сходились мы на том, что во всякой армии есть свои подонки и что советское командование в основном пресекало преступления, и население это сразу же почувствовало, а когда окончились боевые действия, то именно советское командование стало инициатором и организатором восстановительных работ, наведения порядка в городе. Подтверждали они свое мнение конкретными примерами. Все ругали Гитлера и его окружение, которым удалось одурманить основную массу немецкого народа. Заверили, что больше одурманить их никому не удастся… Расстались мы дружески. С этого дня у меня сложилось и окрепло

мнение, что у трудящихся всего мира, и, в частности, у русского и немецкого народов, больше общего, чем различий. Но незнание языка, обычаев друг друга порой приводит ко многим сложностям и неприятностям.

Помню я и второй приказ нашего Главноначальствующего. Им на всей территории советской зоны оккупации разрешалась деятельность демократических антифашистских партий. Так на развалинах третьего рейха начали пробиваться ростки новой общественной жизни. «Активистами первого дня» были коммунисты и антифашисты, только что вернувшиеся домой из эмиграции или вышедшие из подполья, освобожденные из концлагерей и тюрем. В мятых, штопаных и перештопаных штанах, застиранных рубашках, грубых свитерах и пиджаках явно с чужого плеча, коротко остриженные и небритые, с впалыми щеками, эти люди еще не пришли в себя после перенесенных ими страданий в неволи — тюрьмах, лагерях и застенках гестапо.

Все чаще можно было увидеть на стенах и тумбах плакаты и транспаранты, призывающие вступать в ту или иную политическую партию или поддерживать ее. Наряду с деятельностью Коммунистической партии Германии не запрещались и другие партии. На политическую арену вышли христианско-демократическии союз и либерально-демократическая партия. Была восстановлена социал-демократическая партия… Немецкий народ выходил из летаргии и равнодушия, освобождался от унизительного чувства слепого верноподданничества и пассивного ожидания событий, приносимых судьбой.

Политическая жизнь во всей зоне бурно развивалась. Был образован антифашистский демократический блок всех действующих партий. Прогрессивные силы немецко-1Х5 народа обрели почву под ногами и с энтузиазмом принялись за работу. Каждая из партий отражала, конечно, различные интересы, в чем-то вела борьбу с другими, но в одном они сходились — в стремлении к миру и духовному возрождению нации.

Руководитель христианско-демократического союза Отто Нушке на вопрос одного из журналистов: «Как вы можете сотрудничать с марксистами?» ответил:

— Мы, христиане, действительно не можем договориться с марксистами о том, есть ли рай на том свете. Однако это не мешает нам направлять общие усилия к тому, чтобы земля не стала адом, к тому, чтобы не допустить третьей мировой войны.

А лидер либерально-демократической партии Иоганнес Дикман заявил:

— Не обязательно быть марксистом, чтобы принимать

активное участие в построении социализма… Партии издавали газеты, агитплакаты, листовки.

Тогда, в 1945 году мне приходилось переводить различные документы с немецкого на русский. Особых затруднений здесь у меня не было, ибо под руками были словари. Беседы же наших офицеров с бывшими чинами люфтваффе или инженерно-техническим составом авиационных заводов переводить было довольно трудно. Я считал, что немцы говорили чрезвычайно быстро, к тому ж некоторые из них проглатывали окончания или применяли особые выражения, которые мне тогда не были знакомы. Но, в общем, начальники моей работой были довольны. Естественно, мне помогала интуиция, и что самое важное, так это то, что я неплохо знал авиационную технику.

Шло время. Я все больше находил общий язык с жителями Берлина. Однажды довелось мне ехать в трамвае с покупками из района Вайсензее, где находился коммерческий магазин, в Карлхорст, который немцы уже успели окрестить «Маленькой Москвой». Пассажиров было мало — в основном глубокие старики и женщины, некоторые из них были с детьми. Я прислушивался к разговорам и радовался в душе, что уже хорошо понимаю берлинский говор. Сидевший вблизи мальчишка лет шести, увидев сладости в витрине магазина, начал просить у матери конфету. Она ответила, что пока не может купить ему конфет.

Я не выдержал и спросил мальчика, как его зовут. Он посмотрел на меня и ответил: «Клаус». Я дал ему конфет и заговорил с ним. Он охотно отвечал. Немцы внимательно наблюдали за нами, а сидевшая передо мной молодая женщина в одеянии медсестры, сделав мне комплимент за хорошее знание немецкого языка, сказала, что ее мама родилась в Санкт-Петербурге, который сейчас называется Ленинградом, и еще не совсем забыла русский язык, хотя в Берлин уехала девочкой. Она читает русские книги, и у них есть своя библиотека. Отец ее, архитектор, человек уже пожилой, в конце войны был призван в фольксштурм и сейчас в русском плену. Пишет, что работает по специальности: восстанавливает разрушенные здания. Она — студентка медицинского института. Сейчас они, медики, оказывают помощь раненым. Ее муж тоже был студентом-медиком. Во время бомбардировок и боев в Берлине оказывал помощь раненым и вот под впечатлением от этих ужасов «тронулся умом» и сейчас находится на излечении в психиатрической больнице. Оказалось, что ее семья живет тоже в Карлсхорсте, и она пригласила меня в гости, так как мама будет рада поговорить со мной.

При встрече в следующее воскресенье оказалось, что ее мать, ныне пожилая женщина, а тогда девочка, выехала со своими родителями в период революционных событий в России. Говорила по-русски она весьма сносно, вспоминала детство, такой прекрасный город, сокрушалась, сколько пришлось пережить жителям города на Неве во время его блокады. Жила она с дочерью в небольшом доме, который спроектировал ее муж, на последнем этаже. Во время бомбардировок крышу сильно повредило, и теперь во время дождя она протекала. Впоследствии я, уже находясь в Бранденбурге, приезжая в Берлин по делам службы, при возможности посещал их.

Так постепенно у меня складывалось мнение, что нет вины одного народа перед другим, как нет хороших и плохих народов. Есть люди с низкими, темными инстинктами, есть тупоумные и невежественные, но берущиеся решать государственные проблемы, требующие особой тонкости и деликатности. Есть бесчеловечность, есть грубое унижение человеческого достоинства. Есть недоверие, тотальная подозрительность, разрушающие любое человеческое сообщество… И есть в том же народе люди, которые с этим борются.

Однажды мне удалось попасть на концерт Эрнста Буша, которого пресса называла певцом рабочего класса. Его имя мне стало известным еще во время учебы на курсах в Военном институте иностранных языков. Один слушатель напевал слова песни, которую Буш исполнял еще до войны на концерте в Москве. Кто-то из слушателей нашей группы спросил:

— Ребята, как вы думаете, где сейчас может быть Буш?

— Скорее всего, в эмиграции. Известно, что он был в республиканской Испании.

И вот Буш, сильный, широкоплечий, в грубом свитере, какие носят рыбаки и крестьяне, стоит перед микрофоном и, сжав руку в кулак, резко рубит им воздух: «…Не мог лежать я в прахе и золе. Не мог в земле убитым оставаться, пока убийцы ходят по земле!» Голос у него был поразительный: звенящий металл, яростный и сокрушающий.

Родился Буш в Киле, в семье каменщика. Он рассказывал, что мальчишкой в рабочем хоре запевал вторую строфу «Интернационала»: «Никто не даст нам избавленья — ни Бог, ни царь и не герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!..»

Буш прошел многое: был слесарем-инструментальщиком на верфи «Германия» в Киле, безработным, актером-любителем. Затем — профессиональная актерская работа в кильском театре, переезд в Берлин, выступления в театре и «красных кабаре».

После прихода Гитлера к власти его разыскивали, но друзья помогли перейти голландскую границу. Осенью 1935 года Буш приехал в Советский Союз. Московское радио часто передавало его песни, и их тайком слушали в Германии. Затем Буш уехал в Испанию, пел для бойцов интернациональных бригад. Многие считали, что Буш в Испании и погиб. Но ему удалось в 1938 году добраться до Бельгии. Здесь он выступал на рабочих собраниях, пел на концертах, которые транслировались по радио. После оккупации Бельгии немецкими войсками Эрнста Буша под чужим именем доставили в лагерь для интернированных во Франции. Когда и юг Франции был оккупирован вермахтом, агенты гестапо начали «прочесывать» лагеря. Бежать в Швейцарию Бушу не удалось, и он все же попал в руки гестапо. В берлинской тюрьме Моабит ему было предъявлено единственное в своем роде обвинение: «Распространение в Европе коммунизма с помощью песен». Незадолго до процесса, который должен был закончиться для Буша смертным приговором, американская бомба разрушила часть тюрьмы, где находилась его одиночная камера. Его бросили в мертвецкую вместе с десятками трупов, но случайно один из заключенных, перетаскивающих погибших, услышал стон… Буш пришел в себя в тюремном госпитале только через несколько дней. Лицевой нерв был перебит ударом стальной балки, одна сторона лица была полностью парализована. Буша перевели в тюрьму Бранденбург, откуда его в апреле и освободили советские солдаты.

Он пешком пошел в Берлин. В пути Буша задержал патруль Красной Армии. Буш, зная несколько русских слов, попытался объясниться, но его не поняли и привели в комендатуру. Там тоже его русского языка не поняли, и тогда он запел по-русски «Песню единого фронта»: «Встань в ряды, товарищ, к нам! Ты войдешь в наш единый рабочий фронт, потому что рабочий ты сам…» А дальше как в сказке: один из офицеров комендатуры до войны слушал Буша в Москве в Колонном зале… 1 мая 1945 года Буш вместе с советскими солдатами и своими соратниками был уже в Берлине.

То, что Буш впоследствии сделал на сцене брехтовского «Берлинского ансамбля», — это актерский подвиг, равных которому немного в истории мирового театра. Буш снова пел, и как пел! Трудящиеся Германии называли его тогда «поющее сердце рабочего класса».

Люди учились жить в мире, одолеваемые своими повседневными заботами и лишь изредка задумываясь над глобальными проблемами. А в государственных канцеляриях и ведомствах Вашингтона, Лондона, Парижа, Москвы трудились

дипломаты: вопрос о послевоенной судьбе Германии уже не терпел отлагательства. Его практическое обсуждение началось еще осенью 1941 года, в процессе образования антигитлеровской коалиции, им активно занималась и Европейская консультативная комиссия, с конца 1943 года непрерывно заседавшая в Лондоне. Однако соглашение достигнуто не было. Основная причина заключалась в принципиально различном подходе СССР и западных держав к вопросу о будущем Германии.

В первый же день после окончания войны в Европе глава Советского правительства вновь подтвердил принципиальную советскую концепцию по германскому вопросу: «СССР, добившись победы, не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию». Эту же позицию советская делегация отстаивала на проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 года во дворце Цицилиенхоф Потсдамской конференции, хотя делегации США и Великобритании неоднократно пытались добиться раздробления Германии…

Пленарные заседания проходили в зале, расположенном в центральной части дворца. Состоялось тринадцать официальных заседаний и ряд встреч глав и членов делегаций. Главы делегаций собирались обычно вечером, а утром министры иностранных дел еще более активно, чем на предыдущих встречах в Тегеране и Ялте, готовили повестку дня и обсуждали передаваемые им на доработку вопросы.

Благодаря настойчивости и последовательной позиции советской делегации, что признается сегодня большинством ученых и политических деятелей на Западе, в решениях Потсдамской конференции было закреплено, что Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое. Вопрос о ее расчленении был тогда вообще снят с повестки дня. Было решено, что исключить возможность возникновения с немецкой земли угрозы новой агрессии можно лишь путем демилитаризации Германии и переустройства ее жизни на мирной демократической основе. Конференция провозгласила, что германский милитаризм и нацизм будут искоренены и уничтожены и союзные державы примут меры к тому, чтобы «Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире».

Что касается социально-экономического строя и государственного устройства Германии, то это должен был решить со временем немецкий народ после выполнения основных требований безоговорочной капитуляции.

Была окончательно закреплена польско-германская граница: по Одеру Нейссе; достигнута договоренность по вопросам о

германских репарациях и о суде над главными немецкими военными преступниками.

Для решения всех общегерманских вопросов был создан Контрольный совет по Германии, состоящий из главнокомандующих вооруженными силами во всех оккупационных зонах. На последних заседаниях — 31 июля и 1 августа 1945 года — были окончательно сформулированы «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период».

Согласованные на конференции политические принципы предусматривали разоружение и демилитаризацию Германии, запрещение военного производства и установление временного контроля над промышленностью, уничтожение национал-социалистской партии со всеми ее подразделениями, предотвращение нацистской и милитаристской деятельности и пропаганды, проведение реконструкции всей политической жизни в стране на демократической основе. Экономические принципы предусматривали уничтожение германского военного потенциала, ликвидацию монополистических объединений, изъятие производственных мощностей, не нужных для производства гражданской продукции, и обеспечение мирного развития экономики.

Немецкий народ, от имени и при участии которого совершались злодеяния нацизма, должен был нести определенную ответственность за их последствия. Но одновременно немцам предоставлялась возможность окончательно порвать с прошлым и начать новую жизнь. В документах, принятых в Потсдаме, подчеркивалось, что союзные державы, взявшие на себя верховную власть в стране, не будут преследовать целей уничтожения или порабощения немецкого народа. «Союзники намереваются, — говорилось в них, — дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если немецкий народ пойдет по этому пути, то он сможет с течением времени занять достойное место среди свободолюбивых народов».

Таким образом, главная цель союзнических решений по германскому вопросу состояла в том, чтобы полностью осуществить демократизацию страны и навсегда вырвать корни германского милитаризма и реваншизма, разоружить германский империализм политически и экономически, создать такие условия развития Германии, которые не позволили бы повернуть ее на прежний путь агрессии.

Потсдамская конференция вошла в историю как важнейшая международная конференция, заложившая основы послевоенного устройства Европы. Выработанные в ее ходе документы были не диктатом победителей, не актом мести или «сведения счетов», а конструктивной программой, отвечающей интересам всеобщего мира. Она носила ярко выраженный прогрессивный характер и была проникнута заботой о международной безопасности, о Дальнейшей судьбе самого немецкого народа. Принятые в Потсдаме решения были устремлены не в прошлое, а в будущее.

В советской зоне оккупации осуществление контроля за выполнением Германией условий безоговорочной капитуляции возлагалось на Советскую военную администрацию в Германии, в лице Маршала Советского Союза Г. К. Жукова или одного из его заместителей. С 1946 года эти функции начал исполнять генерал армии В. Д. Соколовский.

СВАГ была своеобразным органом, совмещающим внешнеполитические функции с функциями управленческой деятельности, вытекающими из оккупационного режима и отсутствия германского правительства. Она имела свои управления в пяти землях Восточной Германии, ей подчинялись военные комендатуры округов, городов и районов.

Центральный аппарат СВАГ состоял из соответствующих управлений и отделов: промышленности, сельского хозяйства, транспорта, финансов, народного образования, здравоохранения, торговли и снабжения, юстиции. Особое значение придавалось Управлению информации, которое занималось проблемами политической жизни: поддерживало связи с партиями, профсоюзами и другими массовыми организациями, осуществляло надзор за печатью и радио. СВАГ и ее Главноначальствующий непосредственно подчинялись Совету Министров СССР.

При Главноначальствующем СВАГ был подчиняющийся МИД СССР политический советник, который со своим аппаратом выполнял функции дипломатического характера. В его компетенцию входило прежде всего поддержание связей с западными союзниками, контроль за деятельностью советских представителей в Контрольном совете и в Союзной комендатуре города Берлина, за выполнением потсдамских и других решений союзников по антигитлеровской коалиции. Являясь, по существу, дипломатическим органом, аппарат политического советника осуществлял связи с различными военными миссиями и иностранными представителями при Контрольном совете, корреспондентами иностранных газет и т. д. Он выполнял также определенные консульские обязанности как в отношении

советских, так и немецких граждан. Со временем он стал поддерживать все больше связей и с немецкими органами самоуправления и партиями, разъясняя им основные положения советской внешней политики.

За время существования СВАГ (9 июня 1945-10 октября 1949 г.) сотрудничество работников советских управлений и отделов с немецкими демократическими силами укреплялось. Восстанавливалась экономика.

11 ноября 1945 года я присутствовал на открытии сооруженного по приказу маршала Г. К. Жукова памятника 2500 советским воинам, павшим в боях на берлинских улицах и при штурме рейхстага и захороненным в Тиргартене, рядом с рейхстагом и Бранденбургскими воротами. Георгий Константинович сам открыл мемориал, ставший святыней для советских людей и многих немцев.

В один из дней в мою рабочую комнату зашел подполковник и спросил, где здесь переводчик Литвин. Затем представился сам: подполковник Мосунов. Поговорить успели совсем немного: адъютант начальника отдела попросил Мосунова зайти к генералу Куцевалову. Он заспешил, но мы успели договориться, что завтра утром выезжаем в город Бранденбург к новому месту моей службы.

Выехали рано. То слева, то справа от дороги видны были следы ожесточенных боев: разбитые танки, штурмовые орудия, остатки сожженных машин, взорванный мост через канал, а вместо него — деревянный, видимо, наведенный на скорую руку нашими саперами… Невдалеке от автострады, на опушке леса, показался заброшенный военный аэродром. Как изваяния, стояли на нем «мессершмитты» и «хейнкели» со свастиками на хвостовом оперении и черными крестами на фюзеляжах. В тени их крыльев лежали коровы и мирно жевали траву, без опаски относясь к некогда грозной технике, с помощью которой немецкие летчики бомбили наши города и села, расстреливали с воздуха людей. Впрочем, военная техника в эти дни не была страшна никому. Казалось, что ее время прошло.

Время от времени мелькали селения с домами, крытыми красной черепицей, и остроконечными кирхами. Впереди показался старинный город Бранденбург. Мосунов подвез меня к гостинице, помог устроиться, и затем мы пошли в окружную комендатуру, где был наш кабинет. По пути туда Мосунов проинформировал меня, что Управление СВАГ земли Бранденбург возглавляет генерал Шаров, а окружным комендантом здесь — герой обороны Сталинграда полковник Горохов. Задачами же уполномоченного Военно-воздушного

отдела СВАГ по Вранденбургскому округу являются: наблюдение за демонтажем авиационных заводов, в данном случае фирмы «Арадо», взятие на учет авиационных объектов, научных Работников, бывших служащих люфтваффе и т. д.

На следующий день я включился в работу: беседовал с учеными фирмы «Арадо», заполнял на них опросные листы. Мой начальник через пару дней поручил эту работу выполнять мне лично, а сам занялся другими делами.

Однажды я беседовал с бывшим генералом люфтваффе, который еще до войны был уволен в отставку по старости. От него я впервые услышал, что у нас, в авиацентре города Липецка, до 1933 года учились немецкие летчики и что он тоже был там с инспекцией. Затем он рассказал мне, что в Филях был авиазавод фирмы «Юнкере». Он немного говорил по-русски и по-русски же, очевидно, чтобы я наверняка понял его мысль, сказал, что Германия совершила роковую ошибку, напав на СССР. Немцам и русским самой историей суждено жить в мире и дружбе на благо обоим народам. Затем он начертил перевернутую пирамиду и уже по-немецки начал делать пояснения: смотрите, мол, с 1914 по 1922 год в России, а затем в СССР была самая низкая рождаемость из-за Первой мировой войны, а затем и Гражданской, а потому немецкий генеральный штаб и наметил для нападения 1941 год, так как этот год был одним из последних, давших России малое количество призывников — солдат и офицеров, к тому же физически ослабленных из-за недоедания в детстве. Дальше рождаемость и качество призывного контингента повышались. Затем он сказал, что немцы хорошо знали положение в СССР во время принудительной коллективизации, о страшном голоде и огромном количестве умерших. Ожидалось, что раскулаченные и их семьи сразу перейдут на сторону освободивших их от большевизма. Учли немцы и то, что большое количество офицерского состава было уничтожено во время «чисток врагов народа», а самое главное что, из-за вызванного ими страха неадекватного наказания за промахи офицерские кадры разучились в большинстве своем принимать самостоятельные решения и вынуждены были оглядываться на вышестоящее начальство. А вышестоящее — на еще более вышестоящее…

— Получалось, что Россия 1941 года — это хоть и колосс, но на глиняных ногах, без головы, с «медленными» нервами. Но я воевал с русскими в Первую мировую войну и знал, что они не любят, когда их освобождают от их Родины. Я понимал, что и в этой войне Родину они не отдадут, несмотря на свои внутренние разногласия. Если дело идет о России, то русские не жалеют ни

себя, ни тем более врагов. А убитыми врагами были бы немцы… Много немцев… Поэтому я, всячески ссылаясь на возраст и здоровье, не принимал участия в гитлеровской авантюре…

На следующий день я поведал об этом разговоре шефу. Мосунов, понизив громкость голоса почти до шепота, сказал: «Да, генерал рассказал правду, только ты эту правду пока оставь при себе. Сейчас не время. А запоминать запоминай». До недавнего времени я рассказывал об услышанном только самым близким людям.

Постепенно эта крупица правды начала дополняться другими крупицами. Увидел я и немецкие архивные документы о тесном сотрудничестве рейхсвера и Красной Армии в 1920–1933 годах…

Если бы все люди знали, во что выльется завтра сегодняшнее «взаимовыгодное сотрудничество», то история развивалась бы по-другому. Но люди этого знать не хотят. Истоки сотрудничества России и Германии в военной области — в итогах Первой мировой войны, в которой обе страны по разным причинам упустили победу. И обе понимали важность авиации для достижения победы.

Война живет всегда и во всем. Самые светлые, безобидные на первый взгляд изобретения человечества в любой момент могут быть приспособлены для убийства. После окончания Первой мировой войны в военных кругах Европы одержало верх мнение, что новая война станет войной моторов и победа будет на стороне того, чья военная, в том числе авиационная, техника окажется выше качеством, и еще важнее иметь ее в большем количестве. После окончания войны в распоряжении стран-победительниц остались огромные ресурсы авиационной техники. В конструкторских бюро, лабораториях, на заводах осуществлялись научно-исследовательские изыскания, опытное и экспериментальное строительство более совершенных самолетов, Россия и Германия оказались в более тяжелых, чем другие страны, обстоятельствах. К 1918 году они были чрезвычайно ослаблены войной, в которой обе стороны приложили неимоверные усилия для уничтожения граждан и экономического потенциала Друг друга. Повоевали они друг с другом и в ходе Гражданской войны в России.

Германии, в соответствии с Версальским договором, военную авиацию иметь было запрещено, и приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы замаскировать работы по ее совершенствованию, ведущиеся втайне. Немцы стали усиленно искать выход из сложившейся ситуации. Возникла идея использовать прямые связи с Красной Армией, поскольку Россия Версальский договор не подписывала. Эта идея нашла одобрение

у другой стороны.

Для советской авиации базой служили оставшиеся от царского воздушного флота техника и немногочисленные кадры. К весне 1918 года из 91 авиационного отряда, имевшегося в старой русской армии, в распоряжении Красной Армии поступил только 31, но они были практически небоеспособны. В конце 1918 года в составе действующей армии находилось до 45, в 1919 году — до 65 авиаотрядов. Максимальное количество — до 70 авиаотрядов и 4 авиазвена было на фронте в августе 1920 года.

1 декабря 1918 года Всероссийский Совет Народного Хозяйства принял решение о создании Центрального аэрогидродинамического института знаменитого ныне ЦАРИ, а 21 сентября 1920 года для испытаний авиационной техники был создан научно-опытный аэродром. Но наиболее дальновидные из руководителей страны прекрасно понимали несоответствие отечественной авиации задачам обороны страны, не говоря уже о поддержке «мировой революции».

7 ноября 1921 года М. В. Фрунзе писал о воздушном флоте: «Такового у нас не имеется, ибо нельзя же серьезно считать флотом те несколько сотен аппаратов, которые среди летчиков известны под названием «гробов».

8 начале 1921 года в Москву приехала группа немецких офицеров во главе с майором Оскаром Нидермайером, чтобы на месте изучить возможности создания учебных центров для разработки и испытаний запрещенных к производству в Германии видов оружия и военной техники, а также для подготовки армейских кадров. В конце того же года председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий и начальник штаба РККА П. П. Лебедев провели переговоры с представителями рейхсвера и деловых кругов Германии о создании в РСФСР производственных структур немецкой военной промышленности под видом совместных российско-германских предприятий и концессий.

Уже на следующий год фирма «Юнкере» приступила к строительству в подмосковных Филях авиазавода, который с 1924 года выпускал ежегодно несколько сот самолетов.

В июле 1923 года в Берлин прибыл начальник Управления Военно-Воздушных Сил РККА А. П. Розенгольц. В ходе его визита было подписано секретное соглашение «О строительстве русской военной индустрии и изготовлении военных материалов для Германии», уточнены условия создания в Липецке немецкого учебно-летного центра, для которого Германия закупила у голландской фирмы «Фоккер» 100 истребителей.

Одновременно немецкие летчики обучались и в Италии.

Поначалу в Липецке проходили переподготовку летчики бывшей кайзеровской авиации, затем в центр стала прибывать молодежь. По окончании учебы курсантам присваивалось офицерское звание. Все делалось втайне, чтобы избежать огласки и разоблачений. В Липецке были подготовлены 450 человек летного состава, в том числе 120 летчиков-истребителей. Многие из них со временем стали известными асами. Испытанные в центре опытные образцы самолетов послужили основой первых серийных типов истребителей и бомбардировщиков будущей военной авиации третьего рейха — люфтваффе.

Военное сотрудничество с Германией могло бы принести большую пользу и советской авиации. Страна нуждалась в притоке иностранного капитала, передовых технологий и оборудования для развития авиастроения и других отраслей промышленности. Важно было и то, чтобы Советское правительство, соответствующие ведомства располагали достаточно полной и точной информацией о военно-промышленном потенциале Германии. Многие командиры Красной Армии учились или стажировались в этой стране, знали сильные и слабые стороны немецкой армии. Однако позднее почти все они стали жертвами репрессий. Многие же из немецких авиационных специалистов, сотрудничавших с советскими авиаторами, впоследствии занимали крупные должности в люфтваффе. Так, командующий транспортной авиацией генерал Морцик в 1923–1925 годах, в период тесного сотрудничества рейхсвера и Красной Армии, был летчиком-испытателем на немецком заводе «Юнкере», размещавшемся в Филях. Знание русской авиации помогало ему бороться с ней. Мартин Фибиг, который, в звании капитана в 1927–1928 годах вместе с еще тремя офицерами рейхсвера работал в Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского в Москве, командовал во время Сталинградской битвы 8-м воздушным корпусом и осуществлял общее командование силами люфтваффе, действующими в районе Сталинграда. Его донесения в штаб рейхсвера, копии которых находятся в моем архиве, представляют интерес. Он тогда высоко оценивал профессиональный и интеллектуальный уровень советских авиаторов и ученых академии. К докладу был приложен составленный на русском языке план учений командного факультета академии, комментарии Фибига о перегруппировке частей ВВС из глубинных баз в районы боевых действий, сосредоточении их, о системе ПВО, охраны передовых аэродромов, связи, об обеспечении тыла, о метеослужбе, дислокации собственных сил и сил противника, дана оценка

театра военных действий с точки зрения авиационного командования и т. п.

Находясь в Потсдаме, Мартин Фибиг написал более чем пятидесятистраничный доклад в штаб рейхсвера о положении в советских ВВС и о своей работе в академии. По его мнению, требования командования к слушателям были высокими. Преподавательский состав имел хорошую выучку и серьезные знания. Методы обучения: лекции, семинарские занятия и самостоятельная работа слушателей. Лекции читали высокоподготовленные лекторы, имеющие опыт Первой мировой войны. Фибиг отметил, что дисциплина в академии была невысокой, отмечал достаточно большое количество пропусков слушателями занятий. В том же докладе Фибиг привел секретные данные о мобилизационных возможностях ВВС, в частности, отметил, что истребительная эскадрилья имеет в своем составе девятнадцать самолетов: шесть звеньев по три самолета и машину командира эскадрильи и т. п…

Учившийся в Липецкой авиашколе в период тесного сотрудничества рейхсвера и Красной Армии курсант Ешоннек стал впоследствии начальником генерального штаба люфтваффе…

Профессиональный разведчик полковник Оскар фон Нидермайер руководитель немецких специалистов в СССР во время тесного сотрудничества Красной Армии с рейхсвером — работал в Москве много лет. Затем в Берлине был профессором-востоковедом. В период Великой Отечественной войны в чине генерал-майора командовал 162-й пехотной дивизией, в которую входили «восточные легионы» из граждан СССР. Это была учебная дивизия, дислоцированная в Миргороде.

В Германии были созданы министерство авиации и военно-воздушные силы люфтваффе, как самостоятельный вид вооруженных сил. Возглавил новые структуры ближайший сподвижник фюрера, крупный капиталист, бывший летчик-истребитель Г. Геринг.

К концу 20-х годов советская авиация могла уже развиваться практически без посторонней помощи. В середине 30-х годов советские летчики на советских самолетах уже покоряли Арктику, летали через Северный полюс в Америку, ставили рекорды скорости, высоты, дальности, рекорды небывалого мужества и невиданной стойкости. В стране открывались все новые аэроклубы для обучения юношей и девушек, рвущихся в небо.

И в Германии развитие авиационной промышленности и военно-воздушных сил шло быстрыми темпами, поскольку научно-техническая база и кадры для них были подготовлены

заранее. И эту «тайну» хорошо знали как в СССР, так и на Западе.

Начальник генерального штаба люфтваффе генерал Вефер и его заместители генералы Удет и Ешоннек были приверженцами взглядов итальянского теоретика воздушной войны генерала Дуэ, по мнению которого авиация, завоевав превосходство в воздухе, может мощными массированными ударами по важным экономическим и политическим центрам противника одна добиться успеха в войне. Убеждения руководителей гитлеровской авиации проявились в ускоренном создании тяжелых бомбардировщиков и самолетов непосредственной поддержки наземных войск…

В дождливый ноябрьский день я впервые приехал в город Вердер, входивший в наш Бранденбургский округ. Этот небольшой город рядом с Потсдамом немцы называли фруктовым садом столицы. Там были действительно прекрасные сады и овощные плантации. В комендатуре Вердера я обратил внимание на высокого статного пожилого немца, выходящего из кабинета коменданта. Комендант, бравый подполковник с орденскими планками на груди, проводил его до выхода.

— Кто это? — спросил я стоявшего рядом со мной работника комендатуры.

— Это же известный писатель Бернгард Келлерман!

— Келлерман?..

— Да, тот самый, известный и у нас в стране! Он живет в Вердере.

Я, конечно, слышал о Келлермане в Военном институте иностранных языков, но увидеть живого автора «9 ноября» вот так запросто было для меня событием.

Мне рассказали, что, когда наши саперы восстанавливали разрушенный мост через реку Гафель, в руки одного офицера-инженера, знавшего немецкий язык, попала книга Келлермана и он начал ее перелистывать. Один из немецких ребятишек, подружившихся с нашими саперами, сказал, что автор книги, Бернгард Келлерман, их сосед, что он жив и здоров и живет рядом. И вот капитан, который не мог не познакомиться с писателем, уважавшим трудящихся, писателем, который приезжал в Москву по случаю столетнего юбилея Льва Толстого в 1928 году и встречался с Луначарским, Бернардом Шоу и другими писателями и политическими деятелями, стоит у добротного, просторного, но уже обветшавшего дома, который в Вердере знали все. Да, это был тот самый Келлерман! Даже в период господства нацизма он в своих книгах продолжал утверждать, что судьба немецкого народа, его будущее и счастье в мирном, созидательном труде, упорной работе. Он верил, что

«страшная ночь» пройдет, и писал для будущего.

Саперы решили своими силами отремонтировать его дом, а комендатура выделила семье писателя корову. В то голодное время это была действенная помощь автору романов «9 ноября», «Туннель», «Ингеборг», мудрому человеку, сказавшему: «…Я понял, почему именно вы, советские, одолели фашистов. Ни одному другому народу это не удалось бы…»

Знал я и другие его высказывания, например: «Что творилось в фашистской Германии: вожди лгут, чиновники бесчинствуют, а верноподданные хлопают в ладони!» Я с удовольствием читал его статьи в газете «Теглихе рундшау» («Ежедневное обозрение»), которая издавалась для немцев.

Коллеги-переводчики рассказали мне и о судьбе еще одного всемирно известного немецкого писателя — Гергарда Гауптмана. В Берлин поступило сообщение, что в Верхней Силезии, которая теперь отошла к Польше, на своей вилле «Визенштайн» он в бедственном положении доживает последние дни. Говорили, что местные польские власти обращаются с ним сурово: чинят всякие препятствия. Его судьба встревожила поэта Иоганна Бехера — председателя «Культурбунда» — организации, объединяющей прогрессивных деятелей немецкой культуры. Он обратился лично к маршалу Г. К. Жукову.

Георгий Константинович для ознакомления с положением на месте и принятия необходимых мер направил группу немецких и советских работников во главе с Бехером. Я видел виллу «Визенштайн» на открытке. Возвышаясь на вершине горы, она производила впечатление средневекового замка: массивные каменные стены, высокая башня, резко устремленная ввысь, черепичная двускатная крыша. Дворец и неприступная крепость одновременно… Первыми словами Гергарда Гауптмана, обращенными к нашим военным, были: «Я благодарю новую победившую Россию, чьи люди первыми посетили меня в эти смутные и трудные дни моего одиночества». Он показал им сборник «Россия и мир», выпущенный в начале 20-х годов им совместно с Фритьофом Нансеном и Максимом Горьким, которого очень уважал и с которым переписывался. В предисловии к книге, написанном Гергардом Гауптманом, был дан ответ на призыв Максима Горького к ученым и писателям всего мира помочь молодой Советской Республике. Средства от продажи этого издания предназначались в фонд помощи голодающим Поволжья. На собранную, солидную по тем временам, сумму денег закупили медикаменты и пароходом отправили в Россию.

Имя Гауптмана было хорошо известно в России еще до революции. Его пьесы переводились на русский язык и ставились

в театрах Петербурга, Москвы, Киева и других городов. К. С. Станиславский, как бы объясняя творческую близость Художественного театра с драматургом Гауптманом, писал: «Сила Гауптмана, как и Чехова, была в том, что его правдивые, внутренне наполненные пьесы всегда затрагивали многие из проблем, волновавших передовую русскую интеллигенцию».

В августе 1895 года в Берлине В. И. Ленин смотрел в театре его пьесу «Ткачи», о которой Франц Меринг писал как о произведении «революционном и в высшей степени актуальном», «содержащем социалистические тенденции, что в нем… бьет ключом подлинная жизнь, потому что «Ткачи» — плод усердных трудов и тонкого понимания искусства».

Первое собрание сочинений Гергарда Гауптмана вышло в России на русском языке за много лет до того, как оно появилось на родине писателя. Гауптман начал свою литературную деятельность пьесой «Перед восходом солнца», а в 1932 году написал «Перед заходом солнца» — пьесу, которую тогда многие восприняли как сигнал тревоги. Он как бы предупреждал немецкий народ о грозящей ему опасности, о наступлении фашизма. Не подлежит сомнению, что Гауптман никогда не разделял идеологии фашизма…

Жена писателя во время нашего посещения рассказала о том, как входили русские части в их населенный пункт: «После непродолжительной артиллерийской перестрелки в селение ночью вошли советские войска. Писатель лежал больной. У его постели находились я и массажист. Все остальные, жившие в доме писателя, спрятались в подвале. В парадную дверь постучали. Перед советскими солдатами распахнули двери. Войдя в просторный холл, они не смогли скрыть своего удивления. Включив свет, они рассматривали произведения искусства, собранные писателем за долгую жизнь. Сначала они посчитали, что это музей, а затем, узнав, что это просто жилой дом богатого человека, хотели его занять на постой своей роты. Массажист принес номер советского журнала «Театр» № 1 за 1941 год с портретом В. И. Ленина на обложке. В нем была напечатана статья о Г. Гауптмане. Солдаты извинились за беспокойство и выставили перед виллой часовых, чтобы никто не нарушал покой больного писателя.

На следующий день виллу посетил молодой лейтенант. Он говорил немного по-немецки, пожелал выздоровления автору «Ткачей»… Зашел у них разговор и о судьбе послевоенной Германии, об ответственности немецкого народа, в частности немецкой интеллигенции, за все злодеяния гитлеровцев.

Тогда беседующие еще не предполагали, что спор этот только

начинался, что он затянется на много лет, пройдя водоразделом через всю немецкую культуру, через страну, через судьбу народа и судьбы отдельных личностей.

В мандате, подписанном Г. К. Жуковым, было написано весьма четко и ясно: «Оказать писателю Гауптману всяческую помощь и содействие во всем, в чем он будет нуждаться. В случае необходимости и возможности — организовать его переезд на новое место жительства». Писатель дал согласие поселиться в Берлине или Дрездене, сказав при этом: «Если, конечно, от моего милого Дрездена еще что-нибудь осталось…» Он рассказал о бомбежке Дрездена американцами в ночь с 12 на 13 февраля 1945 года, происшедшей на его глазах. За всю войну на Дрезден не упала ни одна бомба. Одни считали это просто чудом, другие утверждали, что это Сикстинская мадонна вымолила у Бога, чтобы он пощадил город. Ходили и более прозаические слухи о том, что англичане не бомбили Дрезден потому, что в районе «Вайсер Гирш» живет какая-то родственница английской королевской семьи, а вокруг нее много особняков, принадлежащих английским аристократам…

С утра 12 февраля, в последний день Дрездена, милой Флоренции на Эльбе, маленькой жемчужины среди германских городов, было солнечно и морозно, и Гауптман поднялся бодрым, веселым, испытывая творческий подъем.

…Ровно в двадцать один час по всему Дрездену завыли сирены… На рассвете самолеты, всю ночь налетавшие волна за волной, убрались восвояси, бомбежка кончилась. Гауптман, которого с двух сторон поддерживали за руки супруга и секретарша, вышел из подвала и тут же чуть было не упал от ужаса, увидев Дрезден, превращенный в сплошное море огня и руины. От края до края небо опалили сплошные зарева, красные и фиолетовые, черно-коричневые и голубые, белые и опаловые. На их фоне разрушенные здания, охваченные пламенем, остовы дворцов и соборов, мосты через Эльбу казались зловещими призраками. Надо всем этим повисла густая и мрачная, как грозовая туча, сплошная пелена дыма, пара и чада. Видно было, как по мосту метались люди в горящей одежде. Многие, как живые факелы, бросались в Эльбу, захлебывались и уходили на дно… «Содом и Гоморра! — шептал Гауптман, и слезы текли по его лицу. — Я хочу умереть. Сию же минуту…» Тогда же, вечером, он продиктовал секретарше в свой дневник несколько страничек, которые озаглавил: «Я плачу».

Умер Гауптман у себя в Силезии, хотя для него была подготовлена вилла в Берлине, куда он должен был переехать. Он просил похоронить его на острове Хиддензее, что и было

выполнено…

Позже об этой ужасной бомбардировке, которая оказалась сродни атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки, рассказывали мне немецкие друзья, лично пережившие эти трагические часы в Дрездене. Они полностью подтвердили все описанное Гауптманом.

Нисколько не оправдывая тех, кто приказал уничтожить Дрезден, и тех, кто этот приказ, может быть даже со злорадством, исполнил, мы все-таки вспомнили произведенные несколькими годами раньше люфтваффе бомбардировки Герники и Роттердама. В момент казни на палачей находит какое-то ослепление и им кажется, что с ними и с их родными и близкими никогда не поступят так, как они поступают с другими. Но маятник войны всегда возвращается. Иногда через несколько часов, иногда — через несколько лет, иногда — через несколько столетий… Но возвращается всегда.

История, как известно, не знает последнего слова. Мне часто вспоминаются слова песни, которую любил напевать мой, ныне покойный, отец. Есть в ней монолог Наполеона, наблюдавшего пожар Москвы и предчувствовавшего свое поражение: «Зачем я шел к тебе, Россия, Европу всю в руках держа? То вознесет судьба высоко, то бросит в бездну без стыда!»

Мой начальник предложил мне поискать вблизи здания окружной комендатуры, где находилось наше служебное помещение, частную квартиру. Это мне удалось без особых затруднений. Двумя старыми женщинами-сестрами нам была предложена квартира с двумя отдельными спальнями и столовой между ними, что нас вполне устраивало. Они даже обрадовались, что в их квартире в это тревожное время появились мужчины. Рядом сестры имели другую квартиру. Отношения были хорошими, чему способствовало мое знание немецкого языка, и они всячески старались помочь нам по хозяйству. На этой улице вскоре нас стали узнавать немцы-соседи, здороваться. Однажды ко мне подошла молодая женщина и просила помочь ее жениху, если это возможно, устроиться на работу. Шофер нам был нужен, так как в нашем распоряжении было две автомашины, и мы взяли Артура к себе, о чем потом не пожалели. Правда, мат-часть автомобиля он не знал совсем. Когда однажды заглох мотор, Артур растерялся, и тогда подполковник-инженер Мосунов вышел из машины, открыл капот, отсоединил трубку, втянул из нее в рот бензин, выплюнул, снова присоединил, сел за руль и поехал сам, а через пару километров передал управление Артуру…

Но зато как Артур пел! Ранее он был певцом Кельнской оперы. Судьба забросила его — на Восток, где он уклонялся от

военной службы, за что попал в тюрьму и от страшного наказания был освобожден нашими стремительно наступающими войсками. В плен он, естественно, не попал. Его пением, а он часто пел и за рулем, наслаждались не только мы с шефом, но и наши товарищи из комендатуры. Пел он охотно, а его невеста аккомпанировала ему на рояле или пианино. Вторым шофером у нас работал Фриц — бывший летчик-испытатель фирмы «Арадо». Он был гражданским лежащим этой фирмы, испытывал реактивный самолет «Арадо». Когда американские «летающие крепости», наносящие днем удары по городам Германии, проходили дом с Бранденбургом, он взлетал на реактивной машине, врезался снизу в строй бомбардировщиков, сбивал как правило, одного из них, затем делал боевой разворот и сверху еще раз, ведя прицельный огонь, сбивал второго и шел на посадку, ибо запас горючего на этом самолете был всего на полчаса лета. Так ему удалось сбить шесть американских самолетов, но затем при одной из бомбежек авиазавода он был ранен и таким образом тоже избежал плена. Фриц носился и на нашем «опель-капитане» с максимальной скоростью, за что получал ежедневные замечания от моего шефа. Он постоянно соглашался, что нужно ездить с меньшей скоростью, а потом говорил: «И это скорость?» Впрочем, он обладал мгновенной реакцией, и мы ни разу не имели с ним особых трудностей при поездке в горах. Отводил же он душу на автостраде.

На заводе «Арадо» представители наших авиационных заводов в соответствии с потсдамскими соглашениями проводили демонтаж оборудования для вывоза его в СССР. Можно было понять желание и даже право победителя хотя бы частично компенсировать огромные материальные потери, нанесенные вторжением Германии, что, кстати, признавали и сами немцы, но, по моему мнению, работа эта проводилась далеко не всегда разумно, что, конечно, не добавляло уважения к нам. В одном из приказов Главноначальствующего Советской военной администрации приводился пример: прибывшие за своей долей имущества представители Министерства путей сообщения демонтировали поворотный круг, нужный для формирования эшелонов, в том числе направлявшихся в СССР…

Лично мне приходилось наблюдать похожее и в нашем округе. Представители Министерства авиационной промышленности начали демонтировать завод по производству очень нужной для нашей страны фибры, но дело в том, что завод был очень старым, оборудование сильно изношенным. Немцы сами еще до войны хотели полностью его обновить и совершенно правильно доказывали: «После демонтажа и транспортировки у

вас в стране окажется куча металлолома! Не лучше ли будет, если мы сами пару лет будем на нем работать и всю продукцию отправлять в СССР, а затем сами его демонтируем и вместо старого построим новый. Тогда фибры всем хватит». Но нашему начальству, получившему на этот счет «разумное» распоряжение, доказать ничего не удалось. Хлам демонтировали, перевезли за Урал, на что были использованы десятки эшелонов, а затем, как я позже узнал, все было заброшено.

Однажды на другом военном заводе немецкий инженер мне сказал:

— А знаете, с одной стороны, это даже хорошо, что вы так поступаете: вывозите старое оборудование, а мы будем вынуждены здесь поставить уже новое, более современное. Ваша промышленность начала бурно развиваться в тридцатые — сороковые годы. На ваших заводах было установлено новое оборудование из стран Западной Европы, в том числе из Германии, а также США, а мы, немцы, часто довольствовались старым, ибо было жалко его выбрасывать, да и немецкая бережливость сказалась. И, как следствие, производительность на ваших заводах была часто выше, чем у нас. Это — тоже одна из причин вашей победы.

Другой, без опаски, доверяя мне, пошутил:

— Вы знаете, я долго думал, как вам в СССР удается избежать безработицы? И пришел к выводу: вы сначала строите, потом построенное ломаете и вновь строите. Да, действительно, у вашего руководства светлые головы, ибо до этого еще никто в мире не додумался.

Шутки шутками, а доля истины в этих высказываниях была, да есть она и сегодня, уже при новом режиме, как будто ничего и не произошло.

Вообще, должен заметить, история нашей страны и ее взаимоотношения с Германией освещены еще далеко не полностью, а уже известное практически до конца не осмыслено. Вопрос о безработице тоже не так прост. О ней лучше всего рассуждают те, кого она пока не коснулась. Безработица, кроме всего прочего, вредно влияет на здоровье человека. Работа, производительный труд являются одной из основных жизненных потребностей человека и необходимым условием его нормальной жизни. Ведь именно труд фактически создал, сформировал человека, и, чтобы не превратиться обратно в животное, человек должен регулярно трудиться в соответствии со своими интересами и способностями, получая от труда не только материальную выгоду и вознаграждение, но и моральное удовлетворение. Не случайно экстремисты всех мастей вербуют

своих сторонников именно среди безработных, в том числе и безработных генералов…

Я прочитал много немецких книг, интересуясь прежде всего предысторией прошедшей войны. Естественно, прочитал и «Майн кампф» Гитлера, которую, кстати, миллионы немцев только держали в руках, но не читали. «Пивной путч» Гитлера поддержал бывший начальник генерального штаба германской армии во время Первой мировой войны генерал Людендорф. Для меня было открытием, что он же, Людендорф, лично следил за следованием по железной дороге через Германию российских революционеров-эмигрантов во главе с Лениным. Недавно я прочел чудовищное свидетельство самого Людендорфа, о котором мне говорили, но я не мог верить до последнего времени: «Тогда мы очутились в положении, когда уже нельзя было ни рассуждать, ни разбираться в средствах защиты. Я нисколько не скрываю, что устраивал в России революцию, чтобы иметь возможность заключить мир и прекратить войну…»

Тот же Людендорф был наиболее ярким идейным вдохновителем немецких реваншистов в период между двумя мировыми войнами. Уже в 20-х годах в том, что новая война должна быть и будет, он не сомневался, исследуя только то, какой она должна быть. Людендорф утверждал, что имеет смысл говорить только о «молниеносной» войне, иначе военный потенциал Германии может оказаться недостаточным и народ не выдержит длительной войны. Войну следует вести исключительно наступательно, поскольку оборона, по его мнению, приводит к разложению армии, ибо армия должна все время иметь успех, а это возможно только при наступлении. Исключительно важное значение Людендорф придавал внезапности…

Плохие люди часто бывают хорошими учениками. Нарождающийся фашизм очень хорошо воспринял эти идеи. Гитлеровские военные теоретики включили в теорию «молниеносной войны» теорию «танковой» войны, заимствованную у англичанина Фуллера. Приспособили, об этом выше я уже упоминал, и теорию «воздушной войны» итальянского генерала Дуэ, которая в предвоенные годы была принята для решения стратегических задач во многих странах Европы. Военно-воздушные силы должны были поддерживать танковые армии и дивизии с воздуха и прокладывать им путь, а также наносить массированные удары по промышленным объектам противника и населенным пунктам, чтобы сломить моральный дух населения и разрушить экономику.

Параллельно готовился «человеческий материал» как внутри страны, так и за рубежом. Планировали свои акции «белые

воротнички» — пропагандисты, журналисты, дипломаты, ведь если агрессор раньше времени делает явными свои планы, то он сталкивается с излишним сопротивлением чужих и даже своих граждан: поначалу мало кому хочется участвовать в агрессии или помогать агрессору. Другое дело «борьба с коммунизмом», укрощение и уничтожение «азиатского зверя», только и ждущего момента ринуться к Ла-Маншу, не говоря уже о его желании расправиться с «историческим врагом» — Германией.

Планируют, реализуют планы не только «волки», но и «овцы», желающие загрести жар чужими руками. 19 ноября 1937 года министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс в беседе с Гитлером заявил, что он «и другие члены английского правительства проникнуты сознанием того, что фюрер достиг многого не только в самой Германии», что «в результате уничтожения коммунизма в своей стране он преградил путь последнему в Западную Европу, и потому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма».

Как свидетельствуют опубликованные после войны документы, правительства Англии, США и Франции проявляли большую активность, чтобы использовать Германию в своих целях. Герман Геринг на Нюрнбергском процессе подтвердил, что Англия, заключив мюнхенское соглашение, имела целью подтолкнуть Германию к войне против СССР. Уинстон Черчилль заявил, что Англия объявила войну Германии потому, что Гитлер, обещавший войну с большевизмом, не выполнил своего обещания и тем самым обманул западную цивилизацию.

Планы, планы… Реки крови начинаются с капелек чернил. Как часто мы это забываем! Когда военные стратеги планируют войну малой кровью, в первую очередь имеется в виду кровь своя, а не противника. Стратеги вермахта ломали голову над тем, как выиграть войну против более сильных в военном отношении противников, как исключить вероятность борьбы на нескольких фронтах и т. д. Было принято как аксиома, что внезапные и массированные удары танковых и мотомеханизированных войск во взаимодействии с авиацией должны обеспечить победу Германии в молниеносных кампаниях и войне в целом. Военно-политическое руководство Германии считало, что своих противников следует громить одного за другим путем нанесения последовательных, обязательно мощных ударов. Принцип тотальной войны требовал решительного и беспощадного применения всех средств войны, в том числе и признанных уже мировым сообществом как варварские, бесчеловечные. Победителей не судят. Так они думают до самого суда над ними…

Начав войну 1 сентября 1939 года нападением на Польшу, Германии удалось завоевать почти всю Западную Европу, потеряв всего 217,5 тысячи человек. Европейские страны, руководителями которых двигал антисоветизм и уверенность, что нацистская Германия в первую очередь нападет на Советский Союз, а они за это время успеют подготовиться к войне с ней, ослабленной в восточной кампании, потеряли около 4 миллионов человек убитыми, ранеными и пленными…

Если инициатива отдается агрессору, он до поры до времени волен в своих поступках и сам выбирает последовательность действий. Действительно, Гитлер в своей книге «Майн кампф» центральное место отводил захвату территории СССР, уничтожению Советского государства, порабощению всего многомиллионного населения нашей страны. Нападение нацистской Германии на СССР было преднамеренной и заранее разработанной акцией германского империализма. Сам Гитлер еще летом 1939 года, до начала Второй мировой войны, заявил: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза…»

Откровеннее не скажешь. Легенда о «превентивной войне» против СССР не выдерживает никакой критики, в чем признавались сами руководители тогдашней Германии на Нюрнбергском процессе. «Я, как руководитель германской прессы и радиовещания, — отмечал Фриче, — организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз».

А в конце своего выступления сказал: «Никаких оснований к тому, чтобы обвинять Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было».

Удивительно, что сейчас, более чем через 50 лет после Великой Отечественной войны, на Западе вновь используется тезис о «превентивной» войне фашистской Германии против Советского Союза, хотя большинство немецких политиков и историков объективно оценивают те давние события.

Иностранных авторов теории о неком «упреждающем ударе Германии по Советскому Союзу» можно если не простить, то понять: с целью патриотического воспитания молодых поколений немцев они стремятся после грандиозного поражения гитлеровской Германии в войне с СССР хоть как-то «подправить» историю в свою пользу. Но трудно понять «отечественных

историков», претендующих на знание «абсолютной истины» и пытающихся очернить свою же армию, свой народ. Думаю, их не простит и История.

Известные немецкие историки и публицисты Ф. Круммахер и Г. Ланге в книге «От Брест-Литовска до «Барбароссы», опираясь на документы, убедительно доказывают лживость тезиса о «превентивной» войне против СССР.

«Можно с уверенностью сказать, — пишут они, — что Сталин учитывал недостаточность своих сил против агрессора и стремился успокоить Гитлера, не давать повод для войны. Все было направлено на недопущение военного конфликта.

…5 мая 1941 года Сталин выступал перед выпускниками военных академий с речью, в которой был признак, по некоторым оценкам, его агрессивных намерений. Текст этой речи не опубликован, но ее содержание известно… Вот его выводы:

1) Советская политика должна учитывать современное соотношение сил;

2) Советские вооруженные силы и военная промышленность, несмотря на определенные достижения, не имеют оснований радоваться и увенчивать себя лавровыми венками…Что касается Гитлера, то он уже давно принял решение нанести удар, не обращая внимания на возможные дальнейшие приглашения для переговоров…»

Вот копия протокола допроса от 14 октября 1941 года, составленного в отделе разведки 11-й армии вермахта: пленный — майор, командир артиллерийского полка Красной Армии, учился в Москве в военной академии в 1941 годах, присутствовал на приеме в Кремле 5 мая. Весь допрос посвящен одному вопросу: что говорил Сталин на приеме? Пленный довольно подробно изложил речь Сталина и утверждал, что о нападении на Германию речи не было. Там речь шла о том, что НУЖНО учиться лучше военному делу, и у немцев прежде всего.

Немцы до самого окончания воины искали факты, подтверждающие необходимость «превентивной» войны. Найти такие факты они не могли, и их оставалось только выдумать. Теперь они должны сказать спасибо тем из наших (слово это даже не хочется к ним применять) историков и публицистов, кто помогает им в этом нечистоплотном деле.

К июню 1941 года в гитлеровской армии сложилась и прошла проверку в войне на Западе система управления войсками, во главе с опытным генеральным штабом. По оснащению и подготовке вооруженные силы Германии являлись сильнейшими в мире. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что вся военная техника оккупированных стран, в том числе вооружение

30 чехословацких, 92 французских, 12 английских и бельгийских, 18 голландских и 6 норвежских дивизий, попала в руки агрессора. Только во Франции они захватили 4930 танков и бронетранспортеров, а также 3000 самолетов. Германия обладала также мощным транспортом и разветвленной системой сообщения, при которой была в состоянии осуществить военные перевозки и передачу данных в большом объеме и за короткий срок. Только за счет трофейных и выпущенных во Франции автомашин гитлеровское командование перед нападением на СССР оснастило автотранспортом 92 дивизии.

На заводе «Арадо» в Бранденбурге во время войны выпускались серийно самолеты «Юнкерс-88». Там же разрабатывались реактивные самолеты фирмы «Арадо». После войны, как уже выше рассказывалось, представители министерства авиационной промышленности СССР демонтировали оборудование этого завода. Под их руководством была собрана группа немецких ведущих специалистов и ученых, которые занимались описанием научных разработок, проектов и технологии производства авиационной техники. Мой шеф тоже интересовался этими работами, и особенно аэродинамической трубой, в которой проводились испытания реактивных истребителей фирм «Арадо» и «Мессершмитт». Труба, на строительство которой, как нам было известно, лично Г. Геринг распорядился выделить два миллиона немецких марок, была разрушена во время бомбардировок союзной авиацией, документация по ней тоже не сохранилась. Но в Бранденбурге остался главный аэродинамик и крупнейший специалист по аэродинамическим трубам профессор Ойлиц. Естественно, инженер-полковник Мосунов неоднократно встречался с ним и через меня — переводчика — вел интересные беседы. Мосунов ранее работал в Центральном аэрогидродинамическом институте и в аэродинамике разбирался хорошо, я тоже кое-что смыслил в авиации.

Доктор Ойлиц производил хорошее впечатление. О работе аэродинамической трубы рассказывал, чувствовалось, не из страха, но утверждал, что документация погибла при пожаре. На прямой вопрос, смог ли бы он восстановить аэродинамическую трубу, ответил, что, естественно, смог бы, ибо труба — это дело его жизни, и что голова его, слава Богу, пока находится на месте. Ойлиц сказал, что немецкая разведка знала о том, что в СССР велись работы по созданию реактивных самолетов, знали и о их испытаниях. Потом заметил: «Но вы, русские, терпели поражения, ибо не имели аэродинамической трубы для их испытания, а самолет, летающий около и выше скорости звука, должен иметь

другие аэродинамические характеристики. Вот почему у вас погиб летчик Бахчиванджи на самолете Би-1 с жидкостно-реактивным двигателем».

Мы были удивлены его осведомленностью, тем более тем, что он знал фамилии и основные результаты работ наших ведущих аэродинамиков. У Ойлица было трое маленьких детей, и жизнь его в эти послевоенные месяцы была тяжелой. Мы делали все от нас зависящее, чтобы ему помочь: попросили руководителя группы нашего Министерства авиационной промышленности на заводе поручить Ойлицу описание аэродинамической трубы. Ему определили заработную плату, право пользоваться столовой и, кроме того, добились, чтобы ему и его семье выделили карточки на продукты высшей категории.

Однажды мне позвонил дежурный и сказал, что ко мне хочет пройти для беседы женщина по имени Ойлиц. Я, естественно, пригласил ее в кабинет, и она рассказала, что ее муж болеет уже несколько дней и очень просит меня приехать к нему на квартиру для серьезного разговора. Я обещал приехать к ним вечером, но сейчас приказал нашему шоферу Артуру отвезти фрау Ойлиц домой, но попутно заехать к нам домой взять пакет с продовольствием для этой семьи и одновременно привезти к доктору Ойлицу немецкого врача Через пару часов Артур доложил о точном исполнении приказа. Делал это он всегда с величайшим удовольствием.

Когда я приехал к доктору Ойлицу, тот лежал в кровати, но заявил, что чувствует себя лучше и надеется скоро приступить к работе. Затем доверительно сказал, что к нему из Западного Берлина два дня назад приезжал посланец от американцев, которые предлагают ему вместе с семьей прибыть в Западный Берлин по такому-то адресу. Оттуда его с семьей немедленно перебросят в Соединенные Штаты, обеспечат высокооплачиваемой работой…

К моменту окончания войны в Европе американская администрация имела специальную организацию, занимающуюся вывозом ученых из Германии. Шла «откачка нужных людей» и из советской зоны, в основном через Западный Берлин.

На мой вопрос, что он решил, Ойлиц ответил:

— Господин лейтенант, я много думал о своей судьбе и о судьбе моих детей, о войне, о послевоенном положении побежденной Германии и о судьбах мира. Поймите меня правильно. Что сейчас происходит? Кто в конечном итоге выиграл Вторую мировую войну? Американцы! Германия лежит в руинах. То же в Японии, пережившей атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Сейчас иное соотношение сил. Появились

новые средства уничтожения, которые могут привести к уничтожению всего живого на планете Земля. В итоге вырисовываются две мощные силы: богатейшая страна — США, нажившая баснословные капиталы после обеих мировых войн, и другая мощная сила, но очень ослабленная теми же войнами и внутренними противоречиями — СССР. Германия и СССР — естественные, дополняющие друг друга силы, и они должны, обязаны жить в мире. Всегда, когда немцы и русские жили Дружно, — это было благо для обоих народов. Так всегда говорил мой отец, ученый-историк, неоднократно бывавший в России. Американцы не желают, чтобы СССР был мощной державой. Две бомбы, сброшенные на Японию, — это прежде всего предупреждение вашей стране. Сейчас они не могут начать войну против вас, но готовятся: создают арсенал атомных бомб, но это не так просто. Я знаю, что вы тоже работаете в этом направлении. Представьте положение: американцы вдруг решат нанести атомный удар по Москве. До Москвы «летающая крепость» нового образца доставит бомбу на высоте, которой ваши истребители пока не достигают, а реактивных истребителей, которые могли бы ее сбить на пути к Москве, у вас нет. А если будут, то они задумаются, посылать ли свои «крепости» с бомбами… Итак, я прошу вас доложить руководству, что я готов передать все свои знания по созданию аэродинамических труб для испытаний русских реактивных самолетов. Я думаю, что вы скоро будете иметь такие надежные самолеты-истребители, и это остудит горячие головы, а затем создадите и атомное оружие и будете сдерживать американцев. Гитлер ведь напал на соседей, когда понял, что он сильнее всех. А в ядерный век просчеты и ошибки государственных деятелей особенно опасны. Когда они понимают, что получат отпор, политики, как правило, принимают более правильные решения…

Я был потрясен неоспоримой логикой этого незаурядного человека, который находился в отчаянном положении как ученый, ибо такие люди в Германии пока не требовались. Он получил удивительный шанс работать и припеваючи жить в США, а вместо этого предложил свои услуги СССР, даже зная, что наши, как он выразился, «внутренние противоречия» могут трагически отразиться и на нем.

Доктор Ойлиц переехал с семьей в СССР, работал над созданием аэродинамической трубы. В том, что до последнего времени в мире сохранялся баланс сил, есть и его заслуга. Позднее, изучая иностранную литературу по этим вопросам, я много раз находил доказательства правоты мудрого доктора Ойлица. Говорят, что история — это «застывшая политика», а

политика, как известно, всегда многовариантна. Понимали ли политики, какой катастрофой для народов Европы могла бы закончиться политика проволочек с открытием второго фронта и тем самым затягивание войны в условиях, когда гитлеровская Германия активно создавала ракетно-ядерное оружие, уже имея самолет-снаряд «Фау-1» и ракету «Фау-2»? Тактика затягивания Второй мировой войны таила в себе куда большую угрозу для европейских народов, чем принято обычно считать. В воюющих государствах под покровом глубокой тайны велись работы над созданием ядерного оружия.

Министр вооружений третьего рейха Альфред Шпеер писал в мемуарах: «Гитлер иногда говорил мне о возможности создания атомной бомбы, но эта идея совершенно очевидно перенапрягала его интеллектуальные способности. Он был уже не в состоянии охватить революционную природу ядерной физики… Я уверен, что Гитлер не стал бы колебаться и мгновения перед тем, как применить атомные бомбы против Англии».

К счастью, этого не случилось. Да, действительно, не случилось, но случиться вполне могло. Призрак атомной смерти уже витал над старой Европой. По словам гитлеровского генерала Фридриха Фромма, держащего в своих руках нити связей с наукой и промышленниками, «единственным шансом Германии выиграть войну было создание оружия с совершенно новыми принципами действия». Весной 1942 года генерал в одной из своих бесед с министром вооружений Шпеером заявил, что он «поддерживал контакт с группой ученых, которые вышли на создание оружия, способного уничтожить целые города и, вероятно, вывести из борьбы Британские острова». Фромм предложил своему собеседнику встречу с ведущими физиками-ядерщиками.

7 мая 1942 года Шпеер обсуждал эту проблему с Гитлером и предложил поставить во главе научно-исследовательского совета рейха Геринга, чтобы поднять значение совета, и 9 июня тот был назначен на этот пост. К работе над проектом были привлечены будущие нобелевские лауреаты Отто Ган и Вернер Гейзенберг. В Германии имелось 1200 тонн урановой руды, захваченной в 1940 году в Бельгии. Шпеер задал Гейзенбергу вопрос: «Как ядерная физика могла бы быть использована для производства атомных бомб?» Последовал ответ, что в научном плане не существует препятствий для создания ядерного оружия. Что касается технической стороны дела, то потребовалось бы самое меньшее два года при максимальной поддержке. Небольшой ускоритель находился в Париже, но Шпеер сказал, что в Германии можно срочно соорудить ускоритель даже больший, чем в США. 23 июня

1942 года Шпеер доложил Гитлеру о проекте ядерного оружия, и работа пошла полным ходом. По предложению генерала Фромма с фронта были отозваны сотни ученых, инженеров, других специалистов. «Возможно, замечал Шпеер, — атомная бомба могла бы быть готова к применению в 1945 году… Но после сокрушительного поражения вермахта под Сталинградом была объявлена «тотальная мобилизация», и дело создания атомной бомбы затормозилось.

Жизнь все больше входила в мирную колею. Можно иметь разные взгляды на жизнь, политику, послевоенное развитие Германии. В СССР сложился свой взгляд, и правительство стремилось его реализовать в полной мере. Важным событием в политической жизни советской зоны оккупации стал прошедший в Берлине 21–22 апреля 1946 года объединенный съезд коммунистической и социал-демократической партий. Своей целью объединившая обе эти партии Социалистическая единая партия Германии провозгласила «ликвидацию всякой эксплуатации и угнетения, экономических кризисов, нищеты, безработицы и империалистической угрозы войны. Эта цель, означающая решение жизненно важных для нашего (немецкого. — Ред.) народа национальных и социальных вопросов, может быть достигнута только в результате победы социализма».

В манифесте к немецкому народу говорилось: «В наших руках будущее Отечества. Наше мировоззрение должно стать верой молодого поколения. В нем вы найдете высочайшие идеалы… Партия — представительница нового времени. Социалистическая единая партия — это юная, тесно связанная с жизнью народа боевая партия, является поэтому и вашей партией, партией немецкой молодежи».

Председателями Социалистической единой партии Германии на съезде были избраны Вильгельм Пик и Отто Гротеволь. Эрих Хоннекер стал председателем Союза свободной немецкой молодежи, созданного в марте 1946 года. Первый парламент этого союза заседал в Бранденбурге, в здании городского клуба, недалеко от нашей окружной комендатуры с 8 по 10 июня того же года. К этому времени в рядах этой организации состояло около десяти процентов молодежи, жившей в советской зоне. В работе парламента участвовали также представители молодежи из западных зон. Эрих Хоннекер выступил с докладом «Основные права молодого поколения». Естественно, в зале присутствовали и представители политотделов Военной администрации.

Основным переводчиком был офицер нашей комендатуры, с которым мне часто приходилось встречаться и беседовать —

пожилой, высокий, статный человек с седой и шевелюрой. Он был в звании капитана и, представляясь, шутя добавлял: «Бывший штабс-капитан русской армии». В свое время он окончил немецкую гимназию в Петербурге, затем был направлен на фронт, где служил военным переводчиком в штабах и дослужился до чина штабс-капитана. После революции работал преподавателем немецкого языка и директором школы в Ленинграде С начала Великой Отечественной войны и до ее окончания был переводчиком на различных фронтах. Последнее место службы, до назначения в Военную администрацию — разведотдел участвовавшего в штурме Берлина 79-го стрелкового корпуса, знамя которого теперь находится в музее, как Знамя Победы. О войне он вспоминать не любил и ничего о ней не рассказывал. О нем мне пришлось уже лет через пять после описываемых встреч говорить с бывшим начальником разведки 79-го стрелкового корпуса полковником Денисовым, и он мне поведал об этой легендарной личности много интересного, но это было потом… Я помогал ему в подготовке этого мероприятия, и, в частности, заказал и доставил цветы. Естественно, мне приходилось переводить беседы наших представителей с делегатами съезда и слышать рассказ Эриха Хонеккера о годах его учебы и работы в Советском Союзе, о подпольной работе в Германии после прихода Гитлера к власти, о годах, проведенных в тюрьме Бранденбург-Герден. Он рассказывал, что узники были освобождены танковым дозором Красной Армии, неожиданно появившимся около тюрьмы.

На меня лично в то время Хонеккер произвел впечатление убежденного, энергичного, но не очень эрудированного человека. Он был скован, говорил неярко, невыразительно. Наверное, сказалось его десятилетнее заключение в тюрьме, хотя он сам говорил, что ему относительно других узников было легче, так как он почти все время находился в рабочей команде кровельщиков. Мне впоследствии пришлось прочитать в одной из немецких газет, издававшихся в ФРГ, что бывший начальник тюрьмы Бранденбург-Герден, а после войны начальник тюрьмы в городе Целле, находившейся в английской зоне оккупации, говорил о Хонеккере, что, мол, это был прилежный узник и хороший кровельщик — после его работы крыша тюрьмы никогда не протекала. Что ж, ирония тут неуместна: в тюрьме си-Дели его товарищи и он сам, и хорошо, что хоть от сырости Хонеккер мог их избавить.

Впоследствии, читая в газетах тексты его речей и выступлений, я понимал, что они приглажены референтами. Вот откуда сила референтов, часто влияющих на политику страны

гораздо больше, чем самый высокий руководитель. Это — беда не только ГДР и не только Советского Союза… Я не считаю себя вправе давать оценку деятельности Эриха Хонеккера на самых высоких постах в ГДР, ибо это могут сделать только немецкие историки, чувствующие Германию душой, но я восхищаюсь поведением этого человека в последние годы: как настоящий немец, он не изменил своим идеалам и до последнего дня верил в идеалы социализма. Пусть он ошибался, но не пресмыкался перед противниками.

В советской зоне проводилась земельная реформа, в ходе которой были конфискованы земельные владения площадью свыше 100 гектаров. Большинство крупных землевладельцев, предчувствуя такое развитие событий, сами покинули советскую зону, но их имения остались, и ими руководили управляющие. Вообще, передел земли тогда происходил большой: на основании решения Потсдамской конференции Польша получила часть земель, принадлежащих до этого Германии, была разделена между Польшей и СССР Восточная Пруссия. Началось переселение немцев из этих областей в четыре зоны оккупации. Кроме того, немцы выселялись из Чехословакии, Румынии, Венгрии. По немецким данным, Германия в то время приняла свыше одиннадцати миллионов переселенцев, которых нужно было обустроить на новом месте жительства.

Мне лично пришлось наблюдать это вынужденное переселение масс людей, которые часто изгонялись из своих домов. Вот они, последствия войны: сначала изгоняют одни, потом — другие, и чаще всего страдают именно те, кто лично никого не изгонял…

Теперь такую вспышку национализма, бесчеловечное изгнание людей из жилищ, экономическое или психологическое насилие, побуждающее, бросая все, срочно покидать обжитые места, наблюдаю я и на своей Родине — в бывшем СССР. И снова кто-то считает, что останется безнаказанным. Высшее нацистское руководство Германии, за то что они сотворили с нашей страной и своим народом, было казнено (повешено). Так что уроки истории забывать никому нельзя. Возмездие все равно настигнет тех, кто издевался над народом.

Из созданного земельного фонда был передан в общественную собственность один миллион гектаров. В ходе проведения земельной реформы возникли народные хозяйства — государственные предприятия типа наших совхозов. Однажды я был свидетелем возникновения «колхоза» на немецкой земле. В одном бывшем помещичьем имении мне рассказали: обрабатывать землю, распределенную среди переселенцев на

основании закона о земельной реформе, собирать урожай в одиночку хозяевам оказалось не под силу, и тогда они решили делать это сообща.

В ГДР было создано около тридцати видов кооперативов самого разного характера. Когда впоследствии в стране началась организация сельскохозяйственных кооперативов, особых волнений среди населения не было, так как земельная реформа не ставила своей задачей ликвидацию частной собственности на землю и национализацию земли и было много переходных форм собственности. Многие из переселенцев получили в собственность земельные наделы по пять — десять гектаров на семью. В советской зоне оккупации возникло свыше 210 тысяч новых крестьянских хозяйств. Для гарантии в законодательном порядке устанавливался максимум земельного надела, запрещались раздел, продажа и заклад полученной по реформе земли…

Сейчас этот опыт разумного подхода к осуществлению желаний граждан теряется. Но так было.

Я уже говорил, История не терпит насилия над собой, как не терпит и своего забвения…

Если в области военной техники к началу войны СССР и Германия были более или менее на равных, то техническое оснащение нашего населения во многом отставало. Однажды на аэродроме в Бранденбурге, где стоял в то время истребительный полк, я наблюдал такую картину: летчики, смеясь, подшучивали над заслуженным летчиком, командиром эскадрильи. Повод был серьезный: комэска взялся осваивать «пилотирование» такой сложной техники, как велосипед. Зрители живо комментировали происходившие события: «Известно, что мешает танцору…», «Кто умеет летать, на велосипеде ездить не обязан!..». Наконец «курсант» под общий хохот собравшихся поехал ровно, по линеечке: опыт пилотирования истребителя все-таки помог. «Виновник» переполоха на аэродроме подошел к группе летчиков и, улыбаясь, сказал:

— Да, ребята, вот оно, наше развитие: все делаем наоборот. В нашей деревне до войны ни у кого не было велосипеда. Вот и получилось: сначала меня научили летать на истребителе, здесь, в Германии, я запросто сел за руль «опеля», благо он на четырех колесах, а вот на велосипед сел впервые. А ведь все нужно было делать в обратном порядке…

Специалисты нашей авиапромышленности, занимавшиеся демонтажем оборудования авиационного завода «Арадо», в доверительных беседах со мной отмечали высокий уровень технологии, совершенство машин и оборудования. Такие беседы в

то время могли стоить нам в лучшем случае ярлыка «преклоняющихся перед иностранщиной» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Казалось, что после войны пора было бы уже признать, что в довоенные годы олицетворением передовой научно-технической мысли среди стран мира была Германия. Это бы не умалило подвига советского народа. Наоборот, для всех бы было более известно, какого врага мы не только одолели, но и превзошли.

Большое получилось у меня отступление, но как без него было мне обойтись. Надеюсь, читателю было не так скучно во время чтения этой главы. Ведь основная мысль, которая меня волновала, — это действие пресловутого «маятника войны», для которого нет правых и нет виноватых. Однажды пущенный в ход, он сметает все, что ему встречается на пути в обе стороны. Это закон, помнить который всем нам нелишне.

Но вот наконец и Брест. На границе с Польшей во всю работает таможня и пограничный контроль. Пройдя необходимые процедуры, мы, военнослужащие, были пропущены на другую, «варшавскую», сторону вокзала. Там уже стоял поезд Брест — Берлин, но его почему-то долго не отправляли, и мои попутчики стали высказывать различные предположения: «Наверное ждем какую-то важную «птицу», — сказал один из, видимо, сведущих людей. Так оно и было. Вскоре поезд мчался без остановок к Варшаве. Перед польской столицей он остановился, и из вагона, который был подцеплен в Бресте, вышла группа лиц в гражданских костюмах. Главный «начальник», что было видно по поведению его сопровождающих, был очень высокий, полный мужчина пожилого возраста. Группа стала прохаживаться по перрону, и тут один наш попутчик, как сейчас помню в звании подполковника, тоже вышел из вагона и направился к той самой группе штатских. Затем он, как-то не вполне естественно для военного человека, стал по команде «смирно», отдал честь. «Начальник», как мы заметили, поздоровался с ним очень сердечно, и они начали прохаживаться вдоль по перрону, оживленно беседуя. Был подан сигнал к отправлению, и мы поехали дальше. Многие из моих попутчиков, в основном все ни были фронтовиками, узнали в «начальнике» маршала Федора Ивановича Толбухина (1894–1949). Он был участником Первой мировой войны. В последней войне был начальником штабов различных фронтов, командующим ряда армий, а затем и фронтами. Подполковник, который с ним разговаривал, поделился с нами воспоминаниями об этом выдающемся военачальнике, особо подчеркивал, что все сослуживцы очень уважали маршала за его высокий профессионализм,

человечность, порядочность и внутреннюю культуру. Он являл собой интеллигента старой закваски. В царской армии Федор Иванович дослужился до чина подполковника.

Поезд после остановки пошел медленнее. Мы были уже в Западной Польше. Народу там встречалось очень мало: немцы были уже в основном выселены в Германию, поляки же ехали на освобожденную для них землю с большой неохотой.

Вот и пограничная река Одер. По восстановленному мосту мы въехали в пограничный город Франкфурт-на-Одере. Остановка здесь была короткой. Через два часа наш поезд уже прибыл на Силезский вокзал Берлина.

Глава 2
На демаркационной линии

Прибыв в Потсдам, я сразу же явился в штаб. В приемной начальника разведуправления группы войск меня встретил дежурный офицер. Он узнал меня. Мы вместе учились в Москве на курсах иностранных языков. Повоспоминав немного об учебе, общих знакомых, мы пошли с ним к начальнику отдела кадров. Тот, познакомившись с моими документами, решил направить меня в 3-ю ударную армию, штаб которой находился в городе Магдебург. Там начальник разведки армии полковник Алешин после короткой беседы определил меня в 207-ю стрелковую дивизию. Мне предстояло ехать в город Штендаль, где находился штаб дивизии, и поступить в распоряжение подполковника Щекотихина. Мой новый начальник, высокий статный человек с приятными чертами лица, встретил меня приветливо. Он вышел из-за стола, пожал мне руку и предложил сесть. Первое, о чем он спросил, это служил ли я раньше в разведке.

Я ответил, что для меня это совсем новая ипостась. Он посмотрел на старшего лейтенанта, сидевшего за другим столом, тот что-то отстукивал на пишущей машинке.

— Ромашкин, как ты думаешь: человек, совсем не служивший в разведке, может ли нам быть полезным? — спросил с некоторой долей иронии подполковник Щекотихин переставшего вдруг барабанить по клавиатуре офицера. — Лично я ума не приложу, что мы с ним будем делать…

Ромашкин — маленький, щупленький, на носу пенсне — осмотрел меня с ног до головы и глубокомысленно изрек:

— Павел Михайлович, все зависит от хватки. Думаю, что у него она есть. В остальном же, как говорится, не боги горшки обжигают!

— Ну что ж, товарищ Литвин, раз ваш коллега-переводчик Ромашкин так считает, то быть по сему — принимаем вас в семью разведчиков. — Офицеры по-доброму рассмеялись, а затем Павел Михайлович снова обратился к Ромашкину: — А ну-ка, мил человек, запри дверь на ключ. Кажется, уже подошло время обеда? Что там у тебя есть по случаю встречи?

Ромашкин проворно выполнил просьбу начальника, открыл сейф, вынул оттуда початую бутылку коньяку, разлил содержимое в три стакана и посмотрел в сторону подполковника Щекотихина. Тот церемонно поднял стакан, произнес тост за встречу и будущую дружную работу. После того как мы выпили, он сказал:

— Вот теперь пойдем пообедаем, а затем начнем нашу работу.

После обеда, сидя в кабинете начальника, я слушал его содержательный рассказ о том, чем мне предстоит заниматься. Потом он позвонил в штаб полка, квартировавший там же, в Штендале. С кем-то поговорил, а затем обратился ко мне:

— Так что служить тебе, брат Литвин, придется переводчиком в штабе 756-го стрелкового полка. Мужики там хорошие. Думаю, что все у тебя будет как надо. А в остальном работать будем вместе. Завтра в пятнадцать ноль-ноль прошу быть у меня.

На этом наше короткое знакомство завершилось. Я отбыл в полк. Там снова беседы — сначала с начальником штаба, фамилию его запамятовал, а потом с Героем Советского Союза полковником Зинченко Федором Матвеевичем, командиром полка, тем самым знаменитым командиром полка, который штурмовал рейхстаг, а его солдаты Егоров и Кантария водрузили Знамя Победы. Беседовал со мной Федор Матвеевич по отечески душевно. Словом, полковник Зинченко произвел на меня очень приятное впечатление, и настолько глубокое, что хранится оно в моей памяти до сего времени.

Следующий день начался у меня с посещения штаба дивизии. Подполковник Щекотихин рассказал мне об охране демаркационной линии между нашей и английской зонами. Один из стрелковых батальонов теперь уже моего 756-го полка как раз и занимался этим делом.

Протяженность «границы» была достаточно большой: от города Зальцведель на севере до городка Остервик на юге. Охрана велась парными патрулями от взводных застав. Перейти эту линию не представляло особых хлопот. Немцам полагалось переходить ее на специальных контрольно-пропускных пунктах с разрешения военных комендатур и органов немецкой полиции. Но нелегальных переходов было немало. Нарушителей задерживали, собирали на заставах, и там уже шел с каждым персональный разбор и принималось решение об их дальнейшей судьбе. Тут как раз и нужен был я, как переводчик. Нарушители были разные. Многие были не немцы. В послевоенной Германии было еще много иностранцев: от угнанных на принудительные работы до бывших карателей или добровольно служивших в войсках вермахта. Время послевоенное было все еще сложное. Война хоть и отгремела, но то тут, то там раздавались выстрелы, от которых гибли люди, в том числе и наши военные. Неспокойно было и на территории СССР. В Прибалтике, на Западной Украине орудовали банды, подогреваемые злобными речами западных

политиков, вступивших на тропу «холодной войны» с СССР.

Потом была у меня встреча и с моими коллегами из разведки. Они поведали мне много полезного для моей предстоящей работы. В тот же день я выехал на демаркационную линию в город Зальцведель, который оказался небольшим и уютным. Война обошла его стороной, потому здесь и царствовала идиллия. В городе был один «стратегический» объект — сахарный завод, который из-за отсутствия сырья работал в ту пору совсем на слабых оборотах. Несмотря на то что в Зальцведеле было тихо, застава работала напряженно. Несколько дней подряд я допрашивал нарушителей, люди были всякие. Помня материнский совет, я старался быть предельно внимательным к каждому. Так началась моя новая служба. Каких-либо значительных событий в ней за эти дни не произошло, но все равно приходилось быть начеку.

В один из таких дней на заставу привели сразу пятерых нарушителей. Конвоировавший их солдат доложил, чтобы я обратил особое внимание на бывшего офицера, и передал мне его документы.

— Видимо, он не из простых, — сказал солдат, глядя в сторону офицера.

— Почему вы так решили? — спросил я его.

— Я в полковой разведке служил, немного по-немецки кумекую, да и глаз у меня на эту братию острый.

— Хорошо, им я и займусь в первую очередь.

Конвоир знаком показал офицеру приблизиться к столу. Передо мной стоял высокий пожилой человек. Он опирался на палку, но старался держаться прямо, будто ему скомандовали: «Стоять смирно!»

Я предложил ему сесть. Он буркнул «Данке» и сел. Спросив его, почему он нарушил демаркационную линию, я медленно перелистывал его документы и краем уха слушал уже набивший мне оскомину рассказ о больной сестре в Гамбурге, о том, что перешел линию в западном направлении в районе Гельмштедта, а обратно решил пробраться здесь, потому что это ему ближе, получить же пропуск в английской зоне якобы у него уже не было времени. В общем, обычная история. Но вдруг меня будто током пронзило: в документах я наткнулся на запись, что этот долговязый служака был начальником авиабазы Багерово в Крыму.

— Ваше последнее звание? — задал я ему прямой вопрос.

— Майор люфтваффе, — четко отрапортавал он.

— Когда вы стали инвалидом?

— О, это старая история. Я участвовал в войне в Испании в

составе легиона «Кондор», летал на истребителе. В одном из воздушных боев я получил ранение в ногу и с тех пор инвалид.

— Почему же вам не была дана отставка?

— У меня был большой опыт. Еще в период Веймарской республики я работал инструктором в аэроклубе. Так что посчитали возможным использовать меня на Штабной работе.

— А как оказались на восточном фронте? — продолжал я задавать вопросы.

— Туда я был послан уже в первые дни войны. В Испании я служил под командой Мельдерса. О, это настоящий ас! Перед войной с Россией он стал генералом и вступил в командование 51-й истребительной эскадрой. Я был в его штабе.

Майор, как я заметил, любил поговорить, порассуждать с важным видом. Я решил ему не мешать. Откровения его показались мне интересными. Майор, кстати, поведал о том, что в соединении, которым командовал Мельдерс, были не только истребители, но и бомбардировщики, штурмовики, разведчики. Все германские самолеты были оснащены радиосвязью. Сам Мельдерс летал на специально оборудованном мощной радиостанцией самолете «Физелер — Шторх». Это был своеобразный воздушный командный пункт. Находясь над линией фронта и получая данные от самолетов-разведчиков о наших аэродромах, Мельдерс сразу же посылал туда свои бомбардировщики и штурмовики. Это давало немцам возможность наносить удары по нашим самолетам на земле, когда они только что произвели посадку и совершенно были не способны подняться в воздух.

Ничего не опасаясь, будто речь идет о само собой разумеющемся, майор поведал мне, что в начале войны в Германии были убеждены, что Красная Армия слаба, оснащена устаревшим вооружением. В военных кругах существовало мнение о неспособности нашего командного состава проводить крупные операции, и в доказательство приводились примеры действий наших войск во время войны с Финляндией. Помолчав, майор, словно нехотя, Добавил:

— Правда, о ваших ВВС мнения расходились.

— Каким образом? — поинтересовался я.

— Известно было, что Сталин уделял им особое внимание. Некоторые считали, что это может иметь серьезные последствия.

Далее немец рассказал о том, что с первых же дней войны им пришлось столкнуться с сильным сопротивлением советских летчиков, которые сражались необычайно мужественно, хотя и летали на устаревших самолетах. Вскоре поступил приказ атаковать русских, только имея численное превосходство, а

наших летчиков, совершивших таран и попавших в плен, после допроса расстреливать как фанатиков, всех оказавшихся в плену авиаторов содержать в специальных лагерях.

— А что вы делали в Крыму? — спрашиваю я майора.

— Начальником авиабазы в Багерово меня назначили в апреле сорок третьего года. Когда ваши войска блокировали нас в Крыму, Гитлер приказал командующему 17-й армией генералу Енеке сражаться до последнего солдата, но Крым не сдавать. В декабре сорок третьего к нам на базу были переброшены десять «мессершмиттов» новейшей модификации с очень опытными летчиками из ПВО Берлина. Сам Геринг предупредил меня о «зондер-егерах». Им строжайшим образом запрещалось вступать в открытый бой с вашими самолетами. Их тактика строилась на том, чтобы совершать нападение на противника со стороны солнца или из-за облаков. Именно так они и охотились за русскими асами. Данные о боевых вылетах ваших самолетов они получали от воздушной разведки. Прислали нам и новую радарную установку. Мы были уверены, что безопасность базы обеспечена полностью. И все-таки база была разгромлена вашей штурмовой авиацией. Были уничтожены почти все самолеты, погибло много летчиков и обслуживающего персонала. Меня отдали под суд. А после суда уволили в отставку.

Последние слова майор произнес тем же уверенным, но несколько безразличным тоном, каким вел и весь разговор. Было даже удивительно, что рассказ его шел будто бы не о суде над ним, а о награждении его рыцарским крестом. Конечно же ему и в голову не приходило, что сидевший перед ним лейтенант в общевойсковой форме — бывший воздушный стрелок с Ила, который участвовал в разгроме базы, благодаря чему этот вояка и попал под суд, а потом в отставку. Я написал «благодаря» безо всякой иронии. Ведь в результате майор оставался живым, а не уволь его тогда из армии — шансов на это у него было бы гораздо меньше. Перефразирую старую поговорку и скажу было бы несчастье, да счастье помогло.

Тот массированный, но для немцев абсолютно тайный наш налет на их крупную авиабазу в Багерово я частично помню и сегодня. Поработали мы там от души. Замысел операции по разгрому фашистской авиабазы возник у командира нашей 230-й Кубанской Краснознаменной штурмовой авиадивизии Героя Советского Союза С. Г. Гетмана. Семен Григорьевич как-то рассказал, что находясь на своем наблюдательном пункте на плацдарме под Керчью и анализируя действия немецких истребителей, заметил: те часто встречали наши группы штурмовиков уже над проливом. Получалось, что враг умудрился

подслушивать все наши радиопереговоры и, разгадав тактику, точно рассчитывает время подхода наших самолетов. Затем он связывает боем наши истребители прикрытия. А другие группы «мессершмиттов» в это время начинают атаку Илов, готовящихся к работе над целью.

Начальник штаба дивизии полковник Урюпин по предложению командира разработал план боевой операции, которая бы свела на нет всю тактику немцев. Она готовилась по согласованию с командующим 4-й воздушной армией генерал-полковником авиации К. А. Вершининым.

Наступило 28 декабря 1943 года. Все радиостанции на наших аэродромах, где размещались полки дивизии, в условленное время одновременно начали на стоянках «радиоигру», то есть повели переговоры, которыми обычно сопровождалась вся предстартовая подготовка. Затем радиообмен был сымитирован таким образом, будто наши самолеты уже находятся на боевом курсе. В тот момент, когда штурмовики должны были появиться над аэродромом нашей авиации прикрытия, истребители также «разыграли» радиопереговоры. Потом эфир затих. Всем экипажам было категорически запрещено включать радиостанции. Наш командир полка проинструктировал весь летный состав части, принимавшей участие в этом вылете. Мы все отлично понимали, что успех операции будет зависить от нашей элементарной дисциплинированности.

И вот через час после окончания радиоигры штурмовики пошли на взлет. Соблюдая радиомолчание, мы построились группами. В полной тишине подошли к аэродрому истребителей прикрытия. Истребители, так же молча, пристроились к нам, заняв боевой порядок. На малой высоте мы полетели к Керченскому проливу, все время отклоняясь к северу: командованием было учтено направление ветра. Когда вышли к Азовскому морю, прижались к морской глади и буквально на бреющем пошли на запад. Затем довернули на юг и только тогда взяли курс на вражескую авиабазу. Таким образом нашим летчикам удалось обойти зону действия радарной установки, которая следила за воздухом в районе Керченского полуострова.

Атака на вражеский аэродром была действительно внезапной.

Получилось так, что немцы клюнули на голый крючок — радиообман. Когда заработало множество радиостанций авиадивизии штурмовиков, фашисты услышали радиопереговоры наших летчиков над своими аэродромами, поняли: готовится массированный налет. Поднятые по тревоге истребители противника взяли по привычке курс на Керченский пролив, чтобы встретить штурмовиков на пути к цели. На аэродроме остались

лишь две пары дежурных.

Прошел час. Штурмовики не появлялись. Радарная установка, антенны которой были направлены на Керченский пролив, фиксировала только собственные самолеты, хотя по расчетам немцев должны уже были быть над целью Илы. Выработав топливо, «мессершмитты» стали возвращаться на аэродром в Багерово.

И тут со стороны Азовского моря на бреющем полете появились четыре советских истребителя. Сделав «горку», они блокировали аэродром. За ними появилась еще четверка наших истребителей. Зенитная артиллерия обрушила на них всю мощь огня, но истребители вышли из зоны поражения и, набирая высоту, стали готовиться к атаке. Вместо них на немецкую базу стали заходить восьмерки штурмовиков. Вначале они пустили эресы, ударили из пушек и пулеметов, а затем, поднявшись выше, сбросили бомбы…

Горели самолеты, разбитые радиостанции, рухнула радарная установка, взорвался склад боеприпасов… Паника… Разгром!..

Из нашего полка на базу не возвратились летчик младший лейтенант Чепуренко и стрелок сержант Гаврукович. В другом самолете осколком зенитного снаряда убило стрелка Алясова.

Я молча слушал немецкого отставного майора, не перебивая его Только однажды, когда он явно стал превышать заслуги моих товарищей-штурмовиков, мне захотелось закричать на него и сказать, что уж пусть он «мозги не заправляет», так как я сам участвовал в этой знаменитой операции и хорошо знаю, как и что было. Но я все же сдержал себя, посчитав, что мне было бы не к лицу бахвалиться перед калекой. К тому ж я уже был не просто на четыре года старше, старше на четыре года войны, а это было не одно и то же. Да и какой смысл, думал я, было красоваться перед ним? Чтобы еще раз унизить поверженного противника? Не знаю, как у других, но у меня никогда такой потребности не возникало. Сделав строгое внушение майору за нарушение, я отпустил его.

Но рассказ его заставил меня задуматься о многом. Как часто мы пребываем в заблуждении из-за того, что продолжаем оценивать какое-либо событие, бывшее в прошлом, отождествляя себя лишь с одной группой его участников. Если следовать только за эмоциями, это вполне объяснимо. Но историческое мышление не терпит эмоций. Встреча с отставным майором подтолкнула меня к тому, чтобы всерьез заинтересоваться «вторым взглядом» на историю войны — взглядом нашего противника.

Сразу же успокою наиболее ретивых читателей: это вовсе не значит, что бывший воздушный стрелок собирается разделить точку зрения немецких генералов. Я хочу одного: знать ее. Для

того чтобы увидеть многое, что было в прошлом, объективно, отрешившись, повторяю, от вполне объяснимых эмоций. У нас тогда не было, например, книги, в которую были бы включены воспоминания Буденного и, например, Деникина с серьезным комментарием военного историка. Я подчеркиваю — военного историка, а не торопливого конъюнктурщика, объясняющего, какой великий стратег Буденный и насколько бездарен в этом отношении Деникин.

У каждого свой взгляд. Я уже давно увидел опасность (и серьезную) в детских книжечках о войне, где красный всегда на коне и лихо рубит белого, ибо белый в этой ситуации вообще не человек, не личность; пусть хоть и отрицательная, с десятью знаками минус, а нечто вроде манекена, лозы, которую рубят конники. Отождествить лозу, манекен с противником, да, противником, но живым человеком, страшно. Страшно за себя. Когда культивируется собственная непогрешимость, а любой инакомыслящий вообще лишается каких-либо человеческих качеств, это не есть воспитание патриотизма. Любить свою Родину не значит ненавидеть все остальные страны. Возможно, я говорю банальности, но как часто мы, провозглашая одно, делали, да и сегодня продолжаем делать, совсем другое. Потому и пишу я эти свои воспоминания. Пишу откровенно.

В один из дней, допрашивая нарушителей демаркационной линии, я услышал от немцев, что на нашей уже территории их ограбили «русские» солдаты. Я доложил об этом начальнику ротной заставы и офицеру отдела СМЕРШ нашей дивизии, который как раз находился на заставе.

Командир роты рассказал, что такие жалобы поступали и раньше, но его плохое знание немецкого языка не позволило тогда точно установить, что же происходило в том же районе, в лесном массиве, где было совершено бандитское нападение. Немцы утверждали, что грабители были одеты в форму красноармейцев, но без погон. Вышестоящее начальство приказало усилить этот участок границы и захватить бандитов. Прошло несколько тревожных ночей (грабежи происходили обычно на рассвете), и вот удача: усиленные наряды, а главное, засада захватили с поличным грабителей. Это были так называемые «перемещенные лица» из лагеря, располагавшегося в английской зоне. Они были одеты в форму, которую носили наши красноармейцы до введения погон. В войну все они служили в так называемых «восточных легионах», сражались вместе с немцами против наших войск. После войны укрылись в западных зонах Германии, получая помощь от бывших наших союзников, одновременно промышляя разбоем.

Делом о бандитском нападении занимался отдел СМЕРШ, и судьба грабителей, к тому же предателей, была предрешена. Об этом и других подобных случаях писала наша пресса и одновременно направлялись ноты протеста английским властям.

Вопросами «восточных легионов», кстати, я занимался, изучая публикации немецких авторов и сохранившиеся документы в их архивах. Вот фрагменты моего интервью, данного по этому вопросу корреспонденту газеты «Красная звезда»:

«Кор.: Вот уже длительное время взгляды мировой общественности прикованы к событиям, происходящим в СССР, а теперь в СНГ. Не случайно сейчас в ходу западные издания, освещающие различные этапы исторического пути Советского Союза, его внешнюю и внутреннюю политику, дающие прогнозы и пророчества. Среди них книга немецкого исследователя И. Хоффмана «Восточные легионы в 1941–1943 гг.». Она издана Институтом военной истории в ФРГ в 1976 году. Однако интерес к ней возрос особенно в последнее время. Почему?

Литвин: Интерес действительно велик. Ведь на Западе кое-кто считает, что СССР проиграл третью мировую войну, причем без единого выстрела. В результате этого Запад якобы может теперь достичь целей, ставившихся во времена кровавой Второй мировой войны. Известно, например, что главари третьего рейха планировали расчленить территорию Советского Союза на регионы, в разной степени зависимые от Германии. Так вот, на обложке книги «Восточные легионы» помещена карта южной части Советского Союза. Германия хотела, чтобы на этих территориях были созданы мелкие, зависимые от нее марионеточные государства и чтобы эти государства были враждебны прежде всего России.

Взгляды Гитлера и Розенберга устремлялись на кавказские, тюрко-татарские и угро-финские народы, народы Средней Азии, а также территории и население за Волгой и Уралом. По их замыслу, утверждается в книге, предполагаемые государства должны были играть важную роль в хозяйственной жизни «новой Европы» и прежде всего удовлетворять потребности Германии в нефти и другом сырье.

Далее говорится, что «разрушение советской господствующей системы должно создать возможность свободного национального, культурного и хозяйственного развития». Отдельные народы должны «удовлетворить свое самостоятельное развитие», и сделать это можно «посредством взаимной работы с новой Европой».

Кто скажет, что этим документам, послужившим основой книги, более пятидесяти лет? Как будто сегодня написаны…

Кор.: И все же вернемся на пятьдесят лет назад. Как в то время гитлеровское руководство намеревалось осуществить поставленные цели?

Литвин: Были разработаны специальные планы, учитывающие многие аспекты. Коснемся одного — привлечения на свою сторону советских граждан. В начале войны ставка на них делалась небольшая. В первую Очередь отбирались знающие немецкий язык, как-то связанные с Германией. Это говорит о том, что в завоеванных районах гитлеровцы не собирались делиться с кем-то властью или давать кому-то самостоятельность, создавать национальные воинские формирования. И своих «помощников» они сначала называли «вспомогательные». Но после провала блицкрига и обозначившейся перспективы длительной войны политика агрессора изменилась. Немцы стали всерьез думать о создании на захваченных территориях национальных воинских формирований, придавая им вид добровольных. Уже осенью 1941 года в Прибалтике появились «помощники» для истребления «нежелательных лиц», а затем и для усиления гитлеровских войск.

Кор.: Много ли было таких «помощников», или, как мы их привыкли называть, предателей?

Литвин: Как утверждает автор книги И. Хоффман, на стороне немцев оказалось около миллиона наших военнопленных, перебежчиков, различных гражданских лиц. Из них были сформированы прибалтийские, украинские, русские, казачьи, мусульманские и другие легионы. Они решали разные задачи: выполняли полицейские, карательные функции, занимались тыловым обеспечением немецких войск и, наконец, принимали непосредственное участие в боевых действиях. Например, в РОА входили три дивизии, офицерская школа, запасная бригада, строительный батальон, другие мелкие подразделения. Была в РОА и своя авиация. Она состояла из трех эскадрилий, зенитного полка, батальона десантников и батальона связи. Все эти части и подразделения имели хорошее вооружение. Но все же хозяева не до конца доверяли своим «помощникам» и «добровольцам», оставляя за собой командные должности, «разбавляя» роты и батальоны немецкими офицерами и унтер-офицерами.

Кор.: Оправдалась ли ставка германского командования и политиков на «пятую колонну»?

Литвин: В целом известно, что тогда эта ставка не оправдалась. Однако ситуация складывалась весьма сложная. И не потому, что на временно оккупированных территориях зверствовали полицаи и каратели, не потому, что несколько дивизий, сформированных из «помощников» и «добровольцев»

принимали участие в боевых действиях. Они, как говорится, погоды не делали, и Красная Армия перемолола их в боях так же, как и немецкие. Дело было в другом. Гитлеровское руководство вынашивало идею развязывания в СССР гражданской войны.

В книге И. Хоффмана приводится один документ. Представитель МИД Германии при 17-й армии вермахта доктор Пфляйдерер в марте 1942 года направил в свое министерство письмо, где указывал: «На Украине нет особых трудностей для создания боевых частей из украинцев, русских и других», и далее: «Войну на Востоке можно превратить в войну гражданскую».

Кор.: Ну, об этом-то мы все читали в учебниках истории…

Литвин: Верно, читали несколько фраз, где сказано, что Гитлер вынашивал такие планы, но они с треском провалились. А ведь дело-то было куда серьезнее. Агрессор пользовался поддержкой в районах и регионах, которые совсем недавно вошли в состав СССР: Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия. Немцы делали ставку на всех репрессированных и обиженных во время революции, коллективизации и расказачивания, различных чисток и других массовых политических и экономических кампаний. В общей сложности они коснулись миллионов людей. Брались во внимание и сложные национальные отношения на Северном Кавказе, в Закавказье, Крыму. Например, в Крыму перед войной проживало более 700 тысяч человек, среди них русские, украинцы, татары, евреи, немцы, греки, болгары, армяне. И приход фашистских войск они восприняли неоднозначно. По немецким данным, в Красную Армию с начала войны было призвано 10 тысяч крымских татар, а на их стороне служило вдвое больше. По представлению обер-квартирмейстера 11-й немецкой армии полковника Гаука и обер-штурмбанфюрера Зайферта в марте 1942 года было принято решение выпустить всех военнопленных крымских татар из лагерей. Расчет строился на том, что они пополнят ряды «помощников» и «добровольцев».

Тогда же зондерфюрер Зайферт направил письмо по команде, где предлагал «активизировать борьбу всех туркнародов против СССР», привлекая на сторону немцев около 20 миллионов мусульман, проживающих в Советском Союзе. Это уже не шутка, не какой-то охранный батальон или полицейский участок. Кстати, отношение немцев к своим «союзникам» можно проиллюстрировать на примере денежного содержания: солдат из Уроженцев Прибалтики получал 72 рейхсмарки, из восточного легиона — 30, а русский 24 рейхсмарки.

Но денежное содержание — это не все. Немцы активно вели антисоветскую (считай антирусскую) пропаганду, учитывая и

социально-экономическое положение в СССР, и внутренние межнациональные отношения. Один из высокопоставленных чиновников Германии — Нидермайер предупреждал, что вести пропаганду нужно умно, ибо коммунисты достигли многого по сравнению с царской Россией. Это тот же Нидермаер, о котором я уже упоминал ранее. Он был офицером разведки кайзеровской армии, владел несколькими восточными языками и русским, выполнял «секретную» миссию в СССР в период тесного сотрудничества Красной Армии и рейхсвера (Липецк, Фили, танковый центр под Казанью, объект «Томка»), жил в Москве около десяти лет. Затем был профессором Берлинского университета. В период войны занимался созданием «восточных легионов» и командовал ими (командир 162-й пехотной дивизии в г. Миргороде под Полтавой в 1941–1942 гг.). «Не нужно, — говорил он, — ругать индустриализацию страны, а нужно выделять нищенское существование народов в СССР, и особенно тех, которые представлены в восточном регионе. Следует приводить примеры, как питаются, одеваются в Германии, какое там жилье, культура, внушать, что в Германии крестьяне живут лучше, так как имеют землю в личной собственности, там поощряется личная инициатива, предприимчивость, установлен контроль над ценами, осуществляется свобода совести, забота о семье, женщине». Для большей убедительности немцы организовали поездки легионеров в Германию, и многие из них делали сравнение не в пользу жизни в СССР. Поэтому они восприняли обещания немцев, что после их победы будут жить так же, как население Германии.

Но это право нужно было заслужить. И легионеры, «помощники» и «добровольцы», служили. Например, отмечается в книге И. Хоффмана, за зиму 1941/42 гг. на сторону партизан перешел только один солдат из охранных батальонов в Крыму, еще один не вернулся из отпуска. Зато за этот же период в боях с партизанами, частями Красной Армии убито и ранено около 400 человек. Не замечать, недооценивать такие факты нельзя.

Кор.: Как же их оценивали тогда в Москве и Берлине?

Литвин: Автор книги И. Хоффман утверждает, что Сталин прекрасно осознавал угрозу гражданской войны. Он ссылается на мнение доктора Пфляйдерера, который заметил: после появления армии Власова, других военно-национальных формирований Сталин понимал, что возникает ситуация, когда граждане одной страны будут воевать друг с другом, и пожар этот может разрастаться. Он сознавал, что возникает еще другая проблема: кому будут помогать союзники — коммунистам или кто им противостоит и сражается в общем-то за так называемые

ценности капиталистического мира? Наконец, третье: гражданскую войну в СССР весь мир мог воспринять уже не так, как фашистскую агрессию против суверенного государства. Вполне возможно, что ее восприняли бы как развал «советской империи».

Однако в то тяжелое время наше государство не развалилось. Можно назвать тому много причин. Среди них такие, как вековые связи и традиции, неприятие основной массой населения любого «освободителя», поработителя и т. д., высокое чувство патриотизма советских людей, вера в справедливость Отечественной войны, в свое будущее и, конечно, мощная государственная машина, сильная центральная власть.

С другой стороны, немецкие историки-исследователи отмечают, что Гитлер сам боялся гражданской войны в СССР. Он не мог предсказать ни ее размаха, ни ее последствий, поэтому не хотел создавать сильные национальные формирования. В беседе с фельдмаршалом Кейтелем и генералом Цайтцлером он сказал: «Мы не будем создавать русскую армию» — и очень осторожно относился к использованию национальных формирований на переднем крае. Гитлеровское руководство не собиралось создавать никаких свободных и независимых государств. На оккупированных территориях немцы все-таки были захватчиками, победителями, и это оскорбляло национальные чувства людей, пусть даже не симпатизирующих Советской власти. Вот так и провалилась тогда идея развязывания в Советском Союзе гражданской войны.

Кор.: Вы несколько раз подчеркнули: «в то время», «тогда»… Это случайность или сознательное сравнение с днем нынешним?

Литвин: Конечно, сознательное сравнение. В годы войны мы сражались не за Сталина, не за «империю зла», как сейчас берутся утверждать некоторые доморощенные «исследователи», а за нашу великую державу, за наше будущее.

Я не призываю сейчас искать правых и виноватых. Призываю задуматься: что руководило нашими врагами во время Второй мировой войны, когда они строили планы посеять среди нас национальную вражду, оккупировать, расчленить наше государство? Идея «освобождения», нежная любовь, желание видеть нас процветающими? Абсурд, об истинных целях мы уже говорили. А по какому пути мы идем сегодня? Не мешало бы задуматься…»

Между тем на границе зон появилась так называемая пограничная полиция. В советской зоне эта полиция тесно сотрудничала с нашими войсками.

Однажды я приехал на неделю из Штендаля в маленький

городок на границе Обисфельде. Зашел в гостиницу, но в то время было какое-то мероприятие, и мест не оказалось. Хозяин гостиницы знал меня и предложил поселиться в двухместном номере, где одно место уже занимал офицер немецкой пограничной полиции. Я, естественно, согласился и пошел на заставу по делам службы. Когда я вечером возвратился в гостиницу, зашел в номер, там находился этот офицер. Мы обменялись приветствиями, и началась беседа. После десятиминутного разговора по-немецки мой собеседник вдруг на русском, без малейшего акцента, задал мне вопрос:

— Товарищ лейтенант, а где вы так хорошо изучили немецкий язык?

А я, естественно, в ответ:

— А где вы научились русскому?

Он мне рассказал, что его отец — немец, был моряком торгового флота, часто бывал в Одессе после окончания у нас Гражданской войны. По приглашению своего родственника гостил в немецкой деревне на Украине и там познакомился с его будущей матерью — русской. Отец наследовал крестьянское хозяйство, как старший сын. Хозяйство было небольшое, и вся семья занималась извечным крестьянским трудом. Звали моего знакомого Петером. Родился он в 1924 году. У него была сестра, муж которой недавно возвратился из английского плена. Отец умер, но мать была жива, жила в деревне, куда ее когда-то привез муж. Это было недалеко от Магдебурга. Она учила своих детей русскому языку. Когда Петера в 1943 году призвали в вермахт, он попал на восточный фронт рядовым пехоты, но так как знал русский язык, его использовали в полку при штабе как связиста и переводчика.

В течение нескольких вечеров мы беседовали о судьбе немецкого и русского народов, о путях послевоенного развития на западе и востоке Германии, о жизни в и странах Восточной Европы, и, естественно, я расспрашивал о допросах наших пленных, когда ему бы холилось быть переводчиком. Относительно наших пленных он рассказывал, что на участке фронта, где находился в обороне их пехотный полк, интересных пленных не было, да и в плен попадали уже тогда немногие. Но его удивляло другое, что поступившее пополнение, плохо обученное, сразу же нашим командованием бросалось в бой, в наступление. Такие пленные действительно ничего не могли знать. При этом он говорил, что, может быть, это было так только на их участке, ибо немецкое командование знало о советских командирах дивизии и корпуса, что они имели низкое военное образование и были людьми, мягко говоря, неуравновешенными.

Но однажды, продолжил немец свой рассказ, советское командование на участке их полка проводило разведку боем (для непосвященных объясняю, что это такое, — это внезапное наступление с целью то ли захвата пленных, то ли вскрытия огневых средств противника, но чаще всего для введения его в заблуждение, что якобы именно здесь готовится прорыв фронта). На их участке такую разведку боем, как он узнал позже, проводил штрафной батальон (штрафные части — это особые воинские формирования для отбывания военнослужащими наказания за уголовные и воинские преступления, совершенные в военное время; использовались они на наиболее тяжелых участках боевых действий, кстати, такие же формирования были и в немецкой армии).

— Ваш батальон ворвался в первую траншею, продвинулся ко второй, захватил господствующую высотку и пленных, но наши мощным контрударом, поддержанным штурмовыми орудиями и особенно артиллерией, восстановили свои утраченные позиции. На поле боя остались только трупы убитых. Раненых и ваши и наши успели вынести. Когда же начали восстанавливать позиции, то в одном засыпанном блиндаже мы нашли тяжело раненного и контуженого русского офицера — майора. С ним рядом лежали убитые связист и адъютант. Майору немедленно оказали медицинскую помощь, и когда тот пришел в себя, на носилках принесли в штаб полка. Полком командовал офицер — участник Первой мировой войны. Как правило, все военнослужащие, принимающие участие в разведке боем, сдавали свои документы. Так было и на этот раз. Командир немецкого полка спросил пленного майора о его фамилии, воинском звании, номере части. Майор ответил: «Петров Иван Иванович, звание майор, командир батальона, а какая воинская часть, вы знаете, ибо мы давно стоим перед вашим полком и мы вашу часть знаем. Задача была разведка боем — это вы и сами знаете. — А затем улыбнулся и продолжил: — Разведка боем перед наступлением на Берлин. К сожалению, мне уже не придется там быть, а наша армия там будет, и если вам, подполковник, суждено будет остаться в живых, то убедитесь сами».

Командир полка, когда унесли раненого майора, отдал приказание полковому врачу оказать ему посильную помощь и обратился к офицерам, находившимся в штабе, со словами: «Это действительно офицер! Так вели себя, попадая в плен, и офицеры бывшей царской армии. Верные присяге и воинскому долгу, они никогда не умоляли о пощаде. Это достойный пример для всех нас!»

Кто был этот майор в действительности, Петер, бывший

немецкий переводчик, так и не узнал, но был уверен, что его настоящая фамилия другая. Майор говорил, что он москвич, женат, имел двоих детей, инженер-строитель, но пойди проверь…

Затем Петер рассказал, что их часть передислоцировали в Белоруссию, и он там познакомился с одной девушкой, а вернее, она с ним. Так как было невыносимо больно смотреть на страдания населения в те страшные военные годы, то он иногда помогал, чем мог, белоруским детям, и это не было тайной для тех, кто к нему присматривался. Однажды эта девушка пригласила его на «свадьбу» своей подруги. Когда он пришел в тот дом на окраине города и все сели за праздничный стол, вдруг в дом зашли вооруженные парни. Ему все стало ясно: он в руках партизан!

— Я инстинктивно схватился за пистолет, — рассказывал Петер, — но крепкая рука моего соседа перехватила мою руку. «Петер, будь спокоен, сказал он. — Ничего страшного. Это свои люди».

Снова заиграла музыка, гости начали петь и танцевать, а мой сосед, обратившись ко мне, попросил меня выйти с ним в другую комнату. Там один из партизан сказал мне: «Петер, мы все о тебе знаем. На вашу часть мы не собираемся нападать. Скоро вы должны убыть на фронт. Мы советуем тебе перейти к нам, хотя нам и трудно, но на своей земле, и скоро немцы будут разгромлены. Ты сам это понимаешь. К тебе присматривается уже гестапо, ибо ты передавал сведения через нашу связную. Будь осторожен. Встречайся только с ней и при первой же опасности — к нам. Ну а сейчас продолжай гулять…»

И сразу партизаны скрылись. Дальше получилось так как и должно было случиться. Мне удалось уйти к партизанам. Однако ими было так все подстроено, что якобы я был украден и расстрелян как военный преступник. Это спасло от кары гестапо моих родителей в Германии, но чего стоило моему отцу и матери, получившим сообщение о моей гибели! Затем я воевал в партизанском отряде, был награжден орденом Красной Звезды. После войны вернулся на Родину, работал и работаю в полиции. Будем надеяться, что наше дело правое и победа в борьбе за мир на земле будет за нами!..

Вот и такая была у меня встреча с бывшим «коллегой-переводчиком» из противоборствующей стороны.

В это время Франция вела войну против Вьетнама. В августе 1945 года в условиях разгрома Японии там победила народная революция под руководством Хо Ши Мина, и он стал председателем Временного правительства ДРВ, но французские войска пытались восстановить свое господство и на юге страны

создали «свое» правительство в Сайгоне. Для войны нужны были солдаты, и там воевал иностранный легион. Это было особое военное формирование, состоящее в основном из лиц разных национальностей — наемников. Среди них было большинство уголовников, «солдат удачи». Штаб этого формирования и учебная база находились тогда в Алжире. Среди легионеров было много немцев, и в том числе эсэсовцев, бывших «легионеров» из немецких формирований народов нашей страны, власовцев и т. д. Но там были и такие лица, которые попадали туда волей случая, завербованные часто обманным путем. Несколько таких бывших легионеров мне пришлось допрашивать. Эти люди, стараясь попасть к своим родным и близким, жившим в нашей зоне, пытались тайно перейти границу на нашем участке. Большинство из этих молодых немцев были инвалиды, изувеченные во Вьетнаме. Вот типичные их рассказы. «Попал во французский плен. Там голодал, а тут появлялись вербовщики, которые предлагали записаться во французский иностранный легион.

Они утверждали, что в Африке мы будем нести гарнизонную службу. Но оказывалось, что после зверской муштры, которой занимались бывшие уголовники, нас затем грузили на пароходы и отправляли во Вьетнам. Там мы несли службу охраны коммуникаций в условиях тяжелого климата в тропических лесах, вели бои с партизанами. Затем ранение и транспортировка обратно во Францию, где нам выдавались документы и мы выбрасывались на все четыре стороны. Хорошо, что во время возвращения в Европу мы не оказывались за бортом судна в открытом океане. Такое бывало. Чтобы не выплачивать денежное пособие, людей не жалели, тем более что о судьбе их никому ничего не было известно». А один из таких перебежчиков рассказал мне, что командующим этим легионом является «русский еврей Пешков — приемный сын вашего писателя Максима Горького, а фактически младший брат соратника Ленина — Свердлова». Помнится, услышав такие слова, я буквально хохотал, ибо такую чушь слышал впервые, а немец упорно утверждал это, ибо, мол, так говорили многие офицеры иностранного легиона. Когда я рассказал об этом моему начальнику подполковнику Щекотихину, тот усмехнулся и сказал:

— Разведчик не должен ничему удивляться. Об этом ты не пиши в своем отчете, но дыма, как говорится, без огня не бывает… Все может быть.

Через несколько лет я узнал, что этот перебежчик был совершенно прав. Да, Пешков — Свердлов — Мошевич действительно был генералом французской армии и командовал

иностранным легионом. Прав был и мой начальник: «Ничему не удивляйся в этом сложном мире!»

А еще один из этих легионеров, рассказывая мне о войне в джунглях Вьетнама, поведал:

— Нельзя победить народ, который сражается за свободу и свою судьбу. Я в этом убедился там. Однажды вьетнамцы разгромили наш пост, который охранял насыпную дамбу. Нам был дан приказ уничтожить партизан, которые буквально за несколько часов уничтожили дамбу. Много было убитых вьетнамцев, и среди них мирных крестьян, а остальные скрылись в джунглях. И вот картина: маленький ребенок, забытый в горячке боя, сидел возле трупа своей матери и столовой ложкой «разгребал» дамбу, подражая старшим.

Немец рассказывал об этом столь убедительно, что показалось, что я воочию вижу эту картину, и, потрясенный спросил его:

— Что же случилось в дальнейшем с этим ребенком?

— Один мерзавец легионер заколол его штыком, господин лейтенант, звериная сущность тех, кто за деньги готов убить и собственного дитя. Когда я вернулся из Вьетнама в Алжир, то получил отпуск в Париж, и оттуда я решил бежать без оглядки домой. Я больше не мог участвовать в этой бойне. Так я оказался в западной зоне Германии, а теперь иду на Восток, чтобы рассказать об этом людям…

Через некоторое время в газете советской зоны был напечатан его рассказ…

На одном участке демаркации произошел вот такой случай. В засаде у границы находились двое солдат, и на них вышел старший лейтенант. Солдаты его окликнули и объяснили, что далее граница, думая, что тот случайно там оказался. Офицер сказал, что он действительно пошел не в ту сторону, и повернул, казалось, назад. Но вдруг, резко развернувшись, выстрелил из пистолета прямо в голову одному из солдат, а следующая пуля угодила другому в грудь. Расстреляв пост, перебежчик скрылся в лесном массиве и был таков. Услышав выстрелы, на помощь посту прибежал патруль. Солдаты увидели, что один из наших убит, а другой тяжело ранен. Раненому была оказана помощь, и тот остался жив. Затем он все рассказал следователям, и было установлено, кто этот офицер. Контразведка вышла на его любовницу-немку, которая должна была позже переехать к нему в западную зону. Была поставлена задача во что бы то ни стало изловить этого предателя-бандита. Через несколько месяцев операция завершилась. Не буду описывать ее подробно, скажу лишь то, что через границу из западной зоны бандита в мешке с

кляпом во рту и в наручниках ночью перенес немец, который сотрудничал со СМЕРШ. В войну этот немец-верзила служил во фронтовой разведке вермахта и обычно таскал через передний край к своим захваченных «языков». Вот таковы парадоксы жизни…

В районе Мариенборн было два пограничных перехода: один железнодорожный, где проходили поезда с Запада в Берлин и обратно, а второй — на автостраде Для машин и пешеходов. Как-то командир взвода — он Же начальник заставы, нарушив правила службы, будучи пьяным, решил показать немцам, кто есть кто. А было это в деревне недалеко от границы. В ресторане ему показались подозрительными два немца, и он решил проверить их документы. Не удовлетворившись проверкой на месте, он приказал им следовать на заставу. По пути следования один немец сбил с ног офицера, обезоружил и из его же пистолета «ТТ» застрелил. Затем они оба скрылись на Западе, перейдя границу. Проклятая русская беспечность, недисциплинированность и пьянка этому фронтовику, прошедшему от Белоруссии до Берлина с боями, стоила жизни…

Там же в Мариенборне я был свидетелем другой драмы. При попытке перехода границы с Востока на Запад был задержан немец двухметрового роста с чемоданчиком. При обыске было найдено большое количество фотографий, где был запечатлен этот немец в форме офицера СС из «Ляйбштандарт Адольф Гитлер» (то есть личная охрана). Это формирование принимало участие и в боях, но основная его работа — карательные операции. Там же в чемодане было много фотографий жертв расправ над нашими людьми. Рассматривая эти фотографии, мне лично хотелось этого подонка пристрелить на месте, но теперь было время мира, да и положение обязывало делать свое дело. Допрашивал эсэсовского бандита майор из отдела СМЕРШ, а я был переводчиком. Естественно, немец утверждал, что фотографии расправ делал не он, что он сам там и не был и т. д. и т. п. Майор же, опытный чекист, сказал: «Это военный преступник, и нужно охранять его тщательно, ибо его ждет смерть, о чем он и сам знает. Терять ему нечего, и он может пойти на все». Через некоторое время в камеру к эсэсовцу был подсажен немец — агент СМЕРШ. Через день, вызванный как бы на допрос, агент сообщил, что бандит решил напасть на часового ночью, имитируя болезнь и необходимость срочной медицинской помощи. Майор вызвал командира роты и предупредил, чтобы часовые были особенно бдительными, но русское «авось» и безответственность и здесь чуть не стоили жизни солдату. В доме, который занимал СМЕРШ, был подвал с камерами. Камеры

выходили в коридор, который запирался и охранялся наружным часовым. В коридоре был еще часовой, который следил за тем, чтобы задержанные не нарушали порядок. Часовые были вооружены карабинами. В потолке коридора находился люк, который закрывался, но его можно было открывать из зала, находившегося наверху. В зале я обычно работал, переводил документы и т. д.

Вечером майор обратился ко мне:

— Товарищ лейтенант, у меня какое-то нехорошее предчувствие. Этот бандит может пойти на все, пока он здесь, спецмашина за ним прибудет только через пару дней. Я звонил начальству. Знаешь что, подежурь ты этой ночью с двух до шести часов утра. Иди поспи, а я пока поработаю, а потом тебя разбужу.

Так и порешили. Ночью я заступил на дежурство, а майор пошел спать. Часа в четыре утра я услышал какой-то шум внизу и немедленно подскочил к люку, поднял его и увидел такую картину: эсэсовец вырывает из рук солдата карабин, а тот уцепился за него обеими руками. Немец крутит нашего часового вокруг себя, и его ноги бьют по стенкам коридора. Я выхватил пистолет, направил на эсэсовца и скомандовал: «Стреляю без предупреждения! Оставить часового и бегом в камеру!» Немец уже вошел в раж. Чувствую, что его может остановить только предупредительный выстрел. И я его делаю. Немец поднял голову, смотрит на меня, выпустил из рук карабин, а солдат мгновенно бьет его прикладом по голове. Тут я кричу уже солдату: «Прекратить!» На помощь бегут караульные, и майор уже тут как тут. Заперли бандита в камеру, выпустив оттуда «подсадную утку». Часовой тут же был отстранен, заменен другим…

И снова наша безалаберность. Часовой ведь перед заступлением на пост был проинструктирован — не открывать двери камеры ни под каким видом, но немцу удалось его перехитрить… Хорошо, что все так закончилось.

На другом участке был задержан немец, который всем своим видом вызвал серьезное подозрение. В это время на заставе мы были с подполковником Щекотихиным и допросили нарушителя. При разговоре с ним я определил, что это вовсе и не немец. Об этом я и заявил ему. Перебежчик «раскололся». Оказалось, что это литовец из Западной Германии, паспорт фальшивый. При дальнейших допросах в СМЕРШ рассказал, что в войну служил в литовской дивизии СС, а сейчас связник между американской разведкой и «лесными братьями» в Литве…

Был и такой случай. На заставу пришел молодой человек и заявил, что он английский солдат и просит о политическом

убежище. Он рассказал, что служит в 16-й парашютной бригаде, которая дислоцируется в городе Люнебурге. К нему очень плохо относятся сослуживцы, так как он высказал однажды мнение, что не все плохо в СССР, а когда те узнали, что он член молодежной организации при Компартии Великобритании, то жестоко избили его. В период войны он, сын рабочего из Лондона, сочувствовал России, как союзнику, ибо Красная Армия громила нацистов. Антифашистская борьба привела его в ряды «комсомола». Я передал его вышестоящему начальству, и те уже решали, как с ним поступить.

Другая подобная история случилась в городе Остервик в Гарце. В нашу комендатуру пришел молодой человек, но его никто не понимал. А затем он сказал по-русски: «Я англичанин, член коммунистической партии». Это все, что он знал по-русски. Вызвали меня. Англичанин рассказал, что он студент Лондонского университета. Во время каникул поехал в Западную Германию и решил перейти в советскую зону. Он предъявил мне свои документы и членский билет компартии. Заветной его мечтой было учиться в Московском университете. Он сын состоятельных родителей, но увлекся марксизмом, вступил в компартию. Я доложил о нем по команде. Приехали офицеры из отдела пропаганды и занялись его «воспитанием».

Такие случаи были и на других участках демаркационной линии. В общем, жизнь в то послевоенное время была сложной — война продолжалась и после войны, но уже в основном в другой плоскости — идеологической.

Читатель, надеюсь, помнит мой рассказ о неком подполковнике Токаеве и о том, что из-за него со мной произошло. Так вот, история с ним неожиданно для меня имела продолжение.

Однажды, включив западногерманское радио, я просто не поверил своим ушам, услышав голос… кого бы вы думали… Токаева! «Сверхидейного коммуниста», быстро и беспардонно ставшего «полковником», «борцом за свободу». Отрекомендовался он без стеснения «выдающимся ученым». Затем он сообщил, что специально вступил в коммунистическую партию с целью ее разложения изнутри, готовил подпольные кадры оппозиции сталинскому режиму. Проходя службу в Военно-воздушном отделе, занимался розыском немецких патентов и вывозом в СССР выдающихся немецких ученых по ракетной технике… И, наконец, что главный начальник СМЕРШ в Германии генерал Серов хотел его ликвидировать, но ему удалось обмануть контрразведчиков и бежать в Англию, где он обрел настоящую свободу.

Мой начальник подполковник Щекочихин встретил меня

словами:

— Ну как, здорово вещает твои «лучший друг»?..

— Думаю, мы бы с удовольствием видели друг друга в гробу…

— Можешь поехать в Берлин, узнать подробнее, как ему удалось улизнуть, — произнес Щекочихин и добавил: — Но скажи, что ты в Германии в командировке и о Токаеве узнал из сообщений радио.

Оказавшись в Военно-воздушном отделе, где еще служили знакомые мне офицеры, я услышал следующее: «Токаев получил приказ о новом назначении, в Москву, и начал готовиться к отъезду. Мебель в ящиках и другие громоздкие вещи отвез на вокзал, сдал в багаж, как делали все отъезжающие. Конечно, как выяснилось, за ним следили, и он это знал. На своей машине он с женой и дочерью ездил по комиссионным магазинам, покупал нужные в хозяйстве вещи. Жена и дочь о его замыслах не знали. Он выехал на машине из Карлхорста в центр города, а затем — в американский сектор: тогда ограничения в передвижении по всему Большому Берлину не было. Он подъехал к Темпельсгофскому аэродрому, где его ждали англичане. Токаев на глазах сопровождающих его контрразведчиков, которые не могли попасть на чужой аэродром, с женой и дочерью мгновенно заскочил в военный самолет «Либерейторй», который стоял с работающими моторами. Через несколько минут самолет взлетел и взял курс на Лондон…

Меня удивило, что никто из работников отдела не пострадал, и в том числе генералы. Наша пропаганда молчала, и у меня закрадывались мысли, что его бегство устроила наша контрразведка с определенными, далеко идущими, целями.

Вскоре появились статьи Токаева в западногерманских газетах. Я их читал и понял, что этот случай — все-таки классическое банальное предательство. Окончательно же убедился в этом, когда прочитал на английском языке его объемистую, в 360 страниц, книгу, выпущенную в 1956 году лондонским издательством под названием «Comrade X» («Товарищ Х»). Вот перечень основных из восемнадцати глав, из которого можно составить представление о тематике книги: «Жертвы режима», «Сталин дискредитирует идеалы коммунизма», «Престиж Сталина укрепляет Запад», «НКВД проявляет интерес ко мне», «Роковой 1937 год», «Тревоги в моей лаборатории», «Накануне позорной войны», «Советско-нацистский пакт».

Он писал о войне, но сам на ней даже и не был, отсидевшись в высшем учебном заведении. На каждой странице сплошное самовосхваление, информация о том, что Сталин советовался с

ним по ракетам. Насколько удалось подтвердить документально, встреч таких у него никогда не было — не тот масштаб работы был у научного сотрудника Токаева…

Тому, что его хотел ликвидировать Серов, поверить можно: контрразведке в какой-то момент стало известно, кто он на самом деле. Сначала Токаев был немецким агентом, а затем начал служить «союзникам».

Что ж, еще раз есть повод убедиться в том, что те, кто больше кричит о святости идеалов, сами в них не верят. Тем больше вероятности, что эти-то людишки и готовятся, но пока не решаются вас предать. Но когда наступает тот час, они цинично предают и вас и идеалы, предают без угрызений совести, ее у них, оказывается, никогда и не было. Сколько их, неистовых «борцов» за народное счастье, за построение самого гуманного, самого справедливого общества, когда пришел долгожданный вожделенный час набить собственную утробу, без сожаленья вытерли ноги о те самые идеалы, тут же забыв о том, что пропаганда этих идеалов, которой они десятки лет занимались, сладко кормила и поила их и их домочадцев из той самой «кормушки», которую они, якобы страдая за народ, не покладая рук создавали ему. Жалко бумаги перечислять всю эту нечисть. Да и вряд ли это необходимо. Народ их всех знает и помнит поименно. Это нужно ему до поры. Он ведь все равно с них спросит. Наивно полагать, что тот «раздел», который они воровски произвели, будет закреплен ими навечно. Опыт истории их опять ничему не научил. «Жить дружно», к чему они призывают ограбленный народ, — иллюзия, которой они хотят на время отгородиться от возмездия. Однако вернемся к нашему повествованию.

В городе Зальцведель я познакомился с сотрудником городского управления Гердом Кирштейном. Мы часто беседовали с ним о жизни в Германии, о предвоенных и военных годах. Он был хозяйственником в военном центре, где готовили унтер-офицеров для инженерных частей. Он утверждал, что на фронте не был, ибо считался ограниченно годным, хромал. Хромал он потому, что в период Веймарской республики служил в полиции. Что понимал участие в разгоне демонстраций и в последний и раз попал в больницу после стычки со штурмовиками в Берлине. Сам он родом из Силезии, работал там на заводе слесарем, а став безработным, поступил в берлинскую полицию.

Сейчас с ним жили и его родители, которых поляки выселили, на основании решений Потсдамской конференции в Германию. По его словам, он был далек тогда от политики, но,

как выходец из рабочей семьи и сам рабочий, сочувствовал коммунистам. Определенное внимание на его взгляды тогда оказывал родственник, бывший офицер кайзеровской армии, ставший впоследствии коммунистом, — Ганс Кале. Сейчас тот занимает высокий пост в администрации земли Мекленбург-Шверин. Из газет он узнал, что Ганс Кале был командиром интернациональной бригады, а затем дивизии в республиканской Испании. Герд рассказывал, что последний раз он видел Ганса после прихода Гитлера к власти. Дело было так: «Я был на службе и занимался регулировкой транспорта. Улучив момент, ко мне подошел мужчина и спросил, как ему пройти на такую-то улицу. Я немедленно узнал Ганса и, не подавая вида, попросил его подождать вблизи, ибо я сменяюсь через час и тогда провожу его по нужному адресу. Ганс понял, что я ему хочу помочь. Через час мы уже шагали вместе. Я был в форме, и это было для моего спутника приемлемо, ибо ищейки гестапо были повсюду. Я привел его в свою квартиру, которая для него стала на некоторое время убежищем. Затем его товарищи-коммунисты принесли фиктивные документы и ему удалось иммигрировать».

Я спросил Герда:

— А Ганс Кале знает, что ты жив и живешь теперь в Зальцведеле?

— Не знаю. Мне напоминать о себе не хочется, — ответил он. — Он может подумать обо мне что угодно. Ведь прошло так много времени. Я ведь не был борцом сопротивления, служил в вермахте, хотя за собой особой вины не чувствую.

Через какое-то время я был на одном совещании и там познакомился с Гансом Кале.

Я рассказал ему, что знаком с его родственником. Тот обрадовался такой вести и сказал, что обязательно его навестит.

Когда я через пару недель снова оказался по делам службы в Зальцведеле и зашел к Кирштейну, тот немедленно повел меня к себе на квартиру, а там его члены семьи наперебой рассказали мне, как к ним неожиданно приехал Ганс Кале. Все они, естественно, благодарили меня за организацию той встречи. Они гордились тем, что их родственник оказался порядочным и убежденным коммунистом, который остался таким же скромным человеком и теперь много работает на благо немецкого народа…

Нельзя без благородного уважения говорить и об антифашистской работе тех, кто в свое время вынес муки ада нацистских концлагерей, прошел суровые университеты подпольной борьбы с гитлеровским режимом. Годы, минувшие после окончания войны, побуждали этих людей решительно выступать против старых и новых фашистов. Неустанно звучал

голос борцов Сопротивления: «Будем же содействовать тому, чтобы преодолеть проклятое прошлое и создать счастливее будущее».

«Еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада», — писал в то время Бертольд Брехт.

Вспоминая прошлое, мы вплотную сталкиваемся с настоящим. С исторической точки зрения суд над фашизмом не кончился тем днем, когда в Нюрнберге Международный военный трибунал вынес смертные приговоры нацистским военным преступникам…

Я вспоминаю поездку в 1946 году в Баварию и тот процесс.

Однажды мне было приказано выехать в Нюрнберг и там передать пакет с какими-то документами в наш секретариат при Международном военном трибунале. Ехать я должен был с другими офицерами из разных отделов СВАГ и гражданскими специалистами, спешащими туда же по своим делам. Далеко позади остался разрушенный старинный Лейпциг, затем Плауэн. Наконец-то остановились у разрушенного пограничного пункта недалеко у города Хоф.

Наши пограничники тщательно проверили документы и багаж. Служба есть служба. Через сотню метров — шлагбаум американской зоны. Шлагбаум закрыт, но никого не видно. Подождав несколько минут, автомобильными гудками подаем сигнал о прибытии. Один гудок, другой, третий. Из небольшого, наскоро сколоченного домика, стоящего метрах в десяти от пограничного столба вышел заспанный американский солдат. Показали V документы, по его просьбе зашли в домик и записали фамилии в специальную книгу. Единственное что он сделал, это открыл шлагбаум и пожелал нам счастливого пути…

К вечеру мы добрались до города Хоф. Дежурный по американской комендатуре направил всех нас в гостиницу. Утром американцы любезно предложили нам завтрак, правда, на свой вкус: апельсиновый сок, чашку кофе и полтарелки молока с кукурузными хлопьями. Проехав несколько километров в направлении Нюрнберга мы остановились у дороги и, объединив припасы, позавтракали уже по-нашему.

Вот и старинный Нюрнберг. На вершине горы расположен средневековый замок. В центре города много готических соборов, некоторые из них не пострадали. В конце войны американцы провели массированный налет на Нюрнберг, в котором участвовали несколько сотен бомбардировщиков, превратив в развалины старую часть города — Альт-Нюрнберг. При этой бомбежке были полностью уничтожены многие замечательные творения средневекового зодчества, в том числе дом, где родился

и творил Альбрехт Дюрер.

Наконец мы добрались до дворца юстиции — массивного четырехэтажного здания, стоящего в глубине двора за высоким металлическим забором. На уровне второго этажа фасада, над четырьмя высеченными из камня скульптурами, символизирующими правосудие, развевались на флагштоках четыре государственных флага союзных держав. У входа в здание нас встретили два дюжих американских солдата в белых касках с надписью «МР» — «военная полиция» и белых кожаных гетрах, опоясанных белыми же ремнями с белой кобурой, с торчащей из нее черной рукоятью огромного кольта.

В то время нашим офицерам было разрешено питаться в американском гарнизонном офицерском клубе. Клуб встретил нас шумной разноголосицей. Мы решили сесть в сторонке, подальше от любопытных глаз американских, английских и французских офицеров. Многие из них уже поужинали и потягивали через соломинку из длинных стаканов виски со льдом, смешанное с различными соками. Конечно, наше появление сразу же заметили: сначала с соседнего столика, а затем и с других начали подсаживаться посетители.

Американские офицеры вели себя запросто, панибратски, английские и французские — чуть посдержанней. Наш переводчик с английского завел увлекшую обоих с головой беседу с одним из американских офицеров, а для остальных незнание языка с разных сторон вполне компенсировалось улыбками, похлопыванием по плечу, подливанием виски и восторженными возгласами по каждому поводу. Часто переходили на немецкий язык, который все в разной степени понимали.

Когда-то Нюрнберг был цитаделью нацизма и его идеологическим центром. Здесь зародились человеконенавистнические расистские теории, получившие название нюрнбергских. На Партайгеленде — месте фашистских смотров проходили завершающие ежегодные Нюрнбергские сборы. Одну из сторон этой огромной заасфальтированной площади обрамляли высокие трибуны, над которыми, как утес, возвышалась главная трибуна, с которой Гитлер и его подручные принимали парады. Отсюда под барабанный бой и крики «Зиг хайль» при мрачном свете чадящих факелов война уходила в мир. Овладев городом, американцы на фасаде трибун написали большими буквами слова: «Солджерс филд», что означает «Солдатский плац», а на главной трибуне нарисовали эмблему американской армии. Еще тогда меня поразило, что, заявляя на весь мир о своем неприятии гитлеровского расизма, американцы сами были далеко небезгрешны в этом: среди встречавшихся нам

американских военнослужащих абсолютное большинство нижних чинов были неграми, а офицерами — белые… Теперь в Нюрнберге завершался финал затеянной Гитлером и его помощниками попытки порабощения и уничтожения других народов во имя осуществления бредовой идеи о тысячелетнем господстве нацизма — суд над руководителями фашистского государства, по приказам которых совершались бесчисленные военные преступления против человечества.

В эти дни Нюрнберг переживал нашествие специалистов и зевак, стремящихся попасть в зал, где шел процесс над главными военными преступниками. Для ограничения этого огромного потока «паломников» военная администрация американской зоны оккупации была вынуждена ввести специальные пропуска для въезда в город. Чтобы как-то удовлетворить желание рвущихся на судебный процесс, были установлены гостевые разовые пропуска, действительные только на одно утреннее или нее заседание трибунала. Даже не всем журналисты, представляющим солидные зарубежные газеты и журналы, удавалось проникнуть в зал, так как пропуска выдавались только тем, кто был специально аккредитован при Международном военном трибунале. Для них было отведено определенное количество мест, отгороженных барьером. Гостевых же мест было мало. Н Главные военные преступники содержались в тюрьме, которая была тут же, при дворце. В зал их вводили по специально сделанному подземному туннелю. Иногда наши товарищи присутствовали на процессе, и мне удалось побыть там часа два. Меня особенно интересовал Геринг, сидевший первым на скамье подсудимых. За время предварительного заключения он сильно потерял в весе. Серый замшевый мундир со следами когда-то сплошь покрывающих его орденов висел на нем как с чужого плеча.

На процессе царила атмосфера строжайшей законности. Должен прямо сказать, что тогда мне часто приходилось разговаривать с немцами и о самом процессе, и о подсудимых. Мнение было почти единодушным — повесить! Правда, обоснование было у каждого свое: натерпевшиеся от них антифашисты считали, что главные военные преступники должны быть повешены за их злодеяния, а бывшие вольные или невольные приверженцы Гитлера и его приспешников за то, что они довели Германию до полного краха и позора. По их разумению, если бы получилось все так, как задумывалось, то и вешать было бы не за что…

О Нюрнбергском процессе написаны горы книг, но мне хочется вспомнить и высказать свои впечатления того времени и то, что мне тогда рассказывали коллеги-переводчики, работавшие

на процессе…Вот обвинитель предъявил фотографию, сначала не произведшую ни на кого особого впечатления: за дни процесса уже многое перевидано. Глухая лощина, поросшая мелким кустарником, на переднем плане — глубокая траншея или яма, отвалы глины… Но всех потрясла подпись под фотографией: на этом месте, под городом Злочевом, в Львовской области, было расстреляно более двухсот тысяч советских граждан! Земля пропиталась кровью на глубину одного метра пятидесяти сантиметров. Ярослав Галан сказал: «Если бы кровь всех, кого они убили, выступила из земли, они бы захлебнулись в этом кровавом озере», Галана позже, уже после войны, убили украинские националисты-фашисты.

…Допрашивали свидетеля преступлений в лагере истребления Треблинка. В этом конвейере смерти тридцать восемь эсэсовцев уничтожили около трех миллионов человек. Точнее, было доказано, что за последние десять месяцев существования лагеря в нем было уничтожено два миллиона семьсот семьдесят пять тысяч человек. Число жертв в течение первого года «жизни» лагеря осталось не установленным.

Теперь установлено, что этот свидетель врал в угоду тем, кому это было выгодно, ибо такое число людей при тех мощностях крематория уничтожить было просто невозможно.

Свидетель сообщил кроме прочего: «Чтобы не вызывать беспокойства и паники среди обреченных, вход в газовые камеры оборудовали как душевые. Людям раздавали мочалки и требовали за это деньги…» Что ж, психологически это рассчитано точно, так же профессионально, как и все остальное в лагере.

К сожалению, на скамьи подсудимых попадают прежде всего непосредственные исполнители, а идеологи, организаторы, психологи остаются безнаказанными. Возмездие Адольфу Эйхману, обвиненному в убийстве четырех миллионов евреев, — скорее исключение, чем правило. Впрочем, и он был обвинен в этом преступлении один. Существует много теорий и методик, позволяющих по внешнему виду человека отличать преступников от остальных людей. Если бы это было возможно во всех случаях, скольких трагедий человечества можно было бы избежать!

На скамье подсудимых сидели люди с обычными лицами и жестами: пройдет такой по улице, и не подумаешь, что это — палач, убийца, виновник бедствий целых народов. От обычных людей их отличало лишь высокомерие. Может быть, ощущение своей избранности и есть первопричина преступлений? «Мы, немцы, единственные во всем мире хорошо относящиеся к животным, займем по отношению к людям-животным приличную позицию. Погибнут или нет от истощения при создании

противотанкового рва десять тысяч русских баб, интересует меня лишь в одном отношении: готовы ли для Германии противотанковые рвы. Живут ли другие народы в благоденствии или подыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны для нашей культуры».

Славяне должны работать на нас. Если они нам не нужны, могут умереть. Они не должны пользоваться медицинской помощью. Образование им не нужно. Хорошо, если они будут уметь считать до ста. Тем более они будут полезны для нас».

Так, повторяя Гитлера, говорили Гиммлер и Борман.

Герман Геринг на заседания приходил с пледом и укутывал ноги, чтобы не простудиться. Он старался казаться невозмутимым, но перед допросом фельдмаршала Паулюса, бывшего командующего гитлеровскими войсками разгромленными в Сталинграде, все увидели настоящего Геринга: «разъяренного борова».

Находясь в плену, Паулюс написал заявление советскому правительству, в котором рассказал о том, как готовилась война. Обвинитель уже начал читать заявление на очередном заседании трибунала, как с места сорвался адвокат Кейтеля и заявил, что защита возражает против оглашения сомнительного документа, не заверенного юридической конторой и потому не имеющего юридической силы. Пусть свидетель сам предстанет перед трибуналом. Позиция защиты казалась беспроигрышной: после разгрома Сталинградской группировки в Германии был объявлен трехдневный траур по погибшим, в том числе и по Паулюсу, который, как было заявлено, также нашел свой конец в Сталинграде. Обвинитель с советской стороны спорить не стал и, сдерживая улыбку, сказал:

— Господа судьи, если защита настаивает, мы можем лично пригласить свидетеля Паулюса в зал заседаний. Он доставлен сюда из Москвы.

Подсудимые замерли, адвокаты растерянно переглядывались. У входа в зал поднялась суматоха. Почуявшие сенсацию журналисты ринулись на свои места. Защитник, только что возражавший против чтения документа, пошел на попятную:

— Я проконсультировался со своими коллегами, и мы решили не возражать против чтения заявления Паулюса.

Но теперь представитель советского обвинения, уже не скрывая насмешливой улыбки, попросил разрешения трибунала все-таки пригласить Паулюса к свидетельскому пульту. Паулюс вошел в сопровождении американского солдата, и в это время в наступившей тишине громко и яростно выругался Геринг: «Швайне хунд!», что можно перевести как «свинья-собака» или

«свинская собака».

Бывший фельдмаршал подтвердил свое заявление рассказал о тайной подготовке к нападению на ССС?' что опровергло утверждения подсудимых о том, что нападение на СССР было для них полной неожиданностью и они были вынуждены под страхом смерти подчиниться Гитлеру и начать ее. Паулюс рассказал об утвержденном в 1940 году плане «Барбаросса» — плане подготовки нападения на Советский Союз, завизированном и Кейтелем, и Герингом, и Йодлем.

Преступления, преступления, преступления… Вот на скамье подсудимых, тоже в первом ряду, сидит Альфред Розенберг, бывший студент Московского политехнического института, сотрудничавший с гетманом Скоропадским, бежавший из России после Гражданской войны. Он считался у нацистов специалистом по «русскому вопросу». Розенберг в апреле 1941 года, за два месяца до нападения на Советский Союз, был назначен министром оккупированных территорий Востока.

Кроме восточного министерства, в нацистской Германии существовала еще одна организация, занимавшаяся грабежом захваченных земель: «Экономический штаб Востока», во главе которой стоял Геринг. По плану «экономического штаба» на месте России должны быть созданы две области: лесная и черноземная. К лесной области нацисты относили всю северную часть Советского Союза, от Балтики до Урала, в черноземную был включен весь юго-восток страны.

Каковы были планы в отношении СССР, теперь известно. Когда отвечал на вопросы генерал Йодль, было видно, сколько в его взгляде бессильной злобы, сдавленной ярости. Даже здесь, в нюрнбергской тюрьме, преступник сожалел, что им не удалось довершить своих злодеяний: «Для люфтваффе навсегда останется позорным пятном то, что они не смогли разрушить Ленинград с воздуха…»

А Рудольф Гесс, приговоренный к пожизненному заключению, прославился в Нюрнберге тем, что симулировал сумасшествие, чтобы избежать наказания. Как известно, Гесс незадолго до войны с СССР улетел в Англию для переговоров с членами британского правительства. Договориться о заключении мира и о совместном нападении на СССР не удалось, и заместитель Гитлера всю войну просидел в английской тюрьме. На скамье подсудимых он вдруг стал ненормальным, причем «психическое заболевание» Гесса имело странный характер. Он прекрасно помнил все, что с ним происходило до отлета в Англию, но не мог припомнить, с кем и о чем он разговаривал в Лондоне. В таком «заболевании» были заинтересованы и

некоторые из высших руководителей Великобритании.

Защитники Гесса, ссылаясь на его невменяемость, стребовали его освобождения. В Нюрнберг прибыли психиатры из Англии, США и СССР, и были проведены три медицинские экспертизы. Английские психиатры дали заключение: «Гесс невменяем, страдает психическим заболеванием, выразившимся в потере памяти». Примерно такое же заключение сделали американские психиатры, а советские пришли к выводу: «Гесс просто симулянт и обманщик».

Этому делу было посвящено специальное закрытое заседание трибунала. Выступали специалисты-психиатры. Каждая сторона настаивала на своем. И вдруг председатель суда лорд Лоренс предложил спросить самого Гесса, считает ли он себя сумасшедшим. И тот ответил следующее: «Я думаю, что нужно прекратить не в меру затянувшуюся здесь дискуссию. По тактическим соображениям я долго симулировал потерю памяти. Сейчас надобность в этом миновала, и я передаю свою память в распоряжение трибунала». И еще добавил: «Я выражаю благодарность моему адвокату, который так искусно помогал мне симулировать потерю памяти».

Заявление Гесса произвело впечатление взрыва. Остолбеневший адвокат растерянно хлопал глазами. После этого заседания он стал заикаться…

Трибунал в своем приговоре определил степень индивидуальной вины каждого подсудимого, установив каждому меру наказания. С полной убедительностью была раскрыта вся человеконенавистническая сущность фашизма, разоблачена его расистская идеология, ставшая основой для подготовки и развязывания агрессивных войн и массового истребления людей с целью завоевания и расширения жизненного пространства для представителей «высшей расы». С большой наглядностью была также показана опасность для человечества возрождения фашизма.

30 сентября — 1 октября 1946 года был оглашен приговор суда. Трибунал приговорил Геринга, Кейтеля, Риббентропа, Кальтенбрунера, Розенберга, Франка Фрика, Штрейхера, Заукеля, Йодля, Зайс-Инкварта, а также Бормана (заочно) к смертной казни через повешение; Гесса, Функа и Редера — к пожизненному заключению; Ширака и Шпеера — к двадцати, Нейрата — к пятнадцати, Деница — к десяти годам тюремного заключения.

Фриче, Папен и Шахт были оправданы.

На Нюрнбергском процессе подсудимые с нескрываемым презрением относились к Юлиусу Штрейхеру. Они как бы подчеркивали, что испытывают чувство стыда за то, что такой

человек мог достигнуть высоких партийных постов в третьем рейхе. Он пользовался в государстве немалым влиянием, а ведь был всего только главным редактором антисемитского журнала. Штрейхер был извращенцем с садистскими наклонностями, тупой, невероятно темный и ограниченный человек. Весь его облик, каждый жест и слово вызывали отвращение. Тяга его к порнографии самого пошлого, примитивного пошиба проявлялась также и в характере антисемитской пропаганды, которой он занимался с начала 20-х годов, а особенно в рисунках на страницах журнала «Дер штюрмер».

По единодушному мнению врачей и психологов, антисемитизм Шлейхера был явно маниакального свойства. Специальная комиссия обследовала его вменяемость. Беседы с психиатрами он превратил в страстные антиеврейские тирады. На представленном ему обвинительном акте он написал: «Это триумф всемирного еврейства». В своем ответе трибуналу Штрейхер заявил: «Я был призван возвестить всему человечеству, какую угрозу представляет собой международное еврейство». При этом он ссылался на Талмуд, где впервые сформулированы были принципы расизма в пользу евреев, ибо Талмуд предписывает евреям сохранять свою расовую исключительность. Вот, мол, и мы, немцы, национал-социалисты, применили эту теорию на практике в Германии.

Подсудимые в Нюрнберге осуждали преступления — истребление миллионов людей различных национальностей, а Геринг утверждал, что во всем этом виноваты «Гитлер и его психопаты». Штрейхер заметил при этом, что он никогда не одобрял убийств и не призывал к истреблению евреев, но поскольку все судьи трибунала евреи, ждать от них справедливости бесполезно. Когда же преступления были документально подтверждены, он заявил, что замысел Гитлера уничтожить всех евреев был непрактичным. Лучшее доказательство этому сколько их осталось во всех странах. Гитлер допустил ошибку, ибо сделал из них расу мучеников, а это отодвигает окончательное решение еврейского вопроса еще на двести лет. При этом он еще раз повторил, какая это дьявольская сила — еврейство. Именно евреи употребили всё свое влияние, чтобы довести дело до этого процесса.

И в конце процесса он совершил самый фантастический и самый невероятный поворот. Штрейхер заявил, что он пришел к выводу — евреи такая сила, которой суждено господствовать в мире. Он относится к ним с огромным восхищением, ибо знает их превосходно и мог бы им быть полезным, он и сам еврей по фамилии Гольдманн, но это скрывал. Представляете, какой был

гвалт в зале суда, что он все врет и издевается. А тот продолжал вполне серьезно, что он готов предоставить свои услуги, хотя бы в качестве руководителя одной из групп, которая как раз сейчас сражается в Палестине против англичан. Или пусть ему только позволят выступить с речью на большом митинге в нью-йоркском «Мэдисон сквэр гардиан». Подумайте только, граждане судьи, какой бы это эффект произвело во всем мире: он, Юлиус Штрейхер, выступает в поддержку всемирного еврейства Он готов был бы сражаться за евреев, если бы они захотели принять его как своего. А под конец заявил: «Демократический мир слишком слаб, и ему суждено проиграть…»

Но все эти рассуждения суд не принял во внимание и приговорил Штрейхера (Гольдманна) вместе с другими к смерти. Возможно, его ждала другая участь, но «признание» в принадлежности к еврейству решило его участь. Так быть не могло, чтобы еврей был идеологом уничтожения евреев.

После отклонения на чрезвычайном заседании Контрольного совета по Германии просьб осужденных военных преступников о помиловании было принято постановление: «Приговор, вынесенный трибуналом, привести в исполнение 16 октября 1946 года в Нюрнберге».

Это был день еврейского праздника Йом Капур (судный день).

Геринг ухитрился принять яд и тем избежал виселицы. Семь военных преступников, приговоренных к различным срокам тюремного заключения, были отправлены в берлинскую тюрьму Шпандау, а в отношении остальных военных преступников, приговоренных к виселице, справедливое возмездие во дворе Нюрнбергской тюрьмы совершил американский сержант Вуд.

Существует поверье, что веревка повешенного приносит счастье. Американские солдаты, имевшие касательство к исполнению приговора, бойко торговали потом веревками, снятыми с виселиц. Но и здесь не обошлось без обмана: веревок было продано во много раз больше того, чем требовалось для казни. Точно такие же веревки они скупали заранее в немецких магазинах и торговали ими как настоящими атрибутами висельников…

Тогда мне казалось, что процесс над главными военными преступниками навсегда покончит с фашизмом, с трагедиями народов, что война и нацизм не переступят больше барьера, за которым сидят заговорщики. Я, и не только я, тогда ошибся. Войны и поныне лихорадят планету. Вспоминаются слова обвинителя от США: «Эти подсудимые представляют в своем лице зловещие силы, которые будут таиться в мире еще долго после того, как тела этих людей превратятся в прах. Привить человеку

низменные инстинкты, растлить его куда легче и на первый взгляд выгоднее, чем воспитать благородство, совесть, готовность делать добро людям».

Давно известно, что в любых мемуарах повествования и размышления неизбежно субъективны. При описании событий и людей имеется опасность преувеличения причастности и роли личности автора. В настоящее время объективному изложению истории угрожает идеологическая неразбериха, предвзятость и целенаправленная фальсификация. Помня об этом, еще раз хочу заверить читателя в том, что мною рассказывается только правда и именно с той высоты, которой я «обладал» в те суровые послевоенные годы, но эта правда подтверждена многими документами, которыми мне удалось воспользоваться благодаря поддержке моих русских и германских друзей. И еще. Я совершенно далек от мысли хоть как-то преувеличить свою роль в тех исторических моментах, которые выпали на мою долю.

Нашему поколению прививалось всей системой воспитания чувство долга перед Родиной, своими родителями, перед будущими поколениями и даже перед всем человечеством. Этим чувством долга я дорожу и следую ему и в нынешней жизни.

Ниже мне хотелось бы остановить внимание читателя на одной важной проблеме, которая и поныне многих волнует, а речь пойдет о начале эпохи ракетостроения и применения ракет в области военного вооружения.

Заканчивая войну, СССР обладал огромным научно-техническим потенциалом и производственными мощностями оборонной промышленности. После победы над Германией наши ученые, как и ученые Запада, старались как можно полнее использовать ее достижения. И сделано было немало. Все, что мы потеряли в связи с развалом Советского Союза, теперь принадлежит ее истории. Но это история нашей страны, нашего поколения, которое работало, воевало, созидало…

В конце Второй мировой войны с Запада навстречу нашим войскам шли не только армии союзников, но и их специальные отряды по захвату немецкой ракетной техники, специалистов, ученых физиков-атомщиков, а также всех новейших достижений науки и техники. И наши ученые, переодетые в военную форму, тоже начали брать на учет все то, что представляло научный интерес. «Профсоюзные офицеры» — так с некоторой иронией называли таких посланцев из Союза, поскольку к военной форме они практически не имели никакого отношения.

Германское секретное оружие — «ракеты возмездия», как сегодня хорошо известно, делались в Пеенемюнде. Этому местечку на берегу Балтийского моря суждено было войти в

историю. Оно стало стартовой площадкой великой ракетной гонки XX века. Главными организаторами всех работ здесь были Дорнбергер и фон Браун. Согласно Версальскому договору, Германии были запрещены разработки и производство новых видов авиационной, артиллерийской и другой военной техники и вооружения, известного во время Первой мировой войны как наступательные средства. В перечень запретов не входило ракетное оружие. Собственно, авторы Версальского договора и не думали тогда о самой возможности использования ракет как оружия нападения. К идеи использования ракет с жидкостными двигателями для военных целей пришел артиллерийский капитан Дорнбергер из рейхсвера (военного министерства). Именно он решил, если нельзя использовать артиллерию, то никто не запретил Германии иметь более сильное, но еще неизвестное оружие. Он привлек к практическим исследованиям ученого Вернера фон Брауна, который в 1929 году опубликовал работу «Теория дальних ракет».

После прихода Гитлера к власти были отброшены все ограничения Версальского договора. Военное министерство согласилось финансировать и создание центра в Пеенемюнде, где разрабатывалась ракета дальнего действия, несущая большой заряд взрывчатки. Фирму, осуществлявшую основные строительные работы в Пеенемюнде, возглавлял будущий президент ФРГ Генрих Любке. В 1943 году численность основного персонала Пеенемюнде составляла свыше 15 тысяч человек. Там была построена самая крупная в Европе аэродинамическая труба, крупнейший завод для получения жидкого кислорода.

В Тюрингии близ города Кордхаузена началось строительство огромного подземного завода «Миттельверк» с проектной мощностью выпуска до тридцати ракет «А-4» в сутки. Рядом был концлагерь «Дора», заключенные которого строили многие объекты и, естественно, были обречены на смерть. Но даже здесь, казалось бы в безнадежных условиях, велась борьба антифашистов. В городе Кала строился подземный авиационный завод для производства сверхскоростных самолетов с реактивным двигателем. А всего на территории Тюрингии находилось 355 военных заводов, из них 63 производили авиационную продукции, 64 — артиллерийско-стрелковое вооружение.

В сентября 1944 года немцы начали обстреливать ракетами «А-4» Лондон. Они разработали и применили подвижные железнодорожные старты как средства защиты от воздушных налетов, что какое-то время позволяло им успешно действовать против англичан.

Первые волны английских бомбардировщиков пролетели над

островом Узедом, где находился Пеенемюнде, вечером 17 августа 1943 года. Они не сбросили тогда ни одной бомбы. Внизу даже не объявили воздушную тревогу, надеясь на хорошую маскировку. Но вот внезапно над северной оконечностью острова зажглись осветительные ракеты. Начался первый и сильнейший за всю историю Пеенемюнде бомбовый удар.

597 четырехмоторных бомбардировщиков обрушили на запретную зону и ближайший поселок, где жили специалисты, тысячи фугасных и зажигательных бомб. Одна волна бомбардировщиков следовала за другой, устилая «бомбовым ковром» производственные корпуса, стендовые сооружения, лабораторные здания. Немцы сбили тогда 47 «летающих крепостей». Их же потери были огромны: погибло 735 человек ведущих специалистов, много потерь было и из числа обслуживающего персонала.

На противовоздушную оборону этого района непосредственно отвечал генерал-полковник Ешоннек, начальник штаба люфтваффе, учившийся в свое время в Липецке. Перед этим он пережил неудачу под Курском, где лично руководил всей авиацией. Разгрома острова он перенести не мог и покончил жизнь самоубийством.

Работа на Пеенемюнде замедлилась, но не прекратилась. Немцы решили использовать резервный исследовательский полигон в Польше. Черчилль обратился к И. В. Сталину об оказании помощи англичанам в захвате ракетных устройств в Дебице. Первое его письмо по этому вопросу было датировано 13 июля 1944 года. А всего в 1944 году Сталин и Черчилль обменялись шестью посланиями. 14 февраля 1945 года из Пеенемюнде стартовала последняя ракета «А-4». 17 февраля автомобильные и железнодорожные эшелоны со специалистами, архивами и оборудованием, возглавляемые Дорнбергером и фон Брауном, покинули остров Узедом. Эвакуация производилась в район Нордгаузена, Бляйхероде, Зангерхаузена и другие пункты Тюрингии. Основные архивы с результатами тринадцатилетних исследований и работ были спрятаны в штольнях «Миттельверка» и калийных штольнях. Группа руководителей Пенемюнде направилась в Баварские Альпы. 2 мая 1945 года они вышли навстречу американцам. В тот же день американцы захватили более 400 основных научно-технических сотрудников Пеенемюнде, документацию и отчеты по разработкам, более 100 готовых ракет вместе с военным персоналом, их обслуживающим…

В районе Нордхаузена, в Блайхенроде, был создан институт «Рабе». Там советские ученые и специалисты по ракетной технике

знакомились с немецкими достижениями в этой области. Среди них был и Сергей Павлович Королев, которого я неоднократно видел в Военно-воздушном отделе СВАГ. Этот институт просуществовал до 1946 года. Затем немецкие специалисты были отправлены на работу в СССР. Руководил операцией переброски генерал Серов из СМЕРШ.

В предвоенные годы, будучи студентом Харьковского авиационного института, я знал, что группа ученых-энтузиастов нашего института и студенты старших курсов технических вузов города активно занимались ракетными Двигателями, запускали ракеты в районе Казачьей Лопани под Харьковом и добивались при этом хороших результатов. Во время службы в качестве оружейника я поближе познакомился с реактивными снарядами, а летая стрелком на Ил-2, видел их эффективное действие на поле боя.

После, когда я учился в Военном институте иностранных языков, узнал о том, что у подмосковной станции Подлипки в городе Калининграде в артиллерийском конструкторском бюро ракетами занимается коллектив ученых. И вот я увидел Королева в Военно-воздушном отделе СВАГ. Сергей Павлович был в форме полковника. Он и его спутники, примерно пять человек, совещались в кабинете генерала Куцевалова с инженерами-оружейниками, работавшими в нашем отделе. Затем группа Королева выехала в Пеенемюнде, где на месте обследовала германский ракетный центр. К тому времени здесь мало чего осталось: практически все немецкие ученые во главе с Вернером фон Брауном уже отбыли в США, захватив с собою и всю важнейшую документацию. Сооружения были повреждены сильнейшими бомбардировками авиации союзников, а оставшееся оборудование уничтожено самими немцами. Опыт германских ученых конечно же помог нам в создании ракет, особенно на первом этапе, но доставшиеся доли «наследства» США и СССР были несоизмеримы. И все-таки СССР опередил США в разработке ракетных систем и запуска ракет. И не только первым запустил в космос искусственный спутник Земли, но и послал туда человека. Им был русский летчик Юрий Гагарин.

Сегодня эти замечательные наши успехи принадлежат истории, которую ну никак не могут подправить хулители всего советского, и слава Богу.

Мы, как я уже подметил, были не одиноки в «охоте» за умами. В послевоенной Германии все страны-победительницы гонялись за немецкими учеными, идеями, патентами и технологиями. Больше всех в этом преуспели США, создавшие для этого специальную службу еще до высадки войск в Европе.

Многие немецкие ученые и сами стремились попасть за океан, и, когда неразбериха первых месяцев оккупации кончилась, оказалось, что они уже там. Однако много ученых еще оставалось в Германии.

2 октября 1946 года я вместе с коллегами-переводчиками был в городе Дессау, где производился демонтаж завода фирмы «Юнкере». Ночью нас подняли по тревоге и собрали всех в большом зале общежития. Там нас, переводчиков, прикрепили по одному к офицерам отдела СМЕРШ и объявили, что по решению Советского правительства в СССР будут направляться немецкие ученые. Нам зачитали это решение и объявили, что мы должны объявить это немцам, которых оно касается. «Операция» началась около пяти часов утра, ибо немцы встают и отправляются на работу рано. Зачитать постановление мы должны были до их ухода.

Офицер отдела СМЕРШ, я и два солдата стояли перед подъездом одного из домов, дожидаясь, пока часы покажут ровно 5 часов 00 минут. В окнах квартиры, в которую мы должны были войти, уже зажгли свет. Вот большая стрелка дошла до отметки начала следующего часа. Пора!

На наш звонок из квартиры спросили:

— Кто там?

— Комендатура! Откройте!

Пожилой мужчина открыл дверь и молча внимательно посмотрел на нас. Я попросил его разрешения пройти в комнату. Мужчина улыбнулся и спокойно сказал:

— Ну уж если так рано пришли, проходите.

Из другой комнаты вышла пожилая женщина и так же молча, не отводя глаз, смотрела на нас. Настроение у меня было премерзким. Я начал переводить уже заученное: «На основании приказа Верховного командования Красной Армии вы обязаны выехать на работу в Советский Союз. Вы должны ехать немедленно, со всеми членами семьи. Ваша мебель и вещи будут доставлены к новому месту работы, которая будет продолжаться не более трех лет».

Произнеся эти слова, я спросил хозяев квартиры:

— Вам все понятно?

— Все ясно, господин лейтенант, — ответил немец по-русски и, улыбаясь, добавил: — Мы этого ожидали. Вместе с женой мы в молодости были уже в Советском Союзе. Это было так давно, и отношения между нашими государствами были совсем другими. Я работал инженером на заводе «Юнкере» в Филях под Москвой.

Потом, взглянув на офицера отдела СМЕРШ, опять-таки по-русски сказал:

— Не беспокойтесь. Мы не собираемся бежать, а если бы имели такое намерение, то раньше ушли бы в западные зоны. Времени на упаковку пары чемоданов много не потребуется, а здесь останется наша дочь с внуками. Она живет в этом же доме.

В квартиру с плачем вбежала молодая женщина и бросилась в объятия плачущей матери. Я взглянул на моего шефа и сказал:

— Выйдем. Не стоит мешать.

Шеф как-то замялся, а потом вышел за мной. Вынув из пачки сигарету, он жадно затянулся и произнес:

— Да, нам повезло. Здесь все ясно, а слышишь, как в других квартирах причитают. Тебе хорошо: перевел, и все, будешь заниматься другим делом, а наша служба такая… Я ведь тоже был боевым офицером, а после ранения, госпиталя взяли в СМЕРШ. Обещают перевести в Союз, а там видно будет…

Кстати, среди немецких ученых, попавших на работу в СССР, оказался и Манфред фон Ардене. Это имя в довоенное время было хорошо известно в ученом мире нашей страны по технической литературе. Какое-то время он даже работал в СССР. В начале войны он работал в Германии по атомной тематике. За ним охотились разведки США, Англии, да и наша разведка вела поиск его следов. Когда американцы взяли в плен практически всю германскую научную элиту, и, в частности, тех, кто вел разработку проблемы атомного оружия, фон Ардене среди них не оказалось. Он в числе других был переправлен в СССР, где плодотворно работал в своей области научной деятельности, имея неплохие практические результаты и соответственно советские правительственные награды. Такова судьба еще одного ученого, с которым мне впоследствии довелось общаться в его институте в Дрезден-Вайсер-Гирш.

Выполнив свою миссию, через несколько часов все переводчики были снова собраны в общежитии, а затем мы на автобусе выехали в Берлин.

Глава 3
Создание государства Израиль

В мае 1948 года я приехал по делам службы на КПП железнодорожной станции Мариенборн. Там размещалась наша пограничная застава. Солдаты несли там исправно службу, встречали поезда, прибывавшие из разных зон, охраняли их, следили за порядком. Специальные контролеры проводили проверку документов у пересекавших демаркационную линию. Здесь же был и пост таможенного контроля. Неподалеку от станции проходила автострада, на которой был также оборудован КПП, выполнявший те же задачи. Там однажды и состоялась неожиданная встреча с моим старым знакомым, сослуживцем по Военно-воздушному отделу СВАГ, находившемуся, как помнит читатель, в Берлине. Это был тот самый переводчик с французского, которого по его просьбе я всем представлял как «армянина». Встрече этой я, честно говоря, был не очень-то и рад.

Как «старые» знакомые, мы, естественно, разговорились. Я коротко поведал ему о пребывании в Москве после инцидента в Контрольном совете и кем в действительности оказался Токаев. Мой «армянин» о нем уже все знал. Работал переводчик с французского все так же в СВАГ, но, правда, в другом отделе. В Мариенборне он оказался по случаю встречи делегаций немецких педагогов, которые должны были прибыть из западных зон.

Помнится, когда мы работали с ним в Берлине, он жил там с женой и сыном-школьником. Жена его тоже была переводчицей, но только с английского языка и работала в качестве вольнонаемной. Он как-то поведал мне о своей жизни. Мать его была еврейкой, а отец армянином, в чем я был абсолютно не уверен, но повторяю, тогда я смотрел на национальную принадлежность тех, кто меня окружал, очень спокойно. Все мы были советские люди, и этим все было сказано. Однажды я показал ему фотографию, где я был заснят с моим командиром 43-го гвардейского авиационного штурмового полка Александром Дмитриевичем Соколовым. В 1936 году он воевал на стороне республиканцев в Испании. Коллега-переводчик его сразу же узнал, так как сам был в ту пору в Испании, где работал переводчиком при военном советнике по авиации Я. В. Смушкевиче. Знал он и командира эскадрильи истребителей П. В. Рычагова. Оба они впоследствии были начальниками Военно-Воздушных Сил Красной Армии, но затем репрессированы и в 1941 году расстреляны как «враги народа». Но это, так сказать,

лирическое отступление. Разговор дальше пойдет о делах более серьезных.

Так вот, 14 мая 1948 года на основе резолюции Организации Объединенных Наций (ООН) от 29 ноября 1947 года было создано государство Израиль. Помнится, тогда мы вместе с моим коллегой слушали иностранное Радио, и, когда поступило это сообщение, мой знакомый, звали его, кстати, Семен Борисович, страшно разволновался, будто что-то было сделано вопреки его воле, и потом в сердцах воскликнул: «Подумать только!.. Все же этим негодяям их затея удалась!»

Признаться, в тот момент я ничего не мог понять. У меня сразу же на языке возник вопрос, почему он еврей, не одобряет такое решение. Ведь, как мне было известно, евреи этого момента дожидались сотни лет. Тем более что это решение одобрил и голосовал за него представитель Советского Союза. «Значит, и товарищ Сталин согласен», — думал наивно я.

Я ему так и заявил, а он посмотрел на меня внимательно и замолчал. Через некоторое время я его еще раз попытался вывести на этот разговор.

— Я уважаю ваши знания, — тихо и как бы доверительно сказал я ему. — Вы же историк, человек ученый, повидали многое в жизни, старше меня, у вас большой жизненный опыт, так расскажите же мне популярнее, о чем в действительности идет речь. Все, что вы мне расскажете, останется между нами. Я ведь теперь уже кое-чему научился (сделал я намек на мой прошлый «промах»), вернее сказать, — продолжил я, — жизнь меня научила: больше слушать, учиться и постигать истину не только в том, что излагает наша официальная пропаганда.

Я видел, что мои слова на него подействовали и его буквально подмывало рассказать, а вернее, высказать свое мнение хоть кому-то, потому что, как я уже выше заметил, сообщение о создании государства Израиль ему было не по душе. Я уже почти физически почувствовал, что он мне поверил. Я еще раз настойчиво произнес, что не подведу его. И вот тогда он «прочитал» мне «лекцию» о сионизме, троцкизме, о происках империалистических сил, о тайных сговорах против простых людей и т. д. и т. п.

«Лекция» эта продолжалась в течение двух дней, когда мы бывали наедине. Рассказывал он ярко, выразительно, приводил убедительные примеры. Особенно запомнилось его красочное сравнение будущего государства Израиль с гибридом коровы и жирафа. Мол, такой гибрид, имея длинную шею, будет кормиться за границей, а доиться дома.

Под питанием он подразумевал щедрую финансовую дань

новому государству, собираемую во всех капиталистических странах.

— Конечно, — говорил он, — исходя из смысла резолюции ООН, еврейское государство не должно иметь ничего общего с целями международного сионизма. Его возникновение рассматривалось в плане предоставления евреям, составляющем часть населения Палестины, права на национальную самостоятельность, Так и обосновывали свою позицию представители СССР при голосовании за эту резолюцию. Но они не знают, как повернется дело в ближайшем будущем.

Эти «лекции» мне запали в душу. На многие вещи я стал смотреть уже другими глазами, меньше верить словам, а больше документам, докапываться до самых истоков, много читал статей в иностранных изданиях, и особенно старые книги, где еще не так свирепствовали цензоры.

Между тем мой «лектор» встретил посланцев из западных зон и вместе с ними отправился в Берлин. Кстати, в ту нашу встречу он мне сказал, что его супруга уже в Москве, преподает иностранный язык в вузе. Он тоже должен вскоре уехать в Союз. В новом учебном году ему предоставляется место профессора в институте иностранных языков.

Много лет спустя мы с ним случайно встретились в Москве, долго разговаривали, и я ему сказал: «А вы тогда были правы относительно государства Израиль. Я, прочитав по тому обсуждавшемуся вопросу массу книг, теперь достаточно осведомлен». Я запомнил его ответ: «Мы были советскими людьми и почти не различали национальности. В Великую Отечественную войну спасли мир от фашизма. А теперь исподволь вносится в сознание, особенно молодых людей, разобщенность по национальному признаку, а это добром не кончится для всех народов нашей страны».

Мы дружески распрощались, и больше я его не встречал. Кстати сказать, я так до конца и не узнал, почему был мой коллега— «армянин» противником создания Израиля. То ли он действительно себя не считал правоверным иудеем, то ли был правоверным марксистом на самом деле. Впрочем, для меня это было не очень важным. Ему я остался благодарным за то, что он привлек мое внимание к вечной проблеме, которая ныне еще больше обострилась в связи с безмерными амбициями евреев всех стран главенствовать не только в тех государствах, где они живут, но и во всем мире. Но об этом наш разговор ниже.

В первые послевоенные годы в Германии было большое количество перемещенных лиц: бывшие военнопленные, узники концентрационных лагерей, угнанные на принудительные работы

в Германию из оккупированных стран, беженцы из районов военных действий, а также переселяемые немцы из стран Восточной Европы. Поток этих лиц шел как с востока на запад, так и в обратном направлении. На пограничных переходах через демаркационную линию можно было часто наблюдать сравнительно молодых мужчин-евреев. Были среди них и бывшие офицеры нашей армии, а также армии Польши. Мой начальник доверительно сообщил мне, что это те люди, которые добровольно едут в Палестину. Это, мол, дело большой политики. Руководство нашей страны тогда считало, что наличие «наших людей» на Ближнем Востоке будет как-то там уравновешивать наши интересы с англичанами, которые в это время уже теряли свое влияние, и американцами, которые занимали их места. Это, мол, едут люди, преданные идеалам социализма.

Когда немцы взяли Харьков первый раз, в 1941 году, мой отец (об этом я уже упоминал) увидел, что два солдата ведут по улице знакомую ему еврейку с маленькой дочкой. Она тоже его увидела да как закричит:

— Афанасий Николаевич! Вы же знаете, что я не еврейка, а армянка. Вы же у нас на свадьбе были! А документы наши сгорели при бомбежке! Подтвердите, спасите!

Отец пытался объяснить это солдатам. Бесполезно. Тогда он пошел за ними следом в комендатуру, а там оказался офицер, который понимал сносно по-русски. Отец начал объяснять ему, мол, действительно тут произошла ошибка, эта женщина — армянка. Он вместе с ее мужем работал на заводе и на свадьбе у них был, ее родственники приезжали с Кавказа — все до одного армяне.

Офицер молча все выслушал и безразличным тоном сказал:

— Мы поверим вам, отпустим эту женщину. Но мы и проверим, и если вы солгали хоть слово, смерть будет не только вам, человеку седому, но и всем членам вашей семьи.

Женщину-еврейку с дочкой отпустили. Отец посоветовал ей немедленно уходить из города, в какое-нибудь село пробираться. А потом вспомнил своего товарища по работе.

— Слушай, — сказал он ей, — иди в его село. Он инвалид, наверняка не в Красной Армии. Скажи, что это я тебе посоветовал, ибо квартиру разбомбили немцы. Он должен помочь.

Та схватила тележку, погрузила в нее ручную швейную машинку, узелок с вещами — и, как говорится, пай Бог ноги. В том селе она с дочуркой нашла приют, и таким образом они спаслись.

После окончательного освобождения Харькова эта женщина с

дочерью пришла к отцу, сердечно его благодарила. Только тогда соседи узнали о поступке отца. А он лишь одно повторял:

— А как же иначе? Нужно было спасать наших людей. Так все, кто себя порядочным считает, делали.

Мой отец никогда не произносил слово интернационализм, зато слова «совесть», «честь», «порядочность» понимал отлично и исповедовал их полной мерой.

Помнится, как-то я прочитал одну книжку. Автором ее был Теодор Герцль австрийский журналист в 90-х годах прошлого столетия. Он-то и опубликовал эту книжку под названием «Государство евреев». Как я узнал позже, международный сионизм взял ее на вооружение. Герцль писал: «…Богатым евреям, вынужденным теперь прятать свои сокровища и пировать при опущенных шторах, можно будет в своем государстве свободно наслаждаться жизнью…»

В 1897 году отец сионизма писал кайзеру Германии: «Если немецкие евреи эмигрируют, следствием этого будет возвращение из Соединенных Штатов немецких эмигрантов. В результате вы приобретете истинных сынов нации, предотвратите взрыв, который будет трудно ограничить какими-либо рамками, ослабите социализм, к которому обратились преследуемые евреи, изгнанные другими партиями, и выиграете время для решения социальных проблем».

Он же писал в своем дневнике: «Ясно, что французских евреев уже не спасешь. Они ищут защиты у социалистов и стремятся к разрушению существующего буржуазного порядка».

А еще раньше Герцля один из учредителей Всемирного еврейского союза Кремье, гроссмейстер французских масонских лож, советовал: «Израильтяне! Куда бы ни забросила вас судьба — по всем концам земли, всегда смотрите на себя как на членов избранного народа!

Смотрите на правительственные должности как на нечто незначительное. Вздором считайте всяческие почести. Махните рукой пока и на самые деньги. Прежде всего захватите прессу, и тогда все прочее придет к вам само собой». Вот так. Не больше и не меньше.

О силе пропаганды в свое время говорил и Наполеон: «Пять газет могут сделать больше, чем хорошо вооруженная стотысячная армия».

Иудаизм — единственная религия мира, которая оперирует такими понятиями, как «богоизбранничество» и «расовое превосходство». Согласно его доктрине, все остальные народы должны быть на положении слуг. Эта теория в дальнейшем была развита основоположниками сионизма, вот почему можно с

уверенностью говорить, что в основе сионизма лежит человеконенавистническая философия. Все это и проповедует сейчас иудейская пропаганда в России и СНГ. Она целиком направлена на провоцирование животных инстинктов в человеке в самом изуверском, изощренном виде. Учение же христианской религии было всегда ненавистно иудеям. Ведь христианство провозглашает культ духа (духовность), тогда как у иудейства во все времена был культ золота. В этом же духе, основываясь на этой теории, действовали и национал-социалисты в Германии, стремясь завоевать мировое господство. Да и коммунисты-сионисты сразу же после Октябрьской революции в России провозглашали как бы на благо всех трудящихся лозунг: «Да здравствует мировая революция!», но странно другое (о чем свидетельствуют документы), что все это инспирировалось врагами русского государства.

Есть такое понятие — «историческое зрение». Это когда человек, знающий историю, видит «связь времен». В сегодняшнем дне он видел связь со вчерашним и в то же время с завтрашним.

Полковник Николаи, ведающий разведкой в кайзеровской Германии в годы Первой мировой войны и после, говорил: «Русские евреи во время войны смотрели на шпионаж в первую очередь как на гешефт. Никакого внутреннего участия в войне они не принимали, и этим мы пользовались особенно в черте оседлости». Кстати, так было во все времена. Чтобы не быть голословным, отошлю читателя к рассказу «Жид», написанному И. С. Тургеневым по документальным источникам. Тяга к деньгам, к гешефту любым способом, привела старого еврея к тому, что он подкладывал свою дочь в постель русским офицерам, чтобы выведать хоть какую-нибудь тайну, а затем продать ее австриякам. Закончилась эта шпионская, безнравственная затея для искателя счастья на чужом несчастье, как и положено, суровой карой. Он был повешен.

Но не только такое поведение любителей гешефтов, обладателей во что бы то ни стало мешочков с золотом, которым им любая страна становилась родиной, отрешало от них, к примеру в России, людей порядочных, живущих общими заботами, радостями и бедами со своим народом. Не случайно сионисты никогда не могли мириться с коллективистской душой русских, потому и одобряли и продолжают одобрять все то, что шло и идет во вред России. Не любят, порой даже ненавидят, любителей гешефтов и по другим причинам. Взять хотя бы Адольфа Гитлера. Известно, что он родился не совсем в нормальной семье. Он стал испытывать патологическую ненависть к евреям, когда узнал, что его бабушка по отцовской

линии Анна Мария Шикльгрубер была соблазнена евреем, сыном хозяина, на которого она тогда работала. Та родила Алоиса, будущего отца Адольфа. К чему эта ненависть привела во вселенском масштабе, сегодня все хорошо знают. Но, думается, не только семейная драма стала причиной такого поведения Гитлера. Он, надо думать, как и все нормальные люди (не родился же он на самом деле этаким придурком-мракобесом), плохо относился к тем, кто готов был ради этого пресловутого мешочка с золотом родную мать не пожалеть. Может быть, и более веские причины вели его по пути отрицания мирового еврейства. Знать об этом, увы, нам уже не дано. Однако наводит на грустные размышления то обстоятельство, что в мире сейчас появилось много «маленьких гитлеров». Они поражают своей жестокостью на бытовом уровне. Они множатся, ибо ухудшаются условия жизни человека, жаждущего лучшей доли, даже если она сможет улучшиться за счет других людей.

Должен сказать, что желающих жить лучше за счет русских было всегда предостаточно. И для этого все способы были, как говорится, хороши.

В декабре 1915 года немецкий дипломат граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау (Ulrich von Brockdorf-Rantzau) писал из Копенгагена в МИД Германии, что нужно сделать все возможное, чтобы в России произошла революция, а поэтому нужно вести «психологическую войну» с целью разрушения коалиции врагов Германии, в которой в данный момент главную роль играет Россия, а это значит, что нужно исключить Восточный фронт. Дельный совет дипломата был в Берлине не оставлен без внимания. В конце 1915 года МИД Германии выделил 20 миллионов золотых рублей на подрывную работу в России. Из военной добычи в Польше немцы в январе 1916 года передали различным революционным группам большие суммы денег. Революционеры, находящиеся в эмиграции, тоже получали деньги для борьбы с царским режимом. Особенно в этот момент немцев заинтересовали самые радикальные из них, а именно большевики. Программа большевистской партии (руководитель В. И. Ленин), по немецким данным, была даже весьма подходящей, чтобы в условиях воюющей России устроить в ней большую смуту. Вот что в ней предлагалось: создание республики в России; ликвидация помещичьего землевладения (земля — крестьянам); автономия для всех наций и народностей; заключение мира и вывод всех войск из занятых позиций в других странах; долой аннексии и контрибуции; установление восьмичасового рабочего дня и т. д.

После Февральской буржуазно-демократической революции в

России немцы приняли решение, которое через свою агентуру в партии большевиков довели до ее руководства: о возможности проезда большой группы русских революционеров-эмигрантов через Германию в Швецию. Большевикам при этом через подставных лиц была оказана солидная денежная помощь. Всего проследовало в апломбированных вагонах 400 большевиков. Почти все они были по национальности евреи. Многие из них ранее учились в Германии, были германофилами и, как правило, свою ненависть к царизму переносили на весь русский народ.

В донесении немецкого руководителя контрразведки в Стокгольме Ганса Штайнвахса (Hans Steinwachs) от 30 апреля 1917 года говорилось: «Lenins eintriff in RuBland gegluckt. Er arbeitet vollig nah wunsch…» («Прибытие Ленина в Россию удалось. Он работает, как желали…»).

Теперь несколько слов о Брестском мире. Л. Д. Бронштейн (Троцкий) 3(17) декабря 1917 года договаривался с немцами о перемирии на 28 дней, но немцы подписали сепаратный мир с западноукраинскими сепаратистами (Украинская Центральная Рада), что давало немцам возможность ввести свои войска на Украину. А тут еще Троцкий заявил: «Ни войны, ни мира».

В ответ на это немцы ввели свои войска в Прибалтику (наступление началось 18 февраля 1918 года) и оказались на линии Псков — Нарва всего за 12 дней. 22 февраля В. И. Ленин обратился с воззванием к народу, и врагу был нанесен под Псковом сокрушительный удар. Потому день 23 февраля стал днем Красной Армии.

3 марта 1918 года был подписан позорный брестский мир. 400 тысяч квадратных километров территории и 60 миллионов человек были оторваны от страны. Такова была цена предательства коммуниста-большевика (сиониста) Троцкого, звериной ненавистью ненавидевшего русский народ и Россию. Доказательством тому могут служить его слова:

«Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, не белая, а красная.

В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы

покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния… А пока наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы умеют ненавидеть все русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, академиков, писателей!..»

Так писал очевидец этих человеконенавистнических разглагольствований честный еврей (ювелир, поставщик его величества императорского двора) Арон Симанович в своих «Воспоминаниях»{*}.

В. И. Ленин в первые годы Советской власти сформировал основы своей внутренней политики, высказав свою ненависть к так называемому великодержавному Русскому шовинизму, которого, по чести сказать, в России никогда не было, объявив ему борьбу не на жизнь, а на смерть, выказав тем самым свое предрасположение к евреям, утвердив закон об антисемитизме, исключающий какие-либо критические замечания в их адрес.

Такова была неукоснительно проводимая в жизнь политика партии, которая приводила к гибели русских людей только за то, что они были патриотами своей страны и защищали своих близких от зверской расправы, которую осуществляли слуги международного сионизма, рядившиеся в одежды «пламенных революционеров за счастье народа». Какого только?..

А вот и подлинные документы, которых ретиво требуют «оскорбленные» деятели революции. Они подписаны другим не менее «пламенным» революционером по уничтожению русских людей.

Директива ЦК РКП (б)

24 января 1919 г.

Последние события на различных фронтах в казачьих районах — наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К

среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Я. Свердлов.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 177–178.

Инструкция

5 февраля 1919 г.

На основании приказа Командующего 4-й армией и Уральского Революционного Комитета объявляется для руководства Советов нижеследующая инструкция:

1. Все оставшиеся в рядах казачьей армии после 1 марта объявляются вне закона и подлежат истреблению.

2. Все перебежчики, перешедшие на сторону Красной Армии после 1 марта, подлежат безусловному аресту. Чрезвычайной Комиссии предлагается строжайшим образом расследовать обстоятельства их перехода.

3. Все семьи, оставшихся в рядах казачьей армии после 1 марта объявляются арестованными и заложниками.

4. Объявленные заложниками поступают на учет местного Совета; членам указанных семей и их имуществу производится учетная перепись.

5. Выезд семьям и их членам, объявленным заложниками, безусловно воспрещается.

6. Все члены семей, объявленных заложниками, дают во

исполнение 5 подписку.

7. В случае самовольного ухода одной из семей, объявленных заложниками, подлежат расстрелу все семьи, состоящие на учете данного Совета.

8. В случае самовольного ухода одного из членов семьи, объявленной заложниками, подлежат расстрелу все члены данной семьи.

141

9. Имущество расстрелянных конфискуется и распределяется среди бедняцкого населения.

10. Выполнение пунктов настоящей инструкции возлагается на сельские и волостные Советы.

11. Право наказания по 7 и 8 настоящей инструкции принадлежит Чрезвычайной Комиссии.

12. Все сражающиеся против Красной Армии с оружием в руках и перебежчики, перешедшие после 1 марта и освобожденные из-под ареста, лишаются права голоса, находясь на положении деревенской буржуазии.

13. Местным Советам предоставляется право ходатайствовать о возвращении перебежчикам избирательных прав.

С подлинным верно: Управ. Делами Ревкома Копия верна:

Секретарь Каз. Отд. ВЦИК

Ив. Ульянов

ГАРФ, ф. 1235, оп. 84, д. 9, л. 526.

Можно было бы привести и еще немало документов той ужасной поры, которые хранятся в разных архивах, но думается, что и эти красноречивое свидетельство того, что было сказанно выше. Устрашение — вот тот главный аргумент, который применяли «пламенные» революционеры для того, чтобы «убедить» не согласных с их политикой.

Вот что писал по этому поводу Лев Троцкий в своей изуверской книге «Терроризм и коммунизм»: «Устрашение есть могущественное средство политики и международной и внутренней.

Война, как и революция, основывается на устрашении. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю. Так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи».

Он же заявлял: «Цель оправдывает, при известных условиях, такие средства, как насилие и убийство».

Сегодня не секрет, в Красной Армии в период Гражданской войны создавались заградительные отряды преимущественно из евреев. Над командирами ставили комиссаров. По приказу

Троцкого были расстреляны тысячи людей, и прежде всего красноармейцев из русских. Известен так же «легендарный» поезд Троцкого с командой боевиков-карателей, которые расправлялись с неугодными.

«Сила еврейства в цепкости и солидарности. У нас «каждый за себя», «Бог за всех», а у евреев — «все за каждого». Мы разобщены. Они не только соединены, но и слиты. У нас соединение — фразерство, у них — факт!» — так писал в свое время наш русский философ Розанов. А поэт Игорь Северянин говорил: «Родиться русским слишком мало. Им надо быть, им надо стать!»

В эмигрантских кругах, а также среди простого народа была крылатая фраза: «Русская революция делалась еврейскими мозгами, латышскими стрелками и русскими дураками». Насколько права оказалась эта пословица, показало время.

В 1924 году в Берлине была выпущена книга «Россия и евреи». Выпустили ее сами евреи. Девизом ее было: «За Россию и против ее губителей!», «За еврейский народ и против осквернителей его имени!». В этой книге на основании фактов давались примеры звериной сущности сионистской мафии в России, особенно в ЧК, где руководящий состав были все евреи.

Известные немецкие раввины обратились к своим соплеменникам в период Веймарской республики в Германии. Они призывали их к осторожности, к пониманию немецкой униженности и разоренности, что могло привести к росту экстремизма. К сожалению, немецкие евреи в большинстве своем не вняли этим предостережениям, что часто приводило к печальным последствиям еще до прихода Гитлера к власти.

В нашей стране негативный вклад евреев в русскую историю известен: ЧК, расказачивание, раскулачивание, ГУЛАГ, еврейское мессианство, Коминтерн, масонство… Надо прямо сказать, все это в период Великой Отечественной войны привело к тому, что около одного миллиона советских граждан служило или оказывало помощь немцам; тысячи солдат не оказывали достойного сопротивления немецким войскам и сдавались в плен. Так было в начальный период войны, хотя абсолютное большинство сражались и погибали за Родину, и среди этих героев были и раскулаченные, и бывшие гулаговцы, и много тех, кого представители Советской власти безвинно оскорбляли, лишали гражданских прав и преимуществ. Из песни, как говорится, слов не выбросишь.

Нельзя не сказать и о вредной роли, которую сыграли установки тогдашнего руководства Главного политического управления Красной Армии (начальник Лев Мехлис), согласно

которым все воины, попавшие в плен или без вести пропавшие, огульно объявлялись изменниками Родины со всеми вытекающими из этого факта тяжелыми последствиями. Такой подход облегчал немецкой разведке запугивание и втягивание наших людей в ее агентурную сеть.

Положение усугублялось еще и тем, что этим бесчеловечным установкам печально известный приказ № 270 Верховного Главнокомандования придавал силу закона. «Если часть красноармейцев вместо организации отпора врагу, говорилось в нем, — предпочтет сдаться в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». Командиров и политработников, «сдавшихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров». Но даже такое отношение к пленным не поколебало их любви к Родине. Пленные этому просто не верили, когда им читали или показывали документы немецкие пропагандисты.

В реальной фронтовой действительности все было не так или не совсем так. Здесь преобладал здравый смысл. Приведу несколько примеров из моего фронтового опыта.

7 мая 1944 года во время штурма Сапун-горы под Севастополем я летел воздушным стрелком в самолете командира Коновалова, ведущего группы наших Ил-2. Два истребителя Ме-109 нас атаковали. Ведущий немецкого истребителя успел дать по нам очередь; я и летчик были легко ранены, но мне все же удалось сбить вражеский истребитель. За него я получил орден Славы второй степени. В другой группе наших Илов на одном из штурмовиков летел стрелком мой земляк Петр Иванович Гурьев. К несчастью, в том бою его самолет был сбит.

Когда их с Самаринским сбили, рассказывал после Петр, его выбросило из кабины и он успел дернуть кольцо парашюта, но к своим было уже не перетянуть… Впереди был плен.

Немцы потащили Гурьева по ходам сообщения в глубь своей обороны. Грохот разрывов снарядов, авиабомб, везде много убитых и раненых, а в воздухе куда ни кинь взгляд — наши самолеты. Немцы буквально шарахались от Петра, узнав, что он — летчик-штурмовик. Его даже не обыскали: при нем остались солдатская книжка и медаль «За отвагу». Куда девалась немецкая аккуратность?

Наконец его притащили на командный пункт 5-го армейского корпуса, где он предстал перед группой немецких офицеров, а потом и генералов. Генерал, видимо старший из всех, через

переводчика задал вопрос:

— Какую задачу имеют ваши войска здесь, под Севастополем? — Спросил, видимо, по обязанности, по инерции, так как задача была уже ясна всем.

Гурьев ответил:

— Задача одна: как можно быстрее очистить нашу землю от захватчиков!

Затем задавали вопросы о том, что он знает об открытии второго фронта нашими союзниками в Европе. Гурьев ответил, что не знает, когда будет открыт второй фронт, но Германия проиграла войну еще 22 июня 1941 года, когда напала на Россию. Гурьев всегда говорил правду любому в глаза, всегда и везде.

Ночью его перевезли в штаб 17-й армии, на мыс Херсонес. Здесь тоже задавали подобные вопросы, и он, уверенный, что его все равно расстреляют, дерзко ответил:

— Вы задаете мне такие вопросы, на которые может ответить только наш командующий. А поскольку вам из Крыма не уйти, то вы имеете такую возможность…

Его не расстреляли, а перевезли на Херсонесский аэродром, где, кроме раненых немецких летчиков, обслуживающего персонала и высших офицеров, которые стремились скорее выбраться в Румынию, находилось несколько пленных советских летчиков, спасшихся на парашютах. Немцы собирались вывезти их на самолетах в Германию. Несмотря на агонию армии, приказы еще не были отменены и их пытались выполнять. Но выполнять становилось все труднее. Наша авиация наносила бомбовые и штурмовые удары по аэродрому. Тем истребителям противника, которым удавалось взлететь, приходилось вступать в бой с нашими истребителями. Наши их сбивали на виду у всех, и это деморализующе действовало на немцев.

Особенно сильное впечатление произвело уничтожение Илами нашего полка шести немецких транспортных самолетов Ю-52. С трудом приземлившись, они даже не успели зарулить в капониры. Убитых и раненых немцев добавилось.

Голос Гурьева дрогнул:

— И надо же: никто из наших пленных не пострадал! Как будто видели нас! А я смотрю и вижу: там Саша Паршиков с Павкой, там Витя Марченко с Вадимом Курманиным, вот Ежов, Кравченко, Ишмухамедов… Немцы меня в укрытие тянут, а я стою — лучше от своих погибнуть, чем плен!

Вторая волна наших машин завершила дело. Когда последняя, уцелевшая от разгрома, группа немецких истребителей улетела и аэродром прекратил свое существование, пленных перевели в лагерь, размещенный на месте каких-то

бывших мастерских…

В лагере были в основном гражданские лица, согнанные в Севастополь. Их должны были отправить в Германию. К Петру подошел мальчик и стал расспрашивать, с какого аэродрома он летал на Севастополь. А когда тот ответил, что с Тумая, оказалось, что это сын той женщины, с которой мы беседовали в первый день после посадки в Крыму. Она плакала и показывала фотографию своего сына, которого немцы вместе с другими угнали перед приходом наших войск.

Мальчишка предложил Гурьеву спрятаться в трубе, которую он приметил на территории лагеря. Расчет был прост: немцы грузят людей на корабли ночью, соблюдая светомаскировку, а потому обыскивать все закоулки не станут. Так и получилось: ночью людей погрузили на пароход, а утром на территорию лагеря ворвались наши солдаты.

В суматохе боя Гурьев мальчишку потерял.

Командир полка предложил Гурьеву сходить в деревню и рассказать матери, что ее сын жив и скоро они встретятся. Воздушный стрелок Паршиков ходил вместе с Гурьевым. После он рассказывал, что мать не поверила этой истории, плакала, спрашивала: «Если это правда, то где же он?» Прошло несколько дней, а мальчишки не было. Тут уже многие начали сомневаться в правдивости этой истории. Гурьева отправили на проверку. Ведь он все-таки был в плену. Мы были воспитаны в духе, что плен — это позор. Плен несовместим с присягой, воинским долгом и честью. Знали наизусть и требование Устава: «Ничто, в том числе и угроза смерти, не должно заставить воина Красной Армии сдаться в плен». Известны были нам и слова Сталина, что у нас нет пленных, а есть предатели.

Позора мы боялись больше смерти. Но судьба пленного могла постигнуть любого из нас. Бывало, что возвратившиеся после выполнения боевого задания члены экипажей докладывали на КП: «Видел: такой-то был сбит, упал там-то». И мы думали о том, удалось ли товарищам уйти или хотя бы застрелиться последним патроном. О добровольной сдаче в плен и не думали. предательство, а наказание предателям может быть только одно: позорная смерть и презрение.

Петя не мог быть предателем. Не мог! Я слышал, как Соколов говорил старшему лейтенанту, уполномоченному СМЕРШ: «Кто может поверить, что наш Петя Гурьев двадцать пять лет был украинцем, а за пять дней плена стал немцем? Чепуха!»

Через пару дней Гурьев возвратился из штаба армии в полк, а мальчишки все не было. И вот дней через десять на аэродром приходит мать со своим сыном. Мальчик с забинтованной

головой. Увидев Гурьева, просиял и бросился ему на шею. Рассказал, что побежал в атаку вместе с наступающими солдатами, оказывал им помощь, сам был ранен в голову. В госпитале его подлечили, и затем на попутных машинах он вернулся в родное село.

Много вреда принесло и умолчание о судьбе сына Сталина — Якова. Немцы уже после войны меня спрашивали, а верно ли, что сын Сталина был у них в плену? Я сам об этом ничего не знал и обычно отвечал, что у Сталина есть один сын — летчик и дочь. Мне показали листовку, в которой были использованы фотография Якова Джугашвили и его письмо к отцу. Я тогда сказал, что это, очевидно, геббельсовская пропаганда, но при удобном случае доверительно задал такой же вопрос моему товарищу по группе в ВИИЯ, который в то время работал в контрразведке здесь же, в Берлине. Тот подтвердил, что Яков был в плену, но попросил держать язык за зубами, а на мой вопрос, зачем же скрывать этот факт и после войны, ответил:

— По нашим данным, Яков Джугашвили был расстрелян немцами. А отношение к сдавшимся в плен осталось прежним. История до конца неясная. Вот почему Сталин и молчит. А соответственно это является государственной тайной.

После смерти Сталина о судьбе Якова Джугашвили писали в газетах. По многочисленным свидетельствам, Яков Сталин ни Родину, ни отца не предал. Судя по его поведению до войны и в плену, он бы сам отказался от обмена его на немецкого генерала, как, искренне или с целью провокации, предлагало гитлеровское командование. Вообще, плен — явление сложное, многогранное, во многом еще не исследованное. Рубить здесь сплеча нельзя. Очевидно, главный критерий здесь — в каких обстоятельствах человек попал в плен и как он вел себя в плену.

Естественно, в процессе своих послевоенных исследований я искал и ответа на вопросы: как немцы относились к нашим летчикам, попавшим к ним в плен, как оценивали их бойцовские качества. Узнал и о беспримерном мужестве пленных летчиков, но пришлось столкнуться и с предательством: в армии Власова, оказывается, была и авиация!

С началом боевых действий, учитывая беззаветную храбрость советских летчиков, совершивших воздушные тараны, а также направлявших подбитые и горящие машины в скопления немецкой техники, Геринг отдал приказ: уцелевших после воздушных и наземных огненных таранов летчиков после допроса расстреливать.

Вообще к авиаторам было особое отношение: для летного и наземного персонала советских ВВС были созданы отдельные

лагеря военнопленных, так как немцы считали, что в авиации служили наиболее преданные коммунизму люди «сталинские соколы». В люфтваффе говорили: «Наши орлы воюют против сталинских соколов».

В первые дни войны на Восточном фронте Геринг отдал приказ о расстреле в воздухе летчиков, спасающихся на парашюте. Позже, в 1943 году, приходилось уже учитывать, что за такие действия, произведенные на виду большого количества людей, когда-нибудь, возможно, придется отвечать. Например, в приказе командующего немецкими войсками в Крыму от 31 августа 1943 года говорилось, что «в последнее время отмечаются случаи, когда в тылу немецких войск выбросившиеся с парашютом советские летчики обстреливаются немцами и многие из них гибнут. Это недопустимо, ибо их нужно допросить, получить от них интересующие командование сведения. Запрещается стрелять по парашютистам, кроме того, и в таких случаях:

а) когда видно, что спускающийся на парашюте вражеский летчик приземляется на своей территории;

б) когда вражеские парашютисты приземляются в тылу наших войск и нет возможности их захватить в плен. Об этом немедленно нужно сообщить в соседние воинские части, чтобы организовать поимку. Захваченных парашютистов немедленно сдавать в разведотдел…»

В начальный период войны в немецкий плен попало много авиаторов из наземных служб, ибо они отходили на восток последними, выпустив в полет летчиков, зачастую когда немецкие танки уже врывались на аэродром. Летчики попадали в плен, потеряв ориентировку или сев на уже занятый немцами аэродром, о чем они не знали. Попадали в плен и после прыжка с парашютом из горящего самолета. Добровольные перелеты на сторону противника были чрезвычайно редки, хоть немецкая пропаганда и утверждала, что перелеты в плен были массовыми.

Но предатели все-таки были. Война, как и любое резкое изменение жизни страны, поднимает из глубин души как самое светлое, так и самое темное. Появляется желание использовать изменение обстановки для достижения давно вынашиваемых планов. В Красной Армии служили и бывшие солдаты и офицеры белой армии, из которых далеко не все примирились с Советской властью, а также, как я уже говорил выше, жертвы раскулачивания, расказачивания, обиженные Советской властью в ходе бескомпромиссной борьбы с религией, недовольные методами проведения национальной политики и т. д., и просто расчетливые трусы, посчитавшие, что с Советской властью уже

покончено (таких, кстати, сегодня пруд пруди).

Были такие и среди летчиков. На основании архивных документов и послевоенных публикаций немецких авторов относительно авиации армии Власова вырисовывается такая картина. В августе 1942 года некоторые бывшие советские летчики — майор Филатов, капитан Ракушинский, лейтенант Плющев и, возможно, другие — в Осинторфе (Осиновке), под Оршей, предложили свои услуги немцам. Осенью 1942 года под командованием майора Филатова было создано подразделение при группе армий «Центр». По сведениям из архивных документов, действовало оно до февраля 1943 года. Начальником штаба этого подразделения был полковник Рил (национальность не указана), а затем полковник Боярский. Авиационным подразделением это формирование назвать трудно: фактически это была использовавшаяся немцами в борьбе с партизанами стрелковая бригада, в которой служили советские военнопленные и эмигранты. Правда, в ней было несколько летчиков.

Известны случаи использования пленных авиамехаников, мотористов для работы под присмотром немцев, в частности, на аэродроме Заднепровье (район Смоленска).

На должность командующего власовской авиацией немцы готовили бывшего генерала Мальцева, 1895 года рождения, происхождения из крестьян Владимирской области. В Красной Армии он служил с 1918 года, до 1937 года был членом ВКП(б). Командовал ВВС Сибирского военного округа, впоследствии репрессирован. В 1939 году реабилитирован и назначен начальником санатория Гражданской авиации в Ялте. После оккупации немцами Ялты стал ее бургомистром.

В 1943 году вербовка советских летчиков в спецлагерях для авиаторов, где режим был очень строгим, в армию Власова активизировалась. Сборный пункт для летчиков был в городе Сувалки. После отбора кандидатов их в течение двух месяцев учили, затем восстанавливали воинские звания, которые они имели в Красной Армии, и направляли в авиагруппу «Хольстерс» (по фамилии командира авиагруппы) в район Морицфельде возле города Инстенбург (Восточная Пруссия). Здесь летчики восстанавливали свои летные навыки на советской трофейной авиатехнике. Обслуживали эти машины также бывшие военнопленные и, возможно, эмигранты.

Часть авиационных инженеров направлялась на аэродром Берлин Темпельсгоф, где они вместе с немцами изучали трофейные новые советские самолеты. Летчики учились летать и на немецких самолетах. Затем их использовали в основном в качестве «перегонщиков» немецких самолетов с заводских

аэродромов на аэродромы люфтваффе.

В Прибалтике действовали 11-я авиагруппа, включавшая три эскадрильи эстонских летчиков, 12-я авиагруппа из двух эскадрилий латышей, и 1-я, «восточная», эскадрилья — из русских. По немецким данным, «русская» эскадрилья до июня 1944 года совершила не менее 500 боевых самолето-вылетов против «своих».

В Белоруссии против партизан воевало девять экипажей-предателей на самолетах У-2. Отдельные экипажи, состоящие из бывших советских граждан, воевали и в составе немецких авиаэскадр. Некоторые из бывших советских летчиков были награждены немецкими орденами. Вот данные о некоторых «бывших сталинских соколах». Полковник Ванюшин — бывший начальник штаба ВВС Орловского военного округа, а затем командующий авиацией 20-й общевойсковой армии; Герои Советского Союза капитан Бычков и старший лейтенант Анпилевский; капитан Метл из ВВС Черноморского флота; капитаны Артемьев, Победоносцев, майор Суханов и другие. Воззвания к авиаторам о переходе на сторону немцев подписывали Бычков, Анпилевский, женщина-майор Ситникова, бывший начальник связи 205-й истребительной авиадивизии, дезертировавший из Красной Армии командир полка полковник Будак, летчик Хакимов и другие.

Конечно, нужно критически относиться к публикациям немцев, ибо эти обращения были частью проводившейся ими пропаганды с целью перехода солдат и офицеров Красной Армии на их сторону, однако нужно осторожно относиться и к оправданиям тех, кто якобы подписывал обращения. Может быть, кто-то из них пытался схитрить, вырваться из ада лагерей и потом как-нибудь перелететь к своим, но жизнь сурова… После окончания войны около 200 авиаторов из армии Власова были по требованию Советского правительства возвращены из Франции в СССР. На суде над Власовым и его сообщниками в качестве свидетелей выступили Бычков, Анпилевский, майор Тарковский, которые заявили, что их насильно зачислили в армию Власова и они воззваний не подписывали и что это сделали за них немцы. Генерал-майор Мальцев во Франции пытался покончить с собой, но его вылечили, доставили в Москву на суд и по решению военного трибунала повесили вместе с Власовым и другими предателями.

Надо отметить, что авиация армии Власова реальной военной силой не обладала и играла скорее пропагандистскую роль. Одна истребительная эскадрилья из пятнадцати самолетов, состоящие одна — из пяти бомбардировщиков Хе-111, другая — из

двенадцати пикировщиков Ю-87 бомбардировочные эскадрильи, несколько учебных самолетов и самолетов связи, уже упомянутые несколько У-2 влияния на ход войны оказать не могли. Да и сама армия Власова тоже была не очень многочисленной и ненадежной. Немцы боялись ее держать на фронте целиком и использовали только отдельные подразделения под тщательным своим контролем…

Большинство советских летчиков и в плену остались верными присяге… Пример тому — судьба летчика-истребителя Девятаева из авиадивизии А. Н. Покрышкина. Ему удалось на немецком аэродроме захватить бомбардировщик Хе-111 и вместе с несколькими другими военнопленными перелететь через линию фронта. После подвига — снова лагерь, теперь уже советский. Когда Девятаева реабилитировали и встал вопрос о присвоении ему звания Героя Советского Союза, совет профессионалов в Главном штабе ВВС обсуждал вопрос: мог ли летчик-истребитель, никогда не летавший и на своих бомбардировщиках, поднять в воздух и перегнать через линию фронта бомбардировщик вражеский? Один из «околоавиационных» генералов упорно доказывал, что не мог, если только его не готовили немцы. Но другой генерал, заслуженный летчик-фронтовик, убежденно доказывал, что есть обстоятельства, в которых смелый и умелый может все. Так Девятаев стал Героем Советского Союза, Как жаль, что такой генерал не встретился ему раньше, перед отправкой в «родной» лагерь!..

Были герои, были и предатели. А вот рассказ бывшего военнопленного о том, как немцы разжигали национальную рознь в лагерях и настраивали пленных в первую очередь против евреев.

Когда я работал в Берлине, мне пришлось побывать на фильтрационном пункте, где проходили проверку бывшие наши военнопленные. В пригороде Берлина находился военный городок, который усиленно охранялся. Находившиеся там солдаты и сержанты различных возрастов были хорошо обмундированы, занимались хозяйственными работами, строевой подготовкой. С ними проводились политзанятия. Офицеры-контрразведчики беседовали с бывшими пленными, заполняли анкеты и решали дальнейшую их судьбу. Пополнялся этот контингент бывших военнопленных за счет прибытия их из западных зон оккупации и других стран Европы, ибо наши люди были тогда везде. Если у проверяющих не возникало сомнения, что пленный вел себя достойно в плену, принималось решение и выдавалась справка, в которой указывалось, что такой-то прошел проверку при такой-то воинской части. Если возраст подпадал

под указ о демобилизации, то их здесь же демобилизовывали, выдавая им соответствующие документы. Затем организованно, командами отправляли на Родину. Если же это были солдаты и сержанты, сверстники которых продолжали службу, то их тоже отправляли командами для пополнения воинских частей во внутренние военные округа. Подозреваемые в совершении деяний против Родины направлялись уже под конвоем в специальные лагеря для дальнейшей проверки. Те же лица, на которых имелись неопровержимые данные об измене Родине, злодеяниях против своих сограждан, участиях в боевых действиях против Красной Армии, шпионаже и т. д., представали перед военными трибуналами, которые выносили приговоры: заключение в лагерях вплоть до 25 лет или к смертной казне. Получившие сроки заключения направлялись в ГУЛАГ. Приговоренные к смертной казни тоже направлялись в спецлагеря, ибо они были еще нужны, так как многое знали и могли помочь следствию относительно других государственных преступников.

Могу подтвердить эту мою справку практическим примером. Как я уже рассказывал, 28 декабря 1943 года наш штурмовой авиаполк наносил удар по аэродрому Багерово в Крыму. Ил-2 летчика Чепуренко, где воздушным стрелком был Станислав Гаврукович, был подбит зенитным снарядом и совершил вынужденную посадку на территории, занятой противником. Оба они были ранены. Летчик вскоре умер, а воздушный стрелок выжил, но оказался в плену. Он прошел многие лагеря военнопленных и наконец-то оказался в Польше. Здесь ему вместе с другими товарищами по несчастью удалось бежать, и в конечном итоге он оказался в лагере фильтрации. Здесь он рассказал о своих мытарствах, и его направили снова в наш 43-й гвардейский полк, где он прослужил до демобилизации, а затем работал в народном хозяйстве, и никто его не притеснял. Когда много лет спустя он прибыл на встречу с однополчанами, то нами было принято решение представить его к правительственной награде за подвиги, совершенные в нашем полку до того злополучного боевого вылета. Указом Верховного Совета СССР он был награжден орденом Красной Звезды.

На фильтрационный пункт я приехал, чтобы навестить моего коллегу-переводчика, с которым мы учились в одной группе на курсах военных переводчиков, теперь он работал по своей специальности в органах СМЕРШ, где и произошел интересный случай. Мой однокурсник познакомил меня со своим начальником. Это был капитан, который ранее служил в авиации, а теперь стал контрразведчиком. Мы были тогда все молоды, и, естественно, у нас была потребность поболтать за рюмкой о том о

сем. Время было рабочее, и капитан заметил, что он вполне разделяет наши планы, но ему нужно еще кое-что решить.

— Сейчас я займусь еще с одним подопечным, — сказал он, — это займет немного времени, можешь не выходить, послушай, о чем будет идти речь, а потом отметим встречу и пойдем в кино.

Я, естественно, был согласен на все, потому что коротать время в обществе было, безусловно, лучше, чем в одиночку.

В комнату вошел солдат, капитан предложил ему сесть, а потом по-простецки сказал: «Вот, Иван, какое дело. Ты, оказывается, был не только лагерь-полицаем, но и принимал участие в расстрелах наших граждан».

Тот начал говорить, что это неправда, что он глубоко верующий человек и никогда не мог себе такое позволить. Да, был полицейским в лагере, но это же обычная практика во всех странах мира, и в том числе у нас. Лагерь-полицаев назначает администрация для поддержания внутреннего порядка среди пленных. Я понял, что капитан брал этого пленного, как говорят, «на пушку», что якобы он занимался расстрелами.

Капитан прервал солдата, сказав: «Вот посмотри — твой земляк, — и показывает на меня, — ты с Киевщины, а он с Харьковщины. Он не сдался в плен, а сражался храбро. Смотри, сколько у него боевых наград, а теперь ты и не каешься, что был слугой у наших злейших врагов. Так что, наверное, трибунал тебе обеспечит «вышку». Слушай, лейтенант, я на минутку выйду по своему делу, а ты потолкуй с земляком, если есть желание».

Когда вышел капитан, этот Иван начал мне буквально плакаться, что его хотят ни за что погубить, что он малограмотный, у него в селе родная мать осталась и две сестры младшие, а отец умер от голода в 1933 году, что он никогда не делал что-либо плохое несчастным пленным, сам жил и работал так же, как и они. Я задавал ему вопросы о жизни в лагерях военнопленных и еще о чем-то. Вдруг заходит капитан и обращается ко мне: «Ну как, поговорили? Какое твое мнение о нем?»

Я ответил следующее: «Товарищ капитан! Я лично верю, что Иван не мог совершать такие злодеяния. Не нужно его подводить под «вышку». За то, что он совершил, пусть ответит по закону, но мы победили врага, настала мирная жизнь, он вернется к своим родным и близким, искупив вину, и будет трудиться на благо нашей Родины. Вот мое мнение».

Капитан, обращаясь к плачущему Ивану, заявляет: «Я очень ценю этого лейтенанта, ибо и сам воевал в авиации. Благодари Бога, что он тебе встретился. Быть по сему: завтра я отправлю

тебя в Советский Союз. Пусть там разбираются до конца с тобой. Все, можете идти и собираться к отправке!»

Иван стал нас обоих благодарить и, счастливый, вышел из комнаты. А капитан мне говорит: «Больше ничем мы не располагаем об этом человеке. Это решение я уже принял ранее, но все же еще раз решил с ним поговорить. Ну пошли, закусим чем Бог послал. Там уже твой друг все подготовил…»

Спустя много лет я оказался в Киеве. Так случилось, что шел я по Крещатику и остановился у книжного киоска, рассматривая книги. Я, естественно, начал задавать вопросы продавцу. Тот буквально пялил на меня глаза, а потом спросил:

— Скажите, в тысяча девятьсот сорок шестом году вы были в Германии?

— Да, был, — ответил, ничего не понимая, я. — А что вас так во мне заинтересовало?

— Так вы же спасли мне жизнь!

Я действительно ничего не понимал, всматривался в лицо ошалелого от радости продавца, но не мог ничего вспомнить. Продавец киоска закрыл свое заведение и буквально вцепился в меня руками, стал меня тащить в расположенный напротив ресторанчик, приговаривая:

— Вот так нечаянная радость. Неужели такое может быть? Однако не беспокойтесь, я вас приглашаю со мной пообедать, сейчас как раз время и я там все вам объясню. Не только я, но и моя мама, и все родные, когда посещаем церковь, то всегда ставим свечку за ваше здравие и за здравие всей вашей семьи…

Мне стало просто интересно послушать этого человека, в душе надеясь, что он меня с кем-то спутал.

В процессе разговора я вспомнил тот случай, что приключился в Германии, и внимательно выслушал исповедь этого человека о его дальнейшей судьбе. Когда он оказался в Союзе, его осудили на десять лет лагерей, ибо особой вины за ним не было. В лагере нашлись люди, знакомые с законами, и написали за него жалобу и прошение о пересмотре дела. Через какое-то время его жалоба была рассмотрена, и он оказался на свободе, приехал в свое село, где работал в колхозе. Затем переехал в Киев и вот теперь работает в торговле. Не знаю почему, но ему втемяшилось, что именно я тогда в Берлине не дал свершиться произволу. Я его убеждал, что такое решение принял капитан-контрразведчик и, что я здесь ни при чем. Но он все равно стоял на своем. Разубеждать его было глупо.

Теперь когда я бывал в командировке в Киеве, то почти всегда заходил к моему новому знакомому. В один из таких приездов я выслушал еще одну, потрясшую меня, историю. Речь

шла о том, как немцы разжигали у пленных ненависть к евреям, из-за чего я и начал рассказывать эту главу.

Осенью 1941 года он оказался в огромном пересыльном лагере военнопленных в Прибалтике. В лагере было около ста бараков, а в каждом бараке помещалось до тысячи пленных. Однажды перед самым утром в барак взорвались немцы. Из всех находящихся в бараке они вывели его одного. Почему его — он не знал. Может быть, потому, что он был в тот момент прямо перед ними. Его повели к крытым автомашинам. Туда начали подводить и пленных из других бараков. Удивительно, рассказывал он, что все они были по одному из каждого барака. Затем их погрузили в машины и повезли куда-то. Многие думали, что всех их решили расстрелять для устрашения других пленных. И, как в подтверждение этих мыслей, вскоре их привезли на стрельбище. В предутренней мгле они увидели, что к столбам, где обычно крепятся мишени, были привязаны люди. Когда их всех выгрузили и согнали в кучу, перед ними выступил немецкий офицер. Он хорошо говорил по-русски. А речь, в частности, шла о том, что виновниками войн являются евреи, что они виновники всех бед и далее в том же духе. А потом заявил: «Видите, вон там привязаны эти звери. А вот здесь лежат русские винтовки. Вы стреляете в этих врагов всех русских и немцев, и тогда я гарантирую вам свободу. Здесь же вы получите справки об освобождении из плена и можете идти куда хотите».

Страшное замешательство вошло в души тех, кому предстояло слишком дорогой ценой получить себе свободу. Они даже не могли себе подобное представить: стать палачами. И вдруг из строя пленных раздался громкий голос: «Братцы, неужто возьмем грех на душу. Нас ведь тоже расстреляют, как пить дать. Ну а кто все же рискнет это сделать, тот будет проклят всеми русскими людьми».

Последовал приказ взять оружие, но все в строю остались на месте. Наказание не заставило себя ждать — на них набросились с нагайками охранники. Это были прибалты, находящиеся уже на службе у немцев, но никто из русских не стал расстрельщиком.

Тогда немецкий офицер сказал им следующее: «Значит, здесь собрались самые страшные враги рейха — вы все комиссары и для вас одно наказание расстрел». Он тут же приказал охранникам отвязать евреев, а всех русских привязать к столбам на их место. Охранники быстро выполнили приказ. Теперь группы поменялись местами. Страшный спектакль продолжался. Офицер приказал евреям построиться. Многие из них едва стояли на ногах. Обращаясь к ним, офицер, скривив в улыбке губы, сказал: «Ваше счастье, что тех, кого мы выбрали расстрелять вас,

оказались комиссарами — еще более страшными врагами рейха. В таком случае я дарую вам жизнь. Только вы обязаны перестрелять мерзавцев, которые заняли ваши места у столбов».

И произошло страшное: некоторые из этих несчастных поверили заявлению офицера, надеясь таким путем спастись, и начали стрелять в русских пленных солдат. Но весь фокус немцев заключался в том, что винтовки оказались заряженными холостыми патронами. Они предусмотрели вероятность того, что заряженное боевое оружие могло быть обращено против них. Но главное все-таки для них было проделать психологический эксперимент. Они все точно рассчитали, и теперь у них были очень веские аргументы заявить, что евреи это действительно звери. Именно так и сказал офицер, стоя перед привязанными к столбам русскими: «Ну теперь-то вы убедились, что я говорил правду. Вы отказались стрелять, а они сделали это хладнокровно. Прав наш фюрер, который не устает повторять, что вы — русские являетесь неплохим удобрением для еврейских плантаций и что вас еврейская эксплуатация ничему не научила. Вы действительно унтерменши — недочеловеки, но после победы немцы научат вас понимать, как нужно жить.

Закончив свои разглагольствования, офицер приказал охране доставить пленных русских в лагерь. Их еще не успели погрузить на машины, как прибалтийские фашисты начали убивать евреев.

Можно себе представить, как рассказывали своим товарищам по несчастью в бараках об этой дикой провокации немцев пленные, пережившие этот страшный ужас.

В 1947 году ООН объявила, что Палестина — это страна, населенная с древних времен арабами и евреями. Исходя из принципа самоопределения, было принято решение создать в Палестине два государства — независимое арабское и независимое еврейское. Были определены границы каждого из них. Однако правящие сионистские круги не согласились с этим решением и занялись изгнанием арабского населения с их родной земли.

В октябре 1948 года президент США Гарри Трумэн заявил:

«Мы обязались позаботиться о том, чтобы государство Израиль было достаточно большим, достаточно свободным и достаточно сильным, чтобы обеспечить самостоятельность и безопасность своего народа».

Ныне всех критиков такой политики оголтело обвиняют в антисемитизме, хотя для сионистов антисемитизм считается огромным благом. На чем бы еще строили они свою политику, если бы вдруг об этой проблеме замолчали все программы телевидения и радио, все газеты и журналы. Такое не может

присниться им даже в страшном сне.

Вот как об этом писал уже известный читателю Теодор Герцль: «В Париже… я стал как-то шире смотреть на антисемитизм, который начинаю понимать исторически и прощать… Кроме того, антисемитизм, будучи мощной и скорее подсознательной силой, не принесет евреям вреда. Я считаю его движением, полезным для развития еврейской индивидуальности».

Много тайн ревностно хранит в себе сионизм. К примеру, сионисты в Германии находились в неплохих отношениях с Гитлером, что доказано документально. Немецкий журнал «Шпигель», издающийся на еврейские капиталы, писал: «Победа немецких антисемитов привела сионистов в необыкновенный восторг после прихода Гитлера к власти. В ней они сразу же усмотрели поражение просвещенного западного еврейства, которое ни в грош не ставило сионизм и предпочитало развиваться среди других народов… Так как сионисты и национал-социалисты возвели расу и нацию в абсолют, между ними не могли не возникнуть общие взгляды».

Бывший наблюдатель ООН в Палестине граф Фольке Бернадотт был объявлен сионистами вне закона в тот момент, когда он начал готовить к публикации свои дневники о связях сионистов и нацистов. 28 августа 1948 года в него стреляли боевики-сионисты. 17 сентября 1948 года граф Бернадотт с руководителем группы наблюдателей ООН полковником Андрэ Серотокс погиб в Иерусалиме. Стреляли по ним головорезы из сионистской террористической группы «Штерн».

Страшные преступления сионистов, как я уже замечал, заключаются в том, что они сами же и провоцируют антисемитизм.

Идеолог сионизма В. Жаботинский в 1905 году писал: «Как довод для сионистской агитации, антисемитизм, особенно «возведенный в принцип», конечно весьма полезен и удобен».

Экс-премьер-министр Израиля Бен-Гурион в еврейской газете «Кемпфер», издаваемой в Нью-Йорке, писал: «Если бы у меня была не только воля, но и власть, я бы подобрал группу сильных молодых людей. Задача этих молодых людей состояла бы в том, чтобы замаскироваться под неевреев и, действуя методами грубого антисемитизма, преследовать евреев антисемитскими лозунгами. Я могу поручиться, что результаты с точки зрения значительного притока иммигрантов в Израиль из этих стран были бы в десять раз больше, чем результаты, которых добивались тысячи эмиссаров чтением бесплодных проповедей».

Из документов известно, какую страшную провокацию против

воюющих Германии и Советского Союза, особенно против евреев, остававшихся под пятой нацистов, свершил американский сионист еврей Теодор Кауфман. Он в 1941 году выпустил книгу «Германия должна погибнуть», где заявлял и доказывал, что после войны все немцы должны быть стерилизованы, а территория исторической Германии должна быть поделена между государствами Голландия, Бельгия, Франция, Чехословакия и Польша, и там же была уже карта расчленения Германии. По так называемому плану Кауфмана должно быть мобилизовано 25 тысяч докторов, каждый из которых бы в день стерилизовал по 25 немецких мужчин и женщин. И таким образом за три месяца все немцы, мужчины и женщины, были бы стерилизованы. «А через 60 лет немцы как нация исчезнут, — заявил он, — и немецкие евреи разделяют мое мнение».

Гитлеру эта работа оказалась как нельзя кстати, он приказал всем немецким радиостанциям передавать содержание книги Кауфмана, а прессе публиковать статьи и давать комментарии, особенно указывая, что сейчас Германия ведет войну с главным форпостом еврейского засилья — Советским Союзом. Обязывал он газеты и радио давать отзывы читателей и слушателей, особенно такие, где раздавались призывы окончательного решения «еврейского вопроса».

«Адольф Эйхманн — чистокровный еврей-выкрест постановил, что потомков смешанных браков с евреями следует стерилизовать во избежание их способности к деторождению». Эта цитата взята мной из книги «Шесть миллионов обвиняют. Отчет о судебном процессе над Эйхманном». Книга была издана в Иерусалиме в 1961 году. Там же было написано: «Были даны подробные инструкции о принудительной стерилизации детей от смешанных браков».

На конференции в Берлин-Ваннзее 20 января 1942 года «Об окончательном решении еврейского вопроса» главную роль играл Гейдрих. Сам Гейдрих был на V (по арийским законам) евреем. Его отец был евреем-выкрестом, мать полуеврейка. Гейдрих — одна из самых зловещих фигур на вершине гитлеровского рейха. И этот Гейдрих по данным, подготовленным Эйхманном, принял решение о детях от смешанных браков, когда потомки смешанных браков 1-й степени (один из родителей — еврей) разделят судьбу всех евреев, то есть будут уничтожены. За некоторым исключением — если они согласятся подвергнуться стирилизации.

Вот эти зловещие фигуры — Гейдрих и Эйхманн приняли решение применить против евреев «биологическое оружие — стерилизацию».

Конечно, сионистская пропаганда преувеличила, с корыстными целями получить побольше денег с Германии, насчет шести миллионов евреев, которые якобы были уничтожены Гитлером. Их просто столько не было на территориях, оккупированных Германией…

В годы войны в нашей стране по-новому обострился еврейский вопрос. Связано это было преимущественно с двумя факторами. Во-первых, по сравнению с другими национальностями СССР евреи составляли непропорционально большую часть состава тыловых и медицинских служб и старших офицеров.

Количество евреев в зоне боевых действий было очень незначительно, что вызывало раздражительную реакцию у части русских солдат. Во-вторых, не меньшее раздражение вызывали попытки некоторой части еврейских националистов представить еврейский народ как особо пострадавший в войне и внесший особый вклад в победу над врагом. Немало евреев предпочитали «воевать» против врага в составе различных комитетов и других гражданских организаций, старательно избегая поездок на фронт. Конечно, это не относится ко всем евреям. Можно назвать целый ряд имен евреев, храбро воевавших за Россию (генералы Д. Драгунский, Л. Доватор, майор Ц. Кунников и многие другие). Честь им и хвала!

Конфликты возникали не только в армейских, гражданских коллективах, но даже и в творческих. Весьма характерными были стычки между русским писателем М. Шолоховым и рядом еврейских националистических деятелей «антифашистского комитета».

Организация эта была создана кавказским евреем Л. П. Берия совместно с сионистом Михоэлсом для установления контактов с международными еврейскими организациями, фактически для сотрудничества с сионизмом. В результате в работе этой организации главное место занимала не борьба с фашизмом, а установление солидарных связей советских евреев с сионистскими вождями.

Во время встречи с американской делегацией, состоявшей исключительно из евреев и заявившей об особой роли евреев во Второй мировой войне, Михаил Шолохов встал и гневно опроверг это, сообщив, что в этой войне гибли в основном русские, а не евреи. По-видимому, после этого случая еврейский писатель Илья Эренбург распространяет лживые слухи о том, что М. Шолохов хотел перейти на сторону немцев.

В другой раз, рассказывал М. Шолохов, «прихожу и вижу во главе стола Илью Григорьевича Эренбурга, а вокруг него

пятнадцать евреев. А я в военной, не очень свежей, форме, с пистолетом, в сапогах. И вижу, сидит ближе всех ко мне, качается в качалке американский еврей Леонид Первомайский, протягивает мне качающуюся руку и говорит: «Здравствуйте, Михаил Александрович!» — Я как заору на него: «Встань, сволочь!» Он вскочил и за спину Ильи Григорьевича. А тот суровым голосом обращается ко мне: «Надеюсь, мы находимся в интеллигентном обществе, и я прошу вас, Михаил Александрович». «А идите вы все… Борцы за мир! Я же один среди вас русский». После этого конфликта у Шолохова был разговор со Сталиным, из которого писатель понял, что и на этот раз Сталину пришлась по душе его отповедь людям, стремившимся бороться за победу чужими руками.

«Антифашистский» еврейский комитет и его активисты, в частности И. Эренбург, Михоэлс, В. Гроссман, стали деятельными творцами мифа о «холокосте», якобы гибели шести миллионов евреев в газовых камерах, мифа, призванного представить, что будто именно еврейский народ больше всех других пострадал во Второй мировой войне и за это остальные народы обязаны испытывать чувство вины, каяться и платить возмещение. Создатели мифа о «холокосте» во много раз преуменьшали жертвы русского народа.

В «Энциклопедии холокоста», например, сообщается, что в германских лагерях было убито три миллиона евреев, а также «десятки тысяч цыган и советских военнопленных». Эти данные, распространяемые сионистской пропагандой, совершенно не соответствуют действительности. На самом деле число только советских военнопленных, погибших в немецких лагерях до 1944 года, составляло около трех с половиной миллионов человек. Действительное же число евреев, погибших в войну, составляет около 500 тысяч, из них на советских евреев приходится около 200 тысяч. Конечно, и это число погибших очень велико и вызывает глубокое соболезнование. Однако по сравнению с 22 миллионами погибших русских (включая малороссов и белорусов) оно в 44 раза меньше.

Именно русский, а не какой-либо другой народ (даже в пропорциональном отношении) испил самую большую чашу страданий во Вторую мировую войну и спас все человечество от кошмара «нового мирового порядка».

За всю историю человечества ни один народ в мире, кроме русского, не испытал на себе такой чудовищной тяжести как человеческих потерь, так и материальных лишений, выдержал все тяготы и утраты, сумев сохранить себя выдающейся нацией и ядром огромного государства. Стойкости и жертвенности

русского народа мир обязан победе над фашистской Германией и творцами «нового порядка». В связи с этим совершенно справедливыми являются слова Сталина в речи на кремлевском приеме 24 мая 1945 года, которые, как я полагаю, уместно привести здесь полностью:

«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа.

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала потому, что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!»

Когда Сталин произносил свой знаменитый тост за русский народ, «патриарх космополитов» И. Эренбург вдруг заплакал. Как пишет очевидец К. Чуковский, Эренбургу это показалось обидным. Эренбург выражал чувства многих советских евреев, не желавших признать эту очевидную для всего мира истину и уступить русским людям часть тех мест, которые евреи несправедливо отняли у русских во время господства их кровожадных соплеменников коммунистов-сионистов, называвших себя большевиками.

Несмотря на чистки 30-х годов, удельный вес лиц еврейской национальности в госаппарате, в учреждениях культуры, науки, искусства и других привилегированных сфер деятельности был непомерно высок. Особенно заметно еврейское засилье

чувствовалось в области идеологии, где после войны сложилось просто удручающее положение. В ряде учебных заведений прием студентов был чуть ли не наполовину монополизирован евреями. Так, в МГУ на физическом факультете на одного русского приходился один еврей. Евреи монополизировали и большую часть учреждений экономического профиля. В медицине страны доля евреев была настолько высока, что во многие места на работу принимались по этническому признаку — только евреи.

Боткинская больница в Москве, например, по словам самих евреев, стала их «вотчиной». Главврачом здесь в течение почти двадцати долгих лет был известный сионист Б. А. Шимелиович. Выделяя на прием русского персонала небольшую квоту, он предпочитал брать на работу только своих соплеменников. «И так было везде» (Платонов Олег. Тайная история России… С. 261). На первом этапе организованная сионистская деятельность советских евреев развивалась в рамках так называемого Еврейского антифашистского комитета и акцентировалась главным образом на борьбе за создание еврейского государства на территории России.

Втором этап развития сионизма был связан с образованием в мае 1948 года еврейского государства в Палестине и поддержкой войны Израиля за вытеснение арабского народа с его территории. На этом этапе деятельность сионизма в СССР приобрела крайне агрессивный характер, открыто противопоставляя евреев всему советскому народу, и прежде всего русским.

Вопрос о создании в Крыму Еврейской Советской Социалистической Республики разрабатывался основательно. В 1917 году евреи в Крыму составляли очень небольшую часть по численности населения, которое состояло в основном из славян и крымских татар.

В 1921 году в Крыму уже образовался союз колонистов «Бундесстрой», а в 1922 году активно уже действовал еврейский потребительский кооператив «Самодеятельность». Орудовали в нем, как свидетельствуют документы, многие видные сионисты. Накануне войны в Крыму еврейское население достигло шестидесяти тысяч человек, что составляло 7,4 процента от всего населения. Треть из них жила в еврейских селькохозяйственных поселениях. В 30-е годы в Крыму строительство вела американская фирма «Агро-Джойнт», которая находилась в Джанкое, а филиал ее банка размещался в Симферополе. Для еврейских переселенцев дома строила эта фирма бесплатно. Фирмой руководили американские евреи, которые, безусловно, имели отношение к сионистской организации. Этот процесс еврейской колонизации Крыма, вопреки воле международного

сионизма, был прекращен в 1934 году.

Советское правительство, естественно по инициативе Сталина, выделило вместо Крыма для создания Еврейской автономной области территорию в 36 тысяч квадратных километров в Хабаровском крае с административным центром Биробиджан. Весьма показательно, что позиция Сталина в еврейском вопросе до осени 1948 года была достаточно спокойной и имела сдержанный характер. После войны Сталин понял, что сионизм и космополитизм являются главными внутренними противниками Советского государства. Он почувствовал, какую угрозу нашему строю могут они нанести лишь одной своей демагогией. Как свидетельствует его дочь, Светлана Иосифовна, однажды она услышала от него такую фразу: «…Ты понимаешь! Сионизмом заражено все старшее поколение евреев, а они и молодежь учат… Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька».

В это время, как утверждают знатоки кремлевской «кухни», в Политбюро было два еврея — Каганович и Берия. Другие члены политбюро: Молотов, Калинин, Ворошилов, Андреев — были женаты на еврейках. Многолетний секретарь Сталина Поскребышев тоже имел жену еврейку, а Маленков — зятя еврея. Сталин видел перерождение некоторых еврейских большевиков в деятелей сионистского движения. Они отбрасывали партийную идеологию, и за нагромождением призывных лозунгов высвечивались у них эгоистические национальные интересы. Вместо пламенного революционера-интернационалиста появлялся пламенный еврейский националист.

Жена К. Е. Ворошилова Гольда Горбман — фанатичная еврейская большевичка — в дни создания Израиля изумила своих родственников фразой: «Вот теперь и у нас есть родина». Сталину это стало известно, ибо его разведка работала блестяще. Одним из активистов этого движения стала и жена В. М. Молотова, член ЦК КПСС Полина Жемчужина. Ее сионистские симпатии проявлялись еще до войны. Тогда ее хотели арестовать, но спасло вмешательство Берия. Родной брат Жемчужиной был известным в еврейских кругах США капиталистом. А сама Жемчужина училась в гимназии вместе с будущим первым послом Израиля в СССР, а затем премьер-министром Голдой Мейер. Очутившись в Москве, последняя не преминула восстановить старую связь. Они часто ходили друг к другу пить чай, много времени проводили вместе. Жемчужина стала главным лоббистом сионистских кругов в СССР. За это она была репрессирована и находилась в заключении. Освобождена она была лишь после смерти Сталина. Но все же она сказала его дочери Светлане следующие слова:

«Твой отец был гений. Он уничтожил в нашей стране «пятую колонну», и когда началась война, партия и народ были едины».

В начале 1942 года по инициативе Берия, связанного с международными сионистскими организациями, был образован Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), ставший впоследствии центром сионистского движения в СССР. Фактическим руководителем и куратором ЕАК был старый большевик-интернационалист С. А. Лозовский.

Идея создания еврейской республики в Крыму, кстати сказать, была не пустой затеей, уже в 1943 году этот вопрос обсуждался советскими и американскими сионистами, но инициатива оставалась за последними, о чем пишет в своей книге Павел Судоплатов «Разведка и Кремль» в главе «Калифорния в Крыму». Американских сионистов в этом вопросе поддерживало правительство США. Руководитель сионистской организации «Джойнт» Д. Розенберг заявлял: «…Крым интересует нас не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым — это Черное море, Балканы и Турция».

15 февраля 1944 года на имя Сталина поступило письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской Социалистической Республики, подписанное руководством Еврейского антифашистского комитета: С. М. Михоэлсом, Ш. Эпштейном, И. С. Фефером (под редакцией С. А. Лозовского).

Однако Сталин отклонил это посягательство еврейских националистов на суверенные права русского народа. Н. С. Хрущев позднее вспоминал: «Когда из Крыма выселили татар, тогда некоторые евреи начали развивать идею о переселении туда евреев, чтобы создать в Крыму еврейское государство. А что это было бы за государство? Это был бы американский плацдарм на юге нашей страны. Я был против этой идеи и полностью соглашался в этом вопросе со Сталиным. Нельзя идти на поводу у даллесов, которые не прочь создать плацдарм против нас».

Члены ЕАК, как видим, пытались совершить государственное преступление, но Сталин тогда не предпринял в отношении их никаких мер, однако он ничего не забыл и конечно же этого им не простил. Роковая идея поддержать создание государства Израиль за счет территорий арабских народов ради торжества сионизма была подсказана Сталину Л. П. Берия, находившимся, по признанию его сына Серго, в близких контактах с деятелями сионистского движения. Берия убеждал Сталина, что очень большое число людей еврейской национальности, включая техническую интеллигенцию, рассеяно по всему миру, и в интересах Советского Союза этих людей нужно сделать своими союзниками. Создание еврейского государства, утверждал Берия,

станет актом восстановления исторической справедливости, а поддержка Советского Союза будет воспринята с благодарностью.

Руководитель советской делегации А. А. Громыко на Генеральной ассамблее ООН 20 апреля 1948 года (на основе подготовленной ЕАК справки) заявил, что «тяжелые жертвы, которые понес еврейский народ в результате произвола гитлеровцев в Европе, еще больше подчеркивают необходимость для евреев иметь свое собственное государство и справедливость требований о создании самостоятельного еврейского государства в Палестине».

СССР был первой страной, официально признавшей незаконно возникшее на арабской территории сионистское государство. Образование Израиля сразу же привело к войне в Палестине и вытеснению из нее около полумиллиона арабов. Дело дошло до того, что по инициативе еврейских большевиков выдвигается предложение решить арабо-израильский конфликт за счет СССР и русского народа. Постоянный представитель Украины в Совете Безопасности ООН еврей Д. З. Мануильский осенью 1948 года предлагал переселить палестинских арабов-беженцев (свыше пятисот тысяч человек) в советскую Среднюю Азию и создать там арабскую союзную республику.

Сталин, поддавшийся на уговоры, рассчитывал, что созданный с его поддержкой Израиль станет форпостом СССР на Ближнем Востоке и поможет нашей стране закрепиться на Средиземном море. Однако уже во второй половине 1948 года стало ясно, что Израиль не собирается ориентироваться на СССР, а находится в тайном союзе с США, Англией и другими странами Запада.

Сталин вскоре понял, что политика поддержки Израиля усиливает позиции националистических еврейских организаций, а также провоцирует сионизацию советских евреев, «вдруг почувствовавших себя неотъемлемой частью международного еврейства». ЕАК направляет президенту Израиля приветственную телеграмму, в которой поддерживаются массовые убийства арабов. Идет сбор средств для покупки оружия для Израиля, и даже поступают предложения создать дивизию из советских евреев для войны против арабов. По стране проходят массовые сионистские демонстрации и торжественные богослужения, на которых присутствуют тысячи евреев.

4 октября 1948 года на еврейский Новый год в московскую синагогу приехала посол Израиля Голда Мейер и члены дипломатического представительства, а около синагоги собралось свыше тридцати тысяч евреев. Здесь были не только московские евреи, но и те, кто приехал из многих городов СССР.

Как они были оповещены? Вот тут-то Сталину стало совсем понятно, что в стране существует сионистская сеть, враждебная нашему строю и народу. Сионистские настроения в СССР все более усиливались, одновременно росла враждебность к России и русскому народу со стороны политиков стран бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Распространялись измышления, будто бы русские и белорусы повинны в смерти тысяч евреев: не смогли их защитить от фашистов. Но и этого им оказалось мало, они стали утверждать: русские и белорусы помогали фашистам истреблять евреев.

Взгляды многих представителей еврейской интеллигенции носили агрессивный националистический характер. Об этом подробно сообщали агенты нашей разведки — сами евреи, в частности еврейский поэт И. С. Фефер — член ЕАК.

Осенью 1948 года Сталин осознал огромные масштабы сионистского подполья в СССР, угрожавшего самим основам русского государства. В условиях холодной войны, которую западный мир вел против России, еврейские националистические организации, ненавидящие русских и симпатизировавшие Америке, представляли настоящую «пятую колонну» запада, готовую ударить в спину СССР. Сталин начал принимать ответные меры…

А в это время в Палестине изгонялись арабы, а чаще всего поголовно вырезались сионистскими убийцами. Только за три месяца — с декабря 1947 по февраль 1948 года сионисты организовали более двух тысяч вооруженных нападений на арабские деревни, чтобы, как говорится, «огнем и мечом» истребить палестинцев, даже стариков и детей, которые, естественно, не могли себя защитить сами. И это не просто слова. Террористы из «Иргун», к примеру, вырезали всех до одного жителей деревни Деир Ясин, включая грудных детей. Действуя такими жестокими методами, еврейские экстремисты согнали семьдесят процентов палестинского народа. Предводителем всех этих набегов был Бегин. Злодеяния такого рода не проходят бесследно: Бегина спустя много лет убил отнюдь не палестинец, а еврей…

В Группе советских оккупационных войск в Германии, а особенно в органах Советской военной администрации, было очень много высших офицеров и служащих еврейской национальности. Ответ простой: здесь условия службы и жизни были по сравнению с разоренной войной Россией, можно сказать, даже более чем благоприятные. Но самое неприятное было в том, что здесь наши люди могли напрямую контактировать с иностранцами, а сионисты западных стран нюхом узнавали своих

соплеменников и делали им всяческие предложения. А наши «деятели», возомнившие, что им законы не писаны, начали использовать свое служебное положение в корыстных целях. Вот пример: на КПП Мариенборн контролером таможенной службы работал переводчиком еврей, с которым я вместе учился в Военном институте иностранных языков. Естественно, на КПП изымались ценности, запрещенные к вывозу. Их накопилось огромное количество, и он, естественно, попытался ими воспользоваться и сбежать в Израиль. Ему это было легко сделать, ибо он, так же как и я, знал хорошо пограничную службу, но он не учел, что служба контрразведки знала свою обязанность, и его взяли с поличным с килограммами золота и бриллиантами. Военный трибунал воздал ему по заслугам — высшая мера наказания.

Но я был бы не прав, утверждая, что этим занимались только евреи, были прохвосты среди различных национальностей, и они тоже получали по «заслугам». Чтобы обезопасить наши войска от тлетворного влияния агентуры сионистов, были приняты радикальные меры. Известно, что Сталин отличался суровым нравом, и те меры, которые он принимал, резко отличались от тех, что принимали некоторые наши горе-руководители. Им было приказано: всех офицеров-евреев отправить во внутренние военные округа для прохождения дальнейшей воинской службы. Они имели право забрать свои личные вещи, и в том числе мебель. Им предоставлялись вагоны. Правда, вся эта операция проводилась в течение 48 часов под наблюдением сотрудников СМЕРШ. Особых инцидентов при отправке не было: для людей военных — приказ есть приказ! Такая мера, я думаю, избавила некоторых от серьезных неприятностей. Но злобу на своего Главнокомандующего, думаю, многие до времени затаили, и, когда появилась возможность пинать «мертвого льва», яда в речах они не жалели.

То, что неправильно вела себя мелкая сошка, как говорится, полбеды. Беда была в том, что не избежали морального разложения и многие известные в нашем отечестве люди. Вот примеры их падения.

Многие из имеющих власть использовали тогда победу для обогащения. Причем некоторые в таких размерах, что военным трибуналам приходилось выносить смертные приговоры. Остались и документальные подтверждения этого.

Вот протокол допроса Сиднева Алексея Матвеевича, бывшего начальника оперативного сектора Министерства внутренних дел СССР в Берлине. Отвечая на вопрос следователя, Сиднев сказал:

«Как известно, частями Красной Армии, овладевшими

Берлином, были захвачены большие трофеи. В различных районах города то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разные сорта материи, лучшее белье и много другого имущества… Эти ценности и товары различными лицами разворовывались.

Должен прямо сказать, что я принадлежал к тем немногим руководящим работникам, у кого находились все возможности к тому, чтобы немедленно организовать охрану и учет всего ценного, что было захвачено советскими войсками на территории Германии. Однако никаких мер к предотвращению грабежей я не предпринял и считаю себя в этом виновником.

Вопрос: Вы и сами занимались грабежом?

Ответ: Я это признаю. Не считаясь с высоким званием советского генерала и занимаемой мною ответственной должностью в МВД, я, находясь в Германии, набросился на легкую добычу и, позабыв об интересах государства, которое мне надлежало охранять, стал обогащаться. Как ни стыдно теперь об этом рассказывать, но мне ничего не остается, как признать, что я занимался в Германии воровством и присвоением того, что должно было поступить в собственность государства. При этом я должен сказать, что, отправляя на свою квартиру в Ленинград это незаконно приобретенное имущество, я, конечно, прихватил немного лишнего…

Затем Сиднев обвинил начальника СМЕРШ в Германии генерала Серова: «Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что Серов является, по сути дела, главным воротилой по части присвоения награбленного. Самолет Серова постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое имущество, меха, ковры и драгоценности для Серова. С таким же грузом в Москву Серов отправлял вагоны и автомашины…»

Что спецрейсы таких самолетов были, я могу подтвердить лично, ибо они подчинялись Военно-воздушному отделу СВАГ. Видели мы и то, что не забывали об удовлетворении своих все увеличивающихся потребностей и некоторые генералы из нашего отдела, особенно заместитель по политической части, который даже отправил самолетом мраморное надгробие своему отцу. И все это делалось в то время, когда наш народ голодал. Подобными же делами занимались бывший командир кавалерийского корпуса генерал В. В. Крюков, женой которого в то время была известная певица Русланова.

Были и другие «герои» на этом фронте. Да, ни звания, ни

талант не гарантируют от того, что человек не кинется на легкую добычу… Люди должны знать как своих героев, так и антигероев, какие бы должности они ни занимали. В возможности грабить или не грабить человек не должен быть свободен, что показали и последние события в СССР и в России. Идут глухие разговоры о каких-то чемоданах компромата, теоретические рассуждения о коррупции, а народ по-прежнему ничего достоверно не знает. Между тем миллионы долларов попадают и в карманы детей и внуков бывших «пламенных», а миллиарды их утекают за границу…

Я всегда считал, что историю нужно знать без изъятия в ней тех или иных страниц. Нужно помнить, что в историю можно войти, но выйти из нее невозможно.

В послевоенных условиях попытки еврейских космополитов в полной мере вернуть себе утраченную в конце 20-х и середине 30-х годов власть были авантюрой. Только со смертью Сталина подорвались державные традиции русского народа, которые в последние годы своей жизни поддерживал великий государственник. Попытки интеллигенции малого народа явочным порядком осуществить свои коварные замыслы после войны натолкнулись на противодействие русских патриотов. Мысль о необходимости вести непримиримую борьбу с космополитической «безыдейщиной» была высказана самим Сталиным. По его поручению Андрей Жданов проверяет деятельность двух известных в стране литературных журналов «Звезда» и «Ленинград». На основании этой проверки в 1946 году было подготовлено специальное постановление ЦК ВКП(б), в котором говорилось о борьбе с космополитизмом и антипатриотизм. Персонально больше всего досталось М. Зощенко и А. Ахматовой, которых исключили из Союза писателей.

В письме к Сталину по поводу своей пьесы «Нашествие» замечательный русский прозаик Леонид Леонов писал, что он чистокровный русский, в то время как в отечественной литературе русских практически меньшинство, зато все больше космополитов евреев, южан, которые постоянно осуществляют нападки на русский патриотизм. Русская журналистка А. Бегичева в письме к Сталину тоже сетовала:

«…Космополиты пробрались в искусстве всюду. Они заведуют литературными частями театров, преподают в вузах, возглавляют критические объединения: ВТО, Союза писателей, проникли в «Правду», «Культуру и жизнь», в «Известия». Эта группа крепко сплочена. Скептицизмом, неверием, презрением к новому они растлевают театральную молодежь и людей недалеких… Бороться с ними трудно… Все эти космополиты-деляги не имеют любви к

советскому, «мужичьему», искусству. У них нет гордости, нет идей и принципов, ими руководит только стремление к личной карьере, и они проводят американские взгляды, что советского искусства нет…»

Корни космополитизма, отмечали тогда русские патриоты, следует искать прежде всего в еврейском национализме. Поэтому патриотическое движение в то время приобрело характер борьбы с еврейским засильем и сионистским подпольем…

В западной прессе, которую мне было положено читать по долгу службы, как работнику информационной службы, стали появляться статьи о Троцком, его судьбе, убийстве советскими спецслужбами. Советская пропаганда в довоенное время сообщала, что в Мексике был убит злейший враг Советского государства и народа, организатор диверсий, создатель и организатор заговоров Троцкий его соратником. В тех же иностранных газетах сообщалось, что убийца Троцкого должен скоро выйти на свободу, а русские отказываются его принять, утверждая, что к этому делу не имеют никакого отношения. И тут же печатают снимки: в Москве на улице находится мать Меркадера со своими домочадцами.

О роли Троцкого в истории Советского государства говорилось много. Это действительно был страшный русофоб, масон, сионист, тесно связанный с зарубежными центрами врагов России. В феврале 1929 года он был выслан из СССР, хотя его можно было ликвидировать в нашей стране и уж тем более за границей, ибо каждый шаг был известен в Москве, так как в окружении Троцкого были агенты НКВД. И только в 1940 году было принято решение уничтожить «пламенного революционера, теоретика перманентной революции».

Тому были веские причины. Предыдущие попытки покушения на Троцкого организовывались его врагами из числа белогвардейцев за злодеяния в ходе Гражданской войны, а также спецслужбами других стран, в частности республиканской Испании за события в Барселоне.

В 1939 году руководство НКВД направило в Мексику, где жил Троцкий, группу сотрудников во главе с Эйтингоном. Последний на месте разработал план операции и руководил ее проведением.

24 мая 1940 года на виллу Троцкого в Койоакане ворвалась вооруженная группа, которой руководил известный мексиканский художник Сикейрос. Группа огнем пулеметов и автоматов изрешетила спальню Троцкого, но он оказался невредимым.

Затем ставка была сделана на боевика-одиночку, и 20 августа 1940 года Рамон Меркадер нанес ему смертельный удар альпенштоком. Так закончил свой путь патентованный русофоб-

убийца, вождь IV Интернационала!

Из архивных документов МИД нацистской Германии видно, что Троцкому уделялось внимание, как лидеру течения, направленного против СССР. Нарастание угрозы новой мировой войны порождало у Троцкого и его соратников большие надежды на выполнение их целей, то есть IV Интернационала, о создании условий для политической революции в СССР для свержение «правящей советской бюрократии». Троцкий заявлял, что «спасти СССР для социализма может только международная революция» — вовлечение нашей страны в мировую войну, а та вызовет революционный взрыв.

Советско-германский договор о ненападении, позволявший СССР остаться «вне империалистической войны» нанес чувствительный удар по расчетам Троцкого и его сторонников, а затем советско-финская война и попытка Англии и Франции объявить войну СССР, и тогда могло получиться, что западные страны и Германия смогли бы сговориться решать свои проблемы за счет нашей страны. Цели троцкистов и руководителей англо-французской коалиции добиться вовлечения СССР в войну в тот период совпадали. И это подталкивало политиков Запада использовать Троцкого и его сторонников в своих интересах: с помощью троцкистов организовать политический переворот и отстранить от власти И. В. Сталина. Рассматривалась также и возможность переброски Троцкого в СССР. У них уже был пример В. И. Ленина, которого немцы перебросили в Россию, и тем самым был совершен октябрьский переворот и Германия была избавлена от необходимости вести борьбу на два фронта.

Политики Англии и Франции пытались решить, как втянуть СССР в войну и поставить Германию перед проблемой борьбы на два фронта. О таких планах имеются агентурные донесения в немецкий МИД.

У Троцкого был уже опыт таких «грязных» дел. В 1918 году был убит германский посланник в Москве Вильгельм фон Мирбах.

Убийца графа Мирбаха Яков Блюмкин бежал и скрывался, а в 1920 году неожиданно «всплыл» в секретариате наркомвоенмора Троцкого в роли одного из ближайших его сотрудников. Последующая его судьба известна. Будучи резидентом советской разведки в странах Ближнего Востока и Турции, он связался с эмигрантом Троцким, затем пытался выполнить ряд его поручений, но был разоблачен и за предательство в 1929 году расстрелян.

В 1932 году была предпринята попытка в Москве покушения на немецкого посла Герберта фон Диркенсена. Посол не

пострадал, а советник посольства Фриц фон Твардовски получил ранение. И. М. Штерн — еврей, совершивший террористический акт, в ходе следствия заявил о своей принадлежности к оппозиции и намерении убийством немецкого дипломата вызвать конфликт в отношениях между Москвой и Берлином.

25 апреля 1940 года Троцкий составил свое воззвание «Письмо советским рабочим», в котором призывал их к вооруженному восстанию против «Каина Сталина и его камарильи». Воззвание было напечатано в виде листовки специального формата для удобного ее распространения. В мае 1940 года Троцкий и его сторонники приняли «Манифест об империалистической войне и пролетарской революции», где открыто провозгласили: «Подготовка революционного свержения московских правителей является одной из главных задач IV Интернационала».

В 1917–1918 годах офицеру английской разведки Джоржу Хиллу удалось внедриться в ближайшее окружение Троцкого. Он «помогал» ему создавать ВВС Советской Республики, «отлаживать» систему военной разведки и контрразведки, службу дешифровки. Выступал этот «бескорыстный» помощник под именем Камбер-Гиггс. Работал он в тесном контакте с другим британским разведчиком Сиднеем Рейли. Добавлю, что оба этих британских офицера-разведчика были евреями. Их главным заданием в те годы было во что бы то ни стало заставить уже советскую Россию продолжать войну против Германии и создать в ней надежную антигерманскую агентурную сеть. К этим заплечных дел мастерам тянулись нити заговоров и покушений, в том числе и на Предсовнаркома В. И. Ленина. Вот почему в 1918 году Троцкий упорно сопротивлялся подписанию мирного договора с Германией. В отличие от своего дружка Рейли, Хиллу удалось в ту пору ускользнуть от ВЧК. Однако в 1940 году он появился в Москве с дипломатическим паспортом в кармане в британском посольстве. Об этом чрезвычайном факте было тут же доложено Сталину. Сам факт появления старого шпиона в Москве был тревожным сигналом. Но, как говорится, не долго музыка играла. Через некоторое время в Кремле было сообщение о неожиданно скорой его кончине. Кто помог ему, неизвестно, да и не важно. Важно другое за свои злодеяния он, как и многие другие его соратники, получил по заслугам. И было за что. Вот, к примеру, что он говорил в годы русской революции: «Нам придется, может быть, уйти, но после нас найдут только кладбище». И тут он был жестоко прав. Да, все эти переустроители России оставили на земле русской тысячи известных и безвестных могил.

В западной прессе в последние годы появилось немало публикаций о том, что в ближайшем окружении Гитлера были евреи и что они тоже были виновниками в развязывании войны, истреблении евреев. Об Юлиусе Штрейхере, повешенном по решению Международного трибунала в Нюрнберге, я уже выше писал: этот гитлеровский деятель на суде заявил, что его настоящая фамилия и имя — Абрам Гольдберг. Ему тогда не поверили и повесили за дела, которые он совершал во время нацистского господства.

Относительно Рудольфа Гесса сообщалось, к примеру, что он родился в Египте, мать его была еврейкой и что он был связан кровными узами с Уинстоном Черчиллем, мать которого была американской еврейкой.

А дальше — больше: фельдмаршал Мильх, заместитель Геринга, был евреем; бывший руководитель немецкой разведки адмирал Канарис тоже оказался евреем, правда греческого происхождения. За участие в заговоре против Гитлера он был казнен. И еще одна из черт его биографии — еще со времен Первой мировой войны он являлся агентом английской разведки.

Сообщалось, что и барон фон Ланц был чистокровным евреем и ярым антисемитом. Он издавал в Вене антисемитский журнал и, оказывается, был духовным учителем Адольфа Гитлера. После подавления гитлеровского путча 1923 года в Мюнхене, Гитлер прятался в еврейской семье Ханфштэнгль. Один из членов этой семьи — «Путци» длительное время был пресс-атташе Гитлера, затем выехал в США и во время Второй мировой войны был советником у президента Франклина Рузвельта. Ближайшим другом и финансистом Гитлера был еврей Требич-Линкольн. И еще одна деталь — нацистов Германии финансировали еврейские банкиры даже после того, как Гитлер обнародовал свою одиозную книгу «Майн кампф».

Читал я в иностранной прессе и другие подобные сообщения. Когда я докладывал моему начальнику о прочитанном, заявляя при этом, что публикациях наверняка «бред сивой кобылы», тот обычно говорил мне: «Все может быть, но ничему не удивляйся. В жизни бывают еще более сложные выкрутасы!»

В подтверждение этого хотел бы привести некоторые фрагменты статьи Валентина Пруссакова в газете «Правда» от 17–24 января 1997 года «Евреи у истоков нацизма». Валентин Анатольевич Пруссаков — советский еврей. В настоящее время — гражданин США. Он автор множества публикаций, вышедших как в России, так и на Западе: в Лондоне, Риме, Нью-Йорке, Рио-де-Жанейро. Он автор многих книг: «Оккультный мессия и его рейх», «Слава России», «Прах Гитлера», «Германский национал-

социализм», «Портреты на фоне свастики» и другие. Он исследователь, историк, аналитик, а самое главное документалист, для которого историческая правда и истина дороже всего. Он, естественно, подвергается нападкам тех, кому правда не нужна, но истина дороже.

«В декабре прошлого года в английской газете «Дейли телеграф» и израильской «Едиот Ахронот», — пишет автор, — появились статьи, произведшие на многих читателей впечатление разорвавшейся бомбы. В них рассказывалось об исследованиях 25-летнего американца Брайана Бригга, обнаружившего, к собственному удивлению, что «тысячи солдат и офицеров нацистской армии по своему происхождению были евреями». Однако для тех, кто серьезно занимался изучением истории XX века, в «открытии» Бригга нет ровным счетом ничего неожиданного или нового».

И действительно, как свидетельствуют источники, среди самых первых членов национал-социалистской рабочей партии Германии (НСДАП) в 1920–1923 годах были «чистокровные евреи». Об этом, в частности, сообщал авторитетный историк третьего рейха немец Вернер Мазер.

«Но о нацистах еврейского происхождения, — продолжает свой рассказ В. Пруссаков, — предпочитают не говорить те, кто создал миф о холокосте, сделал своей профессией спекуляцию на жертвах нацизма и нажил колоссальные состояния на человеческих страданиях — реальных и выдуманных. Как замечает бывший идеолог Французской компартии Роже Гароди, «появление термина «холокост» далеко не случайно. Это греческое слово означает жертвоприношение у древних евреев, при котором жертва полностью пожиралась огнем. Термин «холокост» выражает желание сделать преступления, совершенные против евреев, исключением в истории»…

Сегодня всем хорошо известно, какие тяжкие преступления были совершены гитлеровцами против многих народов, в том числе и евреев. Их страдания, как и страдания представителей других народов, трудно измерить, но было бы, говорит автор статьи, — преступно наживаться на крови и использовать человеческое горе в грязных политических целях». С этим выводом, мне фронтовику трудно не согласиться.

«По утверждению некоторых раввинов, — пишется в статье, — создание государства Израиль — «ответ Бога на холокост»… Тем более что «сыны Израиля» разнообразно содействовали нацизму, а не только были его жертвами и, по вполне обоснованному мнению архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского), «национал-социализм имеет

иудаистические корни».

Нельзя бесконечно замалчивать факты и скрывать правду о том, что лица еврейского происхождения внесли значительный вклад в формирование основ нацистской идеологии, — утверждает автор. — Более того, сам термин «национал-социализм» употребил впервые Моисей Гесс, являющийся одним из отцов так называемого «духовного сионизма». Весьма примечательно, что и другой термин «антисемитизм» был создан Вильгельмом Марром — сыном еврейского актера из Гамбурга. В 1879 году он организовал Лигу антисемитов. Им написаны несколько откровенно юдофобских брошюр и памфлетов. Наиболее известна из них «Победа жидовства над неметчиной», вышедшая в конце прошлого века и на русском языке».

Мне довелось держать в руках эту книгу. Читая ее, я постоянно ловил себя на мысли: «Неужто такое может быть?» Автор изображал евреев «недочеловеками», доказывая это с помощью данных биологической науки.

«Еще задолго до публикации «Протоколов сионских мудрецов», — пишет в своей статье автор, — он [Марр] уверял, что евреи стремятся к мировому господству.

Понятие «еврейская опасность», столь понравившееся нацистам, было внесено в обиход евреем Артуром Требичем. Некоторое время им возглавлялось австрийское национал-социалистическое движение. Он, пожалуй, первым заявил, что Германия потерпела поражение в Первую мировую войну в результате «еврейских махинаций». Эта версия была быстро подхвачена Гитлером и другими, развившими теорию «удара в спину», приведшего «к неожиданному и позорному концу».

Вскоре после Первой мировой войны Артур Требич и Освальд Шпенглер, каждый независимо друг от друга, стали вещать о неизбежном закате Запада. Требич видел спасение только для тех, кто «сумеет выдавить из себя всеразъедающий яд еврейства». (Любопытно, что почти такими же словами заканчивается политическое завещание Гитлера. — В. П.)

Германские нацисты никогда бы не смогли прийти к власти, если бы у них не было солидной финансовой поддержки. Давно установлено, что «крупные еврейские фирмы субсидировали национал-социализм» (Ловенталь М. Евреи Германии. Нью-Йорк, 1936). Щедро помогали нацистам венские Ротшильды и Фриц Мандель, генеральный управляющий военного концерна (Геснер Р. Некоторые мои лучшие друзья — евреи. Нью-Йорк, 1936). Но самую существенную, можно даже сказать, решающую помощь Гитлеру, шедшую непосредственно через американские банки и нефтяные компании, оказала известная банковская династия

Варбургов (Голд М. Евреи без денег. Нью-Йорк, 1945). Глава гамбургского дома Макс Варбург получил в благодарность звание «почетного арийца» и нисколько не пострадал от «проклятых антисемитов». Он умер по окончании войны «от естественных причин, неизбежных в чрезмерно преклонном возрасте». Среди еврейских банкиров, не жалевших ни средств, ни усилий ради «тысячелетнего рейха», следует назвать также берлинцев Оскара Вассермана и Ганса Привина. В 30-е годы, когда слухи о преследованиях евреев в Германии распространились по всему миру, Вассерман телеграфировал на нью-йоркскую биржу, умоляя своих коллег и соплеменников сделать все возможное, чтобы «прекратить распространение вредных и абсолютно безосновательных слухов» (Блэк О. Передаточное соглашение. Нью-Йорк, 1984).

Я уже писал о том, сколько евреев было в окружении Гитлера. Оказывается, у министра пропаганды Геббельса их было не меньше. Вот что сообщает об этом в своей статье В. Пруссаков: «В ближайшем окружении самого д-ра Геббельса встречались «совсем не арийцы», а его любимцем был писатель Арнольд Броннен. Рожденный как Арнольд Броннер, он переделал свое имя и фамилию на более немецкий лад. Покровительствовал министр пропаганды и другому писателю — Рудольфу Борхардту, родившемуся в Кенигсберге. Борхардт заявил, что принадлежит к еврейской семье, принявшей протестантизм еще в XVII веке. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы ему поверили и не приставали с «неприличными намеками».

Надо заметить, — говорит В. Пруссаков, — что в отдельных случаях расовые специалисты третьего рейха оказывались явно не на высоте. Так, в 1939 году во многих газетах вермахта появилась фотография с подписью «образцовый арийский солдат». Моделью для нее послужил полукровка Вернер Гольдберг. Когда в геббельсовском ведомстве спохватились, то было уже поздно: «образцовый немецкий солдат» красовался на стенах многих немецких домов. Герр Гольдберг, между прочим, вполне благополучно пережил нацизм, стал журналистом в ФРГ и в течение двадцати лет числился сенатором Западного Берлина…»

И далее: «Гестаповцы, пронюхавшие, что фрейлейн Кунде — повариха, присланная фюреру румынским маршалом Антонеску, — еврейка, немедленно доложили об этом «шефу». Нисколько не смутившись, Гитлер ответил им: «Ну и что? Зачем беспокоить меня по пустякам? Неужели сами не можете сообразить, что надо делать? Арианизируйте ее!» (Абрамс Алан. Специальное обращение. Нью-Джерси, 1985).

Абвер (разведывательное ведомство адмирала Канариса)

«кишел евреями, в том числе и чистокровными» (Фараго Л. Игра лис. Нью-Норк, 1971). С июня 1941 года агентом под номером А 2408 стал барон Вольдемар Оппенгейм. Особую известность в нацистском шпионском ведомстве снискал венгерский еврей Эндрю Джорджи, помогавший Эйхману обменивать евреев на необходимые рейху товары. В 50-е годы, отсидев несколько лет за сотрудничество с «наци», он сменил фамилию и превратился в преуспевающего бизнесмена (План Амос. История Джозля Бранда. Лондон, 1981)».

«Без участия евреев, — говорится также в статье, — не смогло обойтись даже самое мерзопакостное и сверхъюдофобское издание третьего рейха — журнал Юлиуса Штрейхера «Дер Штюрмер» («Штурмовик»). Там подвизался польский еврей Ионас Волк. Утверждают, что ему хорошо платили за статьи, которые он подписывал псевдонимом «Гейнц Бранд». Волк специализировался на «преступлениях евреев против гоев» в средние века: отравление колодцев, ритуальные убийства, осквернение христианских святынь и тому подобные, леденящие душу «исторические факты и события». Волк полностью составил один из номеров «Дер Штюрмера», посвященный «ритуальному убиению христианских младенцев». (Интересно заметить, что в 1978 году именно этот номер опубликовала на английском языке американская антисемитская организация, известная своими связями с ФБР. — В. П.)

«Сколько же евреев сотрудничало с нацистами?» — вопрошает уже упоминавшийся американец Брайан Бригг, покопавшийся в архивах и ужаснувшийся тому, что «сотни офицеров еврейского происхождения получили очень высокие награды за героизм в нацистской армии». Вряд ли ему удастся узнать точный ответ на этот вопрос. В то же время, в свете всех вышеизложенных фактов, трудно не согласиться с мнением российского историка Олега Платонова, который в газете «Русский вестник» (№ 32–34. 1996) пишет: «Миф о холокосте оскорбляет человечество, ибо представляет еврейский народ главной жертвой минувшей войны, хотя на самом деле евреи пострадали не больше, а даже меньше многих других народов, вовлеченных в истребительную войну… Человечество заплатило за эту войну 55 миллионов жизней, в числе которых настоящая, а не мифотворческая доля еврейского народа составляет не 6 миллионов, как показывают расчеты специалистов, а около 500 тысяч человек. Конечно, и это число очень велико и вызывает у нас глубокое соболезнование. Однако можно ли говорить об особой жертвенности евреев, когда доля русского народа (включая малороссов и белорусов) в этих 55 миллионах жертв

составляет не менее 27 миллионов мужчин и женщин, детей и стариков… Миф о холокосте оскорбляет память миллионов русских, павших жертвой нового мирового порядка».

Очевидно, разговорам об «особых страданиях еврейского народа» пора положить конец. К тому же не стоит упускать из виду, что германский нацизм вольно или невольно оказал неимоверно большие услуги сионистам. Спекулируя на «неисчислимых еврейских жертвах» в годы Второй мировой войны, они выпросили у мира землю Палестины. В 1948 году беспрецедентным решением ООН было образовано государство Израиль. По сию пору Германия выплачивает этому государству огромные репарации за «нацистские зверства» (по сведениям из надежных источников, сумма выплаченных репараций уже превысила 50 миллиардов долларов. — В. П.). Почти никто не протестует против того, что деньги получает страна, которой не было и в помине в период нашествия «коричневой чумы».

Так действовали власть придержащие, политики и разные проходимцы, а простые люди решали свои проблемы исходя из здравого смысла, полагаясь на свои силы и уменье делать добро, не делая различий по национальному признаку.

Я был свидетелем такого случая. Ко мне на заставу в городе Зальцведель однажды пришел крестьянин из одной деревни. Он был с мальчиком лет двенадцати. Мальчик был смуглый, кучерявый, с ярко выраженными семитскими чертами лица. Посетитель пришел ко мне посоветоваться и если это возможно, получить помощь в розыске родственников мальчишки.

Он рассказал мне и присутствовавшему здесь же начальнику заставы историю. Это было в 1942 году. Недалеко от их деревни размещался в лесу небольшой лесопильный завод. Там изготовляли тару для боеприпасов. На заводе раньше, до войны, работало несколько человек из их деревни. Но тогда недалеко от этого завода размещался и пересыльный лагерь заключенных.

Для этого лагеря по распоряжению местных властей крестьянам было предписано направлять продукты питания.

— Однажды, — рассказывал он, — я привез в лагерь картофель. Ко мне подошла женщина-еврейка, которая работала на кухне уборщицей, и начала умолять спасти ее ребенка, ибо их лагерь скоро переведут в другое место. С ней был и этот мальчик. Разговор был у нас без свидетелей. Я отдал этой женщине бутерброды, которые мне обычно готовила супруга, когда я посещал этот лагерь, ибо мы знали, что там заключенные голодают. Передавать еду этим несчастным было строжайше запрещено, но крестьяне все равно это украдкой делали. Я сказал женщине, что сделать то, что она просит, практически

невозможно, но завтра я снова привезу в лагерь картофель, тогда и подумаем, как решить эту проблему. Сказал я это так, чтобы ободрить женщину, ибо понимал, что помочь ей нельзя. Дома я рассказал своей Марте об этом разговоре и описал жене несчастную мать и ее сына. Марта тогда мне и говорит: «Слушай, Вернер, возьми завтра кусок сала и бутылку шнапса. Ты знаешь, что начальник лагеря большой любитель выпить, если не сказать больше. Ты попроси у него этого мальчишку, как бы для работы по хозяйству на несколько дней, а там посмотрим. По меньшей мере мы этого мальчугана откормим». А у нас с Мартой детей не было: Бог не дал, но… На следующий день я передал начальнику лагеря подарок, мол, к празднику на угощенье, а заодно попросил у него этого мальчишку для работы по дому. Начальник согласился, и я привез мальчика домой. Он был тогда ужасно худ. Марта за ним ухаживала и очень сильно привязалась. В деревне никто не знал, что я привез ребенка, и мы его прятали от посторонних. Неожиданно этот лагерь был ликвидирован: говорят, что его перевели в Польшу.

Мы решили, в случае чего, рассказывать, что лагерь снялся быстро, мы ничего не знали и что этот ребенок у нас остался, не искать же нам лагерь в Польше в такое страшное военное время. А Михаила, так зовут мальчишку, мы строго предупредили, чтобы он прятался от посторонних глаз. Ему же насчет матери сказали, что разыщем ее как только закончится война. Сейчас же ей гораздо легче, что ты у надежных людей. Мальчишка нас прекрасно понимал и выполнял все, что мы ему советовали.

Много было острых моментов до самого конца войны, но нам, слава Богу, удалось спасти мальчика, и он полюбил нас. Ему нравится работать в сельском хозяйстве, он хорошо учится в школе. Что касается его матери, то мы все время после войны старались узнать о ее судьбе или найти его родственников, но пока все наши усилия безрезультатны. Я пришел к вам: помогите!

Я, конечно, связался с моим немецким другом Кирштейном, который работал в городском управлении, познакомил их. Тот обещал заняться и сделать все, что в его силах. Мать этого мальчишки не удалось найти, родственников тоже в то время, пока я там был, но все может быть!..

Главное в моем рассказе то, что люди разных национальностей, в данном случае немцы, подвергая себя смертельному риску за укрывательство евреев, сделали все, что было в их силах, и даже больше, чтобы спасти невинного ребенка. Таких людей, уверен, большинство на белом свете. Тем он еще и жив.

Глава 4
Раскол германии и возникновение двух государств — ФРГ и ГДР

Великая Отечественная война, как величайшее испытание, с необычайной выпуклостью и реальностью подтвердила, что именно народы — решающая сила истории. Проявляя массовый героизм в боях и труде, отстаивали и защищали свою Родину люди разных национальностей. Их сплачивал и воодушевлял великий русский народ, мужество которого, выдержка и несгибаемый характер являли собой вдохновенный пример воли к победе!

Отношение правящих кругов Запада к СССР было самым вероломным. Они хотели, чтобы СССР и Германия обескровили друг друга, дабы США и Англия впоследствии уничтожили бы их обоих по одиночке. Теперь-то мы знаем, что западная демократия и не на такое способна.

Тогдашний вице-президент США Г. Трумен на следующий день после нападения на СССР заявил следующее: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше друг друга».

Влиятельная американская газета «Нью-Йорк дейли ньюс» изобразила СССР и фашистскую Германию в виде двух змей, образовавших клубок и пожирающих друг друга. Под рисунком стояла подпись: «Не мешай им съесть друг друга».

Абсолютное большинство западных политиков считало, что СССР долго не продержится в схватке с Гитлером. Прежде всего так думал У. Черчилль, о чем был хорошо осведомлен президент США Ф. Рузвельт…

Немецкий адмирал Редер говорил, что Гитлер «был буквально одержим идеей свести когда-нибудь счеты с Россией». В своей книге «Майн кампф» он писал: «Мы кладем предел движению германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взор к землям на Востоке… Когда сегодня мы говорим о новых территориях в Европе, мы должны прежде всего думать о России и о смежных с ней и подвластных ей странах. Сама судьба указывает нам это направление».

Западные государства поощряли такие устремления Гитлера, и с их стороны практически не было отпора Германии при

захватнических устремлениях в Западной Европе.

Западные политики видели в Гитлере только форпост борьбы против коммунизма. 19 ноября 1937 года Гитлер, беседуя с лордом Галифаксом был неудержим в своих фантазиях. Не менее сдержан в высказываниях был и лорд Галифакс. Вот выдержка изложения их беседы: «…В Англии придерживаются мнения, что имеющиеся в настоящее время недоразумения могут быть полностью устранены. Целиком и полностью признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии. Лорд Галифакс и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что в результате уничтожения коммунизма в своей стране он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия может считаться бастионом Запада против большевизма…»

Задумав аншлюс (присоединение) Австрии, Гитлер был уверен в успехе, ибо он получил от Англии заверения о поддержке. Они были подтверждены английским послом в Берлине Гендерсоном 3 марта 1938 года. От США Гитлер получил аналогичные заверения во время своей беседы в Берлине в начале того же года с бывшим американским президентом Гербертом Гувером.

А потом был Мюнхен — вершина «дипломатической деятельности по умиротворению его агрессии» в сторону Советского Союза. СССР был готов оказать военную помощь Чехословакии, но призывов о помощи со стороны Чехословакии не последовало, ибо в Праге оценивали обстановку по-другому. Вот слова министра пропаганды Чехословакии: «Советская Россия, без сомнения, была готова вступить в войну. Однако наша война на стороне России не была бы войной только против Германии. Вся Европа с Францией и Великобританией рассматривали бы ее как войну между большевизмом и Европой, и таким образом, возможно, вся Европа выступила бы против России и против нас». Ничего не скажешь. Красноречиво глаголал чехословацкий политик. Как говорится, у страха глаза велики.

Г. Геринг на процессе в Нюрнберге на вопрос: «Верно ли, что Англия заключила Мюнхенское соглашение для того, чтобы подтолкнуть Германию на агрессию против Советского Союза?» — ответил: «Разумеется, это было так».

История человечества знала и более продолжительные войны, но не было войны столь кровопролитной и разрушительной, чем Вторая мировая. В пламени ее огня погибло более 50 миллионов человек. Только народы Европы потеряли убитыми в два с лишним раза больше, чем за предшествующие 350 лет. Ареной

непосредственных боевых столкновений стала территория сорока государств. В войне участвовала 61 страна с населением 1 миллиард 700 миллионов человек. Главную тяжесть войны вынес Советский Союз, а это значит в первую очередь наш солдат.

Большинство этих солдат были молоды, перед ними только открывалась жизнь. Их убеждения и представления о добре и зле были исконно народными. Они сострадали терпящим бедствия, гонимым. Они были готовы прийти людям на помощь. Им были отвратительны ложь, несправедливость, лицемерие. В этом представлялась нашим врагам непостижимость русской истории и русской души.

Народная война — это та война, в которой участвует действительно каждый, кому дорога судьба Отечества. Колокола памяти не тревожат вечный покой тех, кто, смертью смерть поправ, отдал жизнь за честь, свободу и независимость родной земли, за мирное небо над ней и над всей планетой. Они, эти колокола, учат мужеству и братству живых, зовут к решительным действиям во имя спасения человечества и снова говорят о том, какой великой ценой была оплачена победа!

А заправил закабаления народа, алчущих богатеть на людских страданиях, сегодня, как и во все времена интересует лишь одно — нажива.

В «Капитале» К. Маркс приводит цитату (ее приписывают ему, хотя, возможно, он ее позаимствовал): «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы. При 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

Тайна рождения войн раскрывается каждым человеком по-своему: кто виновен в том, как она происходила, и какой был результат. Наша война с гитлеровской Германией была не только столкновением двух государств, двух противоположных общественных систем, но и двух идеологий, двух разных взглядов на жизнь. Нацизм нес порабощение всему миру, и он это прекрасно сознавал, правда не думая о последствиях своих деяний, а наш народ отстаивал свою землю и сражался ради жизни на земле не только своей, но и всего человечества.

Стараясь использовать войну в своих интересах, наши англо-американские союзники всеми возможными способами стремились, с одной стороны, как можно дольше затягивать открытие второго фронта, рассчитывая на окончательное истощение главных воюющих держав, а с другой — убедить

советское руководство отвести войска с тех территорий, которые Англия и США считали сферой своих национальных притязаний (Закавказье, Иран, Приполярье). Англия и США имели желание ослабить как можно сильнее не только Германию, но и СССР. Роль США в войне, стоившей России огромных жертв, материальных затрат, американский президент Ф. Рузвельт рассматривал в категориях азартного карточного игрока, для которого страдания десятков миллионов русских людей ничего не стоили.

В беседе со своим сыном Элиотом президент Рузвельт популярно излагал ему свои мысли: «Ты представь себе, что это футбольный матч, а мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамье. В данный момент основные игроки — это русские, китайцы и в меньшей степени англичане. Нам предназначена роль… игроков, которые вступят в игру в решающий момент… Еще до того, как наши форварды выдохнутся, мы вступим в игру, чтобы забить решающий гол. Мы придем со свежими силами. Если мы правильно выберем момент, наши форварды еще не устанут и…»

Как считалось в американских правящих кругах, война открывала перед Соединенными Штатами небывалые возможности изменить в свою пользу мировое соотношение сил, осуществить новый передел мира, потеснить и отбросить как союзников, так и конкурентов. По существу, с самого начала мировой войны мысли американских руководителей были заняты не тем, как ее побыстрее закончить, а как переделать мир по американскому образу и подобию.

В близком кругу президент США признавался, что предпочитает скорее тратить «доллары налогоплательщиков, чем жизни этих налогоплательщиков». Мысли Черчилля в силу сложившихся обстоятельств были скромнее: он думал прежде всего о том, как уберечь огромную британскую колониальную империю и выйти из войны с наименьшими потерями. СССР вопреки недавним пожеланиям стал боевым союзником, но это не означало, что следовало забыть о собственных интересах.

Несмотря на трудности, для борьбы с фашизмом все-таки складывалась антифашистская коалиция государств с различным общественным строем. Но абсолютного доверия друг к другу у участников коалиции не было. Летом 1942 года американских руководителей волновал вопрос: выстоит ли Советский Союз, нанесший под Москвой вермахту первое крупное поражение и развеявший миф о «непобедимости» гитлеровской Германии, не пойдет ли после огромных успехов немцев на южном участке советско-германского фронта на заключение сепаратного мира?

Последующие события на советско-германском фронте заставили руководителей западных держав задуматься о том, что в Берлин они могут и «опоздать». В американском журнале «Тайм» была помещена карикатура: заспанный Черчилль в четыре часа утра снимает телефонную трубку и слышит знакомый голос: «Уинстон! Это я, Джо (Сталин. — Авт.). Я у Кале. Теперь вы можете переходить Ла-Манш. Теперь безопасно».

Разведки всех государств внимательно следили и за внутриполитической обстановкой в Германии, ожидая и переворота против нацистского режима, и других событий, способных повлиять на обстановку в мире. Сталин в одной из телеграмм послу СССР в Лондоне И. М. Майскому допускал возможность сговора Черчилля «с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны». Основания для таких подозрений были: в 1943 году срок открытия второго фронта был перенесен в третий раз! Пассивность союзников играла на руку Германии, облегчив ей задачу организации крупного наступления на Курской дуге.

Такая, мягко говоря, «игра» союзников давала повод говорить дальновидным политическим деятелям, что это оттолкнет советских руководителей от послевоенного сотрудничества с Западом.

После победы Красной Армии на Курской дуге начался развал блока агрессоров. Первой из войны вышла Италия. Но открытие второго фронта снова откладывалось, хотя президент США указал на необходимость употребить все усилия, чтобы вместе с Великобританией оккупировать большую часть Европы и первыми вступить в Берлин.

Операция «Оверлорд» по высадке союзников во Франции проходила в одно время с проведением Красной Армией гигантской операции по освобождению Белоруссии, значительно облегчившей задачу десанта. Но все равно дорога союзников на Берлин оказалась нескорой и была сопряжена не только с успехами, но и с жестокими поражениями. В начале 1945 года немецкие войска нанесли в Арденнах сокрушительный удар по американцам, и союзники просили Советский Союз открыть второй фронт — срочно начать наступление на Берлин. Советский Союз пошел навстречу союзникам, начав стремительное наступление на территории Германии до ранее намеченных сроков. Верная союзническому долгу, наша армия вела его не в той степени готовности. Естественно, это увеличило число смертей русских воинов. Между тем союзники, получив передышку, рванулись к Берлину, стремясь во что бы то ни стало войти в него раньше русских и получить политические

преимущества на послевоенных переговорах. Но все-таки Красная Армия успела взять Берлин сама…

У. Черчилль, несмотря на договоренность с СССР относительно разграничительных линий встречи войск союзников, побуждал американцев ускорить продвижение их армий, изменить имеющиеся планы и захватить по меньшей мере те районы, куда не дошла еще Красная Армия. При этом он учитывал как позицию гитлеровцев, оказывавших упорное сопротивление на Восточном фронте и все более открывавших Западный фронт, так и поддержку его точки зрения влиятельными кругами в США. По их мнению, это дало бы возможность оказать давление на Советский Союз при урегулировании послевоенных проблем.

Как свидетельствуют признания деятелей западных держав и заявлений самого У. Черчилля, особое значение придавалось захвату Берлина. Они считали, что взятие ими Берлина даст возможность получить огромный политический выигрыш, символизируя могущество западных держав, и будет иметь большое значение для определения дальнейшего развития Германии.

Этот факт подтвердил американский генерал Дж. Гевин, командовавший в годы войны 82-й парашютно-десантной дивизией. В полночь 25 марта 1945 года тот собрал в своем штабе секретное совещание. Его дивизия, которая приобрела известность после десантных операций в Сицилии, давно была по непонятным причинам в бездействии. Дж. Гевин обратился к присутствующим офицерам со словами: «Господа! Дело идет о последнем прыжке» — и неожиданно для всех объявил, что он имеет в виду «прыжок на Берлин», который является частью специального плана. По этому плану 101-я американская парашютно-десантная дивизия должна была захватить берлинский аэропорт Гатов, 82-я дивизия Темпельгоф, а одна бригада англичан — аэродром в Ораниенбурге.

Предполагалось, что через несколько дней в Берлин войдут наземные англо-американские войска. Операцию парашютно-десантных войск планировалось начать через пару недель. Союзники начали немедленную активную подготовку, но Красная Армия сорвала эти планы.

Англичане предлагали американцам занять Прагу, с тем чтобы укрепить влияние западных держав в Чехословакии. Провал их планов — результат реального соотношения сил, который и не позволил западным державам добиться преследовавшихся ими целей.

Через много лет после окончания Великой Отечественной

войны мне стало ясно, что в освещении ее событий наблюдаются две тенденции, на мой взгляд затрудняющие поиск истины: смакование политических просчетов руководителей страны и командования Красной Армии в начальный период войны и осмысление прошлого с позиций сегодняшнего дня, с точки зрения современного человека, обладающего гораздо большим объемом информации.

Первая тенденция относится к разряду сиюминутных политических интриг или к не совсем порядочным способам журналистского или писательского самоутверждения и, по моему мнению, ничего общего с историей, как с наукой, не имеет. Вольные или невольные последователи второй заслуживают некоторого снисхождения за смелость иметь собственное суждение, но именно им хотелось бы напомнить мудрые слова Шота Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Как же быть и кому верить?..

Отвечу — только подлинным документам. И фактам, опять-таки подтвержденным документами. Разбирая трофейные документы, участвуя в допросах высших чинов имперского министерства авиации, люфтваффе, самолетостроительных корпораций, я увидел войну другими глазами. И это представление во многом расходилось с тем, что читал, о чем слышал, что видел глазами рядового солдата войны.

Уже тогда, натыкаясь (именно натыкаясь, ибо тогда целенаправленно поиском истины я еще не занимался) на документы, зафиксировавшие те или иные периоды развития или события в истории немецкой авиации, встречаясь с людьми, наблюдая, как поднимает голову «холодная» война, предвестница «горячей», я начал думать о том, как сделать так, чтобы никогда больше она не выползла из какой-нибудь папочки с тесемочками и не пошла гулять по нашей грешной Земле, сжигая все на своем пути.

Практически все свое время в течение многих лет я отдаю изучению советских и немецких архивных документов о Второй мировой войне. На основе огромного фактического материала мною написаны и опубликованы три книги, множество статей в газетах и журналах. Но не покидает мысль, что все сделанное — лишь частичка лишь подступы к полной правде о войне, которая еще там, в неизвестных мне папках с грифами «Секретно», «Совершенно секретно», «Совершенно секретно. Особой важности», «Только для высшего командования».

Чтобы не ошибиться в будущем, надо знать и понимать прошлое. Потом, уже углубившись в тему, я начал

целенаправленно искать архивные документы, записывать свидетельства участников событий, анализировать, сопоставлять факты… И понял, что, несмотря на обилие публикаций, правду о войне найти очень трудно. Как будто бы сама война заваливает горами бумаги те немногие документы и основанные на них публикации, из которых становится многое ясным, чтобы мы не могли понять, где ее корни, и эти корни вырвать.

Уходят из жизни те, кто войну пережил, почувствовал на себе, те, кто потерял на ней родных и близких. И постепенно тем, кто войны не знает, а видел ее только с киноэкрана, начинает казаться, что война — это не так уж и страшно, что этот способ достижения своих политических, экономических или иных целей нисколько не хуже других и что, если хорошенько подготовиться, можно достигнуть победы на все времена. А войне только того и надо…

Я считаю, что пора уже отказаться от заявлений, что у нас все стратегические решения принимал только Сталин, а в Германии — только Гитлер. И у нас, и в Германии действовали крупные специалисты во многих областях, и к их мнению прислушивались оба диктатора. И оба внимательно следили за действиями и высказываниями друг друга, перенимая все, что могло пригодиться, и всегда готовые парировать удар…

Думаю, будут интересны переведенные мною высказывания Гитлера о Сталине, приведенные в изданной в 1980 году издательством «Альбрехт Кнаус» книге «Застольные беседы Гитлера». Мартин Борман предложил записывать монологи Гитлера, произносимые им в узком кругу. В течение 14 месяцев их записывал адъютант Бормана Генрих Гейм, а с марта по сентябрь 1942 года это делал профессор Генри Пикер. Вот что Гитлер сказал о Сталине 26 августа 1942 года: «Если бы Сталин имел возможность проработать еще от 10 до 15 лет, то СССР стал бы сильнейшим государством мира и оно могло так существовать еще 100, 200, 300 лет. Это было бы гигантским достижением. О том, что жизненный стандарт народа возрос бы, в этом нет никакого сомнения, народ бы не знал голода. В общем, можно сказать: они построили заводы и фабрики, не уступающие заводам Германа Геринга, там, где еще два года назад были деревни. Они имеют железные дороги, которые вообще не нанесены на карты. У нас говорят о тарифах, когда строят железные дороги. У меня есть книга о Сталине. Нужно сказать, что это огромная личность: настоящий аскет, который железной рукой создает этот гигантский рейх. И когда некоторые говорят, что это социалистическое государство, то это большая ложь. Это есть государство государственного капитализма. 200 миллионов

человек населения, железо, марганец, никель, нефть, керосин и все, что угодно, — без ограничений. А во главе стоит человек, который говорит: «Находите ли вы 13 миллионов человек большой потерей для такой большой идеи?»

Великие идеи, действительно великие свершения — во имя людей… оставшихся в живых. Люди, защищая себя и близких, стремятся всеми силами остаться в живых, все меньше думая о великой идее. И тогда великая идея, защищаясь, утверждается в сознании народа. Она обретает плоть. Она реально живет, сражается, побеждает. Великая это загадка — великие идеи!

Во время войны нас выручила, как, надеюсь, несмотря ни на что, выручит и сейчас, дружба народов СССР. На фронтах сражались все народы, населявшие страну. Все без исключения. А вот судьбы у народов были разными. Каждый народ хочет для себя счастья и ищет в суровом мире союзников. В каждом народе всегда есть люди, отлично знающие, что народу нужно, и всеми способами тянущие народ туда, куда они считают нужным. Особенно обостряется проблема выбора в переломные моменты истории. И только история показывает, правильным ли был выбор… Во время войны многие по разным причинам, считая, что так будет для них лучше, сотрудничали с немцами: враги СССР были и среди русских, и среди украинцев, и среди прибалтийских народов… После войны я узнал, что в городе Миргороде Полтавской области дислоцировалась 162-я пехотная дивизия под командованием «знатока России» Оскара Нидермайера, в которую входили так называемые «восточные батальоны», состоявшие из бывших военнопленных и перебежчиков из числа мусульманских народов СССР — татар, башкир, народов Северного Кавказа, узбеков, таджиков, киргизов и прочих. Был специальный калмыцкий корпус под командованием немцев. Были батальоны, состоящие из грузин, армян и представителей других национальностей, не говоря уже о власовцах, а всего на стороне немцев с той или иной степенью преданности и активности служило около миллиона человек.

После войны на Родину по разным причинам не захотели возвращаться тоже около миллиона. И этот вопрос решался грубыми, силовыми методами, что, по закону маятника, возвращается к нам сегодня новыми неисчислимыми бедствиями. В 1944 году из Крыма были выселены все крымские татары, а еще раньше с Кавказа — чеченцы, ингуши, карачаевцы, из других мест — советские немцы, греки, турки-месхетинцы и другие народы. Выселяли всех, хотя, конечно, старики, маленькие дети не принимали участия в боевых действиях против Красной Армии. Долго продолжались бои с националистами в Западной Украине,

с «лесными братьями» в Эстонии, Латвии, Литве. Еще находясь в Германии, из иностранной печати я узнал, что свыше двух с половиной тысяч украинских националистов-бендеровцев с оружием в руках, с молчаливого согласия президента Чехословакии Бенеша, прошли через всю страну и оказались в Баварии, где были интернированы. Многие из них потом были использованы в подрывной работе против СССР.

Война — не простой пожар. Силой можно погасить только большой огонь. А многочисленные маленькие очаги можно понемногу размыть только с помощью терпения, мудрости. Но мудрости не хватило никому. Холодная война набирала обороты…

На вопрос: «Что страшнее: война или политика?» — У. Черчилль ответил: «Политика, потому что на войне убивают только один раз».

Устрашение противника путем уничтожения большого количества мирных жителей и поныне считается одним из самых действенных средств достижения политических целей. Достаточно вспомнить события только последних лет: массовое уничтожение населения Ирака, Югославии, других «горячих точек» планеты…

Внук Дуайта Эйзенхауэра Дэвид многие годы спустя написал о своем деде, его роли во Второй мировой войне. По его мнению, Эйзенхауэр недооценивал решающего влияния на его мышление событий на Восточном фронте. Это упущение, подчеркивал он, является ключевым, ибо недооценивать взаимозависимость Восточного и Западного фронтов — значит упустить из виду тот факт, что без надвигающегося русского фронта какая-либо высадка союзников в Европе была бы невозможна, как, впрочем, и то, что без обязательств советского сотрудничества в форме крупного наступления на Восточном фронте высадка союзников в Северо-Западной Франции не могла быть предпринята в то время, когда это произошло.

История второго фронта имеет свою предысторию, уходящую корнями в предвоенные годы.

Спустя полвека после начала величайшей трагедии в истории человечества многое видится как цепь роковых ошибок, нелепых случайностей, заблуждений государственных деятелей, имевших тягчайшие последствия для судеб миллионов людей. Человеческий разум не может примириться с тем, что войну не удалось предотвратить, хотя это было возможно. Значит, не удастся предотвратить и следующую? Значит, всегда найдется кто-то, кто, воспользовавшись противоречием интересов государств, рискнет силой склонить нужную чашу весов истории?

Одним из политиков, сыгравших далеко не последнюю роль при определении сроков открытия второго фронта, был Уинстон Черчилль, не новичок в политике, относящийся, по выражению В. И. Ленина, «к величайшим ненавистникам» Советского государства…

Ненависть никогда не была хорошим советчиком. А величайшая ненависть тем более. Ненависть ищет любое средство, любых союзников, чтобы уничтожить раздражающее обстоятельство. И никогда ее целью не бывает мир. Ненависть бывает терпеливой, она способна годами выращивать нечто ей, как она считает, полезное. И очень часто — на свою беду. Фашизм казался достаточно мощным средством уничтожения коммунизма. Да он и становился таковым. Едва; ли фашизм мог выйти на уровень государственной политики, не говоря уже о выдвижении претензий на мировое господство, если бы на то не существовали благоприятные специфические условия, созданные авторами острого противоборства двух систем.

Ради исторической справедливости следует сказать и о просчетах советской внешней политики в предвоенные годы, обусловленной также идеологическими стереотипами. Экспорт революции не был только чисто теоретическим построением. Сам Ленин впоследствии, поняв, что революционные ситуации созревают в разных странах по мере создания определенных противоречий, отмежевался от мировой революции, рассматривая это как непозволительное вмешательство в чужие внутренние дела, и обосновал идею мирного сосуществования в качестве важной составной части своего исторического замысла построения социализма в одной стране. Но Лев Троцкий в журнале «Под знаменем марксизма» № 11 за 1922 год писал: «Советское государство есть живое отрицание старого мира, его общественного порядка, его личных отношений, его воззрений и верований». Многие из старых большевиков искренне верили в борьбу до полной победы коммунизма. Но «старый мир» — это не только «акулы империализма», но и конкретные простые люди, которые, желая освобождения от эксплуатации, любую цену платить за это были не готовы и от «воззрений и верований» избавиться не очень-то и спешили. И надо заметить, делали правильно. Но все-таки коммунизм был мощным фактором, влияющим на настроения населения Англии, Франции и других стран Европы.

К концу 30-х годов казалось, что расчеты оказались правильными и Гитлер готов искоренить коммунизм, как обещал.

Если ему чего-то для этого не хватает, пусть берет… Так мюнхенский сговор руководителей западных держав с Гитлером

открыл дорогу Второй мировой войне. В международных отношениях возобладала самоубийственная логика «каждый за себя», облегчающая агрессорам «выбор целей». Не сумев убедить потенциальных союзников в необходимости союза, Сталин 23 августа заключил договор о ненападении с гитлеровской Германией, потом — с Японией. Разгром Германией Франции, покорение почти всей Западной Европы, блокада Великобритании, готовность Японии к новому прыжку на Дальнем Востоке заставили западных политиков задуматься. Без установления союзнических отношений с СССР существование их государств ставилось под угрозу. Началась мучительная «переоценка ценностей».

Теперь стояла задача — втянуть в войну СССР.

Гитлер 22 июня 1941 года решил ее, наконец-то оправдав надежды Черчилля и других руководителей западных держав. «Этот шаг Германии почти напоминает дар провидения», — сказал военный министр США Г. Стимсон. Заявив о поддержке Советского Союза в войне с гитлеровской Германией, в Лондоне и Вашингтоне заняли выжидательную позицию, хотя положение СССР было исключительно тяжелым, если не сказать катастрофическим. Лучше всех то, о чем думали западные политики, выразил в своем знаменитом высказывании Гарри Трумэн. Его высказывание уже выше приводилось. На практике помощь была ограничена обещанием заключения ряда экономических соглашений, распространением в США в ноябре 1941 года закона о ленд-лизе на Советский Союз и весьма скромными на первых порах поставками военного снаряжения…

Выше уже говорилось, что германский фашизм ради уничтожения «коммунистической заразы» в Европе разрабатывал страшное оружие, основанное на расщеплении атомного ядра. К чему могли бы привести последствия его применения на Европейском континенте, показал несчастный взрыв реактора в Чернобыле. В США между тем тоже активно велись работы над созданием ядерного оружия. Тем самым вопрос о сроках открытия второго фронта и приближении окончания войны имел и особое общечеловеческое значение в связи с потенциальной угрозой атомных бомбардировок. А их планировал не только Гитлер. Вот свидетельство обозревателя газеты «Вашингтон пост» Уолтера Пинкуса, опубликованное в номере за 21 июля 1985 года: «В 1944 году Соединенные Штаты первоначально планировали сбросить атомные бомбы одновременно на Германию и Японию». При этом журналист ссылается на мнение руководителей Манхэттенского проекта по разработке атомной бомбы и на ранее не опубликованные документы. Согласно этой информации, Европа

на заключительном этапе Второй мировой войны находилась на волосок от атомной бомбардировки.

«Подбор первоначальных целей в рамках Манхэттенского проекта был осуществлен в 1944 году, — пишет У. Пинкус, — когда война против нацистской Германии все еще продолжалась. Поэтому… применение атомного оружия… предполагало различную тактику». В документе 1944 года доктор Уильям Пенни английский ученый, прикомандированный в то время к Манхэттенскому проекту, писал, что в отношении Германии и Японии надлежало предусмотреть различную высоту для взрыва ядерной бомбы, которая именовалась «штуковиной», так как (далее «Вашингтон пост» цитирует У. Пенни) «существует значительное различие в отношении последствий взрывов для германских и японских городов». В этой же статье У. Пинкус сообщает: «Как признал отставной бригадный генерал Пол Тиббетс, командир подразделения бомбардировщиков Б-29 и пилот самолета «Энола Гей», с которого была сброшена первая атомная бомба на Хиросиму, в Адриатическом море был выбран остров, призванный служить базой для американских самолетов-атомоносцев на европейском театре военных действий. Тиббетс заявил в интервью, что ему было приказано подготовиться (далее газета цитирует слова генерала) «для нанесения бомбовых ударов… одновременно в Европе и Японии. Однако к весне 1945 года, за несколько месяцев до того, как первая (атомная. — Авт.) бомба была готова, поражение нацистской Германии стало свершившимся фактом, поэтому планы были ограничены Японией».

Значит, ожидание атомной бомбы — еще одна причина затяжки с открытием второго фронта? Может быть, «европейской Хиросимой» должен был стать Дрезден, все же разрушенный позднее почти до основания «всего-навсего» обычными бомбами, за неимением атомной?

Кульминацией англо-американских воздушных бомбардировок Германии стала так называемая «большая неделя», приуроченная ко дню рождения Джорджа Вашингтона 22 февраля 1945 года. Вот как описывает ее американский историк: «Истребители и бомбардировщики 8-й воздушной армии США две ночи подряд наносили удары по Берлину, которые объективные наблюдатели сравнивали с «концом света». Две тысячи бомбардировщиков уничтожили большинство наземных объектов и вызвали хаос среди беженцев…» Далее, согласно сценарию «большой недели», последовали сокрушительные удары по Эссену и Дортмунду, и, наконец, налет на Дрезден в ночь с 13 на 14 февраля. «Официально, — заметил Давид Эйзенхауэр, — Дрезден

был избран как центр производства вооружений и транспортный узел, связывающий военные заводы в Вене, Праге, Брно и Пельзе со складами и зонами связи за германскими линиями (обороны. — Авт.) по Одеру — Нейссе… Налет имел целью деморализацию немцев путем демонстрации того, что они могли ожидать в ближайшие недели, если не капитулируют, а также, возможно, должен был произвести впечатление на русских, которым предстояло занять город и стать первыми свидетелями результатов бомбардировок с далеко расположенных баз по избранным живым целям».

В период войны гитлеровская Германия пыталась нащупать почву для сговора с западными державами. Все ее усилия завязать какие-либо контакты с советской стороной, как это имело место в 1943 году в Стокгольме, а также зондаж в Москве японцев относительно посредничества в деле прекращения войны между Германией и Советским Союзом были решительно отвергнуты советскими представителями, а США и Англия информированы об этом.

Совершенно иначе отнеслись к такого рода происками западные державы. Правящие круги США и Англии не отвергали полностью возможности достижения сепаратного мира с Германией. Переговоры между представителями западных держав и гитлеровской Германии являлись не единичными «эпизодами», как их пытаются представить США и Англия, а выражением вполне определенного курса, обусловленного тем, что они были не прочь заключить в то время за спиной Советского Союза сепаратный мир с Германией. При этом тенденции к такой сделке усиливались на последнем этапе войны по мере роста авторитета и военной мощи СССР.

Особенно активно выступали за переговоры с гитлеровской Германией и сепаратный мир с ней англичане и лично У. Черчилль. В США были влиятельные круги, стоявшие на таких же позициях. Цель, которую они преследовали, была одна — спасти германский милитаризм от полного разгрома, чтобы в зависимости от обстановки снова использовать его в той или иной форме против Советского Союза.

Министр иностранных дел Риббентроп поддерживал контакты с представителями западных держав главным образом через официальные представительства германского МИД в Португалии, Испании, Ватикане, Швейцарии, Швеции, Турции и других странах, где держал для этого особенно доверенных людей.

Практически на всем протяжении войны германская разведка поддерживала связь с американскими и английскими

спецслужбами, которая была налажена еще с довоенного времени. К примеру, руководитель армейской разведки — абвера адмирал Канарис имел свою систему связей с представителями западных держав. Но особую активность развил один из наиболее приближенных к Гиммлеру главарей СС В. Шеленберг — руководитель разведки СД. Что касается лично Гитлера, то, являясь сторонником сплочения всех «европейских сил» для борьбы с Советским Союзом, он также проявлял склонность к примирению с западными державами, как говорится — ворон ворону глаз не выклюет. Он до конца своих дней «цеплялся за надежду установить военное содружество между немцами и англосаксами против Советов», надеясь найти общий язык прежде всего с Англией. На это же Гитлера все больше толкали Муссолини и Антонеску. Эти «деятели» носились то с бредовыми предложения о заключении сепаратного мира с СССР для укрепления своих позиций и достижения лучшей сделки с западными державами, то выступали за переговоры о мире с западными державами. Вторая идея постепенно брала верх по мере понимания того, что советская сторона никогда не пойдет на сепаратный мир.

Гитлер основные надежды возлагал на автоматический раскол антигитлеровской коалиции, считая, что этому надо всячески содействовать. Притом чем сложнее и безнадежнее становилось положение Германии, тем упорнее Гитлер цеплялся за мысль о неизбежности усиления трений пежду союзниками. Он был убежден, что западные державы и СССР не смогут до конца совместно вести войну, так как их цели различны, как различны их идеологии. Надо признать, что подобные надежды Гитлера имели определенные основания. Чем ближе было окончание войны, тем чаще раздавались во влиятельных кругах США и Англии голоса, что Германия уже достаточно ослаблена, чтобы стать послушной воле западных держав, и потому следовало бы заключить с ней сепаратный мир. Трумэн полагал, что немцам нужно было сразу после поражения под Сталинградом или, в крайнем случае, после высадки англо-американских войск в Северной Франции капитулировать перед западными державами. А Черчилль уже в 1949 году, когда еще только «остывали» жерла орудий, прямо признал, что «требование безоговорочной капитуляции не соответствовало его убеждениям».

Такие настроения правящих кругов Запада не были секретом для Гитлера и его клики, ибо германской разведке удалось овладеть шифром разведслужбы США и немцы были в курсе переписки А. Даллеса по различным вопросам, в том числе и о будущем мире, который несли Европе воины нашей армии.

Даллес был чрезвычайно враждебно настроен против нашей страны и позиции своей, между прочим, ни от кого не скрывал. На основании и другой информации немцы делали выводы, что между союзниками имеются значительные противоречия и что правящие круги западных держав, опасаясь «русской угрозы», готовы пойти на сепаратный мир с Германией. Предпринятое немцами 17 декабря 1944 года наступление в Арденнах преследовало цели: рассечь и ослабить англо-американские армии, оказать давление на западные державы и заставить их пойти на сепаратные переговоры.

Представители германского МИД вели переговоры в Стокгольме с представителями США и Англии через шведских посредников. Тоже делалось в Берне и Мадриде. Но особенно бурную деятельность развил Гиммлер. При содействии своего ближайшего окружения, в частности доктора Керстена и В. Шеленберга, он пытался убедить западные державы в необходимости «объединения сил в борьбе против большевизма». С этой целью в октябре 1944 года В. Шеленберг по указанию Гиммлера пытался установить связь с Черчиллем через Валленберга. Гиммлер решил также использовать международные еврейские организации, чтобы побудить Запад к переговорам с ним, обещав прекратить уничтожение евреев. Это в какой-то степени ему удалось.

В конце 1944 года Рузвельт направил в Швейцарию «в качестве своего личного представителя» главу квакеров Р. Мэкклина, включившегося в переговоры между СС и организацией американских евреев. 5 ноября 1944 года Р. Мэкклин встретился в Цюрихе с уполномоченным Гиммлера. Наконец, Гиммлер сам включился в налаживание контактов с представителями и доверенными лицами западных держав. Под Веной он встретился с президентом Швейцарии Ж. М. Муси, а затем с членом Международного еврейского конгресса Мазуром. 19 февраля и 2 апреля 1945 года состоялись встречи Гиммлера с племянником шведского короля, вице-президентом шведского Красного Креста графом Бернадоттом, на которого, учитывая его хорошие связи с влиятельными английскими кругами, он возлагал большие надежды.

В феврале 1945 года с помощью итальянского промышленника барона Парилли между начальником личного штаба Гиммлера, главным уполномоченным СС при командующем группой армий «Центр» Кессельринге обергруппенфюрером К. Вольфом и А. Даллесом был установлен тесный контакт, который положил «начало одной из самых крупных дипломатических диверсий, грозивших нарушить

единство антигитлеровской коалиции накануне победы». А. Даллес и английский фельдмаршал Г. Александер положительно относились к предложениям К. Вольфа относительно сепаратной капитуляции.

8 марта 1945 года А. Даллес принял К. Вольфа в Цюрихе. 19 марта представители англо-американского командования генерал-майор Лемнитцер (США) и генерал Т. Айри (Великобритания), прибывшие из штаб-квартиры Г. Александера в Аскону, обсуждали с К. Вольфом фактически уже технические вопросы капитуляции.

Западные державы надеялись ввести Советское правительство в заблуждение, пытаясь представить дело так, будто бы они лишь ведут зондаж о том, как же смотрят на свою судьбу Гитлер и его ближайшее окружение. На деле же они вели настоящие переговоры и фактически установили перемирие в Италии. Однако всем этим замыслам западных держав и гитлеровской клики не суждено было сбыться. В конце марта 1945 года Советское правительство решительно потребовало от союзников прекращения всяких сепаратных переговоров с представителями гитлеровской Германии, в результате чего переговоры с К. Вольфом были прерваны, а 9 апреля 1945 года англо-американские войска возобновили наступление.

20 апреля 1945 года, когда шли бои в Берлине, Геббельс в выступлении по радио настойчиво предлагает западным державам объединиться для совместной борьбы с коммунизмом.

Во время последней встречи с Бернадоттом в ночь с 23 на 24 апреля 1945 года в шведском консульстве в Любеке Гиммлер вновь говорил о стремлении капитулировать только на Западном фронте и объединиться с западными державами против СССР.

В конечном итоге провалились все попытки гитлеровской клики расколоть антигитлеровскую коалицию вопреки всем происках врагов Советского Союза, благодаря нашей тогдашней «легендарной и непобедимой» Красной Армии.

Проводя переговоры с союзниками в Тегеране и Ялте, Сталин не только обладал преимуществами, которые делали победу русского оружия несомненной, но и преимуществами эффективной работы советской разведки, сумевшей получить секретную информацию из высших эшелонов власти США и Великобритании и знавшей, о чем союзники пытаются договориться за спиной СССР и как плетутся паутины закулисной дипломатии Запада.

На Тегеранской конференции, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 года, советская делегация во главе со Сталиным столкнулась с антисоветским замыслом Запада: во-первых, как

можно дольше оттянуть открытие второго фронта и, во-вторых, начать свое наступление не на востоке, а на юге. Позиция Черчилля в этом вопросе заключалась в том, что противнику якобы можно нанести поражение серией военных операций с южного направления — в северной части Италии, на Балканах, в Румынии. На конференции Сталин потребовал от Черчилля назвать точную дату открытия второго фронта. Не получив вразумительного ответа, он поднялся с кресла и сказал Ворошилову и Молотову: «У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается…» Черчилль вынужден был назвать дату май 1944 года.

У союзников не было никаких сомнений в ближайшей победе над Германией. В связи с этим обсуждалась ее судьба после войны. Англо-американская сторона выступала за расчленение Германии на несколько государств — Пруссию, Баварию, Саксонию и др.

Однако Сталин не согласился с этим. «По-моему, — сказал он, — решение германской проблемы надо искать не на путях уничтожения Германского государства, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию, а на путях ее демилитаризации и демократизации, с непременной ликвидацией нацизма, вермахта и передачи преступных руководителей третьего рейха под суд народов».

На Ялтинской конференции вырабатывается порядок оккупации Германии. Она была разбита на четыре зоны. Наша зона вместе с частью Берлина была по территории самой большой.

Вот как на самом деле выглядел административно-территориальный состав зон оккупации Германии по данным предварительной переписи в ноябре 1945 года, не считая Берлина.

Советская зона.

Площадь ее равнялась 107 500 кв. км. Население составляло 18 559 000 человек. В состав зоны входили: Саксония, Тюрингия, Ангальт, Мекленбург, Бранденбург, Прусская Саксония, часть Западной Померании, Берлин.

Американская зона.

Площадь ее равнялась ИЗ 164 кв. км. Население составляло 15 722 000 человек. В состав зоны входили: Бавария (без района Линдау), северная часть Бадена с городом Карлсруе, северная часть Вюртемберга, Гессен, Гессен-Нассау (за исключением четырех западных районов).

Британская зона.

Площадь ее равнялась 98 826 кв. км. Население составляло 22 023 904 человека. В состав зоны входили: Ольденбург, Брауншвейг, Липпе, Шаумбург-Липпе, Шлезвиг-Гольштейн, Ганновер, Вестфалия, северная часть Рейнской провинции и города Гамбург и Бремен.

Французская зона.

Площадь ее равнялась 39 152 кв. км. Население составляло 5 959 818 человек. В состав зоны входили: Южная часть Рейнской провинции, Саарская область, западная часть земли Гессен, четыре западных района провинции Гессен-Нассау, южная часть земли Баден, южная часть земли Вюртемберг, Гогенцоллерновские земли и Баварский Пфальц.

Административное деление Берлина выглядело следующим образом.

Советский сектор.

Площадь — 40 281 кв. км. Население — 1 174 000 человек. В сектор входили районы: Центр, Пренцлауерберг, Фридрихсхайн, Трептов, Панков, Вейсензее, Лихтенберг, Копеник.

Американский сектор.

Площадь — 21 083 кв. км. Население — 980 000 человек. В сектор входили: Крайцберг, Нейкельн, Темпельгоф, Штеглиц, Шенеберг, Целендорф.

Британский сектор.

Площадь — 16 564 кв. км. Население — 606 000 человек. В сектор входили: Тиргартен, Вильмерсдорф, Шарлоттенбург, Шпандау.

Французский сектор.

Площадь — 11 078 кв. км. Население — 426 000 человек. В сектор входили: Веддинг, Райникендорф.

Источник: БСЭ, т. 5, с. 26.

Советская делегация представила тогда в Ялте и свой план по германским репарациям. Согласно ему, на немцев накладывалось обязательство выплатить 20 миллиардов долларов, из которых половину должна была получить Россия. Советская делегации при этом подчеркнула, что упомянутая сумма не в коей мере не покрывает размеров причиненного нашей стране ущерба. Репарации должны были выплачиваться не деньгами, а в натуральной форме — и путем вывоза целых промышленных предприятий, и путем ежегодных поставок промышленной продукции.

Советская делегация настаивала на предоставлении американских долгосрочных кредитов, которые, безусловно, были бы справедливой формой компенсации за тяготы войны, вынесенные Россией из-за задержки открытия второго фронта.

На Ялтинской конференции СССР принял на себя официальное обязательство начать военные действия против Японии не позже чем через три месяца после окончания войны в Европе. За это наша страна получила право восстановить права на все территории, которыми она обладала на Дальнем Востоке до навязанного ей в 1905 году договора с Японией.

Однако сразу же после смерти Ф. Рузвельта в апреле 1945 года новый президент США Трумэн отказывается от взвешенной и разумной внешней политики, предлагавшей учет новых реалий, рожденных победой над фашистской Германией, и переходит к политике грубого и наглого диктата в отношении нашей страны. Такую же позицию стал занимать и Черчилль.

День великой победы над Германией стал днем начала тайной, а затем и открытой холодной войны Запада против СССР.

9 мая 1945 года, когда миллионы москвичей ликовали по поводу победы, американский журналист Р. Паркер, прорвавшийся сквозь толпы москвичей в посольство США, внезапно столкнулся с главным советником посольства масоном Д. Кеннаном. «Он, — пишет Р. Паркер, — стоял у закрытого окна так, чтобы его не было видно, чуть отодвинув длинную портьеру. Он молча наблюдал за толпой ликующих людей, по праву гордившихся своей страной, армией и их вождем Сталиным. Я заметил на лице Кеннана странно-раздраженное выражение. Бросив последний взгляд на людей, он, отойдя от окна, злобно сказал: «Ликуют. Они думают, что война кончилась. А она еще только начинается!»

По плану «Барбаросса» война должна была закончиться до наступления зимы 1941/42 года… И вот теперь, в 1945 году, мы в Германии, чтобы никогда на этой земле не зародилась новая война. Что касается западных союзников по антигитлеровской коалиции, то они, еще до знаменитой речи Черчилля в Фултоне, а тем более после нее, вразрез с достигнутыми в Тегеране, Ялте и Потсдаме договоренностями, вели дело к восстановлению в своих зонах оккупации сил, вскормивших в свое время нацистов. Ускорению этого процесса во многом содействовало провозглашение «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла».

Еще 16 апреля 1945 года, в последние дни войны, ряд американских газет опубликовали полученное из конфиденциальных источников сообщение, что днем раньше «группа членов американского правительства приняла решение после войны превратить Германию в оплот против России». Одним из руководителей этой группы был банкир Дж. Ф. Даллес, который позже проводил этот курс, занимая пост государственного секретаря в правительства США.

В то время как Советский Союз был занят реализацией четырехсторонних решений, западные державы все более открыто становились на путь их саботажа и даже прямого срыва. Уже в конце сентября — начале октября 1945 года главе американской делегации на первой сессии Совета министров иностранных дел четырех держав в Лондоне было дано указание не искать достижения договоренностей с Советским Союзом, а в январе 1946 года президент США Г. Трумэн, чья подпись стоит под принятыми на Потсдамской конференции документами, писал своему государственному секретарю, что «русским нужно показывать железный кулак и говорить сильным языком». И далее: «Мы не должны идти теперь ни на какие компромиссы». Позже выяснилось, что уже в то время в американских правящих кругах вынашивались планы войны с СССР с использованием атомного оружия и что планы эти все более связывались с возрождением германского империализма. Бывший заместитель госсекретаря США С. Уэллес откровенно писал летом 1945 года о желании влиятельных кругов Англии «усилить ныне разгромленную Германию в качестве будущего буфера против слишком могущественного Советского Союза». «Германия с ее возможностями, — говорил Дж. Ф. Даллес в 1946 году, — представляет, наряду с атомной бомбой, огромную силу, и ее ни в коем случае нельзя выпускать из своих рук».

Американская газета «Дейли ньюс» уже в 1955 году писала: «Для нас стало ясно уже через несколько месяцев войны, что лучшей ставкой Запада против угрозы некоммунистической Европе со стороны Советской России является всемерное поощрение вооружения Западной Германии… Немцы прорвались к воротам Москвы и, наверное, уничтожили бы коммунизм в его родной почве, если бы Адольф Гитлер не был бы таким идиотом…» Американская реакция, как видно, явно сожалела о крахе гитлеровцев и не отказалась от мысли вновь толкнуть немцев против СССР. Большую роль при этом должна была сыграть «охота на ведьм» — преследование прокоммунистически настроенной части населения, как это приказал сделать еще кайзер Вильгельм II перед началом Первой мировой войны. Он говорил: «Сперва перестрелять социалистов, обезглавить и сделать их неопасными, если нужно, то путем кровавой бойни, и после этого — внешняя война. Но не ранее…»

Возрождался культ армии и вообще грубой силы как лучшего средства решения стоящих перед Германией проблем. Прусский милитаризм, идеология которого стала основой и в новой пропагандистской капании, отличался особой реакционностью, агрессивностью, обусловленной историческими условиями его

возникновения и развития, в первую очередь легкими победами прусских войск в 1864 году над Данией, в 1866 году над Австрией, в 1871 году — над Францией. Центральное место в этой идеологии занимала теория, согласно которой немцы являлись «высшей расой», призванной в силу своего превосходства господствовать над другими народами. Эта теория не однажды помогла сконцентрировать потенциал нации на одной идее, добиться больших успехов в беспощадной борьбе с ближними и дальними соседями по Земле, но каждый раз оказывалось, что эта расовая теория и есть тот самый «колосс на глиняных ногах».

И вот — новая попытка… Западногерманские политические деятели довольно рано встали на путь милитаризации страны, но делали это сперва скрытно. В первое время руководители западных держав не могли просто отвергнуть потсдамские соглашения. Ряд положений этих решений под давлением мирового общественного мнения стал выполняться. Было объявлено об аресте некоторых военных преступников. На отдельных предприятиях начался демонтаж оборудования и отправка части его, в соответствии с соглашениями, в распоряжение Советского Союза. Начиналось взимание репараций в пользу СССР и других заинтересованных государств. Было распущено большое количество соединений, частей, штабов и учреждений вермахта.

Но делалось все это нашими союзниками чрезвычайно медленно, с явной надеждой на поворот событий совсем в другое направление…

Из речи У. Черчилля 23 ноября 1954 года на предвыборном митинге в Вудфорде мы узнали, что еще в конце войны он приказал командующему британскими войсками в Европе собирать и складировать немецкое оружие. Фельдмаршал Монтгомери на следующий день публично подтвердил факт получения им перед окончанием войны телеграммы, упомянутой Черчиллем. «Это действительно правда, — заявил он. — Я получил эту телеграмму от Черчилля. Я подчинился приказу. Как солдат, я всегда подчиняюсь приказу». Вскоре он вторично подтвердил, что получил от Черчилля телеграмму, «призывающую быть готовым к совместным действиям с побежденными немецкими войсками в случае дальнейшего продвижения русских». Но эта телеграмма — тоже не экспромт Черчилля, а часть определенной политики. Уже в 1942–1943 годах в американских и английских лагерях для немецких военнопленных проводилась интенсивная работа по отбору и подготовке лиц, на которых американское правительство

намеревалось опираться при реализации своих планов. Представитель военного министерства США полковник Винлокк заявил 27 июля 1943 года на совещании американских комендантов лагерей для немецких военнопленных: «На нас возложена задача подготовить из немцев кадры, которые могли бы быть использованы для укрепления престижа Америки и проведения политики в самой Германии после оккупации ее союзниками. Мы должны отбирать такие кадры из числа немцев, невзирая на то, фашисты они или не фашисты… Вообще надо изжить из нашего лексикона термины «фашист», «наци». Помните, что для нас, для будущей Европы, непопулярные до сих пор национал-социалисты могут быть и будут полезней и удобней разных антифашистов и демократов… В Германии и Европе мы, американцы, будем устанавливать порядок, а для этого нам нужны многочисленные и близкие нам по духу военные кадры».

В ноябре 1945 года в Контрольный совет был внесен советский меморандум, в котором отмечалось, что в английской зоне «до настоящего времени существует германская армейская группировка «Мюллер», переименованная в октябре с. г. в армейскую группировку «Норд». Эта армейская группировка имеет полевое управление и штаб. Штаб армейской группировки включает оперативный отдел, отдел обер-квартирмейстера, интендантский отдел, отдел офицерского состава, отдел автотранспортный, санслужбу. Армейская группа «Норд» имеет сухопутные, воздушные и противовоздушные соединения и части. Она включает в себя корпусные группы: а) «Штокхаузен», б) «Витхов», численностью свыше ста тысяч человек личного состава каждая». В меморандуме указывалось также, что в Западной Германии были незаконно созданы немецкие военные округа, окружные и местные немецкие военные комендатуры. Помимо этого, нераспущенными продолжали оставаться военно-воздушные части, подразделения и части войск связи, танковые и военно-морских сил. Далее в меморандуме констатировалось, что, «кроме указанных немецких соединений, частей и служб в провинции Шлезвиг-Гольштейн находится около миллиона немецких солдат и офицеров, не переведенных на положение военнопленных, но проводящих занятия по военной подготовке».

Даже в марте 1947 года представителям Советского правительства вновь пришлось указывать, что «в распоряжении английского и американского командующих оккупационными силами продолжают оставаться нераспущенными немецкие воинские части и службы, ранее принадлежавшие составу сухопутных сил, военно-воздушному и военно-морскому флотам Германии. Эти так называемые «части обслуживания» сохраняют

военную организацию, причем ими командуют немецкие офицеры, пользующиеся дисциплинарными правами, что способствует сохранению кадров германской армии». По официальным отчетам английского и американского командований, на 1 января 1947 года численность немецких частей, сохранившихся как обслуживающие команды и службы, составляла: в распоряжении английского командования — 81 358 человек и в распоряжении американского командования — около 9000 человек. Многие унтер-офицеры и солдаты гитлеровского вермахта были включены в качестве «вспомогательного персонала» в оккупационные войска.

Руководители западных держав всячески старались сохранить не только личный состав гитлеровских войск, но и высшие штабы и учреждения Германии. Они отказались на Нюрнбергском процессе в 1946 году объявить преступными организациями генеральный штаб и верховное командование гитлеровской армии. Американо-английские власти спасли немало бывших гитлеровских генералов и офицеров от суда и сурового наказания за совершенные ими военные преступления.

Одной из форм сохранения высшего генералитета было создание в июне 1946 года «немецкой группы немецкой секции исторического отдела верховного командования сухопутных сил США в Европе», куда были включены сотни бывших генералов и высших офицеров вермахта. Они засели за обобщение опыта войны и разработку планов создания новых вооруженных сил — орудия германского империализма…

В июне 1948 года в Западной Германии и в Западном Берлине была проведена сепаратная денежная реформа — еще один шаг на пути раскола Германии. В том же месяце по вине американской стороны прекратила свою деятельность Союзная комендатура Берлина. Подоплека этих мероприятий, по нашим представлениям, была ясна: западные державы попытались дезорганизовать экономику и возбудить панику в Восточной Германии.

Как обычно у нас бывает, опять «внезапность», хотя об этом нужно было думать, да и наша разведка обязана знать возможные ходы противника. Стремясь предотвратить последствия финансовой диверсии западных держав, так как хлынул поток теперь ненужных денежных знаков в нашу зону, СВАГ ввела ряд временных ограничений на товаро-пассажирские перевозки между Западным Берлином и Западной Германией. Был запрещен ввоз в советскую зону и в район Большого Берлина западногерманских денежных знаков. Новых денежных знаков для советской зоны не было, и тогда на старые деньги, которые

выдавались на работе, наклеивались специальные ярлычки. Я в то время находился на пограничном пункте в Мариенборне. Туда прибыло начальство и приказало нам немедленно перекрыть железную дорогу для воинских эшелонов бывших союзных стран, которые направлялись в Западный Берлин. Действовать решили так: эшелон останавливается, я должен буду передать требование их начальнику, что наши таможенники будут проверять их вагоны — нет ли в вагонах мешков со старыми деньгами и немцев, которых, мол, они везут нелегально в Берлин. В случае отказа досмотра — мы должны были вернуть эшелон обратно в Гельмштедт (английская зона).

Помню такой случай. Из Гельмштедта приближается английский эшелон, который ранее проходил через Мариенборн не останавливаясь. Перед ним вдруг зажигается красный свет. Эшелон останавливается. Я предъявляю вышеуказанные требования начальнику — английскому лейтенанту. Тот отказывается и идет докладывать вышестоящему начальству. Выходит из вагона бригадный генерал. Я его приветствую и повторяю по-английски то, что сказал лейтенанту. Генерал отвечает, что это произвол, нарушение соглашений и т. п. И тут я использую уже свои «дипломатические» способности, а вы, мол, разве не нарушили предыдущие соглашения? Генерал ссылается на то, что денежная реформа — это дело немцев и к союзникам не может быть претензий. Мы вместе с генералом прохаживаемся по пустынному перрону. Из вагонов на нас направлены фотоаппараты — запечатлевают исторический момент. В конце концов генерал говорит мне, улыбаясь, ибо хорошо понимает, что не может такую самостоятельность проявлять какой-то лейтенант:

— Да, вы такой же упрямец, как и Молотов!

— Сэр! Господин генерал! Молотов — министр иностранных дел, а я только солдат. Солдат есть солдат.

И вот уже паровоз задним ходом толкает эшелон снова в английскую зону. Этому событию было посвящено много внимания в западной прессе, где появились снимки и статьи. В газетах красочно описывалось, как русский лейтенант требовал от англичан разрешения на проверку вагонов и как бесцеремонно закрыли русские границу.

Через пару дней подобная процедура была проведена и на автостраде. Здесь я заявлял всем водителям и офицерам трех западных держав, что впереди на автостраде вышел из строя мост. На их возражения, что вот же из Берлина идет автотранспорт, я отвечал, что вышла из строя полоса, что идет на Берлин, а обратно функционирует. И смех и грех — все понимали, о чем идет речь, но я говорил: приказ есть приказ. На вопросы, а почему

немцы проезжают в Берлин, я отвечал, что для них организован объезд. Тогда «союзники» задавали вопрос, а почему и их нельзя пустить в объезд. Тут же следовал мой ответ: «В соглашениях, подписанных между сторонами, вы не имеете права съезжать с автострады. А соглашения, сами понимаете, как закон, нужно выполнять буквально. Когда было остановлено движение по железным дорогам и автострадам, союзники организовали так называемый «воздушный мост» в блокированный Западный Берлин. Нужно отдать должное: союзники весьма успешно перебрасывали грузы в обе стороны на военнотранспортных самолетах. Однако экономическое положение самых широких слоев населения Западного Берлина резко ухудшилось. Ситуация становилась угрожающей. В течение июля и августа положение в городе и на международной арене обострилось до предела. 17 августа 1948 года западноберлинская газета «Социал-демократ» напечатала зловещую фразу: «Берлин стоит войны».

В сентябре того же года часть депутатов берлинского городского собрания (по указке западных оккупационных властей) перенесла заседания в английский сектор, и таким образом было разрушено единое городское представительство. В декабре с одобрения тех же властей в Западном Берлине были проведены сепаратные выборы в городской парламент и была создана особая западноберлинская администрация. Но, несмотря на громадную напряженность, военного столкновения не произошло. Напомню читателю, что в это время в распоряжении Советского Союза были уже и реактивные самолеты. Благодаря настойчивым усилиям прогрессивной общественности всего мира стало возможным соглашение об урегулировании ряда вопросов по Берлину и снятии транспортных ограничений, а 12 мая 1949 года возникший «берлинский кризис» был в основном преодолен.

Дж. Ф. Даллес, будущий госсекретарь США, высказался об этом так: «Ситуацию в Берлине можно было бы разрядить в любое время… Однако нынешнее положение очень выгодно для США с точки зрения пропаганды. Мы завоевываем славу спасителей населения Берлина от голодной смерти, а вся вина ложится на русских, принявших заградительные меры».

29 мая 1949 года вступила в силу в Западной Германии конституция, а государство получило наименование Федеративная Республика Германия. Затем в августе были проведены выборы в бундестаг. 20 сентября правительство во главе с К. Аденауэром приступило к своим обязанностям. Подготавливавшийся длительное время западными оккупационными державами раскол Германии стал совершившимся фактом.

Вопреки решениям Потсдамской конференции, США, Великобритания и Франция на основе своих оккупационных зон создают сепаратное Германское государство — ФРГ, ориентированное на противостояние с Советским Союзом. Как справедливо отмечал министр иностранных дел А. А. Громыко: «Германия расчленена не с востока, а с запада». При поддержке ведущих западных стран, под наблюдением которых осуществлялась разработка Конституции ФРГ, в нее включили статью 116, гласившую, что «немцем является каждый, кто имеет немецкое подданство, а также беженец, равно как и изгнанный немецкого происхождения… нашедший приют на территории германского рейха по состоянию на 31 декабря 1937 года»…

Спустя много лет мне стала известна суть операции, в которой довелось лично участвовать. «Берлинский кризис» по замыслу И. В. Сталина, был как ответная реакция на действия Запада. Вот что пишет об этом генерал-лейтенант НКВД П. А. Судоплатов, один из руководителей разведки органов безопасности, занимавшийся тайными операциями за рубежом, включая ядерный шпионаж, в своей книге «Разведка и Кремль»: «Когда началась «холодная война», Сталин твердо проводил линию на конфронтацию с США. Он знал, что угроза американского ядерного нападения до конца 40-х годов была маловероятна. По нашим данным, только к 1955 году США и Англия должны были создать запасы ядерного оружия, достаточные для уничтожения Советского Союза.

Информация Фукса и Маклина сыграла большую роль в стратегическом решении советского руководства поддержать китайских коммунистов в гражданской войне в 1947–1948 годах. Мы располагали данными, что президент Трумэн рассматривает возможность применения атомного оружия, чтобы не допустить победы коммунистов в Китае. Тогда Сталин сознательно пошел на обострение обстановки в Германии, и в 1948 году возник берлинский кризис. В западной печати появились сообщения, что президент Трумэн и премьер Англии Этли готовы применить атомное оружие, чтобы не допустить перехода Западного Берлина под контроль СССР. Однако мы знали, что у американцев не было нужного количества атомных бомб, чтобы противостоять нам одновременно в Германии и на Дальнем Востоке, где решалась судьба гражданской войны в Китае. Американское руководство переоценило нашу угрозу в Германии и упустило возможность использовать свой ядерный арсенал для поддержки китайских националистов… Для Сталина победа коммунистов в Китае означала громадную поддержку его линии в противоборстве с США. Я хорошо помню, что стратегия Сталина сводилась к

созданию опорной оси СССР — Китай в противостоянии западному миру.

В августе 1949 года мы испытали свою первую атомную бомбу. Это событие подвело итог невероятным напряженным семилетним трудам. Сообщения об этом в нашей печати не появилось — мы опасались превентивного ядерного удара США. По крайней мере, так мне говорил помощник Берия по атомным вопросам генерал Сазыкин. Поэтому сообщение об этом в американской печати 25 сентября 1949 года вызвало шок у Сталина, руководства атомным проектом и в особенности у отвечавших за обеспечение секретности атомных разработок. Но первая реакция — американской агентуре удалось получить данные о проведенном испытании. Если мы проникли в Манхэттенский проект, то нельзя исключать аналогичные действия американской разведки. Ко всеобщему облегчению, примерно через неделю наши ученые сообщили, что научные приборы, установленные на самолетах, при регулярном заборе проб воздуха могут обнаружить следы атомного облака в атмосфере. Объяснения ученых позволили органам безопасности избежать обвинения в том, что американской разведке удалось внедрить своего агента в круги создателей отечественного атомного оружия…»

Словом, при всем драматизме ситуации мы радовались тому, что американцам уже не так просто будет нас шантажировать. И это была еще одна выдающаяся победа советского строя и конечно же И. В. Сталина, для которого честь государства, его интересы, безопасность народа не были пустыми словами.

И вот уже тогда, почти сразу же после окончания войны, бывшие наши союзники, солдат я конечно же не имею в виду, начали оказывать всяческую поддержку врагу, которому еще вчера противостояли на огневых рубежах, рискуя быть искалеченными или вовсе убитыми.

В формировании новых отношений между советским и немецким народами была поддержка Советским Союзом демократических сил Германии в Контрольном совете, на заседаниях Совета министров иностранных дел СССР, Англии и Франции, на многих международных конференциях. В 1946–1949 годах СССР неоднократно выступал с предложениями о выработке мирного договора с единым демократическим Германским государством, который должен был содержать необходимые положения о том, чтобы никогда больше с немецкой земли не была развязана новая война или не исходила опасность таковой для народов Европы. В марте — апреле 1947 года на московской сессии Совета министров иностранных дел союзников СССР

выступил за безотлагательное образование центральных немецких административных департаментов и разработку демократической конституции представителями демократических партий, профсоюзов, других антифашистских организаций и правительств немецких земель (ландтагов). Что касается западных союзников, то они, несмотря на договоренности в Тегеране, Ялте и Потсдаме, вели дело к восстановлению в своих зонах оккупации господства тех же сил, которые в свое время вскормили нацистов. Этому способствали провозглашение «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла». Все это было составной частью их нового «жесткого курса» по отношению к СССР. За пять послевоенных лет состоялось шесть сессий Совета министров иностранных дел, на которых обсуждалась германская проблема. СССР шел на эти переговоры с западными державами с целью создания миролюбивой, демократической Германии и мирного урегулирования с ней. Но партнеры, соглашаясь на словах с нашей делегацией по многим вопросам, на деле вынашивали свои тайные замыслы и под прикрытием переговоров делали свое дело по осуществлению планов раскола страны и включения западных зон в свои союзы и приготовления войны против СССР. Все их разговоры о демилитаризации, денацификации и демократизации Германии носили отвлекающий характер и преследовали на самом деле одну цель — возрождение Германии, как форпоста против наступления «коммунизма».

В декабре 1946 года правительства США и Великобритании приняли решение о создании так называемой объединенной зоны (Бизоний), что стало фактически первым практическим шагом к расчленению Германии. На Лондонском сепаратном совещании в 1948 году был зафиксирован факт присоединения французской зоны оккупации к Бизонию, переименованной в связи с этим в так называемую Тризонию. Так по вине, вернее было бы сказать, по злому умыслу западных держав прекратил свое существование союзный Контрольный совет. Это было не что иное, как начало возрождения на развалинах «третьего рейха» будущей милитаристской Германии со всеми вытекающими отсюда последствиями. История опять ничему не научила западную демократию. Те крокодиловы слезы, которые ее поборники и сегодня еще нет-нет да прольют по миллионам убитых в той страшной войне, видимо, не что иное, как «плач» фарисеев.

Стремление «цивилизованной» Европы держать кордон против России было в ту пору (да и сегодня) настолько велико, что они сразу же после разгрома Германии встали на путь ее возрождения, как ударной силы против нас. Помню, как один мой коллега-переводчик, работавший во время процесса над главными

военными преступниками, рассказывал мне такую историю. Как-то в один из дней в Нюрнберг из-под Кельна приехал повидать отца сын фельдмаршала Паулюса Эрнст Александер, бывший майор вермахта. На постоялом дворе в деревне под Нюрнбергом тот не отказался от беседы с московским журналистом. Вел он себя, надо сказать, самоуверенно, и хотя говорил с большой долей амбиции, слова его, как покажет время, окажутся пророческими. Вот что, по сохранившимся записям автора, он утверждал: «Да, Германия сейчас в слезах, но придет время, и мы, побежденные, еще станем потешаться над вами, победителями. Помните, что завещал великий Шиллер: «Даже на могилах пробиваются яркие ростки надежды…» И далее: «Вы слишком гордитесь своей победой. Но скоро все вы, и русские, и ваши союзники, разинете рты от изумления, когда избитая Германия поднимется с корточек, на которые вы ее поставили… Так уже было! Было после Версальского мира, так будет и после Потсдамского…»

Односторонние действия «союзников» в обход подписанных соглашений, естественно, отражались негативно практически на всех сторонах совместной контрольной работы, и в частности по охране демаркационной линии между зонами. Но какие бы сложности не создавали в наших взаимоотношениях политики, на человеческом уровне эти отношения между многими военными были добрыми. Мы продолжали общаться, узнавать друг друга. Словом, общение нас не тяготило. Подтверждением этому может служить мой рассказ о нескольких встречах во время работы в Берлине в Контрольном совете.

Однажды в комнате операторов ко мне подошел красивый статный французский офицер и представился:

— Старший лейтенант Чернов.

Я назвал свою фамилию. Он, видя мое недоумение, сказал:

— Не удивляйтесь, во Франции проживает свыше ста тысяч русских, и мы не забываем язык наших предков. Я родился во Франции в тысяча девятьсот двадцать втором году, мой отец был министром Временного правительства.

Затем он рассказал мне о русской эмиграции во Франции, о том, что многие помогали нашим соотечественникам, попавшим в немецкую неволю, и с оружием в руках сражались против общего врага, и он в том числе. Я от него впервые услышал, что генерал Деникин призвал русских эмигрантов не воевать против своей страны, хотя ей и руководили коммунисты.

— Мы государственники и гордимся, что Россия победила в войне. Весь мир знает об огромном вкладе русских в борьбу со злейшим врагом — нацизмом! сказал Чернов.

Мы — крестьянский сын и сын министра Временного правительства одинаково законно годились своей Родиной!

Один английский летчик-истребитель рассказывал мне, как он и его друзья сражались против немцев, защищая от воздушных налетов Англию, о борьбе с самолетами-снарядами «ФАУ-1» и ракетами «ФАУ-2». Затем поделился жизненными планами: скоро выходит в отставку в связи с сокращением армии и думает с товарищем создать маленькую фирму для перевозки пассажиров через Ла-Манш. Маленькая фирма — десять маленьких самолетов — и огромная конкуренция… Окупятся ли затраты? Тогда я ничего не мог ему посоветовать в силу полного незнания рыночных отношений, только посочувствовал.

А один француз рассказал, как он с восхищением следил за борьбой нашего народа в войне, а затем и сам принимал участие в партизанском движении во Франции.

Был и такой случай. Я шел как-то по длинному и пустынному коридору здания Контрольного совета, а навстречу мне — высокий, стройный, крепко сбитый американец, и когда мы поравнялись, сказал по-русски:

— Здравствуйте, лейтенант. Как самочувствие?

— Отличное!

— Разрешите познакомиться: лейтенант Кочерга.

— Тоже эмигрант? — спрашиваю.

— Сам — нет. Родился в США, а вот мои дедушка и бабушка уехали с Полтавщины после революции тысяча девятьсот пятого года.

Мы очень дружески побеседовали, и он рассказал мне о своих родителях и земляках, бережно хранящих традиции украинского народа.

Старшим контролером в Центре воздушной безопасности с нашей стороны был капитан Виктор Максимов (о нем выше я уже упоминал в связи с провокацией, устроенной моими «доброжелателями»). В войну он был стрелком-радистом бомбардировщика, затем служил на американской базе в Полтаве. Он знал английский язык, а его родной брат — полковник — в то время занимал должность военно-воздушного атташе при нашем посольстве в Вашингтоне. Виктор был человеком решительным и чувствовал себя среди американцев как рыба в воде.

К нам в Центр воздушной безопасности часто заглядывал американский майор русского происхождения Лавров. Он был тогда в возрасте лет под 60, глаза бегали, выражение лица было всегда суровым и злым. Американцы нас доверительно предупреждали, чтобы мы с ним не общались, так как он служит в

разведке, а в период Гражданской войны на Украине служил в контрразведке белой армии. Максимов с ним довольно резко и официально разговаривал по-английски, а иногда и по-русски.

Однажды я сидел один в комнате и переводил какую-то статью. И вдруг в комнату зашел Лавров. Он поздоровался со мной и начал задавать вопросы о жизни в нашей стране, о городах, о том, где я воевал и т. п. Но я уже понимал, что нужно «меньше болтать», и отвечал ему односложно. И тут зашел в комнату Максимов и сразу перешел на крепкий «дипломатический» язык:

— Лавров! Я тебя уже много раз предупреждал, чтобы ты не ввязывался в разговоры с моими подчиненными. Тебе все неймется, белогвардейцу. Мало вас крошили в Гражданскую. Времена-то изменились. Что ты все вынюхиваешь… (слова-связки опущены. — Авт.).

— Виктор, ну зачем ты так? Я ведь пришел к тебе, а тебя не было в кабинете. Вот и зашел сюда, — оправдывался «русский американец». Ребята, которым я рассказал об этом случае, и факт, и содержание «дипломатической ноты» капитана Максимова одобрили. С такими, как Лавров, иначе нельзя: не понимают…

Глава 5
Строительство социализма в ГДР

В апреле 1949 года был создан военный блок НАТО для объединения сил капиталистических государств Западной Европы под руководством США, направленный против социализма, где главным их врагом считался СССР. Главная ставка созданного западного союза делалась на возрождение германского империализма. Этого американцы не скрывали.

«Создание НАТО предусматривало, — как позже признавался федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр в своих воспоминаниях, — и членство будущей немецкой федеративной республики».

В восточной зоне 7 октября 1949 года избранный немецким народным конгрессом немецкий народный совет, собравшийся на заседание, был преобразован во временную народную палату Германской Демократической Республики, и тем самым была провозглашена ГДР. 10 октября была упразднена Советская военная администрация в Германии. Вместо СВАГ была учреждена Советская контрольная комиссия (СНК), задача которой состояла в том, чтобы осуществлять контроль за выполнением потсдамских и других совместных решений четырех держав в отношении Германии. Президентом ГДР был избран Вильгельм Пик, а председателем правительства — Отто Гротеволь. 13 октября Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин направил Вильгельму Пику и Отто Гротеволю следующее послание: «Разрешите приветствовать Вас и в Вашем лице германский народ с образованием Германской Демократической Республики… Образование ГДР является поворотным пунктом в истории Европы… Опыт последней войны показал, что наибольшие жертвы в этой войне понесли германский и советский народы, что эти два народа обладают наибольшими потенциалами в Европе для совершения больших акций мирового значения. Если эти два народа проявят решимость бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным…»

15 октября 1949 года Советское правительство приняло решение об обмене дипломатическими миссиями. Думающие офицеры, служившие в Группе войск, оценивали обстановку так: новую войну американцы и их союзники начать не могут, ибо еще свежи в памяти прошедшая война и мужество советского солдата, перед которым нет преград. И еще. Будущий реальный союзник

США и стран НАТО — немцы еще не пришли в себя от сокрушительного поражения. Так оно виделось и в действительности.

Ранее все важные указания по принципиальным проблемам и вопросам военный совет СВАГ получал только от Политбюро ЦК ВКП(б), Совета Народных Комиссаров СССР, Главного политического управления Красной Армии и лично Сталина. Коренные реформы внутренней жизни в Германии намечали и осуществляли представлявшие немецкий народ антифашистско-демократические организации и органы немецкого управления. Непосредственно в советской зоне оккупации была широко развернута разъяснительная работа среди немецкого населения о целях пребывания наших войск, их интернациональной миссии. Этим занималось управление пропаганды СВАГ, которое возглавлял полковник С. И. Тюльпанов. Отделения этого управления действовали на местах в постоянном контакте с антифашистскими партиями и органами самоуправления.

В войсках действовали седьмые отделения политотделов армий (спецпропаганды), которые были укомплектованы офицерами, знающими немецкий язык.

В нашей зоне осуществлялись четыре «Д»: денацификация, демилитаризация, декартелизация и демократизация. Лично сам Сталин еще добавил: «Нужно под корень подрубить экономическую основу власти германского крупного капитала…» Мне часто приходилось выезжать с офицерами Военно-воздушного отдела в различные города Тюрингии, Мекленбурга, Саксонии и там встречаться с интересными людьми: антифашистами, бывшими узниками нацистских концентрационных лагерей, подпольщиками, а также людьми многих национальностей, угнанными в свое время немцами в Германию, выслушивать удивительные истории, часто неправдоподобные, но так было, было…

В то время мне пришлось побывать и в городе Грайфевальде, который оказался неразрушенным. Офицеры из городской комендатуры рассказали о том, что немецкий военный комендант города полковник Рудольф Петерсгаген, понимая бессмысленность сопротивления и желая спасти древний университетский город и его жителей от ужасов войны, решил безоговорочно капитулировать. Без единого выстрела, без единой человеческой жертвы этот древний город вышел из войны…

А теперь начинался новый этап в жизни немцев. Образование ГДР, первого в германской истории государства рабочих и крестьян, явилось важным событием в их жизни, поворотным пунктом в истории Европы.

Наши пропагандисты утверждали, что ГДР стала знаменосцем, «цитаделью свободного народа, в борьбе против западногерманского империализма и реваншизма», провозгласив своей высшей целью мир и дружбу между народами и заявив о своей решимости неуклонно следовать Потсдамскому соглашению.

Таким образом, Германия перестала существовать как единое целое и фактически и юридически. Теперь вместо Германии были два государства — ГДР и ФРГ, развивавшиеся в совершенно противоположных направлениях.

Внутри одного из этих государств — Германской Демократической Республики постепенно складывается из западной части Берлина, незаконно отторгнутой западными державами от окружающей территории, особое образование, получившее название «Западный Берлин».

Существование на немецкой земле двух отдельных государств и особого образования Западный Берлин стало одной из характерных особенностей всего последующего развития в центре Европы, составным элементом сложившегося в послевоенный период территориального статус-кво на Европейском континенте.

Годы после раскола Германии и образования на немецкой земле двух отдельных государств характеризуются, с одной стороны, неуклонным ростом связей ГДР с социализмом, с другой — открытым провозглашением США политики «отбрасывания коммунизма», переходом к перевооружению ФРГ, прямому включению этого государства в военно-политические группировки Запада и усилением подготовки войны против социалистических стран. Особая роль в этих агрессивных планах отводилась Западному Берлину, который продолжал находиться под оккупацией США, Англии и Франции.

За то время как ГДР пошла по пути строительства социализма, в западной части Берлина были сохранены капиталистические порядки. Там насаждалась сильно урезанная система буржуазного парламентаризма в качестве простого придатка и послушного орудия оккупационных властей.

При островном положении, которое занимал Западный Берлин, он мог надежно обеспечить свое будущее только на путях мирного развития и нормализации отношений со своим окружением. Однако США и их союзники придерживались иной точки зрения. Они считали, что специфика положения Западного Берлина как нельзя лучше подходит для совершенно других целей.

Западный Берлин выдвинут почти на 200 километров за пределы восточных рубежей Запада, в глубь содружества

социалистических стран и находится в самом центре ГДР, которая с первых же дней своего существования стала объектом ожесточенных атак. До 13 августа 1961 г. (сооружение Берлинской стены) он являлся также единственным местом на стыке двух миров, двух противоположных социально-экономических систем, где практически существовало свободное передвижение на границе.

Эти особенности положения Западного Берлина давали возможность иметь «чрезвычайно выгодную наблюдательную вышку в глубоком тылу противника», развернуть отсюда широкую подрывную деятельность против социалистических стран и использовать его, когда потребуется, для создания очага международной напряженности и нагнетания военного психоза.

На Западе открыто писали, что нужно превратить Западный Берлин в «предмостное укрепление», в «трамплин для прыжка в Восточную Европу». Западные сектора Берлина стали важным опорным пунктом враждебной деятельности против социалистических стран. А затем позже, с усилением агрессивности западных держав и ремилитаризацией ФРГ, роль Западного Берлина как антикоммунистического форпоста возрастает еще больше.

Усилиями западных держав и ФРГ Западный Берлин превращается в крупнейший центр клеветнической пропаганды и «психологической войны» против Советского Союза, ГДР и других социалистических стран. В Западный Берлин вагонами завозили низкопробную бульварную литературу, всевозможные милитаристские и антикоммунистические издания, которые затем переправлялись в ГДР. Значительная часть такой продукции изготовлялась непосредственно и в самом Западном Берлине. Отсюда же в широких масштабах был организован запуск воздушных шаров с провокационными листовками, в которых содержались прямые призывы к свержению существующего строя в странах социализма…

Я вспоминаю давнюю фронтовую жизнь, листовки, которые летчики разбрасывали над окопами противника. Начало 1942 года. Донбасс. Наш 446-й истребительный полк, где я был оружейником, тогда базировался у села Гречишкино. На КП нашего полка прибыла полуторка. Из нее вышел капитан в общевойсковой форме. Командир нашего полка майор Сударикoв, видимо, знал о его приезде и потому сразу сказал:

— Почти все летчики здесь, ждем задания на вылет. Поэтому чего время терять? Расскажите, объясните летчикам, что им надо сделать.

Однако капитан начал издалека. Он говорил о том, как

благодарны нам за помощь наземные войска, что среди сбитых и попавших в плен немецких летчиков далеко не все асы, наглости у них поубавилось. Наконец капитан перешел к главному:

— Я из того отдела, что занимается спецпропагандой, адресованной противнику. Перебежчиков с его стороны еще очень мало. Но радиопередачи наши они слушают, листовки читают. Листовки сбрасывают в основном с бомбардировщиков, которые летают в глубину обороны немцев, но ведь на переднем крае войск не меньше. Поэтому просим разбросать привезенные мною листовки вблизи линии фронта!

— Так мы же истребители, — с обидой сказал замкомэска Плотников, — в кабину только одна пачка и поместится, да и ее на коленях придется держать. Да и кроме того… Я уже раз разбрасывал такие листовки, так немцы по мне лупили как никогда.

— Вот вы и подтвердили мою правоту. Раз немцы лупили по вас как никогда, значит, они здорово боятся нашей агитации. Так что не впустую делается эта работа!

Пачки листовок сгрузили на КП, капитан уехал. Я выудил одну листовку из пачки, начал читать, усмехнулся про себя. Из-за моего плеча в листовку заглянул летчик Шумов.

— Литвин, да ты по-немецки читаешь? Переведи-ка, что там написано.

— Да тут просто анекдот…

— Тем более давай! Давненько новых не слышали!

Начал я переводить. Смысл примерно такой: в Кельнском цирке выступал известный артист. Выходит он на сцену, а с ним — свиньи. Впереди — толстый боров, потом — свинья, следом — поросята. Артист начинает их представлять: мол, боров — глава семьи — герр Манн (перевожу и заодно объясняю: «герр» это господин, «манн» — человек, а вместе получается имя Герман), а за ним фрау Эмма (намек на жену Германа Геринга), а за ней идут «швайнерай», что означает «свинство». Уже на следующий день этого номера в программе не было, а куда делся артист — неизвестно.

Хохотали все дружно, хотя юмор этот назвать изысканным и тонким было трудно. А кто-то уже подсовывал листовку, вытащенную из другой пачки: мол, давай дальше.

Продолжаю. На базаре в Гамбурге продавал один торговец селедку, по-немецки «херинг» (объясняю слушателям игру слов: «херинг» — селедка, а Геринг — Герман Геринг. Слова пишутся по-разному, а произносятся почти одинаково). Продавец расхваливает свой товар, а покупателей все нет. Тогда он стал кричать: «Фет хёринг, зо ви Гёринг», то есть селедка такая же

жирная, как Геринг! Торговля сразу пошла бойко, но появился полицейский и потащил продавца в кутузку. Однако через две недели его выпустили, потому что тот объяснил, что имел в виду не рейхсмаршала, а продавца-соседа, по фамилии тоже Геринг. Снова пришел продавец на рынок, покупатели узнавали его, посмеивались, но торговля шла слабо. Тогда торговец стал кричать: «Селедка такая же жирная, как и две недели назад!» И снова торговля пошла бойко. Но как долго она продлится, мы не знаем.

Почти уверен, что современный читатель, прочитав эти, мягко говоря, незамысловатые анекдоты, пожмет плечами: и это листовки, мощное идеологическое оружие? И чтобы сбросить такое на вражеские окопы, летчик должен был рисковать жизнью? Какая глупость!

Если читатель подумает так, как я предполагаю, то, значит, он не очень разбирается в пропаганде и считает, что пропаганда — это что-то вроде намертво приросших к стенам и крышам плакатов: «Слава КПСС!», «Слава советскому народу!». Такие с наших самолетов сбрасывали в первые дни войны. На них было крупно напечатано: «Стой! Тут социалистическое государство!» или «Сдавайся в плен!». В плен нашим отступающим войскам сдаваться немцы тогда не торопились, а что захватывают социалистическое государство, знали и сами. А вообще-то пропаганда начинает хорошо действовать, когда человека заставили задуматься другими средствами. Но и тогда лобовая пропаганда не очень-то эффективна.

Через полгода после начала войны немцы впервые за долгие годы потерпели крупное поражение, да и советские пропагандисты спохватились и к сочинению текстов листовок начали привлекать немцев-интернационалистов (о чем я, естественно, узнал гораздо позже). И те предложили методы пропаганды наиболее в той обстановке действенные: потихоньку, используя национальные особенности, говоря на языке, понятном массе, расшатывать хотя бы веру в непогрешимость собственных начальников… Не зря спецслужбы всех стран большое внимание в ходе «холодной войны» отдавали сочинению и распространению анекдотов. Не зря говорится: «Смех убивает». В том числе и в прямом смысле…

А вот мнение ученого и издателя — специалиста по вопросам пропаганды в войсках противника основных стран — участниц Второй мировой войны доктора Клауса Кирхнера, живущего в немецком городе Эрлангене: «В последних прошедших войнах большую роль играло пропагандистское влияние на противника. Правительства воюющих стран создавали специальные

пропагандистские органы с целью обработки войск и населения противника в желательном направлении. В конечном итоге речь шла об ослаблении противника при помощи постановки вопросов о целях войны и других методов подрыва боевого духа. Политическая система, основанная В. И. Лениным, тоже вела «агитацию и пропаганду» как внутри страны, так и вне ее, с целью обеспечения победы коммунизма.

В период войны между Германией и СССР (1941–1945 гг.) особенно интенсивно велась пропаганда в войсках Германии и ее союзников. Большую роль играли листовки, издаваемые Главным политическим управлением Красной Армии, политуправлениями фронтов и армий. Правда, когда Красная Армия отступала и несла большие потери, влияние этой пропаганды было незначительным, но постепенно качество листовок улучшалось, и тем самым влияние на солдат вермахта и население Германии усиливалось. К концу войны советская пропаганда стала весьма действенной…»

А жизнь в Германии между тем шла своим чередом: люди работали, любили, рожали детей и боролись за светлое будущее — социалистическое или капиталистическое, кто как его понимал. Расклеивались листовки, вывешивались плакаты…

Продолжалась война за умы, в которой, увы, тоже бывает немало жертв… Может быть, не сразу и не в том месте, в котором раздаются пропагандистские залпы, но, если, по незнанию законов человеческого развития, большому самомнению или, что самое страшное, хладнокровно, просто в борьбе за деньги или власть, неосторожные слова произнесены, они обязательно когда-то проливаются кровью. Где-то, чьей-то… Редко это бывает кровь того, кто эти слова произнес, ибо связь между словами и результатом их воздействия не так очевидна, особенно если это действо произошло через много лет после возникновения причины.

К счастью, идеологическая борьба, по крайней мере на моих глазах, в послевоенной Германии велась без излишнего нагнетания страстей, и, может быть, именно это помогло Германии в конце концов обрести единство. Сепаратизм не был поддержан народом, и Германия не развалилась на множество кусков, не вернулась в «феодальное» состояние. А ведь если искать хорошо, то между немцами юга Германии и севера можно найти отличий уж никак не меньше, чем, например, между русскими и украинцами…

Между русскими и украинцами какие-то «умные» люди различие нашли и квалифицированно углубили. Что из этого получилось, ныне известно. Впрочем, разделять всегда легче.

Кровь на земле льется веками, и нужно лишь выборочно подобрать соответствующие события, высказывания уважаемых предков, поручить журналистам и писателям произвести «оживляж» фактов, и… И горячая новая кровь прольется. Ничто так не разделяет людей, как свежая кровь. Нужно ее только во время пустить.

Тогда Германию удалось спасти. Уж очень страшной была только что закончившаяся война, и каждый, кто делал что-то для того, чтобы война вновь вернулась на Землю, был вынужден таиться, ибо люди тогда не простили бы ему явного пособничества войне.

Но время идет, и вновь то тут, то там вспыхивают пожары больших и малых войн, гибнут десятки, сотни тысяч людей, а Земля все так же вертится, в большинстве ее районов все идет так же, как всегда, и люди, даже наблюдая по телевизору «натуралистические подробности» войны, тут же забывают о том, что кто-то где-то в эту минуту убивает их «братьев по разуму».

Гибнут люди. Где-то далеко гибнут чужие люди. Их, конечно, жалко, и было бы неплохо, если бы они остались живы, но что мы можем сделать? И потом, нам некогда: вы же знаете, сколько усилий нужно приложить, чтобы выжить в этом мире…

Сколько миллионов человек должно погибнуть, чтобы люди поняли, что война опасна и для них?

Вторая мировая война «достала» практически каждую семью. И только тогда планета задумалась. К сожалению, не надолго…

Пожалуй, тогда я, при всей своей, большей, чем у других, информированности, все-таки не понимал, что началась новая война — холодная и эти события — ее первые бои. Жаль, что командование нашей страны в этой войне, как и в начале Великой Отечественной, оказалось не на высоте. Но если в чисто военной области мы смогли сравнительно быстро перестроиться и научились воевать, то в области идеологии до последнего времени господствовали грубые приемы, подобные тем постановлениям, которые я уже упоминал.

А удар по России был нанесен страшный, вполне соизмеримый с ударом, нанесенным в июне 1941 года. Просто он был растянут по времени, более замаскирован, и потому до самого последнего времени ощущали его только самые мудрые. Но кто и когда слушает мудрых? Только значительно позже, когда я был уже переведен на службу в разведку, мой начальник рассказал мне доверительно о подоплеке событий 1946-го и последующих годов. Он был хорошо информирован, так как вращался в правительственных кругах: во время войны выполнял личные задания Н. А. Булганина.

По этой версии, уже тогда правительственные круги США наметили разрушение нашего общества изнутри, ибо военным путем это сделать невозможно, что утверждал еще Клаузевиц. И дальше он мне своими словами рассказал о высказываниях Аллена Даллеса — шефа американской разведки еще со времен войны. Сталин знал об этом, и его помощники по этой части, как могли, начали «контрнаступление»: начали проводить кампанию по чистке «гнилых интеллигентов» — как он выражался, «пятой колонны в СССР».

Теперь, после разрушения СССР, американцы предали эти давние высказывания А. Даллеса гласности:

«Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своим масштабам трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русском народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, растлевать, развращать ее. Мы сделаем из молодых циников,

пошляков, космополитов. Вот так мы это сделаем».

В контрпропаганде руководители СССР избрали самую негодную тактику: умолчания — одну из форм лжи. А попавшемуся на лжи, да еще не раз, верят все меньше. Я до сих пор не понимаю, почему не предается гласности предательство, иначе не назовешь, многих высших чинов, за барахло продавших то святое, что было у них в душе, иначе не были бы они в руководящих сферах. Сегодня их скромно называют перерожденцы, лично я считаю таких людей предателями. А на земле хуже предательства ничего нет. Так вот о гласности. Ведь это — лучшее средство борьбы за честность и порядочность (если, конечно, эта борьба — искренняя).

Мне приходилось посещать традиционные Лейпцигские ярмарки: весенние и осенние. Первая послевоенная состоялась уже осенью 1945 года. В этот послевоенный период немцы создавали так необходимые товары по принципу «голь на выдумку хитра». Зачастую из плохого сырья умельцам удавалось создавать нечто, радующее глаз. Было видно, что немцы истосковались по настоящей работе, по большому делу. Но уже намечался раскол страны. Все больше чувствовалось, что в Вашингтоне, уже в правительстве президента Гарри Трумэна, был взят курс на отход от политики сотрудничества с Советским Союзом и начало «холодной войны». Правда, против такой тенденции публично выступил министр торговли США Уоллес, бывший при Рузвельте вице-президентом, но Трумэн сразу после этого уволил его в отставку.

По уровню производства мощь США была значительно выше советской. Американцы давно не вели войн на своей территории, их народ не знал даже бомбежки. Они знали свою силу и с этой позиции вели свою политику. Но с СССР, только что сокрушившим третий рейх, с такой позиции разговаривать было нельзя… Потом были написаны горы книг и статей, в которых разбирались вопросы «кто виноват» и кто первым начал конфронтацию, но нам, участникам той страшной войны, виделись уже признаки новой истребительной войны, в которой не будет ни победителей, ни побежденных.

Вот образцы плакатов и листовок того времени оккупационных зон в Германии. В нашем 756-м стрелковом полку, где я, правда, бывал редко, потому что был в постоянных разъездах по делам службы вдоль границы, шла обычная военная служба. Когда по приказу министра обороны объявлялась демобилизация военнослужащих, рядовых и сержантов, то в одной из казарм на это время создавался сборный пункт демобилизованных для всех частей нашего корпуса. Из них

формировались команды, которые отправлялись поездом до Бреста. Всем демобилизованным выдавались документы, на основании которых они были обязаны возвращаться и становиться на воинский учет в тех военкоматах, откуда они были призваны в Красную Армию. А если они были зачислены в войска во время войны (например, бывшие угнанные немцами в Германию или в оккупированные ими страны), то демобилизованные обязаны были возвратиться туда, где они жили до войны, или туда, где родились.

Конечно, такой порядок для огромного большинства демобилизованных никакого значения не имел, а вот для тех, кто служил в полиции, немецких вспомогательных частях, а то и в карательных, эсэсовских, но скрывал это, было смерти подобно. В лучшем случае их ждал ГУЛАГ. Каждую осень в этот период по нескольку человек из такого контингента совершали ЧП — попытки (успешные и безуспешные) бежать через границу в западные зоны или кончали жизнь самоубийством. Такова была наша послевоенная реальность, ибо, как я уже указывал ранее, в той или иной мере около одного миллиона бывших граждан СССР во время войны были на другой стороне. После же войны в силу разных причин в СССР не пожелали возвращаться тоже около миллиона человек (мужчин, женщин и детей).

Обслуживал наш полк оперуполномоченный отдела СМЕРШ 207-й стрелковой дивизии капитан Иванов. До этого он долго служил в авиации борттехником, принимал участие в боевых действиях, и мы часто с ним беседовали, вспоминали авиацию. Характер у него был спокойный, он обладал здравым умом, а ведь здравый смысл пронизывает буквально все, что составляет и охватывает деловую сторону жизни.

Однажды я увидел его каким-то рассеянным и даже удрученным и, естественно, спросил его, в чем дело.

— А, понимаешь, чертовщина какая-то. Начальник требует добраться до истины, а тут…

И он рассказал мне доверительно, что в полку служит солдат литовец, а на его запросы об этом человеке местные органы НКВД сообщают, что такого человека никогда там не было. А потом обращается ко мне:

— Слушай. Давай мы вместе с тобой с ним поговорим.

Я согласился. И вот в комнату вошел солдат, доложил как положено, и мне какое-то внутреннее чувство подсказало, что это немец. Капитан попросил его рассказать свою автобиографию. Солдат сразу же занервничал, начал говорить сбивчиво и плохо по-русски. Ну, то, что говорит плохо по-русски, понятно литовец. И вдруг я обращаюсь к нему по-немецки:

— Товарищ солдат. Я много слышал всяких сказок, да и ты тоже. Чего ты боишься, зачем чепуху молоть?! Тебе ничего не будет. Расскажи, как все началось.

Солдат посмотрел на меня, как говорят, во все глаза, а затем обрадованно, со слезами качает рассказывать свою историю, как он попал в Красную Армию. Капитан открыл рот, а затем схватился руками за голову и только посматривал на нас обоих. Я повернулся в сторону оперуполномоченного и сказал:

— Не мешай мне слушать. Все хорошо. Солдат молодец, а на старости лет ты будешь писать романы о нашем интересном времени.

Вот тот рассказ солдата «литовца-немца» о его военной судьбе. Родился он в Восточной Пруссии, недалеко от границы с Литвой. Дружил с одногодкой литовцем и научился от него немного говорить по-литовски. Во время войны в их селе работали русские, и он научился отдельным русским словам. Когда началась эвакуация немецкого гражданского населения в рейх, то он отстал от своих и уснул в пустом доме. И тут нагрянула наша разведка. Он боялся, что его убьют, и сказал разведчикам, что он литовец, что его немцы угнали на работу в Германию. Документов у него не было, и ему поверили. Тогда ему было 16 лет, но роста он высокого, крепко сбитый, и он сказал, что ему 17 лет, а по специальности он сапожник, что соответствовало действительности. Солдаты его накормили, относились хорошо. Их часть остановилась здесь же, неподалеку. Сапожник, как всегда, был в части очень нужен, и его зачислили рядовым как литовца, а фамилию и имя он взял вымышленную. Затем часть передвинулась в Германию, и в результате переформирования он попал в 756-м стрелковом полку. Служил честно, работал сапожником, изучал, русский, командир полка наградил медалью «За боевые заслуги». Понимал свое двойственное положение, но не нашел мужества рассказать правду, да в послевоенное голодное время лучшего и желать было трудно…

Капитан изложил все это на бумаге и понес в отдел СМЕРШ. Там тоже отнеслись с пониманием, и вскоре этот немец был «демобилизован». Немецкие власти подыскали ему работу. В общем, получилось все, как говорится, хеппи-энд.

А вот на заставе в городе Зальцведель работал другой оперуполномоченный. В общем, тоже неплохой малый — старший лейтенант. До перевода в группу войск он работал в лагерях военнопленных в Союзе. Немецким языком он практически не владел, но понимал несложные фразы. Мы зашли с ним в немецкий ресторан, а он был любитель выпить. Тут же появился

хозяин ресторана, пожилой немец. Он нас дружески приветствовал, ибо хорошо знал старшего лейтенанта Петрова еще по лагерю военнопленных, где ему пришлось «восстанавливать разрушенное в войну», как он выразился. Когда в следующий раз я один зашел в тот же ресторан, его хозяин рассказал мне, что этого старшего лейтенанта немцы военнопленные вспоминали с самой хорошей стороны. Когда он появился у них в лагере, то настоял, чтобы немедленно убрали прежнего начальника лагеря и нескольких офицеров, которые занимались неблаговидными делами, а особенно следил, чтобы пленные получали все продукты, и их начали хорошо кормить. Он с большим уважением относится к этому старшему лейтенанту и о нем рассказывает только хорошее своим посетителям. Но этот старший лейтенант любил, как у нас говорят, «учудить», в чем я сам был свидетелем. В том районе нарушители демаркации с нашей зоны несли спиртное, а из Гамбурга обычно селедку. Вот его однажды осенила мысль, как искоренить этот «бизнес» по-сегодняшнему, а по-тогдашнему спекуляцию. Задержанные находились в подвале дома, где размещалась комендатура-застава. Через солдата-переводчика он сказал всем задержанным, что их не выпустит отсюда до тех пор, пока те не «сожрут» селедку и не выпьют всю водку. Отдав такой приказ, он куда-то уехал. Когда я подошел к заставе, то из подвала дома, а дело было летом и окна были открыты, неслись слова и звуки как из ресторана, где уже полно крепко подвыпивших. Так и оказалось. Приказ есть приказ, и немцы его пунктуально выполняли, а для некоторых, понятно, «надурняка», а дальше, как и у нас, — «Шумел камыш» — песни, ибо пьяному море по колено. Солдаты потешались над бесплатной комедией. Я вместе с начальником заставы, который, кстати, прибыл с границы, выпустил этих задержанных. В другой раз, подходя к той же заставе, из подвала я услышал декламацию по-немецки и буквально опешил: там читали «Манифест коммунистической партии». Оказалось, что старший лейтенант Петров допрашивал одного немца и, установив, что тот по образованию учитель, обрушился на него: «И чему вы учите детей? Нелегально переходить границу? Нарушать порядок?..»

А затем приказал: «Вот возьмите эту брошюру, идите в подвал и скажите, чтобы они ее выучили. Вы, как учитель, все внимательно прочитайте, проведите собеседование и, если кому что не понятно, растолкуйте. Маркс и Энгельс великие немцы — писали четко и понятно. И скажите, что я буду принимать экзамены. Кто хорошо будет отвечать, того выпущу». Ну и немцы старались. Мы снова с начальником заставы выпустили всех

задержанных, а когда приехал из города Петров, ему объяснили, что приняли от немцев экзамены и все они, мол, отвечали на «отлично» — и уж точно бросятся в библиотеки изучать труды Маркса и Энгельса. Он смеялся вместе с нами.

Как-то раз мне пришлось переводить разговор одного агента нашей разведки, которого встречал наш высокий чин, и немец после делового доклада рассказал со смехом, что в Гамбурге на известном «рыбном рынке» продавцы селедки смеются, когда узнают, что покупатель из советской зоны: «Берите побольше селедки и идите через Зальцведель. Там советский комендант прикажет съесть ее всю». А затем добавляют со смехом: «Жажда так велика, что можно выпить весь водопровод». Не знаю, повлиял ли этот рассказ на судьбу старшего лейтенанта Петрова, только он после этого разговора был переведен служить в Союз…

На демаркационную линию часто выезжали всевозможные комиссии для проверки и оказания помощи войскам. Одну из таких комиссий, помнится, возглавлял командир 79-го стрелкового корпуса генерал-полковник Яков Тимофеевич Черевиченко. Штаб корпуса дислоцировался тогда в Штендале. В этот корпус входила и наша дивизия. Черевиченко был старый служака. Он командовал в Гражданскую войну кавалерийским полком, а в период Отечественной войны корпусами, армиями и фронтами. Генералы, которые с ним служили, в своих мемуарах отмечали, что он был лично храбр, знал хорошо военное дело, но в начале войны имел слабость — преждевременно бросать в бой полученное пополнение и переданные в его распоряжение для подготовки к наступлению части и соединения. В боях за Берлин он командовал стрелковым корпусом…

Дело было на КПП Мариенборн, на автостраде. Я сидел в своей комнате и просматривал иностранные газеты и журналы, которые проезжавшие оставляли там, и их накопилось много. В этой прессе бывали интересные материалы, и такая работа входила в мои служебные обязанности. В западной прессе, как известно, публикуются и снимки не для пуритан, которыми старались казаться на людях наши идейные вдохновители. Вдруг в мою комнату зашел полковник. Я встал и приветствовал его. Он сразу же обратил внимание на красочные журналы с обнаженными женщинами, начал их перелистывать и спросил:

— А вы что, умеете их читать?

— Да, немного понимаю, — отвечаю.

— Как ваша фамилия?

— Литвин.

Полковник сгреб всю эту пачку со стола и, не спросив о должности, возмущенный, ушел. Я в душе смеялся над этим

ретивым работником политотдела корпуса, ибо я его ранее видел на собраниях. Мне уже было известно, что с инспекцией приехали командир корпуса, командир дивизии и полка и другие офицеры, которые разместились в большой комнате, где обычно проводили занятия с солдатами офицеры роты. Через несколько минут ко мне в комнату вбежал сержант-дежурный по роте и передал приказ прибыть в Ленинскую комнату к командиру корпуса.

Я медленно шел, обдумывая свое положение и как мне следует вести себя при встрече с высоким начальством. И вот я вхожу в комнату. За столом сидит командир корпуса. На столе лежат отобранные у меня журналы и газеты, а среди офицеров заметил моего начальника разведки, готового расхохотаться. Я доложил четко и громко:

— Товарищ генерал! По вашему приказанию военный переводчик лейтенант Литвин прибыл!

Генерал встал из-за стола, подал мне руку и задал вопрос:

— Товарищ Литвин, доложите, пожалуйста, обстановку на демаркационной линии. Кто несет охрану с английской стороны?

Я подошел к карте, которая висела на стене, взял указку и со знанием дела спокойно доложил, кто несет охрану, кто командиры подразделений англичан и т. д. Генерал еще задавал вопросы по существу дела, а я ему отвечал. Он остался доволен моими ответами и затем спокойно спросил:

— А куда вы деваете эти журналы и газеты после просмотра?

— Все интересное отправляю или лично привожу в разведотдел подполковнику Щекотихину, а ненужное сжигаю.

Я обвел глазами присутствующих и увидел, что они готовы все расхохотаться, да только привычка и выдержка им не позволяли этого, а политработник сидел весь красный, поняв, в какую конфузную ситуацию он попал.

Генерал пожал мне руку, пожелал успехов в работе, а я, забрав прессу, вышел. Когда закрылась за мной дверь, в этом зале раздался громкий хохот. Потом мне рассказывал подполковник Щекотихин, что генерал Черевиченко сказал полковнику:

— Что, может быть, вы будете читать эту прессу и искать в куче дерьма так нужные нам сведения?

Впоследствии офицеры часто по поводу и без повода потешались над этим служакой. Нужно отдать должное, что тот политработник, встретившись со мной через месяц, подошел, поздоровался и сказал:

— Да, поспешишь — людей насмешишь. Извините, что так получилось, но мне больше досталось, и поделом…

За годы существования СВАГ (9 июня 1945 г. — 10 октября 1949 г.) сотрудничество с немецкими друзьями распространялось

на все сферы общественной жизни. Особое значение в той ситуации первых послевоенных лет имело идеологическое сотрудничество. Мы печатали для немцев много литературы, плакатов, листовок, выпускали газеты и книги. Кроме того, печатали переводы авторов различных стран, и в том числе советских литераторов.

Благодаря энергичным мероприятиям по восстановлению народного хозяйства в восточной зоне удалось избежать массовой безработицы. Решающую роль в этом вопросе сыграла репарационная политика Советского Союза: сохранение в виде Государственного акционерного общества большой доли того промышленного потенциала, на демонтаж которого наша страна имела все права. В 1945 году было демонтировано 676 предприятий, а передано немецким органам самоуправления 3800.

В это время шла активная борьба за сохранение мира в Европе, ибо нам были хорошо известно высказывания Даллеса в 1946 году: «Германия с ее возможностями представляет наряду с атомной бомбой огромную силу, и ее ни в коем случае не следует выпускать из своих рук».

А Уинстон Черчилль 19 сентября 1946 года под сводами Цюрихского университета призывал к созданию «Соединенных Штатов Европы». Он огласил свое видение Европы, программу ее экономического и государственно-политического восстановления на руинах Второй мировой войны. «Первым шагом в воссоздании европейской семьи, — с уверенностью заявил он в притихшем от напряжения зале, — должно быть партнерство между Францией и Германией». Для миллионов французов, переполненных в то время страшной ненавистью ко всему немецкому, черчиллевский шокирующий призыв был равносилен жуткой ошибке.

Тогда, в 1946 году, его задача была — сблизить французские, германские и другие народы западных стран Европы, а их страны сделать буфером против растущего влияния СССР.

Он же призывал к постепенному формированию «Соединенных Штатов Европы». Черчилль не хотел, чтобы в «федеральную Европу» вступала Англия. И позже, в начале 60-х, он в буквальном смысле воспротивился присоединению Лондона к «общему рынку». В Лондоне мечтали о том, чтобы свысока наблюдать за европейскими процессами, не допуская в свой дом на острове никаких веяний с материка. Правы ли или не правы британцы, судить не нам. Мы можем только констатировать кое-какие результаты. К примеру, валовой национальный продукт Франции сейчас превысил британский показатель в 1,3 раза, а германский выше аж на 80 процентов британского!..

В начале ноября 1949 года в Берлин прибыл чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза Г. М. Пушкин и вручил свои верительные грамоты президенту ГДР Вильгельму Пику. История Германии знала многие формы государственного устройства — мозаику феодальных княжеств, германский рейх, Веймарскую республику и третий рейх нацистов. Теперь же на немецкой земле возникло принципиально новое государство, ставившее целью построение социализма.

Трудные задачи предстояло решать не только во внутриполитическом плане, но и в сфере высшей политики. Мой начальник рассказывал мне в ту пору доверительно, что перед окончанием войны, когда наша Красная Армия победоносно рвалась на Запад, почти разгромив войска Германии, среди командующих обсуждалась идея наступления вплоть до Ла-Манша. Говорили об этом, естественно, в узком кругу людей, знающих некоторые тайны «высокой политики». Но Сталин им на это тогда возразил следующими словами: «Вы хотите наступать? Но помните: на этом берегу Эльбы вы — освободители, а на западном — уже захватчики, поработители. А зачем нашему народу новая война после этой? Такие разговоры вредны и преступны!»

А вот, что рассказывает Милован Джилас» в книге «Лицо тоталитаризма» (М.: Новости, 1992 г. С. 64) о мнении И. В. Сталина: «…Это было в 1944 году. В холле мы задержались перед картой мира, на которой Советский Союз был обозначен красным цветом и поэтому выделялся и казался больше, чем обычно. Сталин провел рукой по Советскому Союзу и воскликнул, продолжая свои высказывания по поводу британцев и американцев: «Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным, — никогда, никогда!» И дальше там же: «…Вторая телеграмма была от Черчилля. Он сообщал, что завтра начнется высадка во Франции. Сталин начал издеваться над телеграммой: «Да, будет высадка, если не будет тумана. Всегда до сих пор находилось что-то, что им мешало. Сомневаюсь, что и завтра что-нибудь будет. Они ведь могут натолкнуться на немцев! Что, если они натолкнутся на немцев? Высадки, может, и не будет, как до сих пор. Только обещания…»

Строительство социализма в ГДР осложнялось тем, что сознание многих людей в течение длительного времени было отравлено идеологией нацизма. Нельзя было не считаться с исторически сложившейся социальной структурой населения, наличием мелких и средних собственников.

В результате раскола Германии промышленность ГДР была отрезана от традиционных источников сырья и от центров

металлургии и машиностроения, которые находились на территории Западной Германии. Теперь нужно было переориентировать связи на СССР и другие страны.

Запад и ФРГ вели ожесточенную борьбу, используя для этого самые разнообразные средства и методы. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр охарактеризовал создание ГДР как «противозаконный акт». Это было первое звено в длинной цепи враждебных действий, направленных против ГДР. Особая роль в идеологических диверсиях против социалистических стран принадлежала так называемой Радиостанции американского сектора (РИАС), которая являлась органом службы информации США, тесно связанным с госдепартаментом и разведкой.

Задача РИАС состояла прежде всего в том, чтобы вести активную антикоммунистическую пропаганду, клеветать на Социалистическую единую партию и правительство ГДР, подрывать их престиж и авторитет, вызывать недовольство среди граждан республики. Она представляла собой также гнездо шпионов и провокаторов. Наряду с клеветой, не менее важной ее задачей являлся прямой шпионаж. Так, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщала в 1952 году, что благодаря своим передачам, также «информации, которую она собирает, РИАС стала неоценимым помощником в работе известных групп сопротивления, располагавшихся в Западном Берлине». Год спустя та же газета отмечала, что «Из всех крупнейших радиостанций мира РИАС является, пожалуй, единственной, которая имеет собственную шпионскую службу».

Аналогичную роль стала играть и созданная радиостанция «Свободный Берлин», финансировавшаяся прежде всего ФРГ. На службу «холодной войне» были поставлены кино, печать, телевидение и все другие средства идеологического воздействия. Из Западного Берлина велась настоящая экономическая война против ГДР. Важнейшим ее средством стал искусственно поддерживавшийся с помощью различных мероприятий крайне заниженный курс марки ГДР по отношению к марке ФРГ.

Западный Берлин превращался в централизованный черный рынок внутри валютной сферы ГДР, в перевалочный пункт для организованной в широких масштабах контрабанды. Все более широкие масштабы принимало сманивание из ГДР на Запад квалифицированной рабочей силы, особенно специалистов. Таким образом Западный Берлин становился форпостом милитаризма и реваншизма, крупнейшим центром антикоммунистической пропаганды и подрывной деятельности против социалистических стран, прежде всего против ГДР.

А жизнь продолжалась. Однажды ко мне обратились жители

одной деревни с просьбой, чтобы «советские охотники» помогли им хоть немного уничтожить диких кабанов, которых развелось очень много, так как на них уже давно не велось охоты, а немцы к тому ж еще и не имеют оружия, и нет организации немецких охотников, как это было при нацистах, когда главным охотником Германии был Герман Геринг.

Дикие кабаны действительно уничтожали в то время труд сельскохозяйственных работников. Я пообещал им, что доложу своему начальству и заверил, что с их же помощью мы непременно решим эту проблему.

В воинских частях были члены охотничьих обществ, и они с удовольствием занимались своим любимым делом. В одно из воскресений в нашем полку собрались на охоту несколько офицеров во главе с заместителем командира. Накануне я предложил им поехать в определенное село, где меня немцы ждали и обещали организовать охоту под руководством лесничего, но они не согласились туда ехать, ибо в предыдущий раз у них была отличная охота в другом месте и их там тоже ждали. Я пожелал им успеха и поехал с моим другом капельмейстером полкового оркестра Зыряновым туда, где была у меня договоренность с немцами.

Под руководством лесничего был организован «загон», и стадо диких кабанов наткнулось прямо на меня, где я сидел в засаде. Первым выстрелом из охотничьего карабина был убит вожак стада. Вся стая помчалась по открытому месту, и я еще «завалил» двух кабанов. Восторгу немцев не было предела, а Яша Зырянов, который находился в засаде в другом месте, сокрушался, что стадо вышло именно на меня, охотника-дилетанта, а не на него — бывшего охотника-сибиряка.

Кабаны были доставлены в деревню, где крестьяне восхищались нашим мастерством, а когда я сказал, что двух кабанов можете оставить для жителей села, тут уж было много восторга, а бургомайстер заявил, что в следующее воскресенье праздник и он приглашает господ офицеров и их товарищей в гости, а тут еще и секретарь партячейки попросил, чтобы наши товарищи приехали.

Нам погрузили самого большого кабана на машину, и мы приехали в полк, чтобы сдать его на кухню для улучшения питания солдат. Как раз на территории части был и командир — полковник Зинченко, а тут подъезжают и другие охотники во главе с помощником командира полка, но их поездка оказалась неудачной. Так бывает. Командир полка, а он не был лишен чувства юмора, начал приговаривать:

— Вот подумайте только — два офицера, переводчик и

капельмейстер, «завалили» трех кабанов, а вы… — и пошло, поехало. Смеху было, но я успокаивал моих сослуживцев, что в следующий раз поедем вместе и успех будет обеспечен. Правда, мои товарищи знали, что я был снайпером. Я им рассказывал о случае, который произошел со мною в Берлине, когда я служил в СВАГ.

Начальник Военно-воздушного отдела генерал Куцевалов был заядлым охотником, часто выезжал поохотиться с Г. К. Жуковым, с которым был знаком еще со времени боев на Халхин-Голе. Однажды он устроил показательную стендовую стрельбу и, естественно, как хороший стрелок, поразил наибольшее количество тарелочек.

Я никогда не принимал участия в таких соревнованиях, да и видел эту забаву впервые, но так как хорошо знал баллистику, был снайпером, то сразу уловил суть дела: тарелочку нужно поражать, когда она, описав дугу, удаляется от стрелка. Конечно, офицеры отдела принимали участие в стрельбе, но успехи их были весьма скромными. И вдруг генерал говорит:

— Ну, кто еще попробует?

И тут черт меня подстегнул:

— Разрешите мне?

Генерал снисходительно согласился, а зрители тоже ожидали моего конфуза. Конфуза не получилось: я, «вспомнив молодость», поражал тарелочки одну за другой, не заметив в азарте, как перешел критическую черту: мой счет пораженных тарелочек стал больше, чем у генерала…

Не ожидавший от меня такой прыти, обиженный генерал покинул стрельбище, а сослуживцы, удивляясь такому мастерству новичка в этом деле, сочувствуя мне, не удержались от язвительных пророчеств: «Ну, он тебе покажет. Мастер стрельбы у нас в отделе — один! Зря ты об этом забыл!»

Куцевалов был человеком резким, особенно с подчиненными, и я сильно расстроился. Но и гордился: значит, я все еще классный стрелок. Куцевалов вызвал меня не в этот день, а на следующий. Когда я ему доложил о прибытии, он поздоровался, предложил сесть и спросил, где это я научился так ловко стрелять по тарелочкам. Я ему ответил, как на духу, что стрельбу я эту видел в первый раз, но, как стрелок-снайпер и бывший оружейник, смекнул, как нужно стрелять. Но если бы мне пришлось стрелять сегодня, то, может быть, и не достиг бы такого результата: ведь многое значат удача и везение…

Генерала такой ответ вполне удовлетворил, и он попросил меня переводить его разговор по телефону с хозяином немецкой фирмы, разводящей породистых охотничьих собак. Генерал

говорил мне, я переводил в трубку немцу, потом говорил немец, и я переводил генералу. Договорились, что щенок завтра будет у Куцевалова. Затем генерал предложил мне стать его адъютантом. Я поблагодарил за честь, но сказал, что уверен, что хороший адъютант из меня не получится ввиду моего характера, и предложил ему переговорить с переводчиком Козенко, подходящим к такой работе гораздо лучше меня. Генерал с моими доводами согласился, чему я был очень рад, зная, как трудно ему угодить и как часто менял он адъютантов.

Мне часто приходилось беседовать с бывшими офицерами вермахта, которые рассказывали мне о своих впечатлениях о нашем народе, когда воевали на Восточном фронте, а также о боевых действиях наших и немецких войск. Один лейтенант, бывший командир взвода, рассказывал о первом дне войны. После огневого налета немецкой артиллерии его рота поднялась в атаку на наши подразделения, но они почти не встретили сопротивления, ибо солдаты Красной Армии не предполагали, что это война.

Затем он рассказал, что немцы до последнего момента старались ввести в заблуждение наше командование. Действительно, это была не спровоцированная нашей стороной война. Начала ее нацистская Германия против нашей Родины, что видно из опубликованных документов немецкого генерального штаба.

Вот как оценивал возможности Красной Армии отдел иностранных армий Востока Управления разведки генерального штаба сухопутных войск Германии 1 января 1941 года:

«Вооруженные силы Советского Союза, видимо, должны быть перестроены на новой основе, особенно с учетом опыта прошедшей войны. Красная Армия возвращается к скрупулезному индивидуальному комплектованию нового личного и офицерского состава.

Командный состав всех степеней (офицеры и сержанты) получает большой вес в обществе. Значительно строже становится дисциплина. Упразднение института комиссаров, введение офицерских званий; генеральская форма одежды; отдание чести; новые служебные книжки; введение более строгих дисциплинарных взысканий; предписание о ношении формы одежды и правила поведения военнослужащих в общественных местах — все эти меры должны были обеспечить постепенное совершенствование Красной Армии во всех областях службы. Однако в России плоды нововведений станут ощутимы лишь через несколько лет, если не десятилетий.

В ближайшее время повсеместно возникнут серьезные

различия в качестве войск, части, находящиеся под наблюдением энергичных военачальников высокого ранга, вскоре достигнут сдвигов в знаниях и боеспособности. Но крупные провинциальные контингенты армии будут совершенствоваться медленными темпами. Не изменится русский народный характер: тяжеловесность, схематизм, страх перед принятием самостоятельных решений, перед ответственностью.

Командиры всех степеней в ближайшее время не будут еще в состоянии оперативно командовать крупными современными соединениями и их элементами. Ныне и в ближайшем будущем они едва ли смогут проводить крупные наступательные операции, использовать благоприятную обстановку для стремительных ударов, проявлять инициативу в рамках общей поставленной командованием задачи.

Войска, обладающие определенными достоинствами, благодаря своей численности и насыщенности огневыми средствами, будут сражаться храбро. Но требованиям современного наступательного боя, особенно в области взаимодействия всех видов войск, солдатская масса не отвечает; одиночному бойцу часто будет недоставать собственной инициативы. В обороне, особенно заблаговременно подготовленной, Красная Армия окажется выносливой и упорной, сможет достигнуть хороших результатов боеспособности; выдерживать поражения и оказывать пассивное сопротивление давлению противника в особой мере свойственны русскому характеру. Сила Красной Армии заложена в большом количестве вооружения, непритязательности, закалке и храбрости солдата.

Естественным союзником армии являются просторы страны и бездорожье. Слабость заключена в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме, недостаточном для современных условий образовании, боязни ответственности и повсеместно ощутимом недостатке организованности».

9 января 1941 года на совещании в ставке вермахта Гитлер заявил:

«…Особенно важен для разгрома России вопрос времени. Хотя русские вооруженные силы и глиняный колосе без головы, однако предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше сделать это сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена и когда русским приходится преодолевать большие трудности в военной промышленности… Ни в коем случае нельзя допустить фронтального оттеснения русских… Цель операции должна состоять в уничтожении русских вооруженных сил, в захвате важнейших экономических центров и

разрушении остальных промышленных районов, прежде всего в районе Екатеринбурга, кроме того, необходимо овладеть районом Баку…

Гигантские пространства России таят в себе неисчислимые богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами… Тем самым она будет располагать всеми возможностями для ведения в будущем борьбы против континентов, тогда никто больше не сможет ее разгромить. Когда эта операция будет 'проведена, Европа затаит дыхание».

Это готовящееся преступление против нашего народа всячески скрывалось, все творилось в большой тайне. Вот некоторые выдержки:

Руководящие указания начальника штаба Верховного главнокомандования по маскировке подготовки агрессии против Советского Союза от 15.02.1941 г.

Совершенно секретно.

Только для командования

П. 1. Цель маскировки — скрыть от противника подготовку к операции «Барбаросса». Эта главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение. Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо на первом этапе, т. е. приблизительно до середины апреля, сохранять ту неопределенность информации о наших намерениях, которая существует в настоящее время. На последующем, втором этапе, когда скрыть подготовку к операции «Барбаросса» уже не удастся, нужно будет объяснять соответствующие действия как дезинформационные направления на отвлечение внимания от подготовки вторжения в Англию…

А затем еще:

Распоряжение начальника штаба Верховного
главнокомандования вооруженных сил
от 12 мая 1941 г. по проведению второй фазы
дезинформации противника с целью сохранения
скрытности сосредоточения сил против
Советского Союза

1. Вторая фаза дезинформации противника начинается с введением максимально уплотненного графика движения эшелонов 22 мая. В этот момент усилия высших штабов и прочих участвующих в дезинформации органов должны быть в повышенной мере направлены на то, чтобы представить сосредоточение сил к операции «Барбаросса», как широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение западного противника. По этой причине необходимо особенно энергично

продолжать подготовку к нападению на Англию. Принцип таков: чем ближе день начала операции, тем грубее могут быть средства, используемые для маскировки наших намерений (сюда входят и работа службы информации).

Вот такая была работа.

Я вспоминал свой боевой путь на фронтах Великой Отечественной войны. Победа в этой войне была закономерной, несмотря на грубейшие просчеты и ошибки как Верховного Главнокомандования, так и нижестоящих инстанций.

Прав был Лев Толстой, который сформулировал главную мысль во введении к «Хаджи-Мурату»: «Все живое до последних сил, до последнего вздоха должно бороться за жизнь, сопротивляться тем силам, которые калечат, уродуют, убивают жизнь».

Вот и мы, солдаты Великой Отечественной, отстаивали жизнь советского народа часто до последнего вздоха.

1 сентября 1939 года я впервые переступил порог Харьковского авиационного института. Все казалось необычным студенту первого курса. Эта необычность добавляла к нашему хорошему настроению еще больше положительных эмоций. Но уже во время перерыва по радио мы услышали сообщение о том, что Германия напала на Польшу. Началась война, немецкая авиация бомбит Варшаву. Сердце тревожно забилось. Ведь война заполыхала совсем рядом. На следующий день из газет стало известно, что Верховный Совет СССР принял новый закон о всеобщей воинской обязанности. А еще через день, 3 сентября, Англия и Франция объявили войну Германии. Так началась Вторая мировая война.

Затем 17 сентября было объявлено о походе Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, а 30 ноября началась советско-финляндская война. 12 марта 1940 года был подписан мирный договор между СССР и Финляндией. Вскоре возвратились студенты-добровольцы, побывавшие на фронте, и они рассказывали, что наши войска понесли большие потери, было много неувязок, некоторая военная техника устарела, в том числе и авиационная.

Конечно, мы знали об успехах нашей авиации в предвоенные годы, знали, что в стране немало делается для развития авиационной промышленности, что наши летчики сражались в небе Испании, Китая, Монголии. Поэтому невеселые вести были для нас неожиданными.

А тем временем на Западе продолжалась «странная» война: Англия и Франция проявляли пассивность на фронтах, а немцы, казалось, тоже чего-то выжидали. Вскоре последовали

ошеломляющие сообщения о разгроме англичан под Дюнкерком, капитуляции Франции, оккупации Дании, других стран Европы…

Немцы упивались успехами молниеносных побед. Куда пойдут они дальше? Страшные предчувствия овладевали нами. У каждого на устах было крылатое выражение руководителя немецких коммунистов Эрнста Тельма-на: «Гитлер — это война!»

В нашем институте появились представители Военно-Воздушных Сил. Студентам старших курсов предложили перейти на учебу в военно-учебные заведения.

В октябре 1940 года со второго курса Харьковского авиационного института я был призван в ряды Красной Армии, в авиацию. Отправлялись мы на Дальний Восток в воинском эшелоне. Мы ехали две недели и впервые воочию убедились, насколько «широка страна моя родная». Проехали Урал, Сибирь, переехали могучий Амур. В Ворошилов-Уссурийске пересели в другой поезд и вскоре на одной из железнодорожных станций уже выгружались из вагонов. Пошли строем. Через полчаса впереди показалось небольшое село, на окраине которого виднелся военный городок. Там и размещалась наша ШМАС — школа младших авиаспециалистов.

В школе было три учебные роты. Рота состояла из трех взводов, каждый взвод также считался и учебной группой. В учебной группе, куда меня распределили, часть курсантов имела высшее образование, а остальные — бывшие студенты различных вузов, в основном вторых-третьих курсов. Во второй группе учились курсанты, имеющие среднее образование, в третьей — с образованием 7–9 классов. В нашей учебной роте готовили младших авиаспециалистов мастеров по авиационному вооружению, во второй — авиамотористов, в третьей прибористов.

Через некоторое время мы, ставшие курсантами, приняли присягу и получили винтовки.

Срок подготовки был определен всего в полгода. За это время курсанты школы получили основные знания, которые необходимо было углублять на практической работе в частях. Они также хорошо овладели оружием пехоты: пистолетом, автоматом, пулеметом и гранатой, обучились рукопашному бою. Все курсанты ходили на лыжах. Многие стали спортсменами-разрядниками.

Подготовка авиационных специалистов требовала много времени, но командование школы, не в ущерб главному, использовало все возможности для того, чтобы мы могли стать и общевойсковыми младшими командирами.

В начале мая 1941 года нам вручили удостоверения об

окончании школы, присвоили звания сержантов. Разъехавшись по разным гарнизонам, бывшие курсанты не раз вспоминали добрым словом своих преподавателей и командиров. Они, работая с нами, отдавали все свои силы и знания.

Я был направлен в качестве мастера по авиавооружению для прохождения дальнейшей службы в 40-й истребительный авиационный полк, который базировался в Приморье. Полк имел на вооружении самолеты И-16 с двумя пушками ШВАК калибра 20 миллиметров и двумя пулеметами ШКАСС калибра 7,62 миллиметра, а также эресы (реактивные снаряды). В то время это было секретное оружие, которое впервые наши летчики применили в воздушных боях на Халхин-Голе.

Еще недавно в полку служили летчики, воевавшие в Испании, Китае, у озера Хасан и в Монголии. Большинство из них в апреле — мае 1941 года были срочно направлены в западные военные округа.

Здесь, на Дальнем Востоке, учебные полеты проводились днем и ночью, передавался боевой опыт молодым пилотам, изучалась тактика нашей авиации и авиации противника, особенно японцев.

Служба на неспокойной дальневосточной границе была трудной. Одиночные японские самолеты неоднократно нарушали границу, нагло пролетали над нашими аэродромами. В полку постоянно дежурило звено истребителей, которое в таких случаях немедленно вылетало, но нарушитель обычно уходил на территорию Маньчжурии, а перелетать границу нам не разрешалось. Командованием полка организовывались также засады одиночных истребителей вблизи границы.

В конце мая 1941 года наша эскадрилья перебазировалась в летние лагеря на полевой аэродром. Примерно за две недели до начала войны наблюдательные посты сообщили на командный пункт, что вдоль реки Суйфун в направлении Николоуссурийска летит нарушитель границы. Дежурный летчик Михаил Кондик вылетел на перехват и попытался предупредительным огнем принудить двухмоторный самолет произвести посадку, но японец старался уйти. Тогда Кондик дал две очереди по моторам. Летчик был вынужден посадить самолет. На его борту находилась группа офицеров, которые через переводчика объяснили, что они вылетели из Харбина инспектировать укрепрайоны Кванту некой армии, но экипаж, мол, потерял ориентировку и случайно нарушил границу. Инцидент был вскоре урегулирован. Но японцы поняли, что советские авиаторы значительно повысили свою бдительность, стали более решительно действовать против нарушителей.

13 июня 1941 года в газетах мы читали заявление ТАСС, в котором было выражено отношение к распространявшимся слухам о войне. Все вымыслы о якобы предъявляемых Германией территориальных требованиях объявлялись ложными. Там же говорилось, что Германия соблюдает условия пакта о ненападении и что слухи о ее намерении совершить агрессию против СССР лишены всякой почвы.

Это заявление нами воспринималось в то тревожное время как предупреждение о нависшей опасности. Но мы бодро напевали «все выше и выше стремим мы полет наших птиц», ибо искренне верили, что «Красная Армия всех сильней».

В воскресенье 22 июня 1941 года полетов не планировалось. Летчики отдыхали, занимались спортом, купались в речке. Так как разница во времени с Москвой равнялась семи часам, то мы узнали о нападении немецких войск лишь вечером, из сообщений Московского радио.

Состоялся митинг. Выступающие гневно клеймили зарвавшегося агрессора, выражали уверенность в скором разгроме врага, изъявляли желание немедленно отправиться на фронт.

В последующие дни мы жадно ловили последние известия, сводки с фронтов. Многие догадывались, что дела на фронтах идут не так, как мы предполагали раньше, но ждали все же хороших известий. С началом войны японцы приутихли, но большинство воинов-дальневосточников было уверено, что схватки с ними не миновать.

В полку продолжалась напряженная учеба. После выступления И. В. Сталина 3 июля в тот же день было приказано срочно перегнать самолеты на другой аэродром, рядом с железнодорожной станцией: наш полк в полном составе направлялся на запад, в действующую армию. Быстро разобрали самолеты, упаковали их в самолетные ящики и погрузили в эшелоны.

И снова застучали по рельсам колеса теплушек и платформ. В вагонах с двухъярусными нарами разместились летчики, техники, весь обслуживающий персонал. В Балашове разгрузились, собрали самолеты и перелетели в Донбасс. Там полк был разделен на два полка: 40-й и 446-й истребительные. В составе 446-го истребительного полка мне пришлось пройти боевой путь с августа 1941 года вплоть до его расформирования в начале 1943 года. Это был период тяжелейших испытаний, вынужденного отступления наших войск под натиском сильного и умелого противника. Но были и периоды относительно успешных наших наступательных операций — в районе Ростова-на-Дону в конце 1941 года и Барвенковско-Лозовская операция 1942 года. Затем

снова трагические провалы нашего наступления на Крымском фронте, под Харьковом. Враг уже был под Сталинградом и в предгорьях Кавказа.

Уполномоченный представитель Сталина в Крыму подмял под себя образованного, но безвольного командующего фронтом и всем руководил сам. Руководил, как может это делать человек в военном отношении мало компетентный, а по натуре сильный, не считавшийся ни с чьим мнением. Мне рассказывали, что когда после катастрофы в Крыму Мехлис явился с докладом к Сталину, тот не пожелал слушать его, сказал только одну фразу: «Будьте вы прокляты!» — и вышел из кабинета.

В своей книге «Дело всей жизни» маршал А. М. Василевский писал, что 4 июня 1942 года Ставка в своей директиве отмечала: «Основная причина провала Керченской операции заключается в том, что командование фронта — Козлов, Шиманин и представитель Ставки Мехлис, командующие армиями фронта, обнаружили полное непонимание природы современной войны…»

Командующим немецкой 11-й армии в Крыму был генерал Манштейн, который до начала 30-х годов возглавлял оперативную группу немецкого генерального штаба по вопросам изучения тактики иностранных армий. Манштейн дважды присутствовал на маневрах, проводимых Красной Армией, причем особенно интересовался вопросами ввода в бой мощных воинских соединений.

Л. З. Мехлис прибыв на Крымский фронт представителем Ставки остался верен своим привычкам: вместо конкретной помощи он стал перетасовывать руководящие кадры. Первым его шагом была замена начальника штаба фронта Федора Ивановича Толбухина — опытного военачальника. Виноватых он искал повсюду и расправлялся с теми, кого считал в чем-то неправыми, безжалостным образом. Однако в день прорыва немцами нашего фронта Мехлис, отвечающий за все, что творилось в Крыму, не долго думая, послал телеграмму Верховному Главнокомандующему (об этом очень красноречиво пишет С. М. Штеменко в своей книге «Генеральный штаб в годы войны»), пытаясь уйти от ответственности и переложить вину на других. Он прекрасно понимал, чем это грозит. Ведь это именно он занимался расследованием обстоятельств прорыва нашего Западного фронта немцами в начале войны и по его настоянию виновные, во главе с командующим фронтом Павловым, были расстреляны и объявлены врагами народа.

Ответ Сталина на телеграмму Мехлиса примечателен:

«Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна,

но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта, и обязанны исправлять на месте ошибки командования… Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов…

Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте».

Войска трех армий вели тяжелейшие бои, отступая к Керчи. 19 мая 1942 года враг овладел Керчью и Керченским полуостровом. Остатки наших войск с огромными трудностями, неся большие потери, переправились через пролив и оказались на Таманском полуострове.

А вот, что писал Н. Г. Кузнецов — адмирал флота в книге «Накануне»: «Л. З. Мехлис был, пожалуй, самым подходящим человеком для роли представителя Центра на фронте. Обладая широкими полномочиями, он всюду пытался подменить командование, все сделать по-своему, подавляя всех и в то же время не неся никакой ответственности за исход боевых операций.

Еще в 1940 году на апрельском совещании Сталин прямо сказал ему:

— Вы там, на месте, имели привычку класть командующего к себе в карман и распоряжаться им как вам вздумается.

Мехлис принял этот упрек скорее как похвалу. Он и в годы Великой Отечественной войны действовал так же, с типичной еврейской наглостью.

…И вот мы в штабе Крымского фронта. Командующий Крымским фронтом Д. Г. Козлов уже находился «в кармане» у Мехлиса, который вмешивался буквально во все оперативные дела. Начальник штаба П. П. Вечный не знал, чьи приказы выполнять — командующего или Мехлиса. Маршал С. М. Буденный тоже ничего не смог сделать. Мехлис не желал ему подчиняться, ссылаясь на то, что получает указания прямо из Ставки. Побывав в Керченской базе и бригаде морской пехоты, я выехал в Новороссийск, а оттуда в Поти, где стояла эскадра флота. Здесь меня застало известие о наступлении врага на Керченском полуострове и критическом положении, в котором оказались наши войска. После я узнал, что Мехлис во время боя носился на машине под огнем, пытаясь остановить отходящие войска, но все было напрасно. В такой момент решающее

значение имеют не личная храбрость отдельного начальника, а заранее отработанная военная организация, твердый порядок и дисциплина. Когда положение в Керчи стало катастрофическим, Мехлис пытался свалить ответственность за случившееся на командира Керченской базы А. С. Фролова. Он позвонил мне и потребовал, чтобы я отдал Фролова под суд, иначе расстреляет его своим приказом.

— Этого вы не посмеете сделать, — ответил я.

По приказу Льва Мехлиса, по чьей вине операция и провалилась, пулеметы с катеров заградотрядов расстреливали десантников, пытавшихся переплыть в отступлении Керченский пролив».

Эту страшную и горькую правду я слышал от непосредственных защитников Керченского полуострова.

В моем личном архиве находятся сотни фотокопий немецких совсекретных документов, заверенных архивом, о катастрофе Крымского фронта и трагедии Севастополя, которые я готовлю к публикации.

Я так много уделил внимания положению в Крыму потому, что в 1943 году в составе 43-го гвардейского штурмового авиационного полка принимал участие в боях за Керчь и видел, как многие советские воины сложили свои головы, и, может быть, потому, что в 1942 году так все бездарно получилось. О Мехлисе я упоминаю потому, что от многих очевидцев слышал о его самоуверенной наглости и презрении к людям. А ведь это был начальник Главного политического управления Красной Армии — заместитель министра обороны.

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, бывший начальник Генерального штаба, а в 1943 году — командующий Волховским фронтом, в своей книге «На службе народу» писал, что Л. З. Мехлис в это время был членом Военного совета фронта. Вот как он его характеризует: «О Мехлисе стоит сказать несколько слов особо. Это был человек с крайне гнусным характером. Он воспринимал все упрощенно и прямолинейно и того же требовал от других. Способностью быстро переориентироваться в часто меняющейся военной обстановке он не обладал и наличие этой способности у других рассматривал как недопустимое по его понятиям применение к обстоятельствам…

Неудача в Крыму, видимо, кое-чему его научила. Возможно, он понял, что вопросы тактики, военного искусства не его сфера деятельности. Так или иначе, но Мехлис на Волховском фронте занимался главным образом политработой и организацией снабжения войск всем необходимым… Это был человек честный, смелый, но склонный к подозрительности и очень грубый. От

Сталина он никогда ничего не скрывал. Сталин это знал и поэтому доверял ему… Добавлю, что среди офицерства уважением он не пользовался».

Наш 446-й полк оказался в Нальчике. Мы, солдаты, делали все возможное и невозможное, чтобы задержать противника. Многие летчики нашего полка пали смертью храбрых в тех боях. Особенно отличились два летчика, ставшие впоследствии Героями Советского Союза, Вадим Фадеев и Владимир Истрашкин, которым я готовил оружие для боя.

Наизусть мы тогда повторяли слова приказа Верховного Главнокомандующего № 227 — сурового и грозного, как и сама война. Наверное, это были впервые с начала войны произнесенные правдивые слова о положении на фронтах: «Надо упорно, до последней капли крови, защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать до последней возможности… Отступать дальше — значит погубить себя и вместе с тем нашу Родину… Ни шагу назад без приказа высшего командования!»

И стояли насмерть, остановили дальнейшее продвижение врага.

Приведу несколько строк из книги командующего 4-й воздушной армией К. А. Вершинина «Четвертая воздушная»: «С утра 25 октября 1942 года противник произвел звездный налет на войска и штаб армии, расположенный в селе Долинское. В налете участвовало до 100 бомбардировщиков, прикрываемых истребителями… Сорок два раза бомбили аэродром в Нальчике, где базировался 446-й истребительный полк…»

Сколько раз немцы налетали на наш аэродром, я не считал, хотя там находился целый день и вместе с товарищами отбивал атаки, но что было в то время очень жарко — это точно.

Полк обезлюдел, потерял почти всю технику в ожесточенных боях. Вскоре по приказу командования он был расформирован, а оставшийся личный состав был направлен в 6-й УТАП (учебно-тренировочный авиационный полк) 4-й воздушной армии для переучивания. Так в начале 1943 года я попал в 43-й гвардейский штурмовой авиационный полк, куда была передана эскадрилья, где я служил оружейником. Находился он в городе Сальяны Азербайджанской ССР.

В 6-м УТАПе кипела жизнь. Прибывали новые полки «безлошадников» на переучивание, убывали группы летчиков и техников на авиационные заводы за получением новой техники. Авиаторы, прибывшие с фронта, рассказывали о последних боях, а те, кто получал новые самолеты на авиационных заводах, пространно расписывали жизнь в глубоком тылу.

Летчики и авиаспециалисты знакомились с техникой прямо в цехах, а затем на аэродроме готовили ее к перелету на фронт.

Жизнь в УТАПе иногда доходила до курьезов. Вдруг оказывались «дезертиры наоборот» — летчики, которые под разными предлогами «бегут» на фронт. Многие техники, младшие авиаспециалисты доказывают, что они в свое время учились на летчиков, но документы, мол, потерялись и они хотят переучиваться на новые самолеты. Все, конечно, становилось на свои места, но так было!

Зимой 1942/43 года на советско-германском фронте стратегическая инициатива стала переходить к советским вооруженным силам. Немцы потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом, почти полностью был очищен Северный Кавказ, кроме Кубанского плацдарма. Были основательно потрепаны и армии итальянцев, румын и венгров. В них также были ощутимые потери. Войска Красной Армии на Украине возвратили свои позиции, утраченные в ходе наступления немцев летом 1942 года.

На стенде в нашем общежитии висела вырезка из газеты: «В Народном Комиссариате Обороны. За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать 590-й штурмовой авиационный полк в 43-й гвардейский штурмовой авиационный полк…»

Командиром полка был назначен подполковник Соколов Александр Дмитриевич. Тех, кто завоевал это почетное звание, осталось мало: полк в кровопролитных боях потерял многих летчиков и стрелков. Теперь мы должны были получить на вооружение штурмовики Ил-2.

На аэродроме техники внимательно рассматривали самолет. Обтекаемая форма фюзеляжа, стеклянная кабина, лобовое пуленепробиваемое стекло фонаря и выступавший далеко вперед острый капот мотора с конусообразным обтекателем винта. Все это придавало самолету хищный вид. Из передней кромки плоскостей смотрели две пушки и два пулемета, под крыльями — восемь металлических реек-направляющих для реактивных снарядов РС-82. В центроплане четыре бомбоотсека, да еще и два замка для бомб под фюзеляжем. Мотор, бензобаки, кабина летчика были упрятаны в броню. Скорость у земли самолет развивал около 350 километров в час. Вот это машина!

Оружейники основательно взялись за ее изучение. Вскоре мы узнали о боевых возможностях этого «летающего танка». Первые серийные штурмовики Ил-2 оснащались двумя пушками калибра 20 миллиметров, двумя пулеметами 7,62 миллиметра. Самолет

мог нести до 600 килограммов бомб.

В ходе войны работа над усовершенствованием боевых возможностей штурмовика продолжалась. В кабине воздушного стрелка был установлен крупнокалиберный пулемет Березина калибра 12,7 миллиметра. Пушки стали заменять на 23 миллиметровые, а позже — на 37 миллиметровые. Использовались реактивные снаряды большого калибра — четыре РС 132 миллиметровые. В вариантах бомбовой нагрузки были специальные противотанковые бомбы кумулятивного действия. Ни одна армия в мире в то время не имела такого, даже приблизительно равного по боевым качествам, штурмовика.

В полк начали прибывать воздушные стрелки. Среди них и бывшие курсанты летных училищ, которые не стали летчиками не по своей вине: в период нависшей угрозы прорыва немцев на Кавказ они были посланы в пехоту, принимали участие в боях, а затем их снова отозвали в авиацию. Теперь им предстояло летать воздушными стрелками. Но были ребята, ранее в авиации не служившие.

Знакомясь с поступившим пополнением, командование полка видело, что уровень подготовки воздушных стрелков невысок. Нужно было еще позаниматься с ними, усилить их боевую подготовку. В числе первых воздушных стрелков, которые прибыли в полк, запомнился Александр Паршиков, Виктор Барсачев, Михаил Черноусое, Тимофей Столяров, Леонид Кравцов, Иван Алясов, Георгий Багарашвили, Ахкар Ходжаев.

Однажды меня вызвал заместитель командира полка по политчасти, исполнявший в то время и обязанности командира полка. В его кабинете находился инженер по вооружению В. Ф. Коваленко. Воронцов сказал, что командование собирается привлечь меня к обучению воздушных стрелков, поскольку я хорошо знаю оружие, теорию и практику стрельбы.

Программа подготовки воздушных стрелков предусматривала изучение оружия самолета Ил-2, особенно пулемета воздушного стрелка УБТ, практические стрельбы из него в тире по макетам самолетов противника, изучение теории воздушной стрельбы и тактики штурмовиков, а также опыта воздушных боев против немецкой авиации.

Занятия по изучению оружия проводил инженер по вооружению, а мне пришлось вести «уроки» практической стрельбой в тире и знакомить новичков полка с теорией воздушной стрельбы.

Как известно, конструктор самолета-штурмовика С. В. Ильюшин первоначально спроектировал его в расчете на летчика и воздушного стрелка, но в одноместном варианте, полагая, что

броня, которая укрывала кабину, сама по себе неплохое оборонное средство и для экипажа, и для самого самолета. Словом, Ил-2 выпускался в одноместном варианте, но уже первые бои показали, что они достаточно легко становятся добычей немецких истребителей. В ходе войны пришлось перейти на строительство двухместных Илов. Воздушные стрелки успешно отражали атаки вражеских истребителей, и их стали называть «щитом самолета».

Первое свое занятие по теории воздушной стрельбы я начал, как учили меня в школе младших авиаспециалистов, и почти дословно пересказал хорошо мне запомнившиеся слова преподавателя этой школы Аркадия Ефимовича Литвинова.

— Солдат вооружен винтовкой, — говорил я, стараясь своим словам придать образность, то есть показывал, как я держу винтовку. — Он стреляет и огнем поражает противника и в рукопашном бою действует штыком и прикладом. А что такое танк? Это — оружие: пушка, пулемет, и управляет этим оружием экипаж, скрытый броней. А военный корабль? Это прежде всего пушки различного калибра. Возьмем, наконец, самолет. Это летательный аппарат различного устройства и назначения. Боевой самолет — это тоже летающее оружие: пушки, пулеметы, бомбы. Самолетом нужно уметь управлять, вести бой, уклоняться от огня противника и, самое главное, — наносить противнику эффективный удар из всех видов оружия. Летчик должен отлично владеть техникой пилотирования, тактикой ведения воздушного боя и оружием. Вести огонь в воздухе — это не то что на земле. Самолет летит в воздухе не но прямой, как нам кажется с земли. В действительности он летит, то проваливаясь на несколько метров вниз, то поднимаясь на воздушной волне немного выше. Затем летчик может слегка повернуть, и самолет на скорости отклонится влево или вправо, противник же этого не заметит. Летчик, открывая огонь по вражескому самолету, не прицеливается каждым пулеметом, как делаем мы на земле, в тире, а ведет огонь, прицеливаясь всем самолетом через специальный прицел, потому что оружие на истребителе укреплено неподвижно…

На последующих занятиях я неоднократно повторял, что самолет — это летающее оружие, а как-то рассказал старую шутку авиаконструкторов. Специалисту по вооружению самолетов доверили спроектировать истребитель. Он создал что-то вроде громадной пушки, облепленной маленькими крыльями, хвостовым оперением и передним шасси. Вооруженец был ослеплен своей приверженностью ко всему стреляющему. Но в его проекте была все же здравая мысль: бортовое оружие — главная

ноша истребителя, призванного уничтожать летательные аппараты противника, а иногда и штурмовать наземные цели.

Если принять во внимание, что атакующий и атакуемый в воздухе перемещаются с большой скоростью и при этом находятся на разных высотах, то нужно мгновенно оценить скорость противника, сопоставить с собственной скоростью и предусмотреть те отклонения в траектории полета пули, которые зависят от угла обстрела. Для того чтобы свести к минимуму необходимость вносить поправки в прицел, нужно открывать огонь с близкой дистанции и при этом не столкнуться со сбитым самолетом. Авиационное вооружение имело большую скорострельность: 7,62 миллиметровый пулемет системы Шпитального-Комарицкого (ШКАСС) — до 1800 выстрелов в минуту, а крупнокалиберный 12,7 миллиметровый пулемет системы Березина выпускал 1000 пуль в минуту.

«Мессершмитт» — «Ме-109» (выпуска 1939 г.) нес два пулемета, стрелявших сквозь диск винта, и две крыльевые пушки 20 миллиметров. Отлично защищенный от огня стрелкового оружия с земли, атаки истребителей противника, штурмовик отражал атаки огнем воздушного стрелка, а поэтому Ил-2 стал незаменимым самолетом авиационной поддержки войск. Штурмовики вылетали даже в самую непогоду, когда бомбардировщики не могли выполнять задачу и оставались на аэродроме.

Однажды на занятиях по воздушной стрельбе я так увлекся, что высказал приблизительно следующее:

— Отлично подготовленный стрелок на самолете Ил-2, с таким грозным оружием, как крупнокалиберный пулемет УБТ, да к тому же знающий тактику немецких истребителей и их уязвимые места, должен не только отразить атаки врага, но и сбить его!..

Я разошелся, стал приводить примеры, как сбивали воздушные стрелки фашистские самолеты. Сведения были почерпнуты в основном из газет или из рассказов бывалых людей. Но вот мой пыл внезапно охладил стрелок Георгий Багарашвили:

— Очень красиво гаваришь, кацо! Верно гаваришь… А почему сам не летаешь? Почему сам не покажешь, как нужно сбивать фашиста?! Зачем ты только гаваришь, много красиво рассказываешь?

Вокруг согласно зашумели. И тогда я сказал:

— И докажу! Подам рапорт с просьбой перевести меня в воздушные стрелки, и если командование разрешит, будем летать вместе.

Такое мое заявление вызвало полное удовлетворение

слушателей. В тот же день я подал рапорт на имя командира полка с просьбой перевести меня на должность воздушного стрелка.

Василий Федорович Коваленко начал отговаривать. Сказал, что он получил уже назначение на должность инженера по вооружению истребительного полка, которым командует Федор Сергеевич Королев, и что хотел бы взять и меня с собой. Это нетрудно сделать, так как полк Королева уже на фронте, а перевод в действующую армию из УТАПа по заявкам выполняется немедленно.

Я поблагодарил его, но просил все же направить мой рапорт командиру полка и рассказал, почему я так поступаю: хочу лично сражаться, оружие знаю и верю в него. А главное — я дал слово товарищам. Мой отказ они могут воспринять как трусость.

— Ладно… Я верю в тебя! В тот же день был подписан приказ о переводе меня в воздушные стрелки. Кстати, моему примеру последовали еще два мастера по авиавооружению — Василий Сергеев и Иван Свинолупов.

Учебно-тренировочный полк перебазировался в Ставрополь. Здесь продолжалась напряженная работа по совершенствованию техники пилотирования, слетанности групп, производились стрельбы и бомбометания с различных высот. Летчики, имевшие немалый боевой стаж, рассказывали о пережитом, делились своим опытом. Запомнились рассказы Георгия Устинова, Алексея Глобы, Николая Гундобина, Анатолия Пономарева, Виктора Твердохлебова, Виктора Иванова.

Николай Гундобин рассказал о начале боевого пути нашего 590-го полка, командиром которого был тогда майор Телегин, а заместителем майор А. Д. Соколов. 10 сентября 1941 года под Ростовом-на-Дону был первый вылет полка на штурмовку в составе двух эскадрилий на И-15. Прикрывали эту группу под командованием лейтенанта Багрова два И-16, пилотируемые Телегиным и Соколовым. Сержант Матвеев был подбит зенитным огнем и совершил вынужденную посадку на территории, занятой противником. Через три дня он пришел в свою часть: наши люди переодели его в гражданское и ему удалось перейти линию фронта.

19 ноября 1941 года было получено задание найти и разрушить понтонную переправу через реку Миус. Немцы ее искусно замаскировали. Самолет Георгия Устинова не был готов к вылету, а когда его исправили, группа уже ушла на боевое задание. В то время был строгий приказ: не летать одиночными самолетами, они легко становились добычей немецких истребителей. Устинов, стремясь догнать свою эскадрилью,

нарушил этот приказ.

В предыдущий вылет он обратил внимание, что в том месте, где река Миус впадает в лиман, стояли три-четыре грузовые автомашины-фургона, рядом небольшое количество вражеских солдат. Туда он и направился. Летел на высоте метров 700, так как выше была облачность. Вдруг увидел ровную ленточку понтонной переправы, а на западном берегу — много стогов, которых раньше не было. Он прошел над переправой, но немцы по нему не стреляли. Затем развернулся, спикировал и, сбросив бомбы на переправу, с переворотом устремился на ближний стог. От пулеметных очередей стог загорелся, а когда он начал стрелять по второму, немцы открыли сильный огонь из «эрликонов» (пушки 20 миллиметров). Из-под стогов выползали танки и бронемашины. Самолет Устинова буквально изрешетили, но ему удалось попасть в переправу.

Несмотря на успех, возвращаясь, он думал: что же теперь будет за нарушение приказа? На аэродроме его ждали и уже знали, что он разрушил переправу. Командир полка, Телегин поздравил Устинова за удачный боевой вылет и одновременно отругал за нарушение приказа. Дисциплина есть дисциплина!

Анатолий Пономарев рассказал, что Устинов водил пятерку И-15 на штурмовку в район северо-восточнее Таганрога. Младший лейтенант Семенов повел туда же другую группу. Вечером их обоих вызвали в штаб дивизии. Им сообщили, что наши самолеты нанесли удар по своим войскам, располагавшимся на северном берегу реки Мертвый Донец. Кто нанес удар? Семенов отказывался. Командир полка Телегин допрашивал Устинова. Тот утверждал, что его группа наносила удар в другом месте. Командир грозил трибуналом, расстрелом, но Устинов стоял на своем. Вмешался командир дивизии, заявив, что нужно тщательно разобраться.

На следующий день Георгий — уже рядовым — летел в тот же район села Хопры, где был нанесен удар по своим. При штурмовке противника его самолет был сбит, загорелся и упал в болото. Летчик с трудом вылез из самолета, и направился в сторону своего аэродрома. Вдруг навстречу Устинову вышли трое в комбинезонах. Тот, приняв их за немцев, решил последнюю пулю пустить в лоб: лучше смерть, чем плен. Вдруг один из них так громко выругался на русском, что Георгий от радости и наган выпустил из рук. Это оказались воины бронепоезда, стоявшего на станции Хопры. Они рассказали, что вчера наша группа самолетов нанесла по ним удар. Устинову дали стабилизатор бомбы АО-25, который он и принес на аэродром.

Так было доказано, что удар по своим нанесла группа

Семенова, которая бомбила вчера этими бомбами. Но дело прикрыли — не до разбирательств было. Георгий принес на аэродром печальную весть: в том вылете погибли сержант Лазарев и лейтенант Евдокимов. А вот рассказ самого Устинова: «1 ноября 1941 года был мой двадцать шестой боевой вылет. Я увлекся штурмовкой войск противника и остался один. На высоте 900 метров на меня набросились шесть «Ме-109». Один против шести! Закрутилась карусель над городом Азовом, которая длилась минут пятнадцать…

Позже мне рассказывали моряки, наблюдавшие бой с земли. Один «мессер» подошел очень близко, дал очередь. Самолет мой задымил, а потом взорвался. Я был выброшен из кабины в полубессознательном состоянии, но все же как-то мне удалось раскрыть парашют. Немцы пытались меня расстрелять в воздухе, но тут появились наши истребители, и они быстро ретировались. Я спустился на одной лямке, вторая сгорела. Спас меня от огня меховой комбинезон. Подлечился, и уже 17 ноября — снова в бой! Вел группу Семенов. Над целью нас встретили девять «Ме-109». Сразу же немцы сбили двух сержантов — Алябова и Матвеева. Семенов начал уходить на бреющем, а я остался последним, крутился между «мессерами», и только вблизи нашего аэродрома они наконец меня бросили: наверное, у них было горючее на исходе. Когда приземлился на поляне, то увидел: нижняя плоскость лежит на земле, руль глубины и стабилизатор — как пилой отпилили. Техники в броне-спинке насчитали 38 вмятин от пуль. В тот же день в другом вылете погибли сержанты Зязин и Голубев…

К нам прибыло пополнение. Командир полка вызвал меня из санчасти и говорит, чтобы я пошел к ним и рассказал о боевой работе. Стал отказываться, ссылаясь на то, что у меня обгоревшее лицо и это удручающе подействует на молодых летчиков. Телегин тоном, не терпящим возражений, приказывает: «Не на танцы прибыли, а на войну! Пусть знают правду! Иди!» Пришлось идти. Они, правда, прижались друг к другу, как котята, но слушали внимательно. Потом летали на задание, как все».

Виктор Твердохлебов рассказывал о том, как Иван Кузнецов спас командира своего звена Дворского. Они вылетели парой на разведку. Высота облачности была всего 100 метров. Над территорией, занятой противником, самолет Дворского был подожжен. Дворский садится на «брюхо». Кузнецов, не задумываясь, садится на И-16 рядом. Дворский закинул ногу в кабину, и Кузнецов взлетает под обстрелом немцев. На аэродроме все ждали возвращения своих товарищей. Прошел час, а их нет. Значит, сбили. Вдруг услышали рокот мотора и увидели

странный самолет с выпущенными шасси и горбом на фюзеляже. Тот с ходу по прямой — на посадку… За этот подвиг Кузнецов был награжден орденом Ленина, а Дворский — медалью «За отвагу».

Виктор Иванов рассказал о другом случае, когда лейтенанты Слизкоух и Плахань на И-15 под Ростовом-на-Дону штурмовали немцев и попали в подобную ситуацию. Лейтенант Слизкоух был подбит и совершил вынужденную посадку на территории, занятой противником. Лейтенант Плахань сел рядом и пытался вывезти друга, попавшего в беду. Тот отказался. Тогда Плахань предлагает ему сесть в кабину самолета, а сам решает держаться за стойку центроплана. Потрясенный, Слизкоух опять отказывается. Когда через неделю был освобожден Ростов, полк перебазировался на аэродром, недалеко от того места, где произошла трагедия. Ребята ходили туда. Труп Слизкоуха, раздетый и исколотый штыками, лежал недалеко от сожженного скелета самолета И-15. Верно говорят, что нужно взять себя в руки, нервам не дать взбунтоваться, испуг пересилить. Тогда из самой безнадежной обстановки можно выйти победителем.

Помню еще один рассказ Георгия Устинова: «8 марта 1942 года произошел такой случай. Мы должны были бомбить и штурмовать немцев в районе северо-восточнее Таганрога. При подходе к цели нас атаковали «мессершмитты». На самолет сержанта Николая Гундобина устремились три «мессера». В лобовой атаке он сбил одного, но два других подожгли самолет Гундобина. Самолет начал стремительно падать. Вернувшись на аэродром, доложил, что сержант Гундобин погиб: сам видел, как его самолет врезался в землю.

В то время я оставался за командира эскадрильи. Однажды меня вызвали на проходную. Там оказалась девушка, которая подала мне записку. В записке было написано: «Тов. к-р, лежу в ППГ-1 в Ростове, сильные ожоги лица, рук; чувствую себя хорошо. Николай».

Какой Николай? Гундобин сгорел — сам видел. Сели на полуторку с комиссаром эскадрильи — старшим политруком Сеньковским. Приехали. Надели халаты. Сестра показывает нам на палату. Входим. Лежат четверо. Трое — не нашего полка. У четвертого лицо черное, распухшее, руки и ноги тоже черные, обгоревшие. Я посмотрел ему в глаза и подумал: «Неужели Николай? Гундобин?..»

И чуть не упал, когда он произнес: «Юра. Это я…» Гундобин рассказал Устинову и Сеньковскому, что с ним произошло. Когда его подожгли, он хотел выпрыгнуть с парашютом, но внизу были наши наступавшие войска. На самолете бомбы, и он не мог

сбросить их на своих. Выход один… Повел горящий самолет на фашистов, сбросил бомбы, развернулся и потерял сознание от ожогов. Самолет упал на землю, но Гундобина выбросило из кабины. Он пришел в себя и начал отползать от горящего самолета подальше. Вскоре самолет взорвался. Николая подобрали и отправили в госпиталь. За этот подвиг Н. Гундобин был награжден орденом Ленина.

Алексей Глоба рассказывал, что после окончания Чугуевского авиационного училища ему присвоили звание сержанта. Осенью 1941 года попал в 590-й истребительный авиационный полк, который в то время базировался в районе Батайска.

Особенно запомнилось первое боевое дежурство: охрана железнодорожного узла от налетов вражеской авиации. Оповещения о предстоящем налете вражеских самолетов не было. Вылетали на перехват одиночных бомбардировщиков только тогда, когда видели в небе самолет противника, кружились над железнодорожным узлом, так как не могли догнать противника, который имел большую скорость, чем наш истребитель И-16. Злость брала, но что-либо изменить мы были не в силах!

При обороне Ростова-на-Дону полк штурмовал противника. Приходилось в то время делать до десяти вылетов в день, несли большие потери от зенитной артиллерии и истребителей противника. После освобождения города в 1941 году на одном из полевых аэродромов было захвачено несколько исправных немецких самолетов «Ме-109». Командование приняло решение: обучить группу летчиков летать на этих истребителях, чтобы изучить его сильные и слабые стороны.

Создали спецгруппу, ее возглавил майор Телегин, а 590-м полком стал командовать майор Соколов. В составе спецгруппы был и заместитель командира авиаэскадрильи нашего полка капитан Виктор Попов. Александр Иванович Покрышкин, впоследствии трижды Герой Советского Союза, летал в этой же группе. Виктор Попов быстро освоил «мессершмитт». В то очень трудное время он совершал на нем разведывательные полеты, добывая ценные сведения.

Однажды, возвращаясь на «Ме-109» с боевого задания, Попов совершил вынужденную посадку. Обычно он перелетал линию фронта на большой высоте, часто в облаках. В этот раз мотор «Ме-109» начал давать пере-, бои над территорией, занятой противником. Летчик был вынужден планировать, перелетая фронтовую линию на низкой высоте. Немцы, видимо, подумали, что их самолет заблудился, и сначала открыли предупредительный огонь, а затем, увидев, что тот летит на восток, стали стрелять на поражение. Попову все же удалось

посадить самолет в поле, рядом с каким-то селом. Вскоре его окружили женщины и подростки, вооруженные «подручными средствами». Когда же они услышали, что летчик говорит по-русски, то приняли его за предателя, и дело чуть не закончилось трагедией.

Спасла Попова находчивость. Он стал убеждать своих «конвоиров», что он был сбит над территорией, занятой противником. Там ему, мол, удалось захватить немецкий самолет и перелететь к своим.

Вскоре прискакавшие кавалеристы отвезли летчика сначала в свой штаб, а оттуда доставили на аэродром. Он снова продолжал летать на И-15, а 25 июля 1942 года капитан Виктор Алексеевич Попов погиб в неравном бою с «мессершмиттами».

И вот наш полк построен для встречи командира, который прибыл из Москвы после учебы на краткосрочных курсах. Поздоровавшись, гвардии подполковник А. Д. Соколов медленно прошел вдоль строя, сосредоточенно всматриваясь в лица. Его внимательные глаза как бы пронизывали каждого. Затем обратился к нам с краткой речью:

— Высокое звание гвардейского 590-й полк завоевал в тяжелейших боях ценой многих жизней. Мы всегда должны помнить боевые подвиги однополчан, брать с них пример. Победа достигается в боях настойчивым трудом. Нужно изучить свое новое оружие только на «отлично». Полку предстоят сражения с ненавистным врагом, а побеждать его могут только мужественные и умелые воины… В ближайшее время я постараюсь познакомиться с каждым из вас лично…

Внешне Соколов ничем особенным не выделялся: роста невысокого, щупленький. Но это был опытный и смелый командир.

Однажды я проводил занятия с воздушными стрелками в тире. Занимались прицеливанием по макетам вражеских истребителей. Командир полка внимательно наблюдал за действиями воздушных стрелков, иногда задавал вопросы.

В тот же день он вызвал меня и внимательно расспросил о моей службе в качестве оружейника, об учебе в институте, о родных, о подготовке воздушных стрелков. В конце беседы сказал:

— Нужно так подготовить воздушных стрелков, чтобы они не допускали «мессершмиттов» к нашим Илам. Основная фигура в экипаже — летчик. Но когда начинается воздушный бой, стрелок становится щитом экипажа. Огонь, который он ведет из крупнокалиберного пулемета, является защитным барьером штурмовика, и ни один вражеский ас не осмелится к нему приблизиться. В групповом строю коллективный огонь воздушных

стрелков является надежной обороной задней полусферы. Что же касается передней обороны, то огонь, открываемый летчиком из двух пушек и двух пулеметов, создает неприступный барьер для истребителей противника спереди.

Затем объявил, что берет меня в свой экипаж стрелком и надеется, что я приложу все силы для подготовки воздушных стрелков полка.

Александр Дмитриевич был доступным и одновременно требовательным командиром. Иногда он заходил к нам в казарму, слушал игру на баяне воздушного стрелка Владимира Тарасова. Затем брал баян и сам играл. Часто ребята просили его рассказать о боях в Испании, о летчиках-добровольцах. Теперь об этом известно из книг, а тогда перед нами выступал очевидец тех событий.

Запомнился его рассказ о том, как восторженно встречали жители Мадрида наши самолеты, которые вели воздушный бой прямо над городом. Тогда группа, где был и Соколов, разгромила армаду фашистских бомбардировщиков, пытавшуюся бомбить беззащитный город.

Он рассказывал, как наших летчиков на аэродроме под Мадридом приветствовал командующий республиканской авиацией. Тот говорил, что враг бомбардирует Мадрид, горожане живут в страхе и ложатся спать без надежды увидеть утреннюю зарю. Республике нечем отражать налеты итало-германской авиации. На вас все надежды, друзья-интернационалисты, на вас смотрит Мадрид, старики, женщины и дети!..

Однажды Соколов шел на посадку после жаркого воздушного боя, самолет был поврежден и при посадке разбился. Резервных машин не было. Командир эскадрильи Сергей Тархов направил его на наблюдательный пункт, который находился на 14-м этаже здания «Телефоники» — самого высокого тогда здания Мадрида. Там ему вручили бинокль и оптическую трубу на треноге. Оттуда он докладывал по телефону на аэродром свои наблюдения о передвижении фашистов, о появлении вражеских самолетов, артиллерийских батареях.

Рассказал командир и о том, как в ноябре 1936 года над аэродромом пронесся трехмоторный «юнкере». С самолета на парашюте был сброшен ящик. К нему не решались подходить: а вдруг там бомба с часовым механизмом? Через пару часов смельчаки все же подошли и вскрыли ящик.

Внутри, в завязанной простыне, лежали останки изрубленного человека, обрывки одежды, а сверху записка на испанском: «Этот подарок посылается командующему воздушными силами красных, чтобы знал, какая судьба ожидает

его и всех большевиков».

Погибшим был командир отряда республиканской авиации Хосе Галарс, он же Владимир Бочаров из эскадрильи капитана Антонио (псевдоним Сергея Тархова).

Летчики, участвовавшие в воздушном бою, рассказывали, что Владимир Бочаров смело вступил в схватку с пятью немецкими истребителями «Хенкель-51» и сбил одного. Как потом стало известно, самолет Бочарова был поврежден, сам он ранен. Произвел вынужденную посадку на территории, занятой фашистами близ города Сеговия…

Мы слушали командира затаив дыхание. За бои в Испании Александр Дмитриевич был награжден орденом Красного Знамени, а за бои под Ростовом орденом Ленина.

Он пришел в авиацию в те времена, когда профессия летчика была овеяна ореолом романтики и таинственности. Слова «авиация», «эскадрилья», «летчик» звучали для него как музыка. В те годы авиацией бредили многие мальчишки. Тогда-то и появился призыв: «Комсомол, на самолет!» Увлечение авиацией было массовым, но не всем желающим выпадала честь стать летчиком. Профессия авиатора требовала от человека беспредельной смелости, мужества, собранности, умения сконцентрировать свою волю. Не каждый может повседневно рисковать жизнью, переносить тяжелые лишения и, несмотря на это, каждый раз вновь испытывать радость полета.

Служба в авиации воспитывала и развивала в людях особые качества. Наш командир часто повторял:

— Помните, смелость, отвагу надо сочетать с осторожностью, с разумным риском. Не допускать ошибок. Ошибка, просчет в бою — это гибель. А вам нужно победить врага и уцелеть самим.

Под руководством таких командиров, как Соколов, наши авиационные части становились подлинной школой боевого мастерства.

Война — суровый учитель. Она учит беззаветной храбрости и самопожертвованию. Заставляет дорого оплачивать любую ошибку. Война — это жестокая проверка каждого, крах дутых авторитетов и быстрое выдвижение талантов.

Человек на поле боя, оказавшийся, волей или неволей, перед необходимостью убивать себе подобных и умирать самому, в этот миг вынужден решать многие вопросы. Честь и бесчестье, верность и предательство, любовь и ненависть, храбрость и трусость, умение победить — все нравственные проблемы завязываются здесь в тугой узел.

В условиях войны, на фронте мог выдержать длительное время только тот, кто вовсе не имел сердца или имел в сердце

такую любовь к людям, а это значит и к своей Родине, что полностью забывал о себе, добиваясь победы над сильным противником, имевшим своей целью уничтожение нашего народа. Перед глазами воинов вставали сожженные карателями деревни, часто с живыми людьми, женщины с малыми детьми на руках. Память о тех незабываемых годах войны, о спасших Родину солдатах жива и будет жить в веках — так думали мы, фронтовики, в то время. Хотелось, чтобы нашему народу никогда больше не пришлось пережить то, что выпало моему поколению.

В социализме как учении всегда было много утопического: идея мировой революции, введение социализма насильственным путем, «военный коммунизм» или идиотизм Хрущева — построить «светлое коммунистическое будущее» в 1980 году. Но у нас все же было создано великое государство при помощи плановой экономики. И верно говорили на Западе, что не коммунизм переделал Россию, а Россия переделала коммунизм и он оказался привлекательной идеей. Парадоксы. Вспомните: в колхозы загоняли силой, что приводило к массовым трагедиям, а потом они стали потребностью крестьян, ибо это соответствовало нашему русскому общинному духу.

Историк В. Ключевский писал, что отличительное свойство великого народа есть способность подниматься на ноги после падения!

Подгонка нашей реальности под догмы марксизма приводила к тяжелым травмам, но в этом К. Маркс не виновен. В. И. Ленин, как прагматик, к концу жизни подправил марксизм, а И. В. Сталин вообще исходил из здравого смысла, но тоже наделал много ошибок. Он их исправлял, но никогда не признавался в этом, чтобы не подрывать свой авторитет.

«Великие деятели» часто нарушают народную мудрость многих национальностей: «Не зная броду — не лезь в воду!»

Причина поражения часто кроется в низких интеллектуальных и организаторских способностях. Многие люди, видя зло, помалкивают, соглашаются, а ведь честному человеку плохо жить при любой власти, если молчать.

К чужим советам нужно уметь прислушиваться, но жить чужим умом нельзя! «Односторонность есть главная причина несчастий человека», — говорил Л. Н. Толстой. Обсуждая сегодня проблемы нашего-прошлого, мы не в силах влиять на них. История уже состоялась. Безвозвратны наши надежды, стремления и разочарования, постижения и драмы навсегда ушедших людей и поколений.

Вновь обращаться к делам давно минувшим заставляют нас споры о прошлом, которое судят так безжалостно горячо

«новоявленные историки», и часто бескомпромиссно. И получается, что день вчерашний отодвигает на второй план дела и заботы сегодняшние.

Каждому новому поколению невозможно довольствоваться историческими представлениями своих отцов и дедов, ибо найти свое место в настоящем человек может самостоятельно, учитывая сложный, противоречивый опыт всей нашей истории. Самое главное для историка состоит в том, чтобы твердо придерживаться принципа историзма, учитывая все обстоятельства. Нельзя давать простые, однозначные ответы на драматические события прошлого. С другой стороны, нельзя отказываться от своего прошлого, каким бы оно сложным и горьким ни было, ибо в таком случае мы будем натыкаться на старые ошибки и заблуждения. Трудные вопросы истории требуют серьезного, вдумчивого анализа.

История принадлежит не только человечеству, народу в целом, но и каждому из нас лично. Каждый из нас обладает неотъемлемым правом на сугубо индивидуальное осмысление, истолкование и использование на практике ее бесценного опыта, как положительного так и отрицательного…

В те послевоенные годы после всемирно исторической победы казалось, что достигнуто также и единство партии и народа. Однако и тогда было очень много людей, которые думали иначе.

В США сбежал сотрудник военной приемки (доставка грузов в СССР) некий Кравченко. Затем он издал антисталинский бестселлер «Я выбрал свободу». Книга делалась конечно же с помощью американских спецслужб. Там таких мастеров хватает.

французский журнал опубликовал статью, где давал оценку перебежчику как изменнику, предателю и лжецу. Кравченко предъявил иск журналу, и в Париже был процесс по его иску. Естественно, все западные радиостанции передавали об этом, отчеты о процессе широко публиковались в газетах и журналах.

На процессе выступали свидетели с обеих сторон. Бывший руководитель генерал Руденко прибыл из Москвы и в своем выступлении говорил, что Кравченко вор и пьяница, что он боялся службы в армии, притворялся больным. Генерал велел его отправить немедленно в Москву, но тот сбежал. Руденко говорил примерно следующее, что у него в подчинении в Вашингтоне было около тысячи человек, авиаполк на Аляске, группа кораблей. Он возглавлял еще и филиалы в разных городах Америки. И везде работали добрые и честные люди. Этот оказался дезертиром, предателем, к тому ж и уголовным преступником. Не такие люди определяют поступь истории…

В качестве эксперта на суде выступил бывший царский

генерал-эмигрант, бывший военный прокурор, и он буквально потряс своей логикой присутствующих на процессе. Он сказал приблизительно следующее: «Я, конечно, давно живу во Франции, служил в царской армии, а затем в армии Деникина. Я антикоммунист, но могу сказать следующее. Военнослужащие принимают воинскую присягу и обязаны ее выполнять. Кравченко был офицером воюющей армии, которая сражалась за Россию, и здесь политические взгляды и пристрастия ни при чем. Кравченко изменил своей Родине в период войны, и если бы я был председателем военного трибунала, то потребовал бы для предателя смертной казни…»

Некоторые западные газеты высказывания такого эксперта замалчивали, а другие писали, что, мол, можно взять от выжившего из ума старика и т. д.

Кравченко учился в Харькове, работал в Днепропетровске. В войну работал на военном заводе инженером, а потом был направлен для приемки военной продукции в США. Ему было присвоено офицерское звание, но, судя по обстоятельствам дела, попал в поле зрения разведки и совершил то, что случилось.

Были и другие выступления, в которых содержалось немало правды о нашей действительности. Умалчивать их было бы не справедливо. К примеру, выступали свидетели, которые рассказывали о страшных годах принудительной коллективизации в стране и голоде на Украине в начале 30-х годов. Так, профессор Николай Лаговский, который в то время проживал и работал в Париже (процесс проходил в 1949 году), говорил:

«Во время коллективизации и голода я жил в Харькове. По дороге в институт я часто видел трупы, которые не успевали убирать. Это были тела крестьян, приходивших в город в поисках куска хлеба. Помню, как-то раз я шел в институт, и у меня был кусочек хлеба. Я увидел какого-то очень изможденного человека. У него не было сил подняться с земли. Я отдал ему кусочек хлеба, а на обратном пути я снова его увидел. Он держал в руках мой хлеб. Я подошел поближе, чтобы узнать, в чем дело, и увидел, что он уже мертвый. Рассказывали также про людоедство. Я видел женщину, которая съела своего сына. Мне нужно было попасть в деревню Мерчик, в тридцати километрах от Харькова. Я должен был навестить сына, который там находился в детском доме и болел. На обратном пути я познакомился с врачом из этой деревни, вместе с которым нам нужно было пройти четыре километра до станции. Доктор мне сказал: «Зайдемте в эту хату, я вам кое-что покажу». Мы зашли. Там лежала женщина, уже сильно опухшая. Врач мне сказал: «Посмотрите на эту женщину.

Она убила своего четырехлетнего ребенка и съела его. Но арестовывать ее нет смысла, потому что она через два, а может, три дня сама умрет». Студенты мне рассказывали про людей, которые собирали колоски в поле и которых за это отсылали на принудительные работы…»

Другой свидетель инженер Удалов, уроженец Днепропетровска, рассказал суду о зверствах в застенках НКВД, а затем и в лагерях.

На вопрос судьи, зачем так поступало Советское правительство, он ответил: «Мы предполагали, что правительство нуждается в рабочей силе в Сибири и на Крайнем Севере, где шли большие стройки. Люди добровольно туда не ехали, а правительство не хотело давать никаких привилегий, поэтому оно и прибегало к таким методам».

Когда-то Вольтер писал: «Никогда еще история не испытывала той нужды в достоверных фактах, как в наши дни, когда так беззастенчиво торгуют ложью. Правда — суть истории. И пока будет править бал ложь, история будет снова «хромоножкой». Так до недавнего времени уже было. И, видно, опыт агитпропа не пропадает ныне втуне у нынешних демократических правителей.

Шарлотта Корде сказала: «Я убила не человека, а дикого зверя» (убийца Марата).

В мемуарах графа Черника, министра иностранных дел Австро-Венгерской империи, есть такая запись от 6 декабря 1917 года: «Это большевики, и кто знает, не найдется ли своя Корде и для Троцкого?..»

Через четверть века предсказания графа сбылись. В этом деле выступила сначала группа талантливых террористов-интеллектуалов (в том числе известный мексиканский художник Д. Сикейрос и чилийский поэт П. Неруда). Злодеяния масона и сиониста Лейбы Бронштейна над русским народом не остались безнаказанными, хотя его и сейчас оплакивает еврейская буржуазия, проклиная патриота России грузина Сталина….

Затем на процессе выступала свидетельница — врач из Днепропетровска Кашинская и рассказывала о голоде на Украине: «Нас, студентов, разбили на бригады и послали в разные деревни, в которых вымерло много народу…

В деревне, где я работала, в живых не осталось ни души. Весь урожай должны были убрать студенты, а мы сами пухли от голода… Вернулись мы в город только осенью, конечно не управившись с уборкой. Все были опухшие от голода. Занятия начались только в конце осени, а в Днепропетровске в это время еще было немало трупов. Мы вечно были голодные. Хлеб

отсылали за границу, а украинский народ умирал с голоду. Украинским хлебом финансировали мировую революцию через Коминтерн, устраивали демпинги на мировом рынке… В 1927 году на Украине было 32 миллиона жителей, а в 1939 году 28 миллионов… Вот почему я не хочу возвращаться в СССР».

Затем выступили другие свидетели, и хотя они теперь жили на Западе, но их ответы можно считать правдивыми, ибо это действительно было в моей стране.

Вот показания слесаря Лузна: «У моего отца была семья тринадцать человек. У нас было семь гектаров земли и четыре коровы. Батраков никогда не нанимали. Нас выселили на Север. Маленькие дети там умерли от голода. И нас постоянно преследовал голод. Ели мы чаще всего иглы сосновые, пили березовый сок. Работали в лесу, а тут эпидемия тифа пошла. Большинство раскулаченных погибли. Мне удалось сбежать на Украину. В 1933 году я видел там страшный голод. Хлеб весь у крестьян отобрали до последнего зернышка. Голод на Украине был устроен нарочно. Были случаи людоедства. В селе Ипатьевка крестьяне откопали падшую лошадь и съели. А их НКВД расстреляло. Был я свидетелем и принудительной коллективизации. Всего этого я простить правителям не могу…»

Этот процесс показал всему миру, какие страшные годы пережил советский народ и после Гражданской войны. Я и сам в то время, будучи мальчишкой, многое из того, о чем рассказано выше, видел в Харькове собственными глазами.

Приговор того парижского суда был таков: ответчикам надлежало выплатить Кравченко в возмещение ущерба, нанесенного ему публикациями в «Леттр франсэз» 175 тысяч франков. Суд также предписывал «Леттр франсэз» опубликовать свое решение. Впоследствии решение о денежной компенсации было отменено кассационным судом, вернее, сумма компенсации была снижена до символической.

Кравченко после процесса вернулся в США, затем жил в странах Латинской Америки, занимаясь бизнесом. В 1966 году он приехал в Нью-Йорк, где вскоре в отеле покончил с собой.

Возможно, как предателю, ему помогли это сделать наши спецслужбы. Если это так, то можно сказать, его настигло возмездие.

Собственно говоря, приводя на страницах своей книги материалы того парижского суда, я ставил целью показать, как преступная политика властей разрушала облик социализма, в который поверил наш народ. А проводили на Украине эту политику истребления людей под благовидными предлогами выполнения решений партии и Советского правительства все те

же косиоры, эпштейны-яковлевы, кагановичи, чуть позже Хрущевы и им подобные. Вот почему Сталин в 1937 году уничтожил многих из этих ретивых исполнителей, хотя им приписывались другие злодеяния.

А вот отзвуки этих событий уже на фронте, свидетелем которых я был сам. Южный фронт, осень 1941 года, аэродром Константиновка в Донбассе. Солнышко чуть пригревает, облака кучерявятся. Летчики уже сделали кто два, а кто три боевых вылета. Но далеко от самолетов они не уходят. Двое сидят под крылом, беседуют, а я набиваю пулеметные ленты. Эти двое мои земляки, тоже украинцы. Так что понимают друг друга с полуслова. И толкуют они о своих недавних крестьянских делах. Один другому говорит:

— Да, и у нас голод был. Да еще какой! Все, что собрали, еще до весны вывезли. А потом еще уполномоченные каждую хату чуть ли не через сито перетрясли. Ни зернышка на прокорм не оставили, о семенном фонде я уж и не говорю.

Но наш дед до чего ушлым оказался: все-таки припрятал на весну для посева несколько початков кукурузы. Где-то на чердаке, под стрехами хранил. Никто из нас даже не знал об этом. Только меньшой наш — Ванятка — умудрился подсмотреть за дедом, как-то пробрался на чердак и один початок схрумкал прямо там. А тут, как назло, дед решил проверить свои сокровища. И застал Ванятку прямо на месте «преступления». Дед-то немощный был, он чуть-чуть-то и толкнул Ванятку, а тот с испугу, что ли, — с чердака на двор свалился. Да так неловко — головой оземь. И насмерть! Дед страшно убивался: хлопчика из-за початка жизни лишил.

После похорон Ванятки и прожил-то недолго, помер. От тоски, наверное. Только все равно вряд ли он бы выжил, уж больно зима голодная была. Не только старики и старухи мерли, не знаю, как мы живы остались. Смотри-ка, ракета! По машинам!..

Такой вот разговор, которому я был невольный свидетель, вели два советских летчика-истребителя перед тем, как поднять в воздух свои самолеты, повести их в бой, итог которого кто мог предугадать: вернутся ли они живыми?..

В то время большинство советских воинов думали о том, как спасти Родину от нашествия внешних врагов, а не о мести своим руководителям. И в этом тоже был залог нашей будущей победы.

В 1949 году в берлинском Трептов-парке был открыт мемориальный комплекс. Авторам удалось не только успешно решить чисто композиционную задачу, сохранив цельность и ясность основной пространственной, пластической идеи, не впадая в мелочность, в излишнюю детализацию. Был достигнут

самый важный, конечный результат — сила и полнота художественного эффекта и устойчивого впечатления, производимого на зрителя. Это был уникальный мемориальный комплекс, не имевший себе аналогов в мировой практике. Еще в 1946 году военный совет Группы советских оккупационных войск объявил конкурс на проект памятника-кладбища героям штурма последнего бастиона нацизма. В условиях конкурса отмечалось: «При разработке проекта исходить из задачи создать долговечное монументальное историко-мемориальное сооружение, отражающее идею увековечения светлой памяти павших советских воинов и величие интернациональной освободительной миссии Советской Армии, во имя осуществления которой эти воины отдали свои жизни».

Самым оригинальным, наиболее полно отвечающим замыслу, признали проект, разработанный скульптором Е. В. Вучетичем и архитектором Я. В. Белопольским. Это была работа, во многом неожиданная по своему идейному содержанию. На покоренной земле бывшего врага предполагалось установить памятник, символизирующий не мощь и превосходство оружия, а превосходство морального духа и благородства русского солдата. И все же хотя это был глубоко русский по форме проект, он оказался подлинно интернациональным по содержанию.

Выбор пал на Трептов-парк не случайно. Предложение это сделал Вильгельм Пик, ибо там, по традиции, устраивались маевки, начинались демонстрации берлинского пролетариата. Там выступали Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Эрнст Тельман. Сюда были перенесены останки павших советских воинов. Более трех лет велась напряженная работа над монументом. В ходе строительства был выполнен огромный объем работы (каменная орнаментальная мозаика, создание скульптурных рельефов, отливка статуй из бронзы, посадка тысяч деревьев и кустов). Тридцатиметровая фигура воина-освободителя со спасенным на руках ребенком и мечом, вонзенным в обломки фашистской свастики, была хорошо видна в Берлине. Интересно, что гранит для памятника был использован тот, что по распоряжению Гитлера был заготовлен для строительства памятника победы фашистских войск над Россией. Но история, как говорится, распорядилась иначе.

В ГДР, на территории 108 177 квадратных километров проживало около 17 миллионов человек. Расстояние по прямой от южной границы до северной составляло почти 500 километров, а с востока на запад — около 350 километров. В масштабах Европы она не относилась к числу крупных стран. Но по показателям объема, структуры и качества промышленной

продукции постепенно ГДР начала входить в число наиболее промышленно развитых стран мира. Жизнь народа с каждым годом улучшалась, и пропаганда утверждала, что социализм — это уже не мечта, а действительность.

Я вспоминаю события послевоенного времени. Первые годы были временем апогея культа личности Сталина. Эти же годы были годами продолжения массового подвига народов СССР, сумевших возродить разрушенное войной хозяйство, села и города. Временем крупных достижений науки и техники, в том числе решения атомной проблемы для укрепления обороноспособности страны и для мирных целей. Но, как всегда в периоды конфронтации, велся поиск «внутреннего врага». Сталинскому руководству нужно было «поставить в рамки» людей, познавших вкус победы и относительной свободы. На фронте ведь, по крайней мере на первый взгляд, нет ничего страшнее войны. Люди, с боями прошедшие пол-Европы, видевшие жизнь в других странах, привыкшие в боях мыслить и действовать самостоятельно, жили надеждой, что после войны жизнь будет лучше.

«Прочищение мозгов» начали с творческой интеллигенции. Первый удар был нанесен против двух талантливых и популярных авторов: писателя-сатирика Михаила Зощенко и поэтессы Анны Ахматовой. Некоторые исследователи выражают мнение, что кто-то услужливо подсунул Сталину переводы речей Геббельса, в которых тот иногда цитировал Зощенко. Так же тенденциозно подбирался материал и о творчестве Ахматовой. 14 августа 1946 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в которых Зощенко и Ахматова были подвергнуты жестокой критике. В 1946 году, тяжелом, неурожайном, голодном, были приняты еще несколько аналогичных постановлений, целью которых было отвлечь внимание народа от послевоенных трудностей и невзгод. Позже развернулась борьба с «космополитизмом», «преклонением перед иностранщиной»… Грубость, бесцеремонность в обращении с деятелями науки, культуры и искусства, гонения на них, высокомерное отношение к культуре Запада снижали авторитет нашей страны в мире, хотя престиж русской культуры в мире был весьма высок. Как и положено, все должны были одобрять постановления и клеймить кого приказано…

В Военно-воздушном отделе, где я тогда служил, тоже проводились открытые партийные собрания, на которых обсуждались эти вопросы.

Помню, один выступающий чистосердечно сказал:

— Я этого хохмача Зощенко не читал, а об Ахматовой даже не

слышал, что такая существует и что она там пишет. Но я скажу, что этот Зощенко не стоит нашего переводчика Петренко. Вот это юморист! Знаете, вчера он нам всем в отделе задал вопрос: знаем ли мы, кто такой Обломов? Мы, естественно, отвечаем, что отрицательный персонаж из романа Гончарова. А он говорит дальше: «А знаете, что такое сверхобломовщина?» Мы молчим: не проходили. А он отвечает: «Обломов читал газету, лежа на кровати, а потом заснул. Проснулся и захотел продолжить чтение, а газета-то под ним. Лень ему подниматься, так он оторвал кусок газеты, прочитал его и снова — спать. Потом проснется, еще кусок оторвет и так далее…» Вот это хохмач!

Все, конечно, смеялись, а Петренко вместе с нами. А в общем обсуждение сводилось к тому, что раз ЦК ВКП(б) решил, то мы поддерживаем. А о том, что своей молчаливой поддержкой подписываем кому-то приговор, не думали.

Корни космополитизма в то время русские патриоты видели в еврейском национализме. В 1949–1952 годах антипатриоты в культуре были в значительной мере вытеснены из общественной жизни, но они быстро перестроились и объявили себя истинными русскими патриотами, не переставая поносить в своей среде все русское. Хорошо, а главное метко, тогда в басне сказал С. В. Михалков, что эти люди хвалят все заграничное, а сало русское едят. И это была правда, с которой народ был полностью согласен и поддерживал борьбу с западопоклонством. Однако и тут у нас, как всегда, были перегибы.

Пора бы уже было признать, что в довоенные годы олицетворением передовой научно-технической мысли среди стран мира была Германия. Я вспоминаю послевоенные годы, когда бывал на авиационных заводах Германии, где производился демонтаж оборудования. Специалисты нашей авиапромышленности, занимавшиеся этим делом, в доверительных беседах отмечали чрезвычайно высокий уровень технологии и технической оснащенности (такие беседы могли нам стоить, в лучшем случае, ярлыка «преклоняющихся перед иностранщиной» со всеми вытекающими отсюда последствиями). Как уже отмечалось, немцы хорошо знали возможности нашей авиапромышленности. После окончания Гражданской войны в Филях под Москвой немецкая фирма «Юнкерс» построила авиационный завод, где работали и немецкие специалисты.

А вот пример нашей почти патологической охраны государственных секретов. В 1986 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга заслуженного летчика СССР, профессора, генерал-полковника авиации, Героя Советского Союза Михаила Михайловича Громова «Через всю жизнь» о первых годах развития

отечественного самолетостроения. Автор конечно же знал о немецком авиазаводе в Филях, но даже в то перестроечное время редакторы считали упоминание об этом невозможным. Вот фрагмент из этой книги: «Спортивный задор толкал меня на совершенно неожиданные поступки. Как-то над моим ангаром пролетел довольно низко незнакомый самолет. Все, стоявшие около ангара стали за ним наблюдать и увидели, что сел он, видимо, на аэродроме в Филях. Я решил проучить того, кто вздумал нас дразнить. Поставил «мартинсайд» около ангара, так, чтобы можно было, никому не мешая, быстро взлететь. Механик периодически подогревал мотор. Наконец дразнивший нас летчик взлетел в Филях, и я мгновенно впрыгнул в свой «мартинсайд». Взлетаю… Незнакомец шел на небольшой высоте прямо к нашему ангару. Я летел ему навстречу еще ниже, и он меня не заметил. Быстро развернулся над лесом, который в то время еще сохранился к северу от аэродрома, и совершенно неожиданно сел ему сзади на «хвост» и уже не выпускал до тех пор, пока он не пошел на посадку в Фили. Его самолет еще катился по земле, когда я, пройдя над ним на высоте не более десяти метров, дал полный газ, взмыл вверх, сделал замкнутый вираж и ушел к своему ангару.

Больше этот самолет к нам уже не наведывался. Впоследствии оказалось, что это был двухместный истребитель «Юнкерс-21». Полет проходил на глазах у всех, стоявших на нашем аэродроме, и, видимо, начальство сделало кое-какие выводы, положительные для меня и очень не выгодные для «Ю-21».

Ни слова в книге не сказано о немецком авиазаводе в Филях, и читатель, естественно, находился в недоумении, как попал в Москву немецкий двухместный истребитель.

В 1950 году разразилась война на Корейском полуострове. Она была обязана своим происхождением тому глубокому повороту в расстановке сил на мировой арене, которым были отмечены первые годы после окончания Второй мировой войны. Ситуация точно отражала глобальное противостояние между Западом и Востоком. Однако здесь, на локальном уровне, она ощущалась куда конкретнее и острее. Раскол нации по воле сверхдержав глубоко травмировал чувства корейского народа, создавал условия для развития национализма. По обе стороны 38-й параллели возникло движение за восстановление единой Кореи. Если на Севере это движение выливалось в требование провести на всей территории страны выборы и объединить нацию на этой основе, то на Юге, где ставленнику США Ли Сын Ману, мнившему себя общенациональным лидером, были переданы диктаторские

полномочия, с самого начала готовились к распространению власти Сеула на всю страну.

В планы подготовки входила разработка версии о нападении КНДР, китайских коммунистов и Советского Союза на Южную Корею. Эта версия была нужна Вашингтону, в замыслы которого входило вовлечение ООН в планируемую силовую операцию под предлогом агрессии со стороны коммунистических государств. Если Сеул должным образом инсценирует убедительный предлог и докажет, что Южная Корея подверглась нападению, Вашингтон обещал Ли Сын Ману вооруженную помощь для реализации его планов на Севере. С того момента, когда 38-я параллель была преобразована в государственную границу, со стороны южнокорейских военных формирований и полиции начались вооруженные провокации против пограничных постов КНДР.

Количество таких провокаций возрастало по мере приближения 25 июня 1950 года, когда начались боевые действия. Некоторые из этих провокаций имели характер разведки боем. От перебежчиков из южнокорейской армии, от разведки поступали данные о подготовке армии к наступательным действиям. Кое-что содержалось на эту тему также и в сообщениях западных информационных агентств. Наличие подобных планов подтвердили военные документы, оперативные карты, попавшие в руки северокорейских войск при взятии ими Сеула.

Северокорейская сторона принимала меры по повышению боеспособности и боеготовности своих войск.

Содействуя реализации планов Ли Сын Мана и готовясь вмешаться во внутрикорейский конфликт, США имели в виду взять под американский контроль весь полуостров и превратить его в континентальный плацдарм стратегии «сдерживания коммунизма», непосредственно примыкающий к границам Китая и Советского Союза. Уничтожение КНДР должно было продемонстрировать решимость США приостановить расширение позиций социализма в Азии. При этом они учитывали фактор времени: сделать это до того, как в Китае консолидируется власть коммунистов, а СССР справится с трудностями послевоенного восстановления. Южнокорейская армия, организованная и вооруженная Соединенными Штатами Америки, имела тогда превосходство над армией КНДР.

Утверждение, что в развязывании этой войны был виноват И. В. Сталин, не соответствует действительности. Известно, что Сталину была свойственна сугубая осторожность в том, что касалось возможности военного столкновения СССР и США, обладавших уже испытанным в Японии ядерным оружием, хотя

наша страна тоже тогда имела атомную бомбу.

Даже когда американские войска пересекли 38-ю параллель, решение о вооружении двадцати китайских добровольческих дивизий и направлении в район боевых действий соединений нашей истребительной авиации для прикрытия Кореи от варварских бомбардировок и авиационного обеспечения боевых действий было принято Сталиным после мучительных раздумий и длительных переговоров с Чжоу Эньлаем, командированным в СССР для этой цели. Сталин, опытный и искушенный политик, не принимал решений под влиянием эмоций или случайных соображений. Он предпочитал пунктуально соблюдать договоренности о послевоенном устройстве мира, и в том числе об американо-советском разграничении на Корейском полуострове.

В Москве и в Пекине в то время достаточно критически оценивали боеспособность северокорейской армии. В то время и Мао Цзэдун не желал напряженности на китайской границе, ибо еще не все территории были взяты под контроль новой власти и армия Китая готовилась к сложной операции по освобождению Тайваня.

Президент США Гарри Трумэн, приказавший с началом войны в Корее ввести в Тайванский пролив силы 7-го флота, не дал возможности выполнить такую задачу, а поэтому Китай не был заинтересован в развертывании в Корее полномасштабных боевых действий. Положение изменилось, когда 7 октября 1950 года американские войска пересекли 38-ю параллель и устремились на север. В условиях угрозы самому существованию Корейского социалистического государства и выдвижения американской армии к границам Китая и Советского Союза И. В. Сталин и Мао Цзэдун приняли солидарное решение об оказании КНДР совместной военной помощи. В бой были введены дивизии китайских добровольцев. Американская сторона была заранее информирована об этом, но не вняла предупреждениям и проиграла войну. США должны были возвратить свои войска за 38-параллель.

Наша пропаганда замалчивала, что советские летчики отражают атаки американской авиации. Поскольку я читал западную прессу и слушал их радио, было известно, что советские летчики имеют задачу: сбивать американские самолеты, но самим не пересекать 38-ю параллель. По нашему радио и в газетах писалось, что китайские летчики храбро сражаются и успешно сбивают американские бомбардировщики и истребители. Американцы же сообщали, что советскими истребителями в Корее командует трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб.

Среди советских офицеров в Германии распространялся такой анекдот: «Петя, ты слышал, в Корее самый знаменитый китайский ас Ван-Юшин в одном бою сбил три американских самолета?» «Когда же он так здорово научился воевать и где он учился?.. — Как где? В Качинской авиашколе». — «Вот здорово, наш капитан Ванюшин стал китайцем Ван-Юшиным. Ну артист! Слушай, Ваня! А ты слышал: в ООН американцы спрашивают наших представителей, зачем они темнят, ведь весь мир знает, что там воюют советские летчики, ведь они в воздухе ругаются по-русски, как бендюжники. — Нет — это не русские, а китайцы, правда, они учились летать в СССР». — «Ладно, учились летать, а вы что, их специально учили так мастерски ругаться?..» — «Нет! Это они сами научились. Вы же знаете, в период Великой Отечественной войны, когда в воздухе появлялся Александр Покрышкин, то немцы кричали: «Ахтунг, ахтунг! (Внимание, внимание!) Покрышкин в воздухе». И было много случаев, когда молодые летчики сражались с немцами и силы были неравными, тогда один из наших кричал по радио: «Ребята, держитесь!» Я Покрышкин — иду на помощь! И немцы ретировались. Вот, наверное, и китайцы, когда возникают трудности, то ругаются по-русски и американцы тоже сматываются…»

Однажды поздней осенью я ехал по делам службы с офицером штаба дивизии на КПП Мариенборн по автостраде Берлин — Ганновер. Ехали мы в крытом «джйппе». Погода была, скажу прямо, мерзкая: сильный ветер, снег с дождем. Дорога была покрыта наледью, и ехали мы очень медленно. На автостраде движение тоже было редким. Проехав уже район Магдебурга, мы увидели, что по автостраде пешком идут двое мужчин в западном направлении. Проезжая мимо них, я обратил внимание, что это английские солдаты. Через какое-то время я высказал удивление моему попутчику, что солдаты идут пешком по автостраде в нашу сторону. Мы остановились.

Когда те поравнялись с нашей автомашиной, я подозвал их к себе. Я разговаривал с ними по-английски. Спросил их, куда они идут и что у них случилось. Они мне ответили, что идут в Гельмштедт, что их машина сломалась в пути и они не могли ее исправить. У меня закрались сомнения в их искренности, но я им сказал, что мы едем в том же направлении и они могут ехать в нашей машине, ибо погода премерзская, а они уже, как я видел, ужасно продрогли. Шли они тем более без шинелей. Солдаты немного растерялись, а потом согласились с моим предложением. Мой попутчик угостил их горячим чаем из термоса, и мы поехали дальше вместе с ними. Я их расспрашивал о жизни. Солдаты рассказали, что они оба из Лондона, рабочие, сейчас несут

службу в отдельном батальоне связи в Западном Берлине. Когда подъезжали к границе, они оба забеспокоились и попросили их высадить из машины. Это было странно. Я тогда спросил их прямо: «Ребята, что случилось? Почему вы не хотите, чтобы мы вас подвезли прямо к нашему КПП? Там вы перейдете к английскому КПП, и вам окажут помощь».

Тогда один из них говорит мне следующее: «Господин лейтенант, вы знаете, что янки развязали войну в Корее, и вот нас и еще несколько солдат из нашего батальона должны отправить туда на войну. Что такое война, мы представляем, ибо всю войну прожили в Лондоне, который так немцы ужасно бомбили. Почему мы должны умирать за янки, за капиталистов. Что нам сделали плохого корейцы?.. Вот мы и ушли из части и решили перейти границу подальше от наших КПП. В Гельмштедте у нас есть подружки-немки. Мы надеемся, что они нас на первое время укроют, а там нас, конечно же ждет военный трибунал, тюрьма, но это лучше, чем война…»

Я им ответил приблизительно следующее: «Ребята, то что вы не желаете воевать за янки, за несправедливое дело, это верно. Ведь совсем другое, когда солдат защищает свое Отечество, тогда дезертировать — это преступление, а сейчас вы правы». Но поймите нас правильно. Автострада — это экстерриториальность, и вы не имеете права сходить с нее. Если вы пойдете через КПП Гельмштедт, то вам не удастся обмануть своих, ибо там есть работники разведки. Мы тоже не имеем права помогать вам переходить границу в неположенном месте…»

Тогда другой солдат говорит следующее: «В пути мы обсуждали и такой вариант: а не попросить ли у русских политического убежища на время, пока война не закончится? Но говорят, что русские всех таких, как мы, ссылают в Сибирь, в специальные страшные лагеря…».

— Ну, ребята! Это все пропаганда. Вы же видите, что мы, русские, такие же люди, а насчет лагерей тоже вранье. У нас, так же как и в Англии, есть тюрьмы, где отбывают наказание преступники. Давайте сделаем так: поедем к КПП Мариенборн. Там я позвоню по телефону моему начальству и попрошу вам помочь. Они больше имеют прав и у них другие возможности. Не бойтесь — хуже не будет…

Так и поступили. Когда я доложил по телефону начальнику разведки 3-й Ударной армии полковнику Щекотихину о случившемся, тот одобрил мое решение и распорядился: англичан накормить и пусть отдыхают. Он приедет лично, и там решим на месте, как с ними быть дальше. Полковник Щекотихин приехал вместе с работником политотдела и переводчиком с

английского языка. Они забрали англичан и отбыли в штаб армии.

На следующий день газета «Правда» напечатала заметку, что двое английских солдат отказались ехать в Корею «таскать каштаны из огня» для американских империалистов и попросили у СССР политического убежища. То же сделали еще четверо английских солдат из того же батальона. Такая тогда была обстановка в Германии.

Слабостью нашей пропаганды было замалчивание правды. Получалось, что мы сильны, но сами ослабляем себя утайками, неправдой, лакировкой действительности. Считаю, что зря тогда мы заглушали иностранное радио, боялись иностранной прессы. Наоборот, надо было активней вести диалоги с иностранцами. Утверждать свой образ жизни, доказывать свое право жить по своим законам, поскольку никто, по их же демократическим меркам, не должен навязывать свой путь другим. Каждый выбирает свою дорогу в жизни и должен идти по ней до конца.

Как человек и гражданин, историк не может уйти от нравственных оценок того, что он увидел в прошлом. Его право и обязанность поведать читателю суть своей моральной позиции в трактовке рассматриваемых событий.

В последние годы безостановочно работают генераторы исторических идей, черпая вдохновение в малодоступных пока зарубежных изданиях, в случайно попавших в руки мемуарах иностранных деятелей. Главное, нужно понять, почему произошло так, а не иначе. Ведь необходимо черпать новые силы, реальную поддержку и уверенность в правоте своего дела.

Ф. М. Достоевский считал главным итогом своей жизни пришедшую к нему истину: самое дорогое у человека — его воспоминания, ничего не бывает дороже самых больших и трагических воспоминаний.

Я в этой книге и пытаюсь рассказывать о том, как ненависть уступает место состраданию, как люди тогда начинают понимать друг друга. В условиях обстановки суровой и тревожной я считаю своим долгом еще раз напомнить о том, что несет с собой война. Чтобы рассказать об этом нужна большая степень правдивости, о том, что происходит с человеком в нечеловеческих условиях.

Я отношусь к себе достаточно скептически, но нам — ветеранам прошедшей большой и страшной войны, непосредственным участникам тех событий молчать нельзя, ибо не видевшие всего этого просто будут выдумавать всякие небылицы, а еще страшнее — врать о войне. «Мастеров», кстати, исказить сущую правду, нынче развелось предостаточно. Так не дадим им возможности шельмовать нашу героическую историю.

Глава 6
«Экономическое чудо» и ремилитаризация ФРГ

16 апреля 1945 года (еще шла война) ряд американских газет опубликовали полученное конфиденциальным путем сообщение, что днем раньше «группа членов проамериканского правительства приняла решение — после войны превратить Германию в оплот против России». Одним из руководителей этой группы был банкир Д. Ф. Даллес, который позже проводил этот курс, занимая пост государственного секретаря в правительстве США.

Американская газета «Дейли ньюс» в 1955 году писала: «Для нас стало ясно уже через несколько месяцев после окончания войны, что лучшей ставкой Запада против угрозы некоммунистической Европе со стороны Советской России является всемерное поощрение вооружения Западной Германии». И далее там же: «Немцы прорвались к воротам Москвы и, наверное, уничтожили бы коммунизм на его родной почве, если бы Адольф Гитлер не был бы таким идиотом…»

Американская реакция явно сожалела о крахе гитлеровцев и не отказалась от мысли вновь толкнуть немцев против СССР. Выйдя из Второй мировой войны сильнейшей державой западного мира, Соединенные Штаты решили больше не стесняться. В 1945 году президент Гарри Трумэн открыто провозгласил официальный курс на достижение мирового господства: «Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром».

Или еще пример. В начале развязанной Гитлером войны другой видный политический деятель, будущий вице-президент Генри Уоллес заявил, что «судьба мировой цивилизации по крайней мере следующей сотни лет будет зависеть главным образом от Соединенных Штатов».

Выйдя из войны действительно мировой державой, США теперь просто не могли не мыслить глобальными категориями. Они смело рванулись к руководству всем миром. Их амбиции с каждым днем непомерно росли. Все свои устремления они прикрывали пространными разглагольствованиями о свободе, демократии, процветании. На самом деле жизнь в мире протекала совершенно иным путем. Да и в самой Америке не все было

ладно, особенно с пресловутыми «правами человека». Здесь я хочу познакомить читателя с переводом одной статьи, сделанным мною в то послевоенное время.

Америка 1949 года. Атланта (сообщение собственного корреспондента).

— Пойдемте со мной на тайное собрание, — предложил мне мой друг профессор университета из одного южного штата. — Только одно условие, сказал он мне с какой-то опасливой нотой в голосе, — пожалуйста, сохраняйте тайну о месте собрания и участниках.

Я присутствовал на этом тайном собрании, его участники были в основном белые люди — мужчины и женщины. Собрание проходило в маленькой комнате небольшого отеля. Представители прогрессивной организации собрались здесь, чтобы обсудить в узком кругу действия американской полиции по отношению к «цветному» населению их штата.

Слово взял молодой юрист, который сказал:

— Жестокие бесчинства полиции, которая по-прежнему управляется Куклукслаком, продолжаются. Несколько дней назад полицейский патруль остановил на улице автомобиль, управляемый чернокожим — ветераном Второй мировой войны лишь только за то, что негр посмел обогнать полицейскую машину, хотя нарушений с его стороны никаких не было, скорость он соблюдал в соответствии с указанием на дорожном знаке. Тем не менее полицейские грубо заставили жену водителя выйти из машины, а затем принялись избивать ни в чем не повинного человека. Такая же участь постигла и других пассажиров мужчин.

Ветеран решил не оставлять этот гнусный акт стражей «порядка» безнаказанным. Он обратился в суд. Присяжные в суде, как и следовало ожидать, оказались все белыми. И наказание последовало незамедлительно уплатить водителю (негру) 100 долларов штрафа за нарушение вождения автомобиля на улицах города. Дальнейших разбирательств не последовало.

В южных штатах все общественные и административные места строго «одноцветные», вернее сказать — «белые». Общение «белых» и «черных», как правило, вызывает потасовки, которые затевают люди, кому не нравится видеть «черных» и «белых» вместе. Я лично наблюдал подобную житейскую сцену.

Однажды утром в городе Атланте, я стоял на автобусной остановке, ожидая своего автобуса? и вдруг увидел двух американских офицеров в форме, при орденах, как говорится, при всем параде. Один из офицеров был «белым», другой — «черный». Они были явно знакомы друг с другом и оживленно на ходу о

чем-то разговаривали между собой. Перед автобусной остановкой они разошлись: каждый из них направился к «своему» окошку, чтобы купить билет. Затем каждый в свой зал ожидания. Здесь на юге они имеются специально для людей с разным цветом кожи (комфортабельные для «белых» и маленькие грязные для «цветных».

Оба этих офицера едут тем же автобусом, что и я. Отделение автобуса для белых переполнено, в отделении для (черных) в задней части имеются свободные места. Но белые пассажиры предпочитают стоять, чем сидеть вместе с черными, тем более, что это запрещено законом штата Джорджия.

Неожиданно «белый» офицер поводит плечами и говорит: «Меня не интересует эта чепуха» — и направляется демонстративно к своему, «черному» коллеге, чтобы занять место рядом с ним. Негр громко смеется. «Белые» пассажиры, наоборот, хмуры, на их лицах застыла гримаса презрения. Но ситуация эта создана двумя боевыми офицерами, и тут не все так просто. Если бы это были гражданские, то быть бы большой потасовке…

В Атланте мне довелось разговаривать с известным негритянским адвокатом по имени Уолден. Он мне рассказал, что в общественной жизни южных штатов негры достигли кое-какого прогресса, особенно в области выборного права и в деятельности профсоюзов по вопросам равной оплаты за труд.

— Что представляет собой право на выборы, то это легко проследить на примере нашего города. В Атланте насчитывается примерно сто тысяч негров, имеющих право голосовать, а на последних президентских выборах голосовало лишь двадцать пять тысяч. Проведены некоторые другие реформы. Так, например, наш мэр, — говорит адвокат, — назначил восемь негров полицейскими, которые будут нести службу в негритянском квартале города. Это первое крупное мероприятие за последние сто лет. Это конечно же произошло не потому, что наш мэр сочувствует неграм, а потому, что ему очень нужны голоса негров.

На следующий день я посетил редакцию единственной негритянской газеты в США «Атланта Дейли Велд», которая помещается в маленьком неприглядном домике в негритянском квартале. Мое посещение редакции произвело целую сенсацию. Газета борется за права негров выбирать и быть избранными наравне с «белыми». В настоящее время против газеты ведется грязная игра — она неугодна расистам и они пытаются ее закрыть. В этой травле принимают участие многие политические деятели, которые напрямую связанны с Куклуксклановм. Единственная же вина газеты заключается в данный момент в

том, что она напечатала настоящую правду о полицейской облаве в негритянском квартале города Атланты. Эта травля может закончиться разгромом газеты, но этого допустить нельзя, и мы этого не допустим, хотя борьба будет неравная».

В первое время западные державы не мощи просто отвергнуть потсдамские соглашения. Целый ряд положений этих решений под давлением мирового общественного мнения стал выполняться. Было объявлено об аресте некоторых военных преступников. На отдельных предприятиях западных зон оккупации Германии шел демонтаж оборудования, и часть его, в соответствии с соглашениями, отправлялась в распоряжение Советского Союза. Начались взимание репараций и отгрузка соответствующих поставок в СССР и другим заинтересованным государствам. Было распущено большое количество соединений, частей, штабов и учреждений вермахта.

Но, постоянно срывая потсдамские соглашения и помогая вооружению ФРГ, каждая из трех держав-союзников (уже бывших) преследовала свои определенные цели. Уинстон Черчилль, например, сам признался в своем вероломстве, когда выступил в Вудфорте 23 ноября 1954 года перед своими избирателями. Он сказал: «Еще до того как кончилась война, в то время когда немцы сдавались сотнями тысяч, наши улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери телеграмму, предписывая ему тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было бы снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

Тот же фельдмаршал Монтгомери продолжал и после войны выполнять распоряжение Черчилля — готовил и формировал новые германские дивизии, при этом лишь слегка маскируясь под «миротворца». Факт получения телеграммы от Черчилля он публично подтвердил на следующий день после его воинственного выступления. «Это действительно правда, — заявил он. — Я получил эту телеграмму от Черчилля. Я подчинился приказу. Как солдат, я всегда подчиняюсь приказу». Вскоре он вторично подтвердил, что получил от Черчилля телеграмму, «призывавшую быть готовым к совместным действиям с побежденными немецкими войсками в случае дальнейшего продвижения русских».

В правящих кругах США также еще в годы Второй мировой войны вынашивались планы использования германских милитаристов после ее окончания. Уже в 1942–1943 годах в американских и английских лагерях для немецких военнопленных проводилась интенсивная работа по отбору и

подготовке лиц, на которых американское правительство намеревалось опираться при строительстве послевоенной Германии.

Представитель военного министерства США полковник Винлокк заявил 27 июля 1943 года на совещании американских комендантов лагерей для немецких военнопленных: «На нас возложена задача подготовить из немцев кадры, которые могли бы быть использованы для укрепления престижа Америки и проведения политики в самой Германии после оккупации ее союзниками. Мы должны отбирать такие кадры из числа немцев, невзирая на то — фашисты они или не фашисты… Вообще надо изжить из нашего лексикона термины «фашист», «наци». Помните, что для нас, для будущей Европы, непопулярные до сих пор национал-социалисты могут быть и будут полезней и удобней разных антифашистов и демократов… В Германии и Европе мы, американцы, будем устанавливать порядок, а для этого нам нужны многочисленные и близкие нам по духу военные кадры». Так они и действовали после войны.

В ноябре 1945 года в Контрольный совет был внесен советский меморандум, в котором отмечалось, что в английской зоне «до настоящего времени существует германская армейская группировка «Мюллер», переименованная в октябре с. г. в армейскую группировку «Норд». Эта армейская группировка имеет полевое управление и штаб. Штаб этой армейской группировки включает: оперативный отдел, отдел оберквартирмейстера, интендантский отдел, отдел офицерского состава, отдел автотранспортный, санслужбе. Армейская группа Норд имеет сухопутные, воздушные и противовоздушные соединения и части. Она включает в себя корпусные группы: а) «Штокхаузен», б) «Витков», численностью свыше ста тысяч человек личного состава каждая».

В меморандуме указывалось также, что в Западной Германии были незаконно созданы немецкие военные округа, окружные и местные немецкие военные комендатуры. Помимо этого, нераспущенными продолжали оставаться военно-воздушные части и подразделения войск связи, танковых и военно-морских сил. Далее в меморандуме констатировалось, что «кроме указанных немецких соединений, частей и служб в провинции Шлезвиг-Гольштейн находится около миллиона немецких солдат и офицеров, не переведенных на положение военнопленных, проводящих занятия по военной подготовке».

Даже в марте 1947 года представители Советского правительства вновь указывали на то, что «в распоряжении английского и американского командующих оккупационными

силами продолжают оставаться нераспущенными немецкие воинские части и службы, ранее принадлежавшие составу сухопутных сил, военно-воздушному и военно-морскому флотам Германии. Эти так называемые «части обслуживания» сохраняют военную организацию, причем ими командуют немецкие офицеры, пользующиеся дисциплинарными правами, что способствует сохранению кадров германской армии. По официальным отчетам английского и американского командований, на 1 января 1947 года численность немецких частей, сохранившихся как обслуживающие команды и службы, составляла: в распоряжении английского командования — 81 358 человек и в распоряжении американского командования — около 9000 человек.

Многие унтер-офицеры и солдаты гитлеровского вермахта включаются в качестве «вспомогательного персонала» в оккупационные войска.

Западные державы старались всячески сохранить не только личный состав гитлеровских войск, но и высшие штабы и военные учреждения Германии. Они отказались на Нюрнбергском процессе в 1946 году объявить преступными организациями генеральный штаб и верховное командование гитлеровской армии.

Американо-английские власти спасли немало бывших гитлеровских генералов и офицеров от суда и сурового наказания за совершенные ими военные преступления. Одной из форм сохранения высшего генералитета гитлеровской Германии было создание в июне 1946 года «немецкой группы немецкой секции исторического отдела верховного командования сухопутных сил США в Европе», куда включили сотни бывших генералов и высших офицеров вермахта. Они засели здесь за обобщение опыта войны и разработку планов создания новых вооруженных сил германского империализма.

4 апреля 1949 года по инициативе США был заключен договор о создании Североатлантического блока (НАТО) в составе США, Англии, Франции, Италии, Канады, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Дании, Норвегии, Исландии и Португалии. Позднее вступили Турция и Греция. Организаторы и не скрывали, что блок направлен против СССР и других социалистических стран.

7 сентября 1949 года была создана Федеративная Республика Германия. Вскоре там началось создание, а скорее всего, возрождение полномасштабных воинских структур.

В истории бундесвера можно выделить три основных этапа.

Первый этап охватывает время с мая 1945 по сентябрь 1949 года, то есть со дня разгрома гитлеровской Германии до создания

сепаратного западногерманского государства. Для этого этапа характерны скрытые мероприятия западных оккупационных властей, направленные на сохранение немецких военных кадров и разработку планов воссоединения армии. При этом основную роль играли попытки сохранить нераспущенными бывшие части, соединения и штабы германской армии, а после провала этих планов особое значение приобретает создание немецких воинских формирований при войсках западных держав, дислоцирующихся в Западной Германии.

Второй этап охватывает время с конца 1949 по май 1955 года, с момента образования ФРГ до ее включения в НАТО. В этот период создаются юридические рамки, позволяющие ФРГ открыто поставить вопрос о формировании вооруженных сил — бундесвера как немецкого контингента НАТО.

Наряду с этим во втором этапе начинается и практическое создание немецких воинских частей под видом «пограничной полиции», «полиции готовности» и других военно-полицейских отрядов. Большое внимание уделяется в этот период созданию различных солдатских союзов и других милитаристских организаций.

Третий этап — этап непосредственного создания, развертывания и укрепления бундесвера — начинается с включения ФРГ как полноправного члена этой организации в НАТО в мае 1955 года. Длится этот период до сего времени.

С 1945 года в Европе молчат пушки. Но мир, воцарившийся здесь, не был прочным. Европу лихорадила «холодная война». Были моменты, когда грань между политической борьбой и военным столкновением становилась хрупкой и неустойчивой. И каждый раз безрассудную готовность сломать эту грань демонстрировали силы возрожденного западногерманского империализма. Жажда мести, жажда реванша ослепляла им глаза.

Вскоре все стали ощущать, что силы фашизма далеко не разгромлены, как это думалось после Нюрнберга. Этим силам помогали теперь наши недавние союзники по антигитлеровской коалиции.

«Холодная война» приобретала все более широкие и ощутимые масштабы в Германии. А началось все с выступления в Штутгарте государственного секретаря Соединенных Штатов Бирнса. Выступление его называли объявлением «холодной войны», в которую Германия включалась полномасштабно. Свою речь Бирнс произнес вскоре после Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками.

Московская конференция четырех держав была последней попыткой найти общий язык между Востоком и Западом. Встречи

с людьми, знакомство с фактами, наблюдение происходящих событий вызывали самые разные впечатления. Я становился свидетелем резких социальных контрастов. Особенно они были разительны в послевоенной Германии, где сталкивались самые противоречивые силы, где происходила борьба демократии и реакции.

И через несколько лет в Нюрнберге продолжались процессы, но уже без участия Советского Союза. В газетах сообщалось, что американцы и англичане теперь больше реабилитировали, чем обвиняли преступников… Враги мира не жалели сил, чтобы морально реабилитировать третий рейх и его идейное наследие. Дочь Гиммлера со страниц крупного журнала без тени стыда заявляла, что «гордится своим отцом». Фельдмаршал Манштейн, выступая по телевидению, сетовал на то, что «просчеты фюрера», помешали Германии «победить Россию». В книжных магазинах продавали письма и дневники Геббельса, Гесса, Риббинтропа. В концертных залах пели бывшие кинозвезды гитлеровской Германии. Иллюстрированные журналы месяцами печатали — малограмотные «мемуары» жены Геринга, циничные «исследования» о Гитлере, вплоть до интимной жизни душегуба.

Политика стоявших тогда у власти в Бонне правительств Аденауэра, Эрхарда, Кизингера отражала в главном преемственность авантюристических целей разгромленного рейха. Это был все тот же оголтелый антикоммунизм, все тот же культ военной силы и возможностей. Схема этой политики была проста: включить ФРГ в систему западных военно-политических союзов, перевооружить ее, в том числе атомным оружием и, опираясь на объединенную мощь союзников, «вытеснить СССР из Европы», поглотить ГДР и восстановить рейх в его прежних границах. Франц Иозеф Штраус в своей книге «Проект для Европы» писал, что только западноевропейское сообщество способно создать фундамент политики с помощью которой может быть устранена «демаркационная линия Ялты», то есть могут быть пересмотрены итоги Второй мировой войны.

В те годы один наблюдательный собеседник, из числа трезвых немецких политиков, говорил мне о трех опасностях, угрожающих немцам в настоящее время: первая — забывчивость, вторая — приукрашивание прошлого, третья безразличие, нежелание самостоятельно мыслить.

В канун 25-й годовщины начала войны газета «Вельт» писала: «Немецкая интеллигенция пытается толкнуть нас на очень опасный путь: искать вину за происшедшее только исключительно у нас самих… Она мучает народ его прошлым, отягощает его совесть единоличной ответственностью». Так

совершался подлог: Гитлер приравнивался к Германии, нацистский режим — к немецкому народу. Подлог во. имя того, чтобы реабилитировать прошлое.

После Первой мировой войны германская военщина создала легенду об «ударе в спину». Виновницей поражения она объявляла Ноябрьскую революцию 1919 года в Германии. После Второй мировой войны в Западной Германии создали новый миф — в поражении виноват один только Гитлер. Гитлера отделили, абстрагировали от монополий, от социальных сил, установивших в стране кровавую диктатуру. Войну, сознательно развязанную германским империализмом, выдавали за фатальное явление, неотвратимое, как стихийное бедствие. Ее причину искали в неуравновешенной психике одного человека — Адольфа Гитлера. Некоторые шли еще дальше — предпринимались попытки обелить теперь уже самого Гитлера. Попытка «очеловечить» изувера и тем самым отвлечь внимание от той исторической вины, которую несут Гитлер и, что особенно важно, породившие его экономические и политические силы за преступления перед человечеством.

В той или иной степени задачу реабилитации Гитлера, а в его лице и целой системы, предпринимают авторы мнгочисленных мемуаров, которыми завален книжный рынок ФРГ. Речь идет о воспоминаниях Риббентропа, письмах Гесса, дневниках Геббельса, мемуарах Бальдура фон Шираха, Альберта Шпеера, фельдмаршала Манштейна, гросс-адмирала Деница и других. Причем многие из них печатаются в иллюстрированных журналах, являющихся чтивом для миллионов людей. А журнал «Квик» из номера в номер печатал мемуары бывшей провинциальной актрисы Э. Зоннеман — «Я — Эмма Геринг, говорю, как тогда действительно было». Вся эта писанина напоминала дурной сон. Это была неприкрытая реабилитация всего того, что совершили изверги XX века, ввергнувшие мир в разрушительную кровавую бойню. Все это был сознательный акт.

В ореоле мучеников представляли многих подручных Гитлера. О Шпеере писали в тоне едва скрываемого восхищения перед его «заслугами» и «талантами». Его выставляли порой чуть ли не как противника Гитлера, вынашивавшего план отравить фюрера ядовитыми газами в подвале имперской канцелярии. Охотно цитировали слова Шпеера: «Без моей работы война была бы проиграна уже в 1942–1943 годах». Приводились подробные статистические данные об увеличении производства вооружения гитлеровской Германии под его руководством. Вот, мол, он какой молодец!

«Франкфурт — это серебряная и золотая яма», — говорил

Мартин Лютер в 1524 году. С середины XVI столетия город стал местом ярмарок, на которые съезжались торговые гости из Франции, Фландрии Италии, Англии, Венгрии, России и Польши. Легенда гласит: в одном из бедных еврейских районов Франкфурта-на-Майне фрау Гудула Ротшильд, жена менялы Амшеля, родила своему мужу множество детей, из которых в живых остались десять. Половина из них стали финансистами. И старая матушка, сохранившая чудовищный диалект трущоб, говорила: «Если мои сыновья захотят, то войны не будет». Между тем финансирование войн и военных приготовлений, особенно в нашем столетии, приносило немалые дивиденды банкирам города на Майне. Утверждают, что франкфуртские финансовые круги предоставили Аврааму Линкольну кредиты на войну с южными штатами.

Герман Абс — председатель правления всемогущего «Дойче банк» и Конрад Аденауэр с давних пор, а вернее с юности, были связаны узами привязанностями. Аденауэр входил когда-то в состав наблюдательного совета этого банка. Абс поддерживал его не только советами, но и весьма выгодными сделками. В каком размере благочестивый католик Конрад Аденауэр округлил в те годы свое состояние, неизвестно. Впрочем, важно не это. Аденауэр в течение послевоенных лет стоял у руля боннского правительственного корабля, Абс — у пульта западногерманской экономики.

В годы войны молодой член правления «Дойче банк» Абс тайно встречался в Швейцарии с финансистами США, чтобы договориться о судьбе американских кредитов, предоставленных Германии Уолл-стритом в 30-е годы. Как только замолкли пушки, контакт возобновился. После войны он, правда, попал на три месяца в тюрьму, но его выпустили. Об этом позаботились американские финансисты, прежде всего американский генерал Дрейпер из военной администрации и влиятельный администратор «плана Маршалла» Поль Гофман. В узком кругу банкир как-то жаловался, что население не будет защищать систему, «в которой участвует горстка или тысяча лиц». Вот почему, по мнению Абса, так ценна теория «народного капитализма». Господа мечтали вслух о военном антисоветском блоке, о «распаде восточного блока» вследствие «внутренних разногласий», о возвращении к временам великогерманского рейха.

Кто-то сказал, что вспоминать — это большое искусство. Надо добавить: и очень нужное и полезное. Жаль ведь оставлять нетронутым в закоулках памяти все то, что когда-то сам видел и прочувствовал. И сегодня в памяти живы картины жизни страны,

невероятно многоликой и вместе с тем удивительно однотипной. С одной стороны, великое наследие веков, борьба с раздробленностью и изоляцией, в том числе и самоизоляцией и провинциализмом, породившими однако, удивительную самобытность различных земель в говоре, костюмах, архитектуре крестьянских домов и боярских теремов, психологии и характере людей, даже во внешнем типе. А с другой стороны — прогресс материальной цивилизации, который, словно паровой каток, выравнивает и сглаживает все, что возвышается над уровнем стандарта.

Научно-техническая революция подхлестывает марш страны в будущее. Там, где по коридору из тополей и лип пролегали старые живописные дороги, проложены автострады в шесть полос и еще одной на подъемах — для тяжелых грузовиков. Островерхие старинные дома с мансардами пятятся перед многоэтажными колоссами. Маленькие лавки, хозяева которых были в курсе семейных дел и здоровья каждого покупателя в своем квартале, разоряются под натиском огромных универмагов и универсамов, которые завлекают покупателей броской рекламой, кондиционерами, светлыми и просторными торговыми залами, стандартными ценами.

Меняются модели автомобилей — каждые два-три года на рынке появляется новое лакированно-хромированное изделие в десятки лошадиных сил и с новой неизменно возросшей ценой. Меняются моды-фасоны обуви, одежды, причесок. Темп и стандарт формируют облик общества. Но куда медленнее происходят перемены в мышлении, взглядах, настроениях. За последние годы возродились города, разрушенные в войну до основания. Не один раз менялось оборудование заводов и фабрик, даже появился, как утверждают некоторые специалисты, физически новый тип западногерманского гражданина. Но факт остается фактом: политическое мышление огромной массы населения топталось долгие годы в кругу стандартных представлений, примитивных предрассудков…

Некоторые наши ретивые пропагандисты думали, писали, что возврата к прежнему не будет. А ведь всем нам нужно не верить на слово, а знать, как развиваются процессы бытия. В конце концов, у всех у нас собственный опыт, опыт старших поколений. Но нам на это чаще всего наплевать. Вот и снова живем иллюзиями, а жаль. Пора, пора жить своим умом, своим опытом.

Я продолжал работать военным переводчиком: находился длительное время в командировках на демаркационной линии, встречался со многими интересными людьми разных национальностей, допрашивал нарушителей «границы». Среди

этих людей было много бывших фронтовиков, принимавших участие в боевых действиях на различных театрах военных действий. Они рассказывали мне разные истории, я обычно говорил моим собеседникам: то, что было уже не вернешь, теперь это уже история, но нужно сделать все, что от нас зависит, чтобы тот ужас не пришлось переживать нашим детям и внукам. Немцы обычно соглашались с моим мнением и рассказывали то, что, им казалось, будет интересно и мне.

Запомнились рассказы немецких летчиков-бомбардировщиков, которые совершали налеты на Москву. Они говорили, что противовоздушная оборона нашей столицы была организована лучше, чем англичанами Лондона. Конечно, моим начальникам, которым я переводил эти слова, было приятно слышать такую оценку, но иногда закрадывалось сомнение: а не льстят ли нам немцы? И вот спустя много лет я прочел выпущенную в 1964 году издательством «Прогресс» книгу поляка Ежи Климковского «Я был адъютантом генерала Андерса». Климковского никак нельзя заподозрить в симпатиях к нашей стране, а тем более к тогдашнему руководству, ибо он находился в подземной тюрьме на Лубянке. До этого он лично пережил бомбардировки Варшавы, затем ураганные атаки пикирующих бомбардировщиков на дорогах Франции и налеты на Лондон.

И вот его свидетельство о ПВО Москвы 1941 года: «…Уже полтора месяца велись тяжелые бои между Германией и Советским Союзом. Еще находясь в тюрьме, мы каждый день слышали мощную канонаду зенитной артиллерии, которая потрясала стены домов столицы СССР. Идя по улицам, я с любопытством разыскивал следы неприятельских налетов. Однако нигде не обнаружил разрушений. Я нашел объяснение этому спустя некоторое время. Через несколько недель я смог убедиться, что противовоздушная оборона Москвы действительно была замечательной. Наблюдения показали, что всяческие попытки налетов на Москву отражались далеко от столицы. Москва была единственной из столиц, успешно боровшихся с немецкой авиацией. Лишь иногда одиночным самолетам удавалось добраться до окраин города и уж совсем редко — до центра Москвы, причем они не причиняли при этом каких-либо серьезных повреждений. Даже в отдельных случаях, когда бомба падала в центр города и производила некоторый беспорядок, следы заделывались искусно и быстро, а развалины убирались немедленно.

Помню, как однажды, проходя мимо памятника Тимирязеву, увидел около разрушенного дома его бюст, отброшенный от цоколя на несколько метров. Каково же было мое удивление,

когда на следующий день на этом месте я не увидел следов разрушения. Памятник Тимирязеву стоял на цоколе, а от разрушенного дома не осталось и следа: просто чисто подметенная площадь».

Вспоминал я естественно и свои эпизоды боевой работы, ибо для нас, фронтовиков, война остается в памяти на всю оставшуюся жизнь.

…Все ближе день отправки на фронт. К сентябрю 1943 года летчики нашего полка овладели техникой пилотирования Илов, научились бомбить, стрелять из пушек и пулеметов, а воздушные стрелки — из своего крупнокалиберного. На куйбышевском авиационном заводе получили новые двухместные Ил-2. Заместитель командующего 4-й воздушной армией генерал Слюсарев вручил полку гвардейское знамя. И вот наш 43-й гвардейский в полном составе перелетел на полевой аэродром севернее станицы Славянской, в район Кубанского плацдарма, оборонявшегося 17-й армией вермахта, оказавшейся в тылу советских войск после крупных стратегических успехов Красной Армии на Украине. Советские войска производили перегруппировку сил и готовились к освобождению Крыма. Нам предстояло воевать в составе 230-й Кубанской штурмовой дивизии, в которую, кроме нашего, входили еще три штурмовых (7-й гвардейский, 210-й и 103-й) и 979-й истребительный авиационные полки.

Первый боевой вылет — в конце октября с аэродрома возле хутора Ханькова. Первую шестерку штурмовиков повел опытный летчик Тамерлан Каримович Ишмухамедов. Я у него — воздушным стрелком. Задача группы: нанести бомбовый удар по артиллерийским позициям противника на Керченском полуострове, откуда немцы вели огонь по нашим войскам, находившимся на косе Чушка. Над аэродромом базирования истребителей прикрытия к нам пристроились четыре ЛаГГ-3. Одна пара — непосредственное прикрытие, взаимодействующая в случае необходимости со штурмовиками, другая — сковывающая. Над горой Митридат, залитой огнем Керчью идет воздушный бой. Берем немного севернее и, маневрируя среди разрывов зенитных снарядов, выходим на цель. Летчики пускают эресы, затем, с пикирования, так же дружно бросают бомбы. Стреляем еще из пушек и пулеметов, затем отворачиваем в сторону моря и берем курс на Тамань. «Тамань! Прескверный городишко…» — вспомнилась мне тогда, не знаю уж и почему, эта лермонтовская строка.

Первый вылет удачный: на аэродром вернулись все самолеты и нашей, и других групп полка. Правда, некоторые машины с

пробоинами, но техники и ремонтники их быстро залатали.

Утром 1 ноября, стало известно, что холодной штормовой ночью с 31 октября на 1 ноября 1943 года десант 318-й Новороссийской горнострелковой дивизии, а также два батальона морской пехоты, под общим командованием комдива 318-й полковника В. Ф. Гладкова, погрузившись на сто судов различных типов, шестью отрядами должны были форсировать Керченский пролив в самой широкой его части, превышающей шестнадцать километров, и высадиться у рыбачьего поселка Эльтиген, южнее Керчи. Артиллерию буксировали на плотах, но плоты, заливаемые волнами, начали тонуть, и пришлось обрубать тросы. Каждое мгновение кораблям грозили гибелью сорванные с якорей и незаметные в темноте вражеские морские мины. Многие легкие мотоботы и бронекатера были выброшены на берег в разных местах побережья, другие суда, поврежденные огнем, потеряли управление и затонули…

На крымскую землю ступили около двух с половиной тысяч десантников, остальные погибли или были вынуждены вернуться на базу. В целом командование 18-й армии к утру точных сведений о положении десанта в Крыму не имело.

Утром и днем 1 ноября летчики наблюдали, что враг пытается сбросить десант в море. На помощь ему пришла авиация, в том числе и наш полк. Шестерку Ил-2 на Эльтиген вновь повел Тамерлан Ишмухамедов. Я — снова с ним. Вот и Керченский пролив. Внизу коса Тузла, а далее, весь в огне и дыму, Эльтиген. По мелким судам, прорывающимся по штормовому проливу к берегу, стреляет вражеская артиллерия. Летим со снижением в плотной низкой облачности. Выскочив к материку, открываем огонь по атакующей пехоте противника. Хорошо видны идущие от Керчи резервы. Тамерлан ведет группу на танки и командует:

— Бомбы сбрасывать на танки, потом штурмовать пехоту!

После бомбометания наблюдаем костры — три танка горят. Снижаемся, расстреливаем пехоту. Еще заход! Мы уже так низко, что видно, как, сбрасывая на бегу бушлаты, идут в атаку моряки. После третьего захода Тамерлан командует:

— Все, хватит! Сбор над проливом!

Наши самолеты над Эльтигеном, мы выходим из боя.

Над проливом, по которому идут суда с десантниками, с запада появляются немецкие истребители, за ними бомбардировщики. Вот они уже кружат, как коршуны над добычей. Но торжество их недолгое, через пролив с Кубани им навстречу выходят из-за туч наши истребители.

Мы тем временем на Таманском полуострове: стало веселее.

Садимся на свой аэродром. Техники вытаскивают из кабины раненого стрелка Александра Калтыгина и уносят в санчасть. Калтыгин умоляет не ампутировать ногу, и командир дает распоряжение срочно отправить Сашу в Краснодар, в армейский госпиталь. Обошлось: Калтыгин прибыл в полк из госпиталя через четыре месяца, нога плохо сгибалась, но он настоял, что воздушным стрелком летать сможет, ссылаясь на пример бывшего летчика-штурмовика 7-го гвардейского полка Виктора Шахова, летающего в нашей дивизии на По-2 без ступней обеих ног.

На земле и в воздухе шли упорные бои. В то время как эльтигенский десант оттягивал на себя основные силы противника, северо-восточнее Керчи 2 ноября высадился другой десант, который закрепился и с боями начал продвигаться к городу. Мы, как и вся 4-я воздушная армия, поддерживали наземные войска на обоих плацдармах.

Во второй половине дня 2 ноября 1943 года на старте стояла шестерка наших Илов в боевой готовности. Группу должен был вести штурман полка майор Коновалов. Вылет задерживался, и у всех нас уже затеплилась надежда: авось его не будет, ведь боевой день закончился. Но, нет — снова команда лететь на Эльтиген.

Самолеты уже начали разбег перед взлетом, когда из последнего, пилотируемого скромным двадцатилетним младшим лейтенантом Мансуром Зиянбаевым, для которого это был второй боевой вылет, выскочил прямо на полосу пришедший после госпиталя сержант и, катаясь в истерике по земле, заорал: «Не полечу!» Командир полка потряс кулаком: «Вон отсюда!», затем, увидев меня, приказал: «Парашют!» Я схватил парашют, подбежал к самолету, чуть не на ходу залез в кабину. Мансур догнал группу над аэродромом истребителей прикрытия и занял место замыкающего.

Над Эльтигеном, как всегда, дым, видны сполохи взрывов снарядов и бомб. Падают сбитые самолеты. Мы с ходу сбрасываем бомбы, снижаемся и, стреляя из пушек и пулеметов, проходим вдоль плацдарма. По нам с земли бьют из всех видов оружия, к нам прорываются «мессершмитты», но прикрытие на месте, и мы вырываемся из огненного ада живыми.

Но не зря тот парень почуял свою смерть: при сборе группы самолет Зиянбаева, как часто бывает с замыкающим, отстал. Для истребителей такие самолеты — подарок, их сбивают в первую очередь. Первую атаку двух «мессершмиттов» я отбил, но это их не остановило. В наш самолет попало несколько крупнокалиберных пуль, повредив переговорное устройство, поэтому летчик не мог знать, что делается у него сзади, к тому ж он не мог слышать моих команд и делать вовремя нужные

маневры. В бою нас прикрывал только один ЛаГГ, хотя свое дело он делал мастерски.

Немцы прекрасно понимали свое преимущество. Они парой пошли на Зиянбаева, а тот почему-то стал уходить на максимальной скорости по прямой как раз то, что и нужно было «мессерам». Я взял в прицел ведущего и, когда он сократил между нами расстояние до ста метров, нажал на гашетку. Видимо, попал: «мессершмитт» взмыл вверх, где его сразу настиг идущий нам на помощь ЛаГГ прикрытия. За ведущим вражеской пары потянулся черный шлейф густого дыма. Но, увлекшись боем с немецким истребителем, я упустил из виду ведомого, а он, воспользовавшись этим, подобрался к нам снизу и завис в «мертвом пространстве», готовый к атаке. Немецкие истребители знали, что бронированный Ил-2 поразить можно было только с близкого расстояния, знали и то, что его турельная установка имеет ограниченный угол стрельбы. Для его увеличения необходимо четкое взаимодействие летчика и воздушного стрелка. Немец, видимо, почувствовал, что на сей раз такого взаимодействия у нас нет…

Опасность всегда страшна своей неожиданностью. Когда «мессер» завис под нашим «подбрюшьем», по всем канонам это означало одно: нам конец. Однако ощущение конца кого-то сковывает, а кого-то, наоборот, раскрепощает. Бредовая мысль: стрелять через фюзеляж своего собственного самолета. Но так поступил когда-то, как я читал во фронтовой газете, стрелок-радист бомбардировщика. Да, можно перебить тяги рулей, и тогда — точно хана. Но эти тяги да и все остальное вот-вот перебьет немецкий ас…

И я, примерно прицелившись, прошил пулеметной очередью фюзеляж своего самолета. Зиянбаев, посчитав, что самолет достала очередь незамеченного им немца, моментально скользнул влево. Это нас спасло: короткая очередь «мессершмитта» нас не задела, но зато он напоролся на мою длиннющую очередь отчаяния, от которой пулемет захлебнулся и отказал.

Немецкий самолет, перевернувшись через крыло, рухнул вниз…

Раз мы выжили, надо попробовать жить и дальше. С ужасом посмотрев на изрешеченный фюзеляж, я решил проверить, не задеты ли тяги рулей: при маневрах они могут оборваться и… Впрочем, об этом я уже говорил. Раскрыв «райские ворота» (так шутя мы называли бронированные створки, прикрывавшие кабину стрелка), я полез смотреть тросы. К счастью, все оказалось в порядке. ЛаГГ то и дело возникал надо мной, и летчик делал

рукой знаки, видимо желая что-то сообщить. Но что? Узнаем мы это лишь на земле.

Сели благополучно на своем аэродроме. Зиянбаев зарулил на стоянку. Я заметил, что сопровождавший нас ЛаГГ приземлился перед нами. Мы с Мансуром вылезли из кабин, посмотрели друг на друга, на, развороченный фюзеляж самолета и побрели на командный пункт. У входа стояли наш командир и… Владимир Истрашкин. Так вот кто прикрывал нас!

Зиянбаев доложил о выполнении задания, а я не очень связно — о «мертвом» пространстве, поврежденной машине, «мессерах».

— Ничего, машину исправим, — похлопал меня по плечу командир.

В разговор вступил Истрашкин:

— А я смотрю — вроде знакомая личность…

— Вы знакомы? — спросил его Соколов.

— Еще с Дальнего Востока. Это ж наш бывший оружейник. Молодец: лихо срубил «мессера»! — обнял меня Истрашкин.

Подходили все новые ребята, и приходилось рассказывать снова и снова… Всем хотелось знать подробности: а вдруг сами с таким встретятся в воздухе?

Наступали сумерки. Истрашкин, попрощавшись, улетел на свой аэродром. Из нашей шестерки Илов возвратилось только три, а другие, с повреждениями, сели на других аэродромах. Как потом выяснилось, в этом боевом вылете был ранен в руку воздушный стрелок Николай Храмов. Его летчик произвел посадку на ближайшем подлетном аэродроме, чтобы скорее оказать ему врачебную помощь.

Стрелка, закатившего истерику перед боевым вылетом, под трибунал не отдали. Командир полка решил, что в данном случае этого делать не следовало. Ведь до того, как сесть в самолет, сержант воевал в пехоте, был тяжело ранен, в авиацию попал случайно. Откуда пришел, пусть туда и возвращается. Командир без сожаления отправил его в пехоту.

Мы упорно «толкали» маятник войны на Запад, туда, откуда он качнулся в нашу сторону.

Противник бросил под Эльтиген почти всю свою авиацию, все свои наличные силы флота, в том числе быстроходные десантные баржи, на которых когда-то готовились перевозить войска в Англию. Теперь десант на английское побережье был отложен «до победы над Россией» и их перебросили по Дунаю на Черное море. Десант в тыл советским войскам немцам высадить не удалось, но они блокировали их с моря. Надежда у наших десантников, в свою очередь, была в основном на авиацию, ибо катерам удавалось прорываться крайне редко. Ночами сбрасывали

боеприпасы и продовольствие летчицы 46-го гвардейского полка, а днем — Илы. Но основная задача штурмовиков — сделать максимальное количество заходов, прижать вражескую пехоту к земле, не дать ей атаковать. В одном из вылетов летчик нашего полка лейтенант Константин Атлеснов и воздушный стрелок сержант Александр Рогов под непрерывным огнем сделали шесть заходов на штурмовку и, только расстреляв все боеприпасы, вышли из боя. На следующий день Атлеснов в воздушном бою над Эльтигеном сбил «Ме-109».

Для тех, кто не знает, скажу — штурмовик летает низко и по нему стреляют из всего, что есть на вооружении. Кажется, что летишь через сплошное море огня. Не бывало случаев, чтобы мы прилетали на аэродром без пробоин. 2 декабря 1943 года, в период наивысшего накала борьбы, в очередном боевом вылете погиб командир эскадрильи капитан Андреев. Мы проштурмовали танки, уничтожив три из них, и пошли на батарею, когда вдруг самолет Андреева резко перевернулся и, стремительно падая вниз кабиной, врезался в землю. Тут помочь невозможно: зенитный снаряд — не истребитель, его не видно.

Конечно, каждый хотел выйти живым из этого ада, но не любой ценой.

…Командир эскадрильи штурмовиков Черноморского флота лейтенант Борис Воловодов и воздушный стрелок, парторг эскадрильи, Василий Быков после штурмовки противника, когда уже кончились боеприпасы, увидели вражеские бомбардировщики, летевшие бомбить позиции эльтигенцев. Спасая жизни десантникам, отбившим уже девятнадцать атак за день, Воловодов повел свой штурмовик в лобовую атаку. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

5 декабря группу на Эльтиген повел Ишмухамедов. Я — с ним. Над аэродромом облачность была низкая, метров триста, а бомбы бросать ниже четырехсот нельзя, чтобы не поразить самого себя. Но над проливом облака начали подниматься. Над Эльтигеном — вспышки разрывов и клубы дыма. Там «работают» другие группы Илов ведут воздушные бои наши истребители.

Тамерлан командует:

— Противозенитный маневр! Атакуем группой, с ходу!

Мне хорошо видны действия всей группы. Пробиваемся сквозь зенитный огонь, сбрасываем бомбы на танки и пехоту южнее поселка. Сбросив бомбы, Тамерлан давит эресами и огнем пушек зенитную батарею. Мы уже на бреющем проносимся вдоль переднего края. Остальные — за нами.

Вдруг в правой плоскости нашего самолета возникает огромная дыра.

Тамерлан с трудом выравнивает самолет. У кромки моря — разворот — и снова на врага. Вот разрывы зенитных снарядов как обрезало: зенитки прекратили огонь, в атаку на нас пошли «мессершмитты». Два из них нацелились на замыкающий Ил. Его стрелок ведет огонь по одному из истребителей, я — по второму.

Вот «мой» отвалил, второй продолжает наседать. Тамерлан, искусно маневрируя, помогает мне поймать его в прицел. Всего со ста метров я всадил в него очередь, и «мессершмитт», перевернувшись, упал в Чурбашское озеро. Должен заметить, в то время немецкими истребителями на Керченском полуострове командовал один из любимцев Гитлера, командир 3-й группы (авиаполка) 52-й истребительной эскадры капитан Герд Бакгорн, считавшийся в люфтваффе асом № 2.

Мы летим на малой высоте, замыкающий и того ниже, чуть не касаясь винтом воды. Вот он садится на воду возле баржи. Брызги — и над Илом смыкаются черноморские волны.

После посадки к нашему самолету подъехал на стартовой машине командир полка. Тамерлан доложил о выполнении задания, о том, как я сбил «мессершмитт», и о самом грустном, что погибли Тихонов со стрелком Васильевым.

— Они не погибли! — воскликнул я. — Они сели на воду рядом с баржей, их спасли!

Так хотелось, чтобы товарищи не погибали… Но это — война, а она пожирала тысячи человеческих жизней.

9 декабря от прямого попадания зенитного снаряда на западном склоне горы Митридат на — окраине Керчи погибли летчик лейтенант Макурин и стрелок сержант Столяров. В тот же день вынужденно сел в районе завода имени Войкова штурмовик замкомэска Папка. Его воздушный стрелок Паршиков был ранен в ногу. Под прикрытием огня пехотинцев им удалось выбраться с «нейтралки».

10 декабря, после сорока дней и ночей беспрерывных боев, немногие уцелевшие десантники были эвакуированы в Тамань. Бои в воздухе продолжались.

У наших авиаторов существует шутливо-горькое высказывание: «Там, где начинается авиация, там кончается порядок». Во многих случаях это, к сожалению, так и было. Немецкие летчики, к примеру, строго соблюдали правила радиообмена, что значительно повышало эффективность радиосвязи. Советские же авиаторы, особенно в горячке боя, буквально забивали эфир криком. Командиры пытались с этим бороться, но их предупреждения действовали до очередной схватки. Немецкие летчики такой безалаберностью умело пользовались: по именам прозвищам и другим косвенным данным

выявляли командиров, ведущих групп, известных на данном участке фронта своей результативностью летчиков и устраивали на них буквально охоту. Сколько лучших воздушных бойцов погибло именно по этой причине. Но в конце концов мы и этот «недуг» преодолели. Неплохой иллюстрацией этого стал разгром авиабазы в Багерове (об этом я уже выше рассказывал).

В середине зимы наступило некоторое затишье. Полк перебазировался на площадку у станицы Джангинской — ближе к Керченскому проливу. В один из дней командир полка вручил нам боевые награды. Ордена Славы 3-й степени получили летчик Константин Атлеснов, воздушный стрелок Николай Петров и я. Это был мой первый орден.

Под руководством помощника командира полка Тамерлана Ишмухамедова в его, как мы говорили, «полевой воздушной академии» изучали опыт прошедших боев, готовились к новым. Борьба еще предстояла долгая.

8 апреля 1944 года войска 4-го Украинского фронта, занимавшие подступы к Северному Крыму, взяли штурмом Перекоп и, прорвав оборону противника, устремились в центральную часть полуострова. С рубежей, где несколько месяцев велись тяжелые бои, двинулись в наступление передовые отряды Приморской армии, и к утру 11 апреля Керчь была освобождена.

Нашему полку была поставлена задача уничтожить на станции Салын железнодорожные эшелоны, на которые грузились отступающие немецкие войска. Группа самолетов, которую вел Виктор Казаков, настигла уходящий эшелон, удачно сбросила бомбы и проштурмовала его. Горели вагоны, разбегались немецкие солдаты, но их настигали хлесткие очереди пушек и пулеметов штурмовиков. Истребители прикрытия тоже не упускали возможности отомстить за все наши неудачи 1941–1942 годов, за гибель товарищей, мирных жителей. Да, это был уже не 1941 год!

Через полчаса — снова на взлет! Проскочили над Керчью. Дороги забиты горящей техникой противника. Зенитки не стреляют, немецких истребителей нет. Проносимся над фашистскими войсками: сбрасываем осколочные бомбы, пускаем эресы, стреляем из бортового оружия. Мы, воздушные стрелки, тоже ведем прицельный огонь по наземным целям. За день делаем несколько боевых вылетов. Главное теперь — не дать противнику оторваться от наших войск и скрыться в Севастополе, закрепиться там. В конце дня — тяжелая потеря: погиб бесстрашный экипаж — летчик Атлеснов и воздушный стрелок Рогоза.

— Мы штурмовали противника, — рассказывал воздушный стрелок Паршиков. Зенитки не стреляли. Вдруг вижу: самолет Атлеснова перевернулся и упал кабиной вниз. Наверное, ему досталась шальная пуля: самолет летел очень низко…

Механик их самолета Федор Моисеенко неприкаянно бродил по пустой стоянке: опустив голову, переставлял ящики с места на место, прислушивался, смотрел в небо. Видно было, что у него что-то умерло в душе… В боях за Керчь только наш 43-й гвардейский штурмовой авиаполк потерял 30 летчиков и воздушных стрелков. Большие потери были и в других авиаполках дивизии.

3 апреля 1944 года линия фронта проходила уже далеко за Феодосией. Отходивший по горным дорогам, вдоль побережья, противник подвергался ударам партизан, военных моряков и авиации. С каждым часом наступления авиации, действующей с аэродромов Тамани, приходилось преодолевать все большее расстояние до противника, стремящегося как можно быстрее уйти под прикрытие севастопольских укреплений. Удавалось это, правда, далеко не всем.

Группа комэска Евгения Ежова летела вдоль дороги в правом пеленге. Издалека увидев шлейф пыли над автоколонной противника, Ежов, зная, что неподалеку наши танки, решил остановить ее. Два самолета ударили по голове колонны и создали «пробку». Хвост колонны по инерции подтянулся, и цель стала довольно компактной. Развернувшись, группа нанесла штурмовой удар с бреющего полета. В это время вторая группа, возглавляемая Тихоном Кучерябой, в ранее указанном районе противника не обнаружила: там уже двигались наши части. Развернувшись, штурмовики пошли на юг и вскоре увидели машины арьергардных частей противника. Сбросив бомбы на зенитные батареи, прикрывавшие их отход, группа ударила по основной колонне…

20 апреля успевшие отступить части противника и гарнизон Севастополя заняли оборону в многополосных сооружениях, опиравшихся на цепи гор: Мекензиевых, Сапун-горе, Сахарной головке, Федюхиных высот — и множества больших и малых возвышенностей, полукольцом опоясавших город. На этих высотах в незабываемые месяцы обороны Севастополя в 1941–1942 годах двести пятьдесят дней и ночей сражались воины Красной Армии и моряки Черноморского флота. Сотни тысяч снарядов и мин, десятки тысяч авиабомб бросил на город и его защитников враг, предпринял во время трех штурмов на них сотни атак… И вот русские солдаты и матросы, казалось бы много раз уже убитые, снова у Севастополя. Вспоминается в связи с этим

такая притча: генерал докладывает прусскому королю: «Ваше величество! Русского солдата мало только убить, его надо еще и повалить. Ведь он и убитый продолжает стоять!»

За время оккупации Крыма противник еще более усилил в инженерном отношении все линии обороны под Севастополем и до предела насытил их огневыми средствами. Сапун-гора была превращена в крепость, заминированную и усиленную железобетонными сооружениями. В отвесных уступах, в несколько ярусов, шли доты с тяжелыми орудиями и множеством пулеметов, а вся гора снизу доверху опоясывалась линиями траншей, минными и проволочными заграждениями.

…Весна в разгаре, светит яркое крымское солнце, буйно цветут травы… А я читаю письмо из дома, от сестры. Она пишет о том, что пришлось пережить нашим людям в оккупированном Харькове, где погибли трое моих школьных товарищей, повешенных гитлеровцами на глазах жителей рабочего поселка — для устрашения…

Наш полк перелетел на аэродром Тумай, севернее Симферополя. После небольшой передышки снова ежедневно, по нескольку раз в день, вылеты. Я лечу во второй кабине штурмовика командира полка Соколова, который ведет группу. Нашей группе удалось удачно сбросить бомбы, сделать три штурмовых захода на вражеские артиллерийские позиции на Мекензиевых горах и без потерь возвратиться на аэродром. Утром 7 мая полку был зачитан приказ о штурме Севастополя. На боевое задание я вылетел в самолете командира группы штурмана полка Коновалова, опытного, требовательного, прекрасно знающего свое дело, в чем неоднократно убеждались все летавшие с ним, человека. Напросился сам — вместо его заболевшего стрелка. Мы должны нанести удар по артиллерийским позициям немцев юго-западнее Сапун-горы, откуда велся огонь по нашим войскам, изготовившимся к штурму. С других направлений на Севастополь идут группы бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей. Какие-то группы самолетов уже возвращаются с боевого задания… Из условных разговоров по радио узнаем знакомых летчиков. Впервые наблюдаю одновременно в воздухе такое количество наших самолетов. Ведут их уже в основном закаленные в боях авиаторы. Вот «зависает» над нашим Илом истребитель крмэска Истрашкина. Слышу также голоса Татарникова, Рубцова.

В воздухе нужно всегда быть внимательным. Вылетая на боевые задания в район Севастополя, экипажи наших штурмовиков отмечали все усиливающуюся зенитную оборону противника. Действия его истребительной авиации,

базирующейся на последнем аэродроме на мысе Херсонес, затруднены из-за нашего превосходства в воздухе, но, если удается завязать бой в благоприятных условиях, «мессершмитты» атакуют Илы с яростью обреченных. В дни последних боев за Севастополь немецкими истребителями уже командовал ас Германии N 1, командир 9-й особой эскадрильи 52-й истребительной эскадры оберлейтенант Эрих Хартман.

Подходим к Севастополю. Город в дыму пожарищ. Видим очертания береговой линии бухты. Вдали, слева т — Херсонес. Коновалов докладывает по радио на КП генералу Гетьману о готовности группы:

— Я «Стрела-3»! Уточните цель!

— «Стрела-3»! Из района северо-западнее Балаклавы ведут огонь батареи противника. Заставьте их замолчать!

Еще до подхода к Сапун-горе наша группа начала противозенитный маневр. Разрывы зенитных снарядов — со всех сторон. Коновалов умело маневрирует, подсказывает летчикам. Зенитный огонь все плотнее, но мы упорно продвигаемся к цели.

Выглядываю вперед и вижу на земле сполохи залпов зенитных батарей. Впереди виднеется Балаклава. Северо-западнее ее — те самые артиллерийские батареи. Илы снижаются, бьют из пушек, затем пускают реактивные снаряды, с пикирования бросают бомбы. Три батареи замолкают. Потом делаем второй заход. Хотя в воздухе полное наше превосходство и нас старательно прикрывают истребители, я внимательно слежу за обстановкой. И не зря.

Со стороны солнца, с большим превышением над уходящими от Севастополя штурмовиками и истребителями, появились две точки. Солнце бьет в глаза даже через светофильтры очков, но я уже вижу: истребители, и не наши. Вот они перестраиваются и пикируют на нашу группу.

Включаю переговорное устройство, кричу: «Маневр!»

Но Коновалов командует штурмовиками группы и меня не слышит: когда у нас включен передатчик, самолетно-переговорное устройство не работает, такая уж в ту пору у нас была радиотехника. Я включаю световую сигнализацию: на приборной доске летчика мигает красный свет — предупреждение об опасности.

Коновалов не реагирует, и «мессеры» берут наш самолет в «клещи». У меня один выход — уничтожить истребитель, атакующий первым, а затем перенести огонь на второй. Но ничего не выходит: немец грамотно сближается под большим углом, вертикальный угол обстрела моего пулемета не позволяет достать его. И вновь меня спасает солдатская смекалка. Я мгновенно

сбрасываю сиденье, становлюсь коленями на дно кабины и доворачиваю ствол пулемета на угол, не предусмотренный тактико-техническими данными Ила. Огонь пока не открываю, надеясь, что немец не поймет моих действий по изменению угла стрельбы. А он, он все так же грамотно, как на тренировке, подходит все ближе. 800 метров, 600, 400… Я прицеливаюсь особо тщательно, так как отчетливо понимаю, что второй очереди не будет. И вот огненная трасса упирается в самолет противника, он, не успевая открыть ответный огонь, вспыхивает. Объятый пламенем, «мессер» несется нам навстречу. Но Коновалов, после моей очереди резко рванул самолет вправо, и горящий немец пронесся рядом.

Отвлекшись на факел, мы чуть не стали факелом сами. Второй «мессершмитт» приблизился к нам справа и дал очередь. Снаряд попал в антенну, осколки угодили в кабину, но задели на мне только шлемофон. Рванув пулемет влево, я увидел в каких-то ста метрах выходящий из атаки вверх закопченный желтый самолет с черными крестами. Я нажал гашетку и стрелял, пока пулемет не отказал. Меня прижало к пулемету и вытягивало из кабины. Понял, что наш самолет сбит и падает. Нет, хочется жить! Делаю сверхъестественное усилие и хватаюсь обеими руками за турель. Но вот перегрузка уменьшается: Ил переходит в горизонтальный полет.

Хвостовое оперение разбито, в фюзеляже две пробоины, а земля совсем рядом. Командир сидит согнувшись, но самолет пилотирует уверенно. Мотор работает, кажется, нормально. Коновалов оборачивается и я вижу его окровавленное лицо. Он показывает мне большой палец, что означает: самочувствие хорошее, машина в порядке.

Опять хватаюсь за пулемет. Задержка была из-за разрыва гильзы. Устраняю ее и снова — весь внимание. Ил несется низко над землей в сторону моря, к Балаклаве. Других самолетов группы не видно. Затем Коновалов поворачивает на север, прижимается к горной гряде, стараясь незаметно выйти из опасной зоны.

И тут я заметил два «мессершмитта», идущих вдоль берега со стороны мыса Херсонес. Но тут появляются два Яка. Они еще пока далеко! А «мессершмитты» уже перестраиваются для атаки. Я открыл упреждающий огонь по ближайшему из них. Он прекратил атаку и начал набирать высоту, но тут же был настигнут подоспевшим Яком… Так всегда на войне: только что ты был охотником, а через мгновение становишься дичью. Второй «мессершмитт», не пытаясь искушать судьбу, отвернул в сторону и исчез.

Но пока мы отбивались от немецких истребителей на подбитом, плохо слушающемся рулей штурмовике, оказались в ущелье. Положение, надо сказать, было не из приятных… Справа и слева — горы, впереди — тоже гора. Коновалов проявляет редкое летное мастерство: с минимально возможной скоростью набирает высоту и переваливает через вершину горы буквально в нескольких метрах от нее. Затем разворачивается влево, и мы идем курсом на север.

Над нами все время, как бы подбадривая, барражирует пара Яков. Они сопровождают нас до Симферополя и только потом уходят на свой аэродром. Мимо нас пролетают группы самолетов в направлении Севастополя. Плавно снижаясь, летим в направлении своего аэродрома. Коновалов ведет самолет на самом выгодном режиме, бережет горючее.

Наконец ровное, покрытое зеленью поле, землянка командного пункта, радиостанция, на стоянках самолеты. У КП толпятся люди, видна машина с красным крестом. Коновалов выпускает шасси и идет на посадку, но не садится и уходит на второй круг. Вижу запрет посадки: левая часть знака «Т» завернута — не выпускается левое колесо. Коновалов заходит снова и знаками подает мне команду покинуть самолет с парашютом, но я не решаюсь: прыгать с парашютом мне еще не приходилось.

Коновалов показывает, что будет сажать самолет на одно колесо. Я вцепляюсь в борта кабины: если перевернемся, втайне думаю я, то в самолете у меня больше шансов уцелеть.

Но Коновалов и здесь на высоте: самолет, клонясь все больше влево, бежит по земле и, задев консолью крыла за землю уже на безопасной скорости, разворачивается на 180 градусов и останавливается.

Я бросаюсь к кабине летчика. Коновалов устало откидывается к бронеспинке. Ранение оказалось неопасным, но потеря крови сказалась, и он очень ослаб. На «стартере» подъехал командир полка. Коновалов доложил, что группа задание выполнила: батареи противника подавлены. Были атакованы истребителями, сбит один «мессершмитт».

Выслушав доклад, командир улыбнулся. Затем в обычной для него шутливой манере спросил:

— А что вы там еще натворили? Пришел запрос на ваши фамилии!

Мы переглянулись, а Соколов сказал:

— Ваш бой наблюдали многие. Командование дивизии приказало представить вас к награде.

Я был награжден вторым орденом Славы.

К вечеру 7 мая Сапун-гора была взята нашими войсками. Во время ее штурма прямым попаданием зенитного снаряда был сбит самолет лейтенанта Самаринского, стрелком у которого был сержант Гурьев, мой земляк харьковчанин. Летчики и стрелки, которые видели это, сообщили, что из самолета кто-то выбросился с парашютом, но приземлился в расположении противника.

Во второй половине дня 9 мая начался штурм Севастополя. Остатки немецких войск, стараясь обеспечить эвакуацию, пытались оказать сопротивление на рубеже старого Турецкого вала, который проходил по высотам от Стрелецкой бухты на юг. Большое скопление войск противника наша авиация обнаружила на берегу бухты Казачья.

Группа Илов, возглавляемая лейтенантом Шупиком, подошла к цели. Зенитные орудия, стоявшие на открытом месте и не замаскированные, открыли ураганный огонь. Лейтенанты Кравченко и Козаков с ходу пошли в атаку и бомбами заставили орудия замолчать. В это время остальные самолеты, замкнув круг над целью, штурмовали пытавшихся уйти в море суда с противником. Другие группы штурмовиков сосредоточили огонь на катерах, находившихся юго-восточнее мыса Херсонес. Большинство плавсредств было вскоре потоплено.

9 мая немцы оставили Севастополь, но отдельные группы еще держались в районе бухт Камышовой, Казачьей и на мысе Херсонес.

Вспоминаю вылет 10 мая на уничтожение противника, занятого погрузкой на корабли в Камышовой бухте. Я летел с Коноваловым, который вел группу. При подходе к цели перед нашими самолетами встала стена заградительного огня. Коновалов по радио приказал группе сбросить бомбы с высоты 800 метров. В порту и вокруг скопилось такое огромное количество живой силы и техники, что едва ли не каждая бомба достигала цели. Огонь с земли усилился: небо побагровело от вспышек разрывов зенитных снарядов.

Коновалов, имитируя попадание в его штурмовик, отвернул в сторону, а затем резко развернувшись обратно, прицельно сбросил бомбы. Самолет подбросило вверх — под нами взорвался склад боеприпасов.

Группа возвратилась на аэродром без потерь. А на следующий день — снова вылет, и снова с Коноваловым, на мыс Фиолент. Здесь мы штурмовали пехоту. Немцы вели по нам огонь из всех видов оружия, были попадания в самолет. Я тоже беспрерывно стрелял из пулемета. Были и такие вылеты, когда противник почти не стрелял. В море плавало множество плотов, лодок,

других подручных средств, на которых немцы пытались хотя бы отплыть от крымского берега в надежде, что их подберут свои. Можно понять солдат, обреченных остаться на чужом берегу, ожидая расплаты за то, что они сами и их прислужники совершили на крымской земле. Большинство из них не принимали участия в зверствах над мирным населением и военнопленными, и формально солдаты не были виноваты в действиях палачей, но ведь палачи приходят именно вслед за солдатами…

Но вот последний вылет. Вдали от берега виднелся пароход, который, очевидно, отчалил ночью. Когда наша группа приблизилась к нему, мы увидели необычную картину: находившиеся на палубах люди махали нам белыми платками, простынями. Увозят в плен наших!..

Самолеты встали в круг. Командир группы Тамерлан Ишмухамедов приказал не бомбить, передал по радио на КП о создавшейся обстановке.

— Судно не бомбить! — последовала команда. Но и не давать ему уходить на запад. Сейчас подойдут наши торпедные катера…

А через несколько минут команду с КП дополнили:

— Капитан парохода радировал, что они сдаются в плен. Возвращайтесь на аэродром!

К пароходу подошли торпедные катера, он развернулся и пошел обратно в Севастополь. Мы сбросили бомбы в пучину Черного моря и впервые возвратились после боевого вылета, не сделав ни единого выстрела. Война в Крыму была закончена!

В боях за Севастополь мы потеряли заместителя командира эскадрильи капитана Шкребу, его стрелка, сержанта Замая, и кого-то из двух — то ли летчика лейтенанта Самарского, то ли его стрелка сержанта Гурьева. Может быть, обоих. Урон противнику наш штурмовой авиаполк нанес значительный, так как воевать уже научились все: и летный состав, и командование. В Крым была стянута авиация двух воздушных армий. Авиационное наступление было организовано исключительно четко, удары были хорошо спланированы, выполнялись эффективно. Интервалы между группами стали такими малыми, что только отштурмуется одна группа — за ней сразу идет вторая. И так целый день. «Все расписано по нотам; кому, когда, сколько времени быть над целью!» — восхищались летчики. А главное — мы стали настоящими профессионалами.

Началась подготовка к перелету на 2-й Белорусский фронт. Нам предстояли новые бои. Операция по освобождению Белоруссии началась утром 23 июня 1944 года. Всю ночь накануне наступления бомбардировщики дальнего действия

громили позиции противника на направлении главного удара. Утром их сменили штурмовики. Наш 43-й гвардейский штурмовой авиаполк наносил удары по отступающему врагу. В первые дни наступления нас, правда не слишком активно, пытались атаковать истребители противника. Один из них, «Фокке-Вульф-190», мне удалось сбить над Могилевом, за что я был представлен к награждению орденом Славы 1-й степени. Это был первый случай в 4-й воздушной армии, когда воздушному стрелку Ил-2 удалось сбить четвертый самолет противника.

Но кто-то на длинном пути представления до тех, кто имеет право награждать, очевидно, посчитал, что война еще не кончилась и я еще успею не раз отличиться, а пока — рановато, ведь речь шла о третьем гвардейском солдатском ордене… Сколько таких представлений замоталось где-то в недрах штабов, сколько людей не получили до сих пор заслуженных наград! А кто-то уже никогда не получит.

3 июля войска Красной Армии, с небольшими потерями, окружив огромное количество немецких войск, вошли в столицу Белоруссии Минск, затем с ходу вступили на территорию Польши и уже 27 июля освободили Белосток и захватили плацдарм на реке Нарев. Это была, пожалуй, самая блистательная операция Великой Отечественной войны.

С приближением советских войск к Висле в Варшаве вспыхнуло вооруженное восстание, которое вскоре стало массовым. О трагедии Варшавского восстания написано и сказано очень много, и мне нечего добавить к этому, но могу подтвердить, что штурмовики нашего полка наносили удары по немецким войскам, атаковавшим город. Я сам видел с воздуха дым пожарищ в Варшаве, которую немцы методично разрушали артиллерийским огнем. Мы, солдаты, помогали полякам, чем могли. За освобождение Польши пали смертью храбрых свыше 600 тысяч граждан СССР разных национальностей. Это — исторический факт, и тогда польский народ был благодарен Красной Армии за свое освобождение. Политики меняются, но факты дружеской поддержки и помощи остаются фактами, которые трудно опровергнуть.

После Польши дорога для наших солдат лежала на Берлин. В Берлинской операции мне, по известным читателю причинам, участвовать не довелось — я был отправлен на учебу в Москву.

Главными дирижерами «холодной войны» были американцы. Соединенные Штаты Америки несказанно разбогатели в Первой мировой войне, ссужая деньгами под проценты воюющие европейский страны. Сами же они вступили в войну только 2 апреля 1917 года. Следуя своим инстинктам стервятника, США

выжидали, выбирали себе наиболее выгодную сторону. Потери их потому абсолютно незначительны в сравнении с потерями России и Германии — всего 114 тысяч человек (в основном «цветные» солдаты).

Во Второй мировой войне США проводили сходную политику: вначале бомбардировка противника авиацией, и только когда все живое уничтожено, американцев поднимали в атаку. Янки потеряли за всю Вторую мировую войну на всех фронтах всего 300 тысяч человек. 3 марта 1945 года генерал Омар Бредли вычислил: «Взятие Берлина будет нам стоить сто тысяч человек. Тяжелая цена для исключительно престижной цели» (из книги «Война между генералами» Давида Ирвинга, с. 376). Поэтому решили, пусть берут Берлин «дикие монголы», как называл нас американский генерал Паттон. Вот его высказывания о русских: «Русские — подлая нация монгольских дикарей, каждый из них сукин сын и варвар, готовый вступить в заговор с евреями или с кем угодно, лишь бы коммунизировать Европу и Америку». А когда немцы практически разгромили американцев в Арденнах, то Эйзенхауэр, направив в Москву своего адъютанта Теддера, просил срочной помощи у этих самых «монголов». В Арденнах янки потеряли 70 тысяч убитыми и ранеными и огромное количество военной техники. Лишь наступление Красной Армии спасло их от полного разгрома.

В июле 1945 года Паттон пишет жене: «Берлин нагнал на меня тоску. Мы уничтожили то, что было, возможно, хорошей расой (немцев), и мы сейчас заменяем их дикими монголами». А в августе заносит в свой дневник следующую запись о русских: «У меня нет никакого желания понимать их, разве что только для того, чтобы подсчитать, сколько нужно свинца и стали для того, чтобы убить их». 31 августа в письме жене он же сообщает: «Весь этот шум в прессе по поводу братания с русскими лишь только показуха!»

Давид Ирвинг в той же книге пишет: «Паттон так же как и Монтгомери (английский фельдмаршал) в частных беседах считали, что если существует опасность войны с Россией… лучше начать сейчас, когда мы хозяева в небе…»

Нет, у России, как видно, после войны не было даже короткой передышки, чтобы вдохнуть полной грудью мирного воздуха. Так, к примеру, первые попытки сколачивания международного неонацистского клана берут свое начало еще со времен Второй мировой войны и непосредсвенно связаны с именами Отто Скорцени и Рейнгарда Гелена — двух видных нацистов, которым Гитлер доверял выполнение кровавых операций.

Скорцени основал значительное число террористических

групп во многих западноевропейских странах и был вместе с шефом гестапо Мюллером одним из главных организаторов заранее спланированного переселения крупных нацистов в Латинскую Америку. Гелен после поражения в войне наладил связи с американской секретной службой и с помощью последней стал шефом БНД разведки ФРГ, кресло которой занимал в течение многих лет.

Одним из важнейших уроков исторического сражения с фашизмом является осознание широкими массами той величайшей опасности, которую он представляет для дела мира и социального прогресса, для цивилизации в целом. И уроки, преподнесенные историей, меньше всего можно считать ушедшими в прошлое, но нельзя допускать недооценку этого коварного и злобного врага. Неонацизм это оголтелая, патологическая идеология, обращающая недовольство люмпен-пролетарской и мелкобуржуазной массы, незрелой молодежи против организованного движения сил мира и социальной справедливости. В историческом аспекте неофашизм — это злейший враг всех миролюбивых сил. И это не только национальное или региональное явление. Оно присуще всему миру. Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей — это особенно обнажено в политике агрессивных кругов крупного капитала.

Если вернуться в прошлое, то можно увидеть, что в становлении нацизма весьма важную роль сыграли масоны и, прежде всего его идеологической основы. Наряду с проповедью исключительности «избранных», масонство несло в мир свои космополитические постулаты, как принадлежность к «всемирной религии», лицам «неизбранных» наций предлагалось «освобождение от предрассудков своей родины». Совсем недавно обанкротившееся движение «Демократическая Россия» с трибуны своего съезда «устами» самой демократической дамочки В. Новодворской провозгласило: «Или Россия идет на Запад, или в могилу». Третьего пути у «демороссов» для России, как видно, просто не существует.

Словом, многие из этих установок были позаимствованы «архитекторами» нацизма в Германии и фашизма в Италии для реализации своих грязных целей. Впрочем, публично фашистские и нацистские лидеры предавали масонство анафеме. Но, как покажет время, это была тонкая игра.

Нацисты избрали себе эмблему — свастику, древний символ магической силы. Отличительным знаком эсэсовцев стал типично масонский символ — череп с накрест сложенными костями. Он

должен был напоминать о презрении к смерти. Фашистское приветствие вытянутой на уровне плеча правой руки тоже взято из масонских ритуалов (знак воздуха).

В журнале «Троммлер» («Барабанщик») писалось в те годы моей работы в Германии следующее: «Пересмотрев нашу историю, мы должны прежде всего уделить внимание вопросу о несправедливо возлагаемой на нас, немцев, вине за возникновение Второй мировой войны». А газета «Гек» утверждала: «Мы защищаем нашу страну, Германию, и выступаем за ее воссоединение, а потому мы считаем своим врагом марксизм, коммунизм, социализм всех направлений и оттенков, равно как и жалкий, беспомощный и половинчатый либерализм…»

А вот что говорил Гергард Опиц из Гамбурга, бывший эсэсовец, а затем издатель «национал-политических трудов»: «В 1945 году мы не бросили оружие. Надо извлекать и демонстрировать его. Настанет день, когда вермахт снова пройдет маршем через Бранденбургские ворота!»

После победы над фашизмом мысль еще об одной войне здравым людям не могла даже прийти в голову. А если кое-кому и приходила, то казалась лишь «теоретической» возможностью. Кто действительно мог подумать, что появятся люди, которые будут призывать забыть нацистские преступления.

А ведь еще недавно по дорогам Европы и всего мира нескончаемым потоком шли люди: демобилизованные солдаты, колонны пленных, освобожденные узники концлагерей, увезенные в рабство, согнанные со своих родных мест войной беженцы и переселенцы. Далеко не всех ждали дом и семья. Многие из них находили лишь пепелище. Так начинался новый отрезок мировой истории, народы заново решали свою судьбу. Они не хотели ошибаться и жаждали только мира. Но вскоре цепочка «малых» военных авантюр и «грязных войн» снова протянулась через все послевоенное время вплоть до наших дней…

Во всем мире часто говорили об «экономическом чуде» в Западной Германии и считали автором его министра народного хозяйства послевоенной Германии Эрхарда. Необходимо при этом учитывать детали политического фона, на котором проходили экономические преобразования.

Началом экономических преобразований считается 21 июня 1948 года. Начались они с денежной реформы введением германских марок взамен рейхсмарок. Сперва каждый немец получил всего сорок новых марок, позже к ним добавили еще двадцать. Пенсии и заработную плату стали тоже платить в

«новых», и пересчитали их курс как один к одному. Наличность и сбережения частных лиц обменяли в соотношении 1:10. Предприятиям выдали денег столько, чтобы хватило для выплаты первой зарплаты, а дальше им предстояло существовать только за счет продажи производимой продукции. Долговые обязательства банков бывшего рейха были практически все аннулированы. Такая конфискационная денежная реформа правительства Аденауэра могла вызвать возмущение, но она проводилась на основании декрета военных оккупационных властей, а поэтому немцам пришлось смириться с такими мерами. Реформа цен вступила в силу через три дня после начала денежной реформы, но она уже проводилась самими немцами. Эрхард отменил сотни постановлений, всяких предписаний, регулировавших и цены и другие постановления экономической жизни. В своих начинаниях он постоянно получал поддержку американского военного губернатора генерала Клея.

Но почему все-таки «чудо»? Откуда взялись силы для столь стремительного рывка германской экономики вперед? Сам Людвиг Эрхард в своей книге «Благосостояние для всех» пишет: «Первый индустриальный план, который был выработан на основании потсдамских соглашении от 2 августа 1945 года, стремился свести объем немецкой промышленности к уровню, который составил бы всего 50–55 процентов уровня 1938 года или примерно 65 процентов уровня 1936 года… Второй экономический план, который был введен английским и американским военными управлениями для зон оккупации 29 августа 1947 года, давал так называемой двойной зоне право восстанавливать свою промышленность в полном объеме 1936 года, но и этот план был связан с различными, касающимися частностей, ограничениями».

Германский экспорт в те годы носил принудительный характер. Немцев заставляли вывозить то, в чем они сами остро нуждались, — уголь, лес, другие виды ресурсов. Надо ли объяснять, что значило это для страны, испокон века существовавшей за счет ввоза сырья и вывоза готовой продукции? И если бы Германию и дальше заставили продолжать это делать, то не было бы никакого свободного рынка. Ценовой хаос в Германии продолжался примерно полгода. К концу 1948 года на мировом рынке наметилась тенденция к падению цен — это не могло не оказать благоприятного воздействия на ситуацию в стране. Чрезвычайно помогли поставки сырья — по плану Маршалла, который спустя столько лет все еще вспоминают. В Западной Германии начало бурно расти производство, ибо здесь тесно взаимодействовала политика и экономика.

В те годы в Европе складывалась биполярная структура: блок стран социализма во главе с СССР и Западная Европа под эгидой США. Немцы воспользовались этим и начали спешно заниматься обустройством собственного дома. Росла продолжительность рабочего дня, а все сверхурочные заработки освободили от налогов. Все эти и другие факторы привели к тому, что Германия быстро возродила репутацию страны, в которую выгодно вкладывать деньги. И экономическое чудо Эрхарда вскоре оплатилось твердой валютой западногерманской маркой. В то время Германия не вкладывала деньги в военно-промышленный комплекс и незначительно финансировала создававшуюся собственную армию.

Вот выдержки из работы Людвига Эрхарда: «Я исходил из желания… создать массовую покупательную способность всех слоев населения…» «Конкуренция дает возможность всем людям пользоваться хозяйственным прогрессом, в особенности в роли потребителя»… «Сначала надо было повысить предложения товаров и тем самым оживить конкуренцию. Но в первую очередь нужно было дать работу растущему числу безработных…» «Обеспечить всем трудящимся соответственно росту производительности труда постоянное повышение заработной платы…» «Добиться умножения благосостояния посредством роста хозяйства, а не в результате споров об перераспределении продукции».

За семь лет реформ Эрхарда в Западной Германии выплата пенсий и других государственных пособий выросла в два с половиной раза при снижении стоимости жизни в первый год на семь процентов и повышении в последующие годы на пять процентов. Далее цитирую его же: «Никто не осмелится сказать, что индивидуальное налоговое бремя претерпело с 1949 года относительное повышение…» «Социальное рыночное хозяйство немыслимо без последовательной политики сохранения валютной устойчивости…» «Эта экономическая политика сумела в кратчайший срок провести беспрецедентную в истории восстановительную работу… Привести в порядок государственный бюджет посредством систематического сокращения расходов…» «Было запрещено набирать новых служащих и повышать оклады, служебные поездки были сведены до минимума…» «Впечатление, вызванное снижением цен было тем более убедительным, что за этот же отрезок времени зарплата повысилась…» «Был принят закон против произвольного повышения цен…» «Нам удалось утроить экспорт… Укрепить наше положение на мировом рынке можно только при условии повышения производительности труда и посредством свободной

конкуренции при одновременном обеспечении стабильности валюты…» «Предоставление долгосрочных кредитов для расширения производства, финансовая помощь жилищному строительству, снижение налогов и возврат уже выплаченных по более высокой ставке налогов…» «Мы особенно не имеем права выйти на путь инфляционных тенденций: это означало бы незаметным образом опорожнить карманы вкладчиков и лишить их честно заработанных денег. Это был бы наиболее омерзительный способ, который можно себе представить..».

Вот в чем фрагментарно состояла суть экономического чуда в Западной Германии по Эрхарду.

После разгрома нацистского рейха западные державы, и прежде всего США, взяли курс на возрождение агрессивного милитаризма в своих зонах оккупации, превращая созданную вскоре экономическую базу Германии в военный плацдарм для подготовки агрессии против социалистических стран. Особая роль отводилась западногерманскому шпионскому ведомству, вскормленному и руководимому Вашингтоном и ставшему в его руках послушным орудием «холодной войны». Там плелись заговоры и интриги против Советского Союза и наших союзников, а параллельно раскидывалась сеть слежки за гражданами ФРГ.

Наша советская разведка вела свою борьбу с этим ведомством, стараясь внедрить туда своих агентов. Можно сказать, что это было продолжение войны после войны. Мне лично тоже это было известно, ибо на демаркационной линии были созданы законспирированные разведпункты. С их сотрудниками (разведчиками и контрразведчиками) я был по роду службы знаком и иногда с ними сотрудничал. Это особая работа, и о ней стараются молчать разведчики всех стран, а если и пишут мемуары, то в них тоже «темнят». В реальной жизни все гораздо сложнее.

Вот краткий пересказ книги Хайнца Фельфе «В стане врага», вышедшей на немецком языке в издательстве «Раш унд Рединг» (Гамбург, 1986).

С этим человеком, нашим разведчиком, мне довелось встречаться. Ему удалось проникнуть в самое сердце западногерманского ведомства генерала Гелена и проработать там почти десять лет. После провала (его предали) он просидел семь лет в тюрьме ФРГ, но с помощью наших спецслужб был досрочно освобожден, а затем работал в ГДР.

Фельфе был в свое время разведчиком Главного управления имперской безопасности (РСХА). Занимался агентами и диверсантами, засылаемыми во вражеский тыл. Затем попал к англичанам в плен, был освобожден из плена. Учился, стал

журналистом, посещал все зоны оккупации. Однажды он попал в поле зрения нашей разведки, ему предложили сотрудничество. Предложение он принял без давления, ибо это отвечало сложившимся у него в то время политическим убеждениям. Так бывает, и Фельфе действительно работал на дело мира, против войны, ибо считал, что наша страна не является врагом Германии и что будущее принадлежит новому общественному строю — социализму. Он говорил уже после освобождения, что нужно неустанно раскрывать тайны, которые связаны с подготовкой новой войны. Когда представители западных стран утверждают, что они за разрядку напряженности, то им верить нельзя. Слишком значительны силы, которые видят смысл в извлечении прибылей из гонки вооружений. И уж они-то никакой разрядки никогда не допустят.

В аппарате западногерманской разведки (ВМО) он руководил отделом, который вел шпионаж против Советского Союза. Фельфе видел, что генерал Гелен продолжал заниматься тем же, что и при Гитлере, поэтому он делал все, чтобы помочь нашей стране, считая ее оплотом мира и справедливости.

Предоставим слово самому Хайнцу Фельфе — советскому разведчику:

— Конец войны застал меня в Нидерландах, куда я был направлен в декабре 1944 года. В последние дни войны нарастала сумятица и неразбериха. После самоубийства Гитлера, по приказу его приемника гросс-адмирала Деница, предстояло организованно вывести полки морской пехоты из Нидерландов в Германию. Я был назначен командиром роты в одном из таких полков. Весть о капитуляции Германии 8 мая 1945 года дотла до нас уже у побережья Голландии. 3 мая я был взят в плен и затем был передан в руки британской разведки Интеллидженс сервис. Нас разместили в старых казематах Форта, окруженного рвами с водой. Здесь произошла «сортировка». Интеллидженс сервис создала лагеря военнопленных пяти категорий, под номерами от 010 до 050. Я попал в категорию 030 — это означало, что я «очень опасен». Тем не менее допрашивавшие меня представители разведки при всей строгости были весьма корректны, более того, постепенно они стали выражать нам сочувствие как коллегам. Примечательно, что один из офицеров — мистер Г. однажды предупредил меня: «Среди нас есть коммунист, с ним будьте настороже». В конечном счете м-р Г. сказал мне: «Такие люди, как вы, пригодятся нам в новой немецкой полиции. Я дам рекомендательное письмо. Когда вас отпустят, обратитесь к офицеру безопасности при военной администрации. Мои догадки о том, почему английские офицеры столь предупредительны со

мной, стали понятны вскоре, ибо многие военнослужащие вермахта, сдавшиеся англичанам, жили практически на свободе, оставаясь в своих прежних частях под началом своих прежних боевых командиров.

По лагерю постоянно курсировали слухи, будто немецким солдатам вскоре опять придется воевать, при чем на сей раз на стороне американцев и англичан против русских. Это же подтверждалось соответствующими высказываниями лагерного начальства и его явным стремлением поддерживать в лагере антисоветские настроения.

Из слов одного английского офицера я понял, что англичане готовятся нанести предательский удар в спину своих бывших союзников по антигитлеровской коалиции и собираются использовать в этих целях боеспособные части вермахта.

Конечно, тайная вражда западных держав по отношению к Советскому Союзу не была для меня новостью. Работая в VI управлении РСХА, я имел информацию из первых рук о проходивших в Швейцарии тайных переговорах представителей гитлеровской верхушки с резидентурой Аллена Даллеса, целью которых было подготовить капитуляцию Германии перед западными державами, что позволило бы Гитлеру сконцентрировать все силы на Восточном фронте и сдержать продвижение русских внутрь Германии. Частичная капитуляция не состоялась. Теперь, когда третий рейх прекратил свое существование, карты были перетасованы, но цель осталась прежней — борьба против русских. Западные союзники задумали лишить Советский Союз плодов заслуженной победы, стать хозяевами положения в послевоенной Европе.

А нелегальная «немецкая армия Черчилля» (так называли ее многие немецкие солдаты), существование которой упорно отрицалось официальными кругами Лондона, была распущена лишь в начале 1946 года после ряда решительных протестов Советского Союза.

После окончания допросов я с рекомендательным письмом в кармане 'попал на транспорт, отправлявшийся в Германию. Я умолчал о своей принадлежности к СС, назвал обычное воинское звание — обер-лейтенант.

Прибыли в город Мюнстер. Переводчик-немец шепнул мне, что сначала отпустят тех, кто назовет адрес родственников или знакомых в Мюнстере. Другие будут ждать транспорта. В советскую зону оккупации не отпустили никого. Я назвал выдуманный адрес в этом городе и был немедленно освобожден. Это случилось 31 октября 1945 года…

Так для Хайнца Фельфе война осталась позади. Что ждало его

в будущем, знать он еще не мог. Одно для него было ясно, что его связь с национал-социализмом больше никогда не восстановится, итог двенадцатилетнего господства в Германии, как он сам признавал, был ужасен.

Самая опустошительная из всех войн принесла немцам отчаяние, безнадежность, духовный и моральный крах. В войне сгорели миллионы жизней многих народов. Словом, ему надо было «произвести расчет с собственным прошлым, критически разобраться в том, как… сам жил и действовал при гитлеровском режиме, и, наконец, найти свое место в новой жизни».

Как выше уже говорилось, Х. Фельфе был в прошлом эсэсовцем, офицером РСХА — преступной организации, как было определено в приговоре Нюрнбергского суда. Для начала ему нужно было пройти денацификацию.

«Добрую службу, — вспоминает он, — сослужило мне рекомендательное письмо из английского лагеря в Голландии. Я уже начал понимать, что практика денацификации, осуществляемая западными державами в их зонах оккупации, более чем сомнительна. Это укрепило меня в негативном отношении к их политике в Германии. Чем я больше узнавал о деятельности западных оккупационных властей в области так называемых демократических преобразований и «перевоспитания» немецкого народа, тем отчетливее понимал, что они никогда не помышляли всерьез о том, чтобы положить конец всем реакционным, милитаристским и нацистским тенденциям в общественной жизни на оккупированной ими территории Германии. Во мне крепло чувство разочарования в этой политике. С одной стороны, военные трибуналы союзников выносили самые строгие приговоры людям, чья вина в преступлениях нацистов была доказана косвенным путем или не доказана достаточно достоверно. С другой стороны, оправдывались кровавые палачи, на совести которых были тысячи человеческих жизней».

И тут Х. Фельфе был абсолютно прав. Достаточно вспомнить широко известный пример с «палачом Лиона» — дело Клауса Барбье, которого секретные службы США спасли от справедливого возмездия. К их числу принадлежали многие бывшие виднне сотрудники РСХА, которые заняли ведущие посты в «организации Гелена», а затем в ВКВ. Как выяснилось впоследствии, некоторые из них сразу же после окончания войны установили негласные контакты с разведывательными службами США и Англии и работали на них в качестве платных агентов или же были завербованы в лагерях для интернированных лиц. Поэтому в руках американцев и англичан сразу оказались сведения,

позволившие им быстро выявить людей, представляющих для них интерес.

«Так, например, — пишет Х. Фельфе, — западные союзники были прекрасно осведомлены обо всех сотрудниках центрального аппарата нацистской партии НСДАП, отделов РСХА и полиции, им было известно о создании нелегальной организации НСДАП, диверсионных группах «вервольфа». «Нужных людей» американцы и англичане интернировали, а затем произвели вербовку. Десятки завербованных были позднее «трудоустроены» американцами в «организации Гелена», а англичанами — в Ведомстве по охране конституции — «политической полиции ФРГ» и сформированной ими «новой немецкой полиции».

«Особые отношения» (определение Х. Фельфе. — Авт.) с западными державами, завязанные, как ему было доподлинно, еще во время войны, известно, помогли многим политикам сделать блестящую карьеру. Совершенно не случайно, утверждает Фельфе, первым канцлером ФРГ в 1949 году стал Конрад Аденауэр — друг «отца немецких экономических реформ» Эрхарда. Молодому поколению вряд ли известно, что Аденауэр был связан прочными финансовыми и семейными узами с влиятельнейшими кругами как немецкого, так и американского капитала. К его могущественным покровителям в Германии принадлежали крупнейшие промышленники и банкиры Абс, Пфердменгес и Цинсер, которые даже в годы войны постоянно поддерживали тесные связи с американскими финансовыми группами Моргана и Рокфеллера. Кстати, вторая жена Аденауэра, Гусей, урожденная Цинсер, была родственницей жены президента Международного банка реконструкции и развития Макклоя, который с 1949 по 1952 год являлся верховным комиссаром США в ФРГ. Впоследствии он возглавлял «Чейз Манхэттен банк» и был специальным советником президента Джона Ф. Кеннеди.

«Конечно, — пишет в своих мемуарах Фельфе, — многие быстро раскусили эту лицемерную двойную игру западных держав в денацификацию, и первыми коммунисты, в чем я убеждался неоднократно. Но и другие видели это тоже, только боялись протестовать. Помню, первый министр ФРГ по делам семьи Франц Йозеф Вюрмелинг, когда я спросил пристроить меня на работу, потрясая справкой о денацификации, лишь махнул рукой: «Ах, оставьте, такая справка говорит лишь с том, что у ее обладателя хватило ума выкрутиться».

Работу тогда Х. Фельфе не нашел, зато ему разрешили учиться, и он был зачислен «вольным слушателем» на факультет государства и права Боннского университета. «Кусок хлеба», как он выразился, ему давала журналистика. Он в ту пору

репортерствовал для берлинского радио и поэтому часто ездил в советскую зону оккупации. Иногда ему удавалось бывать даже в Дрездене.

«Увидев впервые родной город, разрушенный до основания совершенно бессмысленной бомбардировкой, я не мог удержать слез боли и гнева против тех, кто повинен в этом. Среди руин родного города я воспринял как некий символ тот факт, что англо-американские бомбардировщики разрушили Дрезден, а советские солдаты в мае раздавали берлинцам хлеб. Мучительная боль, пережитая мною в Дрездене, заставила меня вновь подумать о Советском Союзе как о стране, которая одна только могла, а главное хотела, навеки исключить возможность повторения подобных катастроф».

И это он говорил о том периоде, когда просто нельзя было не видеть, что Запад берет курс на полный отказ от потсдамских соглашений и переходит к политике «холодной войны» по отношению к Советскому Союзу. Ее прямым следствием, как мы уже знаем, стал раскол Германии и Европы. Теперь многие понимали, что те силы, которые развязали Вторую мировую войну, не могут быть гарантами благополучия и прогресса человечества. Германия имела шанс начать новую жизнь, но вместо этого в западных зонах последовательно возрождалось старое — милитаризм.

Многочисленные поездки по всем зонам оккупации сталкивали Х. Фельфе с самыми разными людьми, и некоторые из них прямо или косвенно и каждый на свой лад сыграли роль в окончательном формировании, как он подметил, его «нового мировоззрения».

«Из коммунистов, — вспоминает Фельфе, — мне наряду с Максом Рейманом особенно запомнился Хайнц Реннер, в то время (после образования ФРГ) министр транспорта земли Северный Рейн — Вестфалия. Остроумный, язвительный, он заставлял себя уважать и побаиваться. Я помню, как в перерыве какого-то заседания Теодор Хейс, первый президент ФРГ, взяв его под руку, о чем-то оживленно беседовал с ним, прогуливаясь по садику…

Я часто видел Конрада Аденауэра. Мы оба жили в Рендорфе под Бонном, почти что рядом. Часто встречаясь, выходя утром из дома, мы беседовали по дороге. В те годы Аденауэр часто говаривал, что для него Германия кончается на Эльбе, а дальше начинается Азия.

Кажется, в 1947 году во время одной из поездок я впервые познакомился с советскими офицерами, осуществлявшими контроль над высшими учебными заведениями. В человеческом плане они произвели на меня большое впечатление. Наши

политические дискуссии порой были очень бурными. Вскоре доверие мое возросло настолько, что я рассказал им о моем прошлом…»

В октябре 1950 года было образовано «ведомство Бланка», предшественник министерства обороны. Министры иностранных дел США, Великобритании и Франции, а также совет НАТО вопреки потсдамским соглашениям принципиально одобрили план ремилитаризации ФРГ. Германия официально вставала под воинские штандарты. Уроки истории были в ней преданы забвению.

«Спрос на «старых бойцов», — продолжает вспоминать Х. Фельфе, — сразу повысился. Меня вскоре посетил полковник Крихбаум — бывший шеф тайной полевой, жандармерии, с которым я познакомился во время войны. Тут и прозвучало приглашение в «организацию Гелена». Видимо, сработали мои многочисленные знакомства, в том числе и с рядом американских офицеров. А моя прежняя служба в зарубежном отделе РХСА была и вовсе «входным» билетом в «организацию Гелена». Крихбаум рассказал, что она состоит в основном из бывших офицеров абвера, работавших теперь против Востока. «ОГ», как ее называли посвященные, финансируется американцами, но действует достаточно самостоятельно. И раньше, в Бонне, и от моих советских знакомых я слышал о существовании такой организации, но никому не были известны в подробностях цели и методы ее работы. Теперь о них можно было узнать».

Как же получилось, может задаться вопросом читатель, что сразу после безоговорочной капитуляции Германии, после краха третьего рейха и роспуска вермахта военный аппарат при помощи американцев снова начал действовать как ни в чем не бывало?

Наряду с разветвленным аппаратом фашистского шпионажа в РСХА и в абвере («служба Канариса») существовала армейская разведка. Получаемая информация о Советском Союзе поступала для обработки в отдел генштаба сухопутных сил «Иностранные армии — Восток» 1 апреля 1942 года этот отдел возглавил полковник Гейнхард Гелен. Гелен выдвинулся, когда планировалась война против Советского Союза, и с октября 1940 года отвечал за «общие вопросы военных действий на Востоке». Но при всем обилии правдивой информации ни руководство вермахта, ни Гелен не сумели сделать единственно верных выводов. Гелен был и остался столь ярым антикоммунистом, что не допускал и мысли о том, что войне можно положить конец. В этом он не отличался от нацистов. Однако о себе он позаботился. Задолго до капитуляции Германии Гелен решил предложить свои знания и документы своего отдела тому из западных союзников,

кто захочет купить его и будет соответствующим образом вознаграждать за услуги.

Генерал Гелен и его заместитель подполковник Герхард Вессель отдавали себе отчет, что третий рейх вот-вот рухнет. Как им было в такой ситуации поступить? Уничтожить при приближении противника наиболее важные документы и попрятать сотрудников кого куда или… Во время встречи 4 апреля 1945 года в Бад-Эльстере Гелен и Вессель сочли, что предпочтительнее будет «или».

Как писал журнал «Шпигель»: «Гелен был одним из немногих немцев, которые знали, что военные руководители Америки и ее разведорганы уже рассматривали Советский Союз не как союзника, а как потенциального противника в будущей войне». Не желая выходить из игры, он сделал все, чтобы прийти к американцам с щедрым подношением. Архивы и картотека отдела были пересняты на пленку и спрятаны в тайниках во Фленсбурге и в Баварии. Гелен лишь ждал удобного момента для сдачи в плен американцам.

Это произошло только 20 мая 1945 года. На допросе Гелен предложил американцам свое сотрудничество в борьбе против Советского Союза. Офицер из американской разведки был, конечно, обязан передать об услышанном по начальству. В Обер-Урзуле, где находился лагерь для генералов и высших офицеров, Гелен вступил в контакт с американским генералом Эдвином Л. Зибертом. Допросы в лагере для военнопленных уступили место «переговорам» за чашкой кофе. В августе 1945 года генерал Зиберт отправил Гелена в Вашингтон.

7 июня 1946 года генерал-разведчик вернулся в Западную Германию, вооруженный официальным разрешением американцев на создание организации, получившей его имя, и привлечение к сотрудничеству «старых кадров». Первая штаб-квартира «ОГ», расположившаяся в горах Таунус, показалась генералу Гелену не подходящей для его амбициозных планов. Однако вскоре нашлась более достойная резиденция: «Поселок Рудольфа Гесса» в Пуллахе под Мюнхеном. По приказу Гесса, бывшего заместителя Гитлера по партии, здесь когда-то были построены кварталы вилл для него и сотрудников его «штаба»: территория поселка была весьма обширной и простиралась до лесистых берегов Изари. Какое-то время в Пуллахе находилась резиденция рейхсляйтера НСДАП Мартина Бормана, а в апреле 1945 года — штаб-квартира генерал-фельдмаршала Кессельринга. В поселке было достаточно жилых и рабочих помещений. На первых порах сюда переехали даже семьи сотрудников: незачем им во времена голода и черного рынка быть в слишком тесном

контакте с остальными немцами. Теперь в Пуллахе заново разворачивалась работа, которая велась и раньше: шпионаж и борьба против Советского Союза, против Востока, политический шпионаж, слежка внутри страны. Да и люди, занимавшиеся этим, были все те же. Сменилась только вывеска.

С самого начала Гелен добивался единоличного руководства во всех областях военного, политического и экономического шпионажа, и он действительно добился своего, ибо, нисколько не интересуясь политической судьбой немецкой нации, делал ставку на разыгрывавшуюся американцами карту «холодной войны».

В организации самым активным образом работали бывшие офицеры генерального штаба, такие как Эрнст Фербер, Йозеф Молль и подполковник Гейнц Гюнтер Гудериан. Но многие воспользовались прикрытием «ОГ», чтобы дождаться возрождения армии. К ним я отношу бывшего генерала Адольфа Хойзингера, который потом стал первым генеральным инспектором бундесвера.

Близкий друг Гелена Хайнц Херре говорил впоследствии: «В то время было важно подобрать, что называется, с улицы как можно больше офицеров». Отделения шпионской «ОГ» в западногерманских городах и землях именовались «генеральными представительствами» и «филиалами».

Англичане и американцы, грубо нарушив договоренности, подписанные представителями стран антигитлеровской коалиции, проигнорировав приговоры Нюрнбергского трибунала, не только попустительствовали Гелену, принимавшему на службу бывших офицеров СС и СД, но и активно поддерживали его.

Читателю легко понять, что такое «преодоление прошлого» ничего общего с денацификацией и строительством новой, демократической Германии не имело, но зато вполне отвечало интересам германской военщины и американским устремлениям быть хозяином положения и в Европе, и в мире.

Так дело и дошло до того, что окопавшиеся в «ОГ» нацисты начали составлять досье на политических деятелей — начиная от буржуазных и кончая «левыми», коммунистами, а затем и определять, кого из них считать врагом «западной демократии».

«…Договорившись с Крихбаумом, — вспоминает Х. Фельфе, — о моем официальном зачислении в «организацию Гелена», я 15 ноября 1951 года отправился в Карлсруэ, чтобы приступить к службе в генеральном представительстве «Л».

Найдя нужный мне дом на Гервигштрассе, я разыскал во дворе вывеску мастерской по изготовлению жалюзи «Циммерле», поднялся на второй этаж. Вместе с мастерской здесь располагались и рабочие кабинеты генерального

представительства. У шефа были «особые отношения» с вдовой Циммерле. В какой-то степени это была «крыша» для представительства. Шефа звали Альфред Бенцингер, он же Ляйдль. Прежде он работал у Канариса, в последнее время во Франции. Теперь его агенты, информаторы и курьеры действовали в Австрии, Швейцарии, во Франции, Италии, Югославии.

Пристальное внимание уделялось «советской зоне оккупации», так в течение всех лет нашего присутствия в Германии ФРГ называли ГДР. Как принято в шпионских организациях, я работал под псевдонимом, выступая под именами Фризен, Зандерс или Бек. Фальшивые документы изготавливали американцы. Работать пришлось в паре с Оскаром Рейле, специалистом по психологической войне против Востока. Он занимался этим «ремеслом» еще в третьем рейхе. Сам он себя всегда считал одним из представителей духовной элиты антикоммунизма. Из бесед с ним я много узнал о «политической платформе» западногерманских секретных служб: «холодная война», «единоличное представительство Германии», особая роль ФРГ в Европе, решение спорных вопросов с применением силы.

Агенты-двойники, находившиеся в моем ведении, ничего интересного собой не представляли. Да и занимались мы в 1951–1952 годах главным образом вербовкой в среде высокопоставленных правительственных чиновников и представителей делового мира. Мы подбирали их в министерствах, земельных правительствах, органах полиции и городского управления, в таможне, политических партиях и организациях, в профсоюзах, а также в дипломатических представительствах Бонна за рубежом. Попутно заводилось досье на ведущих политиков, причем отнюдь не только опозиционных…» Прервем рассказ нашего разведчика о его работе в «Организации Гелена» и еще раз оценим обстановку того времени в Германии.

Советское руководство и лично И. В. Сталин оказывали огромную помощь нашим органам разведки на всех уровнях. На закрытых совещаниях Иосиф Виссарионович неоднократно утверждал, что для того, чтобы построить мост, нужны средства, труд многих людей и время, а для того, чтобы его уничтожить нужно несколько килограммов взрывчатки. Поэтому нужна величайшая бдительность, нужно учитывать, что мы все же находимся в окружении врагов, что империалисты не оставят нас в покое, что может усиливаться классовая борьба даже в нашей стране. Нам удалось перед войной уничтожить «пятую колонну», и это тоже одна из причин нашей победы в Великой

Отечественной войне.

Высшие чины нашей разведки и, естественно их подчиненные, знали, что, в случае предательства и измены их семьи будут репрессированы, а предатели будут уничтожены, даже если они будут тщательно оберегаться агентами ЦРУ или Интелленджис сервис где-то в странах Латинской Америки или Австралии. Для приведения приговора предателям существовал специальный отдел в органах КГБ. Предателей настигала кара в любой стране и обычно как несчастный случай или самоубийство. Там работали мастера высшего класса.

С другой стороны, при жизни Сталина в органах разведки главных наших противников США и Англии работали советские глубоко законсперированные агенты, занимавшие там достаточно высокие посты, а поэтому наше правительство и лично Сталин принимали в послевоенный период, казалось бы, самые рискованные решения, имевшие судьбоносное значение для Китая, Кореи, Ирана, Греции и других стран, и в том числе, по раскрытию секретов атомного оружия. Основная масса наших агентов за рубежом работала, исходя из идейных соображений. Большое влияние на них производили также наши ошеломляющие успехи по восстановлению разрушенного войной хозяйства, и особенно достижения советской науки и здравоохранения.

В какой-то мере изменились и методы работы органов госбезопасности. Приведу такой пример. В период напряженности, а наше руководство знало, что американцы планируют даже нанесение атомных ударов по нашим городам, было принято решение привести войска, находящиеся на территории Германии, в других странах Восточной Европы, в повышенную боеготовность. Кроме этого, Генштаб разработал меры быстрой замены в частях и соединениях практически всего высшего и среднего комсостава. Эти люди должны были занять должности во внутренних военных округах, а им на смену, уже без семей, направлялся новый состав офицерских кадров. Разведки западных стран это сразу же отметили, а их аналитики выдали для правительств стран, входящих в НАТО, свои прогнозы, которые сводились к следующему: «Несмотря на большие потери от атомных бомбардировок в первые дни, СССР сможет в течение 20 суток занять Западную Европу, а через 60 — с помощью интенсивных бомбардировок вывести из строя главного американского союзника — Англию с ее базами, имеющими первостепенное значение для американской бомбардировочной авиации. К исходу шести месяцев боевых действий СССР может захватить северное побережье

Средиземного моря от Пиренеев до Сирии, станет контролировать Гибралтарский пролив, захватит нефтяные районы Ближнего Востока. Русские атомные бомбардировщики и развернувшаяся партизанская война в США значительно подорвут способность и волю Америки к продолжению войны. Америка не сможет защитить свои собственные города.

После того как американское правительство поняло, что США не удастся победить Россию в атомной войне, разрабатывается новый, долгосрочный план разрушения Советского государства, но это уже тема другой главы.

Я продолжал работать на демаркационной линии, которая постепенно превращалась в обустроенную границу между двумя суверенными государствами ФРГ и ГДР.

На границе в некоторых местах были построены стационарные заграждения. Пограничную службу вместе с советскими подразделениями начала нести и специально созданная в ГДР пограничная полиция, для которой строились казармы или использовались подходящие для этой цели здания, а также передавались ей казармы, которые занимали наши воинские части, находящиеся вблизи границы.

Эти немецкие формирования пограничников подчинялись начальнику полиции ГДР. Возглавлял ее в то время доктор Фишер, известный антифашист, который долго жил и работал в СССР, воевал в интернациональной бригаде в Испании.

Я лично с ним неоднократно встречался. Он хорошо владел русским языком. Офицерские кадры для этой пограничной полиции частично готовились в ГДР и «секретно» в нашей стране. Однажды приехал в город Стендаль, где находились штабы 79-го стрелкового корпуса и 207-й стрелковой дивизии, размещались в казармах полки этой дивизии, и в том числе 756-й стрелковый полк, в котором я числился переводчиком.

Новый начальник разведки дивизии, сменивший полковника Щекотихина, ставшего начальником разведки 3-й Ударной армии, доверительно рассказал мне, что недавно назначенный начальником штаба полка майор (назову его «К.») был арестован отделом контрразведки нашего корпуса и сейчас ведутся его допросы: он вел недостойный образ жизни, беспробудно пьянствовал, установил связи с немками. На допросе одна из них созналась, что является агентом английской разведки и утверждает, будто майор сказал ей, что он закончил военную академию и, что в любой армии ему предоставят работу.

Арест майора произвели в штабе корпуса. О том, что он под следствием, в полку знают несколько человек. Для всех он сейчас находится в срочной командировке по приказу штаба армии. Мне

звонил начальник контрразведки корпуса и просил вас прибыть к нему. Он сказал, что вас хорошо знает и хочет вместе допросить немку, которая арестована по делу майора. Их переводчик недавно прибыл из Союза и еще не имеет достаточного опыта…

Мой непосредственный начальник позвонил полковнику из «органов» и договорился, что мы вместе прибудем к нему.

Начальником отдела контрразведки корпуса был уже предпенсионного возраста, весь седой, много повидавший на своем веку человек, но сохранивший веру в людей, понимавший их слабости. Он считал своей главной обязанностью не допускать произвола и оберегать людей от безрассудных действий. Предвижу, что кто-то сейчас же заметит мне, что у нас таких чекистов и не было. И все же я прошу поверить читателя мне на слово. Таких людей в органах безопасности было немало и не надо их подводить всех под одну гребенку. Кстати, я знал многих его подчиненных, и они о нем отзывались только с самой лучшей стороны, а один оперуполномоченный мне поведал о том, что полковник до службы в «органах» работал учителем, и как ни сложна была его порой «грязная» работа, не сломался, а остался принципиальным, честным и гуманным человеком.

Когда мы пришли к нему, он рассказал, что майор прибыл из Закавказского военного округа, действительно недавно закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе в Москве, молод, русский, на фронте не был. Сын высокопоставленного чиновника из Грузии, жил легко и весело. Женат, имеет сына. Покрутился несколько месяцев без семьи, и вот настигла его наша страшная беда пьянство, а где пьянство, сами понимаете, там и женщины, и, как говорится, нашему молодцу и море по колено, а вобщем-то жалко парня, ибо такое не прощается. Разведки всех стран обращают внимание прежде всего на таких «слабаков».

Привели арестованную немку. Я прежде всего перевел ей слова полковника: «Вы находитесь в руках органов государственной безопасности могущественного Советского Союза и только чистосердечное признание поможет вам избежать крупной неприятности. Учтите, мы длительное время наблюдаем за вашими неблаговидными делами, враждебными нашему государству, и вы, надеемся, хорошо знаете, какая кара ожидает шпионов!»

Немка плакала, божилась, что ее завербовали англичане и заставили заниматься такими делами. Она повторила то, что говорила на прежних допросах, но здесь сказала для контрразведки, пожалуй, самое важное: «Меня инструктировал английский офицер перед отправкой. И, в частности, он сказал, что если меня вдруг арестуют, то у меня есть единственный шанс

уцелеть, если я буду твердить: «майор, мол, говорил, что ему с академическим военным образованием бояться нечего. Что его охотно примут в любой армии Запада. Но на самом деле он так не говорил. Миссия же моя была не сложной: я должна была познакомить майора с молодой дамой, видимо русской, а уж та бы занялась его вербовкой…

Словом, обычная человеческая судьба. Я думаю, что с этой немкой потом длительное время работали наши контрразведчики с целью перевербовки, но утверждать не могу, ибо вскоре я сам убыл в Советский Союз для прохождения дальнейшей службы по своей специальности. А было это в августе 1951 года.

Майор был освобожден из-под стражи. Ему дали возможность в течение нескольких часов сдать дела и немедленно в сопровождении «прислуги» убыть до Бреста. Оттуда он должен был уже самостоятельно прибыть согласно предписанию в отдел кадров Закавказского военного округа. Когда ему прочитал такое решение представитель командования корпуса в присутствии работников «органов» госбезопасности, то он не выдержал и заплакал. И, благодаря судьбу, обещал всю жизнь помнить о том, что с ним приключилось. Надеюсь, что так оно и было. Один из больших командиров (я тут, замечу без скромности, был свидетелем) утверждал: «Жизнь надо любить такой, какая она у тебя есть, а не зариться на чужие сладости. Иначе — сплошные неприятности».

Глава 7
Смерть И. В. Сталина

В августе 1951 года я получил в штабе предписание убыть в Москву в распоряжение Главного управления кадров Советской Армии (ГУК). Там по прибытии мне устроили экзамен на знание немецкого языка и, когда убедились, что я достаточно, по их мнению, им владею, направили к генералу. Разговор с ним был довольно долгий. Он расспрашивал о работе в Германии, а затем сказал, что мне предстоит работа военным переводчиком на особых высших курсах, созданных специально для подготовки офицерского состава из немцев. Так я узнал, что ГДР будет иметь свою народную армию. Генерал предупредил меня, что это пока строго засекреченные курсы и что, учитывая мою прошлую боевую деятельность и опыт работы с немцами, меня назначают адъютантом-переводчиком к начальнику курсов, очень опытному и заслуженному человеку. И в заключение сказал: «Я надеюсь, что вы подойдете к такой работе, но окончательно будет решать вашу судьбу там на месте начальник курсов. Получайте проездные документ и командировочное предписание. Желаю успехов на новом поприще!»

В воскресенье я прибыл поездом на станцию Привольская (рядом с городом Вольск) Саратовской железной дороги. Выйдя из вагона, я направился к зданию станции, и тут ко мне подошел младший лейтенант и спросил: «Вы из Москвы?..» Получив мой утвердительный ответ, он пригласил меня в машину.

— Наш генерал приказал мне доставить вас в часть, как говорится, в целости и полной сохранности!

Я, естественно, был удивлен таким приемом. В пути водитель машины заметил, что их генерал хотя и строгий начальник, но очень внимательный к подчиненным.

Прибыв в часть, мой сопровождающий представил меня дежурному. Тот начал обычный в таком случае разговор, но телефонный звонок остановил его от дальнейших расспросов. Дежурный офицер вытянулся и начал четко отвечать в трубку: «Так точно, товарищ генерал. Слушаюсь! Все будет исполнено!»

Положив трубку, он сказал мне: «Звонил командир части генерал-майор Яков Дмитриевич Басилов. Справлялся, как Вы доехали и распорядился вас устроить. Он у нас заботливый. Мы все в части его очень уважаем. Сейчас я вас устрою, а завтра вы ему представитесь и сами убедитесь в правоте моих слов.

На следующий день я пораньше пришел в штаб части. Все

было как и обычно в воинских структурах. Ближе к девяти утра начали заходить офицеры для доклада командиру части. Дежурный предлагал всем занять места в приемной. И вот прибыл генерал. Дежурный доложил об обстановке в части и о том, что за время его дежурства никаких происшествий не случилось. Генерал поблагодарил его за службу и взглянул на меня. Я встал и доложил по форме, как это и положено по уставу, о прибытии в его распоряжение. Генерал пожал мне руку, поздравил с благополучным прибытием. Затем предложил пройти в его кабинет. В приемной все офицеры встали, генерал с ними поздоровался и сказал: «Товарищи офицеры, прошу немного подождать. К нам прислан из Москвы адьютант-переведчик. После нашего разговора вас пригласят»…

В кабинете в спокойной беседе я рассказал генералу Басилову о моей предыдущей службе. Генерал внимательно выслушал меня. Я чувствовал, что мой рассказ генералу пришелся по душе. Улыбнувшись, он обратил внимание на мои орденские планки и сказал: «Я рад, что мне прислали Георгиевского кавалера. Я ведь сам в Первую мировую войну, будучи прапорщиком, был награжден на фронте Георгиевским крестом. Теперь в замен их учреждены ордена Славы, и я знаю, что это такое. Эти награды можно получить только на фронте, участвуя в боях».

Затем он кратко рассказал о том, что на курсах обучаются будущие офицеры армии ГДР, и ввел меня в круг моих обязанностей, а потом, как-то для меня незаметно, он начал свой обычный рабочий день с приема сотрудников. Я сидел в его кабинете и делал, если в том была необходимость, заметки. Прием шел быстро. Генерал принимал решения, и офицеры уходили довольные. Один из офицеров, дожидавшийся встречи с начальником курсов, вдруг поднялся и попросил у генерала разрешения удалиться. Оказывается, генерал, давая указания предыдущим офицерам, как бы разъяснил и суть его вопроса. Офицер понял как ему действовать, поэтому и решил не занимать попусту время генерала.

Я выполнял обязанности адъютанта и работал переводчиком, подменяя отсутствующих по разным причинам товарищей. Состав слушателей курсов оказался, можно сказать, пестрым. Здесь были хорошо подготовленные бывшие офицеры вермахта, которые у нас в плену стали антифашистами, были и участники антифашистской войны на стороне республиканской Испании, и солдаты и унтер-офицеры вермахта, которые после войны служили в пограничной полиции нашей зоны. По политическим пристрастиям среди курсантов были и коммунисты, и социал-демократы, и представители других партийных движений. Все

имели разное общее и военное образование. Например, племянник немецкого фельдмаршала фон Витцлебена, участник покушения на Гитлера, избежавший смерти — Ион фон Витцлебен до войны учился в академии генерального штаба Германии, а рядовой Фриц Пильц, сын коммуниста, заключенного нацистами в концлагерь, попав на советско-германский фронт перебежал на нашу сторону, стал сотрудничать с представителями комитета «Свободная Германия», на фронте с нашей стороны обращался по радио к немецким солдатам, призывая их сдаваться в плен.

Слушатели курсов были обмундированы в советскую военную форму офицерского состава, но погон они не носили.

На курсах было три группы. В одной готовили общевойсковых командиров, в двух других — танкистов и артиллеристов. Срок обучения составлял один год. Слушателей в город не выпускали по разным соображениям и конечно же из-за секретности заведения, в котором они обучались. Школа располагалась в лесном массиве в зданиях военного городка (бывшего Вольского пехотного училища). Все военнослужащие и вольнонаемные, а также члены их семей были предупреждены о секретном характере работы и о не разглашении тайны. «Тайна» была естественно только для наших людей, разведки других государств безусловно знали ее.

В общем история повторялась. Мне уже тогда было в общих чертах известно о сотрудничестве рейхсвера и Красней Армии в 20-х и 30-х годах. Военно-техническое сотрудничество между Германией и СССР, к примеру, продолжалось с 1922 по 1933 год. Эта тема на протяжении долгих десятилетий была для многих покрыта завесой тайны, что породило впоследствии немало домыслов и кривотолков относительно мотивов участия советской стороны в таком сотрудничестве, его результатов, последствий, правовых и нравственных аспектов.

Вкратце изложу этот вопрос на основании хранящихся документов в российских и германских архивах.

Положение, в котором оказалась Германия и Советская Россия в начале 20-х годов, имело некоторые сходные черты. Обе стороны испытывали серьезные экономические трудности от понесенного военного ущерба, находились в условиях внешнеполитической изоляции. Это способствовало поискам путей к сближению, что в апреле 1922 года привело к подписанию двухстороннего Рапальского договора о восстановлении дипломатических отношений и наибольшем благоприятствовании в торговле. Идя на этот шаг, правительство нашей страны видело в нем средство для раскола враждебного

окружения со стороны правящих кругов стран Антанты, которые после провала вооруженной интервенции против молодой Советской Республики не отказались от своих намерений задушить ее блокадой или ликвидировать военным путем. Согласно Версальскому мирному договору, державы-победительницы наложили на Германию значительные военные ограничения. Ей запрещалось иметь такие средства вооруженной борьбы, как танки, авиацию, подводный флот. Ста тысячами была ограничена и численность германской армии — рейхсвера. Ее руководство искало выход из создавшегося положения. Так родилась идея военного взаимодействия с Россией путем организации на ее территории центров рейхсвера. Принадлежала эта идея главнокомандующему генералу Х. фон Секту. Через доверенных лиц Сект провел предварительные переговоры с советской стороной, которая согласилась с его предложением.

В Москве исходили из того, что Россия ничем не связана с Версальским договором, и устанавливая военные контакты с Германией, не нарушает норм международного права. Контакты в военной области обещали быть взаимовыгодными. Германский военный опыт мог позволить улучшить вооруженность и боеспособность Красной Армии, подготовку ее командного и технического состава. Для осуществления прямых связей с руководством РККА в германском военном ведомстве создается специальная группа «Зондергруппа-Р» (Россия). В Москву выезжают ее представители во главе с офицером рейхсвера О. П. фон Нидермайером, чтобы на месте определить возможности создания учебных центров, полигонов и военно-промышленных объектов, где можно было бы создавать и испытывать запрещенные Версальским договором виды оружия, готовить кадры. В Москву прибыли представители рейхсвера и авиационной фирмы «Юнкере — Дессау». Переговоры с ними вели Председатель РВСР Л. Д. Троцкий и начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев. В результате встреч было выработано соглашение о создании в России производственных структур немецкой военной промышленности, замаскированных под советско-германские предприятия и концессии. В 1Р22 году фирма «Юнкере» приступила к строительству в подмосковных Филях завода по производству металлических самолетов и авиамоторов. С 1924 года завод уже начал ежегодно выпускать по нескольку сот самолетов и скоро стал лидером отечественного самолетостроения. Вслед за «Юнкерсом» начало работать на нашей земле предприятие «Фридрих Крупп» (пушки, снаряды, танки). Затем включилась фирма «БМВ» (танковые двигатели и авиамотор). Фирма «Берсоль» занималась производством

отравляющих веществ, а «Карл Вальтер» — стрелковым оружием. Были и другие фирмы.

Параллельно Сект заключает в Берлине с советским представителем Карлом Радеком секретный договор, предусматривающий подготовку германских военных кадров и испытание военной техники для рейхсвера в России. Была достигнута также договоренность о выезде советских военных представителей в Германию для обмена и изучения опыта. Советские боевые корабли получили право захода в немецкие порты. В июле 1923 года в Берлин прибывает нарком воздушного сообщения СССР А. Розенгольц. Его встреча с германским руководством привела к заключению еще одного секретного соглашения — на строительство русской военной индустрии и изготовление военных материалов для Германии. Договорились о создании под Липецком также первого немецкого летно-учебного центра.

У голландской фирмы «Фоккер» были закуплены немцами для этого центра сто истребителей. В качестве обучаемых сначала были летчики кайзеровской армии, которые здесь проходили переподготовку. Затем стали прибывать новобранцы. После окончания школы им присваивали воинские звания, но скрывали, что они летчики. Все, кто направлялся в Липецкий авиацентр, формально исключались из списков рейхсвера, фамилии им изменялись. Делалось это для того, чтобы избежать возможности разоблачений. Погибших во время аварий и катастроф направляли через Ленинград морем в контейнерах с надписью «Детали машин». Родственникам также не сообщалось об истинных причинах их смерти. Испытываемые здесь образцы самолетов легли в основу первых серийных типов истребителей и бомбардировщиков для ВВС третьего рейха — люфтваффе. К 1933 году в Липецком центре было подготовлено 450 летчиков. Многие из них впоследствии вошли в руководящее ядро штаба люфтваффе.

В целях координации работы учебных центров рейхсвера в генштабе был создан специальный отдел «Т-3» с отделением в Москве «Ц-Ме» (центр Москва). Его начальником был назначен майор в отставке Нидермайер. Все офицеры, находящиеся на территории СССР, исключались из списков армии. Нидермайер имел самые широкие полномочия и мог непосредственно обращаться к руководству РККА, включая наркома обороны. Через отдел «Т-3» управлялась и финансировалась целая сеть военно-учебных, испытательных и промышленных объектов, получивших кодовое наименование «секретная военно-техническая лаборатория рейхсвера».

В 1926 году под Казанью была создана танковая школа рейхсвера. Немецкие танкисты носили советскую военную форму без знаков различия. Для обучения использовались советские танки… Эту школу посещал с целью инспекции автор книги «Внимание, танки!», впоследствии генерал танковых войск вермахта Г. Гудериан. Для проведения учений и испытаний военной техники использовался полигон Красной Армии под Воронежем. Совместные учения сводились к артиллерийским стрельбам с использованием самолетов-корректировщиков. Разрабатывались и испытывались, как я уже выше упоминал, и ОВ (отравляющие вещества), а также средства защиты от них. Командование РККА рассматривало всю эту работу как вынужденную необходимость, ибо нельзя было исключать, что в случае развязывания новой войны отравляющие вещества могут быть использованы вероятным противником, хотя они запрещались международной конвенцией. Недалеко от Саратова был построен полигон аэрохимических испытаний. Немецкая сторона выделяла технический персонал и самолеты. Расходы оплачивались пополам. Производство отравляющих веществ было налажено на предприятии фирмы «Берсоль» в Иващенкове под Самарой. Производство иприта достигало до четырех тонн в день. Был создан также испытательный полигон «Томка» в Шиханах в районе города Вольска. Здесь определялась степень надежности средств защиты. Командование РККА проявляло повышенный интерес к совместным химическим испытаниям, особенно стрельбе газовыми снарядами из орудий и минометов.

В то же время на верфях Николаева и Ленинграда осваивалось производство подводных лодок для Германии. На реконструированных заводах Тулы, Ленинграда и Златоуста ежегодно стали производиться сотни тысяч артиллерийских снарядов для рейхсвера. Межгосударственный, оружейно-пулеметный трест и фирма «Карл Вальтер» подписали контракт по производству нарезки стволов для пулеметов и винтовок. Примерно 150 миллионов рейхсмарок (около одной трети своего бюджета) расходовало германское военное ведомство на приобретение вооружений и боеприпасов в нашей стране. Подписанный в 1926 году в Берлине германо-советский договор о нейтралитете и ненападении облегчил дальнейшую совместную работу РККА и рейхсвера. Ее активным поборником был полпред СССР в Германии Н. Н. Крестинский. По его настоянию немцам была передана программа расширения сферы двухсторонних военных связей на взаимовыгодной основе. Там же речь шла о систематическом откомандировании на учебу в Германию командиров РККА, установлению прямых связей между флотами

и другие вопросы. Начиная с 1927 года в Германию стали направляться на учебу советские военачальники. Они слушали лекции в немецких академиях, решали вместе со слушателями из рейхсвера оперативные задачи, знакомились с работой штабов, посещали учебные центры и полигоны, присутствовали на маневрах. Согласно немецким источникам, «русским предоставлялась возможность знакомиться с уставами армии, всеми тактическими, оперативными материалами и нормативами, направлениями в обучении и практической деятельности, с организационным планированием в осуществлении нелегальных вооружений. Короче говоря, предоставлялся весь материал, который в самом рейхсвере держался в строжайшей тайне».

Находясь в командировках в Германии, армию ее — рейхсвер и принятые там военно-теоретические взгляды, изучали такие тогда известные военные деятели, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Примаков, Путна, Эйдеман и другие. Там же учились Тимошенко и Мерецков — будущие Маршалы Советского Союза. Почти все учившиеся в Германии наши военачальники были в период 1937–1940 годов репрессированы.

Как относились немцы к нашим стажерам видно из секретного доклада начальника генштаба генерала В. Бромберга от 17 ноября 1928 года. Он писал: «Обучение русских командиров по нашим военным методикам является обоснованной ответной выгодой для возможности нашей деятельности здесь (на территории СССР). Связанное с этим усиление Красной Армии в интересах Германии».

С приходом к власти в Германии в январе 1933 года Гитлера, Рапалльский и Берлинский договоры начали денонсироваться, а вместе с ними и военно-техническое сотрудничество. Гитлер не нуждался в военном взаимодействии с СССР, ибо запреты на ограничение вооружений Германии к тому времени играли уже чисто декларативную роль, а вскоре и вовсе были отменены. Гитлеру не нужно было, чтобы СССР продолжал перенимать немецкий военный опыт, поскольку именно его он и считал главным врагом Германии.

Для руководства нашей страны в этих условиях тоже было ясно, как будут в дальнейшем развиваться события. Военное сотрудничество прекратилось. Рассуждать о том, кто больше извлек пользы из совместной военно-технической деятельности — мы или немцы — с учетом последующих событий не имеет практического смысла, хотя новоявленные дилетанты от истории пытаются это делать. Их главная задача, как мы уже успели убедиться, оклеветать наше руководство, и прежде всего И. В.

Сталина. Известно, что немцам удалось подготовить у нас несколько сот летчиков, танкистов, специалистов химической войны. Впоследствии они составили костяк инструкторов для массового обучения этим специальностям в вермахте. Немцы смогли разрабатывать и совершенствовать многие средства ведения предстоящей войны в обход версальских ограничений.

Для Красной Армии результаты взаимодействия тоже были весомы. Они способствовали закладке основ современных структур военной промышленности. Была расширена база обучения военно-технических кадров. Боевая и оперативная подготовка в РККА стала осуществляться с учетом современного состояния и перспектив развития германской армии — вероятного нашего противника в новых исторических условиях. Взаимный обмен позволил убедиться в правильности ранее разработанных у нас военно-теоретических взглядов и концепций, сделать вывод о том, что по уровню теории, структуре, организации немецкая армия становилась наиболее боеспособной силой в Европе.

Как известно, Гитлер так и не решился первым применить химическое оружие в годы Второй мировой войны даже в самых критических ситуациях для вермахта на нашем фронте. По немецким сводкам делается вывод о том, что по имеющемуся потенциалу Красная Армия способна применить химическое оружие в полном объеме против немцев в случае их газовой атаки. Гитлер удержался от еще одного преступления только из-за того, что был осведомлен, чем обладает Красная Армия. Это тоже был результат тесного взаимодействия с немецкими химиками.

Гитлер в последние дни войны неоднократно высказывался среди своих сподвижников о том, что «Сталин был и остался сильным, последовательным, не идущим ни на какие компромиссы», а вот мол его «союзники» могут пойти на сговор с Германией — это в их интересах…

Слушатели высших офицерских курсов высказывали свое мнение о подготовке Германии и СССР к прошедшей войне. Одни утверждали, что Сталин все знал о готовящемся нападении Германии, но имел свой замысел: не допустить спровоцированного с нашей стороны нападения, готовился к отражению, но тайно демонстрировал полную беспечность.

Другие ссылались на ноту министерства иностранных дел Германии, Советскому правительству от 21 июня 1941 года, где говорилось, что СССР готовился нанести удар по Германии и ее союзникам с целью установления полного господства коммунизма. До сего времени муссируются слухи о том, что СССР

планировал войну против Германии. Особенно об этом рассуждает предатель, бывший советский разведчик Резун (Суворов) в своих книгах «Ледокол» и других. Главная цель этих книг: оклеветать политику И. В. Сталина в то сложное, противоречивое время, в период смертельной угрозы нашему государству.

Кстати, к этому вопросу в свое время обратились два немецких историка-публициста, доктора наук Ф. Круммахер и Г. Ланге. В своей книге «От Брест-Литовска до «Барбароссы» в главе «Планировал ли Сталин войну против Германии» они утверждают, что все это, мягко говоря, досужие выдумки.

Чтобы быть более объективным, предлагаю читателю фрагменты этой главы в моем переводе с немецкого.

Авторы этой книги, должен сказать, достаточно известные в мировом научном мире люди. Доктор Ф. А. Круммахер родился в 1922 году в городе Касселе. После окончания университета долгое время работал доцентом в университете города Франкфурта-на-Майне. В течение ряда лет был главным редактором научно-политического литературного журнала, одновременно выступал в прессе и работал на радио. С 1962 года — редактор по вопросам внутриполитической и исторической документации Второй немецкой телепрограммы. Доктор Гельмут Ланге родился в 1931 году. В университетах Западного Берлина и Тюбингена изучал историю, в том числе русскую и советскую. В 1958 году ему была присуждена ученая степень за работу о советской политике начала 30-х годов. С 1968 года работает на студии Центрального немецкого телевидения. Создал политические документальные ленты о Польше, Чехословакии, Румынии, Югославии. Много путешествовал по нашей стране. В своей книге авторы стараются показать историю немецко-советских отношений, всю сложность возникавших проблем, делают попытку раскрыть подлинные причины Второй мировой войны. В конце своего фундаментального труда, авторы поместили ранее не публиковавшиеся или до сего времени бывшие недоступными документы, что дает возможность взглянуть иными глазами на уже известные события. Свыше 20 лет ведут историки как на Западе, так и на Востоке дискуссию: был ли Сталин подготовлен к немецкому нападению или нет? А так как подлинных документальных источников нет, то возникают различные спекуляции, комбинации, предположения. Многое из этого можно считать предположениями, но все же с 1934 года, когда Гитлер решил покончить с политикой Рапалло{1}, первоочередная цель политики Сталина заключалась в том, чтобы подготовить свою страну к возможному немецкому

нападению. Сталин сначала пошел на сближение со странами Запада, а затем с целью выиграть время для решения политических, экономических и военных задач сменил направление и пошел на пакт с Гитлером. Хотя летом 1941 года приготовления были в разгаре, Сталин не верил в немецкое нападение. Он находился в том же заблуждении, что и британские политики-«умиротворенцы». Подобно Чемберлену, который даже представить себе не мог сближение Гитлера и Сталина — двух заклятых «смертельных врагов», властелин Кремля, несмотря ни на что, полагал, что фюрер, трезвый, рассудительный политик, не допустит безрассудства — не нападет на Советский Союз, не добившись окончательной победы над Великобританией.

Зачем ему это нужно? Ведь все важнейшее сырье для ведения войны, которое необходимо Гитлеру, он уже получил, а с момента «блицкрига» («молниеносная победа». — Пер.) на Балканах он все это имеет более чем в достаточном количестве, и поэтому нет смысла сейчас вести войну с Советским Союзом. Сталин, видимо, надеялся дипломатическими средствами и новыми уступками на какое-то время отодвинуть угрозу.

Все свидетельствует о том, что Сталин в условиях агонии немецко-советских отношений предпринял попытку заключения новой сделки с Гитлером. Первым заметным шагом в этом направлении было заключение пакта о ненападении с Японией. Министр иностранных дел Мацуока уже было потерял всякие надежды, ибо Сталин ранее, не долго думая, отвергал все японские предложения. Но 12 апреля, в день вступления в Белград — нового немецкого марша, теперь означавшего новую немецкую молниеносную победу, у Сталина неожиданно изменилось мнение: безопасность Советского Союза на восточных границах стала важнейшим делом. 13 апреля было подписано соглашение.

Соглашение о нейтралитете с Японией (одной из стран, подписавших гитлеровское тройственное соглашение) можно было понимать как и предупреждение: Германия в случае нападения на Советский Союз должна рассчитывать не на участие Японии в этом деле, а на то, что советская сторона сможет использовать все свои силы для обороны, не боясь удара с востока. Так как это соглашение должно было стать предостережением для Гитлера Сталин сопроводил его спекулятивным жестом дружбы. При отъезде Мацуоки из Москвы он появился на вокзале, что само по себе было достаточно необычным, затем перед собравшимися там представителями дипломатического корпуса Сталин положил руку на плечо послу

Германии Шуленбургу и сказал: «Мы должны оставаться друзьями, и для этого вы теперь должны сделать все возможное!» — и, обратившись к заместителю военного атташе Гансу Кребсу, который через четыре года станет последним начальником генерального штаба Гитлера и покончит жизнь самоубийством в бункере под рейхсканцелярией, произнес внятно, для всех присутствующих: «Мы должны оставаться друзьями во всех случаях!»

Сталин не знал, что это уже не имело значения, ибо немецкое нападение не зависело больше от поведения Советов, а определялось прежде всего русскими просторами и окончанием периода камуфляжа. С 30 апреля часовой механизм взрывного устройства установлен на 22 июня и уже отсчитывает время. Несмотря на то что Сталин все еще пытался решить вопросы с помощью выплат и действительно делал это, уже ничто не могло изменить хода событий. Поставки сырья в Германию за последние месяцы продолжали осуществляться, правда, с задержками. Они достигли необычайно больших объемов, особенно поставки каучука. В начале мая Советское правительство закрыло дипломатические представительства оккупированных Германией стран: Югославии, Бельгии, Норвегии, а позже Греции. Это означало по меньшей мере признание де-факто оккупационной политики Германии, и даже больше:. Советский Союз открыто признает и готов полностью смириться с его вытеснением с Балкан.

Сталин был уже хорошо осведомлен, о чем свидетельствует беседа с английским послом сэром Стаффордом Крипсом от 1 июня 1940 года, о серьезности положения. К тому же начиная с 1 марта 1941 года он получил ряд предупреждений от англичан и американцев, среди них послание Уинстона Черчилля от 3 апреля 1941 года. Возможно, старый антибольшевик, один из вдохновителей интервенции, а в середине 30-х годов также и поклонник фюрера, замышляет втянуть Советский Союз в «империалистическую» войну, заставить его рисковать ради выгоды англичан?

В конце марта 1941 года начальник разведки Красной Армии генерал Голиков представил доклад относительно агрессивных намерений Германии и сделал следующие выводы:

«1. На основании вышеприведенных высказываний и возможных акций на весну этого года считаю, что выступление против СССР очень возможно после победы над Англией или после заключения почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, из которых следует, что этой весной война против СССР неизбежна, считать фальшивками,

изготовленными британскими, а возможно, и германскими разведслужбами».

Так, по крайней мере, писал в своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков, и вполне возможно, что начальник разведуправления Красной Армии составил доклад, хорошо зная, что от него хотят услышать. Но это не значит, что хозяин Кремля не знал о серьезности положения.

В значительной степени решения Сталина определялись ощущением нехватки военных сил и невозможности противопоставить агрессору ничего равноценного. Поэтому он сделал такие выводы, как раньше Невилл Чемберлен, а именно: успокаивать пока Гитлера, не давать повода для войны. С этой целью необходимо было избегать всего, что могло бы расстроить ненадежного партнера, и делать все, чтобы оттянуть вооруженный конфликт.

6 мая 1941 года Сталин взял на себя и обязанности Председателя Совета Народных Комиссаров, до этого формально он был «только» Генеральным секретарем ЦК партии. Теперь он стал руководителем правительства.

Это был театральный жест, который как бы показывал миру сосредоточение всей власти в руках Сталина и давал возможность ожидать далеко идущих последствий. Посол Шуленбург и другие дипломаты в Москве считали, что тем самым обеспечивался и еще раз подчеркивался перед всей общественностью дружественный немцам курс Советского правительства. Это соответствовало сути политики «умиротворения» Сталина и не противоречило, а, наоборот, хорошо согласовывалось с тем фактом, что днем раньше он выступил перед выпускниками военных академий с краткой речью и это могло быть расценено как признак советских агрессивных намерений.

Текст этой речи никогда не публиковался, но ее содержание все же стало известно. Британский журналист Александр Верт узнал о ней через несколько недель, то есть уже после нападения Германии на СССР. Сталин говорил о чрезвычайно серьезной обстановке и о возможности немецкого нападения в ближайшем будущем. А также и о том, что нужно быть готовыми к любой неожиданности. Верт ссылается на «устные русские источники», согласно которым Сталин сказал, что Красная Армия еще недостаточно сильна, чтобы разбить немцев, не хватает вооружения, недостаточна выучка войск, не готовы укрепления в новых пограничных районах. Советское правительство использует все возможные дипломатические средства, чтобы оттянуть вооруженный конфликт с Германией по меньшей мере до осени, а в это время года немцы уже не выступят. Подобная попытка,

может, удастся, а может, и нет. «Если она удастся, — утверждает Верт в своей информации (передавая сталинские слова. Пер.), то война с Германией станет практически неизбежной в 1942 году, но будет проходить в более выгодных условиях, так как Красная Армия будет уже лучше подготовлена и вооружена. И в зависимости от международного положения Красная Армия сможет или выжидать немецкое наступление, или сама перехватит инициативу, ибо длительное господство нацистской Германии в Европе является «ненормальным». Это, как уже упоминалось, неточная цитата. То, что действительно было произнесено Сталиным 5 мая 1941 года, остается тайной кремлевского архива. Но из архивов немецкого МИД, известно, что в германском посольстве в Москве в начале июня была получена информация, которая в немаловажном пункте совпадает с версией Верта. 4 нюня посол Шуленбург докладывал в Берлин, ссылаясь на московского представителя «Немецкого информационного бюро», что Сталин в своей речи 5 мая на торжестве в Кремле «сделал вывод о том, что советский военный потенциал на уровне немецкого. Учитывая это, он (Сталин. — Пер.) сформулировал два вывода: 1. советская политика должна учитывать современное соотношение сил; 2. Советские вооруженные силы и военная промышленность, несмотря на определенные достижения, не имеют оснований слишком радоваться и покоиться на лаврах…

У слушателей, как сообщает наш источник, создалось впечатление, что Сталин решил подготовить свое окружение к новому «компромиссу с Германией».

Обе версии, как Шуленбурга, так и Верта, основываются на политической болтливости. Несмотря на различные акценты, они свидетельствуют в совокупности с другими данными, что Сталин весной 1941 года, исходя из трезвой оценки соотношения сил, надеялся, что ему удастся путем различных уступок склонить Гитлера к заключению нового договора, что дало бы время для дальнейшего вооружения страны и возможности попытаться сравняться с Германией в военном отношении. Какие бы надежды ни связывал Сталин с Пактом августа 1939-го, в результате он вновь оказался в том же положении, что и до его заключения, и теперь стремился из него выйти. Дошло ли до фюрера сообщение Шуленбурга о речи Сталина 5 мая, неизвестно, но, вероятно, дошло. В любом случае для Гитлера, который уже давно решил нанести удар, эта речь послужила лишним приглашением к действиям.

Ложь о «превентивной войне»

Сталинская политика «умиротворения» в последние месяцы

перед нападением немцев впоследствии и на Востоке, и на Западе подверглась разной критике, как и аналогичные усилия Невилла Чемберлена. Причем область внешнеполитических маневров британского премьер-министра не была так сужена, как у хозяина Кремля, критики которого до сих пор не решили, мог ли Сталин поступить иначе, какие альтернативы существовали в той ситуации, в которой он оказался с августа 1939 года не только в результате своих деяний, но и при содействии других сил. Как и все правители тогдашней Европы, Сталин следовал политике максимально желаемого, что было невозможно н недопустимо: все предостережения он пропускал мимо ушей. «Нас пугают немцами, а немцев Советским Союзом, нас натравливают друга на друга» — так, должно быть, говорил тогда Сталин. Действительно, главное верховное командование вермахта и геббельсовская пропаганда стремились, и небезуспешно, целым рядом обманных маневров создать видимость того, что основной удар в 1941 году будет нанесен не на востоке, а против Британских островов.

После того как стало известно о полете заместителя фюрера Рудольфа Гесса в В Англию, в Москве появились подозрения, что Германия идет на очередную сделку с Англией за счет Советского Союза. Был ли этот шаг 10 мая действительно «срывом» и акцией «сумасшедшего», даже и после серьезных немецких исследований до сего времени остается под вопросом. И хотя пока у ученых нет возможности дать точные ответы, но можно предполагать, что в истории с полетом Гесса речь шла о «последней попытке Гитлера, основанной на расовых, идеологических, внешнеполитических аксиомах и сходных с ними взглядах Англии», «завершить вынужденную» (по его мнению) войну против Великобритании, в которой он не видит смысла, для того чтобы «получить возможность и по политической конъюнктуре начать великую захватническую войну на востоке, которую он считает не только выгодной для себя, но и соответствующей «действительным» интересам Великобритании».

Еще до того как Сталин предпринял новую попытку «успокоить» Гитлера, была осуществлена концентрация войск в советских западных районах. Этот факт был зарегистрирован в ОКБ и затем использован в пропагандистских целях. 22 июня 1941 года Риббентроп заявил перед прессой, что «большевистская» Москва была «намерена ударить в спину национал-социалистской Германии, борющейся за свое существование».

О том, что Сталин не мог строить таких планов, был просто не в состоянии этого сделать, неопровержимо свидетельствуют

факты, которые в настоящее время не вызывают сомнений у серьезных историков. Официальная же немецкая пропаганда до последнего дня беспрестанно вдалбливала эту мысль немцам и всему миру, а Гитлер не раз заявлял, что четко обозначился «весь ужасный размах опасности», против которой он очень своевременно принял меры. Тезис о «превентивной войне против большевистской угрозы» был не нов, и впоследствии он еще долго оказывал свое влияние.

Насколько мало мы знаем о достоверных и действительных мотивах и соображениях Сталина, настолько основательно они изучены в отношении Гитлера. Для него, как и для немецкого генерального штаба, понятия о непосредственной опасности со стороны Красной Армии не существовало, по очень обоснованной причине они рассматривали эту самую Красную Армию как противника, с которым удастся покончить без особых затруднений.

Существовало противоречие в аргументации, характерное для антикоминтерновской пропаганды 30-х годов: в соответствии с политическими нуждами «красный призрак» — Советский Союз — представлялся то режимом «преступников», то режимом полностью недееспособным, «населенным низшими расами, разложенными еврейством». Теперь же приукрашенная версия тезиса национал-социалистской «превентивной войны» означала, что Сталин если не в 1941 году, то раньше или позже нападет на Германию и изложенная Вертом версия речи Сталина 5 мая 1941 года могла послужить отправной точкой. Фюрер был в каком-то смысле не совсем не прав, хотя он самоубийственно недооценивал опасность, но в общем-то распознал ее «правильно». Подобные спекуляции, ставящие с ног на голову соотношение причин и следствий, под влиянием «холодной войны» открывают лазейки для того, чтобы перенести на советскую сторону соответствующую часть вины за, вероятно, самое ошибочное решение в новой немецкой истории.

С политической точки зрения это можно понять, но с исторической приводит к заблуждениям и самообману, и это совершенно не означает, что в то время в Кремле самообман не играл значительной роли. Наиболее часто вспоминаемый пример тому — знаменитое заявление ТАСС от 14 июня. Считается, что оно было сделано с подачи Сталина. В то время когда на востоке находилось 150 немецких дивизий в боевой готовности, что составляло три четверти всех немецких сухопутных войск, Молотов приглашает в Кремль немецкого посла, чтобы передать ему текст заявления ТАСС, направленного против слухов о предстоящей вскоре войне между СССР и Германией…

В действительности Берлин не предъявлял Москве требований территориального и экономического характера, но Сталин ожидал их и хотел, по-видимому, просигнализировать о готовности вести на эту тему переговоры.

После того как Гитлер, получив меморандум Сталина в ноябре 1940 года, хранил холодное молчание, заявление прозвучало как крик отчаяния: ну скажите наконец-то, что вы от нас хотите? Мы согласны вести переговоры! 14 июня, в тот же день, когда Шуленбург принял заявление ТАСС, телеграфировал его в Берлин, фюрер собрал еще раз командующих армиями и группами армий в рейхсканцелярии на последнее совещание перед наступлением для того, чтобы «доказать» им военно-политическую необходимость операции «Барбаросса». И на этот раз он повторил старые и привычные аргументы: Англия надеется на Россию, Россия в удобное для нее время будет нас «шантажировать», такая ситуация не должна никогда возникнуть. Еще и сегодня некоторые придерживаются мнения, что дальнейший характер действий Сталина, например, в отношении Японии, с которой он заключил, как и с Гитлером, пакт о ненападении, подтверждает опасения фюрера. Если Сталин, как сказано, не имел намерений нападать на Германию летом 1941 года, то позже он мог бы это сделать, если бы возникли для него соответствующие условия. В действительности имеются разнообразные признаки того, что Сталин все силы направил на то, чтобы иметь возможность противопоставить военному превосходству «Великой Германии» соответствующую военную мощь, и вполне вероятно, что в удобный момент он нашел бы этой мощи применение.

Теперь часто упускают из виду, особенно немецкие авторы, что использование понятия «шантаж» зависит от политической позиции. Если «шантаж» осуществляет своя сторона, то это деликатно называется «политическим давлением». В ситуации лета 1941 года Гитлеру меньше всего приходилось бояться «шантажа» как субъективно, так и объективно. В действительности гитлеровская Германия была достаточно сильной и могущественной, чтобы в течение длительного времени сдерживать возможные советские «попытки шантажа», но не они предопределили решение Гитлера о нападении на СССР. Как это вообще несправедливо — ставить в один ряд вместе с причинами и мотивами, приведшими к нападению на Советский Союз более поздние действия Сталина, которые и были-то вызваны этим нападением и стали возможными только «благодаря» ему.

Фюрер понимал — и для этого имел основания, — время

работает против него и его концепции. Он верил, что нужно действовать по принципу «сейчас или никогда!», чтобы завоевать «жизненное пространство на востоке». Он это неоднократно повторял перед высшим командованием вермахта, называл свою цель сразу же после прихода к власти в феврале 1933 года, потом — в ноябре 1937 года, затем — перед нападением на Польшу.

А 14 июня 1941 года он снова высказывает свои намерения, но опирается на лживые аргументы относительно обороны и заблаговременности, ибо он знал из практики, что ничто так не убеждает, как утверждение: мы, мол, не имеем другого выхода!

И в наши дни многие верят в этот обман, подобно тому как поверил один из представителей военно-морского командования, которое пыталось в то время убедить Гитлера отказаться от операции «Барбаросса». Он писал о совещании 14 июня: «Эти аргументы были так убедительны и доказательны, что после доклада никто из присутствующих не сомневался в необходимости военного похода как превентивной войны». Так жертвой «коллективного самообмана» стали высшие военные чины, а скоро и весь немецкий народ. Но он появился не вдруг, ибо корни этого самообмана таились в немецком «постоянном заблуждении», а именно в переоценке собственных сил и недооценке сил противника.

Занавес опускается

17 июня 1941 года Гитлер отдал окончательный приказ о нападении на Советский Союз 22 июня в 3 часа 15 минут. Об этом сроке Сталин был информирован не только Черчиллем. 15 июня он получил подобную информацию от разведчика Рихарда Зорге из Токио. Днем раньше несчастным заявлением ТАСС Сталин практически сигнализировал Гитлеру о своей готовности совершить сделку на определенных условиях. Почему ему не удалось то, что удалось Невиллу Чемберлену осенью 1938 года? Гитлер был не так уж глуп, чтобы создавать себе второй фронт. Об этом он писал еще в «Майн кампф», считая самой большой ошибкой такое положение, допущенное кайзеровской Германией в Первой мировой войне. Как можно было нападать на Советский Союз, не исключив из игры Англию?

Сталин показывал готовность оказать помощь Гитлеру, считая, что фюрер не достигнет своей цели и с советским содействием, которое практически компенсировалось американской помощью Великобритании. До того времени, пока военных средств было недостаточно, должны были действовать политические и дипломатические усилия.

Вечером 21 июня народный комиссар иностранных дел Молотов пригласил немецкого посла в Кремль. Ранее они

встречались каждые два дня для обсуждения текущих вопросов. Но с момента, когда Гитлер принял решение, граф фон Шуленбург для Берлина стал вновь столь же малозначимым, как и до августа 1939 года. Молотов начал беседу с протеста против многочисленных нарушений границы немецкими разведывательными самолетами — с конца мая Гитлер дал разрешение вести воздушную разведку территории Советского Союза на глубину 150 километров, на что Советы отвечали соответствующими полетами в обратном направлении. Но это был лишь повод, так как затем Молотов выразил мнение, что в Москве складывается впечатление: «немецкое правительство почему-то недовольно советским правительством». Если речь идет о «югославском вопросе» — Молотов подразумевал вообще Балканы, то это «не является теперь актуальным». Нужно сказать, что Москва считается с реальностями. Почему же Берлин никак не отреагировал на заявление ТАСС от 14 июня и даже не опубликовал его? Слухи о готовящейся войне между Германией и Советским Союзом распространялись все больше, а как телеграфировал в Берлин Шуленбург, «Советское правительство не может объяснить причин немецкого недовольства». Молотов хотел бы знать, «какие причины вызвали современное положение в немецко-советских отношениях». Это было не что иное, как прямо поставленный вопрос о цене новой сделки — просьба о новых переговорах с Германией. Советник посольства Густав Гильгер, свидетель того разговора, вспоминал позже: «Вопросы Молотова ставили посла в весьма щекотливое положение, и ему ничего не оставалось, как заявить, что он не располагает никакой информацией». «В высшей степени неприятно» — это были слова удрученного Шуленбурга — человека старой школы, пытавшегося не допустить катастрофы, позднее ставшего одной из жертв 20 июля 1944 года. Он знал, что нападение на Советский Союз — дело решенное. Посол проявил лояльность и верность присяге, отличавшие поколения немецких чиновников, он следовал указаниям и молчал. 22 июня в 1 час 17.минут он по телеграфу докладывал в Берлин с пометкой «срочно и секретно» о своем последнем разговоре с Молотовым.

Через несколько часов на рассвете вермахт совместно с финскими, венгерскими, словацкими, итальянскими и румынскими войсками силами свыше трех миллионов солдат и офицеров на трехтысячекилометровом фронте от Балтики до Черного моря перешел в наступление. В то время когда передовые части уже переправлялись через пограничные реки, перед рейхсминистром иностранных дел в Берлине стоял посол Деканозов, чтобы принять меморандум немецкого правительства.

Было 4 часа утра, когда Риббентроп заявил: «Враждебное поведение по отношению к Германии Советского правительства и серьезная угроза, проявившаяся в движении русских войск на немецкую восточную границу, вынуждает рейх к ответным действиям».

Подлинный текст этого меморандума стал известен совершенно недавно, хотя его содержание просматривалось в ноте МИД от 21 июня 1941 года Советскому правительству. В ней еще раз сформулирован тезис о «превентивной войне» как для международной общественности, так и для «домашнего употребления» в Германии. Нужно было обмануть прежде всего самих себя, чтобы оправдать «самую чудовищную завоевательную, поработительную, истребительную войну» современности: «Сим правительство рейха заявляет, что Советское правительство вопреки принятым на себя обязательствам

1. не только продолжает попытки развала Германии и Европы, но и усилило их;

2. внешняя политика становится все более враждебной по отношению к немцам;

3. оно сосредоточило все свои вооруженные силы (!) на немецкой границе и готово к наступлению. Тем самым Советское правительство разорвало договоры с Германией и собирается нанести Германии в ее борьбе за существование удар в спину. Поэтому фюрер отдал приказ немецким вооруженным силам выступить всеми имеющимися в их распоряжении средствами против этой угрозы».

Это была чистейшая демагогия, которая существует и по сей день.

Летом 1941 года, по имеющимся данным, Красная Армия была по известным причинам не готова даже к обороне, а не то что к наступлению. Не было у нее и оперативного плана, который в какой-то мере предусматривал бы стратегическое отступление в случае наступления Германии, а имелся лишь только общий план обороны, предусматривающий удержание пограничной линии до развертывания основной массы советских вооруженных сил. За это можно только порицать Сталина. Затасканные, слабые доводы немецких аргументов о необходимости нападения на Советский Союз не выдерживают никакой критики.

Почти в то же самое время, когда советский посол Деканозов стоял перед рейхсминистром иностранных дел в Берлине, граф фон Шуленбург в сопровождении Густава Гильгера на основании телеграфного распоряжения из Берлина направился к комиссару иностранных дел Молотову для того, чтобы формально сообщить об уже идущем полным ходом немецком нападении. Густав

Гильгер эту сцену описал позже так: «Какое-то время продолжалось глубокое молчание. Молотов явно боролся с внутренним возбуждением. Затем он спросил: «Это объявление войны?» Посол реагировал молча, характерным для него жестом, с выражением безысходности он поднял руки вверх. На это Молотов прореагировал, слегка повысив голос. Он сказал, что сообщение посла, естественно, означает не что иное, как объявление войны, так как немецкие войска перешли границу, а немецкие самолеты уже полтора часа тому назад бомбили Одессу, Киев, Минск. И затем гневно сказал, что Германия напала на страну, с которой она заключила пакт о ненападении и договор о дружбе. Этому нет прецедента в истории. Заявление немецкой стороны — пустой предлог. Прецеденты такого рода в истории, конечно, при тщательном ее рассмотрении бывали, и не один раз, но вопрос Молотова, которым он завершил, по выражению Гильгера, свою «филиппику», означал приблизительно следующее: «Верите ли вы, что мы этого заслужили?»

Именно 22 июня 1941 года, в тот же день, что и 129 лет назад, когда Наполеон Бонапарт начал поход на Москву, завершившийся катастрофой, окончательно пала завеса с сомнительного пакта между Гитлером и Сталиным, который мог рекламировать эру договора в Рапалло. Для фюрера этот договор был не чем иным, как временным политико-тактическим шахматным ходом на пути к войне за завоевание жизненного пространства на востоке.

Но это же воскресенье в июне 1941 года означало больше, чем начало конца третьего рейха. Отношения между немцами и русскими нередко омрачались напряжением, а позже искажались идеологами и, наконец, отравлялись пропагандой, но именно в этот день на многие десятилетия, вплоть до наших дней, были разрушены основы этих отношений».

Имеют ли под собой научные основания те раздающиеся время от времени утверждения, что со стороны руководства третьего рейха это была не агрессия, а «превентивная» война, задача которой заключалась в том, чтобы упредить якобы готовящееся вторжение Красней Армии в Германию? Можно с уверенностью сказать, что серьезные научные исследования по истории Второй мировой войны дают однозначный ответ на вопрос, как следует оценивать дату 22 июня 1941 года.

Для большинства ученых в Германии и за рубежом ясно, что война против Советского Союза не была «превентивной». Но справедливости ради надо признать, что есть и другие, прямо противоположные, интерпретации этого периода. Во всех странах Запада, да и в нашей стране есть «специалисты», не способные

извлекать уроки из прошлого. Они больше заняты не поисками истины, а поисками оправдания тех страшных преступлений, которые в то время были совершены нацистами. Они стремятся переложить вину на нас: дескать, русские сами виноваты, так как спровоцировали Гитлера своей подготовкой к нападению на Германию.

Немецкая разведка накануне войны активно собирала сведения о структуре Красной Армии, ее вооружении, боеспособности и планах по развертыванию войск. Соответствующие документы сохранились в архивах. Но основное значение в этой связи имеют все же не сугубо военные аспекты или признаки, а наличие информации о политических решениях Сталина относительно нападения на Германию. И можно однозначно утверждать: в тот период, когда Гитлер и командование вермахта начали непосредственную подготовку к войне, ничто не свидетельствовало о чем-либо подобном со стороны Советского Сеюза. Ссылаются на выступление Сталина перед генералами и офицерами в январе 1941 года, в котором он якобы раскрыл свои истинные намерения, но там нет ничего такого, что говорило бы о тайных планах. А зачем было Сталину нападать на Германию? Положение СССР в тот период было весьма прочным: Сталин заключил пакт о ненападении с Германией и развивал с ней экономические отношения, решил вопрос с Прибалтикой, Бессарабией и Буковиной. После военных успехов немцев на западе Европы не мог Сталин готовить нападение на Германию, руководствуясь неясными целями, ибо он не был авантюристом. Нужно смотреть в другую сторону.

Гитлер мало интересовался вопросами о действительных или мнимых намерениях Сталина. Об этом свидетельствуют все документы, которые имеются в распоряжении историков. Он вовсе не исходил из того, что «русские окажут немцам любезность», напав первыми. Генерал-майор Эрих Маркс, который 5 августа 1940 года по заданию Гитлера представил первую разработку генштаба вермахта похода на Восток, писал: «Русские не окажут нам дружеской услуги они не нападут на нас».

Гитлер с самого начала планировал агрессию. Для развязывания войны у него были глубокие идеологические причины, которые он достаточно четко изложил в своей программной книге «Майн кампф», а также весьма важные причины политического и собственно военного характера.

22 нюня 1941 года Гитлер начал войну, в основе которой лежала идеология нацизма, теория «расширения жизненного пространства» и тезис о необходимости уничтожения «расово неполноценных народов». Таким образом, следует отчетливо

понимать, что это была идеологически обусловленная, расистская война, направленная на уничтожение Советского Союза. Гитлер однозначно заявил, что война против русских не будет обычной. Ее цель — полное уничтожение противника.

Если бы речь шла о превентивной войне, то Гитлер не ставил бы перед собой такую цель. В этом случае ему было бы достаточно нанести сильный упреждающий удар, уничтожить часть военного потенциала противника и заставить его отказаться от агрессивных намерений. Но для руководителей третьего рейха это была именно тотальная война, война на уничтожение «всех коммунистов до третьего колена», мирного населения.

В случае победы в войне Гитлер рассчитывал «убить сразу нескольких зайцев». Во-первых, расширить «жизненное пространство», которое, по его мнению, было столь необходимо немцам. Во-вторых, получить доступ к природным богатствам СССР, в том числе к украинским черноземам, нефтяным месторождениям и т. д. В-третьих, победа над Россией гарантировала бы отказ Америки от вступления в войну. А это, в свою очередь, создало бы предпосылки для успешной войны против Англии.

Ложь о превентивной войне Германии против СССР нужно всячески разоблачать, ссылаясь на документы. Так думают и честные немецкие ученые, ибо нельзя забывать прошлое, более того, нужно извлекать из него уроки. Главный же из них заключается в том, что прошлое не должно повториться!.

Иосиф Сталин, его личность, характер, стиль руководства, мировоззрение наложили глубокий отпечаток на наше время и поколение. Но мы не имеем права ограничиваться только оценками, ибо необходимо вскрыть механизм причинно-следственных связей, показать диалектику переплетения объективных обстоятельств и субъективных устремлений исторических деятелей, оценить сложные последствия совокупного воздействия этих факторов. Порядочные люди считают, что руководители, добившиеся руководящего поста, приобретают скорее обязанности, чем права. Только это нравственно для политика, но чаще всего бывает наоборот.

Сталин издал брошюру по вопросу языкознания. Когда-то советские языковеды заучивали целые абзацы сталинской брошюры наизусть. И делали, надо сказать, правильно. Четкость и аргументированность сталинской мысли заставляла их правильно понимать проблему. За время перестройки о выступлении И. В. Сталина по вопросам языкознания было написано много вздора, как о его посягательстве на русский язык. На русский язык как раз и посягали изруганный Сталиным академик Марр и его

последователи. Марр в конце 20-х и начале 30-х годов постоянно твердил о «речевой революции, части культурной революции, о «смене норм языка», о «созидании новых языков» в результате «октябрьского революционного порыва», призывал «упразднить грамматику» и т. д. Учение Марра во многом представляло собой просто бред. Марр мог, например, всерьез заявлять, что немецкий язык — «преобразованный революционным взрывом… сванский». Это объявлялось «марксизмом в языкознании».

Серьезные языковеды, отказывавшиеся работать в марровском духе, изгонялись с работы, лишались возможности печататься, объявлялись «буржуазными». Многие из них стали жертвами репрессий.

В 1948–1949 годах под флагом борьбы с «менделизмом-вейсманизмом-морганизмом в языкознании» и «космополитизмом» марристы вновь организовали кампанию травли практически всех сколько-нибудь значительных языковедов того времени.

В результате выступления Сталина многие ученые получили возможность нормально работать, а языкознание на короткое время оказалось в центре общественного внимания. Это проявилось в расширении подготовки специалистов, увеличении ассигнований и прочем. Во главе советской филологической науки был поставлен видный русист академик Виктор Владимирович Виноградов, ранее, в 1934 году, арестованный по так называемому «делу славистов», сфабрикованному сионистами, и прошедший тюрьму и две ссылки. Сталин прекрасно понял, что учение Марра, отражавшее конъюнктуру 20-х годов, национальный нигилизм и ожидание мировой революции определенной части населения России, явно не соответствует курсу, направленному на возрождение страны. На примере абсурдных положений марризма можно было осудить чисто классовый подход и интернационализм в языкознании. Один из следователей «процесса славистов» обвинял ученых в том, что они «постулат нации ставят выше класса». Но в 1950 году сам Сталин принял такую же точку зрения, наиболее четко ее выразил в этой же брошюре. Старая русская интеллегенция, патриотически настроенная, рассматривалась Сталиным в военные и послевоенные годы как союзник в проведении нового курса. Развязанная самим Сталиным с началом «холодной войны» антизападная идеологическая кампания с 1948 года стала выходить за установленные свыше рамки: вслед за прозападно настроенными интеллигентами начали прорабатываться и русские патриоты. Поэтому Сталин на примере языкознания счел нужным осудить «аракчеевский режим» и призвать к «борьбе

мнений» и «свободе критики» в науке. А возвышение травившегося марристами В. В. Виноградова, автора книги «Великий русский язык» должно было стать примером отношения власти к русской патриотической интеллигенции.

Руководя практической работой Центрального Комитета партии и Советского правительства, Сталин не упускал из виду и теоретические проблемы современности. В 1951–1952 годах в связи с подготовкой учебника политической экономии состоялась дискуссия по экономичееким проблемам. Сталин внимательно следил за ней, знзкомился с материалами и несколько раз с февраля по сентябрь 1952 года выступал в печати по этому поводу. Некоторые из высказанных им мыслей и соображений по экономическим проблемам в настоящее время отвергаются так называемыми «перестройщиками», но в целом работа Иосифа Виссарионовича «Экономические проблемы социализма в СССР» содержит немало обоснованных положений, не утративиших своего значения и сегодня. Взять хотя бы пример экономического развития Китая, где успешно решаются многие задачи.

Сталин не воровал сам, не давал воровать и другим. Он создал систему, что делать это лицам любого ранга безнаказанно было нельзя. Он не был авантюристом и демагогом. Он отдал свою жизнь на службу Отечеству, укреплению его могущества. Он был собирателем, умножителем земли Русской, подлинным государственником.

В последние годы жизни Иосиф Виссарионович Сталин проводит последовательный курс на окончательное устранение с политической арены прежних большевистских кланов, для которых Россия, по завету их идейного вождя Льва Троцкого, так и оставалась вязанкой хорошего хвороста для разжигания костра мировой революции, в результате которой бы на земле исчезли нации, самобытность, язык и культура каждого народа и раз и навсегда утвердилось бы всемирное сионистское правительство.

Есть основания говорить о том, что он готовил разоблачение преступлений еврейских большевиков в период Гражданской войны, коллективизации. По свидетельству бывшего личного секретаря Михаила Шолохова Ф. Ф. Шахмагонова, в 1952 году Сталин просил писателя в очередном издании «Тихого Дона» по новому раскрыть преступную фигуру Свердлова, как организатора истребления русского народа, особенно казачества.

Сталин не был антисемитом. Это подтверждается его отношением к честным труженикам еврейской национальности. Но его ненависть к еврейским большевикам-перевертышам приобретает личный характер. Он был буквально потрясен предательством одного из «бойцов ленинской революционной

гвардии», специалиста по грязным делам М. М. Литвинова.

Вот его послужной список. Литвинов Максим Максимович (1976–1951) государственный и партийный деятель, дипломат. Настоящая его фамилия Валлах-Филькенштейн. Член партии с 1898 года. Участник революции 1905–1907 годов. С 1918 года на дипломатической работе. В 1930–1939 годах — нарком иностранных дел СССР.В 1941–1946 годах — заместитель наркома иностранных дел СССР и одновременно посол СССР в США. Член ЦК ВКП(б) с 1934–1941 год. Депутат Верховного Совета СССР в 1937–1950 гг. С 1946 года на пенсии. Советская разведка получила от агентов работающих в госдепартаменте США полную запись беседы Литвинова с одним американским журналистом, работавшим на Управление стратегических служб США. Литвинов говорил: «Что с этим Советским правительством у вас, американцев, ничего не выйдет. Они на таких позициях стоят, что не смогут с вами договориться о чем-то серьезном. Посол СССР в США объяснял американцам, как следует бороться с советским правительством: «Внутренних сил нет для этого, потому что у народа танков нет, а у правительства есть, у народа нет авиации, а у правительства есть, у народа нет артиллерии, а у правительства есть. У правительства — свои партийные офицеры, и в таком количестве, что народ что-нибудь изменить по своей воле, если он не согласен, не может. Тут только внешние сили помогут, то есть поход войной. Только внешнее вмешательство может изменить положение в стране».

Это рассказывал В. М. Молотов. Фактически это был акт государственной измены человека высокого государственного ранга. Как рассказывал другой член сталинского Политбюро А. И. Микоян, в последние годы войны, когда Литвинов был уже фактически отстранен от дел и жил на даче, его часто навещали высокопоставленные американцы, беседовавшие с ним на разные политические темы. В одной из таких бесед американцы жаловались, что Советское правительство занимает по многим вопросам неуступчивую позицию, что американцам трудно иметь дело со Сталиным из-за его упорства. Литвинов на это сказал, что американцам не следует отчаиваться, что неуступчивость эта имеет пределы и что если американцы проявят достаточную твердость и окажут соответствующий нажим, то советские руководители пойдут на уступки. Эта, как и другие беседы, которые вел у себя на даче Литвинов, была подслушана и записана. О них доложили Сталину и другим членам Политбюро.

«Я, — сообщает Микоян, — тоже ее читал. Поведение Литвинова у всех нас вызвало возмущение. По существу, это было государственное преступление, предательство. Литвинов дал

совет американцам, как им следует обращаться с Советским правительством, чтобы добиться своих целей в ущерб интересам Советского Союза. Сперва Сталин хотел судить и расстрелять Литвинова. Но потом решил, что может вызвать международный скандал, осложнить отношения между союзниками, и он до поры до времени отложил исполнение возмездия, но не забыл о нем, как кто-то так посчитал. Он вообще не забывал таких вещей. Он решил привести свой приговор в исполнение без лишнего шума, тихо. И Литвинов погиб в автомобильной катастрофе. Произошло это уже в 1951 году…»

Во время войны наиболее приближенной фигурой к Сталину был Маленков, деливший свою близость к Сталину с А. С. Щербаковым. Второй ряд политиков высшего эшелона составляли: Молотов, Берия, Вознесенский, Каганович. В третьем ряду стояли Андреев, Ворошилов, Жданов, Калинин, Микоян, Хрущев. Бее они были членами Политбюро, и только Маленков, Вознесенский и Берия кандидатами в члены Политбюро. Как утверждал Молотов, Хрущев, Маленков и Берия во время войны были приятелями. Сразу же после войны расстановка сил в высших эшелонах власти изменяется. Хотя Берия, Маленков и Вознесенский становятся членами Политбюро, их роль, особенно Маленкова и Берия падает. Самым близким к Сталину лицом становится Жданов. Он в эту пору занимает второе место в государстве. Маленкова отправляют работать в Среднюю Азию, Берия отстраняют от курирования органов безопасности и сосредоточивают только на деятельности Комиссии по атомной энергии. На должность министра госбезопасности вместо ставленника Берии Меркулова по рекомендации Жданова назначается Абакумов, бывший руководитель военной контрразведки «СМЕРШ». Он находился с Берия в натянутых отношениях. Хрущева понижают в «табели о рангах», он переводится с поста первого секретаря ЦК Компартии Украины на менее значимую должность — Председателя Совета Министров этой республики. Министром вооруженных сил становится Булганин. В Совете Министров СССР Жданов делает ставку на Вознесенского, а в Центральном Комитете партии на секретаря ЦК А. А. Кузнецова, ответственного за подбор и расстановку руководящих кадров. Вплоть до внезапной смерти Жданова в 1948 году такая расстановка сил имела стабильный характер. В высших эшелонах власти послевоенной России национальное движение русского народа осуществлялось под видом борьбы за чистоту партийных рядов, за правильный классовый подход. Выдвигая на передний план привычную марксистско-ленинскую фразеологию, оппоненты на самом деле преследовали свои

скрытые цели. Как и до войны, продолжалась жестокая схватка двух непримиримых сил — русской национальной и антирусской западнопоклоннической — космополитической. Ни та, ни другая силы не смели обозначить свои цели открыто. В послевоенный период Сталин начинает подбирать кадры руководителей, которыми он хочет заменить своих прежних соратников, сместив их с высоких государственных постов. В 1947 году он (по воспоминаниям Микояна) выдвинул идею о том, чтобы каждый член Политбюро подготовил из среды своих работников пять-шесть человек, которые могли бы их заменить. Конечно, члены Политбюро, боясь потерять власть, под разными предлогами начали саботировать это предложение, тем не менее формирование нового кадрового состава пошло на русской основе. Рядом со старой сплоченной, преимущественно космополитической руководящей элитой возникает новая, составленная из молодых людей, хорошо проявивших себя в годы войны.

Центром создания кадров нового руководства становятся Совмин Российской Федерации и Ленинградский обком и горком партии. Душой нового руководящего слоя был Н. А. Вознесенский, председатель Госплана СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б). Образуется сплоченная группа лиц, куда входили член Оргбюро, секретарь ЦК партии А. А. Кузнецов, председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов, кандидат в члены ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома П. С. Попков, второй секретарь Ленинградского горкома Я. Ф. Капустин, председатель Ленинградского горисполкома П. Г. Лазутин.

С 1946 по 1948 год Ленинградская партийная организация подготовила для России около 800 человек новых русских руководящих кадров. П. С. Попков стал членом Президиума Верховного Совета СССР, и другие ленинградцы были выдвинуты на работу в центральные партийные и государственные органы.

Имеющиеся в распоряжении историков материалы дают представление о реальной расстановке национальных русских и космополитических сил в высших эшелонах власти. Условно говоря, к «русской партии» в высшем руководстве принадлежали следующие лица: сам Сталин, кандидат в члены Политбюро А. С. Щербаков (умер в 1945 г.), члены Политбюро А. А. Жданов и Н. А. Вознесенский, секретарь ЦК А. А. Кузнецов, руководители ленинградской партийной организации. Им противостояла группа влиятельнейших руководителей — члены и кандидаты в члены Политбюро Маленков, Берия, Каганович, Микоян, а также ряд колеблющихся деятелей партии и государства, как правило женатых на еврейках: Молотов, Андреев, Ворошилов. В конце 40-х

годов вплоть, до смерти Жданова, шансы русской партии на политическое руководство страной были очень велики. Такое положение вызывало у космополитической части руководства чувство тревоги и ненависти к «русской партии». Смерть Жданова в 1948 году резко изменила расстановку сил в высшем эшелоне власти. Фаворитом Сталина, как и во время войны, вновь стал Маленков. Вместо отстраненного по ложному доносу Кузнецова ключевой пост секретаря ЦК по подбору и расстановке кадров получил Хрущев. К альянсу Маленков — Хрущев присоединяется и Берия. Объединившись, они становятся самой влиятельной в государственном аппарате силой. Как в последствии подтверждал Каганович, за два-три года перед смертью Сталина сложился прочный политический союз Хрущева, Берия и Маленкова. Особенно тесная дружба существовала между Берия и Хрущевым. В это время Сталин впадал в крайности, сказалась страшная усталость. Особенно его глубоко потрясла смерть Жданова. Он умер 31 августа 1948 года. Нет сомнения, что он умер не своей смертью, о чем имеются достаточные свидетельства. Смерть Жданова нарушила хрупкий баланс в расстановке сил. Антирусская группировка в руководстве страной получила преимущество. Лица, входящие в нее, были опытны в аппаратной борьбе, лучше знали поведение и настроение Сталина, а значит и могли им в известном смысле управлять.

Берия, Хрущев и Маленков пытаются представить Сталину, что «русские» в составе руководства подготавливают его отстранение от власти. В качестве доказательств Сталину сообщают факты о самостоятельной экономической политике, проводимой российскими организациями, об искажении итогов выборов в конце декабря 1948 года в Ленинградской объединенной партийной организации, фальсификации государственной отчетности, а также о намерениях некоторых руководителей РСФСР создать компартию России (намерения эти не шли дальше разговоров). На этой основе возникает так называемое «ленинградское дело», которое можно назвать «русским делом», ибо посредством его была разгромлена большая часть новых русских кадров, пришедших после войны на замену старым еврейско-космополитическим функционерам. Многие документы «ленинградского дела» были впоследствии уничтожены Маленковым. О деталях дела приходится судить только по косвенным свидетельствам. По всей видимости, дело началось с доноса, подписанного Маленковым и Хрущевым. В 1957 году, во время заседания июньского пленума ЦК КПСС, выяснилось, что Маленков изъял из «ленинградского дела» многие документы. Он заявил, что уничтожил их как личные

документы. И то, что ему позволили сделать это, означало, что так было нужно и Хрущеву, который сам, дорвавшись после смерти Сталина до архивов, уничтожил массу документов, где проявлялась со всей очевидностью его гнусная роль в истреблении честных людей за время так называемых «чисток».

На основании указанного доноса в феврале 1949 года Политбюро принимает постановление «Об антипартийных действиях членов ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И, и Попкова П. С.», в котором говорилось, что их «противогосударственные действия явились следствием нездорового, небольшевистского уклона, выражающегося в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, охаивании ЦК ВКП(б), представить себя в качестве особых защитников Ленинграда, в попытках создать»…

Решением Политбюро А. А. Кузнецов, М. И. Родионов и П. С. Попков снимаются со всех постов. Для разборки их дела создается комиссия в составе Маленкова, Хрущева и Шкирятова (человек Берия). Допросы обвиняемых вели не следователи, а члены партийной комиссии. Имея целью уничтожить все русские кадры в высшем руководстве, члены партийной комиссии уже на первом этапе «привязывают» к этому делу председателя Госплана СССР Вознесенского. Как вспоминает Н. К. Байбаков, в качестве компромата против Вознесенского была использована докладная записка председателя Госснаба СССР М. Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР плана промышленного производства на 1-й квартал 1949 года. С этого момента начинается организованная травля Н. А. Вознесенского.

Назначенный в Госплан на должность уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам Е. Е. Андреев летом 1949 года представил записку об утере Госпланом за период 1944–1949 годов ряда секретных документов. В записке на имя Сталина, составленной Берия, Маленковым и Булганиным, было сказано: «Товарищ Сталин, по Вашему указанию Вознесенского допросили и считаем, что он виновен».

9 сентября председатель Комитета партийного контроля, член комиссии по «ленинградскому делу»… представляет Политбюро решение КПК: «…предлагаем исключить Н. А. Вознесенского из членов ЦК ВКП(б) и привлечь его к судебной ответственности».

Сначала Сталин был против ареста Вознесенского и Кузнецова, но Маленков и Берия сумели представить дело так, что арест необходим. В 1949 году проходят массовые аресты руководящих русских кадров в центре и на местах, в том числе секретарей обкомов и председателей исполкомов. В Ленинграде, Москве, Крыму, Рязани, Ярославле, Мурманске, Горьком,

Таллине, Пскове, Новгороде, Петрозаводске и в других городах по приказу Маленкова арестовываются люди, преимущественно выдвиженцы Жданова, бывшие в 40-е годы в руководящем звене Ленинграда, их жены, родственники, друзья или просто сослуживцы. Только в Ленинградской области арестовываются свыше двух тысяч человек. Одним из первых был арестован (а впоследствии убит) первый секретарь Крымского обкома партии П. В. Соловьев, энергично выступавший против создания на территории Крыма еврейской республики. Маленков лично руководил ходом следствия и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания. Антирусская группировка Маленкова — Хрущева Берия превратила следствие по «ленинградскому делу» в сплошную череду пыток и издевательств над русскими кадрами.

Сразу же после заседания военной коллегии 30 сентября 1950 года, по показаниям свидетелей, «были не расстреляны, а зверски убиты Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов, Я. Ф. Капустин и П. Г. Лазутин. Всего было расстреляно около 200 человек, а остальные, несколько тысяч человек, были приговорены к длительным срокам заключения или отстранены от активной деятельности и назначены на низкие должности.

Развязав руки антирусской группе Маленкова — Берия — Хрущева, позволив ей расправиться с ведущими русскими кадрами в руководстве страной, Сталин таким образом подписал себе смертный приговор, ибо потерял опору для проведения твердой и последовательной национальной русской политики. Являясь главой Русского государства, он обрекал себя на неизбежное одиночество и гибель. Самые способные и энергичные, проверенные войной русские руководители были истреблены, требовались годы, чтобы воссоздать подобную плеяду. Но для этого Сталин уже не имел ни времени, ни сил.

Зарубежные оценки деятельности И. В. Сталина — в день его 70-летия (21 декабря 1949 г.) — очень характерные. Например, английская газета «Обсервер» писала в этот день следующее: «70-летие Сталина отмечается в зените величия Советского Союза, распространившего свое влияние на многие страны Европы и Азии. Многочисленные здравицы зарубежных коммунистов в его честь оправданны; по образцу и подобию СССР и ВКП(б) созданы «народно-демократические» страны, которые вместе с СССР открыто противостоят, западному альянсу.

…Сталину подчиняется огромная страна с колоссальными ресурсами. Его воле, его логике, его авторитету трудно что-либо противопоставить. Сегодня СССР располагает атомной бомбой и

активно развивает промышленный потенциал. Если же учесть, что континентальный Китай тоже находится в орбите сталинской идеологии, нетрудно предвидеть последствия подобной ситуации для Запада. Многие обозреватели сходятся во мнении, что Сталин с конца 1930-х годов проводит великодержавную, а не большевистскую политику, что он отказался от идеологии мировой революции и пытается совершить то, чего не могла или не успела сделать династия Романовых. И именно такой политике Сталин подчиняет мировое коммунистическое движение — оно (кроме Югославской компартии) становится важным союзником великодержавных интересов СССР. Однако достойная преемственность власти и авторитета Сталина более чем сомнительна. Его коллеги по ЦК поют ему гимны, но никто из них не способен вести дело так, как ведет его Сталин. За роль преемника в Кремле, по некоторым данным, давно началась ожесточенная схватка, и ее первые жертвы — Кузнецов, Жданов, Родионов (ленинградцы), Вознесенский, а также Молотов, отстраненный от «первых ролей» из-за сомнительных дел и связей своей жены, Полины Жемчужиной — Карп»…

А вот что писала газета «Ди Вельт», ФРГ в тот же юбилейный сталинский день: «Сталину удалось за сравнительно короткие сроки выдвинуть СССР в число великих держав. И неважно, какими средствами это было достигнуто. Как бы сегодня ни осуждали деспотизм и всевластие Сталина, остается фактом то, что именно он олицетворяет собой мощное государство, победившее едва ли не всех своих врагов… 70-летие Сталина неотделимо от всего происходящего с некогда отсталой и не имевшей перспектив Россией в момент смерти Ленина. Пожалуй, ни одно государство в мире не может сравниться с достижениями СССР, руководимого Сталиным. Даже часть Германии ныне подчиняется его интересам, точнее — интересам СССР. Для своей страны Сталин сделал неизмеримо больше, чем ее монархические правители. Но что будет после него?..»

В арсенале политической борьбы Сталина было главное оружие — это знания. В отличие от большинства политических лидеров, интеллект его находился на таком уровне, который позволял ему не прибегать в важнейших вопросах к помощи спичрайтеров — тех, кто пишет речи для первых лиц государства Он по своим знаниям превосходил этих лиц. Важнейшие документы он писал сам. Несмотря на свою колоссальную работоспособность и феноменальную память, он все же просто физически не мог охватить все, и вся и в этом его трагические ошибки при принятия решений по судьбе отдельных людей. Этим умело пользовались изощренные интриганы из группы Маленкова

— Берия Хрущева, подталкивающие его на конфликт с остальными членами Политбюро.

После ареста Жемчужиной, уличенной в тесных связях с сионистским подпольем, Сталин потерял доверие к одному из самых доверенных людей Молотову. В марте 1949 года он смещает его с поста министра иностранных дел. Он не мог простить ему такую удивительную близорукость, когда в течение нескольких лет в его доме происходили сионистские собрания. Вместе с Молотовым пост министра внешней торговли теряет и Микоян. Позже, на Пленуме ЦК в конце 1952 года, Сталин открыто выступил против Молотова и Микояна. Он объявил их заговорщиками. Молотова он обвинил в том, что тот уступил перед шантажом и давлением со стороны империалистических кругов, подразумевая, что его жена имела отношение к сионистскому заговору и тайным связям с Голдой Мейер.

Начав в 1951 году чистку в грузинской партийной организации, руководители которой были уличены во взятках, Сталин имел окончательную цель устранить Берия. Возникло так называемое «менгрельское дело». Берия был менгрельским евреем. В 1952 году министр государственной безопасности Грузии Рухадзе при поддержке министра государственной безопасности СССР Игнатьева выступил с обвинением по адресу Берия, что он скрывал свое еврейское происхождение и тайно готовил заговор против Сталина в Грузии.

На XIX съезде КПСС Сталин настаивает на изменении функциональной роли партии в государстве, освобождении от ее непосредственной опеки многих хозяйственных вопросов, которые должны решаться в правительстве. По предложению Сталина несколько изменилась кадровая политика, создавалась новая структура руководства партии: вместо Политбюро возник Президиум ЦК, состоявший из двадцати пяти членов и кандидатов, в составе которого появилось много новых имен. Сталин совершенно очевидно подготавливал полное обновление системы управления партией и государством. После окончания съезда на Пленуме ЦК, где избирался Президиум ЦК, Сталин жестко заявил, что партия менее едина, чем кажется, и что следует искать новые формы управления страной — старые не оптимальны.

Предложив свой состав Президиума ЦК, Сталин настаивал также избрать и бюро в более узком составе, не объявляя об этом публично. В избранном бюро уже отсутствовали Молотов и Микоян, но были включены новые деятели, особо никак себя не проявившие, — Сабуров и Первухин. Все это еще раз свидетельствовало, что Сталин намечал новую чистку высшего

руководства, в результате которой в составе Президиума ЦК останутся только новые, недавно введенные туда люди, а все старые, связанные «с пламенным революционным прошлым», будут удалены. Однако реально он этого уже не мог сделать, ибо фактически ему не на кого было опереться. Новый министр МГБ СССР Игнатьев, поставленный на место арестованного Абакумова, был человеком Маленкова и исполнял указания последнего.

Сталин открыто высказывает свое недовольство Берия и уже не скрывает враждебных чувств к нему, ибо хорошо понял его гнусную роль в истреблении «русской партии». Устранение Абакумова произошло в результате интриг Берия, который не мог ему простить вытеснение своих кадров из МГБ, тем более оно осуществлялось с согласия и при участии секретаря ЦК партии А. А. Кузнецова. Абакумов входил в ту обойму государственных деятелей, которые были уничтожены по «ленинградскому делу». На Берия и Маленкова Абакумов хранил компрометирующие документы.

Новая волна репрессий в отношении активистов сионистского подполья ожидалась в связи с так называемым «делом врачей». Дело имело под собой серьезное основание в загадочной смерти ближайшего соратника Сталина А. А. Жданова. Электрокардиограмма Жданова констатировала инфаркт миокарда. Однако кремлевские врачи упорно настаивали на диагнозе «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни». И вместо того, чтобы лечить больного от инфаркта, лечили его от гипертонии, став, таким образом, виновниками его смерти. Сейчас уже не определить, было ли это задумано самими врачами или главную роль здесь сыграл Берия. Уход Жданова из жизни, как я уже выше упоминал, изменил соотношение сил в политическом руководстве в пользу еврейских большевиков и сионистского подполья.

Заведующая кабинетом электро-кардиографии кремлевской больницы Л. Ф. Тимашук, имевшая непосредственное отношение к лечению Жданова, открыто обвинила руководство больницы в неправильном лечении и смерти Жданова, написав об этом Сталину. Еврейские врачи кремлевской больницы стали преследовать Тимашук, заставляя отказаться от сделанного ею правильного диагноза, а когда это не получилось, уволили ее. В 1952 году, отталкиваясь от диагноза болезни Жданова Тимашук, следственные органы под руководством Ремина выявили серьезные нарушения в организации лечения членов правительства и других лиц, принадлежащих к высшим эшелонам власти. В январе 1953 года в газетах было опубликование

сообщение ТАСС: «Арест группы врачей — вредителей».

«Некоторое время назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставившая целью, путем вредительского лечения, сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. В числе участников этой террористической группы оказались (дальше шло перечисление фамилий врачей)… Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А. А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А. А. Жданова…

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки. Большинство участников были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводила под руководством спецслужб» широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву от организации «Джойнт» об истреблении руководящих кадров СССР через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса. Другие участники террористической группы — Виноградов В. Н., Коган М. В., Егоров П. И. (оказались давнишними агентами английской разведки). Следствие будет закончено в ближайшее время».

13 января 1953 года в газете «Правда» была напечатана статья без подписи. Это была последняя статья И. В. Сталина, озаглавленная «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров — врачей».

«Органы государственной безопасности, — сообщается в статье, — раскрыли террористическую группу врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. Врачи-вредители работали по заданию американской и английской разведок. Они были завербованы через международную еврейскую буржуазно-националистическую организацию «Джойнт», выдающую себя за благотворительную организацию. Враги народа, правые оппортунисты, тем больше размножаются, чем больше социализм имеет успехов. Некоторые люди делают вывод, что теперь уже

снята опасность вредительства, диверсий, шпионажа. Но так думать и рассуждать могут только правые оппортунисты, люди стоящие на антимарксистской точке зрения «затухания» классовой борьбы. Они не понимают или не могут понять, что наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы, что чем успешнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа. В СССР эксплуататорские классы давно разбиты и ликвидированы, но еще сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди, скрытые враги нашего народа.

Некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились ротозейством. Органы государственной безопасности не вскрыли вовремя вредительской, террористической организации среди врачей. Но история уже знает примеры, когда под маской врачей действовали подлые убийцы и изменники Родины, вроде «врачей» Левина, Плетнева, которые по заданию врагов Советского Союза умертвили путем умышленно неправильного лечения великого русского писателя М. Горького, выдающихся деятелей Советского государства В. В. Куйбышева и В. Р. Менжинского. Советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит, как омерзительную гадину. Что касается вдохновителей этих наймитов-убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово».

Берия, имевший большой опыт закулисной политической борьбы решился пойти на последний шаг. К концу 1952 года он разными грязными методами (клеветой, доносами и т. п.) устраняет из окружения Сталина преданных ему людей — начальника охраны генерала Н. С. Власика и многолетнего личного секретаря А. Н. Поскребышева. После этого ничто уже не могло остановить заговорщиков.

В последний день февраля 1953 года Сталин вызвал в Кремль Хрущева, Маленкова, Берия и Булганина. После беседы Сталин предложил поехать на Ближнюю дачу поужинать. Сталин был в хорошем расположении духа и много шутил. Разошлись гости около 6 часов утра 1 марта. Через какое-то время после ухода «соратников» Сталин упал без сознания и пролежал без медицинской помощи 12–14 часов.

Когда прибыли врачи, состояние больного было безнадежным, и, не приходя в сознание он умер вечером 5 марта. Смерть при таких обстоятельствах сразу же породила много толков о том, что Сталин стал жертвой заговора.

«Я тоже держусь такого мнения, — говорил Молотов, — что Сталин умер не своей смертью. Ничем особенно не болел. Работал все время… Живой был в очень». Он же рассказывал, что Сталин боялся быть отравленным. Молотов допускал, что Сталина отравила группа заговорщиков, вероятнее всего Берия Маленкова — Хрущева. Когда он умирал, были моменты, корчило его. Не исключаю, что Берия приложил руку к его смерти. Из того, что он мне говорил, да и я чувствовал…На трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года делал мне такие намеки… Хотел, видимо, сочувствие мое вызвать. Сказал: «Я его убрал». Вроде посодействовал мне. Он хотел сделать мое отношение к нему более благоприятным: «Я вас всех спас!» Хрущев едва ли помог. Он мог догадываться. А возможно… Они все-таки были близки. Маленков знает больше. Больше, больше».

Каганович, когда его попросили прокомментировать слова Молотова, сказал, что это вполне возможно. Бывший начальник охраны Сталина Власик также с полной убежденностью считал, что «умереть Сталину «помог» Берия».

Версию убийства разделяли дочь Сталина Светлана и сын Василий.

Для большей части простых людей внезапная тяжелая болезнь, а затем смерть Сталина стали большим личным горем. Во многих случаях любовь народа к нему была неподдельна и безгранична. Смерть Сталина потрясла всех. Жизнь в стране как бы остановилась. На похороны в Москву приехали сотни тысяч людей. Многие не могли сдержать слез. Умер один из величайших деятелей мировой истории, сыгравший решающую роль в спасения России от геноцида еврейских большевиков, а человечество от тирании «нового западного порядка».

Вот характерные высказывания западной прессы на смерть И. В. Сталина:

«Нью-Йорк таймс» от 6 марта 1953 г.:

«Со Сталиным завершилась целая эпоха в мировой истории. Он заставил Запад уважать мощь новой России и постарался вывести ее в число великих держав…»

Лондонская «Обсервер» от 5 марта 1953 г.:

«Сталин создал величайшую в мире империю, распространил ее влияние в Европе и Азии. Для многих смерть Сталина — это чуть ли не конец света! Его личность буквально пронизала все поры экономики, политики и повседневной жизни граждан СССР. Но маловероятно, что можно будет сохранить в неприкосновенности и, тем более, приумножить оставленное Сталиным. Его приемники, вместе взятые, даже отдаленно не могут сравниться со Сталиным…»

Парижская «Фигаро» от 6 марта 1953 г:

«Пирамида тотальной, великой империи лишилась своего вдохновителя, своей «животворящей» вершины. Вряд ли кто-либо из приемников Сталина сможет составить ему конкуренцию. И вряд ли клятвенные речи сталинского окружения означают отказ новых лидеров СССР от кардинальных нововведений… Но сохранится ли СССР в будущем без Сталина?».

Югославская «Борба» от 6 марта 1953 года:

«Мало кому удавалось успешно противодействовать диктату и авторитету Сталина. Сталин похоронил ленинизм в 1930-х годах, марксизм — еще раньше. Но тем не менее Югославия, выстояв в полемике и конфронтации со Сталиным, считает его великой исторической личностью, оказавшей существенное влияние на политическое развитие не только СССР, но и всего мира».

Из интервью У. Черчилля 6 марта 1953 года:

«Сталин умер, оставив Россию мощной державой, оснащенной независимой экономикой и современным оружием. Нельзя не признать выдающихся заслуг Сталина в наращивании военно-политического могущества послеленинской России, в росте ее влияния в Европе и мире в целом, разгроме германского и японского фашизма».

Из интервью генералиссимуса Чан Кайши. Тайвань, 7 марта 1953 г.:

«Сталин был первым среди равных в союзнической коалиции. Послевоенная внутренняя и внешняя политика сталинского государства обусловлены прежде всего стремлением Сталина укрепить державный статус России, обеспечить ее глобальные интересы… Благодаря Сталину и помощи СССР Китай выстоял в первые годы войны с Японией (1937–1941). И благодаря Сталину китайская компартия не только избежала разгрома, но и захватила власть в континентальном Китае. Однако и капитуляция Японии была бы невозможна без побед Красной Армии во главе с генералиссимусом Сталиным. Так или иначе, но история Китая с 1930-х годов во многом связана с политикой Сталина и СССР».

Из интервью Шарля де Голля от 6 марта 1953 г.:

«Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него больше, чем поражений. Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено».

Из выступления Мао Цзедуна на траурном митинге в Пекине

7 марта 1953 г.:

«Кончина товарища Сталина — невосполнимая утрата для всех свободолюбивых народов. Под руководством Сталина народы СССР построили великую независимую державу, победили внутренних и внешних врагов. Поэтому для свободолюбивых народов пример СССР и КПСС, руководимых Сталиным, имеет историческое, а также практическое значение… Лучшая память Сталину — это воплощение его заветов, изучение и понимание его неутомимой деятельности. Быть соратником и учеником великого Сталина — значит быть по-сталински принципиальным и беспощадным к внутренним и внешним врагам Отечества, значит отстаивать независимость государства во что бы то ни стало, не жалея собственной жизни»…

И. В. Сталин в те годы, когда еще был жив Ленин, ничего не мог сделать в том сионистском окружении «пламенно революционной гвардии», чтобы провести в жизнь свое понимание государственного устройства нашей Родины; Россия, как основа, а остальные республики ее автономии. К сожалению, тогда возобладал ленинский план создания СССР, отторгнувший Россию, как основу государства и этим самым заложил гарантию нынешнего развала страны, а то что Сталин не исправил в последствии такое положение явилось его большой ошибкой и теперь нашей трагедией.

Да, ошибки вождей дорого обходятся людям. Русские это особенно чувствуют на себе. Но видит Бог, Сталин не хотел злой доли русскому народу. Он. грузин всегда считал себя русским и гордился этим. И не случайно он поднял тост за русский народ по случаю Победы в Великой Отечественной войне, и не случайно он же на XIX саезде партии в своем выступлении призвал коммунистов поднять знамя национальной борьбы, которое буржуазные деятели выбросили за борт мировой истории. Фактически это был призыв к консолидации русской нации и к объединению вокруг — нее всех остальных наций и народностей России.

Как бы по-разному мы не относились к Сталину, факт остается фактом: тридцать лет он находился во главе правящей партии и четыре года был Верховным Главнокомандующим многомиллионной воюющей армии. Говоря словами поэта, «тут ни убавить, ни прибавить, — так это было на земле»… Конечно, при Сталине выносились безжалостно суровые приговоры судов даже по такому поводу, как пресловутый колосок, унесенный с поля (печально знаменитый закон от 7 августа 1932 года) или двадцатиминутное опоздание на работу. Был такой указ в предвоенные годы, не говоря уже о массовых репрессиях 1937–

1938 годов, а еще ранее и «кровавый террор», и зверства ЧК.

Так как в партийных организациях, Главпуре Красной Армии, органах НКВД, министерствах и других учреждениях Советской власти почти все руководящие посты занимали лица еврейской национальности или родственно связанные с ними люди, несмотря на их ничтожный процент от общего числа населения страны, нужно считать виновным за это не только Сталина, но и этих «пламенных революционеров».

Нам с детства вдалбливали, что посчастливилось родиться в самом справедливом обществе. И многие из нас этому верили, ибо другой жизни мы не знали. Вступая в пионеры, клялись верности делу Ленина — Сталина. Верили, что лучезарная даль коммунизма почти рядом, стоит лишь поднапрячься. И сам режим постоянного сверхнапряжения мы привыкли считать обыденным, нормальным. Полуголодное существование чуть ли не изобилием. И с этой верой было нелегко расстаться. Но мы также знали, что капиталистический строй несправедлив. Теперь же в этом многие убедились лично на практике. Это жестокий, грязный, отвратительный строй, при котором торжествуют нечестные, неумные, недобрые, не злые, не глупые, не подлые, не высокие и не чуткие люди. Там торжествуют богатые. И только они. Никого не волнует, в какой грязи, крови или чистоте и розовых кустах они собрали свои богатства. Этот строй плох. Совершенно четко то, что капиталистический строй совершенствуется, активно используя, учитывая все уроки социалистического эксперимента. А по чьей вине нам не удалось достичь еще лучших успехов? Еоть над чем нашим людям подумать, ибо русский народ, который нельзя одолеть силой, нынче пытаются прикончить в его собственной постели ложью, беспардонным обманом. Теперь будто в чужом пиру похмелье. Вспомните, каким было то наше время; сколько в людях было жизни, добра, человечности, трудолюбия, а не одной лишь зависти и алчности новых капиталистов. История любой измены начинается с измены самому себе, своим идеалам, своим словам.

Я хочу жить на Родине, которая была и есть одна и которой не присягают дважды. Это мое человеческое право, законное и неотъемлемое. Это святое право каждого из нас — жить и умереть в той стране, где родился и которую любишь до боли, которая дана тебе от рождения сотнями предшествующих поколений, через раздоры, смуту, кровь, веками шедших навстречу друг другу, чтобы ты вместе с жизнью в один прекрасный день получил шестую часть земли, свою Родину, которую сейчас топчут враги рода человеческого. Сейчас мы тонем в болоте повального невежества и темноты духовной. Победитель, победив

под руководством Сталина злейшего врага, вдруг сам оказался побежденным. Память былого — это ожоги сердца! Русская пословица гласит: «Кого преждевременно хоронят, тот живет дольше».

Иосиф Виссарионович Сталин — крупнейшая фигура нашей и мировой истории. Споры о нем еще долго будут идти и продолжаться. Ненавистники и грабители России уже сделали свое черное дело: под флагом разносно лживой критики его работы, замалчивания его достижений разрушили мощную державу — Союз Советских Социалистических республик, который сплачивала великая Русь. Но знайте, что 'ни один народ в мире, кроме русского, как в силу исторической специфики, так и по национально-психологическим особенностям, так не близок к идеалам бескорыстия, соборности, любви к людям, справедливости — идеалам, лежащим в основе коммунистической, сродни христианской, нравственности и морали. А натура рано или поздно возьмет свое!

Один из главных организаторов антисоветского похода стран Антанты интервенции в 1920–1921 годов, он же инициатор «холодной войны» против нас Уинстон Черчилль, через шесть лет после смерти Сталина произнес следующее:

«Большое счастье для России, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял гений, непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был выдающейся личностью импонирующий нашему жестокому времени того периода, в который протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычной энергии, эрудиции, несгибаемой воли, резким, жестоким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего — противопоставить. Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам. В его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью, был непревзойденным мастером находить пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты несчастья и торжества оставался одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Сталин был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это

был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имевшим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой и оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет, чтобы мы ни говорили о нем, таких история и народы не забывают».

(Британская энциклопедия. Речь произнесена Уинстоном Черчиллем 23.12.1959 года в палате лордов по случаю 80-летия И. В. Сталина).

А вот, как считались с мнением И. В. Сталина, наши высокопоставленные деятели.

В 1946 году я вместе с моим начальником полковником Мосуновым был в г. Веймар в командировке. Мы зашли к уполномоченному нашего Военно-воздушного отдела СВАГ подполковнику Краснобаеву, кабинет которого находился в здании СВАГ земли Тюрингия. Вдруг офицеры засуетились: к ним приехал Командующий 8-й гвардейской армии, герой обороны Сталинграда генерал Василий Иванович Чуйков. Встречать его вышел начальник администрации генерал-майор Колесниченко, человек боевой, смелый, потерявший на фронте руку. Чуйков был в хорошем настроении, беседовал с офицерами. Среди них был майор (фамилию его я не помню), Герой Советского Союза. Чуйков подошел к нему и спросил:

— Где получили Героя?

— В Сталинграде, товарищ генерал?

— В какой армии?

— В прославленной 62-й, товарищ Командующий!

— Рад видеть вас здесь, сталинградцы все могут. Нельзя забывать, то что мы пережили, защищая город Сталина!

— Верно, товарищ Командующий, я все время помню, как вы огрели меня палкой, а потом…

Раздался дружный хохот присутствующих. Этот майор обладал чувством юмора и рассказывал, как он, будучи комбатом вел бой за один объект в Сталинграде.

Он послал две роты в обход объекта атаки и блестяще выполнил боевую задачу, за что и был представлен Чуйковым к званию Героя. Но, в то время, когда его роты обходили противника, к нему на КП вскочил разъяренный Василий Иванович Чуйков и огрел его палкой: почему отсиживаешься в блиндаже?.. Вперед, с атакующими, высотку взять любой ценой! Комбат побежал за наступающими и задача была выполнена, а дальше понятно. Василий Иванович тоже смеялся я сказал следующее, что я помню и по сей день: «Верите, товарищи

офицеры, мне все время в Сталинграде казалось, что ясли я на долго засну и не буду все время среди войск, то солдаты не выдержат бешеного натиска фашистов и мы сдадим Сталинград, а ведь мне лично Иосиф Виссарионович приказал, Сталинград удержать любой ценой, что я и старался делать…

Второй раз я видел Чуйкова, когда он прибыл неожиданно на разбор корпусных учений в городе Стендал. Тогда он занимал должность заместителя Главнокомандующего Группой войск в Германии.

Командир 79-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Никитин, бывший преподаватель Академии Генштаба недавно прибывший из Москвы, проводил разбор учений в Доме офицеров. Зал был полностью занят офицерами. Как обычно выступали руководители и подводили итоги. В вестибюле Дома офицеров раздался громкий голос Чуйкова, который кого-то там распекал за какую-то провинность, а затем вошел в зал.

Командир корпуса как положено доложил Чуйкову, и работа продолжалась по плану. Василий Иванович все время перебивал докладчиков, выражал неудовольствие. Обстановка была напряженной и хотя мы все глубоко уважали Чуйкова, но чувствовали неудобство за нашего командира корпуса. И вдруг, командир корпуса отдал команду:

— Товарищи офицеры! Перерыв на пятнадцать минут!

Встали по команде «смирно». Ведь комкор не спросил разрешения у старшего по должности и званию. Чуйков взбесился: Кто вам разрешил? И тут среди мертвой тишины зала комкор сказал:

— Товарищ Чуйков! Я сегодня, немедленно доложу товарищу Сталину, как вы себя ведете перед собранием офицеров корпуса!

— Пятнадцатиминутный перерыв, — произнес Чуйков тихо.

Я видел побледневшего Чуйкова, но он, наверное, и сам понял, а Сталина он знал: такие выходки тот никому не прощал и ему тоже не сдобровать.

После перерыва разбор проходил спокойно. Чуйков выступил с краткой речью и пожелав успехов в работе уехал, демонстративно подчеркнуто пожав руку комкору. Офицеры долго вспоминали этот случай и обычно говорили, что товарищ Сталин не позволяет грубить подчиненным. Даже Чуйков это понял мгновенно, когда ему об этом напомнил наш умница — комкор.

Мне рассказывал офицер из личной охраны Сталина о его отношении к стяжателям.

Как-то Сталин вызвал к себе известного полярника, начальника Главсевморпути И. Д. Папанина, который сделал себе

дачу, по тем временам роскошную, используя служебное положение. Папанин знал заранее по какому вопросу его вызывает Сталин и, как человек весьма сообразительный, немедленно в тот же день передал дачу детскому саду, что было естественно, ибо не хотел менять дачу на тюремные нары, а то и хуже. Сталин об этом тоже знал. И вот их разговор, по рассказу очевидца. Папанин вошел в кабинет Сталина. Тот не поднимаясь из-за стола спросил:

— Как ваша фамилия?.. Я спрашиваю, как ваша фамилия?

— Я Папанин!

— Вы не Папанин, вы — дерьмо!.. Вы передали дачу в детский сад?

— Так точно, товарищ Сталин!

— Вон отсюда и запомните на всю оставшуюся жизнь!

Папанин вышел, моля Бога за такое «милое и обходительное отношение, ибо хорошо знал, как Сталин расправляется с такими «несознательными»

А вот еще один рассказ работника охраны: «Дело было в 1949 году. Всем известно, что Сталин не терпел роскоши, одевался скромно, носил простые костюмы, сапоги, военную шинель, долго донашивал старую одежду. Полуботинки носил, что называется «до дыр». Выходные туфли у Сталина имелись только одни. Еще довоенные. Кожа уже вся потрескалась. Подошвы истерлись. В общем дышали на ладан. Всем было страшно неловко, что Сталин ходил в них и на работе и на приемах. В них же он бывал в театре и других людных местах. Вся охрана решила сшить новые туфли. Ночью Матрена Бутузова (прислуга на ближней даче в Кунцево) поставила их к дивану, а старые унесла. Утром Сталин позвал Орлова (охранника) и спокойным, мягким голосом спросил:

— Где мои ботинки?

— Товарищ Сталин, ведь вы — Генеральный секретарь нашей партии, Генералиссимус, глава правительства! Вы же постоянно находитесь в общественных местах! Каждый день принимаете иностранных послов и гостей.

— Лучше верните мне ботинки, — прервал его Сталин.

Что было делать. Ботинки вернули и он продолжал носить их до последних дней своих».

Он беспощадно наказывал расхитителей, а многие поплатились жизнью за свою жадность. Доставалось за это и очень уважаемым Сталиным людям, особенно генералам за «трофеи» из Германии, в том числе и Г. К. Жукову.

Когда Сталин умер, то встал вопрос в каком его костюме хоронить. Ничего подходящего в его гардеробе не оказалось. Пришлось отдать в чистку его военную форму, в которой он

ходил многие годы, и в таком виде проводить его в последний путь.

Дорогой читатель! А теперь подумай, почему его так ненавидят бывшие «борцы» с привилегиями.

Последний год жизни был трудным для И. В. Сталина. Его дочь Светлана Аллилуева писала о том времени, когда видела своего отца незадолго до его смерти: «В последнее время отец жил особенно уединенно, поездка на юг осенью 1951 года была последней. Больше он не выезжал из Москвы и почти все время находился в Кунцево… Я была у него 21 декабря 1952 года, в день, когда ему исполнилось семьдесят три года. Тогда я и видела его в последний раз. Он плохо выглядел в этот день. Повидимому, он чувствовал признаки болезни, может быть, гипертонии, так как неожиданно бросил курить и очень гордился этим — курил он, наверное, не меньше пятидесяти лет. Очевидно, он ощущал повышенное давление, но врачей не было».

Из воспоминаний охранника А. Т. Рыбина: «Сталину пошел семьдесят четвертый год. Сказывалась постоянная гипертония. Раз на ходу чуть не упал от головокружения. Порой с трудом поднимался по лестнице на второй этаж в свой кремлевский кабинет. И как-то невольно пожаловался Орлову:

— Чертова старость дает о себе знать…» 28 февраля вместе с «соратниками» он посмотрел в Кремле кинокартину. Потом предложил всем членам Политбюро приехать на дачу. В полночь прибыли Берия, Маленков, Хрущев и Булганин. Гостям подали только виноградный сок, приготовленный Матреной Бутузовой. Фрукты, как обычно, лежали на столе в хрустальной вазе. Сталин привычно разбавил кипяченной водой стопку «Телиани» которой хватило на все застолье. Мирная беседа продолжалась до четырех часов утра уже 1 марта. Гостей проводил Хрусталев. Потом Сталин сказал ему:

— Я ложусь отдыхать. Вызывать вас не буду. И вы можете спать. Подобного распоряжения он никогда не отдавал. Оно удивило Хрусталева необычностью. Хотя настроение у Сталина было бодрым… С утра все занимались положенными делами. В полдень заметили, что в комнатах все еще нет никакого движения. Это насторожило. Но заходить без вызова к вождю не полагалось. А соответствующего сигнала по-прежнему не было. Наконец полседьмого вечера в кабинете вспыхнул свет. Все облегченно вздохнули, полагая, что сейчас последует приглашение. Однако не дождались его. Охрану стала охватывать тревога: происходило явное для Сталина нарушение распорядка дня. Пусть даже воскресного. В десять тридцать охрана окончательно убедилась в скверности положения. Лозгачев

послал Старостина в кабинет. Но тот уклонился. Дескать, раз ты старший, то иди первым. Пока препирались, привезли свежую почту из ЦК. Это давало возможность войти на законном основании. Твердым шагом Лозгачев направился в большую столовую, где Сталин, мог отдыхать, но не заметил его в темноте. Миновал одну, другую комнату. Пусто. Из приоткрытой двери малой столовой лился свет. Заглянув туда, оцепенел… У стола на ковре лежал Сталин, как-то странно опираясь на локоть. Рядом стояли бутылка минеральной воды и пустой стакан. Видамо, Сталин еще не потерял окончательно сознание, но говорить уже не мог. Заслышав шаги, он чуть приподнял руку, словно подзывая. Бросив почту на стол, Лозгачев подбежал, выпалив:

— Что с вами, товарищ Сталин?

В ответ послышалось непонятное «дз-з-з». По внутреннему телефону Лозгачев позвал Старостина, Тукова и Бутузову. Они мигом прибежали. Лозгачев спросил:

— Вас, товарищ Сталин, положить на кушетку?

Последовал слабый кивок головы. Все вместе положили больного на кушетку, которая оказалась короткой. Пришлось перенести Сталина в большой зал на диван. По пути стало видно, как он озяб. Наверное, лежал в столовой без помощи несколько часов. Бутузова тут же распустила ему завернутые по локоть рукава нижней рубашки. На диване Сталина тщательно укрыли пледом. Лозгачев сел рядом ждать врачей. А Старостин немедленно позвонил о случившемся Игнатьеву. Но всемогущий шеф КГБ робко предложил обратиться к Берия. Посколько того все просто не переваривали, а потому предпочитали с ним даже не разговаривать, Старостин разбудил Маленкова. Как и следовало ожидать, этот безвольный человек не сделал ничего конкретного. Лишь через полчаса торопливо сообщил, что не нашел Берия, и предложил искать его самим. Наконец, объявился, приказав:

— О болезни Сталина никому не говорите и не звоните! Все-таки Лозгачев, не покидая больного, продолжал ждать помощь. Только в три часа ночи подъехала машина. Думалось, это «скорая»! Наконец-то можно передать больного врачам, переведя дух, избавившись от гнетущей бездеятельности. Но это явились «друзья» — Берия с Маленковым. Задрав голову и поблескивая очками, Берия прогромыхал к Сталину. У Маленкова скрипели новые ботинки. Сняв их, пошел в носках. Оба встали поодаль от дивана. Вдруг Сталин захрапел. Может, увидел их, да так выразил свое отношение. Кто знает…

Однако Берия отреагировал сразу, бросив Лозгачеву:

— Ты что панику наводишь? Видишь, товарищ Сталин крепко

спит! Нас больше не беспокой и товарища Сталина не тревожь!

Лозгачев стал доказывать, что больному необходима медицинская помощь. Но Берия перебил его грязным сквернословием. С тем «друзья» покинули зал.

Встретив Старостина, Берия устроил ему разнос:

— Кто вас, дураков, к товарищу Сталину приставил? Вы недостойны работать у него! Я еще вами займусь!

Наконец они уехали. Часы отбивали уходящее время. И все очевидней становилось: врачи не спешат на помощь. Лишь в половине восьмого приехал Хрущев, утешив:

— Скоро будет медицина. Около девяти часов действительно появились врачи во главе в профессором Лукомским. Руки у всех от волнения тряслись так, что не могли снять с больного нижнюю рубаху. Пришлось разрезать ее ножницами. Осмотрев Сталина, врачи установили диагноз: инсульт с кровоизлиянием в мозг. Принесли кислородную подушку, сделали уколы камфоры, приложили пиявки. Наверное, предлагали применить еще что-то, действующее сильней, потому что Берия нагонял страху:

— А вы гарантируете жизнь товарищу Сталину, гарантируете?!

Кто же был на такое способен, если даже здоровые люди не имели сейчас гарантии выйти отсюда. 2 марта вызвали Светлану и Василия. Тот сразу где-то выпил и с порога закричал:

— Сволочи, загубили отца!

Некоторые члены правительства на него ощетинились. А Ворошилов стал урезонивать:

— Василий, успокойся. Мы принимаем все меры для спасения жизни товарища Сталина…

Наконец о болезни вождя узнала страна. На даче все чаще раздавались звонки доброжелателей, предлагавших свои услуги. Некоторые клятвенно уверяли, что поднимут Сталина. Звонили профессора даже из демократических стран. Один был особенно настойчив. Туков позвал к телефону Берия. Тот завопил в трубку:

— Ты кто такой? Провокатор или бандит? Скажи свое имя! Я с тобой расправлюсь!

Поняв, с кем имеет дело, профессор предпочел замолчать.

Члены Политбюро поочередно дежурили у постели больного. Иногда он пытался открыть глаза или шевельнуть губами, но сил не хватало. 5 марта стал падать пульс. Берия подошел к нему с просьбой:

— Товарищ Сталин, скажи что-нибудь. Здесь все члены Политбюро. Ворошилов оттащил его за рукав, говоря:

— Пусть к нему подойдет обслуга. Он. лучше ее узнает. Пока охрана протискивалась через тесное кольцо членов

правительства, Сталину сделали какой-то сильнодействующий укол. От него тело вздрогнуло, зрачки расширились и минут через пять наступила смерть. Оказывается, подобный укол, способный поднять или окончательно погубить больного, полагалось делать лишь после согласия близких и родных. Но Светлану и Василия не спросили. Все решил Берия. Затем он, Маленков, Хрущев и Молотов поднялись на второй этаж. Сразу начался дележ государственных должностей. Деликатный Молотов предложил это решить после похорон. Нетерпеливый Хрущев шуганул его матом. Обиженно махнув рукой, Молотов уехал»…

Смерть Сталина вызвала великую скорбь советского народа и печаль эту испытывало подавляющее большинство, даже многие из тех, кто был в свое время «раскулачен», переносил голод и холод, находившиеся в заключении по навету.

Похороны Сталина привели к трагедии в столице. Советские органы правопорядка не имели тогда никакого опыта в управлении большими массами людей, охваченных паникой или иными бурными проявлениями чувств. К тому же свирепый глава этих органов Берия думал в те дни только о захвате власти, на все прочее ему было наплевать. В итоге похороны Сталина омрачились жертвами.

После устранения Сталина борьба за власть в стране и в партии усилилась и со временем обитатели Кремля будут стремиться лишь к устранению друг друга, а не к укреплению нашего государства. Взаимная грязная возня высокопоставленных коммунистов — соперников уже никогда не прекращалась, поскольку в их среде не было и не предвиделось такой личности как Сталин. Когда он умер во всем мире признавали его огромный вклад в укрепление могущества СССР и разгрома фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии, его вклад в уничтожение колониальной системы и создании стран народной демократии, а также в укреплении позиций коммунистических партий во всех странах мира. Таков был мировой авторитет Сталина в дни его кончины.

До 1961 года набальзамированное тело Сталина находилось в Мавзолее, рядом с телом В. И. Ленина. По решению XXII съезда КПСС останки его были захоронены рядом с Мавзолеем у Кремлевской стены. Позднее на могиле был установлен бюст…

И сегодня идет долгая битва у его надгробия. Величайший стратег-геополитик XX века Иосиф Виссарионович Сталин вместе с нами честными и думающими людьми нашей Родины, болеющими за свое Отечество. Он нас предупреждал и предупреждает сегодня; «Будет и на нашей улице праздник, если

наши люди отрешатся от беспечности и поднимутся на защиту своих прав, своей земли, на спасение своей Родины!»

Придет время и будет опубликовано его Завещание, которое он передал на хранение перед своей смертью — единственному человеку, кому он доверял Юрию Жданову, бывшему своему зятю, сыну А. А. Жданова. Как хотелось бы, чтобы это завещание мы все-таки успели прочитать. Это единственное, что осталось нам — фронтовикам ждать в этой жизни.

Эту главу мне хотелось бы завершить словами Александра Вертинского, которые он посвятил Сталину:

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь?
Сколько стоил ему Сталинград?
И в седые, холодные ночи,
Когда фронт заметала пурга,
Его ясные, яркие очи,
До конца разглядели врага.
В эти черные тяжкие годы
Вся надежда была на него,
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?
Побеждая в военной науке,
Вражьей кровью окрасив снега,
Он в народа могучие руки
Обнаглевшего принял врага.
И когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашел он таких генералов
И таких легендарных бойцов?
Он взрастил их. Над их воспитаньем
Долго думал он ночи и дни.
О, к каким роковым испытаньям
Подготовлены были они!
И в боях за Отчизну суровых
Шли бесстрашно на смерть за него,
За его справедливое слово,
За великую правду его.
Как высоко вознес он Державу,
Мощь советских народов-друзей,
И какую великую славу
Создал он для Отчизны своей.
Тот же взгляд, те же речи простые,

Так же мудры и просты слова,
Над разорванной картой России
Поседела его голова.

Глава 8
Так называемая хрущевская «оттепель». Начало развала СССР

В ночь на 2 марта 1953 года в иудейский праздник Пурим, Иосифа Виссарионовича Сталина умертвили, вплоть до утра 6 марта обманывая партию и народы «внезапной и тяжелой его болезнью». Уже 5 марта врач, анатомировавший тело Сталина Русаков был уничтожен. А 1 мая 1953 года на трибуне мавзолея Ленина-Сталина Берия сказал Молотову: «Я убрал его. Я вас всех спас» (Т. Виттлин. «Лаврентий Павлович Берия» Лондон, 1973, на английском и русском языках).

«Западные политики 40-х годов осознали, что тост, провозглашенный Сталиным в 1945 году за «великий русский народ», его аппеляции в 1941 году к русским историческим подвигам, Гимн СССР 1944 года, возвеличивающий «Великую Русь», и наконец, развернутая Сталиным с 40-х годов кампания по пропаганде русской истории, науки и культуры могут означать негласный, но тотальный отказ от подлинного ленинизма-большевизма, реанимацию великороссийской державной концепции…

Эта стратегия сделает сталинское государство еще более жизнеспособным, его влияние — глобальным, что чревато многими опасностями для Запада» (Внутренная жизнь Советского Союза», Гарвард, 1953 г., № И).

Согласно исследованиям американского политолога Б. Херша, ЦРУ в 1949–1951 годах разработало «варианты» убийства Сталина: первый предусматривал устранение Сталина его же «соратниками»…

Тем временем, в советской печати с января 1953 года усилилась кампания против тайных и явных врагов народа, угроза ареста нависла почти над всеми членами тогдашнего Политбюро. Открытый процесс над «бериевцами» мог стать реальностью, чего их хозяева не могли допустить, ибо такой процесс стал бы разоблачением-приговором стратегии космополитов в отношении не только СССР, но русской нации и славянства в целом! (Алексей Чичкин, публицист. «Народная защита», 1994, № 1).

Немецкий советолог Ф. Боркенау утверждал, что арест личных врачей Сталина означает заговор против него его соратников — они хотят приставить к нему своих врачей, чтобы

решить его судьбу… Примечательно, что именно 1 марта 1953 года начала вещание на СССР принадлежащая ЦРУ радиостанция «Свобода». Она-то и сообщила в тот же день о кончине Сталина. И в след за ней эту новость торжественно объявили «Голос Америки», «Голос Израиля», «Би-Би-Си» (Т. Мирзоян, «Земщина», 1992 г., № 72).

После смерти Сталина продолжал действовать президиум ЦК партии в составе 10 человек (Маленков, Берия, Хрущев, Булганин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин). Было решено избрать Хрущева первым секретарем ЦК, Маленкова — утвердить председателем Совета Министров, Берия остался членом президиума ЦК и стал министром внутренних дел.

Берия стал энергично сколачивать новую «коалицию» против Маленкова. Маленков опирался на партийный аппарат и на армию. Опорой Берия был аппарат МВД, его мощный репрессивный механизм. Министр госбезопасности С. Д. Игнатьев насчитывал около одиннадцати миллионов осведомителей!

Маленков пришел в аппарат ЦК в 1934 году. Рекомендовал его Каганович, у которого он работал в Московском комитете партии. Став заведующим отделом руководящих кадров, он скоро завоевал доверие Сталина. В 1938 году Маленкову поручили выступить с докладом на пленуме ЦК, в 1941 — на XVIII Всесоюзной партконференции. С 1948 года Маленков практически руководил секретариатом ЦК, а в 1952-м году на XIX съезде партии делал по поручению Сталина доклад от имени ЦК. В 1941 году Маленков вошел в состав Политбюро в качестве кандидата, в 1946 году стал его членом. Сталин верил в личную преданность Маленкова, а тот давал понять ему, что, становясь над партией, репрессивные органы могут представлять опасность и для самого Сталина. Первым заметным делом Маленкова было устранение Ежова. Сталину был нужен баланс трех сил: парток'ратии, репрессивных органов и технократии. Так Маленкову была уготована роль второго человека в партии и государстве.

Берия освободил врачей и прекратил это дело. Затем он послал своих эмиссаров в Грузию, чтобы закрыть и опасное для него «мингрельское дело». Дело это было подготовлено до смерти Сталина тогдашним министром госбезопасности Игнатьевым, который был очень близок к Маленкову. Расправившись с неугодными ему грузинскими руководителями, Берия укрепил свой тыл. Затем он добился снятия Игнатьева с поста секретаря ЦК.

Маленков взял на себя руководство секретриатом ЦК и как Председатель Совета Министров взял под контроль и МВД, то есть ведомство Берия. Маленков решил упредить Берия,

согласовав свои действия с маршалом Жуковым. На 26 июня Маленков назначил заседание Совета Министров. Перед самым заседанием он пригласил к себе Хрущева и Булганина, где заявил им о заговоре Берия и что ему известно об их поддержке Берия. Спасти свои жизни они смогут только при условии, что примут участие в разгроме заговора. Булганин должен был на собственной машине доставить в Кремль группу офицеров, подобранную Жуковым. Они согласились.

На заседании Маленков предложил арестовать Берия за государственную измену. Его поддержали Первухин и Сабуров. Молотов, Ворошилов, Каганович были против. Воздержались Хрущев, Булганин и Микоян. В этот момент в зал заседания зашел Г. К. Жуков с офицерами и дальше пошло так, как уже неоднократно описано.

Маршал Жуков предложил Маленкову арестовать и тех, кто был в сговоре с Берия, но Маленков не согласился, надеясь сделать их союзниками в предстоящей внутрипартийной борьбе за власть в Кремле. Это предложение, отвергнутое Маленковым дорого обошлось Жукову. Маршал обрел себе врага в лице Никиты Хрущева.

Итак, 26 июня 1953 года был арестован Берия, который после суда, 23 декабря 1953 года был расстрелян. Так закончилась карьера этого политика. А внутрипартийная борьба среди партбоссов продолжалась. Шла она на фоне острой внешнеполитической схватки ведущих держав мира, бывших союзников в антигитлеровской борьбе со странами социалистического блока.

Тут уместно, видимо, прояснить причины возникновения «холодной войны». Это было не одно лишь военное противостояние, но и наметившаяся генеральная линия на национальную консолидацию в России, восстановленной в своих почти прежних границах. Сионисты и космополиты выступали скрыто и открыто против державной политики Кремля, возрождения русского национального самосознания Они всячески чернили прошлое нашего народа, его вклад в мировую культуру, в науку. Сначала им был дан решительный отпор, как у нас в стране, так и в странах народной демократии. Но после смерти Сталина вся эта свода снова воспряла духом.

Закулиса решила, что пробным камнем станет Германия. Берия хотел ликвидировать ГДР за экономическую помощь в сумме 10 миллиардов американских долларов. Вот что об этом пишет Павел Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль»:

«Сталин в 1951 году предложил идею создания единой Германии с учетом интересов Советского Союза и эта проблема

обсуждалась в правительственных кругах. Бывший министр МГБ Игнатьев еще до смерти Сталина утвердил специальный зондажный вопросник наших спецслужб за рубежом по этой проблеме… Перед самым Первомаем 1953 года Берия поручил мне подготовить секретные разведывательные мероприятия для зондирования возможности воссоединения Германии. Он сказал мне, что нейтральная объединенная Германия с коалиционным правительством укрепит наше положение в мире».

В этом мероприятии определенную роль должны были играть агенты МГБ польский князь Януш Радзивилл и немецкая актриса Ольга Чехова. Для этого в Германию была отправлена наша известная разведчица З. И. Воскресенская (Рыбкина), но арест Л. П. Берия помешал провести эту предательскую, по отношению нашей Родины, акцию.

Я вспоминаю свою встречу с Ольгой Чеховой (Книппер). На автостраде КПП Мариенборн шла обычная работа: контролеры проверяли документы, а таможенники — грузы. В комнату, где я работал, вошла красивая женщина средних лет и по-русски обратилась ко мне:

— Здравствуйте, товарищ старший лейтенант (хотя я был лейтенантом, но у немцев это принято — при какой-либо просьбе повышать звание). Я хотела бы вас попросить оказать содействие труппе моего театра. Я Ольга Чехова. Надеюсь, что эта фамилия известна каждому русскому.

— Да фрау, фамилия Чехов каждому у нас в Союзе хорошо известна, но что передо мной известная немецкая актриса Ольга Чехова — это сюрприз. Рад с вами познакомиться, прошу садиться, какие у вас проблемы?..

Она мне рассказала, что ее труппа на двух автофургонах с декорациями и в малолитражном автобусе едет из Западной Германии в Берлин, но в моторе одного из грузовиков случилась какая-то неисправность, а они хотели бы приехать в Берлин все вместе. Я доложил о ее просьбе начальнику КПП.

Капитан Сидоров пришел в мою комнату, познакомился с Чеховой и пообещал помощь, заявив, что «не каждый день через наш КПП проезжают такие известные личности».

Дело в том, что мы вместе с ним ранее смотрели кинофильмы с участием этой актрисы, которая напоминала в чем-то нашу знаменитую кинозвезду Любовь Орлову.

Он вышел распорядиться, а когда через некоторое время возвратился обратно, то предложил пройти в его кабинет. Там мы продолжили беседу, а так как время было традиционного у немцев «кофе-тринкен» (кофепития), то кофе, чай и бутерброды оказались кстати. Беседа шла по-русски и я удивлялся, что немка

не забыла наш язык и без акцента правильно говорила.

Она на это нам ответила: — Хотя я немка, но родилась в России, училась в лучших школах и русский мне такой же родной, как и немецкий. Затем она рассказывала о жизни в России до революции, о своей тете народной артистке Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, об Антоне Павловиче Чехове, о том, что она была уже после войны в Москве и т. д. и т. п. Но о своей жизни в гитлеровской Германии не говорила ни слова, а мы, естественно, старались об этом не спрашивать.

Машина была исправлена и ее труппа уехала в Берлин. Через несколько лет, когда я довольно близко сошелся с полковником народной армии ГДР фон Витцлебеном (о его судьбе я уже выше рассказывал), он поведал мне, что встречал Ольгу Чехову в Москве сразу же после войны.

Работая над книгами об обороне и освобождении Крыма (1941–1944 гг.), я старался, кроме подлинных архивных немецких документов, читать книги немецких авторов об этой эпопее. В моих руках оказалась книга Альфреда Фрауенфельда, бывшего начальника военной администрации в период оккупации Крыма. В своей книге он уделяет Ольге Чеховой целую главу. Оказывается, автор до прихода к власти Гитлера был близко знаком с актрисой Ольгой Чеховой. Затем, при Гитлере он стал гауляйтером нацистской партии в Вене, а после возглавил отдел культуры и искусства нацистской партии. Естественно, в эти годы он встречался с учеными, артистами, художниками, и в том числе и с Ольгой Чеховой. Он доказывает, что в ее книгах «Я не скрываю ничего» и «Мои часы идут иначе» она безбожно врет. Ольга Книппер (1897–1980) родилась в Петербурге в семье министра. Она общалась с детьми царя, видела одиозного Распутина. Затем училась у Станиславского, вышла замуж за знаменитого тогда артиста Михаила Чехова, племянника Антона Павловича. В 1920 году уехала в Германию, где началась ее блистательная артистическая карьера. Она играла в 221 фильме. После войны пыталась создать свой театр, основала известную косметическую фабрику. Полковник фон Витцлебен рассказывал мне, что он в мае 1945 года встретил Ольгу Чехову в спецлагере НКВД. Он там оказался раньше, так как сдался в плен добровольно под Кенигсбергом со своими подчиненными и его немедленно переправили в Москву как родственника фельдмаршала. В том лагере Ольга Чехова была несколько дней, а затем исчезла из поля его зрения. В немецкой газете я читал, что ее в Москву перевозили на военном самолете и что она проживала там на конспиративной квартире три месяца. Когда она жила в послевоенной Германии, то одна штутгартская газета поместила

фотомонтаж, где она на одном из снимков была с орденом Ленина. В действительности ее тетя Ольга Книппер-Чехова к 75-летию была награждена Орденом Ленина.

Фрауенфельд в своей книге утверждает, что работники культуры в основном приветствовали приход Гитлера к власти, ибо он установил жесткий порядок в стране. Некоторые из них эмигрировали, тем самым доказывая свое несогласие с политикой нацизма, а остальные начали приспосабливаться и восхвалять «новый порядок» Исключением из этого правила не была и Ольга Чехова, которую он хорошо знал. Ври — да знай меру!

Ольга Чехова пишет, что она имела свое мнение, вела себя независимо в кругу высших партийных функционеров нацистской партии. Он же утверждает, что работники культуры и искусства раболепствовали перед всесильными вождями нацистской Германии. Думаю, что Фрауенфельд прав, ибо резкое изменение курса присуще не только немцам. Стоит посмотреть на нынешних наших «перестройщиков» — разницы почти никакой. Уместно заметить, что еще великий Гете показал в своем «Фаусте», что сделка с дьяволом никогда не проходит даром. И к тому же никогда не окупается.

Вспоминается в связи с этим судьба известного немецкого писателя Ганса Фаллада, который до прихода Гитлера к власти писал новеллы о жизни и борьбе рабочего класса и особенно молодежи в Веймарской республике. Его печатали в изданиях коммунистической партии Германии. У него была большая семья (десять детей), эмигрировать он не мог. После прихода к власти нацистов печатать его книги перестали. Учитывая его тяжелое материальное положение, министерство пропаганды, возглавляемое опытным пропагандистом Геббельсом, решило его использовать в своих целях. Нацисты привлекли его к написанию сценариев для кинофильмов. Конечно, ничего выдающегося он написать в то время не мог, но запятнал свое имя сделкой с дьяволом. Когда же его после победы привлекли к работе в газете «Теглихе руншау», издававшейся на немецком языке, то его недоброжелатели начали печатать статьи в западногерманских газетах о его тесных связях с нацистами и приписывать ему то, что он не делал. Нужно отдать должное, что сотрудники этой газеты не поверили клевете и документально опровергли обвинения. Когда был создан «Культурбунд», то в «Теглихе руншау» было помещено интервью с Фалладой, где он поддержал идею создания этой организации и там были такие слова: «Прежде всего нужно спасать молодежь. Ей нужно дать правильную ориентировку. Она должна извлечь уроки из нашего печального опыта, учиться на наших трагических ошибках. Пусть

нам, старикам, предъявят счет. Мы за все расплатимся, если можно искупим свою вину». Это, на мой взгляд, были верные слова и для нас они актуальны сегодня.

А вот что делалось в Германии в это время предоставим слово нашему разведчику в «Организации Гелена» Хейнцу Фельфе: «В 1953 году произошли события еще сильнее высветившие националистический и воинствующий антикоммунистический характер «Организации Гелена». О резкой активизации подрывной работы против ГДР мы получили полное представление под Новый год. Гелен прислал нам поздравление к которому приложил письмо, где выражал уверенность в успешном решении в наступающем году «проблемы иного рода в рамках наших задач по германскому вопросу». Речь шла ни больше ни меньше как о контрреволюционном путче в ГДР, подготовка к которому шла в это время на всех парах и который был затем спровоцирован 17 июня 1953 года. Доказательством этого служит документ, датированный 29 июля 1952 года, так называемый «Протокол 6600», известный также под кодовым названием «Юнона? Он был целиком сориентирован на послевоенные внешнеполитические и военные планы Вашингтона и полностью опровергает распространявшуюся Геленым легенду о том, будто его организация не принимала участия в подготовке вооруженной агрессии в 1953 году. Напротив, этот военный документ был составлен руководством «ОГ» по договоренности с Бонном, и после его утверждения организация Гелена, тесно взаимодействуя с ЦРУ, проявила наибольшую активность. Для иллюстрации напомню, что в канун 17 июня 1953 года в Западном Берлине находились в высшей степени интересные персоны: Аллен Даллес, шеф ЦРУ; Элеонор Л. Даллес, специальный советник госсекретаря США по вопросам Берлина, генерал Мэтью Б. Риджуэй, командующий 8-й американской армией во время агрессии против Кореи и позорно прославившийся варварскими методами ведения войны (позднее он стал верховным главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе), Отто Ленц, статс-секретарь ведомства Федерального канцлера. А 17 июня туда дополнительно прибыли Якоб Кайзер, министр по общегерманским вопросам, Генрих фон Брентано, тогдашний председатель фракции ХДС-ХСС в бундестаге, а также председатель СДПГ Эрих Олленхауэр. Почему они там собрались, нет нужды объяснять. «Протокол 6600» предусматривал непосредственное участие «ОГ» в подготовке ко «дню ИКС» и особенно подчеркивал ее значение «на той стадии будущей войны», когда «стабилизируются фронты.

С принятием программы «Юнона» все силы организации были

направлены на подготовку будущих провокаций. Особенное внимание уделялось ориентации всех агентов, от курьеров до резидента, на выполнение «специфических задач». Предусматривались дополнительные меры для обеспечения операции «Юнона». Полученный нами «Протокол 2440», в частности, указывал на необходимость достать военное обмундирование и воинские знаки различия находившихся в ГДР военнослужащих Советской Армии, а также личные документы, печати и бланки органов госбезопасности ГДР. С помощью этих средств должны были быть обмундированы и оснащены специальные группы и части, которые провели бы операции, сходные с действиями диверсионной дивизии «Бранденбург», действовавшей на территории СССР в годы Великой Отечественной войны.

Эксперты «ОГ» по ведению психологической войны подготовили специальные циркуляры о тесном сотрудничестве с работниками радиостанций «РИАС», «Голос Америки», «Свободная Европа» и «Свобода», непосредственно отвечающими за шпионаж и подрывную работу. Относительно радиостанции «Свобода» указывалось, что она должна начать свои передачи весной 1953 года.

То, что своевременно стало известно о программе «Юнона», позволило разоблачить политику правительств ФРГ и США и сорвать провокацию в июне 1953 года. Так был поставлен крест на планах развязывания войны. Исход попытки этого контрреволюционного путча известен. Для его главных инициаторов ЦРУ и «ОГ», это было не только сокрушительным поражением, которое им было нанесено за несколько часов, но и потерей агентурой сети по ту сторону Эльбы. Но несмотря на это, в Пуллахе продолжали разрабатывать операции а-ля «Юнона». После июньских событий в «Организации Гелена» усилилась борьба между «умеренными» и «воинствующими», в которой победили, конечно, последние. Я воспользовался этой обстановкой, чтобы форсировать свой перевод в «Центр». И наконец, он состоялся»…

Тогда главкомом Группы советских оккупационных войск и председатель Советской контрольной комиссии в Германи был В. И. Чуйков, а его заместителем А. А. Гречко. Политическим советником — В. С. Семенов. Наши сотрудники к концу 1952 — началу 1953 года в многочисленных беседах с немцами стали наталкиваться на сведения о том, что в ГДР что-то не так, что в среде рабочего класса кем-то умело направляемое растет недовольство политическим курсом Вальтера Ульбрихта и правительства Отто Гротеволя, а поскольку курс этот есть

продолжение политики СССР в отношении ГДР, то и политическим курсом Советского Союза в германском вопросе.

В связи со смертью Сталина была некоторая растерянность среди работников Советской Контрольной Комиссии, среди работников военных комендатур. В последовавших переменах здесь главную роль играл Берия.

Немецкие рабочие возмущались постепенной отменой транспортных льгот, на которых неизменно настаивал Ульбрихт и повышением цен на мармелад. Мармелад тогда составлял основную часть завтрака рабочего. 17 июня 1953 года почти во всех крупных городах ГДР была объявлена всеобщая забастовка. Естественно она тщательно готовилась, но в основном носила мирный характер. На митингах и манифестациях бастующие требовали от президента ГДР Вильгельма Пика сместить Ульбрихта и Гротеволя, назначить новое правительство, которое бы лучше, заботилось о людях. Раздавались призывы не провоцировать оккупационную армию, не допустить вмешательство ее в конфликт между рабочими и правительством.

Особенно бурные события развернулись в Берлине, ибо там действовали провокаторы из Западного Берлина. В Дрездене, Горлице, Магдебурге имели место вооруженные стычки с народной полицией, а затем и с нашей армией. В Дрездене были выпущены из тюрьмы отбывавшие наказание уголовники, многие из которых присоединились к наиболее агрессивной части манифестантов. Рано утром 18 июня в Берлин и другие города вошли наши войска и расположились во всех стратегических пунктах. В Берлине было объявлено осадное положение. Тогда же объявили и комендантский час. Вечером наступила тишина. Через несколько дней все успокоилось. Правительство ГДР пошло на уступки рабочим. Наши войска были возвращены в казармы. Комендантский час был отменен, а в Москве был арестован Берия. Очередная атака Закулисы была отбита.

Первым министром госбезопасности ГДР был тогда Вильгельм Цайссер, он же явился и их создателем. Это был очень подготовленный руководитель, прошедший большую школу разведки. Вот вехи его жизни. Родился в 1893 году в Ротхаузене под Эссеном, закончил народную школу и учительскую семинарию. Участник первой мировой войны, лейтенант. После войны вступил в «Союз Спартака», затем в КПГ. Работал редактором коммунистических газет и в профсоюзах. В 1922 году был делегатом профсоюза горняков на II конгрессе Профинтерна в Москве. В 1924 году окончил специальные военные курсы в Москве. Позднее он руководил подрывной работой среди оккупационных войск в Рурской области. Затем работал по линии

советской военной разведки, был преподавателем в Международной Ленинской школе в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. С 1936 года под псевдонимом генерал Гомес находился в Испании. Был организатором и командиром 13-й Интербригады. В годы второй мировой войны находился в СССР, работая в издательстве литературы на иностранных языках, был редактором радиовещания на Германию, работал преподавателем антифашистских курсов для военнопленных. Это была яркая личность. С ним мне приходилось неоднократно встречаться в Германии. Его супруга в то время, когда я учился на курсах военных переводчиков в Москве, преподавала у нас немецкий язык.

В 1954 году «…за антипартийную и фракционную деятельность, угрожавшую единству и чистоте рядов партии» он был исключен из членов партии. Усердствовали в этом грязном деле партбюрократы под руководством бездушного Вальтера Ульбрихта. Его выступления перед населением ГДР, кстати говоря, вызывали всяческие насмешки и особенно за то, что и к концу своей жизни он говорил с характерным саксонским выговором. В. Ульбрихт, напоминал во многом нашего «незабвенного кукурузника» Никиту Хрущева. Умер Цайссер в 1958 году.

В свое время мне довелось тесно общаться со слушателем курсов фон Витцлебеном. Он рассказывал мне о своей учебе в Военной академии немецкого генерального штаба, о службе в вермахте, а затем об участии в заговоре 20 июля 1944 года против Гитлера. Его дядю фельдмаршала повесили и он тоже был приговорен к смерти, но так как непосредственного участия в исполнении теракта не принимал, о чем твердил на допросах фельдмаршал, да и он сам, ибо был на фронте. Ему повезло, после приговора его спас Гудериан, который за него ходатайствовал. Его направили служить в Кенингсберг. Задачей его было: передовой форт не сдавать и в крайнем случае взорвать форт вместе с гарнизоном. Для этой цели к Витцлебену был приставлен офицер СС. В результате долгих разговоров эсэсовцу тоже не очень-то захотелось добровольно умирать за Фатерланд Гитлера. В итоге он доверительно сказал Витцлебену:

— Война проиграна. Через несколько дней русские возьмут штурмом Кенигсберг. Зачем мам всем погибать? Германия должна жить мирной жизнью. Как спасти наших людей от неминуемой гибели?

И Вицлебен ему ответил, ибо уже хорошо знал настроение этого офицера СС:

— Спастись можно только одним способом: сдаться в плен к русским! Вами получен приказ: меня расстрелять, если я предприму меры для сдачи в плен. Так что решайте этот вопрос сами. Я только точно знаю, что в таком случае русские нас оставят в живых и вас в том числе. Они, наверняка знают, что этим фортом командую я, их отношение будет соответствующее.

У меня есть два человека. Я пошлю их в разведку, они перейдут линию фронта. Оба говорят хорошо по-русски и передадут наш разговор русскому командованию. Сегодня ночью они уйдут.

— Согласен. Нам ничего другого не остается, а умирать еще рано. Мы еще сможем пригодиться новой Германии.

Через день разведчики вернулись и передали, что русские приняли наши условия.

— Форт нами был сдан без боя. При этом не было потерь с обоих сторон. К пленным отнеслись, как добровольно сдавшимся, а меня и офицера СС направили в Москву.

Затем он рассказывал об известной немецкой киноактрисе Ольге Чеховой, с которой был хорошо знаком. И что он знал известного немецкого врача главного хирурга вермахта доктора Зауэрбаха, который жил и учился в России.

Удивительно, как мир тесен. В газете «Правда» от 3 ноября 1993 года была напечатана статья Валентины Проскуриной «Служили два товарища». В ней речь шла о том, что главным хирургом Советской Армии в годы войны был Н. Бурденко, а главным хирургом гитлеровской армии был доктор Зауэрбрух. Мало кто знал, что в довоенные годы это были хорошие добрые друзья.

Рассказ в ней ведется от имени академика В. В. Кованова. Вот ее фрагменты.

«Николая Бурденко и доктора Зауэрбруха связывала многолетняя дружба. В молодости они вместе учились и проходили стажировку в ведущих клиниках Европы. Примерно одинакового возраста, прошли одну и ту же хирургическую школу. Но, при специализации пути их разошлись. Николай 'Бурденко стал первопроходцем в диагностике и лечении черепно-мозговых травм и опухолей мозга в нашей стране. Доктор Зауэрбрух разрабатывал методику хирургических операций органов дыхания. О них говорили в довоенное время: у нас в Европе два столпа, два выдающихся хирурга — Бурденко и Зауэрбрух. Оба они были одержимы хирургией…

Бурденко частенько подсмеивался над изобретательской страстью Зауэрбруха. Тот не обижался, знал, что от острого язычка знаменитого хирурга пострадали многие коллеги. Одна

шутка особенно осталась в памяти. Однажды Бурденко нагрянул в институт ночью. С ходу ворвавшись в свой кабинет, он оторопел: на его белоснежном диване, не раздеваясь, спал ординатор из Оренбургской области, пожилой сельский врач, а на столе, под лампой, прямо на диссертации его ученика Соломона Фрейберга «О гемофилии», были разложены для просушки его портянки. Узнав, что ординатору негде жить, он на другой день в Моссовете добыл для него временное жилье.

А вот над Фрейбергом не упустил случая пошутить, зная, что от диссертации на эту тему толку мало, гемофилия — болезнь неизлечимая. На общем факультетском собрании, рассказав об этом случае, Бурденко как бы мимоходом заметил: «Не знаю, какова будет отдача от диссертации Фрейберга, но что портянки на ней можно сушить — уже доказано». Все смеялись, диссертант же громче всех.

На этом же диване частенько ночевал и немец Зауэрбрух. Они оба с Бурденко словно предчувствовали, что придется заниматься военно-полевой хирургией. Оба начала пристально изучать труды великого Пирогова, оба затем успешно применили основные принципы организации военно-полевой хирургии… Но в то время они еще не знали, что их навсегда разлучит война, поставив по разные стороны фронта. Однако в конце тридцатых годов между ними уже пробежала волна холода.

Вскоре каждый из них получил свое назначение: Бурденко стал главным хирургом Красной Армии, Зауэрбрух — гитлеровской. Дружбе двух выдающихся хирургов пришел конец. Но я даже и предположить не мог, что когда-нибудь эта история получит свое продолжение. Но чего не бывает в жизни, а в годы войны — особенно. Бурденко никогда больше не суждено было встретить своего бывшего друга, а мне — пришлось. Берлин, май 1945-го. Повержен рейхстаг. Мы с группой медиков ждем, когда из подвалов выведут гитлеровскую медицинскую службу. И вот тогда я увидел Зауэрбруха. Он обреченно шел в толпе, вдруг поднял голову, обвел всех мутным взглядом, мы встретились глазами, но в них не промелькнуло никакой искры — он меня не узнал. Вернувшись в Москву, я рассказал Николаю Ниловичу об этой встрече. Он долго молчал, потом вымолвил: — Какой талантище пропал. Мог бы служить всему человечеству, а служил Гитлеру. Вскоре мне предстояла поездка в Берлин. Бурденко попросил меня зайти к нему. С некоторым смущением он протянул сверток.

— Найди Зауэрбруха. Он, наверное, голодает. Передай ему. Тут ветчина, консервы из моего пайка. Я обещал выполнить его просьбу. Так судьба еще раз свела меня с Зауэрбрухом. Он не был

замешан в преступных опытах гитлеровских эскулапов, к ответственности его не привлекали. В послевоенном разрушенном Берлине была острая нужда в медиках, и ему доверили руководить хирургической больницей. Зауэрбрух и в такой обстановке проявил свои организаторские способности. Сейчас много говорят о методе Святослава Федорова, а ведь именно Зауэрбрух успешно применил такой метод еще в те времена. Больных в его клинике оперировала бригада врачей — каждый выполнял свою часть. Так еще никто в мире не оперировал.

Мы встретились, Я напомнил ему о нашем знакомстве, о Москве, о Бурденко. Взгляд его оживился:

— Неужели он вспомнил о нашей дружбе?..

Я молча передал Зауэрбруху сверток. Он отвернулся и… заплакал. Потом дрожащими руками достал из шкафа шприц и прямо через брюки ввел себе морфий. Мне нечего было сказать. Мы попрощались. И больше никогда я его не видел. О последнем эпизоде я ничего не сказал Николаю Ниловичу. Язык не повернулся…

На этом Владимир Васильевич Кованов закончил свой рассказ. А мне подумалось: кто же нанизывает цепочку нашей судьбы? Бог? Время? Или мы сами? Где та грань, за которой мы не властны распорядиться своей жизнью, и плывем туда, куда несет нас бурный поток событий? И не свернуть, не выплыть на спасительный берег, как бы ты ни барахтался, ни рвался среди жестоких и холодных волн судьбы.

Мог ли Зауэрбрух изменить обстоятельства? Наверное, да. Этот умный и проницательный человек должен был видеть, в какую пропасть ведет Гитлер немецкий народ. На худой конец он мог бы эмигрировать и свой блестящий талант отдать развитию мировой медицины. Не сделал этого.

И все-таки мне не верилось, что такой выдающийся человек, как Зауэрбрух, мог безоговорочно смириться со своей ролью в гитлеровском рейхе. Решила поискать какие-либо сведения в исторической литературе. И вот удача. Известный военный историк ГДР фон Витцлебен в свое время установил, что доктор Зауэрбрух был связан с участниками заговора против Гитлера, выступившими 20 июля 1944 года. В случае успеха заговора Зауэрбрух должен был по радио сообщить немецкому народу о находке врачей антифашистов, которые обнаружили историю болезни Гитлера, лечившегося во время первой мировой войны не от ранения, которым он так гордился, а от сифилиса, что, вероятно, сказалось на его психике. Заговор провалился. Зауэрбрух остался на своем посту. О его участии гестапо не

подозревало.

Служили два товарища… Один — своему народу, светлому делу, ясной цели; другой, хотя и вынужденно, — бесчеловечному тарану и его преступным устремлениям. А что в финале? Бурденко оставил после себя добрую память. Он был организатором Академии медицинских наук, его именем названы нейрохирургический институт АМН, улица в Москве, госпиталь, больница на его родине — в Пензе. Имя Зауэрбруха чаще всего историки вспоминают в связи с Гитлером. К сожалению, мало кто знает о его участии в заговоре против фюрера. Силой обстоятельств он был вынужден до конца служить преступному режиму.

Впрочем, кое-кто может сказать: кому теперь интересно, как блестящий ученый-медик с мировым именем стал наркоманом? Дела давно минувших дней. Но я бы не спешила предавать забвению эту печальную историю. Разве сейчас перед каждым талантливым человеком, в какой бы стране он ни жил, не стоит извечный вопрос: кому ты служишь? Народу или господарю, который попирает этот народ? Будут ли дети гордиться твоим именем или стыдиться его? На что потратил свой талант: на добро или зло? И никуда не убежать, не деться от этих проклятых вопросов»…

Хотелось бы затронуть и еще одну тему. Она также поможет нам прояснить важный вопрос сталинской жизни и смерти. Речь пойдет о Василии Сталине, младшем сыне вождя. С ним я виделся в Берлине в 1946 году.

Военно-воздушный отдел занимал в то время целый квартал коттеджей, где удобно размещались службы и жили семьи офицеров. Однажды я шел с одним старшим лейтенантом, бывшим летчиком-истребителем. В начале войны он был тяжело ранен в воздушном бою в обе ноги. Фактически он почти всю войну лечился в госпиталях. К летной работе по возвращению в строй его больше не допустили и теперь он служил диспетчером в службе военных перевозок при нашем отделе. Штаб Советской военной администрации имел в своем распоряжении самолеты «Ли-2», которые совершали полеты в СССР и обратно, и «По-2», которые перевозили начальство по территории нашей зоны. Кроме того, отдел авиаперевозок имел связь со штабом 16-й воздушной армии, который размещался в городе Вердере. Он же поддерживал прямую оперативную связь с международным центром воздушной безопасности в Берлине, который размещался в здании Контрольного Совета в американском секторе. Такая четко налаженная служба была жизненно необходимой, так как воздушное движение было довольно интенсивным: в Берлин по

трем воздушным коридорам на определенных высотах летали самолеты союзников, и были случаи их столкновения с трагическим исходом. Мы, разговаривая, шли к дому, где размещался штаб отдела. Перед штабом на тротуаре стояли генерал Куцевалов и неизвестный мне молодой авиационный генерал. Вдруг старший лейтенант негромко сказал:

— Вася Сталин пожаловал к нам в гости. Подойдя к генералам, мы отдали им честь. Я постарался быстрее пройти мимо, а мой попутчик остановился возле них и уставился на Сталина. Тот повернулся, поздоровался за руку, о чем-то его спросил, выслушал ответ, а затем продолжил разговор с Куцеваловым. Когда старший лейтенант подошел ко мне, я его спросил:

— Откуда ты знаешь генерала Сталина? — А, долго рассказывать. Вместе учились в летном. Я был командиром отделения, в котором Вася был курсантом. Так я увидел того таинственного Василия Сталина, с которым мне пришлось однажды говорить по телефону ВЧ.

Однажды я был дежурным по Военно-воздушному отделу. Утром раздался звонок из Москвы. Я ответил, что дежурный по отделу слушает.

— Где Куцевалов? — спросил кто-то требовательно и резко.

— Генерал еще не прибыл на работу. Начало в девять ноль-ноль, а сейчас у нас только семь ноль ноль.

— Передайте Куцевалову, пусть он мне позвонит через час — А кто говорит? — Сталин!

И положил трубку. Я тут же позвонил генералу Куцевалову на квартиру. Тот взял трубку. Я ему доложил о звонке Сталина. Генерал выслушал меня и недовольно буркнул:

— Хорошо, приду. Мне, конечно, и в голову не пришло, что звонил не Иосиф Виссарионович, и я сильно удивился, что генерал как-то пренебрежительно отнесся к такому звонку, как будто он ежедневно общается с самим генералиссимусом. Я искренне переживал за него и за себя: с минуты на минуту мог последовать звонок из Москвы, а генерала все не было. И уж совсем удивился, выглянув в окно: Куцевалов шел к штабу медленно! А потом остановился и стал беседовать с одним из офицеров отдела! Тут на мое счастье в «предбанник» зашел полковник из нашего отдела. Я ему говорю: так, мол, и так, а тот мне с усмешкой отвечает:

— Федот, да не тот… Это же Вася Сталин. А, да вы же не знаете, что он командует авиадивизией здесь, в Германии, а сейчас в Москве и оттуда звонит нашему генералу. Значит, ему что-то нужно. Тут вошел генерал и я с облегчением доложил ему

по всей форме о том, как идет дежурство. Куцевалов молча прошел в свой кабинет. И вот теперь я видел сына Сталина наяву. О его же бесшабашной и трагической судьбе узнал много позже.

Но вернемся к самому Иосифу Сталину.

— Да, утверждают враги России, Сталин был восточный деспот. Он беспощадно расправлялся со своими политическими противниками. Карал всех без исключения, кто наносил вред государству, злоупотреблял властью, проявлял, мягко говоря, нескромность. Но без этого он не мог бы превратить партию в орудие своей неограниченной власти, в орден меченосцев. Он же сдерживал перерождение аппарата, превращение его в оторванную от народа касту, использующую общественную собственность в своих корыстных интересах. В то время, в основном, жажда обогащения, эгоизм, культ собственности были устранены из идеологии общественной жизни и экономики. Вместо них утверждались коллективизм, бескорыстие, пренебрежение погоней за материальными благами, отношение к труду как духовной потребности человека. Получалось, что поколение 30-х годов в общем и целом исповедовало систему ценностей почти идеального человека, которую в течение столетий вырабатывали лучшие представители человеческого рода… В этой системе доминировали высшие моральные и духовные ценности. О нашей цивилизации в те годы говорил Бернард Шоу: «Если этот эксперимент в области общественного устройства не удастся, тогда цивилизация потерпит крах, как потерпели крах многие цивилизации, предшествовавшие нашей».

После смерти Сталина перерождение партийного и государственного аппарата уже ничем не сдерживалось. В партию устремилось много людей ради карьеры. Из истории известно, что партия, которая ограничивает в своих рядах свободу выражения мнений, неизбежно перерождается. Из под критики выводилась верхушка партии. Была только критика сверху. Создавалась система материальных привилегий и все это скрывалось от народа, а это порождало цинизм, рвачество, стремление жить на нетрудовые доходы и т. п.

Сказалась на этом и длительная потрясающая воображение война с десятками миллионов жертв лучших людей, павших за. Родину. Лев Толстой в своем романе «Война и мир» подчеркивал, что «любая война оглупляет общество, так как уносит наиболее высокоморальных представителей.

В Великой Отечественной войне была всеобщая воинская повинность, но сколько было лазеек, с помощью которых наиболее прохиндеистые получали бронь, а если и призывались, то устраивались где-нибудь в обозе, при штабе, в резерве и так

далее, но только бы быть не на войне, а при войне. Они даже умудрялись получать какие-то ордена и медали. А в это время, обладающие более высокой нравственностью уходили на фронт добровольцами. Они первыми поднимались в атаку, первыми шли на таран и первыми гибли, прокладывая путь второму эшелону. Израненные, искалеченные, едва живые бойцы первых эшелонов, чудом оставшиеся в живых (один из тысячи) после войны презрительно называли повыползавшие из щелей ватаги краснощеких снабженцев-обозников и денщиков вояками из «седьмого ташкентского». Их было тогда гораздо больше фронтовиков, а теперь и подавно. Таким, видно, был и писатель-перевертыш Виктор Астафьев, который из своего маленького окопчика (был ли он в нем?) судит ныне о войне, как фельдмаршал. Больше того, считая себя фронтовиком, он постоянно оскорбляет тех, кто сражался с врагом, топчет память о погибших в боях за Родину. Ну, до Бог ему судья. Так вот, эти бойцы с «ташкентского фронта» вскоре после войны уселись в руководящие кресла, как участники войны с орденами на плоской груди, а потом и отпрыскам, себе подобным, помогли получить престижное образование и пристроили их на теплые места. Вот почему морально-нравственный уровень нашего общества, особенно верхний его слой, стал снижаться и приобрел в конце концов обвальный характер. Вот почему сейчас значительная часть нашего общества заботится только о личной наживе и поглощена элементарными жизненными инстинктами. Теперь в школах ученикам практически не объясняют, что такое патриотизм, порядочность, ответственность, долг.

Особенно в этом преуспевали и преуспевают сейчас сионисты. На фронтах им мешала потомственная еврейская «скромность» и к тому же тряслись поджилки. Но до сего времени они обвиняют миллионы павших, за то, что те не защитили всех их погибших близких от истребления нацистами. Они заботятся о представителях своего племени, другие же народы для них не в счет.

Парадокс истории Великой Отечественной войны заключается в том, что в процентном отношении к населению страны, евреи в период войны занимали первое место среди Героев Советского Союза. Как это делалось сегодня многим стало известно, хотя я лично утверждаю, что и среди евреев были настоящие герои!

Если государственный деятель выступает за дружбу между народами против корыстолюбия, зависти, собственнических устремлений, то он сможет влиять на поведение людей. Ведь нельзя достигнуть прекрасной цели низкими средствами.

Принуждение порождает лицемерие, а лицемерие порождает неверие, а неверие приводит к загниванию общества. Ведь в каждом обществе существует и постоянно действует огромная, серая, готовая на все армия приспособленцев.

Слабостью нашей пропаганды, считаю нужным еще раз это повторить, всегда было нежелание говорить правду. Мы были сильны, но и сами ослабляли себя утайками, неправдой, лакировкой действительности, а поэтому появлялась рабская привычка: ссылаться на кого-то.

В этих условиях действовал и так называемый «верный ленинец» Н. С. Хрущев, хотя он по свидетельству его давнего опекуна Л. М. Кагановича был в действительности троцкистом, а затем ловко маскируясь восхвалял Сталина, принимал самое активное участие в репрессиях против настоящих коммунистов. Получалось, что он изменив делу Ленина, тем не менее беспрестанно клялся его именем и называл себя его учеником. Он все время твердил, что человек — это ценнейший капитал. В действительности же высказывал презрение и ненависть к людям, забыв о своем долге — проявлять заботу о человеке. Он обладал талантом сделать любую ересь, любой бред очень логичным внешне и умел подкреплять всякую чушь такой складной, разработанной помощниками фразеологией, что она эта чушь, казалась для простых людей необыкновенно научной и чрезвычайно нужной. Хрущев объявил, что целью партии становится курс на повышение материального благополучия, а не высшего духовного служения, как это было до него.

Необходимо отметить прозорливость Сталина. Еще в 1917 году перед Октябрем, он выступая с отчетным докладом на VI съезде РСДРП (б), Ленин в это время скрывался вместе с Зиновьевым в Разливе от суда Временного правительства по обвинению в шпионаже в пользу Германии, отверг идею, разделявшуюся Лениным и «старой гвардией» о том, что путь к социализму невозможен без победы мировой пролетарской революции. Спустя несколько лет, в середине двадцатых годов, это разноречие превратилось в ожесточенную борьбу между троцкистами с их «перманентной революцией» и их отношением к России как к материалу для мировой революции и Сталиным, с его убежденностью в возможность построить социализм в «одной, отдельно взятой стране», с государственностью, независимой от мировой революции, от мировых капиталистических стран.

Хрущев обвинил Сталина в репрессиях против военных кадров. А ведь он сам приложил руку к этому. Тогда он был первым секретарем ЦК компартии Украины и членом Военного Совета Киевского военного округа. В марте 1938 года вышло

«Постановление Военного Совета Киевского военного округа о состоянии кадров», подписанное Тимошенко и Хрущевым. В нем была поставлена задача как главная — «до конца выкорчевать остатки враждебных элементов». При этом сообщалось, что в результате чистки на 25 марта 1938 года коренным образом обновлен руководящий состав округа: заменены все девять, числившихся по штату, командиров корпусов. Из двадцати пяти командиров дивизии остался на прежней работе только один. Из девяти командиров бригад заменено пять. Из ста тридцати пяти командиров полков — заменены восемьдесят семь и т. д. Что собой представляла «замена» нынче хорошо известно. Обновленные кадры, по словам Хрущева, «крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя народов товарища Сталина и обеспечивают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи частей РККА».

В 1953 году, будучи Председателем Совета Министров СССР, Маленков серьезно изменил налоговую политику. Денежный налог был снижен вдвое. В июле 1953 года он подготовил свой проект программного выступления на очередном пленуме ЦК, но Президиум отверг его, поручив выступить не Маленкову, а Хрущеву. Маленков был, по сегодняшним определениям, типичным технократом. Известно его стремление к развитию легкой промышленности, повышению уровня жизни населения, технического оснащения индустрии. В сфере сельского хозяйства у него был давний конфликт с Хрущевым. В 1951 году он руководил комиссией Политбюро, которая разбирала выдвинутый Хрущевым проект строительства агрогородков. Комиссия признала проект несвоевременным. В вопросах внешней политики он сделал характерное заявление о гибельности мировой ядерной войны для всей земной цивилизации. Именно это заявление Хрущев использовал, чтобы обвинить Маленкова в «пораженчестве» и «оппортунизме». Маленков стоял у истоков переговоров с Бонном о нормализации советско-западногерманских отношений.

Что касается оппортунизма, в котором был обвинен Маленков, то следовало бы самому Хрущеву знать, что это такое. Характерно определение оппортунизма по Энгельсу: «Забвение великих, коренных преобразований из-за минутных интересов дня, погоня за минутным успехом и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, принесение будущего движения в жертву настоящему». Думается, что Маленков своими действиями, как раз был устремлен к будущему.

Борьба за власть продолжалась. Хрущев собирал силы и союзников, пока в сентябре 1954 года не почувствовал, что в

состоянии провести фактически переворот. Отдыхая в Крыму, он договорился с посещавшим его Булганиным, Микояном, Козловым, Фурцевой и Полянским о смещении Маленкова с поста Председателя Совета Министров. Уже с ноября все документы Совмина оформлялись от имени будущего преемника Маленкова — его заместителя Булганина. В том же году Маленкова отстранили от председательствования на Президиуме ЦК, а на февральской 1955 года сессии Верховного Совета его назначили министром электростанций…

Предоставим снова слово нашему разведчику в «Организации Гелена» Хайнцу Фельфе: «…Завершив свои текущие дела, я 1 октября 1953 года отправился в Пуллах, где должен был преступить к своим новым обязанностям. Я попал в отдел с кодовым наименованием «40»: шпионаж против Востока. Вскоре я уже знал, что в «центре» представлены две группы сотрудников: одни прежде работали у Канариса, другие — у Гелена. Последние были заняты главным образом в секторе «оценки», в то время как первые по большей части занимались «получением» и «хранением» разведданных. Структура «центра» была достаточно простой, все отделы имели свои номера. Гелен скрывался под номером «50». Цифра «40» означала сферу влияния бывшего 3-го управления абвера, т. е. военную разведку, «60»-й отдел — «ведения психологической войны», находившейся вне пределов Пуллаха, поэтому о нем мало кто знал. В те времена моя информация проделывала сложный бумажный путь «по инстанциям», а не передавалась непосредственно тому или иному сотруднику «центра». Для меня это было удобно потому, что имея доступ к документам, я мог быть в курсе всего происходящего. Так я узнал, что шпионская служба ФРГ тратит много средств и усилий на создание агентурной сети в Австрии. Что американскую и английскую разведки особо интересовали австрийские власти и партии. Американцы, англичане и французы вели слежку за представителями всех прогрессивных сил, и в первую очередь за коммунистами. Использовались любые возможности для получения информации, особенно о Советском Союзе…

Система финансирования «организации Гелена» показывала, насколько она подчиняется интересам американцев. Стартовый капитал «ОГ», когда она начинала служить Соединенным Штатам, составлял два с половиной миллиона долларов, но вскоре годовой бюджет был увеличен. Всего американцы вложили в организацию около 200 миллионов долларов.

И по стилю и методам работы «ОГ» напоминала ЦРУ. Этот факт не отрицается ни ее сотрудниками, ни политиками, ни

историками, занимавшимися впоследствии историей ее возникновения. Организация, возникшая его заместителя Булганина. В том же году Маленкова отстранили от председательствования на Президиуме ЦК, а на февральской 1955 года сессии Верховного Совета его назначили министром электростанций…

Предоставим снова слово нашему разведчику в «Организации Гелена» Хайнцу Фельфе: «…Завершив свои текущие дела, я 1 октября 1953 года отправился в Пуллах, где должен был преступить к своим новым обязанностям. Я попал в отдел с кодовым наименованием «40»: шпионаж против Востока. Вскоре я уже знал, что в «центре» представлены две группы сотрудников: одни прежде работали у Канариса, другие — у Гелена. Последние были заняты главным образом в секторе «оценки», в то время как первые по большей части занимались «получением» и «хранением» разведданных. Структура «центра» была достаточно простой, все отделы имели свои номера. Гелен скрывался под номером «50». Цифра «40» означала сферу влияния бывшего 3-го управления абвера, т. е. военную разведку, «60»-й отдел — «ведения психологической войны», находившейся вне пределов Пуллаха, поэтому о нем мало кто знал. В те времена моя информация проделывала сложный бумажный путь «по инстанциям», а не передавалась непосредственно тому или иному сотруднику «центра». Для меня это было удобно потому, что имея доступ к документам, я мог быть в курсе всего происходящего. Так я узнал, что шпионская служба ФРГ тратит много средств и усилий на создание агентурной сети в Австрии. Что американскую и английскую разведки особо интересовали австрийские власти и партии. Американцы, англичане и французы вели слежку за представителями всех прогрессивных сил, и в первую очередь за коммунистами. Использовались любые возможности для получения информации, особенно о Советском Союзе…

Система финансирования «организации Гелена» показывала, насколько она подчиняется интересам американцев. Стартовый капитал «ОГ», когда она начинала служить Соединенным Штатам, составлял два с половиной миллиона долларов, но вскоре годовой бюджет был увеличен. Всего американцы вложили в организацию около 200 миллионов долларов.

И по стилю и методам работы «ОГ» напоминала ЦРУ. Этот факт не отрицается ни ее сотрудниками, ни политиками, ни историками, занимавшимися впоследствии историей ее возникновения. Организация, возникшая как «перевалочный пункт» американской послевоенной политики, к этому времени

уже как бы «изготовилась к прыжку», чтобы поддержать средствами разведки западногерманские амбиции на завоевание командных высот в Западной Европе. Политические беседы между канцлером Аденауэром, с его статс-секретарем Гансом Глобке и генералом Геленом посвящались именно этому направлению в деятельности организации. Но важнейшей задачей в те годы оставался шпионаж против стран, входящих в «сферу влияния» Советского Союза.

Я проводил операции против Советского Союза и некоторых других социалистических стран. С течением времени — ввиду предстоящей легализации организации, но в особенности из-за установления дипломатических отношений между ФРГ и Советским Союзом — этот отдел постоянно пополнялся новыми сотрудниками и получал все больше средств. В середине пятидесятых годов я получил чин «регирунгсрата» и возглавил отдел по работе против Советского Союза и советских миссий в Федеративной республике.

В период между 1950 и 1956 годами одной из главных проблем было воссоединение Германии. Неоднократные инициативы о проведении переговоров, исходившие от Востока, блокировались Аденауэром, заявившим о «праве» федерального правительства единолично представлять всех немцев…

В то время я придерживался мнения, что Германия, развязавшая две мировые войны, поступила бы правильно, отказавшись от притязаний на первые роли в международной политике заняла бы позицию полного нейтралитета… Тогда мне еще не было известно, что Аденауэр заключил с верховными комиссарами США, Великобритании и Франции письменное соглашение о том, что мирное объединение западных зон с восточной будет блокировано в любом случае. Этим и объясняется, почему политическое развитие пошло по известному теперь всем направлению. По личному поручению Гелена я в те годы проводил в самом широком объеме операции по подслушиванию телефонных разговоров. Конкретно: мы «прицепились» почти к тридцати аппаратам советского посольства в Бонне и советского торгового представительства в Кельне. То же относится и к телетайпам. А число «клопов», поставленных в квартиры сотрудников советских учреждений, было столь велико, что точного числа и не вспомнить… Гелен всюду имел своих собственных агентов. Так, он завербовал секретаршу Глобке, к которому еженедельно являлся с докладом о проделанной работе. Получив информацию от секретарши, он всегда был во всеоружии, и ничто не могло застать его врасплох»…

23 октября 1953 года произошли события в Будапеште. Повсюду проходили студенческие митинги. Толпы бесчинствующих снесли памятник Сталину. К вечеру пролилась первая кровь: студенты пришли к дому радио, который располагался у Национального музея и потребовали зачитать свое обращение. Получив отказ, они начали автомашиной проламывать дверь и в схватке с охранниками понесли первые потери. Раненых вытаскивали на улицу. По Будапешту пронеслась весть, что работники венгерских сил безопасности убивают венгров. Но это были слухи. Впоследствии работники венгерских КГБ действительно получили приказ стрелять на поражение. Слухи сделали свое дело. К утру в городе погибло уже пятьдесят работников госбезопасности. Среди погибших их было значительно больше, чем восставших.

Мятеж разрастался. К восставшим стали присоединяться вооруженные солдаты и офицеры.

На рассвете 24 октября советские войска вошли в Будапешт. В то время в Венгрии находился наш Особый корпус. Корпус был сформирован после того, как ликвидировали нашу группу войск в Австрии и встал вопрос об обеспечении венгерского участка коллективной обороны. Корпус подчинялся непосредственно Министерству Обороны в Москве, а поэтому он и стал называться «особым». Входили в него две механизированные и две авиационные дивизии. Корпус имел задачу: в случае нападения войск НАТО оказать помощь венгерской армии.

В октябре 1956 года венгерская общественность и особенно молодежь были взбудоражены событиями в Польше, где после расстрела летом демонстрации в Гданске не прекращались забастовки. Венгерская молодежь не ставила перед собой целей ниспровержения социалистического строя. Речь шла о его улучшении, обретении подлинной национальной независимости, чему по их мнению мешало пребывание на венгерской земле советских войск. Несмотря на то, что здание радио было захвачено восставшими, передать в эфир свои требования демонстранты не смогли, ибо были отключены механизмы прямого эфира. Посол СССР в Венгрии Ю. В. Андропов передал военным просьбу венгерского правительства ввести в Будапешт часть войск Особого корпуса для «поддержания порядка». Командир корпуса Лащенко переадресовал посла в Москву. Такой приказ из Москвы был получен и войска корпуса двинулись на Будапешт. Наши солдаты воспитывались в духе дружбы советского и венгерского народов и вдруг им предстояло вмешиваться в его внутренние дела, выполнять по существу полицейские функции. Техника мехдивизий была предназначена

для действий в полевых условиях. Достаточно было бутылки с горючей жидкостью, чтобы нанести большой урон экипажу бронетранспортеров. И эти бутылки появились. Горела техника, гибли, превращаясь в живые факелы, люди… Стреляли главным образом с коротких дистанций, из-за угла, били по солдатам, совершенно не ожидавшим нападения, нередко террористы, среди которых было немало уголовников, пользуясь дружелюбием и доверчивостью наших солдат, отбирали у них оружие, убивали ножами. Танкам замазывали глиной смотровые щели, поливали бензином мотор и поджигали.

Восставшие требовали убрать Ракоши и его ставленников, провести социалистическую демократизацию, реабилитировать невинно пострадавших, вернуть к власти Имре Надя, пересмотреть отношения с Советским Союзом.

Кто такие Матьяш Ракоши и Имре Надь? Ракоши — «революционер», еврей по национальности. Провел многие годы в тюрьме за свою деятельность. В 1940 году Советский Союз возвратил в Венгрии боевые знамена полков Кошута руководителя венгерской революции 1848–1849 годов, захваченные еще в первую мировую войну русской армией. Эти знамена были возвращены в Венгрию, где правил тогда адмирал Хорти в обмен на Ракоши. Тот должен был заменить в Коминтерне руководство венгерской компартии, до него там был Бела Кун, казненный по приказу Сталина за тесные связи с Зиновьевым и вражескую деятельность против нашей страны. При этом Сталин не мог не. знать о зверском истреблении Бела Куном белых офицеров, добровольно сдавшихся советским войскам в Крыму в 1920 году. Палач Бела Кун получил по заслугам пулю в затылок!

Имре Надь в годы первой мировой войны оказался в русском плену. После революции принимает активное участие в событиях, происходивших в нашей стране, вступает в ВКП(б), служит в Красной гвардии на байкальском фронте, потом переходит на службу в ВЧК. В 1930 году Надя, тогда уже кадрового работника Коминтерна, вербуют в осведомители. Дают кличку «Володя». По документам, которые были переданы тогдашним шефом КГБ Владимиром Крючковым в 1989 году в ЦК венгерской социалистической партии, было подсчитано: по доносам «Володи» было расстреляно 13 человек. Надь хорошо вписался в московскую группу ракошистов и после освобождения Венгрии Красной армией занимает высокие посты в руководстве.

Это было время бурных строек, коллективизации, резкого падения жизненного уровня венгерского народа, карточек и сурового выкорчевывания «врагов народа».

В это же время Янош Кадар, который всю войну работал против Хорти в подполье, занимает должность начальника будапешской полиции, а затем становится министром внутренних дел Венгрии. Но события в Югославии, конфликт с Тито создают напряженность и в Венгрии. Там проходит процесс Ласло Райка. Кадара снимают с должности министра. Надь ставит подпись под предложением об аресте Яноша Кадара. В застенках его истязают, допрашивают о «преступных» связях с Райком.

Ракошисты — все свои ребята, сплоченный кагал. Ближайшие и дальние родственники Ракоши захватывают в Венгрии важнейшие государственные посты. Одной из главных причин восстания 1956 года было в недовольстве венгров тем, что во главе страны встали евреи, мстившие им за прошлые беды, тем более, что в стране еще совсем недавно действовала хорошо организованная партия фашистов Салаши, где национализм определял всю ее политику. В 1953 году Надь стал премьером. Это произошло при помощи Берия. Его поддержал также Маленков. Новый премьер объявил программу снижения налогов, темпов индустриализации, повышения на пятнадцать процентов зарплаты. Но не стало Берия и ракошисты объявляют Надя «правым ревизионистом» и исключают его из партии.

Еврейский кагал вновь берет верх. Надь лишается всех благ. Народ его жалеет. Еще летом 1956 года в Будапешт прилетал Микоян. В преддверии восстания он «снял Ракоши» с должности и отправил его в Москву. Но ракошисты-сионнсты так и остались у власти. Не вернул Микоян и Надя.

В ночь с 23 на 24 октября Надь по требования масс вновь становится премьером. В Будапешт прилетели Микоян и Суслов и 24 октября Надь ведет с ними переговоры. Сейчас опубликованы протоколы хрущевского Президиума ЦК КПСС о тех горячих днях. Микоян и Суслов соглашаются на вывод наших войск, верят Надю, что ему удастся построить в Венгрии «демократический социализм» и контрреволюция не пройдет.

И они оба считают, что это мол «национально-демократическое движение». Ворошилов, поддержавший введение войск, осудил на Президиуме действия делегации: «Американская разведка работает лучше, чем товарищи Суслов и Микоян, — заявил он. — Зря мы их туда посылали…Маршал Жуков возразил:

— Надо поддержать нынешнее правительство (то есть Надя). И тут не заявляет, что венгерские события служат политическим и военным уроком для советских властей.

Каганович и Маленков шарахаются на Президиуме из стороны в сторону. Хрущев считает, что нужно вновь ввести наши войска, ибо под угрозой Варшавский договор. Когда

правительство Имре Надя объявило события «народным движением», нахождение наших войск в Будапеште стало ненужным, хотя мы и понесли потери в людях и технике. Для венгерских защитников существовавшей власти это стало трагедией, хотя они честно выполняли свой долг. 30 октября экстремисты разгромили горком партии в Будапеште, расстреляв без суда и следствия его защитников. В тот же день Микоян и Суслов шлют из Будапешта телеграмму в ЦК КПСС, где сообщают, что ситуация ухудшается и просят Конева немедленно прибыть в Венгрию.

Янош Кадар создает «новую» партию ВСРП, но и одновременно поддерживает Надя: нейтралитет, рабочие советы, многопартийность. 1 ноября Надь, узнав о новом продвижении советских войск, заявил о выходе Венгрии из Варшавского договора. В тот же день на острове Брион в Югославии Хрущев соглашается с Тито, что во главе Венгрии должен стать Янош Кадар.

В своих воспоминаниях командир Особого корпуса генерал армии П. Н. Лащенко вспоминает, что 2 ноября 1956 года главнокомандующий Объединенными силами Варшавского договора маршал И. С. Конев вызвал его в г. Сольнок и поставил боевую задачу: «ликвидировать контрреволюционный мятеж в Будапеште». Официально считается, что бои велись семь дней. Всего в то время в Венгрии погибло 720 советских солдат и офицеров, 4 тысячи венгров. Новое правительство Венгрии фактически возглавил Янош Кадар, хотя он считался первым секретарем ЦК ВСРП. Он спросил у Хрущева: «Что делать с Имре Надем?», «Да что хотите! Это ваши заботы.» — ответил тот. Суд вынес Нмре Надю смертный приговор. На казни его присутствовал Янош Кадар. Так закончил свой путь «Володя», который вечно вихлял, предавал, приспосабливался, обуреваемый жаждой власти.

В это же время в мире сохранялась напряженность, особенно на Ближнем Востоке. 26 июля 1956 года весь мир узнал о том, что Египет национализировал компанию Суэцкого канала, чему противились Англия и Франция и они начали оказывать на Египет экономическое, политическое и военное давление. В то время министром иностранных дел СССР был Д. Т. Шипилов. Он вызвал к себе послов Англии и Франции и заявил следующее: «Суэцкий канал — не английский и не французский. Он построен на костях египтян. Они и являются истинными владельцами канала, хотя пользуется им весь мир, корабли всех стран. Вы что, хотите дело довести до войны?»

Но Англия, Франция и Израиль все же начали военные

действия против Египта, высадив свои войска в зоне Суэцкого канала. СССР обратился в Совет безопасности ООН с призывом принять резолюцию о прекращении военных действий в течении двенадцати часов и вывода в трехдневный срок с территории Египта войск интервентов. СССР предлагал оказать вооруженную и другую помощь Египту, если агрессоры не выполнят в указанный срок требования Совета безопасности. Когда же агрессоры пытались затянуть вывод войск из зоны Суэцкого канала, то из Москвы прозвучало заявление, что «соответствующие органы Советского Союза не будут препятствовать выезду советских граждан добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за его независимость». Войска интервентов вынуждены были уйти и тройственная агрессия Запада провалилась…

Я уже говорил, что в десятитомной энциклопедии Испании «Сопена» указана настоящая фамилия «великого реформатора» Хрущева. Там он назван Никитой Соломоном Перлмуттером. Патентованный двурушник и троцкист, он всегда был таким. Кроме этого, он оказался к тому же еще круглым невеждой и совершенно неграмотным человеком. Даже его сын Сергей пишет в своих воспоминаниях, что не обнаружил ни одного письма или документа, написанного рукой отца, но в документах ЦК сохранилась шифровка одного посла, на которой, «кукурузник» нацарапал резолюцию: «Азнакомица». В этом одном слове он ухитрился сделать четыре ошибки. Хрущев, считая себя крупным специалистом в области сельского хозяйства, фактически занимался его развалом. Вспомните его решение об уничтожении десятков тысяч МТС. Заставив их продать колхозам и совхозам, он, в буквальном смысле, разгромил «техническую элита» на селе, уровень квалификации сельских механизаторов резко понизился. Не случайно село могло бесследно «поглощать» массу сельхозтехники и в ряде случаев она, оставаясь бесхозной, «шла на распыл». Уничтожалось коневодство, отбирались приусадебные хозяйства и личные подворья, дававшие 70 процентов продуктов питания (за исключением зерновых) на стол горожан. Сельское хозяйство развивалось лишь в период реализации решений сентябрьского Пленума 1953 года, подготовленного Сталиным. А затем начатая Хрущевым эпопея «освоения целины» в Казахстане, стоила нам миллиарды и миллиарды рублей и, в конечном итоге был нанесен серьезный ущерб для степей и глубокое отставание сельского хозяйства в европейской части России, потому что все средства ушли на обустройство казахских просторов, правда тогда они были нашими братьями, это они сегодня безжалостно выдавливают из

своих пределов всех русских, даже бывшую целинную столицу сделали казахским центром. А распространение кукурузы, чуть ли не до Северного полюса. И как результат: разбазаривание золотого запаса страны для закупки хлеба за рубежом, а затем и расстрел рабочих в Новочеркасске, возмущенных отсутствием хлеба.

На глазах нашего народа происходило бесжалостное уничтожение армии и военно-морского флота. Участники войны без пенсий и пособий выбрасывались на улицу. Уничтожались самолеты и боевые корабли. Резко падал авторитет страны на международной арене. Хрущев в большинстве случаев, не консультируясь ни с кем и ничего не изучая, по наитию квалифицировал, заключал, определял свое понятие порой по самым сложным вопросам. Он приходил в ярость, когда кто-либо допускал малейшее сомнение в правоте его суждений…

А война против нашей страны не заканчивалась ни на минуту. Она просто приобретала другие формы. Вступая на пост президента США, Дж. Кенеди прямо заявил: «Мы не можем победить Советский Союз в обычной войне. Это неприступная крепость. Мы можем победить их только другими методами: идеологическими, психологическими, пропагандой, экономикой». В результате такой политики нашего «мудрого руководства», направляемого изощренными методами сионистов, так называемая «хрущевская оттепель» обернулась для нашего народа и страны суровыми морозами и стала началом развала Советского Союза. Как это делал скрытый враг России, бывший троцкист, виновник гибели многих невинных честных коммунистов — патриотов своей социалистической Родины, сейчас становиться известно. Этот «деятель» не обладавший необходимым для руководителя интеллектом, культурой, но своенравный, к тому ж еще, как в народе говорится — дурак с инициативой, целое десятилетие издевался над здравым смыслом, слушая своих советников-сионистов, выполнявших волю Закулисы по расшатыванию устоев первого в мире социалистического государства, строительство которого и защита в войнах против внешних и внутренних врагов стоила огромных жертв. Вот как можно обозначить вехи его деяний на этом пути.

Незадолго до смерти Сталина Хрущев поместил в «Правде» статью «Агрогорода», где рисовалась призрачная картина ближайшего улучшения благосостояния крестьян в агрогородах. Эту мысль подбросили ему советники, делавшие ставку на разрушение русских деревень! Эти фантазии были осуждены ЦК КПСС, и Хрущеву объявили строгий выговор. В это время Сталин назвал его придурком, что стало известно, Хрущеву.

Находившийся долгое время в ближайшем окружении Сталина, выплясывающий гопака, изощрявшийся в восхвалениях вождя, Хрущев в душе боялся его и завидовал ему. Эта зависть и страх затем переросли в ненависть. Хрущев, будучи членом Военного совета Юго-Западного фронта, армии которого в 1942 году сражались под Харьковом, бросил войска и бежал в Москву. Это грозило ему судом Военного трибунала. Вину усугублял еще и тот факт, что он настаивал о наступлении, хотя обстановка требовала активной обороны. Наступление тогда провалилось. Было много напрасных жертв. От наказания его спас Молотов. У Хрущева от первого брака с еврейкой Горской был сын Леонид. Он был летчиком. Будучи пьяным он развлекался стрельбой по бутылке, стоящей на голове другого летчика. Он попал не в бутылку, а в голову своего товарища и убил его. Об этом стало известно Сталину. Хрущев пытался спасти сына от наказания. На встрече с Хрущевым Сталин спросил его: «Вы ходатайствуете о своем сыне как член Политбюро или как отец?» «Как отец» — ответил Хрущев. Тогда Сталин задал ему вопрос: «А Вы думали о том отце, сына которого убил Ваш сын? Что он скажет?»…

Война диктовала законы военного времени и они при Сталине были законом для всех. По решению суда Леонид был разжалован в рядовые, и направлен в штрафной батальон. Вскоре он попал в плен. Немцы, узнав, что среди пленных сын члена Политбюро, стали использовать его для агитации в прифронтовой полосе: выступая по радио, он агитировал советских солдат и офицеров сдаваться в плен. Сталин дал указание начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко выкрасть сына Хрущева у немцев. Когда Сталину доложили, что Леонид доставлен в распоряжение одного из партизанских отрядов и командование просит самолет для отправки его в Москву, Сталин ответил «не надо рисковать еще одним офицером, судите Леонида Хрущева на месте».

Сын Хрущева по решению партизанского суда был расстрелян как изменник Родины. Хрущев после смерти Сталина тщательно скрывал это факт, и даже был пущен слух, что летчик Леонид Хрущев погиб смертью храбрых в бою с несколькими немецкими истребителями. Неискушенный в большой политике Хрущев, оказавшись в нашей стране на самой вершине власти, стал топтать и шельмовать Сталина. Его «вели», используя личные его слабости, западные спецслужбы, обставляя нужными людьми, которых потом назовут агентами влияния.

В спешке подготовленный и прочитанный им доклад на XX съезде КПСС в феврале 1956 года тут же стал достоянием гласности в западных странах. Готовили этот доклад

коммунисты-сионисты Поспелов (Фогельсон) и Пономарев (Розенкранц). А чуть позднее, весной, Хрущев уже выслушивал в Англии советы Уинстона Черчилля о том, как дальше вести работу по разоблачению культа личности. Не коммунисты братских партий сделались его консультантами, а злейший враг России!

Хрущев нанес свой первый удар по партии, исключив из партийной программы следующее положение: «В партии не может быть двух дисциплин — одна для руководителей, другая, для рядовых. Быть правдивым и честным перед партией, не допускать сокрытий и искажений правды. Неправдивость коммуниста перед партией и обман партии являются тягчайшим злом и несовместимы с пребыванием в рядах партии… На любом посту коммунист обязан подбирать кадры по признакам политических и деловых качеств. Не допускается подбор кадров по признакам родства и кумовства, землячества, личной преданности. Нарушение этих норм: подбор работников по признакам приятельских отношений, личной преданности, землячества и родства — несовместимы с пребыванием в рядах партии».

А из Конституции СССР Хрущев изымает 131 статью: «Каждый гражданин обязан беречь и укреплять общественную собственность, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Сталин в свое время писал о таких деятелях: «Они чуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить Советской власти».

Для того чтобы получить власть в ЦК КПСС, состоявшим более чем наполовину из секретарей обкомов, Хрущев пообещал последним упразднить над ними государственный контроль как со стороны экономической деятельности, так и политической. Упразднение контроля над обкомами КПСС, безграничная власть первого секретаря создавали благоприятные условия для развития национализма, местничества, возникновения теневой экономики, хищений, взяточничества, подкупа, круговой поруки, угодничества, подхалимства. Этот процесс разложения областного и республиканского партийных аппаратов начался в республиках Закавказья, где этому способствовали родственные и клановые связи, затем распространился на Среднеазиатские республики, а затем охватил практически все районы, области и края Союза, дойдя и до центрального партийного аппарата,

руководства Министерства внутренних дел, других министерств и ведомств. В конце концов, эта цепная реакция хищений и воровства дошла практически до каждого предприятия, совхоза, колхоза. Так что крестным отцом губительного для страны разложения в руководстве ЦК КПСС следует по праву считать Н. С. Хрущева. Способствовали развалу экономики также волевые решения Хрущева, когда он ликвидировал отраслевые министерства и учредил не оправдавшие себя совнархозы. Отраслевые связи были разрушены, опытнейшие специалисты союзного значения уволены или переведены в совнархозы. Он же резко ограничил у колхозников размеры приусадебных участков, что привело к сокращению поголовья крупного рогатого скота, а, следовательно, производства мяса, молочной продукции, овощей, фруктов. Были ликвидированы машинотракторные станции.

Ненависть Хрущева, к Сталину привела даже к уничтожению лесополос, созданных по инициативе Сталина на всей Европейской части СССР. Противостояние Хрущева и Молотова по вопросу освоения целинных земель закончилось, как известно, в пользу Хрущева, но на пользу стране, как уже выше говорилось, это не пошло. Миллиарды рублей и огромное количество техники были брошены в казахские степи в ущерб восстановлению и развитию нечерноземных и других районов России. И как результат: на целинных землях началась эрозия, естественные пастбища оказались резко сокращены. А в России — заросшие кустарником пустоши, покинутые деревни, развал.

Тогда Хрущев выступил с лозунгом химизации всей страны, началась закупка за золото устаревшего импортного оборудования, большая часть которого осталась без применения. «Многосторонний» Хрущев внес свою лепту, но особенно в ухудшение обороноспособности армии. По его указанию было уничтожено свыше десяти тысяч, в основном, православных храмов и других культовых сооружений. Он же, не учитывая мнение русского народа, передал Украине Крым. Во внешнеполитической сфере Хрущев проводил троцкистскую линию на «мировую революцию», но под другим, как говорится, соусом «создания» социалистических государств в странах третьего мира», что стоило нам также миллиарды рублей. За эти миллиарды можно было бы обеспечить хорошим жильем более шести миллионов граждан СССР и в основном решить в стране острую проблему на селе, прекратив тем самым отток молодежи в город.

Хрущев испортил отношения с Китаем, а в странах Европы среди коммунистических партий после критики «культа» начался раскол и разброд. Хрущевская оттепель открыла шлюзы

идеологическим диверсантам. В страну хлынул мутный поток западной псевдокультуры. Идеологическим диверсиям способствовал зять Хрущева А. Аджубей. Начатая им и секретарем по идеологии Поспеловым-Фогельсоном кампания по духовному растлению народа главным образом молодежи осуществлялись выползшими из щелей космополитами-сионистами, которые окопались в Союзе писателей (80 процентов членов только московской писательской организации были евреями). Вся деятельность Хрущева, пренебрежение к мнению Госплана СССР обернулась резким экономическим спадом и это привело к повышению цен на мясо и мясные продукты и к недостачи продовольствия, что вызвало недовольство населения. События в Новочеркасске и в Караганде показали истинное лицо этого заклятого врага русского народа — троцкиста-сиониста. В 1961 году была проведена антинародная денежная реформа в угоду Закулисы. По золотому содержанию курс рубля по отношению к американскому доллару составлял с 1950 по 1960 гг. 4 рубля т. е. 1 рубль был сопоставим с 0,25 долларов, а 10 рублей — 2,5 долларов. После хрущевской реформы 10 сталинских рублей превратились в один хрущевский, который к радости американских банкиров-сионистов составлял уже по золотому содержанию 1,1 доллара, т. е был обесценен в 2,25 раза, Самое же страшное, что пошла трата валюты на закупку зерна в капиталистических странах.

При такой обстановке была демагогически провозглашена бредовая программа построения коммунизма к 1980 году, что окончательно подорвало веру народа в партию и правительство.

С мнением рядовых коммунистов перестали считаться. В партии процветали чинопочитание, подхалимаж, лакейство. К руководящим постам в партии всплывала и прилипала ее худшая часть. В партию полезла всякая нечисть, прикрываясь лозунгами, что они желают быть в первых рядах строительства коммунизма в нашей стране, а в душе считали, что им нужно продвигаться наверх, чтобы захватить власть и изменить строй на близкий им по духу капитализм. Из всего вышесказанного напрашивается вывод: антисталинская кампания, которую возглавил Хрущев преследовала цель — не допустить народ к воссозданию экономической системы, которая позволила бы очень быстро сделать нашу страну самой могущественной, независимой в мире. Над этим «славно» поработали злейшие враги нашей советской Родины всех мастей и оттенков и до сего времени многие честные люди этого не понимают, напрочь зомбированные телевидением и сионизированные всевозможной прессой.

Будем все же надеяться, что пелена спадет с глаз наших

одураченных, ограбленных, обреченных на истребление соотечественников.

Глава 9
НАТО и Варшавский Договор

Договор о создании Североатлантического союза был подписан в апреле 1949 года в Вашингтоне министрами иностранных дел двенадцати государств США, Великобритании, Франции, Канады, Италии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Норвегия, Дании, Исландии и Португалии. В 1952 году к блоку присоединились Греция и Турция, а в 1955 году — ФРГ, в 1982 году — Испания.

Сфера действий североатлантического союза, именуемая «зоной НАТО», включает территории европейских стран блока, Турции, Северной Америки, акватории Средиземного моря и Северной Атлантики. Общая площадь территории стран НАТО составляет более 22,7 млн. кв. км., а численность населения около 660 млн. человек. В зоне НАТО сосредоточена главная группировка вооруженных сил американской коалиции, в том числе свыше 90 процентов всех средств доставки ядерного оружия.

НАТО имеет объединенные вооруженные силы и постоянно действующие руководящие органы с многочисленным центральным и периферийным аппаратом. Сфера деятельности этих органов охватывает военную и военно-экономическую область, а также внешнюю и внутреннюю политику стран-участниц блока. В настоящее время их роль как политического и военного центра крупнейшей коалиции государств Запада возросла за счет дальнейшей централизации. Расширились полномочия аппарата управления НАТО, на высшие органы блока были возложены задачи стратегического планирования, координации разведывательной деятельности, разработки мобилизационных мероприятий и т. д.

Органы НАТО координируют национальные планы военного строительства, контролируют использование военных ассигнований, а также разработку мероприятий по переводу экономики и вооруженных сил НАТО с мирного на военное положение. Отрегулирован механизм проведения консультаций между правительствами стран блока и принятия согласованных решений.

Расширилась деятельность органов НАТО по подготовке условий для совместных действий за пределами официально установленной «зоной ответственности» НАТО. Результатом этого, к примеру, стала интервенция войск НАТО в Югославии.

Высшим руководящим органом Североатлантического блока является Совет НАТО, который решает политические и некоторые военно-стратегические проблемы и состоит из представителей 16 стран блока. Ограничение сферы деятельности Совета политическими проблемами явилось следствием отказа Франции от участия в решении военных вопросов после ее выхода в июне 1966 года из военной организации НАТО. В связи с этим был создан высший орган блока по решению военных проблем. Сессия Совета НАТО проводятся два раза в год обычно на уровне министров иностранных дел с участием министров обороны, финансов, экономики. При решении особо важных проблем сессии проводятся на уровне глав государств и правительств.

Руководство НАТО меду сессиями осуществляется через постоянных представителей стран-участниц в Совете в ранге послов, которые образуют Постоянный совет НАТО, действующий от имени Совета НАТО. Постоянный совет выполняет административно-финансовые функции, координирует действия правительств стран-участниц блока по осуществлению различных мероприятий, разработанных руководящими органами НАТО. Следит за своевременным составлением оперативных и мобпланов на военное время.

Комитет военного планирования является высшим органом блока по решению важнейших военных и некоторых военно-политических проблем, касающихся организации руководящих военных органов и объединенных командований НАТО, утверждения планов строительства и использования сил, выработки стратегических концепций блока, военного участия стран в Североатлантическом союзе. Заседания обычно проводятся дважды в год на уровне министров обороны накануне сессий Совета НАТО. В период между заседаниями Комитета военного планирования его функции выполняет Постоянный комитет военного планирования, состоящий из представителей стран блока при Совете НАТО. Решения Комитета военного планирования окончательны и не подлежат утверждению сессий Совета НАТО. Ему подчинены Военный Комитет с Международным объединенным штабом и ряд других комитетов НАТО по вопросам военной деятельности.

Председатель Совета НАТО избирается ежегодно из числа министров иностранных дел стран-участниц блока в порядке английского алфавита названий стран. Однако он председательствует только на официальных церемониях открытия и заключительных заседаний сессий Совета НАТО. Все остальные заседания проходят под председательством генерального секретаря НАТО, который практически осуществляет полное

руководство всей деятельностью блока.

Генеральный секретарь блока назначается Советом НАТО. В его обязанности входит подготовка заседаний высших руководящих органов блока, а также контроль за выполнением принятых решений; разработка чрезвычайных планов гражданской области; поддержание связи между органами НАТО и правительствами стран-участниц блока.

Международный штаб-секретариат является рабочим органом генерального секретаря. В его составе насчитывается до 300 офицеров от вооруженных стран НАТО и около 300 гражданских служащих. Международный штаб-секретариат состоят из пяти управлений, канцелярии генерального секретаря и двух бюро.

Совету НАТО непосредственно подчиняется ряд комитетов, групп и консультативный совет по вооружению. Все комитеты и группы подразделяются на постоянно действующие и временно создаваемые для изучения и решения определенных проблем, проведения практических мероприятий в масштабе НАТО. Всего в подчинении Совета НАТО находится более 200 таких комитетов и рабочих групп, укомплектованных представителями стран-участниц блока. Заседания комитетов проводятся не реже одного раза в месяц.

Группа ядерного планирования предназначена для изучения и разработки общих проблем ядерной стратегии НАТО, применения ядерного оружия и подготовки рекомендаций по этому вопросу Комитету военного планирования. В состав группы входят представители 13 стран-участниц НАТО (Франция, Исландия и Люксембург не участвуют в его работе). Заседания проводятся на уровне министров обороны два раза в год под председательством генерального секретаря НАТО.

Постоянная группа ядерного планирования, состоящая из постоянных представителей стран-участниц в Совете НАТО. Группа решает конкретные вопросы, связанные с планированием и применением ядерного оружия.

Группа участвует в подготовке предложений по определению объектов на российской территории для их включения в Единый объединенный оперативный план поражения стратегических целей (СИОП — 7), предусматривающий их одновременную ядерную атаку при развязывании агрессии против России. Высшим военным органом НАТО является Военный комитет. Он определяет направления строительства объединенных вооруженных сил, руководит деятельностью подчиненных военных органов, координирует стратегические и оперативные планы, разрабатываемые стратегическим командованием НАТО, и издает директивы подчиненным ему объединенным

командованием.

Постоянный военный комитет, состоящий из представителей генеральных штабов стран-участниц НАТО координирует деятельность центральных военных органов и объединенных командований. При Постоянном комитете работает французская военная миссия. Председателем Постоянного военного комитета назначаются поочередно представители стран-участниц сроком на три года.

Исполнительным органом Военного комитета является Международный объединенный штаб. В его состав входят представители всех стран НАТО, выделивших свои соединения и части в состав объединенных вооруженных сил. Международный объединенный штаб (350 военнослужащих и 120 человек гражданского персонала) разрабатывает директивы, планы военного строительства, готовит документы к заседаниям Военного комитета, осуществляет практический контроль за выполнением его решений и директив, анализирует запросы и предложения объединенных командований, готовит рекомендации по ним для Постоянного военного комитета и других руководящих органов НАТО. Штаб состоит из шести управлений, двух бюро и секретариата.

На должность начальника штаба назначаются поочередно представители стран НАТО в звании генерал-лейтенанта (вице-адмирала).

Вооруженные силы стран НАТО подразделяются на объединенные вооруженные силы (ОСВ) и войска, остающиеся в национальном подчинении.

Объединенные вооруженные силы НАТО включают: войска, выделенные для передачи в случае войны в подчинение командования НАТО; еще и в мирное время. К ним относятся соединения и части ПВО, мобильные силы НАТО, постоянное соединение ВМС НАТО в Атлантике, постоянное соединение минно-тральных сил в зоне пролива Ла-Манш;

— войска, выделенные для передачи в случае войны в подчинение командования НАТО;

— войска, предназначенные для передачи в случае войны в оперативное подчинение командования НАТО (регулярные и резервные соединения).

Для НАТО характерно постоянное стремление расширить рамки своих официальных полномочий, встать на путь геополитической экспансии на Восток.

В этом суть принятия в НАТО бывших стран, входящих ранее в Варшавский договор в рамках «Партнерство во имя пира.

Итак, «санитарный кордон» вновь возводится на западных

рубежах России благодаря предательской политики нынешнего правящего клана. Военный механизм НАТО, превосходно отлаженный и отмобилизованный, готов обрушить по приказу своих хозяев мощный бронированный кулак на России в случае любых ее попыток вновь обрести утраченный по вине предателей статусе мировой сверхдержавы.

Так оценивала возможности НАТО наша советская, а затем и русская разведка. Но предатели, выполняя волю своих приказчиков, уничтожили Варшавский договор и играют на руку врагам России.

Я полностью согласен с известным нью-йоркским социологом и политологом Николаем фон Крейтером с его оценкой американской политики в отношении России в нынешних условиях: «Новый американский «дранг нах остен» (поход на Восток) — расширение НАТО за счет силового поглощения бывших соцстран в сферу американской гегемонии и их превращение в марионеточные государства и в санитарный кордон, окружающий Россию, — является в настоящее время не только самой взрывоопасной международной проблемой для России, но и непосредственной угрозой жизненно важным интересам России. Расширение НАТО смертельная опасность для России, ибо эта организация, как геополитическое понятие, тождественна со сферой гегемонии США и ее основная функция служить инструментом установления и укрепления американского владычества»…

И далее «Следует напомнить слова Генри Киссинджера, сказанные им в 1994 году относительно того, что несмотря на полную экономическую разруху, Россия все еще обладает ядерным потенциалом для уничтожения США. Это самый важный фактор реальной политики, считающийся только с силой. Этот самый важный фактор делает пока невозможным устроить в России такую же открытую бойню, как в Югославии.

А вот, что писал один из ведущих политических комментаторов еврей Томас Фридман, близкий к правящим кругам США в газете «Нью-Йорк Таймс»: «Главный приоритет внешней политики США — заставить Россию разоружиться в одностороннем порядке. Причем это одностороннее разоружение рекомендуется преподносить под соусом «партнерства». Когда же Россия разоружится, то Соединенные Штаты приберут к рукам не только бывшие соцстраны, но и Прибалтику, Кавказ, Украину и, наконец, Сибирь».

Теперешнее время можно сравнить с периодом от окончания второй мировой войны в 1945 году до провозглашения доктрины Трумэна в 1947 году. Именно тогда американцы также усиленно

добивались, чтобы Советский Союз пошел на уступки, равносильные поражению.

Вспомним попытки Соединенных Штатов Америки установить контроль над промышленностью СССР при помощи так называемого плана Баруха-Лилиенталя, навязывавшего международный, т. е. американский, контроль над всей промышленностью, имевшей ядерный потенциал. Помимо того, США уже во время Сан-Францисской конференции пытались анулировать межсоюзнические соглашения, подписанные в Ялте и в Потсдаме, приостановили поставки по ленд-лизу, саботировали выплату репараций Германией России, проводили экономическую войну с целью затруднить восстановление экономики и промышленности в Советском Союзе в послевоенный период. Можно также припомнить и наглые требования президента Трумэна, вознамерившегося создать американские военные базы на советском Дальнем Востоке, или попытки захватить в собственную сферу влияния посредством пресловутой доктрины «открытых дверей» страны Восточной Европы и превратить их не только в своих сателлитов и новые рынки сбыта, но и в новый санитарный кордон вокруг СССР. Сюда же следует отнести и провозглашение доктрины Трумэна и войну в Греции. Когда Советский Союз не пошел на добровольную капитуляцию, возникла «холодная война». Но тогда у нас был великий стратег-геополитик И. В. Сталин, которого никто не мог провести вокруг пальца, ибо он все знал и понимал, что нужно для нашей страны и нашего многострадального народа…

Убежденный враг Советского Союза и России Збигнев Бжезинский сравнивал «новый мировой порядок» с печально известным Версальским договором. Тот договор, представлял собой международный режим непомерных и унизительных для Германии требований, привел ко второй мировой войне. Анологичным образом «новый мировой порядок» следует рассматривать как режим диктата нового американского экспансионизма.

Геополитические устремления США были сформулированы перед окончанием первой мировой войны и с тех пор мало в чем изменились. Уже тогда Вашингтон сформулировал идею завоевания большого русского пространства, расчленения России и подчинения себе Евразии для международных и прежде всего американских еврейских миллиардеров.

Мы вспоминаем о зловещих планах Гитлера-Розенберга, направленных на прекращение национального существования русского народа, но почемуто забываем, что точно такие же планы незадолго до Фюрера были намечены американскими

политическими стратегами, поощряемые еврейскими банковскими воротилами. И когда Збигнев Бжезинский в своей книге «Вне контроля» пишет, что необходимо Россию расчленить и на ее территории создать несколько государств: одно с центром в Петербурге, другое с центром в Москве, а Сибирь от Владивостока до Урала отделить в самостоятельную область, — он всего лишь повторяет старые планы президента Вильсона, перенятые позже Розенбергом. Заслуживает внимания тот факт, что планы расчленения Советской России были выработаны не только ведущим геополитиком Вильсона — Исайей Боуманом, но также и британским геополитиком Хальфордом Маккиндером, который во время гражданской войны в России был комиссаром Великобритании на Кавказе и в Закавказье.

Краеугольным камнем внешней политики США был и остается захват русского «большого пространства». Недавняя война в Чечне была всего лишь маленьким эпизодом такого геополитического сценария…

В наиболее полном и обобщенном виде программа уничтожения СССР, а затем России и порабощения других стран Восточной Европы была изложена в директиве национального совета безопасности еще во времена президентства Рейгана, а также в президентской директиве № 13 Клинтона, которую по существу можно назвать программой «освоения» территории Советского Союза при помощи «миротворческих сил» НАТО. Эту директиву можно сравнить с гитлеровским планом «ОСТ»

Предательство российских национальных интересов, начавшееся открыто при Горбачеве, продолжается и по сию пору. Россия не только самоликвидировалась как вторая супердержава, но и ее влияние в международном плане катастрофически снизилось. Ее политика перестала носить самостоятельный характер. Она предала всех своих давних друзей и союзников. Предательство и ренегатство всегда позорны независимо от того, осуществлены ли они отдельным человеком или целым государством.

Советскую дипломатию в перестроечный период следует называть дипломатией самоликвидаторства. Она сыграла важную роль в новом американском экспансионизме и, можно сказать, проложила ему дорогу. Перестроечная внешняя политика старательно выковывала цепи «нового мирового порядка» охватившие и Россию.

Голосуя за резолюции ООН, которые в конечном итоге вели к подрыву этой организации и замене ее функций НАТО, горбачевско-ельцинские дипломаты раз за разом наносили удар в спину собственной стране. Ельцин был главным преступником в

Беловежской Пуще, он нанес удар ножом в спину Советского Союза. Беловежское соглашение — величайшее преступление XX века.

Ведь основной целью внешней политики является защита национальных интересов любого государства. У нас же получилось, что в период «перестройки» внешняя политика была направлена на причинение максимального вреда сначала СССР, а затем и России.

Подписывая договор о воссоединении Германии, Горбачев не поставил обязательным условием выход Германии из НАТО, возмещение всех инвестиций Советского Союза в Восточной Германии, исчисляемых триллионами долларов, не поставил вопрос о немецких военных репарациях, которые так и не были выплачены из-за обструкции США в период «холодной войны».

Фон Клаузевиц писал в своей книге «Три принципа» следующее: «Позорного пятна трусливого подчинения, не отмыть никогда. Эта капля яда отравит кровь в будущих поколениях данного народа, она подорвет силы и парализует волю ряда поколений… Другое дело, если данный народ потерял свою независимость и свободу после кровавой, но совершенной и почетной борьбы. Уже сама эта борьба обеспечит возможность возрождения данного народа. Подвиг борьбы сам по себе послужит тем зернышком, которое принесет в свое время новые богатые всходы».

Горбачев и вся его перестроечная команда впустила каплю яда в тело Советского государства, парализовав его волю в сущности к самосохранению. Паралич воли государства, приведший к расчленению Советского Союза, как нельзя лучше обнажает суть перестройки. Россия пошла по пути самоуничтожения и, никак не может остановиться. Перед Россией стоит выбор: либо великий прорыв для исполнения своего исторического предначертания, либо жалкая участь превращения в сырьевой придаток всемирной американской империи.

Сегодня праздник у всех многочисленных врагов России. Но пусть они не забывают, что после ночи обязательно наступает рассвет. В этом убеждает нас тысячелетняя история России. Наша страна и ее народ всегда в конечном итоге побеждали своих врагов!.. Так было так будет и впредь.

Сейчас взяли верх силы за океаном, которые отчетливо отразили в документе «Преображенный Антлантический союз» свои истинные цели. Авторами этого документа являются бывший представитель США в ООН Дэвид Эбшайр, бывший посол США в ФРГ Роберт Бэрт и Дажеймс Вульси, бывший глава на переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве. Эта троица

«бывших» провозгласила: США должны сделать после разрушения СССР и Организации Варшавского Договора смелый и мощный рывок», суть которого сформулирована с предельной откровенностью: «Сторожевой пес нужен и НАТО является логическим кандидатам на эту роль».

Как известно, решающую цель, которую ставили перед собой гитлеровцы, было истребление славянских народов и в первую очередь русских, поляков, украинцев, белорусов, сербов. В войну было уничтожено 900 тысяч сербов, но сербская нация уцелела — ее спасла Красная Армия — освободительница. Теперь за черное дело уничтожения мужественного, свободолюбивого сербского народа взялись заокеанские устроители «нового мирового порядка» — американцы и их мусульманско-хорватские подручные. Но это только ступенька к осуществлению более далеко идущего плана США. Основная их цель — Россия.

Разрушение Советского Союза, подготовленное политикой Горбачева и его бандой и осуществленное Ельциным с сообщниками, создало для империалистов ситуацию, которая им не снилась в самых радужных снах. Был сломан бастион, преграждавший путь современным гегемонистам. На месте единой великой державы, обеспечившей невиданный в истории Европы пятидесятилетний мирный период, теперь остались жалкие обрубки.,

Невиданное разрушение российской экономики; развал Вооруженных Сил; глубокий духовный кризис общества; резкая активизация центробежных сил; небывалое падение авторитета России на мировой арене; фактически международная изоляция Москвы — все это открывает перед хозяевами «сторожевого пса» немыслимые доселе возможности для осуществления давних замыслов — разорвать на куски постсоветское пространство. «Дранг нах Остен» — вот что стало лозунгом для лидеров НАТО. «Партнерство во имя мира» объявили они ключевым моментом трансформации НАТО для распространения ее влияния на страны Центральной и Восточной Европы и новые независимые республики бывшего Советского Союза». Их задача приближение своей военной машины вплотную к открытым западным границам России.

Война в Чечне и деяния там наших военных дали новый пропагандистский допинг тем зарубежным силам, которые вопят о «русских злодеях».

Сегодняшняя Германия — несомненный гигант западного мира — пока наращивает свои экономические мускулы. Но это сегодня, а завтра?.. Американская «Интернэшнл Геральд Трибюн» касаясь развертывания процесса «германской экономической

колонизации Восточной Европы», констатировала: только в одной бывшей Чехословакии из более чем трех тысяч совместных предприятий треть создана с германскими фирмами.

В событиях на Балканах Бонн активно участвует в осуществлении развала Югославии. Там проводятся операции против славян, идет скрытая оккупация Балкан.

В общем получилось, что Европу объединяют, а Россию разваливают. У нас создается лишь видимость, показуха интеграционной деятельности: проводятся встречи на уровне глав государств и министров, принимаются решения, о которых лидеры СНГ забывают, не успев вернуться домой. Идет распад самой России и других бывших советских республик. На просторах СНГ полыхают региональные междоусобные конфликты, тем самым создаются условия для поглощения их соседними государствами, целиком или по частям. С Россией все меньше считаются страны Европы и Азии, относятся к ней, как к полуколонии Запада. Так решает свои задачи, поставленные к 2000 году, Закулиса — злейший враг России и всего славянского мира — особой Цивилизации!

Глава 10
Загнивание режима «верных ленинцев». Путь к предательству

В идейной борьбе, так же как и на войне, побеждает более верное, более сильное оружие. И так же, как на войне, в идеологических схватках победа, как правило, остается за теми, кто наступает.

Закулиса тратила огромные деньги на подготовку врагов России и нашего социалистического строя, соблюдая огромную тайну, продвигая нужных людей на самые высокие партийные и государственные посты, так называемых «агентов влияния», и те дождались удобного момента и совершили то, что должно было по их расчетам случиться.

Но была и другая группа. Входящих в нее лиц можно смело называть «учеными придурками». Они занимали высокие посты в наших идеологических центрах, но практически ничего не понимали и даже не догадывались о своей холуйской сущности. Они должны были знать, что многие теории, концепции, рожденные противоречиями империализма, сегодня и тогда находились на вооружении у их идеологов. Мы должны были знать тогда и не забывать сегодня о том, что экспорт социально чуждых концепций в нашу страну не всегда проходил бесследно для тех наших людей, которые по уровню своего политического развития или по ограниченности жизненного опыта не в состоянии сразу распознать их смысл. Некоторые из этих концепций имеют прямое отношение к сфере нравственности, морали и специально рассчитаны на доверчивое восприятие молодых умов.

Именно сегодня ожесточенность контратак антикоммунизма требует от нас повседневного изучения стратегии и тактики врагов нашей страны.

Как бы кто сегодня не относился к такой личности, как В. И. Ленин, считаю необходимым напомнить его слова о членах партии: «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающийся имел право и возможность быть членом партии…». «Показных членов партии нам не надо и даром. Единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от «примазавшихся»,

есть наша партия — партия революционного рабочего класса».«… Твердость и чистота партии — вот в чем суть. Наша задача — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии».«… Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы…» «…Нельзя брать людей, которые идут из-за места, их надо гнать из партии».

1919 год. Республика Советов во вражеском кольце. Проводится мобилизация на фронт. Ленин в те дни писал: «Мобилизация коммунистов на войну нам помогла: трусы и негодяи побежали прочь из партии. Скатертью дорога! Такое уменьшение числа членов партии есть громадное увеличение ее силы и веса».

1921 год. Ленин пишет: «Очистить партию надо от мазуриков, от обанкротившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов…» И далее: «…Партия — штука особая… она требует людей сознательных, готовых к самопожертвованию… она руководит и подбирает людей, которые знали бы, какой путь еще предстоит, через какие препятствия мы должны еще пройти».

Так говорил, писал и действовал Ленин, но его не всегда слушали, да и не мог он в тех условиях знать точное положение вещей на местах. А в партии большевиков, особенно среди руководящей верхушки практически не было русских людей. Да, они имели русские фамилии, но это были как раз те самые ловкачи коммунисты-сионисты, которые прикрывали свои гнусные дела революционной фразой, имели своей кровной боевой задачей — истребление русских людей, особенно думающих, с целью занять их места в жизни, но о деле они не особенно волновались — главное управлять покорным «стадом» при помощи террора. Об этом свидетельствуют подлинные документы из архивов.

Правда, Сталин впоследствии пытался этому препятствовать, но тогда его возможности в партии были ограничены и он к тому же маскировал свои замыслы, ожидая своего звездного часа!

Владыки мира состоят исключительно из одних евреев, — такое заключение сделал Генри Форд (1863–1947). Оно находит подтверждение и в работе Карла Маркса по еврейскому вопросу. Маркс признал евреев «носителями мировой капиталистической эксплуатации».

Есть хищники в животном мире, но наиболее отвратительные из них гиены. Есть хищная порода и среди людей, она чем-то напоминает гиен — это евреи. Эту породу людей вы не встретите ни у станков, ни у мартеновских печей, ни среди крестьян-землепашцев. Вы не увидите их ни на железной дороге при

укладке шпал, ни в качестве уборщиков мусора, особенно на Западе, в капиталистическом мире, а в бывшем СССР из них были единицы, или, как они их сами называют, выродки.

Зато в избытке вы можете встретить евреев в редакциях газет и журналов, в книжных издательствах, на радио и особенно на телевидении. Подавляющая часть их в адвокатуре, среди политологов и экономистов, литературных критиков и конферансье. Короче, ими заполнены все ниши «творческой деятельности».

Много их было и в руководстве партийными организациями и комитетами, идеологическими структурами.

Все они, как правило, скрывались под русскими фамилиями. Сейчас они все «демократы», восстановили прежние фамилии, заимели двойное гражданство.

Дважды в XX столетии наше государство подверглось разгрому изнутри, дважды менялся общественно-политический строй. Россию не смогли разгромить и завоевать ни шведы, ни поляки, ни французы и немцы. Ее подло предали перевертыши. Тогда, в 1917 году, это были Троцкие, урицкие, володарские, свердловы, зиновьевы, каменевы и другая нечисть. Сегодня — это горбачевы, яковлевы, ельцины, кравчуки, шушкевичи, собчаки, гайдары, чубайсы, уринсоны и всякие там поповы-нойманы, немцовы.

После кровавого побоища, которое устроили евреи в России после 1917 года, уцелевшие от Гражданской войны и голода русские люди отметили для себя следующее: «Иудейский интернационал, систематически истребляющий русский народ и разлагающий его душу, есть главный враг, враг настолько опаснее всех других, что мы, русские, и дружественные нам народы должны считать его единственным… Всякий народ, всякая партия, всякий человек, которые идут вместе с иудейским интернационалом и его поддерживают, — злейшие враги России, какие бы доводы они ни приводили в оправдание своего поведения».

Жаль, что многие этого не знали и не понимали. Каждый честный человек, кому дорога судьба России, своих детей и внуков, должен внимательнейшим взглядом всматриваться в нашу теперешнюю «жизнь» и знать, кто виновник нашего нынешнего кошмара.

XX век — век борьбы мирового еврейства с христианством и с русским народом (украинцами и белорусами) в том числе. К концу века евреи поклялись овладеть миром. Новый XXI век охватит все жизненные вопросы и создаст предпосылки для нового порядка жизни.

Нынешняя война мировой демократии (мирового еврейства) является крупномасштабной борьбой, которая когда-либо велась против русского народа, но и не только русского, а многих других славянских народов, живущих за пределами России.

Известный немецкий композитор Рихард Вагнер говорил, что «еврей является олицетворением разложения человечества», и это подчеркивает весь трагизм создавшегося положения. Еврейский вопрос — мировая проблема. Евреи были и есть неизменными противниками социального, политического и духовного единства народов, среди которых они жили и живут, а поэтому являются вечной опасностью для государств и народов. В мировой истории было три способа разрешения еврейского вопроса. Сначала пытались идти путем ассимиляции поглощения евреев крещением и через смешанные браки. Способ этот оказался неудачным. Евреи приобрели, таким образом, улучшенное политическое и общественное положение, увеличивавшее их опасность для государства.

Тогда перешли к системе гетто. Система эта господствовала в цивилизованной Европе с V до XIX века. Гетто представляли собой особые еврейские города в городах, где евреи жили свободно. Ничто не препятствовало им выявлять свои творческие и культурные дарования. Исключение евреев из общей жизни с другими народами, за которое, кстати сказать, ратовало ортодоксальное еврейство и делало все для того, чтобы евреи были в изоляции и не растворялись, в действительности не было проявлением насилия, а скорее попыткой разделения двух весьма «не параллельных» миров. Словом, до XVIII века евреи на свою жизнь в гетто не жаловались и были, казалось, удовлетворены своим положением.

Но среди массы евреев во все времена находились, так сказать, революционеры. Им хотелось вырваться на простор цивилизованной жизни, и вопреки тысячам запретов талмудизма, но не отбрасывая его, внедрялись в кровь и плоть коренных народов и путем различных махинаций, гешефтов, ростовщичества проникали в хозяйственную и политическую жизнь стран. Возьмем, к примеру, Европу. Спекулируя на добрых чувствах людей, они, как бактерии, поражали их волю, затем придумывали разные законы, позволяющие им быть в чужих для них странах хозяевами жизни. Так случилось с Испанией, Францией, Голландией, Бельгией, Италией, Швейцарией. Провозглашенная ими идея равенства людей вообще оградила их от ответственности за те страны, в которых они стали проживать как хозяева, выкачивая из них все ценности. Насытившись, они в начале XX века выдвинули идею создания собственного

сионистского государства Израиль и добились ее реализации, вытеснив народ Палестины с его исконных земель.

А случилось это так. В 30-х годах XX века началось новое решение еврейского вопроса на совсем иных началах — евреев стали изгонять отовсюду. Из Европы они ринулись на Американский континент. Оплот мирового еврейства-мировой демократии переместился в США. Уже в 1933 году евреи вычеканили в честь президента США Рузвельта (Розенфельда) монету, на одной стороне которой находился лик Рузвельта, на другой — шестиконечная звезда Давида. Рузвельт окружил себя целым созвездием еврейских сановников. Среди них оказался Феликс Франкфуртер из Вены, занимавшийся главным образом проведением евреев на все важнейшие посты государственной службы США. Сам Франкфуртер одновременно состоял Верховным судьей США. Ближайшим другом Рузвельта являлся Самуил Розенманн из Верховного суда в Нью-Йорке. Столь же близко к нему был министр финансов Генри Моргентау. Начальником отдела пропаганды демократической партии, которая выдвинула Рузвельта в президенты, был еврей Карл Михельсон. Военное снабжение США находилось в руках еврея Бернарда Баруха и т. д.

Американская пресса, как, впрочем, и нынешняя российская, — показатель того, кто стоит у власти, была подконтрольна тем же сионистским силам. «Нью-Йорк пост» принадлежала еврею Джоржу Бэкеру, «Вашингтон пост» — еврею Мейеру, «Филадельфия Инкуайер» — собственность еврея Иозеса Анненберга, «Нью-Йорк тайме» принадлежала еврею Джулиусу Адлеру, а его корреспондентами состояли: в Египте Иосиф Леви, в Греции Зульцбергер, а главным сотрудником являлся Вальтер Липман.

Очаг порабощения Европы евреями зародился во Франции. Затем он перекинулся на Россию. Первая наша революция 1905 года и вторая 1917 года были скопированы с французских революций 1789 и 1848 годов.

Большевики-сионисты взяли терминологию французских революций: «коммуна», «комиссар», «революционный террор». В СССР был даже введен праздник — День Парижской коммуны.

При серьезном вдумчивом рассмотрении и детальном изучении истории видно, что и фронты Первой и Второй мировых войн также тождественны. Мировой еврейской плутократии, правящей в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, дважды удалось побудить многие народы к войне против России, чтобы установить свою диктатуру золота над миром.

Это сионисту Теодору Герцелю принадлежат слова: «Чтобы

владеть миром, надо овладеть Россией». Трудна у международной Закулисы задача, но она делает все, чтобы непокорные народы России в конце концов сдались. И об этом мы, русские люди, должны помнить каждую минуту. Нам нельзя расслабляться, нельзя поддаваться сладким голосам сионистов, сулящих теперь нам райскую жизнь при капитализме. Нам надо стоять насмерть, как стояли солдаты у разъезда Дубосеково под Москвой.

В результате Первой мировой войны 1914–1918 годов, которую Ротшильд назвал «своей войной», выиграли только одни евреи — к ним перешло золото как победителей, так и побежденных. Версальская же конференция была настоящим апофеозом еврейства. Недаром ее назвали «кошерной»: пали сразу три монархии: германская, австро-венгерская и русская.

Из войны с Германией в 1939–1940 годах французский еврей вышел побежденным, и это было как раз в тот момент, когда он видел себя властелином мира. Так было всегда в истории «избранного народа». В стремлении к власти, опьяненный успехом, еврей в последний момент, когда кажется ему, что достаточно протянуть руку, чтобы захватить эту власть, он не может соблюсти меры и начинает делать глупости, и тогда для него рушится все. Перетянув струну, которая лопается, он вновь изгоняется или отбрасывается на сотни лет назад.

В силу своей христианской морали европейские народы, как уже выше подмечалось, считают евреев несчастными и гонимыми. С виду жалкие и беспомощные, они оказываются в конечном результате сильнее других: природа наделила еврея какой-то дьявольской проницательностью, чутьем, коварством, изворотливостью, быстрой реакцией в захвате добычи и жестокостью. Другими словами, всеми качествами, необходимыми для жизни за счет других наций.

Во второй половине XIX века стали много говорить о социализме. Появилась теория Маркса о классовой борьбе, воплощенная Лениным на практике в жизнь. Немецкий ученый философ Дюринг еще тогда за сто лет до крушения социализма в СССР, предвидел, что с ним сделают евреи-коммунисты. Наиболее худшее очевидное зло совершено евреями в наше время по отношению к социализму, от которого нынче ничего не осталось, кроме бесстыдной еврейской лжи…

Если бы мы, русские и другие родственные нам народы, сумели бы удержать то, что нами было создано под руководством Сталина, то общество бы не было поставлено вверх ногами, а, наоборот, исполнилось лучшего духа и устроилось бы более целесообразно.

Социалистическое учение было самым позорным образом

изгажено и испорчено евреями. Как показывает история еврейского вопроса, евреи к созиданию не способны. Они способны только к разрушению.

В феврале 1917 года мировым масонством было совершено самое крупное преступление: им удалось навязать масонское правительство, которое и привело Россию к гибели. В июле 1917 года Временное правительство возглавлял еврей-масон Керенский (настоящая фамилия Арон Кирбис). Именно Керенский арестовал русских генералов Деникина, Корнилова и других, предупреждавших его о надвигавшейся опасности, и одновременно выпустил из тюрьмы Троцкого. Меньшевика Троцкого большевики в августе 1917 года принимают в свои ряды, деление, кстати сказать, на тех и других было искусственным. Это подтвердил Бухарин, выступая на VIII съезде партии. А 25 сентября Троцкий уже во главе Петроградского совета.

Бездеятельность Керенского и его заигрывание с наиболее экстремистски настроенной частью еврейства — «большевиками» — в октябре 1917 года привели к государственному перевороту…

Эти игры в демократию точь в точь повторились в августе 1991 года. Тогда в роли Керенского выступил еврей Горбачев, а в роли Ленина — еврей Ельцин (Эльцин). Роль Троцкого — посредника между Керенским и Лениным исполнил еврей А. Н. Яковлев. Игроки в демократию оказались одни и те же.

Заместитель ВЧК М. И. Лацис (Судрабс) в своей книге «Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией» (1921) писал: «Нам, как израильтянам, надо построить царство будущего». Подлость евреев-большевиков заключалась в том, что они назвали себя представителями рабочего класса, борцами за счастье народа… Но какое счастье могли принести люто ненавидевшие Россию люди?..

Первые их действия сводились к следующему. Воспользовавшись поддержкой неприятеля — немцев, они появились в России и сразу же для обеспечения своей победы за власть прибегли к демагогии, лжи и обману масс. Первый лозунг, брошенный евреями-большевиками был «Грабь награбленное!». Этот лозунг привлек к себе все бунтарские массы, в основном людей, не чистых на руку проходимцев, воров и всех недовольных властью (как впрочем, и в 1991 году). Второй лозунг был «Долой войну!».

Лидеры еврейского большевизма прекрасно сознавали, что, захватив власть, они войну прекратить не смогут, что они лишь меняют фронт. Они ведь знали, что им придется бороться со всей антиеврейской, антибольшевистской Россией.

«Они (Ленин, Троцкий и другие) прекрасно знали, что начнется гражданская война, которая будет стоить русскому народу не меньше, а больше жертв, чем война с немцами». Так писал в своей газете «Единство» Г. В. Плеханов.

Придя к власти (читай «захватив власть»), евреи первыми стали создавать концлагеря. Они превратили Россию в громадный концлагерь, массовые расстрелы шли ежедневно. В 1918 году они добились того, о чем мечтали еще в эмиграции — им удалось развязать гражданскую войну между русскими, чтобы русские сами себя уничтожали. Ленин в письме Шляпникову писал: «Наш лозунг гражданская война… Мы не можем ее пока «сделать», но мы ее проповедуем и в этом направлении работаем»(Полн. собр. соч. Том 26. С. 24).

Гражданская война в России шла почти четыре года и завершилась голодом, который так же был спланирован, как и гражданская война. В 1918–1922 годах население России уменьшилось на 15,1 млн. человек.

Евреи-большевики отрицали национальность и проповедовали космополитизм в пролетарской окраске: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Они создавали не коммунистический строй, а новую буржуазно-алчную, не производительную, а спекулятивную, крепкую в своем беззаконии и наглую в своей предприимчивости власть. Простые люди-коммунисты часто и не догадывались о такой политике.

Роль, которую играл в русской революции Лейба Бронштейн (по выражению Ленина — иудушка Троцкий), хорошо известна. Это он сказал: «Если в итоге революции 90 процентов русского народа погибнет, но хоть 10 процентов останется живыми и пойдет по нашему пути — мы будем считать, что опыт построения коммунизма оправдал себя».

Узнавая такое, думаешь невольно, что по сравнению с Троцким Атилла, Чингисхан. Они были только скромными «любителями» в деле истребления людей. Троцкий же был профессионалом своего дела. Он был создателем еврейского большевизма — этой религии мировой ненависти, создателем системы невиданного террора, провокации и лжи — и величайшим еврейским учеником Карла Маркса.

После смерти Ленина Троцкий, как он сам считал, должен был по праву стать его преемником. Но в борьбе со Сталиным, грузином по национальности, но русским по духу, Троцкий струсил и спасовал. Судьба его известна. Он закономерно стал жертвой изобретенной самим же системы насилия.

Но это случилось не сразу. После высылки за границу международное еврейство, при содействии IV Интернационала,

оказывало ему огромную помощь в борьбе с Советской Россией. С Троцким сошла в могилу одна из самых кровавых фигур революционного интернационализма, зловещая деятельность которой так дорого обошлась нашей стране. Но дело Троцкого продолжают его внуки — новые революционеры — демократы-большевики…

Победа революции привела евреев к верхам государственной власти и вылилась в еврейскую диктатуру над народами СССР. Даже был издан Декрет о борьбе с антисемитизмом (25 июля 1918 года), подписанный Лениным. Любой человек, возражавший комиссару-еврею, объявлялся антисемитом и расстреливался.

Сталин, как секретарь ЦК партии, делал все, чтобы хоть как-то разбавить еврейскую верхушку русскими и коммунистами других национальностей и вбить клин, особенно после смерти Ленина, между враждующими между собой еврейскими группировками внутри партии. Имя Ленина было использовано Сталиным как оружие в борьбе с Троцким, а затем и с «верными ленинцами», которых Сталин называл недобитыми троцкистами.

Этого, к сожалению, многие русские коммунисты, с затуманенными XX съездом партии мозгами, до сих пор не поняли, что возврат к «ленинизму», с которого начал свой неправый поход Хрущев, привел в конечном счете к возврату троцкизма, к разрушению партии. В итоге, к власти пришли внуки троцкистов — новоявленные буржуа.

Русские монархисты и коммунисты (они-то и предали Сталина) до сих пор не могут по достоинству оценить подвиг, совершенный Сталиным, который, будучи окруженным евреями со всех сторон, сумел вытащить Россию из петли сионизма и масонства. Он очищал социализм от сионизма, превращая его в национальную, русскую идею. Зато деятельность Сталина «оценили» недобитые им троцкисты. Прошло уже много лет после его убийства сионистами, но и они и даже их внуки до сих пор не могут понять, как это он, Сталин, поставленный ими же во главе партии, сумел отнять у них власть над Россией. И не просто отнять, а наказать за разгром государства, за море человеческой крови, пролитой по их злой воле русским народом. Сталин еще тогда, в 1937–1938 годах, устроил над троцкистами своего рода народный процесс. Народ оценил это и поддержал Сталина в его тяжелой борьбе с сионизмом. Он с верой в него дрался в невиданной доселе войне и победил. Но и Сталин был просто человек. Он старел и не сумел сохранить выпестованных им наследников. В результате у руля встал затаившейся до времени поклонник троцкизма — Хрущев. Что из того вышло, ныне всем хорошо известно.

Дочь Сталина С. Аллилуева писала об отце: «Отец полюбил Россию очень сильно и глубоко, на всю жизнь. Я не знаю ни одного грузина, который настолько бы забыл свои национальные черты и настолько сильно полюбил бы все русское. Еще в Сибири отец полюбил Россию по-настоящему: и людей, и язык, и природу… Правда, в тридцатые годы он еще не высказывал свою ненависть к евреям так явно, — это началось у него позже, после войны, но в душе он никогда не питал к ним симпатии (из ее книги «Двадцать писем к другу»).

Сталин хорошо разбирался в еврейском вопросе. Еще в 1913 году в статье «Марксизм и национальный вопрос» он писал: «… вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьезный характер предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой нужно еще доказать!»

Сталин помнил слова Г. В. Плеханова, сказанные молодому интернационалисту Ленину во время их встречи в Женеве в 1900 году: «Евреи сплошь шовинисты и националисты. Русская партия должна быть русской, а не давать себя в пленение «колену гадову»… У вас, господин Ульянов, просто недостает знаний еврейства и жизненного опыта в ведении дел с евреями». Плеханов тогда не знал, что Ленин с примесью еврейской крови, потому и называл себя интернационалистом. Не знал, что ему был ближе еврей Троцкий, чем русский Плеханов. Национальность Ленина в последующем всячески скрывалась Центральным Комитетом партии.

Знаменательны слова Сталина, сказанные после чистки партии в 1939 году: «…всякие там троцкистско-пятаковские и бухаринско-рыковские перерожденцы оказались вынужденными смяться в комок, спрятать свои затасканные демократические платформы и уйти в подполье… Они предпочли слиться с меньшевиками, эсерами, фашистами, пойти в услужение к иностранным разведкам, наняться в шпионы и обязаться помогать врагам Советского Союза расчленить нашу страну и восстановить в ней капиталистическое рабство».

Когда говорят о массовых репрессиях в 1937–1938 годах, то их надо рассматривать в совершенно другой трактовке. Репрессий в общем-то и не было. Эту ложь распространяют еврейские («демократические») средства массовой информации. В эти годы, на самом деле, было наказано большое число евреев участников государственного переворота 1917 года и организаторов Гражданской войны в России, зверствовавших против русских людей, занявших впоследствии важные посты в партии и государстве.

Например, жертвами стали члены семьи Свердлова, повинного в уничтожении казачества, все начальники ГУЛАГа (Эйхманс, Коган, Берман, Плинер) вместе с главой ВЧК — ОГПУ Генрихом Ягодой. Массовые же репрессии по отношению к русскому народу, совершенный еврейскими нацистами-сионистами,

тоже имели место, но их до сих пор тщательно скрывают.

В 1938 году Сталин, проводя новую кадровую политику и пытаясь обезопасить руководящие кадры от проникновения евреев, ввел знаменитый 5-й пункт. Каждый поступавший на работу должен был указывать свою национальность. Но это не стало преградой на пути наверх. Евреи в массовом порядке стали менять свои фамилии, и так у нас появились «новые русские»: козыревы, арбатовы, яковлевы, горбачевы, ельцины, зорины, лаптевы, медведевы, поповы, ковалевы, юшенковы, филатовы, якунины, собчаки, старовойтовы и другие…

Мировое еврейство, стравив Германию и СССР, выжидало. В зависимости от того, кто победит, нанести сокрушительный удар по уцелевшему противнику. Мировое еврейство всячески оттягивало открытие второго фронта. А когда поняло, что Сталин и без их помощи сломит немецкую военную машину и сможет дойти до Ла-Манша, начало принимать спешные меры, чтобы отхватить хоть какой-то кусок от поверженной Германии.

Заслуги Сталина состоят в том, что он фактически ликвидировал III Интернационал, созданный Лениным на деньги мирового еврейства и за счет ограбления народов России.

13 июля 1941 года Сталин разогнал Союз безбожников и запретил преследовать верующих. Новая чистка евреев в 1949–1951 годах, начатая Сталиным, была прервана мировым еврейством. Сталин ими был убит…

* * *

Некоторые считают Горбачева «отцом перестройки». Но это совершенно не так. Если внимательнее проследить политику Генеральных секретарей ЦК КПСС, последовавшую после смерти Сталина, то можно увидеть, что так называемые «демократические реформы» начались раньше, с приходом к власти Хрущева.

Сталин оставил нам страну, оснащенную атомным оружием, без долгов, в политическом, военном, экономическом отношении совершенно независимую! Успехи были столь грандиозны, что иных слов, чем «русское чудо», не находилось. Что стоила лишь одна народная уверенность в завтрашнем дне! Ее мы оценили, только когда потеряли.

Началу нашему развалу положили хрущевские реформы,

густо замешанные на троцкизме и на ненависти к Сталину. Хрущев начал с отмены слов Гимна Советского Союза: «Союз нерушимый республик свободных навеки сплотила Великая Русь». А Горбачев заканчивал свою деятельность на посту Генсека отменой исполнения всего Гимна СССР.

Решение еврейского вопроса при Хрущеве вылилось в попытку реставрации троцкизма-сионизма, но это они тщательно маскировали. Хрущев выпускал из лагерей уцелевшие кадры евреев-большевиков и под видом «верных ленинцев» стал укомплектовывать ими свой партаппарат.

Внутренняя политика Хрущева — захват евреями утраченных позиций в партии и государстве, возвращение к «ленинскому стилю» коллективного руководства (когда никто ни за что не отвечает), замена русских кадров еврейскими (с русскими псевдонимами, как, например, Г. Арбатов, Ф. Бурлацкий, В. Афанасьев, Ю. Андропов и другими). Он же начал создавать различные институты с масонами во главе (так называемые институты советской демократии), которые в конце концов привели нас к буржуазной демократии. К началу правления страной Горбачевым их в СССР насчитывалось 42!

Хрущев отменил празднование Дня Победы — 9 мая. При нем началась кампания по дискредитации наших прославленных полководцев и снятие их с высших военных постов (Жукова, Рокоссовского и других), а также массовое увольнение в запас офицеров, прошедших школу сталинских ударов по врагу. Одновременно созданная им комиссия реабилитировала палачей русского народа: Тухачевского, Уборевича, Якира, Фельдмана и других еврейских военачальников в Гражданской войне.

Первые «демократические реформы» Хрущева (сокращение армии, уничтожение боевых кораблей, самолетов, раздача территории РСФСР, как внутри страны (Крым, Казахстан), так и за ее пределы (Порт-Артур, Порккала-Удд и т. д.), возврат народов, предавших Россию и воевавших на стороне Гитлера, жестоко подавлявших сопротивление русского народа против захватчиков, возврат изменников из заключений, перекачивание ресурсов и материальных средств за рубеж.

В результате «мудрой» сельскохозяйственной политики, «освоением» целинных земель, посадки повсеместно кукурузы и т. д. страна стала испытывать недостаток продовольствия. Он даже пошел на расстрел недовольных его политикой трудящихся в Новочеркасске и вывез часть золотого запаса страны для закупки зерна за рубежом. Таковы некоторые итоги его хвалебной оттепели.

К сожалению, предпринятая попытка отстранения его от

власти не увенчалась успехом. Как это ни печально, но его тогда по иронии судьбы спас Г. К. Жуков — прекрасный полководец, но совершенный профан в политике. Через некоторое время Хрущев «убрал» со своего пути этого честного и порядочного человека, патриота России.

Но самый большой вред нанес Хрущев в области идеологии. Он растоптал авторитет Сталина — великого и всемирно признанного государственного деятеля, воссоздавшего государство Российское.

30 июля 1956 года было опубликовано специальное постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». С этого момента партия взяла курс на «восстановление ленинских норм партийной жизни и развитие внутрипартийной демократии». И с этого момента начался процесс ликвидации компартии и Советской власти.

Готовили эти документы известные деятели — Поспелов (Фогельсон), Пономарев (Розенкранц) и другие верные «ленинцы» под руководством тогда главного идеолога партии — Суслова (настоящая фамилия которого была Зюсс). Конечно, Хрущева, вообще-то неграмотного человека, просто «вели», используя его личные слабости, западные спецслужбы через свою агентуру в партии и КГБ.

При Хрущеве впервые начался ввод в состав Политбюро представителей компартий союзных республик. Тем самым было положено начало замены русских кадров. На политическом Олимпе оказались Мжеванадзе, Мухитдинов, Насриднов, Кунаев, Рашидов и т. д. Вместе с тем были вновь открыты двери проникновению в эшелоны высшей власти евреев, особенно много их оказалось в различных министерствах и ведомствах, где они занялись своей любимой работой по развалу «империи».

Сбылось пророчество И. В. Сталина, высказанное им в беседе с полпредом А. М. Коллонтай в 1937 году: «Многие дела нашей партия и народа будут извращены и оплеваны, прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться. Сила СССР — в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено, прежде всего, против этой дружбы, на отрыв окраин от России… С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время.

Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций… И все же как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь поднимут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом». («Наш современник» (№ 6,1998 г., с. 287).

Так называемый «культ личности» — это не личность. Это огромный сложный административный аппарат, не один миллион функционеров. Личность — только верхушка такого айсберга. Сталин управлял страной, а его политику осуществляли люди. Они были разные: одни заблуждались, другие верили, третьи действовали сознательно, движимые жаждой власти, наживы, мести, зависти и т. д…

Как бы горячо и заинтересованно ни обсуждались сегодня проблемы нашего прошлого, мы не в силах повлиять на него. И многие трудности прошедшего уже позади, а может быть, еще и впереди. Безвозвратны надежды, стремления, разочарования и драмы навсегда ушедших поколений. Мы спорим о прошедшем, ибо часто прошедшее влияет на настоящее, и в этом нужно разбираться самостоятельно. Извлечение правильных уроков очень важно для постижения процессов настоящего времени.

Для историка необходимо твердо придерживаться принципа историзма, четко выявлять ведущую тенденцию в подходе к анализу всей суммы парадоксально взаимодействующих обстоятельств. Умение мыслить противоречиями — основа взвешенного постижения прошлого.

Отказаться от своего прошлого, каким бы сложным и подчас горьким оно не было, — значит обречь себя на незавидную роль добровольного слепца, вынужденного то и дело натыкаться на старые ошибки и заблуждения.

Отказаться от прошлого — значит пренебречь опытом многих и многих поколений. Как человек и гражданин, историк не может уйти от нравственных оценок того, что он увидел в прошлом, его обязанность поведать читателям суть своей моральной позиции в трактовке рассматриваемых событий.

История принадлежит не только человечеству, народу, но и каждому из нас лично.

Почему тысячелетняя история человечества была историей истребления одних людей другими? Почему величайшее благо — человеческая жизнь — все время падает в цене? Но когда непротивление злу может привести лишь к торжеству зла, когда

против зла нет никакого другого лекарства, кроме самого зла, то тогда приходится прибегать к таким средствам, которые навязаны конкретным взаимоотношением сил в конкретных исторических условиях…

К началу шестидесятых годов было ясно: Хрущева от руководства надо отстранить, иначе страна не выдержит его, мягко говоря, «причуд».

Наша политика на международной арене во времена Хрущева носила авантюрный характер. Мир в любой момент мог быть взорван в результате его авантюризма: Карибский кризис, возведение Берлинской стены, разрыв отношений с Китаем, раскол социалистического лагеря. Большего терпеть партия не имела права. На Октябрьском Пленуме ЦК КПСС Хрущев был смещен и вместо него стал Брежнев…

Заслуга Брежнева состоит в том, что он на какое-то время сохранил сталинские кадры хозяйственных руководителей, но продолжал взращиваться местный национализм. Власть наверху снова начали захватывать евреи. Вот пример: Совет Министров РСФСР возглавлял еврей Соломенцев, а Верховный Совет РСФСР еврей Орлов и т. д.

XX век — век техники, без которой нормальная жизнь уже немыслима. А техника — это металл и топливо. Кто реально владеет ими, тот самый сильный и богатый в мире. СССР был самым сильным и богатым, ибо две трети сырьевых и энергетических ресурсов находились у него.

На исходе правления Сталина наша страна стала неприступной для любого военного нашествия. Именно за доставшееся нам от предков огромное наследство Запад развернул против нас «холодную войну», отгородившись от нас «железным занавесом».

Так было до Хрущева, до его «оттепели». Но хрущевская политика привела к ослаблению сталинского щита. Власть Кремля, буквальным образом, вырвалась из-под контроля народа, создав условия для воссоздания у нас «пятой колонны».

За двадцать лет (с начала 60-х до начала 80-х годов) темпы выпуска валовой продукции на душу населения в ведущих капиталистических странах уменьшились в четыре раза. Но уровень жизни там за это время не только не упал, а, наоборот, резко поднялся. Почему Запад отказался от наращивания общего производства и все высвободившиеся средства бросил на высокие технологии и наукоемкие изделия, ибо сумел использовать СССР в качестве сырьевой базы и поставщика второсортных товаров. Сумел он это сделать через подкуп нашей высшей номенклатуры, которая все больше стала дрейфовать в сторону Запада.

С 1962 года мы начали закупать в США, Канаде и других странах зерно, а затем ширпотреб и оборудование, а в обмен гнали туда все, что было необходимо Западу для модернизации его экономики. Одновременно «пятая колонна» в верхних эшелонах власти вязала по рукам и ногам собственную экономику.

Зачем у нас осушались реки и тем самым сокращались сенокосы и пастбища? Зачем миллиарды вкладывались в химзаводы и в мелиорацию полей, когда не хватало крытых токов и овощехранилищ (получалось — улучши землю, побольше вырасти и побольше сгнои)? Зачем затевались все новые стройки заводов и не завершались старые? Зачем лес из Красноярска возили в Вологду, а из Вологды в Красноярск? Зачем магазины заваливались ширпотребом, не находившим спроса? Зачем для запуска в производство новых изделий требовалось согласование в десятках инстанций? Зачем ставились преграды для достойной оплаты высокоэффективного труда?

Ответ один. Затем, чтобы наша экономика была затратной и неконкурентноспособной, а значит, не имеющей будущего.

Имена тех, кто делал ее таковой, кто создавал очереди за продуктами, за импортными изделиями, легко установить. Достаточно для этого сравнить списки аппарата ЦК КПСС, Совмина и Госплана СССР со списками штатов крупнейших банков и коммерческих фирм нынешней Российской Федерации и стран СНГ. Кто тогда искусственно создавал трудности в экономике СССР, тот сегодня либо сам, либо в лице своих детей и внуков богатеет день ото дня.

Сговор части номенклатуры и финансового капитала Запада завершился так называемой перестройкой, реформами, в ходе которых они поделили между собой наше наследство и начали сокращать нас «цивилизованными» экономическими методами, не давая рожать детей, заставляя стариков раньше умирать, а молодых гибнуть в междунациональных войнах и бандитских разборках.

В ближайшие годы России придется похоронить 50–60 миллионов своих граждан, ибо в планы Закулисы не входит кормить такое количество народа. Капиталу Запада и спаянной с ним номенклатурной российской буржуазии надобны в нашей стране только энергоресурсы, сырье, отрасли, их добывающие и транспортирующие и отчасти высокообразованные мозги, которые можно использовать за границей.

Во всем остальном у них нужды нет, и это все остальное — обрабатывающая индустрия, сельское хозяйство, легкая промышленность, наука, школа, культура, армия — подлежат

уничтожению. И эта работа уже ведется целенаправленно и сознательно, под дымовой завесой воплей об объективных трудностях реформ. И многие этому верят, ибо в их головах не укладывается то, как может власть (в лице президента и правительства), именующая себя самой демократической, а значит, народной, намеренно уничтожать основы жизни населения своей страны. Поверьте, что это не их страна, а вотчина.

Некогда эта номенклатура могла повышать свое благосостояние со всем народом, но продалась Западу и сразу урвала жирный кусок нашей с вами собственности. Теперь, в страхе думая о народном гневе, она верно служит врагам нашего Отечества, в надежде получить у них защиту…

Большой ошибкой Брежнева явилось назначение в 1967 году на пост председателя КГБ еврея Андропова (Либермана). Пятнадцатилетняя деятельность его на этом посту привела к тому, что КГБ кишело агентами влияния США и Израиля (генералы Григоренко, Калугин, Шам и другие). Утечка информации шла не только из оборонных организаций, но даже с закрытых заседаний Политбюро.

Вот иностранные данные о сотрудниках КГБ того времени: генерал КГБ Анатолий Иванович Лазарев — еврей. Заведующий нелегальными операциями КГБ Н. А. Корзников — еврей, Управляющий отделом дезинформации В. Р. Ситников еврей, Генерал КГБ Евгений Питовранов — еврей. Заведующий зарубежными операциями М. С. Таймбал-Рогов — еврей. Заведующий операциями против иностранных дипломатов Анатолий Горский — еврей. Генерал КГБ Алексей Иванович Галкин — еврей и т. д. и т. п.

Вот почему был убит Петр Машеров, прославленный руководитель партизан, Герой Советского Союза, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, который мог возглавить наше государство. Был также дискредитирован член Политбюро, секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов (как будто он на свадьбе дочери использован сервиз из Эрмитажа). Это была гнусная ложь.

Незадолго до смерти Брежнева Андропов был снят с поста председателя КГБ и многие считали, что его карьера закончилась. Но это оказалось не так. Мировое еврейство и масонство через бессменного директора института США и Канады еврея Арбатова, который был советником у Андропова, готовили бывшего «душителя» интеллигенции, ныне так его обожаемой (кстати, из всех мемориальных досок, что висели на доме N 26 по Кутузовскому проспекту, осталась только его) на пост

Генерального секретаря ЦК ЦПСС. Его непродолжительное нахождение на этом посту все же позволило усилить позиции еврейства в ЦК КПСС. Благодаря Андропову в Политбюро в 1978 году появился молодой еврей с псевдонимом Горбачев.

Евреи-коммунисты готовили захват власти, но этому мешали оставшиеся в Политбюро русские Устинов (он был министром обороны), Черненко, Романов и другие. Надо было переломить численное большинство русских в Политбюро, что и было сделано после скоропостижной смерти Устинова и Черненко (а точнее, после их устранения).

В 1977 году еврейское окружение Брежнева пошло на отмену старой Конституции. В новой Конституции была исключена основополагающая статья 131: Лица, покушающиеся на общественную социалистическую собственность, являются врагами народа.

В том же году комиссия под председательством Суслова утвердила новый текст Гимна СССР, где единственное упоминание имени Сталина было заменено четырехкратным упоминанием имени Ленина. Оказывается, на труд и на подвиги в годы войны нас вдохновлял не Сталин, а Ленин (умерший в 1924 году). В подлоге текста Гимна СССР участвовал еврей Г. Эль-Регистан. 16 июня 1977 года Суслов выдвинул Брежнева на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В период правления страной Брежневым (1964–1982) партия росла численно, но не качественно. Именно в этот период она пополнялась евреями, а также карьеристами, шкурниками, подхалимами, из которых евреи-коммунисты делали своих союзников. На коммунистов с пороками делали ставку и наши враги за рубежом. Именно из таких «коммунистов» в будущем выросла громадная армия предателей Родины (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Алиев, Вольский, Нишанов, Разумовский, Медведев, Шахназаров, Силаев, Шапошников и другие). Численный состав партии (девятнадцать миллионов членов) позволял создать такую армию.

Другой канал проникновения в высшие партийные органы — через евреек, которые становились женами высокопоставленных русских партийных работников.

Механизм проникновения евреев с целью захвата какого-либо национального государства известен. В частности, для СССР в США была разработана даже специальная Программа (План Даллесса).

К 1985 году, к моменту прихода к власти Горбачева, такая почва в СССР была подготовлена. На ее создание США бросили несколько десятков миллиардов долларов. Сегодня эти доллары

возвращаются к ним с лихвой. Евреи пришли к власти через партию, которая была у власти. Но это была уже не партия единомышленников-коммунистов. Это была полностью разложившаяся (в верхах) партия, погрязшая в коррупции и взяточничестве.

Лозунг «Вся власть Советам!», выброшенный в массы в 1917 году евреями-большевиками (сионистами), нужен был для того, чтобы взять власть. Этот же лозунг, выброшенный евреями-коммунистами (опять же сионистами) в 1991 году, нужен был для того, чтобы удержаться у власти.

С появлением Горбачева в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС (а предлагал его кандидатуру на заседании Политбюро Андрей Андреевич Громыко, который родился в 1909 году в деревне Старые Гремыхи Веткинского уезда Гомельской губернии. Люди в этой деревне помнят его, как сына Исаака Каца). Вот почему его имя находится на почетной доске в кнессете Израиля. Так на экранах телевизоров засверкала шестиконечная звезда Давида, обозначающая, что к власти пришел «наш человек».

Выступая в израильском парламенте (кнессете) летом 1992 года, Горбачев заявил: «Все; что я сделал с Советским Союзом, я сделал во имя нашего Бога Моисея!» Вот то-то, дорогой читатель, ничему не удивляйся в этом мире!

Вот высказывания президента Всемирного еврейского конгресса Эдгара Брофмана о наших «деятелях»: «Мы беседовали с Борисом Ельциным. Это очень колоритная фигура, это наш человек», «Я целых 55 минут провел с Президентом Горбачевым. Мы говорили о продолжении исхода евреев. Когда я перевел разговор на Израиль, он сказал, что с симпатией относится к Израилю и будет оказывать всяческое содействие ему.

Была у меня беседа с бывшим министром иностранных дел Шеварднадзе. За последние пять лет у нас с Шеварднадзе сложилась замечательные отношения. Честный, достойный человек, он курировал еврейский вопрос в партии и правительстве… Я не хочу впадать в мелодраматизм, но должен вам сказать, что у этого человека были слезы на глазах, когда мы расставались.

Мы встретились также с новым министром внутренних дел. Это очень важная фигура. В свое время он работал в КГБ. Я сказал, что мы очень внимательно регистрируем все антисемитские инциденты по всему миру. Надеюсь, вы понимаете, — заявил я ему, — что со времени окончания мировой войны деятельность руководителей государств в сфере прав человека оценивается по тому, как они относятся к своему еврейскому населению. Мы будем за вами очень и очень следить».

И далее: «Министр внутренних дел СССР Бакатин все отлично понимал, так как… работая в структурах КГБ, работал и на израильскую разведку «Мосад».

Вся организационно-партийная работа в партии оказалась в руках еврея, Разумовского. Международные связи партии в Политбюро оказались в руках еврея А. Н. Яковлева, завербованного в США. А вся пропаганда — в руках еврея В. А. Медведева.

Итак, Разумовский добивал последние русские кадры в областях: снимал русских секретарей обкомов и на их место ставил или еврея с русской фамилией, или продажного русского.

А. Н. Яковлев сближал еврейское лобби в ЦК КПСС с еврейским лобби в США.

Еврей Вадим Медведев активно проводил евреизацию органов пропаганды. Редакторами всех печатных органов стали евреи с русскими фамилиями. В сентябре 1989 года в Москве стал функционировать вполне легально Координационный совет по подготовке к съезду еврейских организаций. И такой съезд состоялся в Москве 18–21 декабря 1989 года, который взял курс на. захват власти и свержение советского правительства. Практической «сионизацией «еврейского населения СССР занималось ряд еврейских обществ, действовавших под различными вывесками. Главным организатором всего этого был А. Н. Яковлев. Достаточно вспомнить его выступления, где он сионизм представлял как религиозное течение. И «интеллигенция» из разных институтов, КБ, обществ и т. п. ему безоговорочно верила.

При формировании последнего созыва депутатского корпуса СССР безальтернативно стали народными депутатами 750 человек, в большинстве из которых евреи. В последнем выступлении Горбачев (под новый, 1991 год) сказал советскому народу: «Будущий год особенный. На него падает решение вопроса о судьбе нашего многонационального государства…»

Горбачев недвусмысленно дал понять, что в новом, 1991 году с Советским Союзом будет покончено. Эта роковая фраза крупнейшего изверга, к сожалению, никого не встревожила, никого не заставила задуматься!

Уж таков наш народ. Он никогда не мог вовремя себя обезопасить, все чаще надеясь на «авось».

Перед тем как снова прийти к власти в России, евреи ловко использовали недовольство в народе злоупотреблениями партийных чиновников. Но народ не знал, что партийное чиновничество — это порождение еврейского партаппарата. Надо было давно очищать от него социализм. По сути дела это были

пиявки на могучем теле народа. Наглость их в последнее время была чрезмерна, и народ был возмущен до крайности. Начав борьбу с этими перерожденцами, народ не смог во время остановиться, тем более что его всячески подначивали. Словом, свора эта вышла из воды сухой, а социализм и советское государство пошло на слом. Все это делалось с помощью прессы, которая всегда была в руках евреев как идеологический инструмент. Они ж в газетах, на радио и телевидении разлагали общественное сознание, осмеивали буквально все, и конечно же в первую очередь, все русское, национальное. Они проповедовали корыстолюбие, жадность, месть, жестокость. С маникальным размахом пресса возбуждала самое низменное, самое темное в душах простых людей. Она отравляла словом как трупным ядом, человеческое сознание, нервировала, держала всех в постоянной лихорадке, сбивала с толку, сеяла повсюду смуту и разврат.

События в августе 1991 года в Москве были представлены в виде восстания народа против партаппарата. Роль «восставших» сыграли уголовники, а устроили этот шабаш все те же патентованные ненавистники России и русских и их приспешники. Через своих людей в руководстве Московского военного округа были провокационно введены в Москву танки, а затем разыграли смерть трех «героев»-хулиганов, в числе их оказался один еврей. Снова интернационал. Организаторы переворота все учли. Они всегда следили за ритуалами, так сказать, на необозримое будущее. Затем они устроили «жертвам, Героям Советского Союза», пышные похороны. И все было у них как всегда славненько.

Движущей силой всех этих событий была ненависть к нашему строю, о чем признаются и сами еврейские идеологи, в частности А. Н. Яковлев. Чтобы осуществить конечную цель мирового еврейства, в Беловежье был ликвидирован СССР. Под диктовку из Вашингтона Ельцин подписал Указ # 1400, запрещающий деятельность Верховного Совета РСФСР и местных советов.

Но этого было недостаточно — последовал расстрел русского парламента. Расстреливали здание парламента и людей, находившихся возле него не евреи, а нанятые ими за доллары русские подонки в офицерских погонах. Задача евреев: заставить убивать неевреев нееврейскими же руками. Россия получила в очередной раз еврейскую оккупацию.

Ликвидировав в октябре 1993 года Верховный Совет России, состоявший из 1033 депутатов, евреи в спешном порядке для создания видимости русской власти провели выборы в Государственную Думу. Чтобы легче пройти и заполучить большинство в Думе, количество депутатских мест было

сокращено более чем вдвое (до 450). Выборы провели по новой конституции, составленной Шейнисом. Искусственно наделали множество партий и движений, не выражающих интересы народа. Видимо, поэтому народ фактически не принял ни новую конституцию, ни новый парламент.

Если обратить внимание на состав Думы, ушедшей в декабре 1995 года в отставку, то только пять человек назвали свою национальную принадлежность еврей (Шейнис, Шелиш, Гусман, Заславский, Томчин). Большинство евреев скрыли свою национальность, назвавшись русскими: Гайдар, Чубайс, Филатов, Бунич, Бурбулис, Авен, Юшенков, Глеб Якунин, Нуйкин, Борис Федоров, Явлинский, Петраков, Шостаковский и другие. Два еврея (Шабад и Амбарцумов) назвались армянами.

10 января 1996 года в Москве прошел объединительный съезд еврейского конгресса, организаторами которого явились международное еврейство и правительство Москвы, а инициатива созыва конгресса исходила от владельца «МОСТ-банка» Гусинского. Отныне евреи официально легализовали в России свою организацию, тайные цели которой все больше проявляются в ее практических делах.

Орудием евреев — новых демократов в России — является капитализм и пресса, деньги и пропаганда. Мишень же всех разрушительных сил, однако, нееврейское имущество. «Богатство всего света принадлежит нам» — вот скрытый лозунг еврейского разрушительного дела на земле. Многие клянут коммунистов-большевиков, но нельзя же винить тех из них, которые в годы войны со связкой гранат бросались под вражеские танки или таранили вражеские бомбардировщики…

Сегодня, после ликвидации СССР, мы являемся свидетелями новой попытки еврейства установить над всем человечеством свой мировой порядок. На территории нынешней России проживает почти 120 миллионов русских, и у них практически отняли все. Теперь перед мировым еврейством стоит задача изгнания русских и с их исконных земель и овладения этой огромной территорией.

Еврейско-демократическое руководство Россией вынашивает планы расчленения территории на отдельные мелкие государства. Россия для них, как и СССР, все та же империя, которую им во что бы то ни стало хочется разрушить. Русские видят это, но пока молчат, и в этом суровом безмолвствии евреи чувствуют приближающуюся грозу. Они уже сегодня, если внимательно проанализировать прессу и радиотелевизионные передачи, содрогаются от мысли, что настоящие русские могут в какой-то час проснуться! А уж если они проснутся, то, без

сомнения, к врагам России они будут относиться так, как Сталин относился к троцкистам! Второго тут не дано.

Каждый русский должен для себя осмыслить слова, сказанные нашим замечательным национальным мыслителем П. Киреевским: «Нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства собственного достоинства… Чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти».

Потому нам надо всегда хранить нашу национальную память, потому что в этом бесценном хранилище всегда можно почерпнуть много исторически проверенных истин. Одна из них предупреждает нас о том, что евреи опасны тем, что являются почти всегда зачинщиками войн. Война для них, следующих далеко позади наступающих, всегда оборачивается выгодой. Их больше остается в живых. А живым во все времена и везде были ордена, должности, трофеи, мертвым же лишь — вечная слава.

«Пятая колонна» из так называемых «пламенных революционеров» привела к гибели наше советское государство, но все имеет, начало и конец. Я верю в то, что наше общество объединится для отпора врагу. Такое время уже пришло. Мы должны выйти с победой из этих страшных испытаний. История еще раз предоставляет нам уникальный шанс победить внешних и внутренних врагов и доказать тем самым, что мы непобедимы, потому что за нами правда.

Ныне лишь две партии по национальному составу практически русские: Аграрная партия и КПРФ. С ними народы России связывают свою судьбу. Главное, чтобы эти партии более ярче выражали свой национальный характер, тогда русский народ пойдет за ними и снова над страной будет поднято святое знамя нашей победы.

Глава 11
США, сионизм, ООН и Россия

Отношения России и Европы, России и Запада важны для обеих сторон. Природа многовекового противостояния остается по-прежнему неуловимой для строгого научного определения. А это ведет к неправильной оценке ситуации, роковым ошибкам, оплакивать которые приходится миллионам простых русских людей.

«Бог любит богатых!» — этот лозунг принадлежал пуританам, переселенцам из Европы в Америку. Мессианизм стал официальной американской доктриной государственности. Джордж Вашингтон в 1789 году, вступая на пост президента США, заявил, что «сохранение священного очага свободы зависит от эксперимента, вверенного в руки американскому народу. Это был год начала французской революции.

Американцы-колонисты проводили постоянную экспансию, зверски истребляя коренное население, захватывали их земли. Они вводили так называемые подвижные границы.

Американский автопромышленник Генри Форд в 1922 году писал следующее в своей газете: «История евреев в Америке начинается с Христофора Колумба. 2 августа 1492 года более 300 тысяч евреев было изгнано из Испании. И часть из них вместе с Колумбом прибыла в США, где пришельцы уничтожили миллионы индейцев. Оставшихся в живых они же заперли в резервациях. Они же занимались работорговлей. 150 миллионов африканцев-рабов было увезено за океан, где они использовались как вьючные животные, правда, почти половина их погибла в пути, так и не увидев земли. Система американизма — это система паразитического существования за счет чужих ресурсов».

Американцы хорошо знают, что народ, утративший жизненную силу, мужество и способность к борьбе, гибнет под ударами социальных катастроф.

Много было парадоксального во взаимоотношениях России и США. Парадокс это есть мнение, противное общему, на первый взгляд странное, невероятное. Но так бывает в жизни и в истории государств!

Нужно быть готовым к зигзагам истории. Не обескураживаться, когда события обгоняют теорию. Искать аналогии в истории — дело сложное, но необходимое, чтобы не повторить ошибок предков, но это многим не по душе, ибо часто приходится отказываться от приклеенных ярлыков.

Наполеон Бонапарт незадолго до своей смерти записал в дневнике: «Я был сам своим худшим врагом. Причиной моего падения стали мои собственные планы… Я могу лишь добавить, что те, которые никогда мне не возражали и одобряли мои действия, принесли мне только вред. Это были мои главные враги».

Американский автор Джеймс К. Уорнер написал книгу «Страна СОВ». Он расшифровывает понятие «СОВ» как Скрытая Оккупационная Власть». Автор утверждает, что даже мысль о возможности существования некой организации (скорее тайной, чем явной), достаточно могущественной для того, чтобы владеть Соединенными Штатами, кажется дикой, выглядит нелепой игрой воображения, но такая власть существует. Раскроем ее аббревиатуру: скрытая или неприкрытая — сионистская. Сионисты — это те, кто готов пожертвовать любым человеком, кем угодно, любым народом для большого блага Израиля; оккупационная — стремится обладать насильственно, а не по доброму согласию; власть — стремится держать в руках, контролировать население…

Современный читатель может не без удивления узнать, что сионистско-масонские круги сыграли немалую роль в трагическом исходе русско-японской войны 1904–1905 годов… Для того чтобы столкнуть Японию с Россией, необходимо было устроить для Японии не только военные займы, но и горячее сочувствие в Америке и Англии. Это сочувствие было раздуто американской печатью, которая почти вся находилась в еврейских руках. В течение ряда лет целая армия этих писак клеветала на Россию, возбуждала ненависть и презрение ко всему русскому. В результате общественное мнение не одной Америки было сбито с толку. Громадный читающий мир был жестоко обманут; сложилось враждебное как бы атмосферное давление против нас.

Василий Шукшин в рассказе «Чужие» описывает: «Когда вспыхнула японская война, русское правительство думало прикупить несколько броненосцев у республики Чили… Такие броненосцы нашему флоту и не снились. Запросили за них чилийцы дешево: почти свою цену. И что же? Из-за дешевизны и разошлось дело. Русский уполномоченный, Солдатенков, откровенно объяснил: «Вы должны просить, по крайней мере, втрое дороже. Потому что иначе нам не из-за чего хлопотать. Шестьсот тысяч с продажной цены каждого броненосца получит великий князь Алексей (дядя Николая II). Четыреста тысяч надо дать госпоже Балетта (любовнице Алексея). А что же останется на нашу долю — чинам морского министерства?..

Чилийцы, возмущенные наглостью русских взяточников,

заявили, что их правительство отказывается вести переговоры с посредниками, заведомо недобросовестными. Японцы же, как только русская сделка расстроилась, немедленно купили чилийские броненосцы. Потом эти самые броненосцы топили наши корабли в битве при Цусиме».

Интересно отметить, что эта история не выдумана писателем, она произошла в действительности. Правда, торги происходили не с Чили, а с Аргентиной и персонажами их были не русские казнокрады, как нам представлялось, а американские сионисты.

Предоставим слово политическому обозревателю известного японского журнала «Тюо корон» («Центральное обозрение») Касэ Хидзаки: «Накануне русско-японской войны Япония закупила у Аргентины два броненосца за полтора миллиона фунтов стерлингов, но в то время в лондонском отделении Токийского валютного банка было всего лишь 150 тысяч фунтов, так что посланник даже выдал долговое обязательство… Вице-президент Японского банка Такасахи Корэкие направился в Нью-Йорк и Лондон просить кредиты, однако в США успеха не добился. По прибытию в Лондон ему понадобилось целых полтора месяца, чтобы уговорить английских банкиров взять на себя хотя бы пять миллионов фунтов стерлингов облигаций японского займа. И вот находясь в таком затруднительном положении, он был приглашен на ужин к одному английскому другу и там за столом неожиданно познакомился с американским евреем-банкиром Дж. Шиффом, главным представителем торгового общества «Кун-Леб». Шифф сидел рядом с Такахаси. Позднее Такахаси в своей «Автобиографии» рассказал об этом так: «За ужином Шифф подробно расспрашивал об экономическом положении Японии, о настроениях людей после начала войны. Я как можно учтивее отвечал… И вдруг Шифф взял на себя пять миллионов фунтов стерлингов. Я был несказанно рад этой манне небесной».

Так, чтобы напакостить русской империи, которую они люто ненавидели, якобы за пресловутую «черту оседлости», евреи готовы были помогать любому врагу России.

Позже, вплоть до окончания войны, Япония еще трижды объявляла подписку на займы, доходившие до 72 миллионов фунтов стерлингов, и Шифф вложил десять миллионов, добившись согласия германских еврейских банков, а чуть более четырех миллионов снова взял на себя. Таким образом, получается, что свыше половины оружия эскадры адмирала Того в Цусимском сражении и японской армии на материке было еврейского происхождения. Поэтому японский император, когда Шифф после войны посетил Страну восходящего солнца, тепло поблагодарил его и вручил ему орден Священного Сокровища 2-й

степени…

И далее Касэ Хидзаки утверждает: «К концу 20-х годов некоторые японские пацифисты даже стали заявлять, что их страну заставили воевать с Россией в результате происков евреев…»

Шифф появился и в Портсмуте, где проходили мирные переговоры между Японией и Россией, вместе с президентом Теодором Рузвельтом. Он встречался с главой русской делегации Витте и обратился к нему с призывом прекратить преследование евреев в России.

А вот что говорят о Шиффе в нынешнем Израиле в газете «Джерусалем пост» и в книге Дэвида Кранцлера «Япония, нацисты и евреи»:

Они тоже признают, что на займы Дж. Шиффа «было построено более половины японских военно-морских кораблей, которые сыграли решающую роль в поражении русского флота», добавляя, что Шифф до сих пор считается верным другом Японии и о нем там говорят с почтением»…

Перед Второй мировой войной транзитом через СССР в Японию прибывало много евреев из Западной Европы, которые впоследствии направлялись в другие страны. Японцы довольно, в отличие от нацистов, лояльно относились к евреям. Их деньги прекрасно делали свое дело.

Одним из мостов между японским милитаризмом и всемирным еврейством стал троцкизм, сионо-масонские привязанности которого общеизвестны.

В 1935 году Троцкий, давно изгнанный из СССР, прислал в Москву своему сподвижнику К. Радеку письмо, в котором говорилось о необходимости секретного соглашения с германским и японским правительствами. Троцкий писал, что диверсионные акты отныне должны совершаться под прямым «наблюдением немецкого и японского верховных командований», и перечислял уступки, без коих троцкисты не могли и надеяться прийти в Советской России к власти:

«…Нам придется уступить Японии сахалинскую нефть и гарантировать ей поставку нефти в случае войны с Америкой. Мы также должны допустить ее к эксплуатации золота. Мы должны будем согласиться с требованием Германии не противодействовать ей в захвате придунайских стран Балкан и не мешать Японии в захвате Китая… Неизбежно придется уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии — Украину».

(Этот материал опубликован в книге М. Сейерс, А. Кан «Тайная война против СССР», перевод с английского, Москва, 1947 г., с. 339.)

В готовящемся заговоре принимали участие советский посол в Японии К. К. Юренев (Кротовский) — тайный троцкист и бывший посол в Англии и Франции старый друг Троцкого — Х. Раковский. В сентябре 1934 года Раковский в составе советской делегации выехал в Японию на международную конференцию обществ Красного Креста. Перед отъездом он получил от Пятакова пакет, который должен был передать послу Юреневу. В обычном письме были зашифрованы данные для переговоров с японцами. Японцы согласились с предложениями, и связным между Раковским и японской разведкой стал доктор Найда, секретарь делегации Красного Креста.

Раковский начинал свою «революционную деятельность» как агент австро-венгерской разведки еще до Первой мировой войны. А нынешние «демократы» реабилитируют его и сотни таких, как он, трогательно называя их жертвами сталинизма.

В Японии вышла книга Исайи Бендавсова «Японцы и евреи», написанная одним из членов еврейской общины в Японии. Бендансон родился в 1918 году в городе Осака. Его отец вел торговлю с Китаем, а Исайя выбрал себе еще более выгодные объекты. В 1941 году, понимая, что японцы не способны выиграть войну на Тихом океане, Бендансон эмигрировал в США, в 1945 году вернулся в Японию. В 1947 году, незадолго до образования государства Израиль, переехал в Палестину, жил в Тель-Авиве, в 1950 году снова вернулся в Японию, в 1955 году опять переехал в США, но продолжал часто посещать Японию «по торговым и другим делам», как сказано в издательской аннотации. Словом, это типичная космополитическая фигура, столь характерная для международного сионизма.

Исходный пункт этого опуса — некая общность судеб японцев и евреев. Заключается она якобы в том, что и те и другие принадлежат к избранным этническим группам, высшим по сравнению с другими народами земли.

Автор восторгается той ловкостью, с какой сионисты, одурачив весь мир, захватили Палестину, уничтожили или загнали ее коренное население в резервации, а теперь непрерывно расширяют границы своей империи на Ближнем Востоке. Его восхищает высокомерие, с которым Израиль и сионизм относятся к мировому общественному мнению, к международному праву и решениям ООН.

Есть в книге Бендансона и то, без чего ни один милитарист или сионист просто не может обойтись — злостные нападки на Россию и русских.

Палестинскую проблему он ставит с ног на голову и без обиняков заявляет, что в политике Израиля нет ни агрессии, ни

территориальных притязаний…

Одним из важнейших средств подчинения разных стран всемирной финансовой олигархии являются так называемые частные клубы, типа Бильдербергского клуба, названного по отелю Бильдерберг в Голландии, где в 1954 году состоялось его первое заседание. В это невинное на первый взгляд объединение входили американские президенты Г. Трумэн и Дж. Форд, бывший руководитель Управления стратегических служб США (впоследствии ЦРУ) У. Доннован, его преемники А. Даллес и Б. Смит, генеральные секретари НАТО М. Брозио и И. Луне, крупные немецкие, английские и французские политики и финансисты, в том числе и связанные в прошлом с нацизмом. Но главные их связи, как показывают В. Пигалев, В. Бегун, Н. Якименко и другие исследователи идут по масонской линии.

Есди Бильдербергский клуб включал в основном представителей стран Запада, то созданная в 1973 году ему в помощь Трехсторонняя комиссия была призвана расширить сферу деятельности масонов. Официальная цель этой комиссии состояла в том, чтобы «объединить или хотя бы согласовать усилия Северной Америки, Западной Европы и Японии в преодолении экономических невзгод и политической нестабильности», а фактически — распространить западную диктатуру не только на эти районы, но и на весь мир. Имена многих членов комиссии «стоят и в списках масонских лож: Д. Рокфеллер, З. Бжезинский, Д. Картер, С. Вэнс, М.Блюменталь…»

Итак, в истории связей сионизма с Японией можно выделить два главных периода. Первый — с начала века до второй мировой войны. Он характеризуется тем, что международный сионистский комплекс контактировал в основном с императорским правительством с целью нанесения урона России. Второй период военный и послевоенный, когда сионизм проторил дорогу и к японскому обществу и в первую очередь к его промышленным и банковским кругам, нашел себе союзников и прислужников.

Один американский сенатор в 1991 году сказал: «В прошлом году мы победили в «холодной войне». В нынешнем году мы победили в войне в Персидском заливе. Теперь настало время победить в войне, которая является самой важной для будущего Америки — в торговой войне.

Ясно, что в первом случае речь идет о победе над СССР, во втором — над Ираком, а в третьем — прежде всего над Японией и другими странами мира. Речь идет о победе над всем миром!

Но возвратимся к книге американца Джемса К. Уорнера. Он утверждает, что американские правители оказываются на проверку заурядными марионетками, управляемые скрытой

рукой. «Западная пресса несвободна, поскольку она должна подчиняться сионистским интересам. Менахем Шалев, сотрудник Израильского консульства в США: «Журналисты, издатели и политики, коли на то пошло, не однажды подумают, критиковать ли Израиль, если будут знать, что получат тысячи негодующих звонков в течение нескольких часов. Наше лобби хорошо в инструментовке давления. Израильское присутствие в Америке всепроникающее. Когда был шум вокруг Ливана (массированная бомбардировка гражданского населения и пр.), пресса не высказывала ничего без нашего сопутствующего комментария».

Реклама: Евреев всего около трех процентов американского населения. Стоит сопоставить этот процент с тем временем и пространством, которое отводится «нашими» средствами массовой информации евреям, то становится тошно. Делается все, как ими и задумано.

Словесный понос: Репортер советует посмотреть на Ливан, а сам указывает на Израиль.

Клеветнические измышления: На протяжении 1986–1987 годов Курт Вальдхайм — президент Австрии поносился несчастными плаксами и верными им средствами информации как человек, заподозренный в военных преступлениях. В то же самое время американские средства массовой информации постоянно отказывались осудить вождей Израиля за военные преступления против палестинцев.

Гестаповская практика: Израилю не нравилось освещение войны в Ливане. И они заявляли: «Если мы предпримем войну против «Вашингтон Пост», то мы найдем подходящее время и место». Даже мягкую критику стараются душить заблаговременно.

Цензура: В 1988 году «наше» правительство вынуждено было закрыть информационный центр ОПП (Организация Освобождения Палестины) в Нью-Йорке, но не посягнуло на свободу действий израильского центра.

Отто фон Бисмарк в свое время писал: «Разделение Соединенных Штатов на две федерации равной силы было намечено задолго до Гражданской войны высшей финансовой властью Европы. Эти банкиры боялись, что если бы США остались единым целым и одним народом, то получили бы экономическую и финансовую независимость, что ограничило бы власть банкиров над всем миром. И они направляли своих эмиссаров возбуждать вопрос о рабстве и таким образом рыть яму между двумя частями Республики».

Натан Ротшильд, самый могущественный человек Европы XIX века говорил: «Мне не важно, кто правит страной, дайте мне ее

денежные струны, и я подчиню ее».

Создатели Соединенных Штатов, среди них Вашингтон, Мэдисон, Джефферсон, Джексон и Линкольн боролись против самой идеи «центрального банка». Тем не менее, доверенное лицо Ротшильда — Поль Уорбург образовал Федеральную Резервную Систему как раз ко времени: надлежало провести громадные правительственные займы, необходимые для поддержки союзников по первой мировой войне. Несмотря на свое название — Федеральная Резервная Система находится в частном владении.

Томас Джефферсон говорил: «Если американский народ когда-либо допустит, чтобы частные банки держали в своих руках выпуск денег, то сначала посредством инфляции, потом дефляции другие банки и корпорации, разросшиеся вокруг них, лишат народ его собственности, и однажды дети пробудятся бездомными на земле, которая была завоевана отцами»…

Неприкрытое вторжение в намеченную страну: В начале двадцатого века евреи хлынули в Америку подобно тому, как в 40-х годах — в Палестину.

Массовое человеческое жертвоприношения для достижения намеченных целей: Вудро Вильсона переизбрали президентом в конце 1916 года, он обещал «удержать нас в стороне от войны» и сохранить строгий нейтралитет. 23 января 1917 года он уверял Конгресс, что желает во чтобы то ни стало сохранить мир с Германией, однако 2 апреля 1917 года Америка вступила в войну, что стоило ей 117 тысяч жизней. Ради чего? Англия отчаянно просила о помощи, и сионисты предложили ей американские богатство и человеческую силу в обмен на обещание отдать им Палестину.

Эта договоренность достигнута была лордом Бальфуром и поэтому названа Декларацией Бальфура. «Первая Мировая война была нашим высшим отмщением христианскому миру» — сказал граф Менедзрф, послевоенный посол Австрии в Англии.

Автор не указывает истинных причин вступления США на последнем этапе первой мировой войны в военные действия: были разгромлены три европейские империи — германская, австро-венгерская и русская. Начался послевоенный хаос и все богатства этих империй потекли в банки сионистов Америки. В этом вся суть дела: война для них — мать родная и они за всю историю человечества подстрекали народы мира на междоусобицы и войны, чтобы наживаться на страданиях миллионов людей разных рас и религий. Главное для них — НАЖИВА!

Убийства патриотов: Последние слова Уильяма Джойса (был

приговорен в Англии к смерти. за антивоенную деятельность): «Смертью своей, как и жизнью, бросаю я вызов евреям, послужившим причиной последней войны, и бросаю вызов силам тьмы, стоящим за ними. Я горжусь, что мне довелось умереть за мои идеалы, и очень сокрушаюсь за сыновей Британии, идущих на смерть неизвестно зачем».

Терроризм по отношению к патриотам: Иосифа Шехтера, главу подразделения местной Еврейской лиги самозащиты, угораздило подложить бомбу под дверь канадского активиста. Адвокат Шехтера привел аргументы для защиты преступника такие: мол, его клиент мог оставить и значительно большую бомбу, однако, захотел ограничиться «маленькой» и «символической» (1918 г. Канада).

Соглашение о Геноциде 1949 года недавно вступило в силу закона и позволяет Всемирному Суду возбуждать дело против любого американца, критикующего Израиль. Международное соглашение вдруг оказывается выше нашей Конституции.

Разоружение белых: Жена сионистского шпиона Полларда работала секретарем в Национальной Стрелковой Ассоциации. Каждая ячейка СОВ, естественно, стремиться разоружить своих номинальных хозяев, чтобы их политика и стратегия могли принести себе же еще более горькие плоды.

Происходит захват Америки с помощью судебной системы. Создатель Еврейской организации самозащиты Мордехай Леви заявил: «Чтобы ни делалось, совершается праведное дело». Глава Нью-Йоркской Еврейской лиги самозащиты Виктор Вансиер, в частности, заявил (апрель 1986 г.): «Подполье нанесет удары по целям и заставит — американцев разинуть рты». Он продолжал: «Видный палестинец, живущий в США, намечен для ликвидации. «Меньше, чем через месяц, профессор Тем-пельского университета Измаил Фаруки и его жена были убиты. Сионисты нарушают любой закон, который не подходит им.

Регулируемая и направленная цензура: «ПМ» — Нью-Йоркская ежедневная промарксистская радиостанция — была обвинена представителем Анти-Диффамационной Лиги в антисемитизме.

Угроза судом: Сионистская марионетка Теодор Соренсон угрожал судом, чтобы принудить ЭН-БИ-СИ прекратить мини-сериал «Америка».

Движение за гражданские права: Самый большой и наиболее заметный источник дискриминации в Америке — это движение за гражданские права,

«Еврейская община давно уже является финансовым хребтом движения за гражданские права» («Нью-Йорк Таймс»).

Нападение на культуру, развлечения, религии, образование.

«Они обнаруживаются за всяким социальным волнением, поскольку они у основания всех эпидемий безнравственности (композитор Ференц Лист).

«В своей стране наблюдаются определенные потоки влияний, которые создаи заметное ухудшение нашей литературы, развлечений и социального поведения…» (Генри Форд)

Рихард Вагнер анафематствован в Израиле. Почему? Возможно, из-за замечаний об иудаизме в музыке: «Что касается искусства и особенно музыки, мы хотим объяснить распространенную неприязнь к еврейской природе… Ее влияние на музыку отвратительно и холодно безразлично ко всему пламенному и высшему, к прочувственной страсти. Еврей не способен дать художественное выражение своим чувствам, а музыка — язык страсти». Далее: «Еврей нуждается в широчайшем распространении разновидностей модернизма, в том числе и в музыке, чтобы разрушить вкус общества. Он напрочь лишен искусства в себе самом».

Индустрия модернизма — гигантское мошенничество. Марлон Брандо: «Вы можете увидеть каждый народ выставленным на смех, но только не их, евреи, очень следят за этим. Они никогда не допустят, чтобы такое попало на экран. («Плейбой», январь 1979 г.).

Стараются возвысить «голубых». Гомосексуалистами не рождаются, они рекрутируются. Рекрутируются из кого? При помощи рекламы.

Переиначивание истории. Это хорошо известно советским людям и всем гражданам ранее великого и несокрушимого СССР.

История о Холокосте печатается и навязывается всем непрестанно.

Предостережение: контроль политики. «Есть только одна сила, с которой следует реально считаться: сила политического давления. Мы самый могущественный народ на земле, потому, что обладаем этой силой и умеем ее применять. («Еврейский Еженедельный Бюллетень»).

Первая мировая война: В 1917 году Вудро Вильсон склонен был поддержать представленный ему договор с Царской Россией, которая при Николае II противостояла Сиону. «Не успел президент утвердить… как еврейская депутация пожаловала из Нью-Йорка и за два дня подготовила обе палаты конгресса так, что президенту пришлось план свой оставить». А после победы большевистской революции в России делалось все возможное американскими евреями, чтобы поддержать коммунистическую Россию, имея целью уничтожение прежде всего русского народа.

Вильсона, а в период второй мировой войны Франклина Рузвельта, контролировали сионисты. Многих американских политиков, отказавшихся быть марионетками, от власти оттесняли сионисты.

Экономическая мощь СОВ. Об этом хорошо известно всему миру. Деньгами мира управляют еврейские банкиры, штаб-квартира которых находится в США.

Расовые манипуляции из СОВ. Версальская конференция, завершившая кровавую баню Первой мировой войны, получила ироническое прозвище «Кошерная конференция». Кошерная толпа наполняла и Лигу Наций предшественницу ООН, а ООН сейчас сама предшественница Единого Мирового Правительства.

Вся общественная жизнь американского народа находится фактически в руках организованной еврейской мафии.

Флаг ООН (или Единого Мирового Правительства) голубой и белый, как и у Израиля.

Относительно Второй мировой войны Хаим Вейцман, президент Всемирного Еврейского Конгресса заявлял 3 декабря 1942 года: «Мы не отрицаем и не боимся признавать, что эта война — наша война и что она ведется ради освобождения еврейства».

Сведения о газовых камерах Аушвица и других немецких концлагерей выдумка, признания об этом добивались американскими следователями — евреями под пытками.

Дневник «Анны Франк — типичная фальшивка, ибо частично написан шариковой ручкой, которые появились после войны.

Джордж Оруэлл писал: «Тот, кто контролирует Прошлое, контролирует Будущее. Тот, кто контролирует Настоящее, контролирует Прошлое».

Чуждая паразитическая сила контролирует шесть болевых точек американского общества (средства информации, экономику, демографию, правосудие, культуру и политику). Это и есть СОВ.

Двумя наиболее динамичными после второй мировой войны народами были японцы и немцы, относительно независимые и однородные по этническому составу…

Поскольку паразитический стиль жизни основан на уязвлении коренного населения, все, что содействует возрождению национальной гордости и общественного здоровья, опасно для СОВ.

В заключение американский автор приводит предостережение президента Джона Адаме: «Демократия никогда не продолжается долго. Она слабеет, истощается и убивает себя. Никогда еще не было демократии, не совершившей

самоубийства»….

Дорогие читатели!

Запомните навеки вечные: Мы не нужны Западу, как страна со стабильной процветающей экономикой, мы нужны ему лишь в качестве колонии! Запад сделал все от него зависящее для скорейшего разрушения нашей экономики. И ни о какой серьезной помощи с его стороны не может быть и речи! Мы побежденная страна со всеми вытекающими из этого трагического факта последствиями…

Но народ нельзя обманывать до бесконечности. Он умеет отличить добро от зла и не позволит больше издеваться над собой. Сейчас на просторах великой России бал правит корысть и беззаконие, но большинство людей живет по законам правды, добра и совести. В этом залог будущих наших народных побед!..

Большинству читателей знакома маленькая, но очень важная книжка «Протоколы сионских мудрецов». Суть этой книги — захват мирового господства евреями. Многие годы утверждалось, что это фальшивка, состряпанная в недрах III охранного отделения, а затем была издана С. А. Нил усом в России.

Правда в другом: не было и не могло быть в составе корпуса жандармов России такого гениального фальсификатора. Чтобы написать такую книгу нужно было знать предмет досконально. Протоколы, к несчастью человечества, подлинные, что подтверждается новейшими научными изысканиями. Написал их на древнееврейском языке Ашер Гинцберг, который родился в Сквире Киевской губернии 5 августа 1856 года в еврейской семье из секты хасидов.

На X Базельском Конгрессе сионистов в 1911 году эти протоколы обсуждались. Текст протоколов был на французском языке. Один из списков был получен русской разведкой и затем он стал известен в мире. За границей он был впервые опубликован Генри Фордом, а затем уже на него ссылались А. Гитлер и А. Розенберг…

Работая в Германии с 1945 года и владея в совершенстве немецким языком, мне естественно часто приходилось сталкиваться с вопросами отношения простых немцев, солдат и офицеров вермахта, а также чинов гитлеровской администрации к евреям и к еврейскому вопросу в целом. Получалось, что под впечатлением целенаправленной нашей пропаганды против злейшего врага наших народов и СССР в войну, что совершенно естественно, враг подавался, как исчадие ада. Честно говоря, нацисты-фанатики действовали совершенно бесчеловечно и заслужено били осуждены всем человечеством. Осудили их и сами немцы-труженики, которые и сами терпели всякие

трудности военного времени.

Но мои друзья доверительно мне рассказывали о Г действиях самих евреев и особенно сионистов, которые оказывали всяческую помощь гитлеровцам, особенно денежную. Я лично видел счета, которые еврейские банкиры передавали нацистской партии для борьбы с «коммунизмом». Проводилась политика переселения евреев немцами в Палестину. Многие евреи, которые скрывали свои подлинные корни, служили в вермахте и даже в СС. Некоторым из них присваивались звания «почетных арийцев». В советском плену после войны оказалось свыше 10 тысяч евреев из Германии и европейских стран, которые служили в вермахте.

В Германии после войны, да и сейчас запрещено, что-либо говорить плохое о евреях, ибо это подвергается преследованию. В моей библиотеке есть книга на немецком языке «Гитлер-основатель Израиля». Написал ее немецкий офицер, кавалер рыцарского креста Хенниг Кардель. Книга написана на документальных материалах или публикациях буржуазной прессы. Когда она вышла в свет, по решению немецкого суда весь тираж был утоплен в гамбурской бухте, а сам Кардел был подвергнут преследованиям. Он был вынужден переехать в Швейцарию и там издать вновь эту книгу. Один экземпляр находится у меня. На Западе она известна читателю.

Предлагаю читателям пересказ этой книги, сделанный англичанином корреспондентом из Лондона Ричардом Крысли.

Обычно полагают, — говорит Р. Крысли, — что Адольф Гитлер постоянно противился евреям. И он им на самом деле противился. Однако, в нижеприведенной статье мы покажем, что сам Гитлер был на четверть евреем и что многие еврейские элементы поддерживали его национал-социалистическое движение, потому что оно нацеливалось на установление собственного государства для евреев в Палестине. И хотя это исторический факт, он идет вразрез с мнениями, насажденными как на Западе, так и в официальной советской историографии в отношении нацистской Германии.

Сегодняшняя Германия — только еврейская колония. Именно поэтому книга Хеннинга Карделя «Адольф Гитлер — основатель Израиля», написанная на немецком языке, и была уничтожена по решению немецкого суда. 11 Дедушкой Гитлера был еврей Франкенбергер. Он, наверное, в течение четырнадцати лет платил денежное I содержание для незаконнорожденного сына Алоиса. Всю свою жизнь Адольф Гитлер не мог избавиться от страха перед разоблачением национальной принадлежности своего дедушки. У очень многих руководящих нацистов были еврейские родственники («НО» неоднократно писало об этом). У Гитлера

была прямо-таки болезненная ненависть к членам собственной семьи. В свое время молодой Гитлер попросил родственников своего еврейского дедушки помочь ему поступить в художественную академию. Но они отказали ему…

Как же ужилась эта ненависть с тем, что Гитлер способствовал созданию государства Израиль?

В 1908 году Вена насчитывала почти два миллиона жителей, из которых около 200 тысяч — евреи. Со своим еврейским другом Гриллем Гитлер проводит вечера у еврейских раввинов, где обнаруживает, что евреи прежде всего расчитывают на глупость противников. Но если противник не поступает глупо и раввины не видят выхода из положения, они сами притворяются глупыми. Если и это раввинам не помогает, они меняют тему и утверждают очевидные вещи. Таким образом. Гитлер прошел хорошую школу фарисейского воспитания.

Некий Ланц фон Лиденфельмс, утопист с примесью еврейской школы, основал новое расовое учение. Познакомившись с Гитлером, он внушал ему: «Мы, контрреволюционеры (Ланц не принимал большевистскую революцию в России), уступаем евреям право основания собственного государства в Палестине». И все это подавалось как наилучший вариант освобождения Германии от евреев.

Ланц основал орден и стал покупать для него замки. В 1907 году на замке Бург Веренштейн Ланц поднял флаг со свастикой.

Работая на стройке в Вене, Гитлер рассказывал рабочим об эксплуатации еврейских работодателей и домашних хозяев. Но рабочие верили еврейским газетным редакторам, обещавшим работу и хлеб, и угрожали сбить Гитлера с лесов. Он смягчился, он извлек урок, что приманка работой и хлебом служит хорошим пропагандистским трюком. И никогда этого не забывал.

Вышеназванный Ланц начал общественные выступления, в которых от имени Гитлера призывал к созданию еврейского государства в Палестине. Но Альфред Розенберг — сын переселившегося в Швецию еврея, позднее ставший главным идеологом нацистского движения, запретил Ланцу делать это, так как не хотел, чтобы эта цель Гитлера стала общеизвестной.

На задних дворах, в столовых для нуждающихся, в кофейнях, в венском мужском общежитии Адольф Гитлер отрабатывал основу своей жизненной задачи: вывезти евреев во чтобы то ни стало сперва из немецких областей, а затем и из Европы. В 1913 году в Мюнхене. Гитлер стал публично утверждать, что глава генерального штаба армии Австрии полковник Редль — гомосексуалист, и что сам Редль и остальные руководители Австро-Венгерской империи — евреи.

В «НО» уже писалось как Гитлер оказался на фронте Первой мировой войны. Там лейтенант-еврей Хуго Гутманн вручил Гитлеру Железный крест первого класса.

Президентом Баварской советской коммунистической республики, установленной в Мюнхене после Первой мировой войны, стал восточноевропейский еврей Эйзнер (подлинная фамилия — Космановский). Все лидеры этой республики были российскими евреями. Западноевропейский студент-еврей граф Арко убил Эйзнера на улице несколькими выстрелами из револьвера. Группа Эйзнера расстреляла несколько западноевропейских евреев — членов так называемого «ордена Туле», основанного западноевропейскими масонами, т. е. на потребу пропаганде произошел еврейский междусобойчик.

В это же время произошло восстание «спартаковцев» в Берлине под руководством евреев Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Оно было раздавлено, Либкнехт и Люксембург убиты. Евреи потерпели еще одно поражение.

В Мюнхене стал развиваться антиеврейский политический фронт против еврейского советского правительства. Это правительство русских евреев нагнало такого страху на средние слои населения, что Гитлер со своими антиеврейскими лозунгами быстро приобрел массовую поддержку в Мюнхене.

Позже, 9 ноября 1923 года Гитлер пытался свергнуть правящее в то время в Баварии правительство консервативной баварской партии, но попытка государственного переворота провалилась. За раненным в бою Гитлером ухаживала родившаяся в США западноевропейская еврейка г-жа Ханфштенгель, урожденная Хайне.

Требич-Линкольн — венгерский еврей (подлинное имя — Мозес Пинкелес) рассказал Гитлеру о Декларации Балфура, составленной английским евреем лордом Артуром Джемсом Балфу-ром. Цель Декларации — предоставить, евреям собственное государство в Палестине (БСЭ отметила это так: «В ноябре 1917 Б. опубликовал декларацию о создании еврейского «национального очага» в Палестине, — см. БСЭ, 2-изд., т 4, с. 179). Гитлер очень поддерживал эту идею. Требич-Линкольн утверждал, что он сам. будучи западноевропейским евреем, презирает восточноевропейских евреев, от которых произошел Гитлер. Этим он пользовался, чтобы оказать давление на Гитлера. Они договорились, что никто из них никогда не разоблачит еврейское происхождение другого. После заключения этого тайного междоусобного еврейского сговора Требич-Линкольн предложил Гитлеру, а потом и передал деньги, нужные Гитлеру для покупки газеты «Volkischer Beobachter», ставшей потом

газетой гитлеровской партии, в которой сам Требич-Линкольн писал антиеврейские статьи. Сговор между Требич-Линкольном и Гитлером — типичный еврейский трюк тайности и шантажа. Вполне вероятно, что Требич-Линкольн на самом деле одобрял и западноевропейских и восточноевропейских евреев, но хотел вызвать у Гитлера скрытое чувство неполноценности.

Требич-Линколь родился в Венгрии в 1879 году. В разное время своей карьеры изучает Талмуд, едет в Америку по делам отца в шелковой торговле, принимает христианство. Проповедует для реформаторской ирландской церкви в Канаде, ведя борьбу против англиканской церкви, едет в Англию, переходит к «соперникам», став англиканским священником, затем покидает священство, переселяется в Лондон, англизируется, делается политическим деятелем. В 1910 году его избирают либеральным членом английского парламента. Участвует в крупных торговых операциях с другими евреями, в первую мировую войну работает военным цензором, подозревается в подлогах и шпионаже, бежит в Америку, издает ряд сенсационных статей против Англии. Позднее признается, что в этих статьях нет ни слова правды. Приговорен в Англии к трем годам каторги за подлоги. Его выпускают в 1919 году. Превращается в немца, участвует в Капповском восстании в Берлине, становится начальником прессы нового правительства. Позднее работает на французскую контрразведку, продает чехам липовые документы. Разоблаченный, бежит в Китай, назначается китайским послом в Риме. После возвращения в Китай становится буддистом — четвертая религия. Действует настоятелем буддийского монастыря на границе Китая и Тибета. В этой должности Требич-Линкольн, оперируя из Тибета, старается смутить Британскую империю. Организует революцию на Дальнем Востоке. Его еще раз сажают в тюрьму за шпионаж. После выхода участвует одновременно и в японском, и в китайском филиале руководящей группы ламаистских монахов. Китайский филиал связан с коммунистическим революционером Мао Цзэдуном. Умер Требич-Линкольн в Третьем рейхе в 1943 году.

Неоднократно меняя религии, национальности и профессии, он, Вечный жид, всегда оставался чужеродным тунеядцем внутри той или иной национальной организации, в которую он втирался. Постоянно действовал беспринципными и вероломными методами, был растлителем, подрывавшим и раскалывавшим национальные организации изнутри. Во время упомянутого Капповского восстания в Берлине Гитлер прилетел в Берлин, но Требич-Линкольн предостерег его, что восстание провалилось, и Гитлер нашел убежище у Хелены Бехштейн — жены еврейского

изготовителя фортепьяно. Позднее она сообщила полиции, что ее муж предоставлял Гитлеру финансовые средства для поддержки газеты «Volkischer Beobachter».

Некий Франк из Берлина, еврейский изготовитель кофе, одолжил Гитлеру большую сумму в обмен на драгоценности, переданные Гитлером в залог.

Доктор-полуеврей Эрнст Ханфштенгель оказал Гитлеру большую финансовую поддержку. Позднее он стал главой нацистского отдела по иностранной прессе. Во время Второй мировой войны он перешел на другую сторону и сделался советником Рузвельта. Эгон, сын Ханфштенгеля, служил сержантом в армии США. Так замыкалась цепочка: Эрнст Ханфштенгель — Гитлер — Рузвельт.

24 июня 1922 года, в день, когда был расстрелян германский министр иностранных дел Ратенау, еврейский журналист Рудольф Кол мер сказал, что наступит грустное время как для евреев, так и для немцев, если к безмозглым, зверским инстинктам гангстеров, подготовленных в белокурые бестии, когда-нибудь присоединится или умственный яд еврейской самоненависти, или мировоззренческая шизофрения метисов, являвшихся дефективными в психическом и нравственном отношении. Эта констатация очень верна по отношению к Гитлеру и к руководящему нацисту Рейнхарду Гейдриху, о котором ниже пойдет речь. Уже утверждалось, что среди полуевреев еще больше умственно болезненных людей, чем среди чистокровных евреев. Лучшие противники евреев — обычно сами с еврейской кровью. Они всю жизнь противятся еврейству, но, как и Гитлер, молчат о том, что у них самих — доля еврейской крови.

Нацистскую партию денежными средствами снабжали следующие еврейские банки: Мендельсон & К, Кун, Лоэб & К, Сэмюэль & Сэмюэль, Дж. Морган & К.

Намного большим преследователем евреев среди нацистов был еврей Юлиус Штрейхер. Он принадлежал к лидерам немецкой социалистической партии (НСП), ведущей антиеврейскую политику. В 1920 году НСП и гитлеровская национал-социалистическая партия заключили соглашение, что немецкие социалисты будут действовать севернее реки Майн, а гитлеровские национал-социалисты — южнее. Но Штрейхер не пожелал соблюдать это соглашение и продолжал руководить ячейками НСП в Нюрнберге — южнее реки Майн. И подспудно готовил свержение Гитлера. Вскоре Гитлер обнаружил документ, доказывающий, что Штрейхер — не ариец в собственном смысле этого слова. Гитлер показал этот документ Штрейхеру в мюнхенской пивной. (Один жид «уличил» другого в жидовстве!).

И Штрейхер подчинил своих сторонников в Нюрнберге мюнхенским политикам. Так для нацистской партии открылся путь на Север, а через несколько недель партия, ограниченная ранее пределами Баварии, стала гитлеровским движением, охватившим всю Германию.

Штрейхер основал антиеврейский порнографический журнал «Der Sturmer», в котором описывались еврейские обрядовые убийства и сексуальные преступления. Рисунки были унизительно гнусны — их рисовал еврей Фриц Бранд (подлинное имя — Йонас Волк). После того как в 1946 году Штрейхер был приговорен к смерти и повешен, двум немецким служащим крематория было приказано всю жизнь сохранять молчание о том, что на гробу, в который был положен труп Штрейхера, написано имя «Абрахам Гольдберг»{*}.

Основатель понятия геополитики римско-католический профессор Гаусгофер родился в еврейской семье и был женат на еврейке. Он создал выражение «жизненное пространство». Являлся инициатором и автором антибольшевистского пакта между Германией и Японией. Но японцы так и не осмелились напасть на Россию. После поражения в войне Гаусгофер покончил жизнь самоубийством вместе с женой.

Антиеврейский Гитлер развивал прочные связи с мужчинами, у которых, как и у самого Гитлера, не было чисто арийского происхождения. Он считал еврейских метисов умнее и усерднее, чем остальные люди. Умственные способности людей смешанного этнического происхождения, по мнению Гитлера, превышают средний уровень. Юрисконсультом у Гитлера был Ганс Франк, отец-еврей которого обратился в римское католичество. С конца 20-х годов в нацистской партии стала властвовать дисциплина расового происхождения. Те же члены партии, которые испытывали трудности из-за своей еврейской крови, становились «почетными арийцами».

Американо-еврейские банкиры отправили молодого Варбурга в Германию. Он предоставил Гитлеру необходимые тому деньги. Основателем нефтяной компании «Шелл» был еврей Самюэль Маркус. Он собирал ракушки на Востоке и превращал их в деньги в Лондоне. Поэтому Самюэль и дал своей нефтяной компании такое название. Он оказывал финансовую поддержку сэру Генри Детердингу, а тот снабжал Гитлера денежными средствами.

Как управляющий нацистской партией по вопросам организации Грегор Штрассер, так и глава разведывательной службы германских вооруженных сил генерал фон Бредоу, знали, что Гитлер получает деньги от крупных еврейских банков. 30 июня 1934 года оба они были убиты в «ночь длинных ножей», так

как их знание оказалось опасным для Гитлера.

Главный доктор полиции Абегг бежал в Швейцарию с документами о еврейском финансировании Гитлера. Он сообщил, что связанные с этим тайным фондом документы находились в автофургоне для перевозки мебели, который с 1929 по 1932 год постоянно курсировал между Берлином и Мюнхеном. Маскировка под перевозку мебели была нужна для того, чтобы фургон не был конфискован ни прусской, ни баварской полицией.

В 1930 году племянник Гитлера Уильям Петрик Гитлер начал шантажировать разбогатевшего к тому времени на еврейских деньгах дядю, угрожая ему оглашением факта наличия у фюрера еврейского дедушки. Гитлер поручил своему юрисконсульту еврею Гансу Франку избавить его от этой шантажирующей «штучки», для чего финансировал Франка и пообещал взамен «упорядочить дело расового происхождения Франка», как это он уже проделал с делом своего придворного фотографа, на четверть еврея, Гоффмана.

Франк выехал в Австрию и добился «исчезновения» некоторых документов, касающихся происхождения Гитлера. Бумаги о Франке тут же были приведены в «порядок». Многие из этих деяний стали известны общественности. Поэтому после аннексирования (аншлюса) Австрии и присоединения ее к Германии в 1938 году Ганс Франк организовал в австрийском отделе суда германского рейха контору, доброжелательно обрабатывающую ходатайства об «ариизации» (превращении в арийцев), представляемые незаконнорожденными австрийцами. Для этого достаточно было заявить, что мать-немка назвала мнимого еврейского отца только для того, чтобы получать от него финансовое содержание. Так евреи из ближайшего окружения Гитлера становились «арийцами».

Гели Раубаль — дочь единокровной сестры Гитлера хотела учиться музыке и переселилась в квартиру дяди Адольфа в Мюнхене. Поздним летом 1931 года она забеременела от дяди, который приказал ей сделать аборт. Позже Гели заявила Гитлеру, что он испугался, что ребенок будет кривоногим и кудрявым и тогда еврейская кровь родителей станет очевидной. Раздался выстрел. Гели тут же умерла от попадания пули в сердце. Расследование и последующее судопроизводство сделали заключение, что Гели покончила жизнь самоубийством. Следует упомянуть, что римско-католическая церковь не хоронит самоубийц в освященной земле. Но Гели похоронили на венском кладбище, и священник, совершавший этот ритуал, сказал, что похоронил ее по-христиански. Позже, в 1936 году, исследователь Конрад Гейден напишет, что смерть Гели Раубаль больше не

кажется ему самоубийством.

В своей пропаганде Гитлер порицал кровосмешение, а также брачные союзы между евреями и неевреями. Но сам был плодом кровосмешения и совершил кровосмешение с Гели Раубаль. Однако, в своей книге «Майн кампф» он написал: «Основанное на принципе народности государство должно… придать браку освящение учреждения, призванного производить образы Господа, а не уродов на полпути между человеком и обезьяной». Так писал человек, который сам был таким «уродом» и стал отцом зародыша такого «урода». Кстати, напомним, что в прошлом веке британский премьер-министр еврей Бенджамин Дизраэли писал: «Раса — это все».

До 1933 года евреи составляли 1 процент населения германского рейха. Но доля работавших в областях прессы, кино и банков намного превышала 50 процентов. Из практиковавших а Берлине адвокатов евреев было 55 процентов, врачей-евреев 52 процента. 15 процентов евреев занимали 718 мест в наблюдательных советах предприятий. Немецкие евреи вели переговоры с «Коричневым домом» в Мюнхене об учреждении особых войсковых частей при нацистских штурмовых отрядах СА. (Здесь и далее курсивом — прим. ред. «НО»: В еврейской энциклопедии вы найдете описание еврейских фашистских молодежных организаций, существовавших в гитлеровской Германии в 30-е годы).

В декабре 1932 года нацистская партия была еще слаба и в политическом, и в финансовом отношениях. Партийным служащим еще не платили окладов. Богатый еврейский финансист барон Шредер предоставил Гитлеру необходимые денежные средства, поставив при этом условия, что некоторые политики-консерваторы, приемлемые для лиц, финансировавших нацистскую партию (т. е. — для евреев), должны стать министрами в правительстве, когда Гитлер сделается рейхсканцлером. По словам фон Шредера, у немецких деловых кругов и у нацистской партии есть общий интерес — страх перед большевизмом. Полагают, что подобное утверждение Шредера связано с тем, что в 1918 году еврейское советское правительство экспроприировало в Баку еврейскую нефтяную компанию «Шелл», не предоставив возмещения.

После назначения Гитлера рейхсканцлером его заместитель Рудольф Гесс, у которого была мать-еврейка, запретил всем членам нацистской партии проведение всякого рода бесчинств против еврейских универмагов (например, Карштадт) или против основанных евреями банков (Дойче Банк, Дрезднер Банк, Коммерц Банк и др.). Эти три банка принадлежали к четырем

самым крупным банкам Германии того времени, а Карштадт был самым крупным универмагом.

Нацистская партия потребовала, чтобы бойкот еврейских магазинов с 1 апреля 1933 года осуществлялся совершенно тихо и дисциплинированно и чтобы население и далее не могло даже пальцем прикоснуться к евреям.

Главой нацистских штурмовых отрядов (СА) был Эрнст Рем (нееврей, подлинный немецкий националист). Были подделаны документы, в которых утверждалось, что Рем планирует захватить руководство Германией. Подделка была организована евреем Рейхардом Гейдрихом, ставшим позднее и организатором убийства Рема. Вероятно, что Гейдрих — самый гнусный член нацистского режима. Именно он взял на себя руководство борьбой с евреями.

Став главой нацистской службы безопасности, Гейдрих, узнав о наличии у Гитлера еврейского дедушки, а у Гиммлера — еврейской бабушки, с их согласия фальсифицировал свои родословные документы и добился «ариизации» итальянской еврейки — бабушки Гиммлера — в своей мастерской по фальсификации документов. Именно эта тройка и решила, что Рем — начальник четырех миллионов членов СД должен умереть. Гейдрих приступил к работе.

Первой подделкой стал якобы отданный Ремом приказ о том, что каждая группа СА должна организовать вооруженную охрану, снабженную пулеметами. В действительности Рем никогда не отдавал такого приказа.

В городе Мюнстер кто-то притворился преемником полковника Франца Гальдера. Затем глава контрразведки германской армии якобы нашел у себя на столе тайный приказ Рема с заявлением: «Наступило время вооружаться». По этим сфабрикованным «делам» Гейдрих составил список на 191 человека, которых необходимо расстрелять. Всех их и расстреляли. Среди них не было ни одного еврея. У многих из них даже не было никаких связей с СА.

После убийства социалиста Рема и смерти престарелого рейхспрезидента Гинденбурга в берлинском центре власти не осталось ни одного человека без примеси еврейской крови. Настоящую, почти неограниченную, полицейскую власть в государстве взял на себя Гейдрих, которому препятствовал по-мещански пугливый его начальник Гиммлер.

Юристу-еврею Франку Гитлер поручил позаботиться о правовых принципах, вынуждающих евреев покинуть Германию и переселиться в Палестину. В этих целях весной 1933 года был принят закон о восстановлении постоянного чиновничества,

который изгнал евреев с государственной службы. Затем последовали законы об отмене натурализации и аннулировании германского гражданства. В результате много тысяч восточноевропейских евреев, вселившихся в Германию после первой мировой войны, оставили Германию, а тысячи из них переселились в Палестину — территорию, находящуюся под британским мандатом. (Так началась подготовка к созданию государства Израиль).

Адольф Эйхман, родившийся в Палестине вблизи города Хайфа, был римско-католическим евреем и прекрасно говорил на иврите и идиш, так же уверенно, как и на немецком, приехал в город Линн в Австрию, где поддерживал Гитлера. Вынужденный бежать оттуда, примкнул к СС (особые нацистские отряды чернорубашников). К новой работе в СС его стал приобщать еврейский офицер Леопольд фон Мйльденштейн, который занимался тем, что стремился вызвать у как можно большего числа евреев желание уехать в Палестину. Когда члены СС удивились, видя в своем прославленном кругу чистокровного еврея Эйхмана с явно еврейским носом, говоря: «У него в середине рожи ключ от синагоги», то получали в ответ: «Заткнись! Так приказал фюрер!».

Гестапо Гейдриха очень тесно сотрудничало с «Хага-ной» — еврейской организацией по самозащите в Палестине. Это сотрудничество началось после того, как Эйхман заявил о своих знаниях о том, что за всеми партиями и союзами, объединенными во всемирной сионистской организации, наблюдает центральная организация по контрразведке и слежению, играющая чрезвычайно важную роль в политической жизни евреев. Именно эта организация и называлась «Хагана», что означает — «самозащита».

Одного из интересовавшегося Палестиной сионистов звали Школьник. Он вел переговоры в Берлине со службой безопасности Гейдриха по вопросам выезда евреев в Палестину. Позднее он стал премьер-министром Израиля под фамилией Эшколь. В 1937 году Эйхман посетил свою старую родину — Палестину. Вернувшись в Германию, сообщил, что националистические еврейские круги очень радуются радикальной германской политике по отношению к евреям, потому что вследствие этого еврейское население Палестины так увеличивается, что в обозримом будущем в Палестине станет евреев больше, чем арабов.

Все это резко отличается от того, что обычно пишется в западных учебниках истории по поводу нацистской политики относительно евреев. В 1960 году израильтяне похитили Эйхмана

в Аргентине, привезли в Израиль, судили в 1961 году, не допустив на процесс свидетелей защиты, и приговорили к смерти якобы за то, что Эйхман ответственен за массовые убийства евреев в газовых камерах, убийства, которых никогда не случалось (см. «НО» № 58/96), а затем и убили его. В то время всемирные СМИ изрыгали массовое количество безобразной лжи о мнимых преступлениях Эйхмана и других нацистов. А ведь на самом деле Эйхман очень значительно способствовал созданию государства Израиль, отправляя по воле сионистских организаций евреев в Палестину. Однако сионистские СМИ заставили преобладающее большинство населения верить противоположности того, что действительно произошло. И даже пошли на убийство своего клеврета. (А убили ли??). Во всем этом есть что-то сатанинское, обдуманное с бесовской проницательностью. (Ну и как же: теперь и «холокост», и «еврейское золото» — все строится на этой всемирной лжи!»).

В результате эмиграции евреев в Палестину из Германии перед началом войны выехало более 300 000 евреев из общего их числа в 500 000.

После аншлюса Австрии, ставший очень, у опытным Адольф Эйхман установил в Австрии с помощью еврейских коллег «Центральное бюро для еврейских эмигрантов», после чего число живших в Австрии евреев (200 тыс.) уменьшилось до горстки. В лондонской газете «Таймс» от 20.12.97 года сообщалось, что только что (в январе 1997 г.) канцлер Австрии Франц Враницкий (еврей) уже извинился за роль Австрии в «холокосте». Но метод, который действительно применялся для удаления евреев из Австрии, только что описан в данной статье и, конечно же, отнюдь не состоял в их массовом убийстве. Сегодня нет большего доказательства еврейского обмана, чем это вранье о «Холокосте», давно опровергнутое в обществе. В настоящее время постоянное упоминание в управляемых сионистами западных СМИ слова «холокост» имеет целью запугать всех нееврейских слушателей и читателей и заставить их считать приемлемыми все безобразные еврейские требования и поступки. Сионисты считают, что таким образом они действуют на подсознание неевреев, особенно многоуважаемых в обществе, поддерживая мнение о всемирной вине народов перед евреями.

Личный врач Гитлера еврей Морелль быстро накопил много миллионов немецких марок благодаря продаже лекарств. Его смело можно считать человеком, больше всех нажившимся на Второй мировой войне. Лекарства, которые давал Морелль Гитлеру, меняли характер Гитлера. Но Гитлер сам хотел одурманиваться, особенно в последние «годы войны. Как же

иначе кричать «Зиг!» («Победа!»), когда знаешь, что война давно уже проиграна?

Морелль несколько лет стимулировал и отравлял Гитлера лекарствами. После войны он пользовался этим, чтобы приобрести среди американцев славу «героя немецкого сопротивления»… И американцы заявили, что Морелль в прошлом не занимался политически неприемлемой деятельностью, ему позволили сохранить нажитые на службе у Гитлера путем аферных сделок миллионы. Он был освобожден из плена и отпущен на свободу со всеми своими миллионами. Вот типичный пример просионистского поведения американских властей.

Начальник германской контрразведки и заграничного шпионажа греческий, еврей адмирал В… Канарис предложил пришить всем оставшимся в рейхе, евреям на одежду желтую еврейскую звезду. Такие звезды употреблялись в разных странах в средневековье. Рейнхард Гейдрих восторженно согласился на эту идею и ее претворили в жизнь в начале германского похода на Россию. Гейдрих также распорядился, чтобы в парках поставили скамейки с надписью: «только для евреев». Помеченные звездой евреи забивались в углы трамваев, кино, продовольственных магазинов. Ясно, что организовавшие все это евреи Канарис и Гейдрих имели одну цель — загнать евреев в Палестину.

Гитлер тоже замышлял загнать всех евреев в Палестину. Но он, видимо, не читал книгу основателя сионизма венского еврея Теодора Герцля «Еврейское государство». В ней Герцль писал, что движение по созданию еврейского государства не будет вредить остающимся во Франции и других государствах евреям, не переселившимся в новое государство. По словам Герцля, такие евреи полностью ассимилировались, ибо новое государство со своими лучшими для евреев учреждениями уже претворено в жизнь, а эти евреи все-таки остаются на прежнем местожительстве. Так писал Герцль.

В действительности же евреи никогда не ассимилируются ни с каким другим народом. Они были, есть и останутся отдельным самообособившимся народом. Когда евреи женятся на нееврейках или еврейки выходят замуж за неевреев, цель у них одна и та же: превратить детей от таких брачных союзов в евреев.

Если бы Гитлер изучил книгу Герцля, он осознал бы, что руководящие сионисты никогда не добиваются эмиграции всех без исключения евреев из стран-хозяев в Палестину, а хотят, чтобы всегда оставалось количество евреев, хватающее господство в этих странах в политике, финансах. СМИ, технологиях, образовании и в том, что они выдают за культуру. Сионисты

всегда стремятся контролировать обе стороны любого политического уравнения. И если бы Германия выиграла войну, то вряд ли все евреи на оккупированных Германией территориях были бы изгнаны в Палестину.

Не менее интересна в этом плане и другая статья, написанная известным американским публицистом-историком, выходцем из России Валентином Пруссаковым. Вот ее содержание:

«После окончания Второй мировой войны минуло уже более полувека. За истекшие годы о ней написаны горы книг на разных языках, сняты тысячи кино и телефильмов. Вряд ли будет преувеличением сказать, что по крайней мере 70 процентов этой продукции посвящено «еврейской катастрофе» — так называемому Холокосту, якобы унесшему «6 миллионов жизней». В Америке и других странах Запада действуют центры Холокоста, ставящие своей задачей постоянно напоминать людям различных национальностей о том, что «случилось с евреями в нацистский период» и внушать им мысль о всеобщей вине перед евреями. (Между прочим, подобный центр уже несколько лет действует и в российской столице, а одним из его руководителей является бывшая госдумовка Алла Гербер, не считающая нужным скрывать своей сердечной связи с Сионом.)

В результате массированной и однобокой обработки, проводимой СМИ по всему миру, возник миф о «народе-страдальце», по отношению к которому все остальные нации должны ощущать комплекс вины. Этот миф в сознании многих людей вытеснил правду об относительно недавнем периоде истории. Мы оказались в мире фальшивых представлений и откровенных вымыслов, искусно навязываемых теми, кто прибрал к своим рукам средства массовой информации. Избавиться от них и пробиться к истине порой трудней, чем вырваться из самых непроходимых джунглей. Поэтому представляется чрезвычайно полезным честно и непредубежденно говорить правду о связях между еврейством и нацизмом. О тех связях, информация о которых не только замалчивается, но и старательно подавляется сионистскими кругами.

Евреи, вне всякого сомнения, как и миллионы других людей в Европе, жестоко пострадали в годы Второй мировой войны. Однако надо прямо сказать, что их страдания явно преувеличены. Так, заведомой ложью является, например, утверждение, что «нацисты стремились уничтожить всех тех, в ком обнаруживалась хотя бы капля еврейской крови». В солидной «Энциклопедии Третьего рейха» (1976 г.), вышедшей в Нью-Йорке под редакцией американского еврея, профессора Луиса Шнейдера, откровенно признается: «…полукровки и прочие, в чьих жилах текла какая-то

доля еврейской крови, подвергались, конечно, определенным ограничениям, но уничтожение им не грозило. Почти все они, за редким исключением, остались живы». О том же свидетельствует и «Энциклопедия Третьего рейха», вышедшая в Москве в 1996 году: «Мишлинге («смешанные», «нечистые») — не являлись объектом преследования и истребления в нацистской Германии».

В наши дни достаточно хорошо известно, что в нацистской верхушке преобладали именно «смешанные». Входивший в интимный круг фюрера Иоганн фон Лире заявлял после войны: «Вокруг Гитлера почти не находилось чистокровных арийцев». Уже в 70-е годы в ФРГ распространялась статья еврейского историка Михаэля Фрейнда, уверявшего, что Рейнгарда Гейдриха назначили ответственным за «окончательное решение еврейского вопроса», потому что «Гитлер и Гиммлер знали, что в жилах Гейдриха течет еврейская кровь, и поэтому он лучше других подходит для выполнения такой задачи». Фрейнд пишет: «Он (Гейдрих) преодолел в себе еврейство и перешел на другую сторону. Всеми фибрами души он ненавидел еврейскую часть собственной крови. Фюрер не мог бы найти лучшего человека для борьбы с евреями. По отношению к ним Гейдрих не знал ни жалости, ни сострадания».

Вторила Фрейнду и еврейская писательница Ханна Арендт, которая была в близких отношениях со знаменитым немецким философом Мартином Хейдеггером, вступившим в нацистскую партию. В книге «Эйхман в Иерусалиме» она прямо пишет: «Всем известно, что Гейдрих и Мильх — полуевреи». Дальше, не приводя никаких доказательств, сионистствующая философесса делает сенсационное сообщение: на смертном одре Гейдрих раскаялся «не за убийства, а за то, что изменил собственному народу». Такие вот дела. Самое же забавное, что на сообщение Арендт, содержавшееся в книге, переведенной на все европейские языки, вроде бы никто не обратил внимания.

Как будто бы она говорила о том, что само собой разумеется.

Очевидно, что во имя исторической правды пора перестать умалчивать о том, что и среди чистокровных евреев находились такие, кто восторженно приветствовал приход национал социалистов к власти в 1933 году. Прежде всего — сионисты, быстро разглядевшие, что у них общие идеологические корни с нацистами.

Напомним о малоизвестном событии, весьма красочно иллюстрирующем тесное сотрудничество духовных собратьев, В начале 1935 года из германского порта Бремерхавен отправился к Хайфу большой пассажирский пароход. Его название «Тель-Авив» было начертано на борту огромными ивритскими буквами, а на

мачте того же парохода гордо реял нацистский флаг со свастикой. Судно, направляющееся в солнечную Палестину, принадлежало видному сионисту, а капитаном был член национал-социалистической партии. (Американский журнал «Историкал ревью» № 4, 1993 г.). Что и говорить: абсурдная картина! Но при всей ее внешней абсурдности она исключительно точно отображает реальные взаимоотношения сионистов и нацистов.

Никогда «сионистская работа» не была более действенной и плодотворной, чем в Германии 1933–1938 годах. Молодой берлинский раввин Иоахим Принд, перебравшийся впоследствии в США и ставший главой Американского еврейского конгресса, в книге «Мы, евреи», опубликованной в немецкой столице в 1934 году, откровенно радовался национал-социалистической революции «благодаря которой покончено с ассимиляцией, и евреи снова станут евреями».

В 30-е годы значительно увеличился тираж журнала «Юдише рундшау». «Сионистская деятельность достигла в Германии невиданного размаха», удовлетворенно отмечала американская «Еврейская энциклопедия».

С особым энтузиазмом и пониманием к нуждам «новых израэлитов» относились в СС. Одно из эсэсовских изданий в течение всего июня 1934 года писало «о необходимости повышения еврейского национального самосознания, увеличения еврейских школ, еврейских спортивных и культурных организаций». (Ф. Никосия. «Третий рейх и палестинский вопрос». Издание «Техасского университета, 1985 г.).

В конце того же 1934 года офицер СС Леопольд фон Мильденштейн и представитель сионистской федерации Германии Курт Тухлер совершили совместный шестимесячный вояж в Палестину для изучения на месте «возможностей сионистского развития». Вернувшись из поездки, фон Мильденштейн написал серию из 12 статей под общим названием «Нацист путешествует по Палестине» для геббельсовской газеты «Ангрифф». Он выражал искреннее восхищение «пионерским духом и достижениями еврейских поселенцев». По его убеждению, «нужно всячески содействовать сионизму, ибо он полезен как для еврейского народа, так и для всего мира». Видимо, для того, чтобы увековечить память о совместной поездке нациста и сиониста, «Ангрифф» даже выпустила медаль, на одной стороне которой была изображена свастика, а на другой — шестиконечная звезда Давида. (Журнал «Истори тудэй». Лондон, № 1, 1980 г.).

Официоз СС газета «Дас Шварце Копф» в мае 1935 года посвятила свою передовую статью поддержке сионизма:

«Недалеко то время, когда в Палестину вернутся ее сыновья, отсутствовавшие более тысячи лет. Мы от всего сердца приветствуем их и желаем им лишь самого наилучшего».

В интервью, данном уже после войны, бывший глава сионистской федерации Германии Ганс Фриденталь говорил: «Гестапо делало в те дни все, чтобы помочь эмиграции, особенно в Палестину. Мы часто получали от них разнообразную помощь…» (Ф. Никосия. «Третий рейх и палестинский вопрос»).

Когда в 1935 году конгресс национал-социалистической партии и рейхстаг приняли и одобрили нюрнбергские расовые законы, то и «Юдише рундшау» поспешила одобрить их: «Интересы Германии совпадают с целями Всемирного сионистского конгресса… Новые законы предоставляют еврейскому меньшинству свою культурную и национальную жизнь… Германия дает нам счастливую возможность быть самими собой и предлагает государственную защиту для отдельной жизни еврейского меньшинства».

В сотрудничестве с нацистскими властями сионистские организации создали по всей стране сеть примерно из сорока лагерей и сельскохозяйственных центров, в которых обучались те, кто намеревался переселиться на «землю обетованную». Над всеми этими центрами и лагерями гордо развевались бело-голубые флаги со звездой Давида.

Как, по-видимому, правильно утверждает современный британский историк Дэвид Ирвинг: «Гитлер хотел вынудить евреев уйти из Европы. Именно в этом он и усматривал «окончательное решение еврейского вопроса».

В то же время возникают естественные вопросы: если так, то что можно сказать по поводу «еврейского мыла», «абажуров из еврейской кожи» и т. п. ужасах, о «лагерях уничтожения» и, наконец, о пресловутых «шести миллионах»? Попытаемся ответить на эти вопросы.

О «мыле» и «абажурах», сделанных из бедных евреев, в наши дни уже не упоминает ни один серьезный и уважающий себя историк. Вот авторитетное мнение директора Центра современной еврейской документации в Париже Жоржа Велерса: «Производство мыла из человеческого жира и абажуров из человеческой кожи — просто небылица, плод больного воображения».

С ним полностью согласна и другая известная специалистка Дебора Липштадт, преподающая современную еврейскую историю в Калифорнийском университете: «Слухи о мыле были тщательно изучены и оказались ложными». («Лос-Анджелес тайме», 16 мая 1981 года).

Что же касается «лагерей уничтожения», то западные историки-ревизионисты уже в течение нескольких десятилетий убедительно доказывают, что у нацистов никогда не было план по физическому уничтожению евреев. Они утверждают, что «лагеря смерти изобрел Берия» и что после войны «закулиса создала исторические мифы, необходимые ей для обоснования своих претензий на мирового господство и превращения людей в послушных винтиков нового мирового порядка» (американский исследователь д-р Эд Филдс), Один из историков-ревизионистов Фред Лейхтер, в частности, научно доказал, что те сооружения, которые демонстрируются в Освенциме в качестве «газовых камер», технически не годились для массового уничтожения.

Стоит заметить, что на якобы свободном и демократическом Западе против историков ревизионистов применяют такие «неопровержимые аргументы», как судебные преследования и террор. Это наводит на мысль, что других аргументов у самозваных «глашатаев истины» просто нет.

В конце XX века почти никто не верит в «миф о шести миллионах». От него отказались даже многие еврейские ученые. Можно припомнить, что в первые годы после войны называли еще более впечатляющие цифры, ибо такого количества евреев не было во всем мире, а не только в Европе.

Надо сказать, что число «шесть миллионов» отвергает как явно завышенное и американец Брайан Бригг, установивший, что «тысячи евреев служили в нацистской армии». (Об этом, между прочим, писал в прошлом году Марк Дейч в «Московском комсомольце», а ни его, ни названную газету, вероятно, никто не будет обвинять в антиевреизме). Тем же, кто пожелает действительно серьезно и документально ознакомиться с ходом исследований по данному вопросу, можно порекомендовать прочесть работу швейцарца Юргена Графа «Миф о холокосте», опубликованную в нашей стране.

Любителям же «сказок для взрослых», упорно цепляющимся за дутую цифру «6 миллионов», можно поведать, что на мемориальной доске в память погибших в Освенциме цифру «4 миллиона» жертв уже без особого шума заменили на один миллион. Одно это уменьшает пресловутые 6 миллионов вдвое…

В заключение, думается, будет совсем нелишним привести слова участника Сопротивления и узника гитлеровских лагерей, бывшего идеолога компартии Франции Роже Гароди: «Нельзя сводить масштабы действительных преступлений против человечности, которые стоили жизни 50 миллионам людей, к погрому лишь одной категории невинных жертв, в то время как миллионы умерли с оружием в руках, сражаясь против этого

варварства».

В то же время, как справедливо полагают некоторые историки, «нацизм вольно или невольно оказал неимоверно большие услуги сионистам». Сомнительно, чтобы без помощи «фашистских злодеяний» ООН приняла бы в 1948 году беспрецедентную резолюцию об образовании государства Израиль. В первый и, вероятнее всего, в последний раз какое-либо государство было создано по решению этой международной организации.

Глава 12
Немцы и русские

1 августа 1914 года разразилась Первая мировая война, ставшая эпохальным рубежом в истории человечества. Тогдашние правители России бросили нашу страну в центр ужасающей схватки империалистических правительств, вогнавших народы в неслыханную бойню. После революции Россия вышла из войны. Западным державам пришлось самим довоевывать и испить до конца горькую чашу людских жертв и материальных потерь.

Американская политическая писательница Барбара Такман в своей изрядно нашумевшей в шестидесятые годы книге «Августовские пушки» обратилась к главному. Она рассуждала следующим образом: «Люди не в состоянии вести такую колоссальную и мучительную войну без веры в ее окончание, без надежды на лучшее будущее, на то, что будут заложены основы нового мира».

В книге содержится немало интересного материала, любопытных деталей, верных обобщений и наблюдений. Весьма характерно показаны агрессивные намерения германских милитаристов. С чувством решительного осуждения изложены факты массовых расстрелов мирных жителей, зверств и разрушений, совещенных немцами…

Победители водрузили на развалинах старого порядка Версальский мир, причем этот договор был заключен без нашей страны, а раз так, то и направлен он, естественно, был прежде всего против России. В смрадном чаду победы на Западе поторопились предать забвению то, что путь к ней умостили трупами русских офицеров и солдат, павших за неправое дело Антанты. Потребовалось еще тридцать лет и еще одна война с Германией, чтобы Запад об этом вспомнил.

Власть имущие на Западе вели дело к новой войне, стремясь спланировать ее так, чтобы подорвать мощь нашей страны во всех отношениях. Войну они опять затевали вести руками в основном того же противника — Германии, с которой сражалась Россия в 1914–1917 годах. В этом, в конечном итоге, и оказался главный смысл новой — Второй мировой войны, разразившейся 1 сентября 1939 года. Главари германского нацизма с готовностью сыграли свою роль. Можно сказать, что в 1945 году завершилась «тридцатилетняя война». Разумеется, итог ее был не тот, какого ожидали ее зачинщики и поджигатели. В одном их ожидания оправдались — самые большие людские потери понесли СССР и

Германия… В. Г. Белинский писал: «Не зная прошлого, нельзя понять настоящее и невозможно предвидеть будущее».

У Гегеля исторический процесс представлен как шествие всемирного духа в трех этапа*: Восток, классический мир и мир новогерманский. Но мир знает, что новый светильник духовного прогресса начал возгораться в православный России.

Уже в наше время Г. А. Зюганов на процессе против компартии в Конституционном Суде Российской Федерации заявил: «Мы обязаны из истории извлекать необходимые уроки, просчитывать возможные варианты, хотя бы на два-три хода вперед». Подобное заявление нового лидера русских коммунистов обнадеживает. Важно, чтобы эти слова не оказались пустой фразой.

Когда А. С. Пушкин стал проявлять особый интерес к истории, он записал знаменитую фразу: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

Возникает вопрос: есть ли существенные различия между немцами и русскими? Как известно из истории передвижения, смешивания народов Европы немцы и славяне очень близки, несмотря на различие языков и ряда специфических национальных особенностей.

Предки германцев — готы. Это одна из этнических групп германских племен. В III веке готы 'жили в Северном Причерноморье и делились на вестготов и остготов. В IV веке готы приняли христианство. Военные союзы готов совершали опустошительные вторжения в Малую Азию на Балканский полуостров.

В первом тысячелетии до нашей эры в этногенезесе праславян участвовали западнобалтийские, германские, фрайкийские, скифские племена. Все они были светловолосые европеоиды, индоевропейцы по языкам.

Немцы, кстати заметить, на четверть славяне по крови. Восточная Германия до XII века была населена поморскими, полабскими и лужицкими славянами.

Ученый Классен Егор Иванович (1795–1862) — российский дворянин, немец по национальности, весьма серьезный историк, патриот России (репринтное издание его книги вышло в России в 1995 году), писал в назидание будущим историкам следующее: «Стыдно нам, русским, что мы не заботимся о том, чтобы самим проследить все летописи, дабы иметь возможность совершенно поразить и отбросить составленную немцами подложную русскую историю, написанную без справок с источниками, единственно для прославления немцев, и тем отучить этих всемирных

историков от привычки не в свои сани садиться!»

Из истории известно, что на пространствах между реками Одером и Эльбой еще в XIX веке проживали остатки славян. Они жили в районах Силезии, Лужиц, Поморья и в окрестностях Люнебурга, но под давлением немцев ассимилировались и превратились в немецкое население. В настоящее время в районе Саксонии (вокруг Дрездена и Бауцена) проживают потомки сербов. Немцы их называют сорбы.

Еще раньше славяне проживали на берегах Эльбы. Город Лейпциг назывался Липск. В районе города Цербста проживали сербы и город назывался Сергск. Из этого города происходила царица России Екатерина Великая, которая тоже имела славянские корни, поэтому она и спокойно приняла православие, а затем делала все возможное для процветания своей новой Родины — России. Она делом сумела доказать, что была настоящей патриоткой России. Ее, как свидетельствуют источники, отравили еврейские врачи (масоны) в угоду Западу. Ее враги были врагами России и сделали все, чтобы ее всячески оклеветать. Но факты упрямая вещь и они свидетельствуют, что вся многогранная деятельность Екатерины Великой на благо России была чрезвычайно полезной. В начале ее царствования был Пугачевский бунт, но исторические исследования доказывают, что казак Емелька Пугачев, будучи в походе в Западную Европу попал под влияние масонов и ими управлялся. До конца ее царствования больше крупных народных волнений в России не было.

Для сравнения приведу исторические факты. За период царствования Петра I — царя реформатора, который пробивал окно в Европу, громил турок, шведов и многое сделал для укрепления военного могущества России, в результате его преклонение перед Европой (я бы сказал излишнее) привело к тому, что он попал под сильное влияние масонов (типа Лефорта и других). При нем население, проживавшее на ему подвластной территории России, уменьшилось на два миллиона человек.

За период же царствования Екатерины II, территория России была значительно расширена. Войны все были успешными. Выросла, целая плеяда удачливых и умных полководцев (А. В. Суворов — в том числе), а население России увеличилось на сорок миллонов человек!!!

Город Дрезден (по-чешски Драждяны) на реке Эльба (по-славянски Лаба) был основан славянами. Об этом напоминают названия населенных пунктов и городов: Ратибор, Бела Вода, Уст (уезд), Лоза (лазы). Город Бауцен назывался Будешин, город Герлиц (Згорелец). Лужицкие сербы постепенно теряли свой язык,

ассимилировались и превращались в немцев. Город Бауцен находится на реке Шпрее (Спрове). Вокруг него находятся горы под названием Чернобог, Прашица и другие.

В период народной власти в ГДР была попытка сохранить остатки славянского языка, культуры, но это было запоздалое решение, ибо настоящих сербов уже не осталось, сохранялись, в лучшем случае, их славянские фамилии.

А вот в 1842 году в Лужице (лужичане-верхние и нижние) от Котбуса до границы с Чехией проживало 250 тысяч выходцев из славян. Язык их был вендский, а они сами себя считали сербами, немцы их называли сербами. Немецкие же ученые считают, что там сербы проживали с V века, хотя сами лужичане утверждали, что их предки здесь жили с незапамятных времен и этот народ населял северо-восточную Германию и долго сохранял во всей чистоте не только свой язык, но и свои древние обычаи, свою особенность в одежде, в построении домов и наконец образ жизни. Надо отметить, что в то время их культура была выше германской. Но затем этот народ был завоеван и о нем мало знали. Но постепенно самосознание этого народа возрастало и снова появилась литература на славянском языке.

И. Э. Смоляр — сербский литератор издал «Краткое обозрение сербской литературы от ее начала до 1767 года». Он писал: «…Сербы начинают пробуждаться, когда их недоброжелатели думали, будто уже настал для них смертный час. Литература сербская снова возрождается, когда казалось уже, что она близка к совершенному упадку всякой письменности… Если сербская литература зацветет, то зацветет вместе с нею и Сербство…». В 1567 году на сербском языке был издан катехизис в Бауцене. Это была в сербской литературе первопечатная книга в сербской литературе.

Во время путешествия Петра I по Саксонии ему поднес приветствие на латинском и сербском языках Михаил Бранцелем, а также переведенный им на сербский язык еванглие от Матвея и Марка и послание Римлянам и Галатам. Это было в 1697 году. Блистательное возвышение России имело первостатейное влияние на возбуждение в чехах и сербах и других славянских народах Балкан на сознание всеобщей осознанности славянства.

Народы иллирийского племени, обитавшие в Штирии, Корутанах, Крайне, Далмации, Хорватии (Горватии), Славонии, Боснии, Сербии, Черногории и прочая, но они постепенно угасали. Среди них стали возвышаться сербы.

Возвышение и могущество России сильно влияло на самосознание южных славян. Австрия фактически состоит из славянских земель. Сейчас народы этих провинций фактически

онемечены…

В начале нынешнего тысячелетия славянское племя пруссов проживало на южном и юго-восточном побережье Балтийского моря. Последний этап войны за независимость длился, пятьдесят три года. В уничтожении пруссов участвовали испанцы, португальцы, французы, немцы, итальянцы. Предводительствовал этим сбродом в последние годы борьбы Конрад Мазовецкий, который приказал вырезать всех пруссов, как мужественное, свободолюбивое племя. Опустевшую от территорию заселили победители. В течение ряда последующих веков немцы «приватизировали» все Балтийское побережье. Переселенцы ассимилировались с немецкими захватчиками, восприняли немецкую идеологию. Прусский народ исчез, а территория с названием истребленного народа — Пруссия (по-латыни Боруссия), осталась.

Вот такую же судьбу готовит НАТО и для нашего народа, прежде всего русских.

В IX веке славяне жили в самом центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой? в «Богемском лесу»? в Каринтии, и на Балканах.

Иван Ильин писал«…Германцы систематически завоевывали их (сербов авт.), вырезали их верхние сословия и «обезглавив» их таким образом, подвергали денационализации… Такое решение национального вопроса через денационализацию и истребление германцы применяли и к другим народам…

Гибель разбойничьего государства Казанского ханства предопределило переход под руку России земель башкиров, марийцев, татар, удмуртов, чувашей, волжских булгар. Затем, после победных походов Ермака, была присоединена Сибирь.

В истории не было другого такого государства, как Россия, которое так часто подвергалось бы алчным посягательствам извне. Противоборство со Степью, Ордой, ливонским Орденом, Крымским и Казанским ханствами, Османской империей, Польшей, Швецией, Францией, Германией.

Победа России во всех войнах с внешними врагами обеспечивалась высоким уровнем национального сознания, национального единства, национальной дисциплины. Все российские войны носили оборонительный характер, тогда как западные страны вели преимущественно наступательные войны, целью которых был захват чужих территорий и грабеж населения.

Агрессивность и стремление к захвату чужого противоречили национальным идеалам Руси. Ордынский разгром Руси показал, насколько пагубна для страны раздробленность единого народа на отдельные территориальные образования. Сама жизнь

доказала преимущества самодержавия, и первый российский государь, свергнувший ордынское иго, почувствовал себя настоящим единодержцем. Для русских тогда Царь был воплощением Родины и Государства, символом России, как наследником величия нашей страны. Лозунг «За Бога, Царя, Отечество» выражал ядро русской национальной идеи, доступной любому русскому…».

В сознании всего российского народа всегда жило обостренное чувство справедливости. В понимании наших предков совесть неотделима от стыда: стыдно плохо работать, стыдно обмануть, стыдно взять лишнего, стыдно наживаться за чужой счет, стыдно нарушать заповеди.

Другой универсальной национальной категорией души русского человека является правда. Основой нравственности идеалов наших предков были представления о доброте, правде и справедливости.

Смирение, кроткость, незлобливость — народный идеал.

Нестяжательство — суть его заключалась в преобладании духовно-нравственных мотивов жизненного поведения над материальными интересами. Это видно из пословиц и крылатых выражений, таких как: «От трудов праведных, не наживешь палат каменных». «Рука дающего не оскудеет» и т. д.

Ф. М. Достоевский писал, что русский народ оказался, может быть, единственным великим европейским народом, который устоял перед натиском золотого тельца, власти денежного мешка. Трудовой народ осуждал неправедное богатство, как любую другую форму паразитизма.

В России сложилось иное, чем на Западе, отношение к собственности и богатству. В сознании коренного русского человека собственность — это результат труда, тогда как западный человек считает ее скорее функцией капитала, не отрицая и значения труда. А ведь добросовестный труд нравственная гарантия благополучия человеческой жизни. Отсюда и трудовая система жизненных ценностей, где труд занимает первое место, а богатство на втором плане. Большинство русских крестьян не знало частной собственности на землю. Отсюда древний социалистический идеал крестьянства, враждебно относившегося к частной собственности на землю».

В. Г. Плеханов и В. И. Засулич — русские марксисты до самой своей смерти скрывали от других русских революционеров письмо Карла Маркса, направленное им Засулич. В письме Маркс отмечал, что для России не существует исторической необходимости переходить все те же фазы развития, которые прошли страны Западной Европы. Что русская крестьянская

община является точкой опоры социального возрождения России и даже элементом превосходства России над другими капиталистическими странами. Но этим революционерам нужна была кровь русского народа, ибо вся эта далекая от народной жизни так называемая интеллигенция начинала сама учить народ жить по их собственным выдуманным правилам.

Такими же были и социал-демократы, которые считали, что им все дозволено в борьбе за революцию. Естественные человеческие чувства милосердие, сострадание, жалость, доброта по отношению к несогласным с ними революционерами считались преступными слабостями, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Какие бы силы ни противостояли русской цивилизации, все они были рождены или инициированы на Западе. Нажим на Россию был естественным проявлением развития западной цивилизации, которая смотрела на нашу страну глазами голодного хищника.

Русский народ всегда реально противостоял западной экспансии против России. Первым массовым движением народного протеста против принятия правящим классом чужеземных порядков и отказа от традиций родной старины было старообрядчество. Это было народное движение национального самосохранения…

На Западе рассуждают о жестокости и дикости русского народа, о принудительном труде и крепостном праве, вечном тоталитаризме и т. д. Особенно указывают на Ивана Грозного — великого государственника, который уже в то время создал самое мощное государство. Естественно он жестоко пресекал удельных князей и их приспешников, которые стояли за раздробление России, а к чему это приводило совсем недавно, понимал даже простой народ, ибо в единстве сила.

Да, это был жестокий царь, но документы подтверждают, что число жертв в жестокое время его правления, и царивших в ту пору повсеместно в мире нравов, было не более пяти тысяч человек. А что было на Западе?..

В Варфоломеевскую ночь во Франции было убито две тысячи человек;

Робеспьер за один год подписал 17 тысяч смертных приговоров;

в Европе было сожжено тысячи так называемых еретиков и ведьм, а в России отмечено только несколько подобных случаев;

в XVIII веке только один саксонский судья предал казни 20 тысяч человек (вот вам германский гуманизм на практике!);

Елизавета — королева английская приговорила к смерти 90

тысяч человек.

Западный капиталистический мир рождался в бессмысленной жестокости и порождал жестокость.

Вопрос о недопустимости смертной казни был впервые поднят именно в России еще князем Владимиром Святым, который считал, ее грехом перед Богом. Такую мысль в «Поучении» проводил Владимир Мономах.

Отмена смертной казни во время царствования дочери Петра Первого Елизавете Петровне была в духе русской цивилизации и ее редкое применение в XIX и XX веках было направленно исключительно против государственных преступлений в России.

На Западе Европы тоже было крепостное право и использование принудительного труда. Оно, надо заметить, имело более жестокие формы. А взять их буржуазные революции и контрреволюции, директории: в Англии Кромвеля, во Франции — Наполеона, рабовладельчество в США. Да и в XX веке Муссолини, Гитлер, Франко, Салазар, Хорти… А нынешние зверства сионистов в Палестине? Разве после этого можно говорить о какой-либо гуманности. «Гуманизм» их при массовом истреблении мирных жителей Ирака, сербов в Югославии и в других точках планеты всем хорошо известен. Народы мира уже достаточно уяснили двойную мораль господ империалистов, которые цинично прикрываются решениями и резолюциями НАТО или ООН. Даже не столь сведущим, людям их роль становится хорошо понятной, но это будет продолжаться не вечно. Мировой Закулисе все равно придется отвечать за все содеянное и может быть даже заплатить теперь уже своей кровью.

Не нужно забывать и то, что нынешние наши «друзья» — американцы в годы самой страшной конфронтации СССР и Китая, по вине сиониста Хрущева примчались к китайцам с предложением доставить им любое оружие, чтобы направить его против русских. «Мгновенно доставим его вам всеми видами транспорта! Только начинайте на Даманском или в любом другом месте, а лучше всего в районе Семипалатинска, наступая прямиком на Байконур, что и будет концом советской космонавтики» — так писал генерал В. Филатов в газете «Завтра» в № 24 за 1997 г.

Лев Толстой в «Крейцеровой сонате» называет безответственное искусство чуть ли не главным виновником безнравственного воспитания общества….

Одной из болезней цивилизации Фридрих Ницше назвал утрату интеллектуальной совести. Эта болезнь поразила нашу прозападную интеллигенцию, усвоившую двойную мораль.

Ни в одной другой стране мира художественная литература

не имела столь важного значения в формировании духовности народа, как в России.

Великий русский педагог К. Д. Ушинский писал: «Самое резкое, наиболее бросающееся в глаза отличие западного образования от нашего состоит в том, что человек западный не только образованный, но даже полуобразованный, всегда более и всего ближе знаком со своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, статистикой, политическими отношениями, финансовым положением и т. д., а русский человек всего менее знаком с тем, что всего к нему ближе, со своей Родиной и со всем, что к нему относится». И далее он делает выводы, что мы, воспитатели, должны воспрепятствовать превращению россиян в «иностранцев» посреди своей Родины. Прозорливые слова! А сейчас практически русская культура, русская духовность оскоплены, нагло дискриминированы «малым народом» и мы не оказываем этому, в целом народной массе, мало-мальское сопротивление. Борются с этой наглой агрессией, к сожалению, единицы.

Бисмарк любил повторять крылатую фразу: «Врать надо в трех случаях: после охоты, во время войны и перед выборами» и далее: «что он всегда поступает так, как ему хочется, будучи уверен, что найдутся юристы, которые оправдают его действия» — такова и ныне мораль политических деятелей Запада. А наши «деятели» вещают в СМИ: «Запад нас любит, уважает и обязательно поможет». Народы нашей страны уже на своем опыте убедились в этой «любви».

В 60-80-е годы XX столетия российская цивилизация на ее советском этапе достигла максимального могущества. Вокруг СССР был пояс социалистических государств — союзников, ракетно-ядерный щит свел внешнюю угрозу к минимуму, в стране наблюдался устойчивый промышленный рост. Но в это же время прошел роковой надлом в обществе. Кучка преступников во главе с «меченным сатаной» — генсеком Горбачевым подготовила и провела в исполнение свои чудовищные замыслы.

И этот нынешний зигзаг в конце XX века не может изменить течение всемирной истории!

Западная цивилизация открывая новые земли, вырезала целые народы, делала миллионы людей своими рабами, а в Европу шли корабли, нагруженные товарами, захваченными в колониях бесплатно или за бесценок. Западная цивилизация существует, эксплуатирую народы других стран. Западная цивилизация, не заботясь о духовном росте народа, делает все, чтобы превратить людей в рабов вещей.

Западная цивилизация породила фашизм: жизнь за счет

других стран, культ индивидуализма, материальное стяжательство, презрение к другим народам, имущественное ограбление и массовые убийства других народов.

Нацизм погиб не естественным путем, а потерпев военное поражение в России. Если Сталин переселял народы, то Гитлер и Муссолини уничтожали их физически, отобрав их имущество. Крушение СССР в результате подрывной деятельности Запада, его агентов и ставлениковнеизбежно ведет к усилению экспансионистских, нацистских тенденций западного мира. Всеобщая победа западных ценностей в силу внутренней логики развития западной цивилизации неизбежно приведет к фашизму. Тому же служит и идея Мирового Правительства… Если окончательно победит западная цивилизация, мир будет превращен в гигантский концлагерь: 80 процентов его населения будет создавать ресурсы для правящих стран. Лишенная всяческих ограничений, гонка потребления западных стран приведет к истощению мировых ресурсов и гибели человечества.

Русская цивилизация была главным препятствием на пути Запада к мировому господству. В течение столетий сдерживала она алчный напор западного потребителя на сокровища Востока и этим заслужила ненависть западного обывателя. Напор западной цивилизации на русскую цивилизацию осуществляется постоянно. Несколько раз западная цивилизация стремилась разрушить русскую цивилизацию путем военной интервенций: польско-католическое нашествие, Наполеон, Гитлер. Но каждый раз терпела сокрушительные поражения, столкнувшись с могучей силой.

О событиях Второй мировой войны написаны горы книг, но стоит еще раз напомнить некоторые характерные моменты и взглянуть на них под несколько другим углом зрения…

22 августа 1939 года. Гитлер в Берггофе созвал совещание высшего руководства вермахта, где заявил о своем решении «Нанести удар в самое сердце Польши» и далее «договор с Советским Союзом (который должен быть подписан 23 августа в Москве) предназначен лишь для выигрыша времени… Мы разгромим Советский Союз»… Здесь же Гитлер заявил, что будет обеспечен пропагандистский повод для развязывания войны «независимо от того будет ли он правдоподобен или нет. Победителя не будут спрашивать, говорил ли он правду или лгал. В ходе войны речь идет не о праве, а об обеспечении победы»…

1 сентября У. Черчилль обвинил Гитлера в том, что тот «предал антикоммунистические, антибольшевистское дело».

В тот период единый крестовый поход Запада против СССР был сорван! В 1940 году германский «блицкриг» (молниеносная

война) сокрушил Францию, которая фактически не сражалась, как положено было такой державе, а униженно капитулировала.

30 июня начальник генштаба сухопутных войск Франц Гальдер получил указание от Гитлера о подготовке плана нападения на Советский Союз.

31 июля 1940 года Гальдер в своем дневнике зафиксировал: «Цель уничтожение жизненной силы России».

5 мая 1941 года он же делает запись в дневнике: «Россия сделает все для того, чтобы избежать войны».

13 июня 1941 года в совершенно секретной сводке вермахта подчеркивалось: «В основном же, как и прежде, ожидаются оборонительные действия Красной Армии».

Немцы маскировали основные массы войск и в войсках (кроме самых высоких чинов) не знали о предстоящей войне с СССР.

Уже после вторжения 9 июля 1941 года, Геббельс записал в дневнике: «Привентивная война является самой надежной и удобной войной, если принять во внимание, что противник все равно должен подвергнуться нападению при первой же возможности. Это имело место по отношению к большевизму».

16 июня 1941 года Гитлер встречался с Геббельсом и его (Гитлера) интересовало одно: добиться удачи в агрессивном походе против СССР. Геббельс записал в дневнике: «Фюрер говорит: правдой или неправдой, но мы должны победить. Это единственный путь, и он верен морально и в силу необходимости. А когда мы победим, кто спросит нас о методе? У нас и без того столько на совести, что мы должны победить». И далее: «Фюрер не спрашивает, что думает народ. Народ думает, что действуем с Россией заодно, но будет вести себя так же храбро, если мы призовем его к войне с Россией».

В секретном приказе Гитлера войскам, зачитанном перед вторжением говорилось: «Уже несколько недель происходят длительные нарушения границы» (здесь явная ложь. — Авт.)… «Германия вынуждена принять «ответные меры» (?!) и теперь пришел час, когда необходимо выступить против этого сговора еврейско-англосаксонских поджигателей войны и таких же еврейских правителей большевистской Москвы».

Высшие руководители Третьего рейха, решившись напасть на СССР, надеялись на антисоветизм руководителей Запада. За неделю до нападения на нашу страну Геббельс записал в дневнике: «Большевистская зараза должна быть устранена из Европы. Против этого едва ли будут возражать Черчилль и Рузвельт»…

В истории все сложно и часто взаимосвязано. Россия может

сохранить себя только в качестве государства русской нации. Русских в России 85 процентов. Русские, украинцы и белорусы — это лишь, разновидность, составные части единого русского народа. «Русский язык — это совокупность тех говоров, поднаречий, наречий, на которых говорит русский народ т. е. известные племена и народности, объединенные общностью нравов, верований, преданий и самого языка» (Словарь Брокхауза и Ефрона).

Россия-это историческая реальность и жестокая мировая необходимость. Она баланс мировых сил, нарушить который весьма чревато.

Россия не выживет, если русский народ не станет ее основной активной движущей силой. Россия видится Державой, олицетворяющей и традиционно и в перспективе мощь, влияние и авторитет в мире.

Почему рухнула Российская Империя? Да потому, что старая идеология, основанная лишь на самодержавии, православии и народности, на том историческом этапе исчерпала себя в тех имевшихся формах. Потому и не смогла разрешить, стоявших перед государством проблем. СССР рухнул после деидеологизации последовавшей вслед за отменой 6-й статьи Конституции, закреплявшей право КПСС на руководство…

Сейчас «демократия воров и проходимцев» тоже не стала идеологией большинства народа. Народ ищет выход из создавшегося положения. Нет сомнения, что Россия обязана снова стать великой русской Державой! Пришло время призыва: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой! С фашистской сионистской Ордой». Для этого необходимо побуждать среди настоящих русских людей ПАТРИОТИЗМ и воспитывать в каждом социалистическое сознание! Только на этих путях мы сможем возродиться и устремиться в новом веке на нравственных основах к высотам человеческой цивилизации.

Объединенная Германия сегодня стала самым мощным государством Западной Европы. История Германской империи тоже напоминает немцам о трагических ошибках прошлого, о преступлениях германских вождей, равных которым не знала история человечества, о катастрофе, в которую вовлекли германский народ темные силы реакции и агрессии. Вместе с тем имеется много предупреждений о том, что повторение ошибок и заблуждений прошлого может привести к самым тяжелейшим последствиям, как для Германии, так и для ее народа. Кстати сказать, мировая Закулиса, как говорится, спит и видит такое для немцев развитие событий.

Общеизвестно, что главной целью Гитлера было завоевание

России. Но он же по словам Геббельса говорил на совещании гауляйтеров 8 мая 1943 года, следующим образом: «Фюрер выражает твердую уверенность, что настанет время, когда рейх будет господствовать над всей Европой». К чему стремится нынешняя ФРГ в настоящее время?..

В моих руках находится книга на ненемецком языке «Von Krieg zu Krieg» («От войны до войны»), изданная в Берлине. Два автора Вальтер фон Гольденбах и Мартин Рюдиг взяли себе псевдонимы, как указано в книге с целью обезопасить себя и свои семьи от неприятностей (вот вам, дорогой читатель еще одно доказательство «подлинно западной свободы слова»). Два других автора назвали свои подлинные фамилии. Это — французский генерал и историк Пьер Галлоа и немецкий писатель Ганс Рюдигер Миноу, он же режиссер и кинооператор, автор книги «Германия пробуждается» — 1994 г.

Вот краткое изложение этой книги: Ставится вопрос: почему Германия поддерживает в Европе сепаратистов? В журнале «Дойчланд магацин», № 3, 1997 г. автор Карл Густав Штремм комментирует балканскую тему.

В 1941 году, благодаря вторжению в Югославию вермахта в Хорватии был создан режим экстремистов-националистов Анте Павелича, где скоро дошло до кровавых разборок среди католиков, мусульман и православных сербов.

В 1389 году погибло средневековое государство сербов по вине сербов-мусульман (знаменитая битва славян и турок на Косово поле). Девятью годами раньше (в 1380 году Дмитрий Донской разромил татарские полчища Мамая на Куликовом поле). Писатель Минау в 1994 году издал книгу «Германия пробуждается». Этих двух авторов объединяет убежденность в том, что породившая первую и вторую мировые войны немецкая политика государственной поддержки всяческих разновидностей сепаратизма в Европе, разделения континента на «удобоваримые» для Германии микрогосударства является порочной и самоубийственной, исходя из истории.

Корреспондент журнала «Дойчланд…» задал вопрос, бывшему длительное время министром иностранных дел ФРГ Геншеру, автору «Воспоминаний» вопрос: «Господин Геншер! В своих воспоминаниях вы уделяете большое внимание Югославии. Вы дискутируете также с теми, кто упрекая вас в преждевременном признании — Словении и Хорватии, говорит, что тем самым вы дали ход процессу, который, возможно, вызвал цепную реакцию, вплоть до событий в Боснии».

Геншер выгораживал себя и свою страну. Германия сознательно шла на гражданскую войну на Балканах во имя своих

геополитических целей и особенно против Сербии.

Балканы — особенно наглядный полигон для отслеживания немецкой политики поощрения сепаратизма. Еще Гитлер во время войны, будучи в Словении, где его бурно приветствовали «фольксдойче» сказал: «Сделайте эту землю немецкой!».

Германия и сейчас ведет дело к расколу Европы. Немцы вбивают клин между Сербией и Черногорией, Воеводиной и Косово — колыбели сербской государственности, где сейчас большинство албанцев. Они же обхаживают и черногорских сепаратистов.

В книге «От войны до войны» предисловие Пьера Галлоа — французского генерала, этот стратег с опаской наблюдает за интенсивным развитием Германии — самой мощной в Европе экономической державы, единой по национальности (хотя почти 8 процентов там находится иностранных рабочих и «гастарбайтеров»).

И в других странах Европы действуют сепаратисты: во Франции корсиканцы и баски, в Италии — «Северная лига», в Великобритании — Ольстер. Есть свои проблемы с сепаратизмом и в Венгрии, в Румынии и Словакии. В России — чеченцы. Они использовали призыв Ельцина — «Берите суверенитета сколько сможете проглотить!».

И везде Германия, тихой сапой, поддерживает любые виды сепаратизма. И везде ее роль очевидна: и во Франции, и в Великобритании, и в Румынии, и в Словакии, и в Бельгии, и в Италии, и в Греции, и в Сербии, и в Черногории, и в Испании, и в Польше. Работает в этом направлении и в России. В Германии действует исследовательский центр, который обстоятельно изучает эту проблему. Центр называется Federalistische Union Europeescher Volksgruppen. Этот центр оказывает этим группам всяческую поддержку. После поглощения ГДР федеральные власти выделили в 1996 году на эти цели 140 миллионов немецких марок. Немецкие законы по работе с соотечественниками, являющимися гражданами других стран, имеют свои особенности и в некотором роде они единственные в мировом сообществе. Национальность определяется по ним исключительно по крови. Это, кстати сказать, касается и наших обрусевших немцев, которые говорят по-русски и выглядят как типичные русские люди. Германия вкладывает значительные средства туда, где в силу разных обстоятельств, проживают немцы. Это и Украина, и Венгрия, и Румыния, и Польша и другие страны.

Ведется подготовка к возвращению немцев в Судеты и Калининградскую область. Переезд немцев из Казахстана и

других Среднеазиатских республик в «Кенигсберг — это помощь исламистам в Средней Азии по утверждению на этих территориях сепаратизма. Что касается Калининграда, то тут у Германии свой особый резон — создать форпост для проникновения на Восток.

К сожалению уроки прошлого ничему не научили реваншистские силы Германии, которые хотят властвовать в Европе после, мягко говоря, вынужденного ухода наших войск из Германии. Виною тут снова недобитая «пятая колона» в лице нынешнего российского президента и его подельщиков. Это он, «всенародно-избранный» со свитой прихлебателей, сопровождал уход наших солдат из покоренной в прошлой войне Германии при позорных проводах в Трептов-парке, концертированием немецким оркестром и пением «Калинки». Это фактически был бесовский изуверский танец на останках наших воинов-героев бравших Берлин (их там в Трептов-парке, наших родных и близких, выполнивших свой священный долг перед Родиной, похоронено в братских могилах 5417 человек). Этого глумления над нашей святой памятью народ никогда не забудет.

В своей книге «Россия и Европа» Н. А. Данилевский писал: «… Россия не может являться частью Европы — ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую самостоятельную культурно-историческую единицу, либо лишиться всякого культурно-исторического значения — быть ничем»… Этот завет, русского патриота мы никогда не должны забывать. Более того, настало время решить эту задачу, во всех сложных ее аспектах, положительно.

Глава 13
Геополитика и мир

Цель врагов России: демонтаж в стране традиционного для нее общества и построение либерального открытого т. е. общества соответствующего нормам западной цивилизации. Их цель разрушить нашу российскую цивилизацию, чтобы мы вырвали из себя идеалы справедливости, взаимопомощи, самопожертвования, вольности и возлюбили свободную конкуренцию.

«Холодная война» против России ведется с начала XX века, а не с 1946 года. Между Западом и Россией издавна существует напряженность, неизбежная в отношениях между двумя разными цивилизациями. Одна из них — динамична и агрессивна (Запад).

Запад вел крестовые походы на Восток ради защиты западных ценностей. Вспомним историю. В XIII веке папа Иннокентий IV послал тевтонов и рыцарей других орденов в крестовый поход на русские земли. И в противостоянии им огромную роль сыграло Православие. Вторжение Запада в другие цивилизации всегда приносило гибель местной культуры.

Наши враги пытаются обманывать нас сладкими речами об «интеграции в цивилизацию». Что это за интеграция видно из того, как они пытаются вести себя в странах, которые хотят жить по своему. Взять хотя бы Сербию. Какие зверства они творят против ее свободолюбивого народа? И делают они это под прикрытием разных резолюций…

В 1204 году был осуществлен IV крестовый поход против Византии христианского государства. Крестоносцы вновь показали себя там во всем «блеске». Они зверствовали там, проливая реки человеческой крови. Вот почему Александр Невский выступил против тевтонов и побил их.

Альберт Медведь и Генрих Лев очищали от славян центр Европы, хотя моравы, венды и сербы были уже крещены, но их уничтожали как язычников. Четыре века очищалась Европа от славян, начиная с походов Карла I Великого. И этот напор остановил Александр Невский на Севере, а монголы в Венгрии.

Когда Наполеон готовил поход на Россию его назвали «воскресшим Карлом». В 1942 году нацисты пышно праздновали 1200 лет со дня рождения «Карла-европейца». Кардинал Фрингс из Кельна во время правления Аденауэра назвал «холодную войну» реализацией идеалов Карла Великого. Сейчас Запад ставит эксперимент по уничтожению сербов. Русские — второй объект сатанизации после сербов. Для «цивилизованного мира»

мы, как и прежде варвары. Нас представляют такими, что это не приходило в головы гитлеровским идеологам даже во время войны.

И здесь хотелось бы предупредить соотечественников, чтобы они не забывали, что европейцы уважают силу и плохо относятся к бедным. Так что, нечего нам молится на Запад, туда нас не приглашают и ждать нам от них нечего. Лучше оставаться самими собой. Пример Китай. Запад рационально относится к другим — пожирает их, если они слабые, и сотрудничает — если сильные.

История XIX и XX столетий свидетельствовала: пока существовала Российская Империя или Советский Союз, никто не мог добиться мирового господства. Поэтому и Наполеон и Гитлер ставили перед собой задачу разгромить и расчленить наше государство. И им это не удалось. Но Запад во главе США, с помощью предателей в нашей стране смог это сделать. Беловежский сговор был безоговорочной капитуляцией СССР. Его принял по телефону президент США Буш от Ельцина. Решение Госдумы от 15 марта 1996 года означает: Россия отвергла, не признает безоговорочную капитуляцию. СССР разрезали по живому, но не учли жизненную силу великой евразийской общности, объективную потребность и волю народов к объединению. Сегодня мы все чаще являемся свидетелями того, как в странах СНГ нарастают антиамериканские настроения.

Английский историк Арнольд Тойнби предостерегает: «Человек безумствовал и совершал преступления на протяжении всей истории. И каждый раз за это проходилось платить жизнью. Для комплектования отрядов террористов-смертников нужна всего лишь ненависть. Обостряется главное противоречие: культ сверхпотребления в странах Запада и нищета и голод в других странах. Международный валютный фонд (МВФ) фактически грабит своих должников. Его программы ведут к окончательной остановке отечественной промышленности и поэтому все может выйти из под контроля.

Сейчас критическая точка отсчета: сохранение цивилизации или гибель! И эта всемирная точка в мировой истории находится в России! Геополитическое положение ее ныне таково, что вооруженные конфликты и локальные войны по закону цепной реакции могут превратиться в широкомасштабную войну. И это в условиях, когда оборона страны разрушена, а НАТО неудержимо продвигается к нашим границам! Запад ощущает сегодня свою зависимость от процессов, происходящих в России. Страна наша и все окружавшее ее разноцветие отрубленных республик переживают сейчас исторический зигзаг, глубинный смысл которого сложен для восприятия непосвященных.

Возникновение геополитики было связано с развитием новых военных и транспортных технологий, приведших к увеличению контактов разных стран в глобальном масштабе. В начале XX века США выдвинули геополитическую арену как молодая агрессивная промышленная держава, имевшая достаточный технологический потенциал, чтобы реализовать свои интересы…

Основателем и высшим авторитетом германской геополитики являлся Карл Хаусхофер, утверждавший: «Геополитика подготавливает инструменты для политического действия и директивы для политической жизни в целом». Хаусхофер внимательнейшим образом изучил труды Х. Макиндера, и верность его аналитических прогнозов произвела на него сильное впечатление. В частности, рассуждения Макиндера о роли карты в формировании национального сознания, необходимости союза с Россией как основы германского могущества в Западной Европе.

Геополитику в действии он наблюдал в Японии. Его поразило, что она к концу первого десятилетия XX века утроила свою территорию за счет национальных захватов, но сделала это достаточно тихо и без сопротивления со стороны других могущественных держав.

Вернувшись на родину в Мюнхен, бригадный генерал Карл Хаусхофер поставил своей задачей создать германскую школу геополитики, адекватную стоящим перед Германией задачам. Нация должна «думать геополитически», национальные лидеры должны «действовать геополитически».

В 1919 году Хаусхофер становится профессором географии мюнхенского университета. В 1924 году он основывает «Геополитический журнал». На протяжении 20-х годов он ездит по всей Германии и пропагандирует идею расширения жизненного пространства для немцев. Его концепция истории выглядит как постоянная борьба между морскими и континентальными державами.

Хаусхофер ставил своей целью довести базисные геополитические концепции до массового сознания немцев. Все эти идеи, были прекрасно усвоены Хаусхофером. Но чтобы быть пригодной для руководства к действию в Германии, эти концепции должны были быть наполнены немецким содержанием. И здесь источником анализа и размышлений стала концепция Ратцеля. Он преподавал политическую географию, разработал концепцию биогеографии, как он это называл, в которой рассматривал государство как одну из форм жизни. Важнейшее его теоретическое достижение — введение в политический обиход термина «пространства». Он считал, что пространство — фундаментальное понятие, управляющее

общественными отношениями. Государство тогда успешно развивается, когда его политические деятели и его население, обладают чувством пространства. «Чувство пространства» было для него индентично понятиям «талант к управлению», «дар колонизации».

Будучи представителем континентальной державы, которой еще предстояло бороться за право свободной морской торговли, Ратцель подметил важное различие между морской и континентальной торговлей. Свобода континентальной торговли достигается, как правило, путем переговоров, так как контролировать все континентальные коммуникации особенно за пределами своей территории невозможно. Свобода морской торговли достигается, как правило, путем военного превосходства.

Ратцель, признавая преимущества, которыми обладают морские державы, однако считал, что «идеал дальновидной политики, а иненно такая политика может создать мировую державу, лежит в комбинации континентальных и океанских концепций». Это высказывание в дальнейшем стало руководящим принципом германской геополитики, определившей ее планы деятельности и гласившей: «Ни континентальная, ни морская сила поодиночке никогда не создадут мировую державу, но ее создание зависит от комбинации двух факторов. Германская геополитика выросла как реакция на англо-американскую!

В своей концепции Макиндер, оценивая геополитические перспективы Германии, четко определил, что Германия сможет стать доминирующей силой в мире, только если в ее распоряжении будут российские ресурсы. В этом случае она соединит все достоинства и континентальной и морской державы. Ратцелем были заложены основы концептуального аппарата германской геополитики.

Хаусхофер привлекает немецкую философию для поддержки своих теорий. Он приводит слова Канта: «Действуй так, как будто максима, по которой ты действуешь, стала универсальным законом, природы. Он перефразирует понятие Ницше «Воля к власти» в понятие «Воля к пространству», «Чувство пространства» Ратцеля превращается у него в «чувство границ». Само понятие «границы» подразделяется им на военные, государственные, расовые, лингвистические, культурные и становится подвижным. Хаусхофером вводятся такие понятие «вероятная карта», и на протяжении 20 лет он печатает такие карты в огромном количестве, убеждая немцев в справедливости необходимости изменения границ. Вся эта работа пала на благодатную почву.

Полностью проиграв в Первой мировой войне и

капитулировав — Германия уже через десять лет становится мировой державой. Подобный успех объясняется двумя факторами: тщательным учетом геополитических факторов при проведении внешней политики и опережающим технологическим развитием.

Как известно, дружеские отношения связывали Макиндера и Керзона Мэхема и Т. Рузвельта. Не являлся исключением и Карл Хаусхофер, имя которого теснейшим образом связано с именами Рудольфа Гесса и Адольфа Гитлера. Во время Первой мировой войны Р.Гесс был адъютантом бригадного генерала Карла Гаусгофера. В 1923 году после неудавшегося «пивного путча» Гесс и Гитлер некоторое время скрывались в Альпах в загородном доме Хаусхофера, а затем, когда они отбывали наказание в тюрьме, Хаусхофер часто их навещал. Во время их долгих бесед Гитлер и познакомился с геополитическими концепциями, а придя к власти, сделал геополитику частью партийной идеологии.

Германия добилась поистине поразительных результатов на мировой арене, превратившись из разбитой и капитулировавшей страны в страну, формирующую политический облик мира.

Германия довольно быстро сконструировала систему европейских осей, вовлекла в сферу своего политического влияния многие государства Центральной и северной Европы, вела активную политику в Южной Америке, Африке, Азии. Вся она была направлена на одно — образование единого блока против Великобритании. Хаусхофер видел в ней своего главного врага.

Напротив в России он, видел основного союзника. Это совсем не значит, что Хаусхофер по отношению к России питал какие-то особые симпатии. Он понимал, что Россия — связующее территориальное звено между Европой и Тихим океаном. Если российские трансконтинентальние коммуникации станут доступны Германии, они восполнят недостаток морских коммуникаций.

Исторический процесс движения к морю занимал в концепции Хаусхофера значительное место. С его точки зрения это видимое проявление «воли к пространству» у нации. Чем труднее этот выход, тем больше воли должна проявить нация. В качестве такого примера Хаусхофер приводил Россию. Несмотря на жесткое сопротивление со стороны скандинавских стран Россия вышла к Балтийскому морю. Несмотря на не менее жесткое сопротивление со стороны Турции она вышла к Черному морю. Россия вышла к Тихому океану, хотя это приводит к постоянным трениям с Японией. Но движение к морю не всегда

является определяющим в развитии нации, ибо движение к морю — не самоцель, а. способ достичь и освоить континенты…

Заключение в 1939 году пакта о ненападении между Россией и Германией было триумфом деятельности Хаусхофера. Русско-германский пакт 1939 года рассматривался Хаусхофером как историческое достижение. Был сделан важный шаг для осуществления его мечты мирового господства. После этого Хаусхофер стал работать над заключением договора с Японией. Это было завершением в создании евразийского блока.

Однако в ноябре 1940 года Гитлер уведомил Гесса о разработке плана нападения на Россию. Гесс и Хаусхофер были очень близкими людьми. Такой разворот геополитических событий стал полным крушением всей конструкции Хаусхофера. Он принимает самое деятельное участие в организации полета в мае 1941 года Гесса в Англию. Участие в этом предприятии стало завершением карьеры и Гесса и Хаусхофера.

Мрачные прогнозы основателя германской геополитики подтвердились в полной мере. Германия потерпела на этот раз сокрушительное поражение. Карл Хаусхофер покончил жизнь самоубийством.

Гитлер не допускал даже мысли о том, что Россия может быть простым статистом в чьей-то политической игре. На что же он мог рассчитывать, идя на войну на два фронта? Логично предположить, что он был уверен в технологическом превосходстве Германии не только над Россией, что он и западные страны считали само собой разумеющимся, но и над Великобританией.

Хаусхофер, к примеру, писал о развитии авиации: «Как наиболее эффективное оружие по завоеванию пространства авиация революционизировала пространственные перспективы любой страны. Под влиянием авиации многие морские базы потеряли свое значение».

Чтобы избежать опасностей излишней урбанизации и связанных с нею отрицательных последствий, следует внутри страны избегать излишней централизации промышленности, стараться переносить ее в глубь континента или под землю, сделав таким образом недоступной для авиации. Население должно быть равномерно распределено по всей территории страны, с тем чтобы снизить, по выражению Хаусхофера, «воздушную чувствительность городов». Не имея доминирования ни в морском, ни в континентальном пространстве, германские геополитики сделали ставку на воздушное пространство, столь же обширное, как морское и континентальное. И в нем они добились опережающего технологического превосходства.

Таким образом, фраза Гитлера, сказанная Гессу 20 ноября 1940 года: «Я оставляю идею захвата Англии и вместо этого начинаю марш из России» означала, что Великобритания, по мнению Гитлера, была слишком легкой добычей для Германии, что 300-летнее могущество «владычицы морей» с хитроумными «имперскими линиями жизни», тактикой, которая действовала до появления авиации ушло в небытие.

Анализ взлета и краха германской нацистской геополитики ставит перед нашим обществом ряд вопросов. Нападение Гитлера на СССР было авантюрой, переоценкой своих сил, германской технологической мощи. Наш народ в этой титанической борьбе потерял огромный человеческий и материальный потенциал. Об этом никогда не стоит забывать перед угрозами новых геополитиков мира!

Гитлер стремился добиться победы при помощи тирании, а США сейчас добивается установления диктатуры монополистического капитала при помощи легитимных методов.

«Америка сегодня является ударной силой международного контрреволюционного движения в защиту привилегий господствующих классов» (английский историк Арнольд Тойби). Американцы проводят доктрину «открытых дверей». Они захватили все западное полушарие. Победа США в испано-американской войне 1898 года ознаменовала начало американского «Drang nach Osten» (наступление на весь мир). Хаусхофер писал: «США, завершив свои планы геополитического панамериканизма, считает свой контроль над всем Американским континентом лишь первым шагом к достижению мирового господства».

Сенатор Лодж еще в 1895 году подчеркнул: «Наша история — это история завоеваний, колонизации и экспансии, с которыми ни одна нация в XIX веке не может сравниться. И никто нас в будущем не будет в состоянии остановить».

А другой деятель — Вилльямс писал: «Политика «открытых дверей» была направлена на создание таких условий, при которых США, пользуясь силой будут в состоянии распространить американскую систему на весь мир… Американская империя была создана на основе стратегии и тактики «открытых дверей».

После окончания Первой мировой войны в доктрине Монро слились коммерческий и территориальный экспансионизм. Эту доктрину загримировали в обманчивую иллюзию извечных законов мирового рынка. Президент Вильсон в 1917 году провозгласил эту доктрину мировой доктриной.

Их стратегия:

1. Создание империи и управление ею.

2. Создания институций для легитимации этой империи.

3. Эффективное сдерживание всех стран, которые могли бы бросить вызов их имперскому владычеству.

Для этого и создается «дымовая завеса» — защита демократии, свободы, самооборона и т. д. Все это направлено на создание «нового мирового порядка» под эгидой США. Для легитимации этой доктрины была создана в свое время Лига Наций!

Американский деятель Фредерик Тэрнер и другие утверждали и утверждают, что историческая жизнь нации заключается в завоевании пространства. Если нация не покоряет новые пространства, она умирает?! После распада СССР в 1991 году США использует Югославию в качестве полигона для установления «нового мирового порядка».

Хаусхофер ссылался в своих работах и на книги американских геополитиков Фредерика Тэрнера, Брокса Адамса, адмирала Мэхена. Немецкая фашистская политика «жизненного пространства» основывалась на их оценках.

До и после Второй мировой войны американцы пытались установить свое мировое господство, можно сказать используя методы «политического социал-дарвинизма».

Геополитик США Николас Спикмэн написал книги: «Американская стратегия в мировой политике» (1942 г.) и «География мирового устройства» (1944 г.). Его идеи: географический детерминизм, социально-демократическая теория вечной борьбы всех против всех в международных отношениях, а также культ силы, отождествление права с силой и убеждение в том, что сильнейший всегда имеет право подчинить себе слабого. И далее он пишет: «Все формы насилия, включая разрушительные войны, допустимы в международном сообществе».

Проектируя антисоветские блоки, американский империализм в свое время выдвигал концепцию отмирания национального суверенитета, как формы существования. Американцы разработали теорию «окружения». Идеалом Ф. Д. Рузвельта была теория «четырех полицаев мира». После войны США вступают на путь «американизации» Западной Европы, а затем и всего мира.

Меморандум Совета Безопасности N 68 от 1950 года был ни чем иным, как геополитическим планом завоевания мира и разрушения СССР. Затем была разработана и осуществлена система окружения нашей страны военными базами США под видом теории стратегии сдерживания. С той же целью было создано НАТО. Сейчас уже хорошо известно: еще война с Германией не закончилась, а США уже вынашивали планы новой

войны против СССР.

Американский геополитик Уэллес считает: что касается «американской границы», то «она везде, куда может достать американская бомба. Она повсюду, где могут спуститься американские парашютисты. Она на тысячи миль от самых отдаленных аэродромов!.. Где же лежат в наши дни американские границы?.. Их нет. Они повсюду: Америка везде, Америка борется вокруг всего земного шара». Получается, что весь мир — граница США. Даже Гитлер об этом не говорил, видно, не хватило у него фантазии.

Американцы ведут тотальную войну во всем мире! ООН сегодня в основном обслуживает США и используется для проведения американской политики, где они особенно уже и не маскируются.

Геополитическая стратегия США еще перед окончанием Второй мировой войны стала основой ее внешней политики. «Холодная война» — ее следствие, а «новый мировой порядок» — ее результат. «Цивилизаторская миссия» англосаксов и американцев в особенности хорошо известна при почти полном уничтожении коренных жителей Америки индейцев, хотя они всячески оправдывают геноцид.

«Американский образ жизни» направлен на идеологическое закабаление народов. Они ведут яростную идеологическую борьбу против принципа государственного суверенитета стран и национальных культур В сущности на смену немецкого фашизма пришел американский, преследующий те же цели. Но борьба за будущее нашей страны еще не закончилась!

Вспомним историю.

Петр I вступил в коалицию с Польшей, Австрией и Венецией против турок и тем помог им избавиться от их натиска и ига.

Россия разгромила Наполеона и тем самым освободила европейские государства.

В 70-е годы XIX столетия Россия вытеснила из Европы мусульманскую Турцию и тем самым помогла освободиться от турецкого ига: Болгарии, Сербии, Черногории, Румынии, Греции. А наша победа во Второй мировой войне освободила от нацизма Европу!

Сталин противопоставлял агрессивным устремлениям США конкретные меры. Весной 1952 года он отдал секретный приказ о срочном формировании ста дивизий реактивных бомбардировщиков фронтовой авиации, который после его смерти был забыт предателями родины.

Сегодня русские переживают трагическую страницу своей истории. Наглядное доказательство: идеологи и стратеги

«холодной войны» метили не в коммунистическую систему, а прежде всего в народы, населявшие СССР и в первую очередь — в русский народ! Для высокомерной Америки и спесивой Европы Россия была во все времена «неперспективной», и они мечтали о ее ликвидации. Этого не понимают только глупцы. То, что; происходит сегодня — сначала развал Советского Союза, а теперь и расшатывание устоев России не может не настораживать. США создают санитарный кордон вокруг России под кодовым названием «Партнерство во имя мира», через кодирование американского экономического и культурного проникновения в пределы ее так называемых союзников, через коррумпирование функций ООН.

Внешняя политика России должна быть долговременным терпением и бдительностью, сдерживанием американских экспансионистских тенденций. Американцев можно сдержать только средствами решительного противодействия всеми силами сдерживания агрессора!

Я полностью согласен со статьей Дмитрия Митина в газете «Завтра» (1997 г.) «Они уже Россию поделили» и, думаю, тут ее будет уместно процитировать.

«К своему 75-летию американский журнал «Foreign Affairs» выпустил юбилейный номер с серией статей, которые должны как бы венчать итоги столетия и указывать основные ориентиры планетарной политики века грядущего. Что ни имя, то живая легенда американской внешнеполитической стратегии: Джордж Кеннан, Артур Шлезингер, Сэмюэль Хантингтон, Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский и другие. Немало тревожного может обнаружить заинтересованный русский читатель в их рекомендациях и прогнозах, однако самое непосредственное отношение к его будущему имеет статья Бжезинского «Геостратегия для Евразии», заявленная как отрывок из будущей книги, а точнее, доктрины. И показательно, что выжимки из нее были опубликованы, в русском переводе «Независимой газетой» 24 октября с.г. (1997 г., авт.) правда, без карты «Конфедеративной России», где Приморье отходит «Великому Китаю», Южные Курилы принадлежат конклаву «США-Япония», а Северный Кавказ, Калининградская область и даже Ленинград отданы некоей «Атлантической Европе» (читай, Турции и Германии). Конечно, кое-кто рад будет списать все «на безудержные фантазии старого антисоветчика», но не будем забывать время и место публикации. «Форин эфэйерз» — далеко не бульварное чтиво о заморских аферах, а фактический официоз администрации Клинтона, да и Бжезинский вовсе не «пикейный жилет на Приморском бульваре», а один из идеологов и учителей

нынешней американской элиты.

И дело не только в этой статье. Признаки новой линии Вашингтона на окончательное добивание России множатся, что бы там ни говорил «Друг Билл» на ушко закадычному «другу Борису». И пахнут они прежне всего каспийской нефтью. Пирог в четыре триллиона долларов, как скрупулезно подсчитали на Уолл-Стрите, слишком аппетитен, чтобы делиться им даже с друзьями. Не случайно «Вашингтон пост» писала в начале октября, что «Администрация Клинтона и американские нефтяные корпорации усиливают кампанию за прекращение вековой гегемонии России над зоной Каспийского моря с ее огромными нефтяными и газовыми богатствами, потенциально имеющими решающе важное значение для достижения стратегической цели США — приобщения важных новых источников энергоресурсов за пределами Ближнего Востока».

В эту кампанию прекрасно вписывается не только давление на Газпром со сверхзадачей развалить европейский консорциум по сотрудничеству с Ираном, но и дышащие благородным негодованием: доклады о «российской организованной преступности», буквально наводнившие информационное пространство США. Вместо реальной помощи по борьбе с этим огромным и в немалой степени завезенным с Запада злом (или уж, во всяком случае, насажденным теми, кого Запад считает своими союзниками в нашей стране), — аргумент «криминальной России» используют уже чуть ли не в оправдание расширения НАТО на восток, различных форм торговой и экономической дискриминации Москвы и т. д.

Больше всего в этих разоблачениях доставалось Березовскому, главное прегрешение которого в глазах Запада, состоит вовсе не в том, в чем он действительно виноват перед народами России, а в том, что, окончательно зарвавшись, потянулся Борис Абрамович к «каспийской трубе», в которую его и «слили». Вот Гусинский по-осмотрительнее — и уже подвластный ему печатный орган «Сегодня» в последних номерах убеждает читателей, что России вообще никакие нефтепроводы на Каспии не нужны — его и не трогают. Такая вот выборочная борьба «свободного мира» с нашей доморощенной олигархией, которую к серьезным делам не допускают и не допустят никогда.

Как выяснилось из слов бывшей сотрудницы Совета национальной безопасности США Шилы Хеслин, вызванной недавно в сенат для дачи показаний по делу о коррупции, еще в октябре 1995 г. Клинтон специально звонил Алиеву, чтобы повлиять на выбор маршрута нефтепровода из Баку, который не находился бы под прямым российским контролем. В апреле

1997 г. в одном из докладов госдепартамента были окончательно сформулированы цели США относительно Каспия, которые, как отмечалось, «состоят в надежной привязке этого региона к Западу» через трубопроводы и транспортные коридоры, проходящие вне пределов России.

Важно и то, что в «каспийском проекте» видны личные интересы многих видных фигур американского истэблишмента. Как писала недавно та же «Вашингтон пост», «последняя нефтяная лихорадка нашего столетия» вовлекла в качестве вкладчиков капиталов и консультантов причастных к проекту монополий таких известнейших деятелей, как бывшие госсекретари США Генри Киссинджер и Джеймс Бейкер, министр обороны Дик Чейни, министр финансов Ллойд Бентсен. шеф аппарата «Белого Дома» Джон Сунуну, а также бывшие помощники президента по национальной безопасности Брент Скоукрофт и… сам Збигнев Бжезинский, который, например, числится консультантом нефтяного гиганта «Амоко». И есть все основания предполагать, что данная группа американской элиты вполне разделяет геополитические взгляды Бжезинского на организацию евразийского пространства, поскольку от их реализации зависит личный «профит» каждого участника.

Совокупность этих факторов позволяет предположить, что вариант раздела России на европейскую ее часть. Сибирскую и Дальневосточную республики, предложенный Бжезинским, может быть воспринят соседями РФ и другими заинтересованными субъектами мировой политики как предмет для обсуждения и вскоре окажется на повестке дня.

Да, мы сегодня должны признать, что ~ США нас крепко потеснили. «Русский медведь» серьезно ранен, но пусть не обольщаются наши недруги. Мы русские! И супостаты еще увидят и на себе ощутят на что способен неукротимый русский дух!

Глава 14
Судьба России, русского народа и славянства. Выход из кризиса

Нет больше Союза Советских Социалистических республик. Великая держава мира раздроблена на национальные лоскутки, каждый из которых испытывает «военную беспомощность», «экономическую зависимость от внешнего мира» и многое другое, так унижающее достоинство русского человека, под которым мы подразумеваем великоросса, малоросса, белоруса и других близких нам по духу советских людей.

Эту гнусность совершили «оборотни», так называемая «пятая колонна» и сионисты, вечные ненавистники России на постоянно враждебном нам Западе, вдохновляемым самой бесчеловечной державой мира — Соединенными Штатами Америки.

Наш народ хотя и говорит на русском языке, но часто думает не по-русски. Он безмолвствует, оказывается зрителем, надеется на «авось», а потом становится жертвой происходящих в России событий…

Почему такое происходит, ответить вот так просто, трудно. Русский народ третируют все, кому не лень, но не понимают того, что тем самым способствуют пробуждению русского национального самосознания и характера. Но нельзя забывать, что Россию уничтожают злые силы Закулиси.

Я долго воевал с нацистами в Крыму и мне часто приходят на ум слова нашего русского писателя, патриота Сергея Николаевича Сергеева-Ценского: «Когда я гляжу на снежные шапки Крымских гор, то мне видится вся наша обетованная прекрасная Родина, дороже и родней которой для нас нет ничего на свете. Так же, как эти горные вершины, возвышаешься ты, наша мать Россия, над материками и континентами!»…

А перед смертью он сказал: «…Никогда еще наша Родина не была так сильна, прекрасна, величава, как ныне. Никогда еще не представала перед миром в такой животворной и лучезарной красоте»… И еще: «От колыбели, через всю жизнь проносим мы певучее, сверкающее самоцветами русское слово. Разве могут стереться и устареть слова, написанные нашими классиками. Ведь эти слова изваяны в мраморе, отлиты из бронзы. Они — навеки».

Многие задают себе и другим вопрос: «Почему распался Советский Союз?»… Ответы разные в силу понимания этого вопроса конкретным человеком нашего общества.

Но вера никогда не может подменить знания.

В XX веке произошли две мировые войны. Они ослабили два колоссальных суперэтноса — российский и германский. В выигрыше осталась третья сила США, с финансовыми вампирами во главе.

Наша страна прошла сложный путь, особенно после революции 1917 года. Нынешние монархисты всячески пытаются оправдать царское правительство и даже доказывают о «золотом времени», о достижениях в промышленности, сельском хозяйстве и т. д. Но ведь исторические факты говорят о другом. Куда мы денем Ходынку, Порт-Артур, Цусиму, потерю Курил и южного Сахалина, кровавое воскресенье 9-го января 1905 года, Красную Пресню, Ленский расстрел рабочих, броненосец «Потемкин», Свеаборг, Обуховскую оборону, многие стачки и забастовки рабочих, крестьянские волнения. Что это все было от хорошей жизни трудящихся?

Лев Толстой, обращаясь к своему классу, к царскому двору, к царским министрам писал: «Опомнитесь, что же вы делаете?! Купаетесь в роскоши, тогда как народ бедствует. Вы же своими руками готовите революцию!».

Историческая правда заключена в том, что не большевики, а Милюков, Гучков, Шульгин, Родзянко пришли к царю и сказали, что все прогнило, а Россия находится на краю пропасти.

Революция зрела и грянула. Не только Ленин с полученными от немцев деньгами и вагонами евреев — ненавистников русского народа и Троцкий с пароходом евреев сделали революцию, а ход истории и сам царский режим подготовили в стране революционную ситуацию.

После Февральской буржуазно-демократической революции начался распад России: В Белоруссии появился Балахович, на Украине — Петлюра и Скоропадский, в Армении — дашнаки, в Азербайдяане — муссаватисты, в Прибалтике — остзейские бароны, в Средней Азии — баи и ханы.

Как бы там ни было, а объединили России большевики, оказав помощь всеми средствами и в том числе вооруженными силами в борьбе с националистами.

Как это не печально, но уже в первые месяцы большевистской революции, ее вожди планировали уничтожение, по крайней мере, 10 миллионов русских людей.

Ленин 25 мая 1919 года заявил: «Это диктатура предполагает применение беспощадного, сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов и помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или

советчиков пролетариата».

Троцкий по этому поводу заметил: «Террор, как демонстрация силы и воли рабочего класса получит свое историческое оправдание в том факте, что пролетариату удалось сломить политическую волю интеллигенции».

Дзержинский вторил: «Мы представляем собой организованный террор. Это должно быть сказано совершенно ясно».

Зиновьев в 1918 году на VII Петроградской большевистской конференции говорил: «Мы должны увлечь за собой 90 млн. из 100 млн. населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить, их надо уничтожить». Присутствующие партийцы с восторгом зааплодировали этому бесчеловечному заявлению,

Свидетель, один из высокопоставленных советских чиновников, ставший невозвращенцем, Г. Соломон утверждает в своей книге «Среди красных вождей»: «В Смольном в кабинет к Зиновьеву вошла депутация из 3-х матросов. Через какое-то время Зиновьев выскочил из кабинета, позвал страж и приказал: «Уведите этих мерзавцев во двор, приставьте их к стенке и расстреляйте! Это контрреволюционеры…» Приказ был тот час же исполнен без суда и следствия».

Газета «Правда» писала: «…За каждую нашу голову — сотню ваших». Только при Урицком в Петрограде было убито около 5 тысяч офицеров!

Масон Г. И. Петровский — нарком внутренних дел, издает приказ о взятии заложников.

Можно вспомнить, почему стали возможны церковные погромы и разрушения храмов воинствующими безбожниками в 1917–1918 годах (действо это продолжалось вплоть до 1937 года).

Давайте вспомним имена тех, кто вдохновлял и побуждал к этому. Вот еврейский поэт Э. Багрицкий: «Моя иудейская гордость пела, как струна, натянутая до отказа… Я много дал бы, чтобы мой пращур в длиннополою халате и лисьей шапке, из под которой седой спиралью спадали пейсы и перхоть тучей взлетает над бородой квадратной… Чтоб этот пращур признал потомка в детине, стоящем подобно башне, над летящими фарами и штыками грузовика, потрясающего полночь…»

Вот они враги русского народа — Свердловы, Багрицкие, Швондеры, Разгоны и т. д.

Дикий рынок, который они ныне организовали в России по заказу Закулисы убивает прежде всего стариков и детей. Такова их политика. Чужие слезы для этой нечисти — соленая водица. Они тогда, и сейчас громили и громят русскую культуру. Литература «малого народа» — это в основном героика

гражданской войны. Они были певцами террора. Они «же занимались реформированием русского языка, торговлей художественными ценностями русского народа, разрушали памятники русского народа.

О зверствах ЧК всем хорошо известно. Потому, думается, не стоит повторяться.

Противники коммунизма в СССР сумели поставить знание на службу своим интересам, а наши «деятели» оказались бездарными, а вернее заурядными предателями интересов нашей великой державы. Конечно, у наших противников случались сбои, ошибки, иногда грубые промахи, но в целом Запад преуспел. Об этом трудно и горько говорить, но нельзя замалчивать правду. Ведь обо всем этом знали те, кому нужно было принимать решения. То, что произошло — это результат итогов Второй мировой войны. Ведь в конечном итоге в той войне Запад, по большому счету, потерпел поражение, ибо не была тогда реализована их цель — восстановить целостность капиталистической системы, которая была частично разрушена в результате Первой мировой войны и русской революции. Оказалось, в конце Второй мировой войны и победы в ней СССР, что в военном отношении возможности СССР и США равны.

Оценку событий в послевоенном мире дал 22 февраля 1946 года Дж. Кеннан, в тот момент поверенный в делах СП! в Москве. Вот его подлинные слова из телеграммы в госдепартамент США: «Отнюдь не случайно марксизм, бесполезно тлевший полстолетия в Западной Европе, укрепился и впервые вспыхнул ярким пламенем в России. Только в этой стране, никогда не знавшей дружественного соседа или даже терпимого равновесия различных сил, внутренних или внешних, могла расцвести доктрина, в соответствии с которой экономические конфликты в обществе нельзя разрешить мирными средствами. После создания большевистского режима марксистская догма, превращенная ленинской интерпретацией в еще более острое оружие агрессии и нетерпимости, оказалось в совершенстве непригодной для выражения чувств уязвимости, которое охватило большевиков в большой степени, чем прежних правителей России. В этой догме, в основе которой лежал альтруизм целей, большевики нашли оправдание их инстинктивному страху перед внешнем миром, диктатурой, без которой они не знали, как править, жестокостям, к которым они не осмеливались прибегать, жертвам, которые они считали необходимом требовать. Во имя марксизма они в своих действиях и тактике пожертвовали всеми этическими нормами. Ныне они не могут отказаться от него. Он — фиговый листок их морального и интеллектуального приличия. Без него они

предстали бы перед лицом истории, в лучшем случае, не больше, чем последние в том длинном ряду жестоких русских правителей, которые безжалостно гнали страну к все новым вершинам военного могущества, дабы гарантировать внешнюю безопасность для их внутренних слабых режимов.

Поэтому цели СССР торжественно драпировались в марксистские одежды и никоем образом недооценивать важность догмы в советской политике»… А далее Кеннон сводит американскую стратегию победы над Советским Союзом к пяти положениям:

1. Трезво подходить к отношениям с СССР, как «врач подходит к больному и неразумному пациенту».

2. Заинтересованность в Россию, даже после наших недавних событий громкогласных демонстраций дружбы к советскому народу, подозрительно мала. У нас там нет инвестиций, которые нужно защищать, нечего терять в торговле, практически нет американских граждан, которым следует оказывать помощь, культурных контактов, лиц, нуждающихся в поддержании…».

3. Многое зависит от здоровья и энергии нашего собственного общества. Международный коммунизм, как зловредный паразит, находит пищу только в больных органах. В этом пункте сходится внутренняя и внешняя политика».

4. Мы должны развернуть перед другими странами значительно более позитивную и конструктивную картину мира, который хотим видеть, чем делали это в прошлом… Если мы не преуспеем, то русские наверняка сделают это.

5. Величайшая опасность для нас в схватке с советским коммунизмом таится в том, что мы станем такими же, как те, с кем мы боремся.

После этого Дж. Кеннана отозвали в Вашингтон и назначили главой вновь созданного управления планирования политики госдепартамента. Он там начал со своим штабом разрабатывать планы нанесения поражения Советскому Союзу. Все это делалось в глубокой тайне. Завуалированная суть этой борьбы была изложена в статье «Источники поведения Советов» в июльском номере «Форейн афферс» за подписью «Мистер Х». Это было изложение доктрины «Сдерживания коммунизма». Было задумано: расшатывать наш строй поэтапно.

Кеннон утверждал, что советская власть несет в себе семена собственничества. Раз это так, то США должны ускорить этот процесс. «Во власти США — писал он, — в громадной степени увеличить напряжение для советской политики… и тем самым способствовать тенденциям, которые в конечном счете найдут выход либо во взрыве, либо в постепенном схождении на нет

советской мощи»…

Стратегия, начертанная Кеннаном и воплощенная в доктрине «сдерживания» предусматривала в конечном итоге падение советского строя в результате внутренних потрясений.

В 1947 году в США, в интересах ведения «холодной войны» был учрежден высший орган в государственной системе — Совет Национальной Безопасности. При Трумэне он принял ряд директив в отношении СССР, вплоть до 90-х годов. Далеко смотрели наши враги. Они, пока выжившие из ума старики из Политбюро увешивали себя незаслуженными орденами и медалями, делали методично свое дело по развалу СССР и уничтожению советского строя.

Одна из директив СНБ-20/1, утвержденная Трумэном 18. августа 1948 года провозглашала:

«Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум моментам:

а) свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти».«…Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».;

Там же говорилось: «Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события… Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России…».

В августе 1949 года в СССР было создано атомное оружие. В результате этого возникло новое соотношение сил в мире.

30 сентября 1950 года Трумэн утверждает директиву СНВ-68, где указывалось: «Величайшая уязвимость Кремля заключена в самом характере отношений с советским народом… Отношения Кремля со своими сателлитами и их народами — другое уязвимое место… Национализм по-прежнему остается самой могучей эмоциональной политической силой». США делали ставку на национализм и еретиков. И немало тут преуспели. Но не только идеологические диверсии использовались американцами в борьбе с СССР. В США была принята программа перевооружения и довооружения своих союзников. Функционная роль гонки вооружений заключалась в том, чтобы втянуть в нее СССР. Цель ставилась одна — истощить советскую экономику, сорвать мирное строительство и тем самым оказать негативное воздействие на уровень жизни народа нашей страны и вызвать массовое недовольство. Надеялись они и на предательство в верхних эшелонах власти. И как видим сегодня, они этого

добились.

Рассекреченное циркулярное распоряжение госсекретаря Дж. Ф. Даллеса от 6 марта 1953 года (после смерти И. В. Сталина), направленное посольствам и миссиям за рубежом: свидетельствует о том, что США вели с нами войну непримиримую. Они включили в ее орбиту многие страны мира. Вот, что писалось в том распоряжении: «Следует подчеркнуть? что нашей главной целью остается сеять сомнения, смятения, неуверенность в отношении нового режима не только среди правящих кругов и народных масс в странах-сателлитах, но и среди коммунистических партий вне пределов Советского Союза…». Так разрушался наш Союз при молчаливом попустительстве наших «вождей» — перевертышей.

Возникает вопрос?

За что погибли в боях с врагами нашего Отечества, от голода и болезней, беспросветной жизни лучшие люди русских и нерусских народов страны?..

Народы России приняв лучшие помыслы славянской цивилизации: добра, справедливости, высокой морали и нравственности, боролись за лучшую долю, за то, чтобы в нашей стране был мир, покой. Чтобы не было у нас униженных и оскорбленных и многого на этом пути достигли. Но жестокая воля Закулисы вновь отбросила нас в смутное, бедное прошлое. Враги добились частично своих целей путем провоцирования войн, злобы, непримиримости к нашим мыслям и чувствам. Многие поддались на приманку, приняли западничество. Гигантская и богатая евразийская страна стала добычей международного сионизма, еврейского империалистического капитала.

И снова на нашей земле миллионы смертей, горя, слез, невинных жертв. Преступники правят бал, морально разлагая народ. А народ безмолвствует, в основной своей массе не понимает, что его ведут на заклание, что все его национальные богатства уже захвачены новыми хозяевами. Где же выход?

Почему лучшие, благородные помыслы нормальных людей не торжествуют?

Почему у нас правят бал мерзавцы и сатанисты, а народ молчит?

Почему русские люди ждут, что кто-то придет и за них все сделает: прогонит захватчиков, поднимет экономику, возродит культуру, и традиции, защитит слабых?

Почему только некоторые идут на смерть и муки во имя торжества добра и справедливости?

Понятно, однозначных ответов нет, каждый должен думать

самостоятельно и прежде всего стать патриотом своей страны объединиться с единомышленниками, научиться распознавать врагов и верить в правое дело.

Самыми страшными врагами для нас ныне оказались не те, с которыми мы лицом к лицу сражались на фронте. А те, которые втерлись на наших глазах в партию и когда настала пора ударили в спину.

Иуды Яковлевы, Горбачевы, Ельцины — неистребимое племя паразитов, так и хочется воскликнуть: «Погибель на их головы!»

И еще. Коммунистам-ортодоксам, думается пора знать правду, что американская фирма «Кон, Леб и Ко» и их руководители были генеральными спонсорами революций 1905 и 1917 годов в России. Даже банки, осуществившие перевод немецких денег Ленину в Стокгольм, были как следует из книги американца Г. Саттона «Уолл-стрит и большевистская революция», дочерними предприятиями или зависимыми партнерами «Кона, Леба и компании», а их руководители — родственниками Кона, Леба и Шиффа. 18 февраля 1912 года на митинге в Филадельфии Леб произнес знаменитые слова: «Подлую Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим стать на колени перед избранным от Бога народом».

Теперь понятно почему «дедушка Ленин» в 1919 году выделяет значительные суммы на ремонт главного Масонского Храма ордена Великий Восток Франции на Улице Кадэ в Париже. И это в период гражданской войны, когда в России от голода умирали дети! (Последние сведения из архива масонских лож, захваченных Красной Армией во время Великой Отечественной войны. Авт.).

Как видим, все в нашей истории гораздо сложнее, чем в сказках, которые рассказывали нам долгие годы пропагандисты и агитаторы из числа большевиков-сионистов.

Послесловие

В настоящее время наша Родина, как былинный Илья Муромец стоит на развилке трех дорог. Одна дорога ведет нашу страну банкирами — сионистами и извечными врагами России по циничному пути «демократии» воров и человеконенавистничества, к трагедии. Вторая дорога уводит нас по пути Колумбии, когда политика сращивается с мафией. Третья дорога ведет нас действительно к народовластию, развитию на основе российской государственности, высокой духовности и нравственности, исторической традиции, связывающих воедино наше прошлое с настоящим и дающее надежное будущее народам и нациям России.

Государство не может жить без идеологии, а именно идеологии государственного патриотизма. Необходимо учитывать, что в России всегда присутствовали три классические религии — православие, ислам и буддизм, которые всегда ставили духовные ценности выше меркантильно-потребительских.

Возврата к прошлому не может быть, да это и невозможно. Идет психологическая война одной цивилизации сугубо капиталистической с другой, рассматривающей деньги лишь как необходимость для решения насущных жизненных потребностей.

В России должно быть общественное движение за создание мировоззрения построенного на логике ума, права и справедливости. Но этого-то как раз и не хотят те, кто ныне правит бал в России. Не хотят они этого по одной простой причине — они для России совершенно чужие люди. Им совершенно нет дела до нашей истории, до наших традиций, самобытности и культуры. Они, захватив начальственные посты в науке, культуре, образовании, навязывают русскому народу суррогатную псевдокультуру американского толка, лишенную национальных корней.

И тут хотелось бы вновь во весь голос обратиться к соотечественникам: очнись оплеванная, обманутая, обворованная Россия, пробудись российский народ и посмотри вокруг, кто тобой правит! Не пора ли тебе стряхнуть с шеи ненавистное сионистское ярмо. Эти новоявленные правители, смею уверить вас, напуганны до крайности. Не случайно же они через все свои органы массовой информации трубят на весь мир о русском фашизме, предстоящем еврейском погроме. Знает кошка чье мясо съела, и что за это ей придется отвечать…

Великий жизнелюбец Лев Николаевич Толстой, учил русский

народ любить жизнь. Он писал: «Это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но и должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем»… А эти подлецы поганить все наше русское!

Нужно помнить и знать, что единожды предавший готов предать всегда. Такова его психология. «Хрущевская оттепель» и «брежневское слабодушие» было на пользу всей этой своре. Статья А.Н. Яковлева «Против антиисторизма» — эта циничная поделка с сионистской «кухни» была состряпана для того, чтобы ударить по русским только за то, что они осознают себя русскими. Еще в те времена думающие люди понимали, что Ю. В. Андропов ведет Мишку Меченного на партийный Олимп с определенной целью. Этот демагог был для свершения грязного дела, как нельзя кстати. Прагматик с Лубянки готовил Погубителя Державы умело. Так меченый оказался символической ритуальной пешкой в руках Закулисы.

Ницше считал, что культура и цивилизация находятся в обратно пропорциональной связи, чем более развита цивилизация, тем менее высока ее культура. Размышляя над этими словами, видишь как он был прав. Возьмем хотя бы еврейскую культуру и их «цивилизацию». И что мы видим? Во всех рассуждениях о своей особой миссии в мире (недавнее выступление писателя Тополя в газете «Аргументы и факты»), евреи практически не имеют этой культуры. Созданный ими суррогат, вряд ли кому придет на ум называть культурой.

Возьмем другую проблему. Идея социализма, как идея утверждения в обществе социальной справедливости в принципе верна, но пути ее претворения в жизнь шли как бы стороной от главной магистрали. Слова и понятия из партийного лексикона о социализме были оторваны от реальной жизни. Потому мало чего из задуманного было реализованно. Но социализм не химера. Не случайно, сегодня политики вновь заговорили о нем. Мечта о справедливости извечная мечта и она, уверен, будет торжествовать на планете.

Мало кто знает, что писал К. Маркс о России (в нашей стране это не печаталось, а в оригинале на немецком, пожалуйста читайте, кстати, напечатано это было еще при жизни автора): «Лишь война против России есть война революционной Германии, в которой она сможет смыть грехи прошлого, окрепнуть и победить». Вот теперь и догадывайтесь, почему он так написал?..

А вот Ф. Энгельс: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: Ненависть к русским была и продолжает

быть у немцев их первой революционной страстью». Что это, как не русофобия?

И. В. Сталин эти высказывания знал и делал все, чтобы сделать молодое поколение патриотами России и мы это доказали па полях сражений Великой Отечественной!

Гитлеровская пропаганда всячески поносила марксизм и его создателя Карла Маркса, а вот имя Энгельса я не встречал ни в одном пропагандистском материале нацистов.

Видимо наци его хорошо почитывали и чтили, как крупного капиталиста, ученого, немца, великого патриота Германии. Кстати, в нацистской партии было много перебежчиков из германской компартии, особенно после победы Гитлера на выборах. Так что в мире много общего и интересного.

Семьдесят лет советской власти в нашей стране прошло не зря. Народам есть с чем сравнивать нынешнее состояние. В сознании людей остались многие социалистические ценности и самая важная из них — уважение к людям труда.

У каждого человека есть свое, неповторимое призвание. И он не отступит от него, несмотря ни на какие трудности.

Призвание, соединенное с любовью к Родине, со стремлением делать людям добро, начало всех начал, вечный двигатель прогресса, источник творческого преобразования мира. Я в это верю и знаю, что наша Родина снова станет великой и непобедимой!

И в заключение подведу итог моего труда, который я посвящаю настоящим, неустрашимым борцам за счастье Родины следующими словами:

Время летит стремительно, многое уходит в прошлое, но в памяти человечества остается боль, горе тех лет. Страницы истории, написанные кровью и слезами миллионов сражавшихся за человеческие идеалы, перечитываются вновь и вновь. Война крепко сидит горьким комом внутри каждого из нас, и в сердце, и в душе, и в памяти, во всех наших мыслях. И помниться будет до самых последних наших дней… Разве существуют на свете снадобья или лекарства, которые смогут сгладить, залечить нанесенные войной глубокие раны и кровоточащие болью рубцы на сердце. Не в силах сделать это и времени, ибо даже оно не всесильно, и не все может изгладить из человеческой памяти…

История — это то, что уже свершилось. Пытаться исправить то, что уже состоялось, невозможно. Испокон веков живет в ветеранах потребность рассказать потомкам о прожитом и пережитом, передать им крупицы своего опыта, предостеречь от ошибок и промахов, чтобы память о тех, кто навсегда ушел в мир иной, не погибла, ибо, когда умирают свидетели, умирает правда.

Я попытался кратко изложить то, что пережил, лично видел или был свидетелем тех незабываемых дней…

Нам, переводчикам, при встрече в Берлине рассказывал коллега, который работал на процессе над главными военными преступниками, что тогда повидать отца приезжал из-под Кельна сын фельдмаршала — Эрнст-Александр Паулюс, бывший майор вермахта. Слова его выше я уже приводил, но не могу не повториться. В деревенской гостинице под Нюрнбергом Э-А Паулюс беседовал с нашим журналистом и сказал следующее: «Да, Германия сейчас в слезах, но придет время, и мы, побежденные, еще станем потешаться над вами, победителями. Помните, что завещал Великий Фридрих Шиллер: «Даже на могилах пробиваются яркие ростки надежды…» Вы слишком гордитесь своей победой, но скоро все вы — русские, и ваши союзники, разинете рты от изумления, когда избитая Германия поднимется. Так уже было после Версальского диктата, так будет и после Потсдамского…» Если описанное — правда, в чем я не сомневаюсь, то эти слова — пророческие.

И вот теперь, после развала СССР, немцы направляют к нам гуманитарную помощь. Многие — искренне, а некоторые — с припиской: «Побежденные» «победителям». Разве мог я подумать тогда, 50 лет назад, что в конце жизни окажусь на развалинах своей Родины, а «несокрушимая и легендарная» останется только в воспоминаниях еще живущих фронтовиков и «исторической памяти» остальных…

Однажды мне попалась в руки маленькая брошюра, с названием «Что сулит миру расчленение России». Автор, Иван Ильин, был мне тогда неизвестен. Написана она талантливо, содержит много неизвестных фактов. Постановка вопроса Ильиным мне тогда показалось дикой. Как можно расчленить могущественное государство, простирающееся от Балтики до Тихого океана, страну, победившую фашизм! И только гораздо позже я понял, какой прозорливостью обладал гениальный Иван Ильин — философ, высланный Лениным в числе многих других за границу.

Но я, думаю, с полным основанием могу, естественно, приведя в соответствие с нынешними реалиями, выразить веру в счастливое будущее своей Родины, ибо русский народ, как и немецкий, всегда находил в себе силы подняться.

Я верю в это, как верю в дружбу русского и немецкого народов, в будущем — двух самых больших наций в Европе.

И я полностью согласен с Почетным академиком Международной Славянской Академии, французским генералом Пьером-Мари Галуа, бывшим командиром эскадрильи, кавалером

Ордена Почетного Легиона, советником Президента Франции генерала Шарля де Голля, известным геополитиком, сказавшим: «Я просто рядовой исполнитель тех задач, которые моя эпоха поставила передо мной. Я лишь пытался оставить скромные следы о мире взаимоотношений народов и систем.

Я воевал, защищая Родину, но войну ненавижу. Я пытаюсь всегда найти решения, которые ведут к миру, и хочу, чтобы мир восторжествовал».